

Жизнь Флоренс Найтингейл, том 1 из
2

Сэр Эдвард Тайас Кук

THE LIFE
OF
FLORENCE NIGHTINGALE

BY
SIR EDWARD COOK

IN TWO VOLUMES

VOL. I

(1820-1861)

MACMILLAN AND CO., LIMITED
ST. MARTIN'S STREET, LONDON

1913

The Project Gutenberg eBook of The Life of Florence Nightingale, vol. 1 of 2

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Жизнь Флоренс Найтингейл, том 1 из 2

Автор: Сэр Эдвард Тайас Кук

Дата выхода: 16 июля 2012 [eBook #40057]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джинни Хаус, Йенсом Нордманном, Брайаном Нессом и группой онлайн-распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE LIFE OF FLORENCE NIGHTINGALE, VOL. 1 OF 2 ***

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНЦИИ СОЛОВЬЕВОЙ

MACMILLAN AND CO., Limited
ЛОНДОН - БОМБЕЙ - КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН
НЬЮ-ЙОРК - БОСТОН - ЧИКАГО
ДАЛЛАС - САН-ФРАНСИСКО

МАКМИЛЛАН CO. OF CANADA, Ltd.
ТОРОНТО

*Миссис Нейтингейл с дочерьми
1828*

С акварельного рисунка, хранящегося у миссис Канлифф.

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ

СЭРА ЭДВАРДА КУКА

В ДВУХ ТОМАХ

VOL. I

(1820-1861)

МАКМИЛЛАН И КО, ЛИМИТЕД
ST. MARTINS-СТРИТ, ЛОНДОН
1913

КОПИРАЙТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мужчины и женщины по отношению к своим бумагам делятся на накопителей и разбрасывателей. Мисс Найтингейл была кладовщицей, и, поскольку она дожила до 90 лет, количество бумаг, хранившихся в ее доме к моменту смерти, было очень велико. Бумаги, относящиеся к годам до 1861-го, были аккуратно убраны ею самой, и было очевидно, что не все было сохранено. После этой даты времени и сил на сортировку и прополку не хватало, и мисс Найтингейл, похоже, мало что выбрасывала. Даже испачканные листы промокательной бумаги, на которых она делала пометки карандашом, были сохранены. В завещании, составленном в 1896 году, она указала, что все ее письма, бумаги и рукописи, за некоторыми исключениями, должны быть уничтожены. Кодификацией, выполненной в следующем году, она отменила это распоряжение и завещала письма, бумаги и рукописи своему двоюродному брату, мистеру Генри Бонэму Картеру. После ее смерти бумаги были рассортированы в хронологическом порядке по его указанию, и они составили главную основу этих мемуаров.

Из явно автобиографических заметок мисс Найтингейл оставила совсем немного. В дату кодифиция, упомянутого выше, она, кажется, задумывалась о вероятности какого-то авторитетного отчета о своей жизни; в том же году она написала краткое резюме того, что она называла "Моя ответственность перед Индией", подробно описывая свои отношения со сменяющимися друг друга государственными секретарями, генерал-губернаторами и другими администраторами. Ее память в этих вопросах была по-прежнему точна, так как резюме полностью подтверждается письмами и другими документами, относящимися к разным датам, и добавляет некоторые личные детали. В частных письмах она иногда вспоминала эпизоды или события своей жизни, но таких упоминаний мало. Кроме того, за исключением нескольких лет, мисс Найтингейл не вела никакого формального дневника; и во время крымского эпизода она была слишком постоянно занята своими многочисленными обязанностями, чтобы найти время для многих частных заметок.

Таким образом, основным источником информации для "Жизни мисс Найтингейл" является вышеупомянутая коллекция документов, и они очень богаты информацией. Записи, в том или ином виде, ее ранних лет являются полными. Бумаги, касающиеся ее работы во время

Крымской войны, очень объемны, и я дополнил их изучение официальными документами о миссии мисс Найтингейл, которые хранятся, среди бумаг военного министерства, в Public Record Office. Ее документы, касающиеся государственных дел в период с 1856 по 1861 год, также очень объемными. После последней даты она, как уже говорилось, сохраняла почти все, даже все объявления, которые получала. Она часто делала пометки к важным письмам, которые отправляла, а иногда сохраняла их копии. Из официальных документов, печатных меморандумов, памфлетов, отчетов и возвращений она собрала огромную коллекцию. И хотя она не была постоянным дневником, у нее была привычка записывать на листках бумаги свои дела, впечатления, мысли, размышления, а также во многих случаях отчеты о беседах.

Коллекция писем, полученных мисс Найтингейл, и ее примечаний к письмам, отправленным ею, была дополнена, благодаря доброте многих ее корреспондентов или их представителей, письмами, которые были получены от нее. Я особенно обязан в этом отношении к заботе покойного сэра Дугласа Гальтона, чьи докете коллекция писем от мисс Найтингейл, взятые в сочетании с длинной серией его письма к ней, формирует основной авторитет для большей части записи ее деятельности в общественных делах. Ее письма к Джулиусу и Мэри Моул, возвращенные ей после смерти последней, представляют особый интерес. Среди кредиторов, которые пересылали письма друзьям по уходу за больными, я особенно обязан мисс Прингл и отцу покойной миссис Дэниел Моррис (мисс Рэйчел Уильямс). Мисс Прингл также одарила меня личными воспоминаниями.

За разрешение напечатать письма, написанные мисс Найтингейл, я в долгу перед многими из ее отношений, друзей и корреспондентов, или их представителей; так много, действительно, что я прошу их принять здесь общее признание. Я особенно обязан королю, который с удовольствием разрешил опубликовать письма королевы Виктории и некоторых других членов королевской семьи. Германский император любезно дал такое же разрешение в случае переписки с императрицей Фридрих. Вдовствующая великая герцогиня (Луиза) Баденская позволила мне процитировать длинную серию писем, адресованных ею мисс Найтингейл.

Рядом с письмами и другими бумагами, выше описано, наиболее ценный материал для жизни мисс Найтингейл содержится в ее собственных печатных трудах, многие из них опубликованы, некоторые (и эти, с биографической точки зрения, наиболее важно) частные печатные. В случае с Крымской войной, материал под обеими этими главами особенно обилён. Ее опубликованные "*Заметки о госпиталях*", "*Заметки о медсестрах*" и другие работы, относящиеся к этим темам, а также распространяемые частным образом "*Обращения к испытуемым*" дополняют ее частные записи. Для ее внутренней жизни особое значение имеет ее частная печатная книга "*Предложения для размышления*".

Список печатных трудов мисс Найтингейл (как опубликованных, так и распространяемых частным образом) приводится в конце второго тома (*Приложение А*). Моей целью при составлении этого списка была биографическая иллюстрация, а не библиографический минимум. Я не включил в него все статьи из-под пера мисс Найтингейл, которые появились в печати, но привел все, что прямо или косвенно упоминается в "*Мемуарах*" или имеет какое-либо значение. Этот список, я надеюсь, будет служить двойной цели. Он позволяет мне сократить в тексте ссылки на мои авторитеты; и он обеспечивает, в хронологическом

порядке, конспект различных видов деятельности мисс Найтингейл, насколько они были отражены в ее печатных трудах.

Наконец, есть много биографического материала, не только в Синие книги и официальные отчеты, но и в писаниях о мисс Найтингейл. За исключением случаев Крымской войны, где многие очевидцы записали свои наблюдения или впечатления, этот материал не все имеют большую ценность. На протяжении всей последующей жизни мисс Найтингейл была скрыта от посторонних глаз; из нее выросла несколько легендарная фигура, и именно она по большей части фигурирует в книгах о ней. Однако эта тема полностью раскрыта во Вводной главе. В *Приложении Б* я привожу краткий список работ, посвященных мисс Найтингейл. Здесь, опять же, цель не библиографическая. Существует огромная масса подобных работ, и полный список вышел бы за рамки биографии. Я включил в список только авторитетные источники или такие другие книги и т. д., которые по тем или иным причинам (объясняемым в примечаниях к каждому пункту) показались мне важными для мемуаров. Этот второй список также служит цели упрощения ссылок в тексте.

В третьем Приложении (С) я перечислил основные портреты мисс Найтингейл. Там же можно найти примечания к тем из них, которые воспроизведены в этой книге. Я обязан любезности сэра Уильяма Ричмонда и сэра Гарри Верни за включение портрета, который является фронтисписом ко второму тому, и миссис Канлифф за фронтиспис к настоящему тому.

Душеприказчикам мисс Найтингейл я обязан за доверие, которое они проявили, доверив ее документы моему усмотрению. Биография ничего не стоит, если она не искренняя. Целью настоящей книги было рассказать правду о ее предмете, и я делал свою работу, не поддаваясь сознательному искушению подавить, преувеличить, смягчить или исказить. От исполнителей мисс Найтингейл, а также от других ее друзей и родственников, я получил помощь и информацию, которая была очень полезной. Особенно я обязан ее двоюродной сестре, миссис Воган Нэш, которая была достаточно добра, чтобы прочитать мою книгу, как в рукописи, так и в корректуре, и которая на протяжении всего времени помогала мне с ценной информацией, исправлениями, предложениями и критикой. Это обязательство заставляет меня добавить, что за любые недостатки в книге, будь то совершенные или упущенные, я один должен нести вину.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Вступление	xxiii
ЧАСТЬ I	
СТРЕМЛЕНИЕ (1820-1854)	
ГЛАВА I	
ДЕТСТВО И ВОСПИТАНИЕ (1820-1839)	
Имя, происхождение и род. II.	3

Обстоятельства жизни ее отца - ее ранние дома - Лиа Херст (Дербишир) - описание миссис Гаскелл - Эмбли Парк (Хэмпшир). III. Ранние годы - деревенская жизнь - домашние интересы - болезненное напряжение. IV. Воспитание дочерей мистером Найтингейлом - история, классика, философия - анекдоты о предполагаемом раннем призвании Флоренс к уходу за больными - дата ее "обращения к Богу". (1837). V. Большое путешествие (1837-9 гг.) - интерес к социальным и политическим условиям - итальянские беженцы в Женеве - беседы с Сисмонди - посещение Флоренции - развлечения и музыка. VI. Зима в Париже (1838-9 гг.) - дружба с Мэри Кларк (мадам Моль) - салон мадам Рекамье. Социальные "соблазны"

ГЛАВА II ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ (1839-1845)

Борьба за свободу. Жизнь в Лондоне - Музыка - Заговор в спальне. II. Жизнь в загородном доме - очарование Эмбли - контраст между Флоренс и ее сестрой. III. Семейный круг - "мальчик" Флоренс - Флоренс в роли "чрезвычайного человека" - ее старая няня - письмо мисс Кларк по поводу смерти М. Фориеля - театральные постановки в аббатстве Уэверли - Флоренс в роли режиссера. IV. Друзья и соседи - лорд Пальмерстон - Луиза - леди Эшбертон - миссис Брейсбридж. V. Разговор Флоренс - Социальная привлекательность - Личная внешность: описания леди Лавлейс и миссис Гаскелл. VI. Неудовлетворенность общественной жизнью - неудовлетворительность жизни девушки дома - страдания от того, что ей читают вслух - ведение домашнего хозяйства. VII. Растущее чувство призвания - частные занятия - мысли о работе медсестрой - первый рывок к свободе (1845): неудача

ГЛАВА III ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Уныние. Дружба с мисс Николсон:
 религиозные переживания и рассуждения -
 Письма к мисс Николсон и мисс Кларк. II.
 Реальность невидимого мира - осуждение
 греха - адские муки - жажда праведности -
 "Все ради любви к Богу". III. Самостоятельное
 развитие религиозной мысли мисс
 Найтингейл - служение Богу как служение
 человеку - проверка религиозной доктрины
 практическими результатами - отношение к
 римскому католицизму - стремление к церкви
 дел, а не доктрин

ГЛАВА IV РАЗОЧАРОВАНИЕ (1846-1847)

"Разочарование - сухой и горький корень".
 Стремление к своему идеалу - препятствия на
 пути к принятию сестринского дела -
 общественные предрассудки - низкое
 уважение к медсестрам в то время -
 Кайзерсвертский "институт для дьяконисс".
 II. Растущее отвращение к рутине домашней
 жизни. III. Социальные отвлечения (1847) -
 Дженни Линд - Британская ассоциация в
 Оксфорде - женитьба на мисс Кларк -
 поездки за границу

ГЛАВА V ЗИМА В РИМЕ И ПОСЛЕ (1847-1849)

Путешествие, подтвердившее призвание.
 Осмотр достопримечательностей Рима -
 восхищение Михаилом Анджело - открытие
 Сикстинской капеллы - одержимость Римом.
 II. Итальянская политика - Пио Ноно как
 герой-патриот. III. Монастырь Тринита-де-
 Монти - изучение римской доктрины и
 ритуалов - дружба с матерью Ста Коломба -
 уединение в монастыре - секрет
 преданности. IV. Встреча с мистером и
 миссис Сидни Герберт и с Мэннингом -
 лондонский сезон - дружба с лордом
 Шафтсбери - самообвинения. V.
 Предполагаемый визит в Кайзерсверт (1848):
 снова разочарование - знакомство с Гизо -
 работа в школе для детей младшего возраста

в Лондоне

ГЛАВА VI

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ: ЕГИПЕТ И ГРЕЦИЯ

(1849-1850)

Еще одно бесплодное отвлечение. Зима в Египте - Фивы - состояние народа - впечатления от египетских пейзажей. II. Афины - дорическая архитектура - греческие пейзажи. III. Политические дела - кризис "Дон Пасифико" - Ионические острова: один день с верховным комиссаром. IV. Американские миссионеры в Афинах - Дрезден - визит в Кайзерсверт. V. Литературный "соблазн" - Ее взгляд на литературное *искусство-Письма из Египта*

84

ГЛАВА VII

ОДИНОКАЯ ЖИЗНЬ

Три пути. Почему Флоренс Найтингейл не вышла замуж - ее критика Доротеи в "*Миддлмарче*". II. Предложения о замужестве - Ее идеал брака - Три природы. III. Преданность своему призванию - стремление открыть новые сферы для женщин.

96

ГЛАВА VIII

УЧЕНИЧЕСТВО В КАЙЗЕРСВЕРТЕ

(1851)

Возобновление борьбы за независимость. Отсутствие симпатии между ней и ее родителями и сестрой - несчастье дома - "голодная" жизнь. II. Растущий дух бунта - необходимость ученичества. III. Второе посещение Кайзерсверта - возникновение института - рассказ о его работе - ее жизнь там. IV. Сочувствие ее родственников - их надежда на то, что ученичество будет лишь эпизодом

104

ГЛАВА IX

ИНТЕРЛЮДИЯ

(1852)

Переломный момент. Терпение и спокойствие: ожидание удобного случая. II. С отцом в Умберслейд - лечение водой - смерть тети Эванс - встреча с Джорджем Элиотом и миссис Браунинг - посещение Дублина и Бирк-холла (сэр Джеймс Кларк). III. Литературные "произведения" - Разговор с "тетей Май" - Новая религия для артизанок. IV. Маленький кусочек дипломатии - Флоренция будет свободна в определенное время в будущем. V. Последняя попытка удержать ее дома.

ГЛАВА X СВОБОДА. ПАРИЖ И ХАРЛИ-СТРИТ (1853 - октябрь 1854)

Визит в Париж - учеба в госпиталях - возвращение в Англию: смерть бабушки. II. Мисс Найтингейл приглашают возглавить учреждение на Харли-стрит. III. Возвращение в Париж - учеба у сестер милосердия - болезнь. IV. Суперинтендант "Больницы для джентльменов" на Харли-стрит - Нежное искусство управления комитетами - Ее призвание найдено - Последняя попытка позвать ее обратно. V. Отпуск в Леа Херст - визит миссис Гаскелл - вспышка холеры: возвращение в Лондон. VI. Ограниченные возможности на Харли-стрит - предложение мисс Найтингейл стать матроной в больнице Королевского колледжа - пророчество леди Лавлейс

ЧАСТЬ II КРЫМСКАЯ ВОЙНА (1854-1856)

ГЛАВА I ПРИЗЫВ (октябрь 1854 г.)

Битва при Альме - Специальный корреспондент "Таймс" - Состояние госпиталей в Скутари - Народное возмущение - Призыв о помощи медсестрам. II. Ответ на призыв - леди Мария Форестер и мисс Найтингейл - Сидни Герберт и мисс Найтингейл. III. Письма, которые

пересеклись - Предложение мисс Найтингейл: Предложение Сиднея Герберта - Официальные инструкции мисс Найтингейл. IV. Сотрудничество фонда "Таймс" - отбор медсестер для экспедиции. V. Поведение мисс Найтингейл - карманная книжка и некоторые письма

ГЛАВА II

ЭКСПЕДИЦИЯ - ПРЕДСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Начало экспедиции-Невозможность получить Сестры милосердия в Париже- Прием экспедиции во Франции-Отъезд из Марселя. II. Народный энтузиазм в Англии - Рассказ о мисс Найтингейл в газетах - Общественные подписки - Другие медсестры добровольцы. III. Планы мисс Найтингейл - Важность ее эксперимента - Трудности впереди - Военные предрассудки: Письма сэра Энтони Стерлинга - Ревность медиков: Письма сэра Джона Холла - Религиозное соперничество - Политика мисс Найтингейл

162

ГЛАВА III

ГОСПИТАЛИ В СКУТАРИ

Прибытие в Золотой Рог. Госпитали Скутари - Главный госпиталь - Барачный госпиталь: помещения для мисс Найтингейл и ее персонала - Дворцовый госпиталь - Госпитали Кулали. II. Состояние больниц к приезду мисс Найтингейл - Доклад комитета Роебука - Ужасный уровень смертности - Корень зла: разделение ответственности - Необходимость индивидуальной инициативы

171

ГЛАВА IV

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Битва под Балаклавой. Прием мисс Найтингейл в Скутари: письмо от лорда Раглана - Трудности с врачами - Мисс Найтингейл за работой в палатах - Трудности с медсестрами. II. Отправка второй партии медсестер под руководством мисс Стэнли в сопровождении мистера Джослина Перси - возмущенное удивление мисс Найтингейл - обещание мистера Герберта не посылать

181

больше медсестер, кроме как по ее просьбе -
опасность испортить эксперимент -
противодействие медиков - усиление
религиозных трудностей - договоренности о
размещении партии Стэнли - значимость
эпизода в связи с новизной эксперимента.
III. Недостаток средств в больницах -
обращение мисс Найтингейл к британскому
послу - ее реформы в области стирки - ее
кухни "Extra Diet" - Алексис Сойер - печальная
участь последователей лагеря - Создание
больницы для лежачих больных - доктор
Эндрю Смит и женский глаз

ГЛАВА V АДМИНИСТРАТОР

Разнообразные функции мисс Найтингейл.
Поставщик - помощник госпиталей -
Неведение посла относительно истинного
положения вещей - Недостатки в магазинах -
Караван-сарай мисс Найтингейл в "Башне
сестер" - Ее запасы выдаются только по
медицинским заявкам - Задержки в
получении доступа к правительственным
магазинам - Находчивость мисс Найтингейл
в получении запасов - Ее подарки
французским и сардинским госпиталям -
Абсурды правил поставки. II. Одежда для
раненых - причина нехватки рубашек: 50 000
выдано из запасов мисс Найтингейл. III.
Строитель - подготовка мисс Найтингейл
новых палат для дополнительных пациентов
из Крыма. IV. Ее ответственность - строгость
управления - "Бесплатные подарки"
королевы - правила и исключения - ценность
ее инициативы - одобрение Сидни Герберта -
мистер Кинглейк и "женское
прикосновение".

ГЛАВА VI РЕФОРМАТОР

Мисс Найтингейл как вдохновительница
реформ - Источники ее влияния -
Благосклонность двора - Письмо королевы
Виктории: ее подарки солдатам. II. Отчеты
мисс Найтингейл Сиднею Херберту -
Характер ее писем. III. Ее настоятельные

199

213

просьбы о предоставлении магазинов -
отправка исполнительной санитарной
комиссии - реформы мисс Найтингейл в
обращении с правительственными
магазинами - другие реформы,
причитающиеся ей. IV. Ее предложение о
систематической реорганизации -
Предложенные улучшения в медицинской
службе. V. поведение мисс Найтингейл в
Скутари-Описание S. G. O.-Расстояние ее
влияния-Эффективность "идти к мисс
Найтингейл"

ГЛАВА VII АНГЕЛ-СЛУЖИТЕЛЬ

Двойное положение мисс Найтингейл:
администратор и медсестра. Внутренняя
сила работы - ее внимание к больным и
раненым - ее полуночные бдения -
знаменитая лампа - солдаты, целующие ее
тень - обожествление мужчинами. II.
Переписка с родственниками и друзьями
раненых солдат. III. Напряжение сил мисс
Найтингейл - бремя переписки - ее
помощники - мистер и миссис Брейсбридж.
IV. Схемы помощи солдатам - мистер Огастус
Стаффорд, санитары и мисс Найтингейл.

233

ГЛАВА VIII РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМА

Природа религиозной проблемы.
Соперничество между церквями - Различные
претензии на "представительство" среди
медперсонала - "антипусейские" нападки. II.
Позиция мисс Найтингейл в этой перепалке.
III. Трудности, возросшие с появлением
партии мисс Стэнли - обвинения в
прозелитизме - неправильное толкование
указаний лорда Панмура. IV. Усугубление
религиозными распрями трудностей с
получением эффективных медсестер -
беспокойство, вызванное мисс Найтингейл

244

ГЛАВА IX В КРЫМУ - БОЛЕЗНЬ (май-август 1855 года)

Осада Севастополя. Госпитали в Крыму - полномочия мисс Найтингейл там четко не определены - ее прибытие в Балаклаву. II. Посещение фронта - сэр Джон Макнилл. III. Работа в госпиталях - Атака "крымской лихорадки" - Беспокойство в Англии и в госпиталях - Визит лорда Раглана. IV. Мисс Найтингейл советуют вернуться в Англию - ее отказ - возвращение в Скутари - постепенное выздоровление - "Героические мертвецы"

ГЛАВА X

ПОПУЛЯРНАЯ ГЕРОИНЯ

Сочувствие в Англии, вызванное болезнью мисс Найтингейл. Популярная героиня: письма леди Верни. II. Поэзия Семи циферблатов, стихи, песни, жизни, портреты и т. д. - взгляд мисс Найтингейл на все это. III. Общественный мемориал в ее честь - Фонд Найтингейл - Речи на общественном собрании - Характер мемориала - Подписки от армии - Ревность медиков - Вручение драгоценного камня королевой

ГЛАВА XI

СОЛДАТСКИЙ ДРУГ

Мисс Найтингейл заботится о моральном благополучии солдат - ее вера в возможность реформ. II. Ее письмо королеве о пьянстве в армии: рассмотрение кабинетом министров - открытие мисс Найтингейл бюро денежных переводов в Скутари - открытие правительственных учреждений - "Инкерманское кафе" - сэр Генри Сторкс - влияние мисс Найтингейл на солдат. III. Создание читальных залов и классных комнат

ГЛАВА XII

СНОВА В КРЫМУ

(сентябрь 1855 - июль 1856)

Падение Севастополя: второй и третий визиты мисс Найтингейл в Крым. Трудности ее работы в Крыму - ее "каре́та" - госпитальные домики на высотах над

Балаклавой - ее сверхдиетические кухни. II.
Противодействие ей в военных и
медицинских учреждениях -
противодействие сэра Джона Холла -
трудности с монахинями - оспаривание
авторитета мисс Найтингейл. III. Ее призывы к
дому о поддержке - переписка с Сиднеем
Гербертом - депеша государственного
секретаря, определяющая ее полные
полномочия в Крыму, обнародованные в
общих приказах - изнурительные труды в
Крыму: завещательные распоряжения. IV.
Тяжелая работа в Скутари - Письма от тети,
которая была с мисс Найтингейл -
Рождественский день в британском
посольстве - Полковник Лефрой

ГЛАВА XIII КОНЕЦ ВОЙНЫ - ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ (Июль-август 1856 года)

Мир. Возвращение медсестер - дань
уважения мисс Найтингейл своим "главным
помощникам". II. Благодарность
правительства мисс Найтингейл -
благодарность солдат - предложение
военного корабля для ее возвращения - речь
лорда Элсмира в палате лордов. III.
Возвращение мисс Найтингейл-Публичность
избегать-Нет "трофеи войны". IV. Ее крымская
работа как отправная точка

299

ЧАСТЬ III ЗА ЗДОРОВЬЕ СОЛДАТ (1856-1861)

ГЛАВА I КОРОЛЕВА, МИСС НАЙТИНГЕЙЛ И ЛОРД ПАНМУР (август-ноябрь 1856 года)

"Запутавшись в войне": благоприятный
момент для реформ. Использование
возможности после Крымской войны для
улучшения санитарного состояния
британской армии - сотрудничество Сиднея
Герберта и мисс Найтингейл. II. Ее страстное
желание уменьшить предотвратимую
смертность в будущем - анализ показателей

311

смертности в армии в мирное время - ее восхищение героизмом британского солдата - ее возможности и чувство ответственности. III. Короткий отпуск в Lea Hurst-знакомство с мистером Kinglake-приглашение сэра Джеймса Кларка в Баллатер-визит королевы Виктории, вероятно, мисс Nightingale подготовки: консультации с сэром Джоном McNeill и полковник Лефрой-мисс Nightingale план кампании. IV. Первый визит в Балморал - визит королевы к сэру Дж. Кларку - беседы с королевой и принцем-консортом - мисс Найтингейл просит остаться для встречи с военным секретарем. V. Ожидание лорда Панмура - советы сэра Дж. Макнейла - "командный визит" на Балморал - беседы с лордом Панмуром - назначение королевской комиссии - обещание - создание армейской медицинской школы - мисс Найтингейл должна отчитаться о своем опыте. VI. Конференции "кабинета" мисс Найтингейл - предварительный выбор королевских комиссаров: проект их инструкций - беседа с лордом Панмуром в Лондоне: выигранные и проигранные очки - *персонал* комиссии

ГЛАВА II

ПОСЕВ СЕМЯН

(ноябрь 1856 - август 1857 гг.)

Сила пассивного сопротивления департаментов: задержка с созданием комиссии. Высказывание лорда Панмура - "Бизон поддается запугиванию" - оружие мисс Найтингейл в резерве: ее потенциальное владение общественным ухом. II. Совет Челси": *дело* Макнилла-Туллоха - давление *парламента* на правительство. III. Дружба мисс Найтингейл с лордом Стэнли - Мисс Найтингейл и китайская экспедиция - Больница Нетли - Ее переговоры с лордом Панмуром - Визит к лорду Пальмерстону - Ее "борьба за павильон". IV. Ее подготовка к Королевской комиссии путем написания собственного официального отчета - инструкции лорда Панмура - этот отчет, самая замечательная из ее работ - рассказ о нем. V. Эксперты и мисс Найтингейл - ее инспекция госпиталей

и казарм - посещение Чатема - реформа в Челси - мисс Найтингейл и Роберт Лоу - предлагаемая армейская медицинская школа - ее предложения о читальных залах для солдат. VI. Создание Королевской комиссии - беседа с лордом Панмуром - пересмотр инструкций - работа мистера Герберта в качестве председателя - помощь мисс Найтингейл - доктор Сазерленд - беседы со свидетелями, предложения по их допросу - ее собственные показания. VII. Отчет комиссии - его главная особенность, высокий уровень смертности в казармах - мистер Герберт и мисс Найтингейл решились на обеспечение быстрых реформ.

ГЛАВА III

ПРИНУЖДЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ ОТЧЕТА

(август-декабрь 1857 года)

Частая бесполезность королевских комиссий. Планы мистера Герберта и мисс Найтингейл по предотвращению опасности- Предложена серия подкомиссий для решения деталей реформы-Лорд Панмур уехал в Шотландию-Департаментские возражения-Задержка в назначении подкомиссий-Труды мисс Найтингейл. II. Переутомление - увещевания доктора Сазерленда - ее отказ от отдыха. III. Мятеж в Индии - предложение мисс Найтингейл уехать. Ее жизнь в этот период - ежедневная работа мисс Найтингейл с ее союзниками - плохое здоровье - завещательные распоряжения

362

ГЛАВА IV

ПОЖИНАНИЕ ПЛОДОВ

(1858-1860)

Плоды трудов мисс Найтингейл. Публикация отчета Королевской комиссии - ее меры по привлечению внимания к уровню смертности; обеспечение рецензий на отчет. II. Отставка правительства лорда Пальмерстона - генерал Пил, новый военный министр - беспокойство мисс Найтингейл по поводу нового генерального директора Медицинского департамента армии -

375

разочарование генерала Пила - плохое самочувствие мисс Найтингейл - замужество ее сестры - перегруженность работой мистера Герберта. III. Работа Комиссии по казармам и госпиталям: Мисс Найтингейл и кухни - работа с мистером Гербертом и доктором Сазерлендом в связи с другими подкомиссиями - снова больница Нетли - документы мисс Найтингейл о строительстве больниц (1858). IV. Частное распространение ее отчета на лорда Панмура - мисс Найтингейл и герцог Кембриджский - сотрудничество Гарриет Марино с мисс Найтингейл - *ее вклад в санитарную историю британской армии* (1859). V. Отставка правительства лорда Дерби - мистер Герберт, военный секретарь - Реформы в казармах - Назначение постоянного Комитета по казарменным работам (впоследствии названного Санитарным комитетом армии) - Школа кулинарии - Улучшение медицинской статистики армии - Учреждение медицинской школы армии: Мисс Найтингейл как ее основательница: нынешний колледж - другие реформы, проведенные благодаря ей. VI. Результаты реформ мистера Герберта - Мисс Найтингейл отдает ему должное - Их сотрудничество

ГЛАВА V

СМЕРТЬ СИДНИ ГЕРБЕРТА

(1861)

Расстройство здоровья мистера Герберта. Его беседа с мисс Найтингейл (декабрь 1860 г.): решение отказаться от Палаты общин - создание лорда Герберта Леа - ее настойчивые требования реформировать военное ведомство - отказ от этой попытки - создание Главного военного госпиталя в Вулвиче - введение женского ухода - его последнее письмо мисс Найтингейл - его смерть (2 августа) - "Наша совместная работа не закончена". II. Горе мисс Найтингейл - абитуриентские заметки о нем - беседа мистера Гладстона с ней - ее меморандум о реформах лорда Герберта - ее попытка заинтересовать мистера Гладстона в их

завершении - его ответ - публичное собрание
в поддержку мемориала Герберта. III. Дружба
между Сиднеем Гербертом и мисс
Найтингейл

ЧАСТЬ IV

БОЛЬНИЦЫ И СЕСТРИНСКОЕ ДЕЛО (1858-1861)

ГЛАВА I

РЕФОРМАТОР БОЛЬНИЦ

(1858-1861)

Работа мисс Найтингейл с Сиднеем
Гербертом продолжалась одновременно с
другой работой. Ее место как санитары - Ее
престиж как авторитета в области больниц -
Ее *"Заметки о больницах"* - Общее
состояние больниц в то время - Влияние ее
книги - Мисс Найтингейл широко
консультировалась по вопросам
строительства больниц, в стране и за
рубежом. II. Королевский лазарет в
Манчестере и больница Святого Фомы в
Лондоне: битва за место - мисс Найтингейл и
принц-консорт

415

ГЛАВА II

СТРАСТНЫЙ СТАТИСТИК

(1859-1861)

Статистика как страсть. Изучение мисс
Найтингейл работ Квитела - небрежный
статистический учет во время Крымской
войны - ее модель статистических форм для
больниц - преимущества, которые можно
извлечь из таких данных - Международный
статистический конгресс в Лондоне (1860) -
союз мисс Найтингейл с доктором Фарром -
принятие ее форм - прием делегатов - тираж
ее статьи - частичное принятие ее схемы
лондонскими и другими больницами. II. Ее
выступления в защиту лучшего
использования государственной статистики -
ее усилия по расширению сферы
применения переписи 1861 года - переписка
с мистером Лоу и сэром Джорджем Льюисом
- обращение к лордам

428

ГЛАВА III

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА СОВРЕМЕННОГО СЕСТРИНСКОГО ДЕЛА

(1860)

439

Три великих вклада XIX века в облегчение страданий людей при болезнях. Место мисс Найтингейл в истории сестринского дела - основательница не сестринского дела, а современного сестринского дела - ее особая способность направлять тенденции времени в сторону улучшения сестринского дела. II. Состояние сестринского дела в то время - влияние мисс Найтингейл в поднятии его от рутинной работы до обученной профессии. III. Сила ее *примера - энтузиазм*, вызванный ею среди женщин. IV. Сила ее наставлений - *"Записки по уходу за больными"* (1859-60 гг.) - учебник "Новая модель в уходе за больными" - популярность книги - воспоминания о Крыме - "Уход за ребенком". V. Некоторые особенности книги: общее понимание принципов в сочетании с мельчайшими деталями, тонкость наблюдения и тонкость сочувствия, эпиграмматическое выражение. VI. Важность обучения искусству ухода за больными - *"Записки"* как прелюдия к *практике*

ГЛАВА IV

СОЛОВЬИНЫЕ СЕСТРЫ

(1860-1861)

456

Важность школы подготовки медсестер - Ранняя история "Фонда Найтингейл" - Накопление денег во время поглощения мисс Найтингейл другой работой - Назначение рабочего комитета (1859) - Решение основать школу подготовки в связи с больницей Святого Томаса - Характер миссис Уордропер, матроны больницы. II. Основные принципы схемы мисс Найтингейл: (1) технические - учебная школа; лекции, экзамены, отчеты и т. д.; (2) моральные - дом. III. Контроль мисс Найтингейл - Благоприятное начало работы школы. IV. Дальнейшее применение Фонда Найтингейл для подготовки акушерок. V. Широкое влияние школы Найтингейл - Новизна эксперимента - Медицинская

оппозиция в начале - От парадокса к
обыденности

ГЛАВА V

РЕЛИГИОЗНАЯ САНКЦИЯ: "ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ" (1860)

Религиозная санкция, лежащая в основе
трудовой жизни мисс Найтингейл -
возобновление ее теологических спекуляций
- издание *"Предложений для размышления"* -
общий характер книги. II. Мисс Найтингейл и
Джон Стюарт Милл - ее знакомство с
Бенджамином Джоуэттом - книга,
представленная им - совет Милла, что она
должна быть опубликована, Джоуэтта, что
она не должна - литературные недостатки -
ее нетерпение литературного пересмотра. III.
Объем книги - Величие стиля - Объяснение
противоположных советов Милля и Джоуэтта.
IV. Происхождение книги - набросок ее
теологической системы - Мысли о молитве -
Бог как закон - Влияние Квитела - Доктрина
человеческой совершенности как
объяснение существования зла - Свобода
воли и необходимость - Вера в будущую
жизнь - Философия истории - Мотив
человеческого поведения. V. Отношение
мисс Найтингейл к современным
вероучениям, протестантским и
католическим. VI. Духовная интенсивность, с
которой она придерживалась своего
вероучения

468

ГЛАВА VI

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ ДОМА (1858 1861)

Продолжение нездоровья - Тяжелая болезнь
и ожидание скорой смерти - Постоянная
работа - Мнения врачей - Необходимость
беречь силы. II. Последующий образ жизни -
трудолюбивая отшельница - помощь друзей -
А. Х. Клаф - ее дядя, мистер С. Смит, и ее
личная переписка. III. Места ее проживания -
Хайгейт и Хэмпстед - отель "Берлингтон" в
Лондоне - предложение королевы о комнатах
в Кенсингтонском дворце: почему отказалась
- ее кошки. IV. Чтение и музыка - ее

491

итальянские симпатии. V. Уединение от посетителей, друзей и родственников - мисс Найтингейл и ее отец. VI. Переписка с друзьями - Ассоциации отеля "Берлингтон".

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА

Миссис Найтингейл с двумя дочерьми: 1828. (С акварельного рисунка, хранящегося у миссис Канлифф)

Фронтиспис

Флоренс Найтингейл около 1845 года. (С карандашного рисунка ее кузины, мисс Хилари Бонэм Картер, хранящегося у мисс Б. А. Клаф)

38

Флоренс Найтингейл: около 1858 года. (С фотографии, сделанной Гудманом)

394

ВВЕДЕНИЕ

Среди памяток мисс Найтингейл о книгах и чтении есть следующее предписание: "В предисловии к книге должно быть указано значение того, о чем она будет рассказывать, чтобы читатель мог понять, для чего он читает". Это высказывание характерно для методичного и позитивного духа, который, как мы узнаем, был одним из доминирующих в работе и характере мисс Найтингейл. На каждом этапе она хотела точно знать, к чему стремится тот или иной человек, книга или учреждение. "Из всех человеческих звуков, - говорила она, - я думаю, что слова, которых я не знаю, самые печальные". По ее мнению, если книга не хочет сказать чего-то определенно важного, ее лучше не писать; а чтобы сэкономить время читателя и приковать его внимание, ему следует сразу сказать, в чем заключается значение книги. Это, хотя и жесткое высказывание, но, возможно, не вредное даже для биографов. Во всяком случае, как биограф мисс Найтингейл, я вынужден подчиниться ее предписанию. Поэтому в этой вводной главе я предлагаю изложить, в чем, по моему мнению, состоит значение и важность жизни мисс Найтингейл, и какую работу она проделала в мире.

I

"В ходе жизненного опыта, который вряд ли кто-либо когда-либо имел, я всегда обнаруживала, - говорит мисс Найтингейл, [1], - что никто никогда не заслуживает своего характера. Будь он лучше или хуже настоящего, он всегда не похож на него". Ни к кому это высказывание не относится в большей степени, чем к ней самой. "Ваша судьба, - сказал ей однажды мистер Джоуэтт, - стать Легендой при жизни". Теперь, ничто не является более устойчивым, чем легенда; и легенда Флоренс Найтингейл стал фиксированным рано в ее жизни - в то время, действительно, до того, что в котором ее лучшая работа в мире, как она думала, началась. В народном воображении мисс Найтингейл представляется высокопоставленной девушкой, которая, движимая волной жалости, отказалась от удовольствий модной жизни ради ужасов Крымской войны; которая ходила по госпиталям Скутари с лампой, разбрасывая цветы утешения и заботы; которая по окончании войны ушла в частную жизнь и с тех пор жила в уединении комнаты больного - уединении, которое

менялось лишь добрыми делами для госпиталей и медсестер и милосердными и сентиментальными утхами. Я, конечно, не хочу сказать, что это все, что о ней знали или писали. Такое предположение было бы далеко от истины. Но популярное представление о жизни Флоренс Найтингейл было основано на некоторых таких строках, как я указал, и общая концепция ее характера до сих пор основана на них. Легенда была закреплена поэмой Лонгфелло и "*Золотыми делами*" мисс Йонге. Ее росту способствовал факт уединения мисс Найтингейл, скрытый, почти тайный, способ, в котором она работала, ее избегание публичности, ее крайняя сдержанность в отношении себя. Только сейчас, когда стали доступны ее документы, можно узнать ее настоящую жизнь. В популярной легенде есть некоторые элементы правды, но она настолько далека от истины, что производит общее впечатление всего, кроме правды. Реальная Флоренс Найтингейл сильно отличалась от легендарной, но и была более великой. Ее жизнь была построена на более масштабных линиях, ее работа имела большее значение, чем принадлежит легенде.

Крымская война была не первой, и уж тем более не последней, значимой вещью в жизни мисс Найтингейл. История ее ранних лет - это история становления характера. Она показывает нам девушку с высокими природными способностями и значительной привлекательностью, чувствующую себя на пути к идеалу как на практике, так и в предположениях. Найдя его, она восстала против домашней обстановки. Мы увидим, как она последовательно, хотя и с самоистязанием, упорно идет к своему идеалу, преодолевая как препятствия, так и соблазны обстоятельств. Она уже отслужила ученицей, когда пришел призыв в Крым. Это был призыв не к "жертвоприношению", а к исполнению самых заветных желаний - к активной полезной жизни. Такова тема *первой части*, которую я назвала "Стремление".

Многие другие женщины прошли через подобный опыт. Но в случае с Флоренс Найтингейл они имеют особое значение - как историческое, так и личное. Тот гламур, который окружал ее службу в Крыму, та широкая мировая известность, которую получили ее имя и поступки, придали особую значимость ее борьбе за свободу. Делать "как Флоренс Найтингейл сделал" стал объектом подражания, что обеспеченный мир отныне был готов потворствовать, или даже одобрить; и, таким образом, история ранних лет мисс Найтингейл является историей пионера, с одной стороны, в эмансипации женщин.

Для понимания ее последующей жизни ранние годы имеют огромное значение. Они дают ключ к разгадке ее характера и объясняют многое, что в противном случае могло бы вызвать недоумение или путаницу. С огромными трудностями и дорогой ценой она приобрела свое право по рождению - свой идеал самовыражения в труде. По возвращении из Крыма она, с одной стороны, благодаря своей славе, оказалась в положении особых возможностей, с другой - из-за болезни - в положении особой немоции. Отныне она строила свою жизнь так, чтобы эти два фактора соответствовали дальнейшему осуществлению ее идеала. Мне нет нужды объяснять, что последующие главы в изобилии проиллюстрируют. Скажу лишь, что результатом этого стал образ жизни и работы, одновременно необычный и, по крайней мере для меня, представляющий огромный интерес.

Вторая часть мемуаров посвящена Крымской войне. Популярное представление о работе мисс Найтингейл во время этого эпизода в ее жизни не является неправдой, насколько это

идет, но это удивительно мало от всей правды, как теперь установить из ее документов. Народное воображение представляет Флоренс Найтингейл в Скутари и в Крыму как "ангел-служитель". И такой она была на самом деле. Но более глубокое значение ее работы в Крымской войне лежит в другом месте. Именно как администратор и реформатор, а не как ангел, она проявила свои особые способности. Королева Виктория, с присущей ей проницательностью и легким юмором, в лаконичных словах раскрыла правду о заслугах мисс Найтингейл в Крыму: "Такая ясная голова. Хотела бы я иметь ее в военном министерстве".

Влияние службы мисс Найтингейл в Крыму было огромным. Некоторые из них очевидны, и в моральном плане поэма Лонгфелло сказала первое и последнее слово. Ее также можно считать если не основательницей, то пропагандисткой женского сестринского дела на войне, а общества Красного Креста по всему миру, как мы узнаем, являются прямым результатом ее трудов в Крыму. Косвенные и менее очевидные результаты были во многих сферах. Из больничной палаты в Вест-Энде Лондона мисс Найтингейл сыграла роль - и гораздо большую, чем можно было бы узнать без доступа к ее бумагам - в реформировании санитарной администрации британской армии, в реконструкции больниц по всему миру, в создании современного искусства сестринского дела, в создании санитарной администрации в Индии и в продвижении различных других реформ в этой стране.

Возвращение мисс Найтингейл из Крыма, как видно, не было концом ее активной жизни. В каком-то смысле это было начало. Уход за больными в Скутари и в Крыму был эпизодом. Слава, которой она избегала, но которая, тем не менее, пришла к ней, дала ей отправную точку для работы, которой, как она надеялась и как в значительной степени было дано, было суждено постоянно служить ее стране и миру. Первая глава *третьей части* показывает, как она строит свои планы по оздоровлению британского солдата, а последующие главы рассказывают о том, что за этим последовало. Это период тесного сотрудничества мисс Найтингейл с Сиднеем Гербертом. Для писателя этот более поздний этап жизни мисс Найтингейл - с ее гениальным подбором средств к целям, ее мастерской изобретательностью, ее непрекращающейся работой, а затем с ее постоянной борьбой с физической слабостью и ее необыкновенной силой преданной концентрации - оказался не менее интересным, чем крымский эпизод.

Четвертая часть описывает в качестве основных тем работу, которую мисс Найтингейл проделала одновременно с работой, описанной в предыдущей части, в качестве реформатора больниц и основателя современного сестринского дела. В других главах представлены две темы, которые на первый взгляд могут показаться совершенно разными, но которые, тем не менее, были тесно связаны в сознании мисс Найтингейл. Они посвящены ей, соответственно, как страстному статистику и как религиозному мыслителю. Природа ее спекуляций полностью объясняется в последних главах, и в других местах в мемуарах. Это будет видно, что мисс Найтингейл придумал схему религиозной веры, которая широко отличалась от вероучения христианской ортодоксии, будь то католической или протестантской, но который все же допускает размещение на многое из их языка и формулировок. Она также допускала, как будет показано в дальнейшем, тесный союз с мистицизмом. Мисс Найтингейл глубоко верила в личного Бога и в личную религию. Язык, который наиболее адекватно выражал для нее чувство единения с Богом, был языком греческих и христианских мистиков. Но "закон" был для нее "мыслью Божьей"; союз с Богом означал сотрудничество с Ним в деле совершенствования человека, а для открытия "мысли Божьей" статистика была, по ее мнению, незаменимым средством.

В *пятой части* мы знакомимся с новым интересом в жизни мисс Найтингейл, новой сферой ее деятельности. В течение сорока лет она работала над вопросами индейцев. Сначала она занялась этой темой из-за интереса к армии. Это было естественным дополнением к ее усилиям по охране здоровья британского солдата дома, чтобы сделать аналогичную попытку от имени армии в Индии. Постепенно ее втянули в другие вопросы, и она стала активным реформатором Индии по всей линии. Ее усидчивость, настойчивость, изобретательность в этой сфере были столь же заметны, как и в других; меньше был только ее непосредственный успех.

По отношению к основной цели, с которой она начала свои индийские кампании, жизнь и работа мисс Найтингейл имеет большое значение. Королевская комиссия 1859-63 годов, которой она была обязана, и меры, принятые на основании ее отчета, стали отправной точкой новой эры в улучшении санитарных для армии. Результаты оказались самыми благотворными. Дружба мисс Найтингейл с лордом Стэнли и сэром Джоном Лоуренсом здесь послужила ей в какой-то степени, как и дружба с мистером Гербертом в предыдущей кампании. В более широкой сфере индийской санитарии в целом усилия мисс Найтингейл не были столь успешными. Возможно, поле было слишком обширным, условия были слишком неблагоприятными, чтобы любой большой и немедленный успех был возможен. Тем не менее, это и другие ее усилия для Индии были частью жизни и работы мисс Найтингейл, которой она придавала наибольшее значение, и в записи которого она установила большинство магазинов. Даже в завещании (впоследствии отмененном), предписывающем уничтожить ее бумаги, она сделала исключение из тех, которые касаются Индии; и, как уже говорилось в предисловии, один из ее немногих кусочков автобиографических записей связан с ее индийской работой. Возможно, это была та особая привязанность, которую мать часто испытывает к наименее крепкому или наименее успешному ребенку. Возможно, дело в том, что она долго размышляла, и, предвидя будущее время, когда многие из реформ, ради которых она трудилась, могут быть осуществлены, она хотела, чтобы ее запомнили как первопроходца. "Санитария", - сказал один высокопоставленный чиновник в 1894 году, - "это Золушка в индийской административной семье".^[2] Трудности с поиском денег и нежелание вводить западные реформы, опережая восточное мнение, - вот возражения, с которыми мы часто встречаемся в переписке индийских чиновников с мисс Найтингейл, и они все еще звучат в наши дни.^[3] С другой стороны, заместитель министра по делам Индии в своем бюджетном заявлении на 1913 год заявил, что "служба, которая после образования наиболее сильно претендует на ресурсы правительства, - это санитария", и пояснил, что "бюджетная смета расходов на санитарную в этом году составляет почти 2 000 000 фунтов стерлингов, что на 112 процентов больше, чем три года назад". Так что, возможно, Золушка отправится на бал; если когда-нибудь стеклянная туфелька будет найдена, пусть помнят, как покажет этот мемуар, что мисс Найтингейл была доброй феей.

Ее работа в Индии продолжалась до тех пор, пока она вообще была в состоянии работать, и с 1862 года она составляет одну из повторяющихся тем нашей истории. *Шестая часть*, продолжая эту тему, вводит еще одну сферу, в которой жизнь и работа мисс Найтингейл имеет важное значение. От реформы больничного сестринского дела она, совместно с покойным мистером Уильямом Рэтбоуном, перешла к реформе сестринского дела в рабочих домах. И поскольку одно привело к другому, мы увидим, что мисс Найтингейл заслуживает того, чтобы ее помнили и как реформатора закона о бедных.

Седьмая часть включает в себя последние тридцать восемь лет жизни мисс Найтингейл (1872-1910), и здесь можно сказать пару слов, чтобы объяснить кажущееся изменение масштаба. В биографии масштаб должен быть пропорционален не количеству лет, а их насыщенности характерным значением. После 1872 года, года, в котором (по выражению мисс Найтингейл) она "ушла с поста", ее жизнь была менее насыщена новыми делами, чем раньше. Все семена были посеяны. Но эти поздние годы, хотя и допускают более краткое изложение, были полны интереса. Главы, в которых они записаны имеют дело в первую очередь с литературной работы мисс Найтингейл, и особенно с ее исследования в Платон и христианской мистики. Эти исследования были частично результатом ее тесной дружбы в течение тридцати лет с мистером Джоуэттом. Кроме того, в книге есть повод попытаться представить мисс Найтингейл как мать-начальницу (так они ее называли) медсестер. Только благодаря доступу к ее огромной переписке в этом роде можно оценить диапазон и степень ее личного влияния. Ее идеал призвания медсестры очень четко прослеживается в знаменитой "Битве медсестер", которая занимала большую часть ее последних лет. В тот же период она нашла возможность начать важный эксперимент по сельской гигиене. В то же время она неустанно проповедовала необходимость миссионеров здравоохранения в индийских деревнях. И вот наступил конец. За временем труда в каждой жизни следует, говорит Рёскин, "время смерти; которое в счастливых жизнях очень короткое, но всегда *временное*". В случае с мисс Найтингейл это время было долгим. Она прожила еще много лет после того, как силы для работы ушли.

II

В предисловии к этой книге много сказано о значении жизни и работы мисс Найтингейл. Но в этой книге мы попытаемся обрисовать характер, а также описать карьеру. В наши дни, как и в другие, много обсуждается вопрос о надлежащем объеме и методе биографии, и различные модели, в том или ином смысле, предлагаются практикам в этом трудном искусстве. Задаются вопросы, должна ли биография описывать жизнь человека или его характер, его работу или то, как он ее делал? Если человек сделал что-то достойное упоминания, биография, несомненно, должна описывать и жизнь, и характер, и работу, и методы. Биограф может потерпеть неудачу в своей попытке; но в случае с мисс Найтингейл эта попытка особенно необходима, потому что все, что она сделала, и то, как она это сделала, было, как мне кажется, характерно для сильно выраженной личности, стоящей за ними.

Однако эта книга - биография, а не история. Это не история Крымской войны, не история сестринского дела, не история индийской администрации. В ней можно найти кое-что по всем этим вопросам, но только столько деталей, сколько необходимо, чтобы представить работу мисс Найтингейл в ее истинном свете и продемонстрировать ее характерные методы. Кроме того, через сцену пройдут многие другие люди - представители самых разных классов, профессий, слоев общества; но книга не ставит своей целью дать подробную картину "круга мисс Найтингейл". Ее отношения, ее друзья, ее знакомые, ее корреспонденты касаются нас здесь только в той степени, в какой их отношения с ней влияют на ее работу или иллюстрируют ее характер.

И здесь, возвращаясь к сказанному выше, я думаю, что эта книга имеет определенное значение, поскольку исправляет или дополняет популярную легенду. Один проповедник в своей некрологической проповеди о мисс Найтингейл сказал, что вся ее работа была сделана "силой простой доброты". Несомненно, мисс Найтингейл была хорошей женщиной,

и в ней тоже была определенная простота. Но было и многое другое. Один деловой человек, который в течение долгой и разнообразной жизни вступал в контакт со многими из самых острых интеллектов и величайших администраторов того времени, сказал о мисс Найтингейл, что ее мозг был самым ясным, что он когда-либо знал в мужчине или женщине. Сила головы была так же заметна в ней, как и доброта сердца, и у нее было по крайней мере столько же ловкости, сколько и простоты. Ее характер был очень многогранным. Удивительное разнообразие интересов, мотивов, методов будет найдено вступая в игру в ходе этой записи. Флоренс Найтингейл, которая будет показана в ней, - ее поступки, ее методы, ее высказывания, ее взгляды на вещи и людей - это совсем другая личность, чем Санта-Филомена. Мисс Найтингейл заняла место среди святых в народных календарях многих стран; и она заслуживает канонизации, но не совсем по народным причинам. Ее характер, как я попытался его изобразить, был сильнее, просторнее и, как я чувствовал, любимее, чем у "Дамы с лампой".

Сноски:

[1] В письме к мадам Моль, 13 декабря 1871 года.

[2] Сэр Окленд Колвин в *"Журнале Общества искусств"*, 11 мая 1894 г., с. 515.

[3] Как, например, в некоторых выступлениях в Палате лордов 9 июня 1913 года и в передовой статье в *"Таймс"* на следующий день. Речь лорда Мидлтона, представляя эту тему, была, с другой стороны, в духе мисс Найтингейл, основываясь на отчете ее Королевской комиссии 1859-63 годов. Некоторые страницы (194-197) в книге *"Будущее Англии"* (1911) мистера Джорджа Пила посвящены аналогичным темам.

ЧАСТЬ I

УСТРЕМЛЕНИЯ (1820-1854)

Я иду, чтобы доказать свою душу!
Я вижу свой путь, как птицы свой безбрежный путь.
Я приду - в какое время, по какой трассе,
Я не спрашиваю; но если Бог не пошлет свой град
Или ослепительных огненных шаров, или снегопада, или удушающего снега,
Через какое-то время, в свое благое время, я прибуду:
Он ведет меня и птицу. В свой добрый час.

Браунинг: *Парацельс*.

ГЛАВА I

ДЕТСТВО И ВОСПИТАНИЕ (1820-1839)

Я застал ее в ее покоях за чтением "*Федона Платониса*" на греческом, и это с таким же удовольствием, с каким некоторые джентльмены читают веселую сказку в Бокасе.

-Роджер Ашам.

К нежным чувствам и народному обожанию, которые собрались вокруг предмета этих мемуаров, возможно, добавилось что-то от красоты имени, связавшего воедино Город цветов и музыку птиц. Ее фамилия подсказала Лонгфелло название поэмы, которая донесла до сердец тысяч людей на двух континентах урок ее жизни. Популярность имени "Флоренция" - в Средние века мужского имени - в качестве христианского имени для английских девочек, по мнению историка, объясняется ассоциацией с героиней Крыма.

Оба ее имени были результатом обстоятельств. Ее отец происходил из старинного дербиширского рода Шоров из Таптона и в 1815 году сменил фамилию с Уильяма Эдварда Шора на Уильяма Эдварда Найтингейла, унаследовав имущество своего дяди по материнской линии, Питера Найтингейла из Леа, в том же графстве. Мистер Уильям Найтингейл любил путешествовать, а окончание французской войны, незадолго до его женитьбы (1818), открыло Континент для гранд-тура. Единственные дети мистера и миссис Найтингейл, две дочери, родились во время пребывания в Италии. Старшая родилась в Неаполе в 1819 году и была названа, во-первых, Фрэнсис, в честь своей матери, и, во-вторых, в честь старого греческого поселения на месте ее рождения, Парфенопа. Впоследствии она стала второй женой сэра Гарри Верни.^[4] Младшая дочь, о которой пойдет речь в этом мемуаре, также была названа в честь места своего рождения. Она родилась во Флоренции 12 мая 1820 года, на вилле Коломбая, недалеко от Porta Romana, как свидетельствует мемориальная табличка, ныне прикрепленная к домашним записям; там же 4 июля ее крестил доктор Тревор, пребендарий Честера. В привычном общении эти названия превратились в "Парте" или "Поп" и "Фло".

"Сюрпризы святости, - сказал один из докладчиков на конгрессе по евгенике, - не менее удивительны, чем сюрпризы гениальности. Святой Франциск Ассизский, святая Екатерина Сиенская и Флоренс Найтингейл могли быть предсказаны по своему происхождению не больше, чем Наполеон, Бетховен, Майкл Анджело или Шекспир". Но особенности тканей, от которых, как считается, зависят некоторые физические характеристики, во всяком случае, могут быть унаследованы. Мать Флоренс Найтингейл была одной из одиннадцати детей Уильяма Смита из Парндон-Холла, Эссекс, о котором сэр Джеймс Стивен сказал: "Когда ему было почти четыре десятка лет, он все еще мог с благодарностью признать, что не помнит ни телесной боли, ни болезни, и что из очень многочисленной семьи, главой которой он был, каждый член еще жил, чтобы поддерживать и радовать его старость". Это утверждение не совсем верно, поскольку один ребенок не пережил своего рождения; но из остальных сыновей и дочерей Уильяма Смита никто не умер в возрасте 69 лет, двое дожили до 75 лет, шестеро - до 80, а один - до 90. Последней была Фрэнсис, миссис Найтингейл, которая дожила до 92 лет. Со стороны отца также наблюдалось долголетие. Сам мистер Найтингейл дожил до 80 лет. Его мать дожила до 95 лет; у него была тетя, которая дожила до 90 лет; и "ваш дядя, - писал его отец, - молодой, 82 года, вступает в политику настоящего момента со

всей пылкостью 22 лет". Из детей мистера и миссис Уильям Найтингейл, Парфенопа жил до 75, и Флоренс, хотя (или, отчасти, , возможно, потому) она жила в течение 53 лет жизнь инвалида, достиг возраста 90.

Флоренс Найтингейл, святая она или нет, несомненно, осознавала "призвание"; но в ее происхождении или наследственности не было ничего, что побудило бы ее родителей позволить ему стать легко осуществимым. Поскольку она была женщиной, ее ранняя жизнь была одной долгой борьбой за освобождение от обстоятельств и социальных предрассудков. Тем не менее, в ее умственном развитии и интеллектуальных взглядах были черты, которые вполне могли быть унаследованы и которые, несомненно, во многом были обусловлены окружающей средой. Сэр Джеймс Стивен добавляет к процитированным выше замечаниям, что если бы Уильям Смит "ходил в трауре все свои дни, он вряд ли смог бы приобрести более нежную жалость к несчастным или более привычно трудиться для их облегчения". В политике он был последователем Фокса. Он был другом Уилберфорса, с которым сотрудничал в Палате общин в аболиционистском и других гуманитарных движениях. К Уилберфорсу, как и к Томасу Кларксону, "он питал почти братскую любовь, и среди всех их соратников не было никого, кто был бы более предан их делу или кому они больше доверяли".^[5] Будучи унитаристом по вероисповеданию, он решительно отстаивал свободу мысли и совести, был упорным противником религиозных испытаний и ограничений. Либеральные взгляды, как в церкви, так и в государстве, которые были традиционными в семье матери Флоренс Найтингейл, разделял и ее отец. Ее дед Шор в письме к сыну в 1818 году упоминал "одно из лучших произведений красноречия как в древние, так и в современные времена, произнесенное сэром Сэмюэлем Ромилли в Канцлерском суде по поводу ходатайства о праве евреев на получение пособия от благотворительного фонда в Бедфорде. Это делает честь человеку и человеческой природе". Отец Флоренс Найтингейл также был унитаристом, а в политике он был вигом. "Как я ненавижу тори", - писал он жене; а в другом письме, после выборов 1835 года, на которых ненавистные тори одержали верх, он объяснил, что они сильны только "пивом, бренди и деньгами". Уиги, как хорошо известно, не все были лишены последнего оборудования для политического успеха, и мистер Найтингейл был частым подписчиком избирательных фондов на стороне Уигов. Он был ярким сторонником парламентской реформы. Он считал, что "Бентам преподавал великую моральную истину более эффективно, чем все христианские боги". В более позднее время он стал последователем лорда Пальмерстона, соседом которого он также был в деревне. Один из самых ранних заметок, которые я нахожу о Флоренс Найтингейл интерес к политике находится в письме от ее отца, описывая встречу в Romsey на который он взял ее. "Флоренс," говорит он, "очень одобрил Палмерстон изложение его внешней политики".

Что-то еще Флоренс Найтингейл обязан, или разделить с, ее отец. Он, как и некоторые другие члены его семьи, был рефлексивного темперамента, заинтересованные в спекулятивных проблем. Есть письмо, написанное им своей жене из комнаты больного отца (сентябрь 1822 года), который показывает склонность его мысли: -.

Я сижу у его постели и смотрю на него, как смотрят на спящего человека, мысль о смерти лишь время от времени мелькает у меня в голове. Я *изучаю* мадам де Сталь на предмет чувства убежденности, которое существует в большей или меньшей степени у разных людей и разных народов, на предмет души как независимой от внешних представлений. Мое воображение скучно, потому что мне, конечно, потребовалось *изучить* ее, чтобы почувствовать всю силу убеждения в том, что душа существует и должна существовать совершенно отдельно от внешних обстоятельств, хотя и под их влиянием. *Вы* скажете, я

знаю, с твердой верой в Писание и религию, оставьте все философские спекуляции диким фантазиям немцев. Ничто не изменит *вашей* веры в религию. Извращенность *моей* натуры отсылает меня к опыту и аналогиям, хотя я начинаю думать, что изучение творения, представленного перед нашими способностями, возвысит меня до концепции Божественного, полностью пронизывающего все, но особенно ту часть человека, которая позволяет ему чувствовать разницу между добром и злом независимо от идей, которые он черпает из внешних обстоятельств".

Мать Флоренс Найтингейл без вопросов приняла религиозную точку зрения того времени. Унитарянство было отброшено ею и ее старшей дочерью; Флоренс, как мы услышим, превзошла его. В основе материнской наклонности лежал практический подход, хотя его рамки были несколько ограничены. Ум ее дочери Флоренции в равной степени находил место и для практики, и для созерцания. Она унаследовала организаторские способности матери, хотя и направила их в свое русло. Именно от отца она унаследовала вкус к спекулятивным исследованиям, которые занимали большую часть ее жизни.

//

Из житейских обстоятельств своих родителей Флоренс сделала выводы, в некоторых отношениях мало сочувствующие существующим обычаям и условностям. Она действительно приняла положение мирского богатства, в котором родилась, не задаваясь никакими фундаментальными вопросами. В более поздние годы молодой друг, на призыв посетить сельских жителей вокруг одного из загородных домов мисс Найтингейл, объяснил, что ей не нравится отношение, она не может заставить себя идти из большого комфортабельного дома, чтобы наставить бедных людей, как жить. Мисс Найтингейл рассмеялась и сказала: "Вы, конечно, не называете Лиа Херст большим домом". В нем было всего около пятнадцати спален. Она принимала как должное то положение, в котором родилась. Но она считала, что богатство должно использоваться только как средство для работы. Легкие, удобные, не слишком напряженные условия ее домашней жизни в детстве закрепили характер ее ранних лет, но ее душа не укоренилась в них. Они посеяли семена, которые с годами выросли не в покорность, а в бунт. Мистер Найтингейл унаследовал имущество своего двоюродного деда, когда ему было девять лет. Оно накапливалось, и свинцовый рудник значительно увеличил его стоимость. К моменту женитьбы он был благословлен (или, как считала его младшая дочь, страдал) владением значительным состоянием. Было ли это действительно благословением или несчастьем, но оно влекло за собой множество неопределенных мыслей. В 1821 году он и его жена вернулись с континента с грудными дочерьми, и перед ними остро встал вопрос: где жить? Земельные владения, которые он унаследовал от двоюродного деда, представляли собой сравнительно небольшое поместье в Лиа-Холле и его окрестностях в Дербишире. К этой собственности он добавил значительную часть. Холл, старая резиденция его двоюродного деда, была отброшена (сейчас она используется в качестве фермы), и мистер Найтингейл построил новый дом, названный Lea Hurst. Очарование его расположения и перспективы описано в письме миссис Гаскелл: - "Высокий, как Леа Херст.

"Как ни высок дом Lea Hurst, кажется, что находишься на вершине, а облака носятся вокруг него. Внизу раскинулся сад с каменными террасами и ступенями, плоскости этих террас совершенно великолепны с массой падубов, георгинов, настурций, гераней и т. д. Затем покатый луг, переходящий в крутой лесистый спуск (такие оттенки у леса!) к реке Дервент, скалы на другом берегу которой образуют первую дистанцию и имеют красный цвет с туманными пурпурными полосами. За ними - переплетающиеся холмы, образующие три гряды расстояний: первая - темно-коричневая, поросшая увядшим вереском, следующая - в

пурпурной тени, а последняя - в бледном, водянистом солнечном свете". "Я осталась одна, - продолжала миссис Гаскелл, - устроившись высоко наверху, в двух комнатах, выходящих одна из другой - старых детских". (Внутренняя, в которой спала миссис Гаскелл, стала, когда Парфенопа выросла, ее спальней). "Любопытно, как все просто. Старый ковер не покрывает пол. Ни кресла, ни дивана, маленькая кровать без занавесок, маленький стакан. Во внешней комнате - бывшей детской - комнате мисс Флоренс, когда она дома, - все так же просто; теперь, конечно, кровать превращена в диван; два маленьких столика, несколько книжных полок, драный ковер, лишь частично покрывающий чистые доски, и каменные стены - холодные по цвету, но с одним низким окном на одной стороне, увитым виргинским вьюнком, великолепным, как только может быть; а из противоположного окна, у которого я пишу, открывается вид на такую страну!"[6]

Шум реки Дервент часто звучал в ушах Флоренс. Когда она находилась в госпитале в Скутари, любое волнение в проливах напоминало ей об этом. "Как мне нравится, - сказала она в бурную ночь, - слышать этот непрекращающийся рев; он заставляет меня вспоминать о миллом Дервенте; как часто я слушала его из окна детской".

Леа Херст стал одним из самых ранних домов Флоренс Найтингейл в Англии, но не самым ранним из всех. Дом не был построен, когда семья вернулась с континента, и мистер Найтингейл занял Kynsham Court, Presteigne, в Херефордшире. Это место, похоже, было "более живописным, чем пригодным для жизни", и переговоры о его покупке с целью улучшения провалились. Мистеру Найтингейлу нравился Дербишир, и он был в восторге от своего нового дома; но у богатых, как и у бедных, есть свои трудности. "Сложность в том, - писал мистер Найтингейл своей жене, - где есть графство, пригодное для проживания в течение двенадцати месяцев подряд?" И еще: "Как вам понравится Лестершир? Со своей стороны, я думаю, что если бы мне удалось получить около 2000 акров земли и дом в каком-нибудь соседнем графстве, где спорт и пейзажи были бы в достатке, а посещение Lea Hurst ежегодно ограничивалось бы июлем, августом, сентябрем и октябрем, то все было бы хорошо". В то время как миссис Найтингейл оставалась в Киншеме, или взял детей для изменения воздуха на побережье или Tunbridge Wells, мистер Найтингейл разделил свое время между управлением его собственности в Дербишире и поиск второго дома в другом месте. В конце концов он нашел то, что хотел, в Эмбли-Парке в приходе Уэллоу, недалеко от Ромси. Это поместье было куплено в 1825 году, а Киншем был заброшен. Эмбли находится на окраине Нового леса, и богатые заросли его лесов и садов в значительной степени благоприятствуют солнцу и влаге. Старые дубы и буки, заросли цветущего лавра и рододендрона, обилие цветов и ароматов контрастируют с голыми, продуваемыми ветром холмами Дербишира. Его новые владельцы получили здесь все разнообразие, которого они желали, и полный простор для своего вкуса. Самая восхваляемая из его красот - длинная дорога, почти закрытая массами рододендронов. Одним из редких удовольствий последующей жизни мисс Найтингейл в Лондоне была поездка по парку в рододендроновое время, "чтобы напомнить ей об Эмбли".

///

Начиная с пятого года жизни, Флоренс Найтингейл жила в Леа Херст в летние месяцы и в Эмбли в остальное время года. Семья обычно проводила часть сезона в Лондоне. Сестры вели, как видно, преимущественно деревенский образ жизни, и Флоренс еще в детстве полюбила цветы, птиц и зверей. Сохранилась аккуратная рукописная книга, в которой она составила каталог своей коллекции цветов, описывая каждый с аналитической точностью и отмечая, в каком именно месте он был собран. В ее детских письмах много упоминаний о животных-компаньонах. Особенно она подружилась с поползнем. У нее была домашняя

свинья, домашний ослик, домашний пони. Она любила кататься верхом и обожала собак. "Маленькое домашнее животное", - сказала она много лет спустя, - "часто является прекрасным компаньоном для больных, особенно при длительных хронических заболеваниях". "Чем больше я вижу людей, - писал один циник, - тем больше я люблю собак". Флоренс Найтингейл в той же статье, из которой я только что процитировал, извлекла подобную мораль из своего опыта общения с некоторыми медсестрами. "Один больной, - говорит она, - рассказывая о том, как за ним ухаживали медсестра и собака, отдал предпочтение собаке. "Прежде всего, - сказал он, - она не разговаривала".[7] В семье Найтингейл не было детей после появления самой Флоренс, но большинство из многочисленных братьев и сестер ее матери вышли замуж и обзавелись семьями; и поскольку дома мистера и миссис Найтингейл часто посещали эти родственники, редко не хватало череды малышей, и к ним и их крестинам, и прорезыванию зубов, и болезням, и урокам Флоренс проявляла тот интерес, который часто бывает силен в маленьких девочках.

Иногда ребенок умирал, и письма Флоренс показывают, что смерть интересовала ее не меньше, чем рождение. Она радовалась "маленьким ангелам на небесах". Одним из ее любимых стихотворений в этот период было *"Лучшая страна"* миссис Хеманс, которое она переписала для кухни как "очень красивое". Самое раннее письмо, которое мне удалось увидеть, написано, когда ей было десять лет, и содержит смешанные заметки. Она гостит у дяди Октавиуса Смита в "Темз Бэнк" (дом, который в то время примыкал к его винокурне в Миллбэнк) и пишет своей сестре, которая вместе с горничной навещает других кузенов: "Передай привет Клеманс.

Передай привет Клеманс и скажи ей, если можно, что я нахожусь не в той комнате, где она меня поселила, а в очень маленькой; вместо прекрасного вида на Темзу - мрачный вид на черную винокурню, и, когда я открываю окно, мерзкий запах врывается внутрь, как поток. Но, несмотря на это, мне здесь очень нравится. В стене [11] недалеко от моей двери есть отверстие, сообщающееся с ванной, которая находится рядом с комнатой, где спит Фредди[8], и он разговаривает со мной через него. Скажите ей также, если можно, что с тех пор, как я приходил каждый вечер, я мыл себя со всех сторон и ноги в теплой воде. В субботу вечером я поднялся на винокурню по лестнице на самый верх с дядей Оком и Фредом. Мы шли по отличной трубе. Мы много катались на лодках, что мне очень нравится. Каждый день мимо нас проходят три парохода: *"Диана"*, *"Флай"* и *"Эндевор"*. Я люблю их всех, кроме мисс У... Особенно передай мою любовь Хилари. Твоя нежная и единственная сестра. Дорогой папа, я думаю о тебе, молись, чтобы мы любили друг друга больше, чем раньше. Мама особенно желает этого, такова воля Божья, и это утешит нас в наших жизненных испытаниях. До свидания.

Была ли мисс У... несимпатичной гувернанткой? Кем бы она ни была, исключение в ее немилости свидетельствует о невоспитанном порыве, который наивно контрастирует с последующей доброй решимостью по отношению к сестре. Годом ранее была сделана маленькая записная книжка, озаглавленная "Дневник Фло, Эмблей". Она начинается с напоминания: "Господь с тобой, где бы ты ни была". А затем появляется запись: "В воскресенье я была вынуждена сидеть неподвижно у мисс Кристи, пока у меня не появится дух послушания". В детстве и на протяжении всей ранней части своей жизни Флоренс много мечтала, а в некоторых интроспективных рассуждениях, написанных в 1851 году, она вспоминала об удовольствиях озорства. "Когда я была ребенком и капризничала, это всегда прекращало мои мечтания на время. Я никогда не могла понять, почему. Может быть, потому, что озорство было более интересным состоянием, чем те мелкие мотивы, которые составляют мирное цивилизованное состояние человека и занимают воображение на

время?" К мисс Кристи, своей первой гувернантке, Флоренс сильно привязалась, и смерть этой дамы несколько лет спустя повергла ее в глубокую печаль. Она была чувствительным и несколько болезненным ребенком; и хотя вскоре у нее развилось живое чувство юмора, которое она умела выражать остроумно, это был юмор интеллекта, а не результат радостного настроения. В ее ранних письмах мало ноток детского веселья. По большей части они серьезны и интроспективны. Она была поглощена собой, и ей была свойственна застенчивость, которая сопутствует этой привычке. "Моим главным стремлением, - пишет она в некоторых частных воспоминаниях о своей ранней жизни, - было не быть замеченной. Я всегда смертельно боялась сделать что-то непохожее на других людей и говорила: "Если бы я была уверена, что меня никто не заметит, я была бы совершенно счастлива". У меня был болезненный страх, что я не буду пользоваться своими ножами и вилками, как другие люди, когда мне придется выйти на улицу. Я боялась разговаривать с детьми, потому что была уверена, что не смогу им понравиться". Между тем, возможно, временами, даже в детстве, она была немного "трудной" дома. "Спросите Фло, - писал ее отец своей жене в 1832 году, - не потеряла ли она рассудок. Если нет, то почему она ворчит на неприятности, которые не может устранить ворчанием?"

IV

Обращение к интеллекту своей дочери было характерно для мистера Найтингейла. Сам он был хорошо информированным человеком, получившим образование в Эдинбурге и Тринити в Кембридже; как и некоторые другие представители унитариянского круга, он придерживался взглядов, значительно опережающих среднее мнение своего времени об интеллектуальном образовании женщин. Домашнее образование его дочерей в значительной степени контролировалось им самим; оно включало ряд предметов, далеко выходящих за рамки учебной программы, принятой в "семинариях для молодых леди"; и, возможно, как и отец Ханны Мор, он иногда "пугался собственных успехов". Письма и записные книжки свидетельствуют о том, что его дочери были должным образом обучены тем достижениям, которые считались подходящими для юных леди. Мы слышим о том, что они учились пользоваться глобусом, писали книги с изящными выдержками, делали пуфики и занимались рукоделием. Они изучали музыку, грамматику, композицию, современные языки. "Мы читали Тассо, Ариосто и Альфьери с моим отцом, - рассказывала Флоренс, - он был хорошим и всегда заинтересованным итальянским ученым, никогда не педантичным, не утомительным грамматистом, но он говорил по-итальянски, как итальянец, а я заботилась о глаголах". Мистер Найтингейл добавил к этому конституционную историю, латынь, греческий и математику. К шестнадцати годам Флоренс уже читал Гомера вместе со своими дочерьми. Мисс Найтингейл говорила, что в греческом языке ее сестра была самой быстрой ученицей. Отец задавал им определенные задания для подготовки. Парфенопа во многом полагалась на импровизацию или удачу. Флоренс была более трудолюбива; иногда она вставала в четыре утра, чтобы подготовить урок. Знание латыни пригодилось ей в более поздние годы. В беседах с аббатами и монахами, которых она встречала во время своих путешествий, она иногда находила в латыни их единственный общий язык. Среди бумаг Флоренс сохранилось много листов, исписанных почерком ее отца, содержащих главы восхитительных очерков политической истории Англии и некоторых иностранных государств. Ее собственные записные книжки показывают, что уже в подростковом возрасте она овладела элементами латинского и греческого языков. Она проанализировала *"Тускуланские диспуты"*. Она перевела фрагменты *"Фаэдо"*, *"Крито"* и *"Апологи"*. Она изучала римскую, немецкую, итальянскую и турецкую историю. Она проанализировала *"Философию человеческого разума"* Дугалда Стюарта. Ее отец тоже имел привычку предлагать своим дочерям темы для сочинений. Это была система эссе для колледжа. "Флоренс теперь взялась за математику, -

писала ее сестра в 1840 году, - и, как и все, за что она берется, она глубоко в них погружается и очень усердно работает". Направление, в котором Флоренс Найтингейл должны были осуществлять способности, таким образом, подготовлен был еще скрыт в будущем; но под руководством ее отца она была обязана за умственный захват и силу интеллектуальной концентрации, которые должны были отличить ее работу в жизни.

Естественное искушение биографов - придать своему предмету формальное единство, представляя ребенка как во всем отца человека; датировать призвание своего героя или героини очень ранним периодом жизни; превозносить какой-то детский инцидент как пророчество того, что должно произойти впоследствии. Материал для такого обращения имеется в случае с Флоренс Найтингейл. Известно, что она выхаживала и перевязывала кукол, которых повредила ее старшая сестра. В каждой книге о героине Крыма есть рассказ о "первой помощи раненым", которую Флоренс оказала Кэпу, пастушьей колли, найденному ею со сломанной ногой на пастбище близ Эмбли. "Интересно, - писал ее "старый пастор"[9] в 1858 году, - помните ли вы, как двадцать два года назад мы с вами вместе предотвратили намерение повесить собаку бедного старого пастуха Смитерса, Кэпа. Сколько раз я рассказывал эту историю с тех пор! Я хорошо помню, какое удовольствие доставило вашему юному уму спасение жизни бедной собаки. Я был в восторге, наблюдая за этим; для меня это не было предзнаменованием того, что вы собирались сделать и кем стать (об этом я и не мечтал), но это был показатель того доброго и благосклонного нрава, того, что I Кор. xiii. Милосердие, которое лежало в основе всего этого". И это, конечно, интересно и любопытно, если не более того, что самый ранний фрагмент почерка Флоренс Найтингейл, который был сохранен, должен быть медицинским рецептом. Он содержится в крошечной книжечке размером с почтовую марку, которую сшила маленькая девочка и в которой очень детскими буквами написано: "16 зерен для старухи, 11 для молодой женщины и 7 для ребенка". Но все это, в конце концов, мелочи. Флоренс Найтингейл - не единственная маленькая девочка, которая любила ухаживать за больными куклами или чинить их, когда они были сломаны. Другие дети ухаживали за ранеными животными, у них были свои пилюли и пилюльки. Много написано и о доброте Флоренс в детстве к ее более бедным соседям. Ее мать, как в Леа Херст, так и в Эмбли, иногда занималась добрыми делами. Она и ее муж были особенно заинтересованы в "дешевой школе", которую они поддерживали в своем доме в Дербишире. "Большие суммы денег были выплачены," писал мистер Найтингейл своей жене в 1832 году, "вашей школьной учительнице для многих похвальных целей, которая работает *con amore* в заботе о всем населении, молодых и старых." Флоренс заняла свое место рядом с матерью, посещая бедных соседей, устраивая школьные праздники, давая деревенские развлечения. Но тысячи других дочерей сквайров, до и после нее, делали то же самое. А сама Флоренс, как показывают многочисленные записи в ее дневниках, не сознавала, что делает много, но упрекала себя за то, что делает мало. Постоянным бременем ее самоанализа, как в это время, так и в течение многих последующих лет, было то, что она вечно "мечтала" и никогда не "делала". Она мечтала, потому что долгое время не чувствовала и не видела, в чем будет заключаться ее работа в жизни; а потом еще долгое время, потому что, когда она знала, к чему призвана, она не могла найти средства, чтобы это сделать. Ее способности не вырвались наружу, а были оставлены условиями ее жизни, чтобы поглотить себя внутри.

Открытие ее истинного призвания относится к более позднему периоду нашей истории; и это не было результатом детской фантазии или свершением раннего случая; это был плод долгого и серьезного изучения. Что действительно пришло к Флоренс Найтингейл в начале жизни - возможно, как свидетельствует одна запись в ее автобиографических заметках, уже в шестой год - так это чувство "призвания"; какой-то назначенной миссии в жизни; самоотдачи в служении Богу. "Я помню ее, - писала Фанни Аллен в 1857 году своей

племяннице Элизабет Веджвуд, - маленькой девочкой трех или четырех лет, затем шестнадцатилетней девушкой, подающей большие надежды. Когда я вспоминаю каждый раз, когда видела ее после шестнадцати лет, то вижу, что она постоянно созревала для своей работы, а ее ум был устремлен на болезненные различия между человеком и человеком в этой жизни и на ловушки, которые роскошная жизнь ставит перед обеспеченными людьми". Разговор на эту тему между отцом и дочерью тогда рассмешил меня, настолько разительным был контраст; но теперь, когда я вспоминаю его, мне кажется, что в ней дышал Божественный дух". [10] В автобиографическом фрагменте, написанном в 1867 году, Флоренс упоминает как один из кризисов своей внутренней жизни, что "Бог призвал ее на Свое служение" 7 февраля 1837 года в Эмбли; есть и более поздние заметки, которые по-прежнему фиксируют этот день как рассвет ее настоящей жизни. Но пока она не знала, куда поведет ее Дух. В течение трех месяцев, как она отмечает в другом отрывке ретроспективы, она "очень много работала среди бедных людей" под влиянием "сильного чувства религии".

V

Однако вскоре ее мысли и интересы получили новое направление. Ей было семнадцать, ее сестре - восемнадцать. Их домашнее образование было далеко продвинутым, и могло показаться, что они нуждаются только в такой "доводке", какую могли обеспечить мастера и общество во Франции и Италии. Мистер Найтингейл, кроме того, решил провести обширную перепланировку в Эмбли. Вместе с женой и дочерьми он переправился из Саутгемптона в Гавр 8 сентября 1837 года, и они вернулись в Англию только 6 апреля 1839 года. Это были дни неторопливых путешествий, таких, как описывает Рёскин, в которых "расстояние нельзя было преодолеть без труда, но этот труд вознаграждался, отчасти силой обдуманного изучения стран, через которые лежал путь, а отчасти счастьем вечерних часов, когда с вершины последнего преодоленного холма путешественник видел тихую деревню, где ему предстояло отдохнуть, разбросанную среди лугов у ее долинного потока; Или, с долгожданного поворота в пыльной перспективе дамбуса, впервые видел башни какого-нибудь знаменитого города, тусклые в лучах заката - часы спокойного и вдумчивого наслаждения, которым, возможно, не всегда и не для всех людей соответствует спешка прибытия на железнодорожную станцию." Было много таких часов во время путешествий, которые Соловьев взял с *vetturino* через Францию и Италию; и Флоренс, написав в более поздний срок, когда вся ее жизнь была сосредоточена на делах, отметил, что в этом туре было "слишком много времени для мечтаний". Тем не менее из ее дневников ясно, что она с душой и более широким кругом интересов, чем некоторые английские путешественники, включилась в жизнь иностранного общества и осмотр достопримечательностей. Любовь к статистическим методам, ставшая одной из ее наиболее заметных черт, видна уже в маршруте, который она составила, отметив в нескольких колонках количество лиг от места до места, день и час прибытия и отъезда. Они неторопливо проехали по Франции, посетив, помимо многих других мест, Шартр, Блуа, Тур, Нант, Бордо, Биарриц, Каркассон, Ним, Авиньон и Тулон, а затем отправились по Ривьере в Ниццу. Там они пробыли почти месяц (декабрь 1837 - январь 1838 гг.). Месяц они провели в Генуе, а два месяца отдали Флоренции. Поздние весна и лето были посвящены путешествиям по городам Северной Италии, среди озер и в Швейцарии. Сентябрь они провели в Женеве, а 8 октября 1838 года добрались до Парижа. Мисс Найтингейл сохранила свой дневник о большей части тура, и он показывает ее живой интерес как к пейзажам, так и к произведениям искусства. Он также содержит то, чего часто не хватает записям о сентиментальных паломничествах, - примесь заметок и статистических данных о законах, земельных системах, социальных условиях и благотворительных учреждениях нескольких штатов или кантонов. Везде, где бы она ни находилась, ее интересовала политика того времени; а общество многочисленных беженцев, в которое она попала в Женеве, вызвало у

нее особенно горячее сочувствие к делу итальянской свободы. В дневнике содержится множество биографических заметок об итальянских патриотах, о приключениях которых она слышала из их собственных уст. "Волнующий день", - писала она 12 сентября (1838), - "самый волнующий из всех, которые мы когда-либо прожили". В этот день в Женеву пришла весть о том, что император Австрии объявил амнистию в Италии. Соловьи посетили вечерний прием, на котором собрались итальянские беженцы, и императорский указ был зачитан среди громкого ликования, которое, однако, затем стихло, когда выяснилось, что "всеобщая амнистия" содержит множество условий и некоторые исключения. Соловьи были допущены во все ученые общества Женевы. Флоранс записывает вечер, проведенный с месье де Кандолем, знаменитым ботаником, а дневник дает возможность увидеть историка Сисмонди, который в то время жил в своем родном городе. Он сопровождал Соловьева на Салева. Этот не очень сложный подъем они совершили сначала на ослах, а затем "в санях, покрытых соломой и запряженных четырьмя волами". Флоренция присутствовала и в другой раз, когда "вся компания собралась вокруг Сисмонди, который, сидя на столе, читал нам лекцию по флорентийской истории". Добросовестная Флоренция сделала полную запись в своем дневнике о выступлении великого человека. "Вся политическая экономия Сисмонди, - отметила она, - кажется, основана на переполняющей его доброте сердца. Старым нищим он подает из принципа, молодым - по привычке. Однажды утром в Пешии у его дверей собралось 300 нищих. Он кормит мышей в своей комнате, пока пишет свои истории". Вскоре в Женеве началось новое волнение. "В какое волнующее время мы живем, - писал Флоренс 18 сентября, - в один день решается судьба итальянцев, завтра - судьба Швейцарии". "Завтра" - это день, назначенный для заседания Совета репрезентации, который должен был рассмотреть требование Луи Филиппа об изгнании Луи Наполеона, будущего императора. Многие страницы дневника мисс Найтингейл посвящены этому делу. Она анализировала все "за" и "против" и день за днем записывала ход дебатов. Сисмонди считал, что беженец должен быть сдан - из принципа, потому что он был претендентом, и из соображений целесообразности, потому что Женева не смогла бы выдержать французский штурм. В этом смысле он "говорил целый час". Женевские радикалы, напротив, не питая большой любви к претенденту, считали, что, чего бы это ни стоило, "священное право убежища" должно быть сохранено. И вот дебаты продолжались. Французское правительство начало перебрасывать войска из Лиона; женевацы - возводить укрепления. После этого мистер Найтингейл, как и многие другие английские гости, решил, что пришло время перевезти свою семью через границу. Дневник мисс Найтингейл, написанный *по пути* в Париж, показывает ее волнение при получении новостей о кризисе. Когда она узнала, что он разрешился тем, что Луи Наполеону выдали паспорт на въезд в Англию, она не увидела, что Луи Филипп много выиграл; претендент будет ближе и не менее опасен в Лондоне, чем в Женеве - очень справедливое предсказание. Не каждая девушка восемнадцати лет, отправляясь в свое первое путешествие за границу, проявляет столь живой интерес к политическим делам.

Политика и социальные наблюдения смешиваются в дневнике с художественными и архитектурными заметками. Город, который, кажется, больше всего поразил ее воображение, не был Флоренцией, хотя она говорила, что "ни за что бы не пропустила его", и, что любопытно, ее пребывание на родине стало поводом для характерного инцидента. Английская леди, которая впоследствии стала принцессой Ройсс Кёстриц, остановилась в том же доме и заболела, а Флоренс Найтингейл вызвалась ухаживать за ней. Но больше всего ей понравился город Генуя Ла Суперба. Она отмечает, конечно, чрезмерную праздность знати и чрезмерную бедность народа, но дворцы для нее - "воплощение сказки арабских ночей". У мистера и миссис Найтингейл было много друзей, и они привезли с собой множество знакомств. В разных городах, где они останавливались, они входили в лучшее

общество, а их дочери были вовлечены в оживленный круг пикников, концертов, зрелищ, танцев:

Балы и маски начинались в полночь и продолжались до середины дня, когда они придумывали новые приключения на утро.

Были придворные балы, на которых великие герцоги были "чрезвычайно вежливы" с Флоренс Найтингейл и ее сестрой. Они побывали на вечернем балу во Флоренции и нашли "всех очень любезными и приятными". В Генуе был бал в казино, на котором, как пишет Флоренс в своем дневнике, "мы с моим партнером устроили *объятия*, и один военный офицер подошел с очень сердитым лицом, чтобы бросить мне вызов за то, что я отказала ему и не танцевала". Но музыка была не только под мелодию "Токкаты Галуппи". Наибольшее удовольствие Флоренции во время этого турне доставила итальянская опера. В те дни царствующими певцами были Гризи, Лаблаш, Рубини и Тамбурины. Флоренс Найтингейл слышала их всех. В ее итальянском дневнике нигде нет таких подробных описаний опер и заметок об исполнителях. Она вела отдельную книгу, в которой записывала подробные сведения обо всех спектаклях в виде таблиц. "Я хотела бы ходить туда каждый вечер", - писала она в своем дневнике; и в течение некоторого времени после возвращения с континента она была, как она писала мисс Кларк, "помешана на музыке". Она брала уроки музыки во Флоренции, а в Лондоне училась у немецких и итальянских мастеров. Она играла и пела. Пока было неясно, не утонет ли "призвание" - к чему, пока тоже неизвестно - во вкусах, интересах и занятиях, которые наполняют жизнь других молодых леди ее положения.

VI

Очарование светской жизни, должно быть, ярко предстало перед ней во время зимы (1838-39), которую они провели в Париже, в квартире на Вандомской площади (№ 22). Теперь она была введена в блестящий круг последнего из *салонов*. Мэри Кларк, впоследствии мадам Моль, была по происхождению наполовину ирландкой, наполовину шотландкой; по образованию и месту жительства - почти полностью француженкой. "Очаровательная смесь, - говорил о ней Ампер, - французской живости и английской оригинальности". Полная одновременно *esprit* и *espièglerie*, начитанная и артистичная, но полностью лишенная педантизма, без обычной красоты черт лица, но внимательная и *пикантная*, Мэри Кларк собрала вокруг себя то, что Тикнор в 1837 году считал самым интеллектуальным кругом в Париже. В течение семи лет она и ее мать жили в апартаментах в Аббатстве-о-Буа, примыкавших к апартаментам мадам Рекамье, и Мэри была ежедневной посетительницей знаменитого *салона* во времена правления Шатобриана, чьи последние годы она сделала многое, чтобы скрасить и развлечь. К тому времени, когда "Соловьи" приехали в Париж, миссис и мисс Кларк покинули Аббатство-о-Буа и поселились в тех апартаментах на Рю дю Бак, которые на протяжении почти сорока лет были прибежищем всего, что было блестящего в интеллектуальной жизни Парижа. Мэри Кларк очень привязалась к семье Найтингейл, которая, вместе с некоторыми из их знакомых, долгие годы оставалась в числе ее самых близких друзей. Она ежегодно навещала мистера и миссис Найтингейл либо в Эмбли, либо в Леа Херст, обычно задерживаясь на три недели или месяц; ей же, как мы увидим, были адресованы многие из самых интересных писем Флоренс. К своим другим, более поверхностным качествам, Мэри Кларк добавила большую теплоту длительной привязанности к своим близким друзьям, и ее сочувственная доброта к кругу Найтингейл была неизменной. Париж привлекал Флоренцию прежде всего своими больницами и сестринскими службами, но отчасти и тем, что это был дом "Кларки", как они ее называли. Так же обстояли дела и с другими членами семьи. Есть письмо леди Верни к Кларки, в котором описывается, как кто-то спросил мистера Найтингейла: "Вы собираетесь в Париж?".

"О, нет", - ответил он; "Мадам Моль больна". "Тогда Париж - это мадам Моль?" "Да, конечно", - серьезно ответил он. Зимой 1838-39 годов мисс Кларк, пишет леди Верни, была "чрезвычайно добра к Флоренс и ко мне, двум молодым девушкам, полным всевозможных интересов, которым она старалась помочь. Она познакомила нас со всеми своими друзьями, многочисленными и знатными, среди которых была и мадам Рекамье. Сейчас я лучше, чем тогда, понимаю, каким должно было быть ее влияние, чтобы ввести английскую семью (две из них - девушки, которые, будь они француженками, не появились бы в обществе) в это ревностно охраняемое святилище, самый эксклюзивный аристократический и литературный салон в Париже. Нас пригласили даже на чтение Шатобриана в Аббатстве-о-Буа его *"Записок из Томба"*, которые он не мог дождаться, чтобы изложить, как намеревался при их написании, до своей смерти, желая, как говорили, отмахнуться от похвал, которых он ожидал, но едва ли получил. Этого слушания жаждали сливки парижского общества того времени".^[11] В апартаментах мисс Кларк "соловьи" встречались со многими выдающимися людьми. Близкими людьми, которые всегда были там и помогали хозяйке готовить чай, были ММ. Фориэль и Моль - Клод Фориэль, знаток средневековья и провансальской литературы, необычайно красивый мужчина, пленивший своей дружбой мадам де Сталь и других дам, помимо Мэри Кларк; и Джулиус Моль, один из первых востоковедов Европы, более пылкий любовник, за которого после восемнадцатилетнего перерыва мисс Кларк вышла замуж в 1847 году. Однажды королева Виктория спросила М. Моля, почему он, так сильно любя Германию, отказался от своей родины в пользу Франции. "Ma foi, madame", - ответил он, - "я люблю". С М. Модем, не меньше, чем с его женой, Флоренс Найтингейл была в отношениях нежной дружбы. Среди частых гостей, которых она и ее сестра встречали у мисс Кларк, были мадам Тасту (поэтесса), Эли де Бомон (геолог), Рулен (путешественник и натуралист), Кузен, Минье, Гизо, Токвиль, Бартеlemi Сент-Илер и Тьерс. Последний был одним из первых поклонников мисс Кларк; а много лет спустя, после франко-германской войны, когда Тьер стоял во главе дел, леди Верни слышала, как М. Моль сказал своей жене: "Мадам, почему вы не вышли замуж за М. Тьера вместо меня, ведь теперь вы были бы королевой Франции?"

В таких кругах, как тот, что собрался вокруг мисс Кларк, Флоренс Найтингейл была вполне квалифицирована, чтобы держать себя в руках и даже играть блестящую роль. Ее веселая жизнь на Ривьере и в Италии, должно быть, избавила ее от застенчивости, от которой она страдала. Если она и не была красива, то была элегантна и изысканна. Она была широко и глубоко начитана. У нее было много разнообразных интересов. Она обладала способностью к самовыражению, в которой ясность нередко сочеталась с нотками юмористической недосказанности. Это социальные преимущества, и она не преминула воспользоваться ими. В конце концов она выбрала другой путь - путь, на котором ей мешали обстоятельства; но препятствия были и в ней самой, и одним из последних "искушений", которые нужно было преодолеть, прежде чем она смогла свободно истолковать свое призвание и действовать в соответствии с ним, было (как она писала на многих страницах исповеди и самоанализа) "желание блистать в обществе".

ГЛАВА II

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ (1839-1845)

Ее страстная, идеальная натура требовала эпической жизни: чем были для нее многотомные рыцарские романы и светские завоевания блестящей девушки? Ее пламя быстро сжигало

это легкое топливо; и, питаясь изнутри, она взмывала ввысь, стремясь к какому-то неземному удовлетворению, к какому-то предмету, который никогда не оправдывает усталости, который примирит отчаяние с восторженным сознанием жизни вне себя. - Джордж Элиот: *Миддлмарч*.

Домашняя жизнь, к которой Флоренс Найтингейл вернулась в апреле 1839 года, была богата возможностями социального удовольствия и, казалось, могла обещать любое счастье. Она была хорошо подходит от природы и образования, чтобы быть украшением любого загородного дома, чтобы блеснуть в любом культурном обществе, чтобы стать женой, как многие из ее лучших друзей надеялись и верили, некоторые хорошие и умные мужчины. Но Флоренс, переходя от детства к женственности, строила другие планы. Ее жизнь, как она в итоге сложилась, ее пример, который обстоятельствам было суждено сделать далеко не блестящим, стали мощным фактором, открывающим новые пути для женщин в современном мире. Тысячи женщин в эти дни, в результате карьеры Флоренс Найтингейл, родились свободными; но это была большая цена, и после долгой и изнурительной борьбы, что она сама достигла такой свободы. В годы, о которых пойдет речь в этой части, она жила в некотором роде как птица в клетке.

Однако клетка была приятно позолочена. Флоренс не всегда не замечала этой позолоты; бывали моменты, когда она поддавалась искушению больше не трепыхаться на прутьях и смириться с ограниченной жизнью в рамках общепринятых норм. Я не собираюсь подробно описывать, как это можно было бы сделать на основе ее писем, дневников и других материалов, точную последовательность ее уходов и приходов, ее визитов и домашних дел. В одном из своих дневников она сама приводит прекрасную причину. "Наши движения так регулярно," сказала она; один год был очень похож на другой. Обстановка в жизни Флоренс Найтингейл в этот период была такой, какой наслаждались многие женщины, и многие другие завидовали. Линии семьи Найтингейл были заложены в приятных местах. Летние месяцы они проводили, как и в предыдущие годы, в Леа Херст. Часть сезона они проводили в Лондоне, а остальную часть года - в Эмбли. По возвращении с континента в 1839 году Найтингейлы провели несколько недель в Лондоне, когда две девушки были представлены при дворе, и письмо мисс Кларк показывает, что Флоренс поглощена музыкой, но не настолько, чтобы завоевать живой интерес к политике заговора в Бедчамбере:-...

Отель "Карлтон", Риджент-стрит, 1 июня [1839].... Мы очень веселимся, потому что Николсоны, наши кузены, приехали в город на следующий день после нас и живут с нами в одном отеле на Риджент-стрит, по-моему, лучше в Лондоне, но некоторые люди называют его слишком шумным. Поскольку Марианна Николсон так же помешана на музыке, как и я, мы наслаждаемся ею целыми днями. Шульц, великолепно играющий, и Кривелли, ее учитель пения, дают нам уроки, и несчастное фортепиано за неделю выбилось из колеи, не имея даже естественного отдыха по ночам, поскольку есть и другие мастера. Мы ходили на дебют Полины Гарсиа в опере в партии *Отелло*. Она очень нервничала и вся дрожала, но ее значительное улучшение к концу обещало успех. Ее нижние ноты очень тонкие, а два толчка, которые она сделала на низком уровне, хотя и слишком похожи на *инструментальные*, чтобы быть приятными, были очень необычными. Однако ее голос слишком неровный, и иногда ее пение довольно банально. Она слишком много делает для своего исполнения, которое очень неровное. Очень легко сказать, что она будет еще одной Малибран, но если бы они были рядом, разница была бы очевидна; так говорят более мудрые судьи, чем мы.

Даже Гризи превосходит ее в Дездемоне, хотя голос П. Гарсии самый сильный, но тогда П. Гарсия была чрезмерно напугана. Мы слышали ее дуэт с Персиани, в котором оба были безупречны, и я впервые услышал Долера для [25] на том же концерте. Я ничуть не разочаровался, хотя слышал о нем так много в Париже, его исполнение необыкновенно, но, думаю, от него быстро устаешь, так как и его музыка, и его стиль сильно уступают музыке Тальберга. Слышали ли вы Батту на виолончели в Париже? Его игра более приближена к человеческому голосу, чем все, что я когда-либо слышал. Сегодня вечером мы услышим очаровательного Персиани в "*Лючии ди Ламмермур*". Тамбурини, самый добродушный из смертных, вызвался приходить и петь два-три часа с моей кузиной Марианной каждый сезон, когда она считает себя достаточно развитой. В понедельник мы собираемся послушать его на частном концерте.

Музыкальных новостей было достаточно и слишком много, а вот политические новости скудны.... Лондон был в совершенном вихре возбуждения в течение тех нескольких дней, пока министерство Мельбурна было в отъезде, но это уже приелось. Наша маленькая королева, которая была крайне непопулярна, когда мы только приехали в Англию, вернула себе былую благосклонность партии вигов после твердости, которую она проявила в этом деле. Ее подбадривали и звали вперед в оперу, которая не шла уже несколько месяцев, и снова возвращались из часовни. А именинная гостиная была переполнена, тогда как на двух первых ее выступлениях в этом сезоне было едва ли сорок человек! История этого последнего происшествия такова: во вторник, в день отставки лорда Мельбурна, королева обедала наверху со своей матерью, баронессой Лезен, и леди Ф. Гастингс, чего она никогда не делала с момента своего воцарения, и предполагается, что тогда была сделана *почетная поправка* леди Флоре, и что в этой *partie carrée* также был оговорен курс, который должен был быть продолжен с сэром Робертом Пилем. Бедную маленькую королеву видели в слезах несколько человек, которые рассказывали нам об этом в течение трех дней, и она боролась за своих дам, как вы видите, мужественно. Как бы ни обернулись дела теперь, говорят, что в этом деле она так сильно невзлюбила сэра Р. Пиля, что никогда больше не пошлет за *ним*.

После этого палата прервала свою работу на две недели и собралась только в прошлый понедельник, когда был избран спикер, а Аберкромби перешел в палату пэров. Мы радуемся избранию Шоу Лефевра большинством в восемнадцать голосов; впрочем, это меньше, чем ожидалось, поскольку Спринг Райс прибыл на голосование на полчаса позже, чем ожидалось, что вызвало немалый переполох. Шоу Лефевр - наш большой друг и очень приятный человек, что является его главным достоинством на этом посту. Маколей вряд ли войдет в министерство; лорд Мельбурн говорит, что невозможно найти общий язык с человеком, который так быстро говорит. Поэтому сейчас он пишет историю и говорит, что это единственное стоящее занятие, кроме, правда, выставления своей кандидатуры в Эдинбурге в комнате Аберкромби [26] против Кроуфорда. Маколей произнес восхитительную речь в пользу голосования там.

Королева колеблется между популярностью и непопулярностью, и еще неизвестно, в какую сторону повернется чаша весов между двумя партиями; ей очень аплодировали, и лорду Мельбурну тоже, вчера в Аскоте. Скорее всего, он сохранит преимущество, поскольку у тори нет такого человека, как лорд Джон Рассел, во всей их партии, а *девять* упрямых радикалов получили нагоняй и на данный момент отказываются от своей приверженности. Папа потрясен известием о том, что мсье Гизо объявил себя таким антиангличанином.

Мы всегда говорим о вас и обо всем, что вы сделали для нас в Париже. Вчера я услышал, что Гонфалоньери приезжает в Лондон через месяц. Он сейчас в Париже? Я только что читал отчет о том, как мсье Минье *писал элоги* о Талейране. Надеюсь, вы там были, потому что это,

должно быть, очень интересно, но разве он не выступил с необычной защитой политического тергиверса Талейрана и его поведения, пока союзники были в Париже? необычной для наших представлений о политической честности. Вчера за ужином у Э. Страттов мы встретили "вездесущность" Янга и мистера Бэббиджа, которые рассказывали всевозможные забавные истории о лорде Броуэме, который, похоже, совсем потерял рассудок. На днях с ним обедал лорд Данкэннон, что для него в новинку: раньше, отправляясь на обед, он оговаривал, что не должен видеть никого из своих бывших коллег. Он присылает свою карету, чтобы она часами стояла перед домом лорда Денмана, пока он идет и гуляет в парке, или даже когда он находится за городом, чтобы создать впечатление, что они очень близки.....

В другом письме к мисс Кларк (18 сентября) приводится еще несколько сплетен. Мисс Найтингейл возвращалась в Лондон из Леа-Херста и прервала поездку в Ноттингеме: - На следующий день мы отправились в город.

На следующий день мы добрались до города по железной дороге за шесть с половиной часов, несмотря на то, что паровоз дважды выходил из строя и останавливал нас. В дороге у нас была очень приятная компания: наш сосед и конюх королевы, [12], который был полон ее достоинств и снисходительности. Насколько приятнее путешествовать на этих общественных транспортах, чем в собственной дурацкой карете. Он сказал, что лорд Мельбурн назвал любимого терьера королевы ужасным маленьким зверьком и часто противоречил ее квартире, а она принимает это на свой счет и отпускает его спать после ужина, [27] заботясь о том, чтобы его не разбудить. [13] Она читает все газеты и все оскорбления, которыми осыпают ее тори, и решает, что королева должна быть оскорблена, и сердечно ненавидит их.

//

Соловьи поселились в Эмбли в сентябре 1839 года и оставались там, в соответствии со своей привычкой, до начала следующего лета. Очарование этого места ярко описано в письме сестры Флоренс к ее кузине, мисс Хилари Бонэм-Картер:...

Любовь моя, в этом мире так прекрасно! Так прекрасно, что невозможно представить себе что-либо, приближающееся к Эдему, или сказочной стране, или *земному раю*, как это изображено в 25-м канто, строфа 40; так очень, очень прекрасно, что мы не можем противиться очень сильному желанию, чтобы ты приехала и увидела это. Дорогая моя, уверяю вас, мы достойны внимания. Я никогда, хотя и был благословлен многими прекрасными видениями (как во сне, так и наяву), не представлял себе ничего столь изысканного, как сегодня, лежа среди цветов, вокруг меня витают такие запахи и такие звуки! Фло читала и разговаривала так, что моя бессмертная тоже извлекала пользу, и она утешила меня, когда я сказал, что во мне должно быть много зверя, чтобы *так* радоваться солнечному свету и цветам, предположив, что Бог дал нам свои благословения, чтобы мы наслаждались ими. Так что я утешился и принялся за работу, чтобы наслаждаться изо всех сил и преуспеть *à merveille*. Но сад все равно большой, там много кустов рододендронов, азалий, бутонов роз, и я не смогу обойти их все сразу; поэтому мы хотим, чтобы ты пришла и помогла, не столько ради удовольствия, сколько чтобы снять груз ответственности, понимаешь.... Моя любовь, я пишу, сидя на стуле на траве, кругом соловьи, голубое небо (*такие* длинные тени спят на лужайке), и вокруг меня пахнет июнем. Ты не придешь? Рододендроны в этом году еще очень ранние, и через десять дней они уже отцветут. Неужели вы не приедете? Если вы спросите знающих людей, они скажут вам, что июнь в Эмбли - это готовая поэзия; и первое, что я сделаю, когда попаду в рай (вам лучше сразу отправиться

туда, мисс Поп, вам еще *очень* далеко до этих [28] подарков), где, как я ожидаю, у меня будет дар речи, это воспевание прелестей и красот сада в этом злом мире, лучше которого я не желаю.

Флоренция и ее сестра любили друг друга, но характеры их, как мы узнаем, были совершенно разными, и любовь их в это время была не идеальной симпатией, а скорее тоскливым восхищением, с одной стороны, и полужалостливой нежностью - с другой. Парфенопа смотрела на Флоренцию как на некое странное существо в другом мире, чье счастье она страстно желала увидеть и чей отказ от него она могла лишь смутно понять. Флоренция же смотрела на довольство старшей сестры красотами искусства и природы и миром, каким она его нашла, с той нежной жалостью, которую можно испытывать к счастливому ребенку. "Было бы плохой платой за всю ее привязанность, - писала Флоренс одной из своих тетушек, - утащить моего Белого Лебедя из ее прохладного, свежего, голубого моря искусства в наш детский куриный двор, где мы боремся, царапаемся[14] жизни. Как жестоко было бы, если бы кто-нибудь разбудил ее, когда она укачивается на своих мечтательных волнах". Разница в темпераменте сестер очень четко прослеживается в их нескольких описаниях Эмблей. Флоренс осознала его красоту, но она приходила к ней с мыслями о лучшем мире за его пределами или с отголосками печальной музыки человечества в том мире, который сейчас существует. "Мне бы так хотелось, чтобы вы увидели Эмблей летом, - писала она[15], - потому что там все так красиво. Я так чудесно прогулялась вчера перед завтраком. Голос птиц подобен ангелам, зовущим меня своими песнями, а ворсистые облака похожи на белые стены нашего Дома. Ничто не заставляет мое сердце трепетать так, как голос птиц; но живой хор так редко находит второй голос в изголодавшейся и земной душе, которая, подобно иссохшей руке, не может протянуть руку, пока Христос не попросит ее". Заметим, что очень отличается от той ноты, которую Парфенопа и Пиппа слышали от "жаворонка на крыле". То же самое касается и дома в Эмбли. Мистер Найтингейл нашел его простым, основательным зданием георгианской эпохи. Он расширил его, превратив в богато украшенный особняк в елизаветинском стиле. Его жена и старшая дочь были заняты тем, чтобы обставить его соответствующим образом, и мистер Найтингейл был очень доволен своими переделками. "Знаете, - сказала Флоренс, прогуливаясь с американским другом по лужайке перед гостиной, - о чем я всегда думаю, когда смотрю на этот ряд окон? Я думаю, как бы мне превратить его в больницу и как расставить кровати".[16]

///

Эмбли стал большим домом, в котором было достаточно места, чтобы принять одновременно, как пишет Флоренс в одном из писем, "пять трудоспособных замужних женщин с их мужьями и вещами". Большое количество братьев и сестер мистера Найтингейла, у некоторых из которых было много сыновей и дочерей, делало семейный круг Найтингейлов очень широким. Между четырьмя семьями связь была особенно тесной - Соловыи, Николсоны, Бонэм-Картеры и Сэмюэл Смитс. Одна из сестер миссис Найтингейл вышла замуж за мистера Джорджа Томаса Николсона из аббатства Уэйверли, расположенного недалеко от Фарнхэма, графство Суррей.[17] Среди их детей была Марианна, которая в детстве очень дружила со своей кузиной Флоренс. В 1851 году мисс Николсон вышла замуж за капитана (впоследствии сэра) Дугласа Гальтона, который, несколько лет спустя, стал тесно и полезно связан с работой мисс Найтингейл. К сестре мистера Николсона, "тете Ханне", Флоренс была очень привязана. Другая сестра миссис Найтингейл вышла замуж за мистера Джона Бонэма Картера из Дитчема, близ Питерсфилда, который много лет был членом парламента от Портсмута. Его старшая дочь, Джоанна Хилари, была особым другом Флоренс Найтингейл, которая говорила, что из всех ее

современниц в ее кругу, ее кузина Хилари была самой одаренной. Один из сыновей, мистер Генри Бонэм Картер, был и остается секретарем Фонда Найтингейл, и мисс Найтингейл назначила его одним из своих душеприказчиков. Между Найтингейлами и Сэмюэлами Смитами отношения были двойными. Брат миссис Найтингейл, мистер Сэмюэл Смит из Комб-Херст, Суррей, женился на Мэри Шор, сестре мистера Найтингейла; кроме того, их сын, мистер Уильям Шор Смит, был наследником (после своей матери) унаследованных земель в Эмбли и Лиа-Херст, в случае отсутствия сына у мистера Найтингейла. Старший ребенок мистера и миссис Сэмюэл Смит, Бланш, вышла замуж за Артура Хью Клафа, поэта, который, как мы услышим, был тесно связан с мисс Найтингейл. Было много других родственников; но, не утруждая себя вдаваться в дальнейшие подробности, которые могли бы сильно утомить даже автора *"Столпов дома"*, читатель поймет, что Флоренс Найтингейл была хорошо обеспечена дядями, тетями и кузенами.

Этот факт имеет определенное значение для понимания обстоятельств ее жизни в это время и характера ее борьбы за независимость. Эмансипированных или бунтующих дочерей иногда прощают или оправдывают, если они могут сказать, что у них мало домашних связей. Миссис Найтингейл могло показаться, что в домашнем общении в таком большом семейном кругу любая удобная дочь могла бы найти для себя массу возможностей и интересов. И так, по крайней мере, в одном отношении, ее дочь Флоренс сделал. Материнский инстинкт, который в ней не нашел своего воплощения, почти со всей страстью устремился к юному кузену, Уильяму Шору Смигу, о котором говорилось выше. Он был "ее мальчиком", говорила она, с того самого дня, когда его, еще младенца, отдали ей на руки, когда ей было одиннадцать лет. Вплоть до поступления в Кембридж он каждый год проводил часть каникул в Леа Херст или Эмбли. Письма Флоренс в это время были полны его забот. Она последовательно была его няней, товарищем по играм и воспитателем. "Сын моего сердца", - называла она его; "пока он со мной, все мое - его, моя голова, руки и время".

Как правило, в любой большой семье есть одна женщина, к которой все ее члены инстинктивно обращаются, когда приходит беда или требуется помощь. Флоренс была одной из тех, кто в кругу Найтингейл исполнял эту роль сестры милосердия или человека на скорую руку, принимая на себя ответственность за одно домашнее хозяйство, когда тетя была в отъезде, или отправляясь в другое, когда болезнь была распространена. В 1845 году она провела некоторое время с матерью своего отца, которой угрожал паралич и которую она выхаживала до частичного выздоровления. "Иногда я очень рада, - писала она из больничной комнаты бабушки своей кузине Хилари, - ходить по долине смертной тени, как здесь; в ее неподвижности и тишине есть что-то такое, что нивелирует все земные беды. Бог закаляет наши крылья в водах этой долины, и я давно не была так счастлива и так благодарна". И все же любопытно, что в последние годы жизни мы должны спускаться вниз, чтобы подняться на другую сторону; что в борьбе духовного с материальной частью вселенной материальное должно брать верх, а душа, как раз в тот момент, когда она одухотворяется навсегда, должна казаться более материализованной". Аналогичные размышления она высказала чуть позже в том же году (1845), когда ухаживала за своей старой сиделкой Гейл во время ее последней болезни. "Дух старушки, - писала она, - был в ее наволочках, и однажды ночью, когда она думала, что умирает, а я сидела с ней, она сказала: "А теперь, мисс Флоренс, не забудьте сшить два новых чехла для этой кровати, потому что я думаю, что тот, кто будет спать здесь в следующем году, найдет их удобными"". Смертная постель сестры Королевы медсестер заслуживает отдельного упоминания. Последними словами миссис Гейл, как сообщается в других письмах, были: "Не будите кухарку", "Ханна, иди на свою работу" и "Мисс Флоренс, будьте осторожны, спускаясь по лестнице". Если дух

этой старой служанки и материализовался в момент ухода из жизни, то, во всяком случае, в форме верной службы и заботы о других.

О том, что Флоренс сочувствовала тем, кто попал в беду, свидетельствует письмо с соболезнованиями, которое она написала мисс Кларк после смерти М. Фауриэль:...

Эмблей, *июль* 1844 года. Я не могу не написать ни слова, моя дорогая мисс Кларк, только что получив вашу записку, хотя знаю, что не могу сказать ничего, что могло бы утешить. Ибо мало есть печалей, как ваша, и мало [32] людей, столь необходимых для счастья другого в каждый миг, как он был для вашего.... Как мне жаль, дорогая мисс Кларк, что вы не подумаете приехать к нам сюда. О, не говорите, что вы "не омрачите духа молодых людей". Неужели вы думаете, что молодые люди так боятся печали, или что если у них живое настроение, в чем я часто сомневаюсь, то они считают, что оно ничего не стоит, кроме того, что его можно поставить на службу печали, не для того, чтобы облегчить ее, что, я полагаю, удастся очень редко, а чтобы посочувствовать ей? Я уверен, что это единственное, ради чего стоит жить, и я верю, что каждая пролитая слеза приносит в жизнь что-то хорошее. Дорогая мисс Кларк, как бы я хотел, чтобы вы были здесь, или, по крайней мере, мы могли бы увидеть вас и излить то, чем полны наши сердца. Этот умный человек из Фив, некто Кадмус, никогда не должен был существовать, если бы его холодное перо и чернила хоть как-то помогали выражать свои мысли. Железное перо, кажется, делает слова железными, но слова - это то, что всегда снимает пыль с крыльев бабочки....Какие ночи мы провели за этот месяц, хотя, если подумать, что сотни и тысячи людей страдают точно так же, и если в каждом домике можно увидеть какую-нибудь беду, не поддающуюся сочувствию, и весь мир каждое утро надевает туфли и чулки, и блуждающая земля идет своим неумолимым шагом-мельницей среди этих холодных звезд в вечной тишине, как будто ничего не происходит, - смерть кажется менее тоскливой, чем жизнь, при таком раскладе. Но я не хотел этого сказать, ибо кто бы знал покой ночи, если бы не беды дня, "долгожданной, трижды моленной, самой справедливой, самой любимой ночи", когда чувствуешь то, что в другое время повторяешь только про себя, - что гроб всякой надежды есть колыбель хорошего опыта и что никто не страдает напрасно. Странно, что человек не верит в своих друзей. *Мы* знаем, какой мягкий жребий выпал бы им, если бы мы могли; и как это мы должны считать себя бесконечно более добродушными, чем Бог, чтобы не доверить их жребий Ему!

Однако не следует думать, что Флоренс была востребована в семейном кругу только в тяжелые времена. Иногда она не менее эффективно занимала свое место на праздниках. Аббатство Уэверли, дом вышеупомянутого дяди Николсона, было местом семейных встреч на Рождество; и в письмах к мисс Кларк от миссис Найтингейл и ее дочери Парте есть живой рассказ о частных театральных постановках там в 1841 году. Был выбран "*Венецианский купец*", и Макриди вызвался помочь. Художественные способности Парты были востребованы, и она стала "художником сцены, мельничихой и мастером по пошиву шапок и мехов". Способности к командованию и организации, которые Флоренс впоследствии предстояло проявить на другом поприще, похоже, были разгаданы ее кузинами, так как ее единогласно назначили распорядителем сцены. Мисс Джоанна Хорнер, которая была в числе участников, вспоминает, что в присутствии Флоренс обычные мелкие зависти по поводу ролей и костюмов исчезали. "Фло очень цветущая", - сообщала миссис Найтингейл. "Актеры были не очень упрямы и вполне добродушны, - пишет Парте, - но Фло приходилось нелегко. Там был капитан Эллиот, только что приехавший из Китая, которого никак не удавалось заставить подчиняться. Он был Антонио и разражался хохотом во время самых патетических сцен, к ужасу Шейлока, который был очень серьезен и трудолюбив". В более поздние годы пребывания в Крыму фрейлина-главнокомандующий довольно императивно

обращалась с препятствующими ей военными джентльменами. Однако в данном случае она, возможно, удовлетворилась заверением, данным на репетиции известной пантомимы, что "в ночь все будет в порядке". Но это было не так. "Твое пламя, дядя Адамс, - продолжает[18] в письме к мисс Кларк, - было очень хорошо в Ланселоте! но, о, отчаяние, забыл роль герцога самым вопиющим образом, хотя Фло вбивала ему ее кувалдой всю неделю". В перерывах между репетициями девочки и их кузины танцевали и пели, совершали большие прогулки, шестнадцать человек вместе. После спектакля танцы продолжались до пяти утра. "На следующий день, - продолжает леди Верни, - мы спорили о том, с *мешком* или с *карманом*, набитым рожью, можно петь "Песню о шестипенсовике"; и, размявшись на этой интересной теме, мы, молодые, привлекли всех стариков, искали рекрутов в верхах и низах и устроили обычную сцену выборов. Дядя Адамс произнес речь, давая обеим партиям надежду на его голоса; затем мальчики улизнули после подсчета голосов и пришли с громкими криками, чтобы их пересчитали во второй раз, со многими другими порочными приемами, часто используемыми в такие времена; затем мы подкупили маленького мальчика, чтобы он пошел и устроил беспорядки в другой фракции; но вы будете рады услышать, что *карманы* получили их значительным большинством, и мы выбрали базовых *мешочников* с поля. После того как все закончилось, и мы подняли тревожный шум и крики, М. Крофф (богемец), который слушал и помогал, подошел к маме и сказал: "Это дает мне прекрасное представление о свободе вашей страны, ваши молодые люди воспитаны так, чтобы понимать это в вашей домашней жизни; если бы мы подняли такой шум, к нам бы пришла полиция с мечами и тесаками, чтобы разделить нас!"

IV

У Соловьевых было столько же друзей вне семьи, сколько и в ее кругу. Два дома привели их в контакт с обществом графства, как в Дербишире, так и в Хэмпшире, и знакомства, завязанные в Лондоне, часто созревали в деревне, или *наоборот*. В Дербишире среди их друзей были Стрэтты и Ричард Монктон Милнс, который впоследствии проявлял сердечный интерес к Фонду Найтингейла. В Лондоне Флоренс и ее сестра много гуляли и видели все, что было интересно образованным молодым людям. Письмо Флоренс к одной из ее тетушек показывает ее занятой в политике, в литературе, в астрономии, с чем-то, возможно, ноты голубой; но с ее ум уже установлен на цель в жизни: -.

(Мисс Ф. Найтингейл - мисс Джулии Смит.) 20 июня [1843 г.]. Холодный восточный ветер, сорок один день дождей за последний месяц! Как сообщает наша газета, это доказывает, что 43-й год хуже всех предыдущих. В *остальном* мир очень приятен - люди радуются перспективе того, что в течение одного-двух лет Пил предоставит им свободную торговлю и все радикальные меры. Новая книга Карлайла "*Прошлое и настоящее*", прекрасная книга. Там есть кусочки о "Работе", которые я бы с удовольствием прочитал вместе с вами! "Блажен тот, кто нашел свое дело: пусть он не просит другого блаженства. У него есть работа, цель жизни: он нашел ее и будет следовать ей....". Сэр Дж. Грэм будет вынужден отказаться от своего законопроекта об образовании на фабриках в этом году; о вы, фанатичные диссентеры! но я собираюсь придержать язык, не "лезть в политику" и не "говорить о вещах, которых не понимаю", ибо я уже дрожу в предвкушении, и сразу перейти к фактам....Две вещи, которые мы сделали в Лондоне в этом году, - самые поразительные вещи - это увидели Bouffé [35] в Клермоне, слепого художника (вы его видели, так что мне не нужно говорить о его полном отличии от всех остальных); и пошли под руководством мистера Бетьюна к сэру Джеймсу Сауту в Кенсингтон,[19] где мы были с десяти часов до трех следующего утра. Мистер Бетюн, безусловно, самый добродушный человек в древней и современной истории. Вы только представьте себе, как мы впервые вышли на лужайку в ту прекраснейшую

из ночей, когда этот огромный парень был запряжен в его раму, как большой паровой двигатель, и работал так же легко; и горы луны выделялись на небе, как яркие точки, а маленькие звезды превращались в двойные и даже четверные звезды.... Эти диалоги Галилея так прекрасны. Мистер Бетьюн дал нам их почитать в настоящем старом *первом* издании.

В Эмбли соловьи увидели кое-что из Палмерстонов и Эшбертонов. С мисс Луизой Стюарт Маккензи, которая впоследствии стала второй женой второго лорда Эшбертона, Флоренс завязала дружбу, которая стала одним из утешений и опорой в ее жизни в это время. Другими друзьями, сыгравшими еще большую роль в ее жизни, были мистер и миссис Брейсбридж^[20] из Атерстоуна, недалеко от Ковентри. Флоренс описывает характер некоторых из своих друзей в письме к кузине Хилари (апрель 1846 года):-.

Миссис Кит, мисс Даттон и Луизу Маккензи можно вкратце описать как представителей Души, Разума и Сердца. Первая вызывает всеобщее *поклонение*, вторая - *восхищение*, третья - живейший *интерес*. Миссис Брейсбридж можно назвать всеми тремя; человеческая троица в одном лице; и никогда я не вижу ее, не чувствуя, что она - глаза для слепых и ноги для хромых. Многие планы, которые разочарование превратило в фантом в моем сознании, обретают форму и реальность, когда к ним прикасается ее копье Итуриэля (ибо копье Итуриэля существует как для добра, так и для зла).

Доктор Ричард Доус, декан Херефорда, который был реформатором образования, и доктор Фаулер из Солсбери, который предвосхитил лечение на открытом воздухе, а в остальном был человеком с заметной оригинальностью, были среди тех, чьей дружбой она дорожила. Если Флоренс Найтингейл было найти ее домашней жизни пустой и неприбыльной, это не из-за отсутствия конгениальных друзей.

Она также видела много общего, и Эмблей часто был сценой развлечений. Мы получаем представление о ее вечеринках из приглашения, которое мистер Найтингейл послал мисс Кларк (октябрь 1843 года), чтобы привести ее друг Леопольд фон Ранке с ней на визит:-.

Пошлите ему лукавую реплику о том, что 24-го числа он найдет здесь *знатных персон*, а именно: спикера (Шоу Лефевра), бывшего министра иностранных дел (Пальмерстона), католика Уэлда (будущего владельца Лулворта и племянника кардинала этого рода), возможно, королевского кавалера или двух, барона казначейства (Рольфа), инспектора, или, скорее, инженерного архитектора, новых тюрем,^[21] и пару баронетов. Он должен хорошо подумать об этом. Ваш, недоумевающий, но верный, У. Е. Н.

"Папа расспрашивает баронетов, - добавила Флоренс, - которые не отличаются мудростью. Если вы приедете, мне ни до кого нет дела, ни до меня, и я буду вполне довольна". Как сказал месье де Нечто Стаэлю: "У нас есть два чувства на четверых, у вас - на четверых, у меня - на четверых".

Были и ответные приглашения в великие дома, и время от времени Флоренс пересказывала их сплетни или свои собственные размышления в пользу кузенов или тетушек:...

(Мисс Хилари Бонэм Картер.) 1845 (или начало 46-го). В чем секрет возвышенного спокойствия леди Джослин? Я никогда не видел ничего столь прекрасного, как она, а ведь она прожила четыре с половиной десятка лет в большем волнении, чем когда-либо выпадало на долю кого-либо, кроме актрисы, - все молодые пары делали ей предложения. Что же дает ей сейчас такую полноту жизни и заставляет находить в себе достаточно сил? Не то чтобы она разговаривала с лордом Пальмерстоном или лордом Джослином, потому что она

никогда этого не делает; и хотя она очень любит своего ребенка, она сама сказала мне, что ей неинтересно с ним играть. Возможно, вы скажете, что это недостаток серьезности, но, боже мой, дорогая моя, если серьезность разбивает сердце, то кто больше исполняет замысел Творения - она, разбивающая сердце, или эта женщина, сохранившая спокойствие среди волнений и простоту в беспредельном восхищении? Палмерстоны, безусловно, самые добродушные люди под звездами по отношению к своим гостям.

После этого мы побывали у сэра Уильяма Хиткота на встрече с Эшбертонами. Жаль, что вас там не было - не только ради картин, но и ради артистического ужина, который, как я понял, был таким ужином и такими тарелками, какие редко благословляли мой хозяйственный взор. Палмерстоны тоже привезли все свои картины из Лондона - например, Рембрандта, где Пилат умывает руки. Лорд Эшбертон не очень-то похож на человека, решающего пограничный вопрос.^[22] Она американка, и мы поклялись в вечной дружбе в Бостоне; у меня, знаете ли, было много любопытной информации об этом городе и его жителях. На лбу у нее была малиновая россыпь бриллиантов, достойная внимания. Потом месмеризм, и когда мы расставались, мы забрались так высоко в *Vestures*^[23], что я не смог спуститься, и был вынужден уйти, как ангел. Эшбертоны были единственными, кого попросили встретить королеву в Стратфилдсейе (из ее общества). Это был самый полный крах, о котором когда-либо приходилось слышать, и отказ пригласить Палмерстонов сочли чуть ли не личным оскорблением; но говорят, что старый герцог теперь не заботится ни о чем, кроме лестии, и не приглашает никого, кроме хозяев гончих. Он почти грубо обошелся со спикером. После ужина все они непринужденно расположились в гостиной и вели себя как множество солдат на параде. Королева изо всех сил старалась оживить мрачную обстановку, но в конце концов ее пересилили, заткнули рот и связали руки. Единственным развлечением было наблюдать, как Альберта учат промахиваться в бильярде.

V

Замечание Флоренс о том, что она могла бы стать лишь *zéro of esprit* для четверки мисс Кларк, ни в коем случае не следует воспринимать буквально. Она была привлекательна, причем как для мужчин, так и для женщин. Она хорошо говорила, часто выкладывалась, чтобы заинтересовать своих собеседников, а иногда ставила их в тупик своей образованностью. В 1844 году Джулия Уорд Хоу была в Англии со своим мужем, доктором Хоу, и они посетили "Соловьев" в Эмбли. "Флоренс, - пишет миссис Хоу в своих воспоминаниях, - была скорее элегантной, чем красивой; она была высокой и изящной, ее лицо было подвижным и выразительным, ее разговор был очень интересным".^[24] В воспоминаниях более позднего времени рассказывается о встрече с сэром Генри де ла Бешем, первооткрывателем Геологической карты Англии. Уоррентон Смайт и сэр Генри обедали у мистера Найтингейла, и Флоренс сидела между ними. "Она начала излагать сэру Генри геологию и очаровала его смелостью и широтой своих взглядов, которые в то время не были обычными. Она случайно зашла в область латыни и греческого, и тогда нашему геологу пришлось выпутаться. Она была только что из Египта и начала говорить с У. Смайтом о надписях и т. д., где, как ему казалось, он мог бы неплохо преуспеть; но когда она начала цитировать Лепсиуса, которого она изучала в оригинале, он оказался в том же положении, что и сэр Генри. Когда дамы вышли из комнаты, сэр Генри сказал Смайту: "Прекрасная молодая леди, если бы она не поразила меня своей латынью и греческим".^[25] "Я гуляла с папой, - писала Флоренс мисс Кларк (март 1843 года), - в большой карете на официальном званом обеде, где, однако, мы с мистером Джерардом Нозлем были очень толсты, он нежно расспрашивал о вас и вашем местонахождении".

*Флоренс Найтингейл в детстве: около 1845 года
с рисунка мисс Хилари Бонэм Картер*

Личный внешний вид мисс Найтингейл в раннем женском возрасте, есть изображения пера очень компетентные руки. Леди Лавлейс в своих стихах под названием *"Портрет, взятый из жизни"* подчеркивает некую духовную отстраненность своей подруги: "Я увидела, как она прошла мимо.

Я увидела, как она прошла мимо, и остановилась, чтобы подумать!
Она движется, как тот, на кого смотрят
Со спокойными и святыми мыслями, которые связывают
Душу с Богом в молитве и хвале.
Она идет, как будто на краю рая,
Непоколебимо пробираясь через запутанные дебри жизни.

Я слышал ее мягкий и серебристый голос.
участвует в песнях гармонии,

созданных, чтобы радовать и веселить;
А ее неземная мелодия
все еще хранила мою душу в волнующем выборе,
'Twixt smiles and tears of ecstasy....

Я считаю ее прекрасной, да, очень прекрасной!
И все же есть те, кто обходит ее стороной,
Не впечатленные всеми ее достоинствами.
Ее лицо не вызывает горячих вздохов,
И нет в ее стройной фигуре бликов.
Который поражает и приковывает все взгляды.

Ее серьезный, но большой и ясный взгляд
Объединяет безграничную глубину чувств.
с яркой прозрачностью Истины,
Ее искренность сердца раскрывается;
Но все же история ее духа
От света и любопытного взгляда скрывая....

В прозаической картине миссис Гаскелл есть и более светлые штрихи. "Она высокая, очень прямая и ивовая фигура, густые и короткие насыщенно-каштановые волосы, очень нежный цвет лица, серые глаза, которые обычно задумчивы и поникли, но когда они выбирают, то могут быть самыми веселыми глазами, которые я когда-либо видела; и идеальные зубы, делающие ее улыбку самой милой, которую я когда-либо видела. Положите длинный кусок мягкой сетки и повяжите его вокруг этой прекрасно сформированной головы, чтобы образовать мягкий белый каркас для полного овала ее лица (поскольку у нее болели зубы, и она носила этот маленький кусочек драпировки), оденьте ее в черный шелк, высоко, до длинного, белого круглого горла, и с черной шалью, и вы сможете *получить* представление о ее совершенной грации и прекрасной внешности. Она так похожа на святую".[26] Она оделась прилично, но проявила святую небрежность в таких вещах, к некоторому отчаянию старшей сестры. "*Заставь* Фло надеть ее белую шелковую рубашку сегодня вечером", - писала она однажды матери. Много лет спустя, когда на Восток под покровом ночи отправляли товары и удобства для главной леди, леди Верни намекнула: "Одно маленькое платье для Фло, и кто не полюбит ее за это? "Когда в 1849 году она отправилась зимовать на Восток, ее мать говорит, - я снова цитирую миссис Гаскелл, - что они снарядили ее *en princesse*, и когда она вернулась, у нее почти ничего не было, кроме одежды; она раздала свое белье и т.д. направо и налево тем, кто хотел его получить".

VI

Те, кто обладает социальными дарами, часто находят достаточное счастье в их реализации; но Флоренс, хотя иногда и наслаждалась общением в интеллектуальном обществе, все время упрекала себя за это. Она все больше чувствовала, что у нее есть другие дарования, которые больше подходят ей, и что жизнь в обществе отвлекает ее от неверного пути. Даже лондонский сезон показался ей более приятным, чем жизнь в гостеприимном загородном доме. "Люди говорят о лондонских развлечениях, - писала она мисс Николсон ("тете Ханне"), - но там вы, по крайней мере, можете проводить утро в одиночестве. Для меня деревня - это место "рядышком". Как ты думаешь, сколько времени мы были одни с тех пор, как вернулись

домой в сентябре? Ни одной недели. Загородный дом - это настоящее место для рассеянности. Иногда мне кажется, что все ко мне строги, что от меня вечно ждут, что я буду выглядеть весело и говорить что-то оживленное, - это больше, чем можно просить утром, днем и ночью".

Когда она оставалась наедине с родителями и сестрой, то вряд ли находила жизнь дома более приятной. Отчасти, как она признавалась на многих страницах самоанализа, это было результатом ее собственных недостатков. "Попросите меня, - писала она "тете Ханне", - сделать что-нибудь ради вас, что-нибудь трудное, и вы увидите, что я буду делать это *регулярно*, а это для меня самое трудное из всех дел". Пусть те, кто упрекает себя в безделье, кажушемся неизлечимым, вновь примут к сердцу пример Флоренс Найтингейл! В это время в ее частных излияниях не было более частого самобичевания, чем нерегулярность и даже лень. Ей было трудно вставать рано утром; она молилась и боролась, чтобы избавиться от беспорядочных мыслей, от праздных мечтаний, от скудости в бескорыстной работе. Она боролась, и она победила. Когда ее способности находили полное применение в благоприятной работе, в ее жизни и творчестве не было ничего более постоянного и примечательного, чем регулярность, точность, метод, настойчивость. Но отчасти в неудачах, в которых она себя упрекала, были виноваты обстоятельства. Наличие двух загородных домов препятствовало постоянной работе в одном из них. Ее родители не были, действительно, небрежный или легкомысленный, чем другие в их положении, но скорее наоборот. Мистер Найтингейл был аккуратным домовладельцем и ревностно относился к делам графства, а его жена, как я уже говорил, проявляла интерес к деревенским школам и благотворительным организациям. Но для родителей Флоренс эти вещи были скорее милостями, справедливо сопутствующими их положению, чем главным делом жизни. Более пылкий темперамент и большие способности Флоренс требовали большей последовательности в жизненных энергиях. От нее ожидали, что в один день она будет играть роль леди Баунтифул, а на следующий будет готова играть роль леди Грейсфул. Друг, гостивший в Лиа Херст, вспоминает, как Флоренс часто пропадала по вечерам, а когда ее искали, находили в деревне, сидящей у постели больного, и говорили, что не могут сесть за большой ужин в семь часов, пока это происходит.^[27] Но к тому времени, как она приучила себя к регулярной работе в Лиа-Херст, настал час переезда в Эмблей. К тому времени, когда она освоилась с работой среди бедняков в Эмбли, наступил час лондонского сезона. "Я была бы очень рада, - писала она своей тете из Эмбли, - если бы меня оставили здесь, когда они уедут в Лондон, ведь здесь столько всего нужно сделать, но поскольку об этом никто не слышал, Лондон стал для меня настоящим местом отдыха".

Общение, которое Флоренс имела дома, иногда было для нее утомительным. Сестры, как мы уже видели, не вполне ей симпатизировали. Родители не были неинтеллектуальными людьми, но, опять же, с точностью до наоборот. Миссис Найтингейл была женщиной яркого интеллекта и большого социального обаяния. Мистер Найтингейл был высокоинтеллектуальным человеком, чувствительным и утонченным. Он стрелял и охотился, но не был горячо предан ни одному из этих видов спорта, а интересовался многими вещами. Возможно, даже слишком многим, но ни в одном не было достаточного интереса. Флоренс Найтингейл в более поздние годы иногда с умилением описывала утренние будни своей домашней жизни в детстве. Мама, как мы можем предположить, была занята домашними заботами. Папа очень любил читать вслух и, чтобы заинтересовать своих дочерей, пролистывал с ними всю "*Таймс*", несомненно, с многочисленными комментариями. "Для Парты, - говорила мисс Найтингейл, - утреннее чтение не имело значения; она продолжала рисовать; но для меня, не имевшей такого прикрытия, это было скучно до отчаяния". "Быть прочитанным вслух, - писала она, - самое жалкое упражнение для человеческого интеллекта.

Или, скорее, это вообще упражнение? Это все равно что лежать на спине, со связанными руками, и чтобы жидкость заливали в горло. Хуже того, потому что немедленно наступит удушье, которое остановит эту операцию. Но никакое удушье не остановило бы другую".[28] Как младшей дочери занятой работой матери, Флоренс не часто поручали домашние дела; но в одном случае, во всяком случае, она осталась за старшую, и то в важный сезон варки варенья. "Мое царствование закончилось, - писала она своей кузине Хилари, которая училась искусству (декабрь 1845 года), - ангелы и служители благодати защищают меня от другого! Хотя я не могу не смотреть на свои пятьдесят шесть горшков с гордым удовлетворением художника, слегка склонив голову на одну сторону, наблюдая за счастливым эффектом своих работ с большим чувством Прекрасного, чем когда-либо было у Парты". И даже уборка дома приносила Флоренс упрямые сомнения. В письме к мадам Моль (июль 1847 года) она описывает один из таких случаев

Я по самый подбородок в белье и стекле и очень люблю заниматься хозяйством. В наш слишком высокообразованный, слишком малоактивный век это, по крайней мере, практическое применение наших теорий к чему-то, и все же, посреди моих списков, моих зеленых списков, коричневых списков, красных списков, всех моих инструментов декоративных кулинарных достижений, которые я даже не могу определить, как использовать, я не могу не спросить себя в голове: "Разве разумным людям все это нужно? Неужели весь этот фарфор, лен, стекло необходимы для того, чтобы сделать человека прогрессивным животным? Разве это вообще хорошая политическая экономия (спрашивается, для "хорошей" читайте "атеистическую" Pol. Econ.?) - изобретать желания, чтобы обеспечить занятость? Или в наше время все расходы не должны быть репродуктивными? "И вы получите соответствующий глупый ответ", - говорит лучший версальский сервиз; "так что идите и занимайтесь своими счетами; один из нас раскололся".

VII

Флоранс была ласковой и послушной дочерью. Она слушалась и уступала в течение многих лет. Она изо всех сил старалась думать, что ее долг лежит дома и что тривиальный круг и обычная работа дадут ей все, о чем она вправе просить перед Богом или человеком. Но по мере того как в ее сознании укреплялось и углублялось чувство призвания в другом месте, она, возможно, решила, что, поскольку ее старшая сестра довольствуется домом, активная жизнь вне дома для другой дочери может не противоречить привязанности к родителям.

У нее действительно были свои интеллектуальные интересы. Она много читала на английском, французском, немецком языках; благочестивые произведения, поэзию, историю, философию. И то, что она читала, она отмечала и внутренне переваривала. Сохранилась копия (к сожалению, неполная) первого издания "*Парацельса*" Браунинга, которое она аннотировала замечаниями, пересказами и иллюстрациями по мере чтения. Первая сцена поэмы - "Парацельс стремится" - содержит множество отрывков, вызвавших сочувственный отклик в ее сердце. Ключевая нота зазвучала рано. "Стремление к цели, которую нельзя найти в жизни, - говорит она, - и есть ее истинное страдание". Затем она завела обычную книгу, в которой под заголовками, расположенными в алфавитном порядке, такими как "Век Разума", "Биготизм", "Вероисповедание", "Смерть", "Образование" и т. д., она выписывала отрывки, которые ее поражали. Она накапливала информацию и размышления. В одной из ее записных книжек я обнаружил вырезанный отрывок из некоторых замечаний о Лакордере

Я хочу прожить значительное время в безвестности и труде, чтобы дать созреть всему, что я получил от Бога, и когда-нибудь обратить это во славу Его Имени. В наше время люди

слишком торопятся как производить, так и потреблять. Только в уединении, в тишине, в размышлениях формируются люди, призванные оказывать влияние на общество.

Со своей стороны, по мере того как крепла ее способность к размышлению, ощущение призвания становилось все более настойчивым с каждым годом. В некоторых автобиографических заметках мисс Найтингейл указывает 7 мая 1852 года как дату, когда она осознала "призыв от Бога быть спасителем"; но мысль посвятить себя работе медсестрой появилась гораздо раньше. Миссис Джулия Уорд Хоу в своих воспоминаниях, процитированных выше, рассказывает, как во время визита в Эмблей в 1844 году Флоренс вместе с мужем отвела доктора Хоу в сторону и задала ему такой вопрос: "Если я решусь изучать сестринское дело и посвятить свою жизнь этой профессии, как вы думаете, будет ли это ужасно?". Доктор Хоу, как известно, пользовался широкой известностью как филантроп, и мисс Найтингейл очень дорожила его мнением. Оно благоприятствовало ее желанию. "Совсем не ужасно", - ответил он; "Я думаю, это было бы очень хорошо". "Я представляю себе рай, - писала она через некоторое время после этого, - когда моя дорогая тетя Ханна, я и мой мальчик Шор, и все мы будем вместе, ухаживать за больными, которые остались позади, и дарить друг другу сочувствие рядом, а наш Спаситель будет посреди нас, давая нам силы". А пока она надеялась воплотить в жизнь хоть частичкурая на земле. Она наводила справки, строила планы, держала свой совет, а затем сделала первую попытку обрести свободу. О характере ее планов, о том, как их прервал материнский мороз, и о последующем унынии рассказывается в письме к ее кузине Хилари (11 декабря 1845 года):-

Дорогая моя, я еще не дошла до того, что хотела сказать. Я всегда считала, что в высказывании о том, что спрятанные сокровища нужно искать *молча*, иначе их не найти, много правды; и вот я вынашивала свой бедный маленький план в тишине, даже от тебя. Я должна была пойти работать медсестрой в больницу Солсбери на эти несколько месяцев, чтобы научиться "праксу", а потом вернуться домой и завязать такие чудесные знакомства в Вест-Уэллоу, под прикрытием порошка ревения и перевязанной ноги; не говоря уже о том, что никто никогда больше не сможет сказать мне: ваше здоровье не выдержит того-то и того-то. Этим летом на моих глазах умерла бедная женщина, потому что с ней некому было посидеть, кроме дураков, которые отравили ее так же сильно, как если бы дали ей мышьяк. А потом у меня был такой прекрасный план на те страшные последние дни (которых я никогда не боялась), если я переживу своих ближайших родственников, - снять небольшой домик в Уэст-Уэллоу... Ну, я не люблю много говорить об этом, но я думала, что можно было бы создать что-то вроде протестантского сестринства без обетов, для женщин с образованными чувствами. Но в самом первом моем шаге возникли трудности, которые привели маму в ужас. Я имею в виду не физически отвратительные части больницы, а то, что касается хирургов и медсестер, о чем вы можете догадаться. Даже миссис Фаулер^[29] вылила на это ушат холодной воды; и в этом году ничего не будет сделано, во всяком случае, я не верю - никогда; и я не вижу никаких преимуществ в том, что я буду жить дальше, кроме того, что с каждым годом становишься все менее и менее молодой леди, а это только минус. Ты будешь смеяться, дорогая, над всем этим планом, осмелюсь сказать; но никто, кроме матери, не знает, как драгоценна ^[45] становится младенческая идея; и как умирает душа между уничтожением одной и обретением другой. Я никогда ничего не сделаю, я хуже пыли и ничтожества. Интересно, если бы наш Спаситель снова ходил по земле, а я бы пришел к Нему и попросил, послал ли бы Он меня обратно, чтобы я снова жил этой жизнью, которая разбивает меня о суету и обман. О, если бы нашлась какая-то сильная вещь, способная смести эту отвратительную жизнь в прошлое!

Так закончилось на время стремление птицы в клетке к свободе.

ГЛАВА III

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Хотя внешний человек может погибнуть, но внутренний обновляется день ото дня. Ибо легкие скорби наши, которые на мгновение, производят в нас гораздо более великую и вечную славу; а мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно" (св. Павел).

Провал ее плана поверг Флоренцию в состояние глубокого уныния. "День личных надежд и страхов, - писала она, - для меня закончился. Теперь я больше ничего не боюсь и не желаю". Это было лишь мимолетное настроение; очень скоро, как мы узнаем из следующей главы, она возобновила, с еще большей решимостью, свою борьбу за свободу и самовыражение в деятельной жизни. Но в данный момент, как и во многие другие моменты в последующие годы, уныние было сильным. Это было не просто разочарование жаждущего ума, лишенного должной энергии; это был горький крик глубоко религиозной души, искушенной в своем недоумении вопросами: "Боже мой, Боже мой, почему Ты оставил меня?"

В некоторых автобиографических заметках мисс Найтингейл записала под 1843 годом "болезнь и знакомство с женщиной, которой все невидимые вещи казались реальными, а вечные - близкими, пробудили меня" [от сна]. Женщиной, о которой она говорила, была, как можно с уверенностью предположить, мисс Ханна Николсон. Они встречались один или два раза в год - когда мисс Николсон посещала Эмблей или мисс Найтингейл гостила у брата мисс Николсон в Уэйверли. В остальное время они обменивались объемистой корреспонденцией, которая почти полностью была посвящена религиозным переживаниям и рассуждениям. "Тетя Ханна" неистощимо сочувствовала своей измученной самобичеванием юной подруге. Она не укоряла и не отговаривала Флоренс, но в ее посланиях было требование духовной жизни, послание Павла к коринфянам. "Вся ваша жизнь, - писала Флоренс в одном из многочисленных всплесков нежной благодарности мисс Николсон, - кажется любовью, и вы всегда находите в своем сердце слова, которые, не претендуя на просвещение, все же словно проясняют меня. Кажется, что вы всегда опираетесь на сердце божественного Учителя и участвуете в Его тайнах". "Ваши письма, - сказала она в другой раз, - остаются рядом со мной и согревают меня, когда сны жизни приходят один за другим, затуманивая и закрывая реальность невидимого". Этой отзывчивой и (в некоторых отношениях) родственной душе Флоренс безоговорочно изливала переживания своей духовной жизни; так же, иногда, хотя и с более осознанным искусством литературного выражения, она писала мисс Кларк в Париже.

//

Несколько писем, выбранных из огромного числа, помогут проследить ход ее религиозных мыслей. В них, как видно, повторяются духовные переживания и убеждения святых, служивших человечеству. *Реальности невидимого мира* посвящено письмо мисс Кларк (август 1846 года), в котором после страницы семейных новостей она продолжает: "Но я думаю, что ты, должно быть, устала..."

Но я думаю, что вы, должно быть, устали от всего этого, ибо мне кажется, что вы живете гораздо больше в сверхъестественном, чем в естественном мире. Я всегда верила в Гомера,

и в "облако свидетелей" святого Павла, и в старые итальянские картины, где есть первый этаж, где Невидимые живут *au premier*, с двухпарной спиной, где тень Père Eternel наполовину выглядывает наружу, и первый этаж, где живут бедные смертные, но все еще имеют связь с заведением над лестницей. Мне нравятся книги, где Невидимое свободно общается с Видимым царством; не то чтобы они соответствовали идее, которая всегда намного ярче исполнения (ведь слово - лишь тень, отбрасываемая светом мысли); но они наводят на размышления. Я всегда верю во множество духов, обитающих в одном доме с нами; Мы - лишь антресоль, самый незначительный из его обитателей, слишком занятый погоней за хлебом насущным [48], слишком скованный тяжелой работой и слишком полный борьбы с материальным миром, чтобы посещать славные существа, находящиеся непосредственно возле нас, - которых мы увидим, когда погаснет нынешняя свеча нашего земного разума, ослепляющая нас так же, как огарок свечи, оставленный гореть после сна, долго не дает нам увидеть мир, освещенный полной луной. Он дрожит, мерцает и опускается в гнездо, и тогда мы ловим яркую полоску лунного света, освещающую пол; Но она снова вспыхивает, и серебристый поток исчезает, "как будто его не могло быть, как будто его не было", и мы не видим ничего, кроме свечи, и с трудом представляем себе другой свет - пока наконец она не гаснет совсем, и поток лунного света врывается в комнату, и каждое стекло створки окна, и каждый лист плюща без него, как бы впечатываются в пол, и перед нами открывается целый мир, который эта мерцающая свеча скрывала от нас. Полагаю, именно это имел в виду Иисус Христос, когда говорил, что должен уйти, чтобы быть со своими друзьями в духе, что после смерти Он будет гораздо ближе к ним, чем во плоти. Во плоти нас отделяло от друзей то, что они уходили в соседнюю комнату - нас разделяла дверь, перегородка; но что может разделить две души? Часто мне кажется, что мы ощущаем присутствие доброго духа, сообщающего нам свои мысли: разве все они не являются духами-служителями, посланными, чтобы служить нам? Когда Иисус Христос предупреждает нас, чтобы мы никого не презирали, потому что на небесах ангелы всегда созерцают лицо Отца, возможно, Он подумал, что наши возлюбленные, которые ушли, могут быть этими нашими "ангелами", которые, следовательно, должны общаться с людьми.

Именно здесь, где холодная и фальшивая жизнь условностей, предрассудков и легкомыслия часто является всем, что достигает наших внешних чувств, мы иногда не можем заглянуть в жизнь, которая лежит под ними; именно здесь, среди вспышек и мелких неприятностей, которые являются тенями, затемняющими самое яркое общение, именно здесь мы иногда не можем иметь близкого общения с душами и останавливаемся перед мертвыми покровами; но между душой, которая свободна, и нашей душой, какая преграда, какое ограничение может быть? Человеческое сочувствие действительно необходимо для нашего счастья в каждый момент, и отсутствие его вносит ужасную пустоту в нашу жизнь. Каждая комната становится могилой, а каждая книга, которую мы читали вместе, - памятником тому, кого мы любим. Но кто-то говорит, что нам нужна *прекрасная идея*, чтобы уберечься от суетливых чертей, которых постоянно выдумывает воображение. Я думаю, что этой *прекрасной идеей* является идея любящего присутствия духов. Эти дорогие нам люди в безопасности и все еще с нами, ибо я искренне верю, что наши органы чувств скрывают от нас, а не открывают нам окружающий мир (который [49] иногда открывается нам во сне или в моменты волнения, как в момент смерти, нашей собственной или друга, или с помощью месмеризма, или с помощью веры). Вера - это настоящий глаз и ухо души, и как невозможно описать гармонию и мелодию музыки тому, кто родился глухим, или заставить слепого воспринять красоту эффектов цвета, так и без веры духовный мир так же скрыт для души, как искусство живописи для слепого. В темную ночь луна, когда она наконец восходит, открывает нам, прямо у наших ног, мир предметов, о присутствии которых мы раньше не подозревали. Мы видим сверкающую в лунных лучах реку рядом с нами, и высокие тени, спокойно спящие на траве, и

четкий рельеф архитектурных карнизов, и сильные очертания света и тени, настолько четко очерченные, что нам трудно поверить, что мгновение назад и мы их не видели. Что мы скажем, если однажды луна взойдет над нашим духовным миром, и мы увидим рядом, готовые к самому тесному общению с нами, тех духов, которых мы любили и оплакивали как потерянных для нас? Мы подобны слепцам, стоящим на обочине, и должны сидеть и плакать: "Господи, прозри! И когда мы его обретем, то, возможно, обнаружим, что нам не нужно переноситься в другой мир, чтобы осознать непосредственное присутствие Бесконечного Духа и других меньших, которых мы считали исчезнувшими. Полагаю, нам нужно лишь зрение, а не перемена места.

Борьба, поглотившая ум и сердце Флоренс, заключалась в том, чтобы установить некую гармонию между ее делами в мире чувств и общением с невидимым миром. Она упрекала себя за нетерпение, за эгоизм, за отсутствие уверенности в том, что Бог все устроит. Счастливы те, у кого не больше, чем у нее, поводов считать себя непригодными слугами! Но условием достижения сравнительной безгрешности является, как я полагаю, *убеждение в грехе*; и это очень остро ощущала Флоренс Найтингейл. "Я много раз перечитывала ваши письма с тех пор, как оказалась здесь", - писала она из Таптона (дома своей бабушки Шор) в 1845 году. "Ах, моя дорогая тетя Ханна, вы как белый лебедь на своем прохладном, свежем, голубом озере, вас качает в мире и покое сладкий ветер вашей веры и любви, и вас не затащить в наш суетливый куриный двор, где идет борьба, где *царапается* жизнь.^[30] Вы не знаете, что это такое, когда человек согрешил с таким отягчением, как я. Ни у кого не было таких преимуществ, а я согрешил со всем этим, и после того, как мне объяснили, что такое грех и каковы мои обязанности. Никто так не огорчал Святого Духа. Я грешила против своего убеждения и, как бы, стояла перед Божьим судилищем". Во многих религиозных излияниях мисс Найтингейл, как в письмах, так и в частных дневниках, есть нота, которая граничит с болезнью; но опасная точка предотвращена, иногда с помощью практического здравого смысла, а иногда с помощью спасительного чувства юмора. За только что приведенным письмом вскоре последовало другое (из Эмбли, окт. 1845 года), содержащее такой рассказ о сцене у постели ее любимой маленькой кузины: - "Однажды вечером, когда я читала Шору стих об искушениях мира, плоти и дьявола, и мы сошлись во мнении, что искушения плоти заключаются в том, что он любит много играть и не работать, и долго лежать в постели, а соблазны мира любят, чтобы их хвалили и восхищались ими, чтобы они были всеобщими любимцами и так далее, больше всего на свете, и мы оба были очень задеты, и он сказал, прежде чем я ушел от него: "Теперь я могу лежать в постели до завтра, и ты не позовешь меня в шесть, не так ли?" И я тоже ушла, чтобы помечтать о многих вещах, о которых мне лучше не думать. О, как я смеялась над результатами всех наших чувств! Думать и быть - две такие разные вещи!"

Привести мысль и действие в гармонию, сделать присутствие Незримого проводником по пути этого настоящего мира - вот проблема практически религиозной жизни. Для Флоренс Найтингейл общение с Незримым означало нечто более глубокое, богатое, полное, позитивное, чем страх Божий. Страх Божий - это начало, но не конец мудрости, ибо совершенная любовь изгоняет страх. Именно к любви Божьей, как к активному принципу в ее разуме, сдерживающему все ее поступки, она и стремилась. Когда она сознавала, что отпадает от этой благодати, она познавала *адские муки* здесь и сейчас, как состояние души, отчужденной от Вечной Благодати: - (Мисс Николсон.)

(Мисс Николсон.) Эмбли, канун Рождества [без даты]. Подумай обо мне завтра на Таинстве. Я не принимал его с тех пор, как в последний раз принимал его с вами, за исключением одного раза, с бедной женщиной [51] на ее смертном ложе. С тех пор время для меня тянется

неторопливо, тетя Ханна. Если бы, когда плуг проходит по душе, рядом всегда была рука Сеятеля, чтобы разбросать семена вслед за ним, кто бы сожалел? Но как часто время посева прошло, слишком поздно, борона прошла, время жатвы пришло, а урожая нет.... Дайте мне ваши мысли на завтра, моя дорогая тетя Ханна; они мне очень нужны; и возьмите меня с собой к Престолу Благодати. Благословите и меня, как сказал бедный Исав. Я так переживал вместе с ним и плакал великим и горьким плачем: "Благослови и меня, Отче мой"; но Он так и не благословил, и я не заслужил, чтобы Он благословил меня.

(Мисс Николсон, май 1846 г.) "Горести ада охватили меня". Мы узнаем, что это такое, заранее, когда не можем приказать своим мыслям молиться, когда все наши упущения обретают форму и жизнь и замыкают нас в стене, за которую нет ни взгляда, ни возврата: когда они удерживают нас с неодолимой силой, и мы зажаты своими воспоминаниями, как в клетке, обступающей нас. Каким может быть будущий ад, кроме этого? Невыразимое присутствие может быть радостью и миром, но может быть и ужасом, обитателем на пороге, духом страха для пораженной совести. Иисус Христос молился на кресте не о жизни или безопасности, а только о свете Своего лица: Почему Ты оставил Меня? И все печали исчезают перед этим вопросом. Пусть те, кто испытал ее, скажут, так ли это, и есть ли на свете печаль, подобная этой. Как охотно мы променяли бы ее на боль, которую мы почти приветствуем как доказательство Его заботы и внимания. Скорбь сама по себе не является злом; как приобщение нашего сознания к Невидимому, Вечному и Бесконечному она скорее благо. Но когда все фантазии человека блуждают вне пределов его досягаемости, тогда он осознает будущее наказание даже в этом мире. Молюсь, чтобы Он не оставил мою душу в аду. Как мало можно сделать под влиянием духа страха; это тот самый приговор, который был вынесен змею: "На животе твоём будешь ходить во все дни жизни твоей". О, если кто-то думает, что в покаянии страха - это время для души открыться для Бесконечной благодати, для духа любви, силы и здравого ума, в смерти сердца жить и любить, - пусть попробует, как трудно собрать себя из рассеянности, пусть почувствует, как плохо говорить "*завтра*", когда Бог сказал "*сегодня*"; а затем, когда он обнаружит, насколько усталыми, черствыми, плоскими и невыгодными кажутся все занятия этого мира, пусть он попробует с мертвым сердцем жить для Бога, любить всеми силами, когда все силы любить уже иссякли.

Состояние совершенной любви, выражающееся в совершенной правильности мыслей и поступков, может быть недостижимо на земле, но ничто меньшее, чем поиск этого идеала, не может удовлетворить тоску души, подобной душе Флоренс Найтингейл. Она жаждала праведности. "*Венец праведности!*" - писала она мисс Николсон (май 1846 года). "Это слово всегда поражает меня больше, чем что-либо в Библии. Странно, что не счастье, не покой, не прощение, не слава должны были занимать мысли этого славного человека накануне последнего и величайшего из его трудов; все желания настолько поглотила одна великая тяга к *праведности*, что в конце всех его трудов она была сильнее в нем, чем когда-либо, сильнее даже, чем желание мира. Как могут люди говорить, что нужно жить в доброй совести, когда главный из всех апостолов так жаждал праведности, что считал ее последним лучшим даром, недостижимым на земле, который должен быть дарован на небесах?"

Делать все ради любви к Богу - вот идеал, к которому она стремилась. "В основе всего должна лежать любовь к Богу. Кто сомневается в том, что страдания в жизни Христа были сильными? Но и счастье должно было быть сильным. Только подумайте, какое счастье трудиться, и трудиться успешно, не сомневаясь в том, что Он идет по Своему пути, без примеси тщеславия, любви к показухе и славе, но с экстазом единодушия! Все, что я делаю, всегда отравлено страхом, что я не делаю это в простоте и благочестивой искренности". Это был один из постоянных страхов на протяжении всей ее жизни. Когда она стала знаменитой,

и ее хвалили и обхаживали, она с отвращением, которое некоторые могли бы счесть почти болезненным и которое, безусловно, было чуждо моде этого мира, избегала любой публичности. Это не было позой или жеманством; это было частью ее религии. Это был совет, продиктованный ее искренним стремлением отделить свою работу для Бога от любой примеси мирского.

///

Мир, который во многом обязан жизни и примеру Флоренс Найтингейл, чем-то обязан и мисс Николсон, чье нежное сочувствие принесло ее юной подруге много сил и покоя. Но мир также может быть рад, я думаю, что религиозная мысль мисс Найтингейл работала себя в конечном итоге на линии ее собственной. Флоренс Найтингейл была зачислена народным голосом в число святых; но есть святые и святые - святые созерцательные или мистические, и святые активные и служащие. Во все века в мире были благочестивые женщины, чей пыл религиозного духа привел их к жизни профессиональных обществ, а не практического служения; кто потратил в экстазах жалости или в муках самоуничтожения у подножия Креста, силы, которые могли бы пойти на искупление и спасение мира. Флоренс Найтингейл, как мы уже достаточно убедились, обладала глубоким чувством личной религии. Она чувствовала, как и все святые, что религиозная жизнь означает состояние души; но она также достигла убеждения, которое становилось все сильнее в ней, что состояние души может быть одобрено только по его плодам, и что таким образом *служение Богу есть служение человеку*: - (Мисс Николсон.)

(Мисс Николсон.) Эмбли, 24 сентября [1846 г.]. У меня почти сердце разрывается, когда я покидаю Лиа Херст. Там так много обязанностей, которые лежат совсем рядом, и я мог бы с удовольствием выполнять их там все дни своей жизни. Я оставил там так много бедных друзей, которых больше никогда не увижу, и так много можно было бы сделать для них.... Я чувствую, что мои симпатии связаны с невежеством и бедностью. То, что интересует меня, интересует их; мы одинаково мало ждем от жизни и многого от Бога; нас занимают одни и те же предметы.... Мое воображение настолько заполнено несчастьями этого мира, что единственное, в чем труд приносит хоть какую-то отдачу, кажется мне помощью и сочувствием *там*; и все, что поэты поют о славе этого мира, кажется мне неправдой: все люди, которых я вижу, изъедены заботами, нищетой или болезнями. Я знаю, что Бог создал добро, а человек - зло, которое не было волей Бога, но необходимым следствием того, что Он оставил человеку свободу воли. Я знаю, что страдания - это огненная азбука, в которой история своей предупреждающей рукой пишет огненными буквами последствия Зла (Царства Человеческого), и что без ее яркого света мы никогда не увидим пути назад в Царство Божье и не прислушаемся к направляющим столбам. Но суды природы (закона Божьего), когда она идет своим могучим, торжественным, непреклонным маршем, иногда так страшно проносятся над [54] человеком, что хотя это триумф, а не поражение Божьей истины и Его законов, что ложь против них должна порождать страдания, и страдания, возможно, являются здесь самым сильным доказательством присутствия Его любящей руки, - все же все наши силы, надежды и страхи должны, как мне кажется, быть поглощены выполнением Его работы для их облегчения. Жизнь - это не праздничная игра, не умная книга, не школа обучения и не долина слез; это тяжелая борьба, борьба, борьба с Принципом Зла, рука об руку, нога об ногу. Каждый дюйм пути должен быть оспорен. Ночь дана нам для того, чтобы перевести дух, помолиться, испить из глубокого источника силы. День - чтобы использовать данную нам силу и работать с ней до вечера. Царство Божье наступает, и "да приидет Царствие Твое" означает не только "да приидет спасение Мое".

"Выяснить, что мы можем сделать, - писала она в аннотации к *"Парацельсу"* Браунинга, - свое индивидуальное место, а также общее предназначение - вот задача человека. Служение человеку ради Бога, а не ради человека, предотвратит неудачу от разочарования". Флоренс Найтингейл стремилась спасти свою душу, служа другим.

Именно через этот же тест практического служения она пришла к тому, чтобы попробовать и взвесить различные формы религиозной доктрины. Ее отец, как я уже говорил, был унитаристом, и некоторые другие члены ее семейного круга придерживались того же мнения. Но на практике она и некоторые другие из этого круга придерживались богослужений английской церкви. И так, в какой-то степени, мисс Найтингейл продолжала соответствовать до конца своей жизни; хотя, как мы увидим позже, она сильно отклонилась от доктрин церкви в обычном понимании, не заботилась о том, чтобы "ходить в церковь", и разработала собственное вероучение. Но она всегда терпеливо относилась к любой вере, которая выливалась в добрые дела, и нетерпеливо - к той, которая таковыми не являлась. Именно по этой причине в религиозных вопросах она казалась всем для всех. Ее миссия в Крым, как мы узнаем, была связана с некоторыми религиозными разногласиями. Протестанты считали ее слишком снисходительной к римо-католикам, а католики обижались, что она не пошла с ними дальше. Но ее реальная позиция совершенно ясна и была абсолютно последовательной. Если она и смотрела на римских католиков благосклонно, то не из-за их догм, а из-за их поступков. Два письма на мадам Моль, с разницей в десять лет, показывают, что всегда было точкой зрения мисс Найтингейл:-.

Лиа Херст, *сентябрь* [1841]. Нам очень хочется узнать, дорогая мисс Кларк, как у вас идут дела и как поживает миссис Кларк, когда вы сможете писать. Мы только что вернулись с освящения в Лидсе, и более любопытного и интересного зрелища я никогда не видел. Представьте себе процессию из 400 священнослужителей, все в белых одеждах, с шарфами синего, черного, мехового и даже алого цвета, так что я подумал, что некоторые из них кардиналы, во главе с архиепископом Йоркским,^[31] епископом Рипонским и т. д., и, что самое любопытное, епископ *Нью-Джерси*, которому доктор Хук (который, - вы, наверное, знаете, - является *пусейитским* викарием в Лидсе) написал письмо с просьбой приехать из Америки, чтобы произнести проповедь на освящении. Представьте себе всю эту процессию, входящую в церковь и повторяющую 24-й псалом, а затем заполняющую пространство перед алтарем и трансептом, и все *они* отвечают вслух во время службы, так что гул и эхо их ответов через трансепт, не имея возможности видеть *их*, были самым поразительным, что я когда-либо слышал. Здесь собирались пусейиты со всех концов Англии. Папа слышал, как они обсуждали, стоит ли зажигать свечи перед алтарем, но решили, что нет, потому что епископу Рипона это не понравится, однако вечером и на следующее утро, когда его не было, они их зажгли, а доктор Хук, как и положено католику, совершает гнуффлексию каждый раз, когда подходит к алтарю. Церковь великолепна, и каждый внес в нее свой посильный вклад в истинно католическом духе; один подарил прекрасное расписное окно, другой - Корреджо для алтарной части, вдовствующая королева - алтарную ткань, еще один - колокола и т. д. и т. п. Доктор Хук совершает службу каждое утро и вечер в ½ часа 7 минут, а Таинства - каждое воскресенье; весь придел занят *свободными* местами. Во время освящения я хотел бы быть священнослужителем, но когда миссис Гаскелл^[32] (с которой я был, она хорошая тори и наполовину пусейитка, и в целом самый любимый и *снисходительный* человек в Англии) - когда мы с ней спустились после этого к таинству, я не мог не посмотреть в лица священнослужителей, чтобы получить впечатление, которое я ожидал увидеть, когда они шли к алтарю и бродили (эта огромная толпа) после таинства - и о! Я был страшно разочарован - они выглядели так глупо; и я не мог не подумать: если бы вы были католиками,

вы бы [56] все стояли на коленях во время службы, не обращая внимания на ваши прекрасные платья и холодные камни.

Эмбли, 7 февраля [1851].... Полагаю, вы знаете, как в Англии обе церкви бьются в конвульсиях, дискредитируя себя и смеясь друг друга. Англиканская церковь кричала и боролась, как будто у нее отбирали что-то свое, католическая церковь пела и кричала, как будто она завоевала Англию - ни того, ни другого не произошло. Только очень многие люди (в нашей Церкви) узнали, что они католики, и отправились в Рим, и очень многие другие узнали, что они протестанты, о чем раньше и не подозревали, и покинули пусейтский загон, который теперь потерял половину своих овец. В Оксфорде вулкан пусейитов потух.... Вы знаете, какой шум поднимется по этому поводу в парламенте на этой сессии. Самые умеренные хотят Конкордата, но даже они говорят, что мы должны лишить епископов Р.К. их новых титулов. Многие думают, что нынешнее правительство пойдет на это, потому что они не сделают достаточно, чтобы удовлетворить пробудившиеся предрассудки дорогого Джона Булла. Раньше я думал, что это просто эгоистичная ссора между красными чулками и рукавами газона; но это не так; это настоящее народное чувство. По тому, как мы говорим, можно подумать, что вся наша религия - политическая, и я считаю, что так оно и есть. С восхода солнца и до его заката вы слышите, как наши священнослужители говорят только о епископах и генеральных викариях - и ни слова о различных планах образования, тюрьмах, пенитенциарных учреждениях и так далее. Можно подумать, что мы родились уже готовыми в плане образования, но это искусство создало Церковь.

Я не чувствую особого рвения в том, чтобы разрушать одну Церковь или строить другую, ставить епископов или не ставить их. Если бы они *создавали* нас, наша вера возникла бы сама собой, и тогда мы не хотели бы, чтобы Англиканская или Р.К. церковь создавала ее за нас. Но, благословите мою душу, сейчас люди так же невежественны в отношении каких-либо законов человеческого разума, как и во времена Сократа. С тех пор мы изучили физические законы, но законы психики - почему, люди даже не признают их существования. Они говорят о благодати и божественном влиянии, - ведь если это произвольный дар Бога, то как нехорошо с Его стороны не дать его раньше! А если она приходит по определенным законам, то почему бы нам не выяснить их? Но люди в Англии считают, что говорить о том, чтобы узнать их, довольно непристойно, и молятся: "Да будет угодно Тебе помиловать всех людей", тогда как я бы сбил вас с ног, если бы вы сказали *мне*: "Да будет угодно Тебе помиловать твоего мальчика". У меня никогда не было никакого обучения; и обучение, которое можно назвать "обучением" (как мы тренируем пальцы, чтобы играть [57] гаммы и шейки), - я сомневаюсь, что кто-то вообще получает его от других людей, потому что они не знают, как дать его по определенным законам. Я бы хотел, чтобы все писали, насколько это возможно, "Краткий отчет о том, как Бог поступает с ними", как старые пуритане, и тогда, возможно, мы наконец узнаем, каковы пути Божьи в Его поступках, а каковы - нет.

Артур Стэнли (впоследствии декан) однажды попросил ее использовать свое влияние, чтобы помешать своему другу и ее другу сделать шаг, который, как предполагалось, был неизбежен, - присоединиться к римскому причастию. В длинном ответе, который мисс Найтингейл написала с большой тщательностью (26 ноября 1852 года), она пообещала сделать все возможное, но объяснила, что это может быть не так много. Сама она оставалась в англиканском общении, "потому что родилась в нем", и потому что римская церковь предлагала некоторые вещи, которые лично ей были не нужны. Она опасалась, что их друг может посчитать, что те аргументы, которые она может привести против Римской церкви, в равной степени относятся и к Англиканской. С другой стороны, она никогда не скрывала своего мнения о том, что Римская церковь предлагает женщинам преимущества, которых не

было у Англиканской церкви (в то время). "Католические ордена, - писала она, - предложили мне работу, обучение этой работе, сочувствие и помощь в ней, чего я тщетно искала в Англиканской церкви. Англиканская церковь предлагает мужчинам епископства, архиепископства и немного работы (хорошие мужчины многого добиваются сами). Для женщин у нее есть - что? У меня не было вкуса к теологическим открытиям. Я бы отдал ей свою голову, свое сердце, свою руку. Она их не приняла. Она не знала, что с ними делать. Она велела мне вернуться и заниматься вязанием крючком в маминой гостиной; или, если мне это надоест, выйти замуж и хорошо выглядеть за столом мужа. Ты можешь ходить в воскресную школу, если тебе это нравится, сказала она. Но она не дала мне никакой подготовки даже для этого. Она не дала мне ни работы для нее, ни образования для нее".

Вторая часть второго письма к мисс Кларк показывает интерес мисс Найтингейл к рассуждениям об основах морального закона; но пока соперничество церквей касалось ее, она судила их по делам. "Во всех притонах позора и болезней, - писала она в одной из своих записных книжек (1849), - единственные священнослужители, которые заслуживают названия *пасторов*, - это римско-католические. Остальные представители всех деноминаций - Англиканской церкви, Шотландской церкви, диссентеров - всего лишь богословы или чайные мастера". "Этого никогда не будет, - сказала она однажды другу, - если у нас не будет Церкви, условиями членства в которой будут дела, а не доктрины".[33]

Однако ее интересовали и доктрины. Если она была полна решимости посвятить свою жизнь служению человеку, она была не менее убеждена, что такое служение может быть наилучшим и наивысшим только в свете и с санкции служения Богу. Здесь можно обнаружить единство и гармонию, лежащие в основе многочисленных и разнообразных интересов ее жизни. Мы увидим, что она, открывая новые карьеры и стандарты практической благотворительности в современном мире, потратила годы размышлений и на менее сложную задачу - если не дать миру новую религию, то, во всяком случае, придать старым доктринам новое применение и, как она надеялась, более приемлемую санкцию.

ГЛАВА IV

РАЗОЧАРОВАНИЕ (1846-1847)

Есть как рядовые мученики, так и сожженные или утонувшие. Общество, конечно, их не знает, а семья не может, потому что наше положение по отношению друг к другу в наших семьях - это, и должно быть, как положение Луны по отношению к Земле. Луна вращается вокруг нее, движется вместе с ней, никогда не покидает ее. Но Земля никогда не видит только одну ее сторону; другая сторона остается навсегда неизвестной. - Флоренс Найтингейл (в записной книжке за 1847-49 гг.).

Один из поэтов нашего времени назвал "сухой и горький корень разочарований" среди ингредиентов "правильного материнского молока для жестких сердец, которые являются первопроходцами в своем роде". Если это действительно так, то Флоренс Найтингейл была хорошо воспитана. Духовные переживания и размышления, описанные в последней главе, как мы видели, привели к обоснованию выбранного ею жизненного плана. Религия, однако, не принесла утешения в связи с неудачей ее плана побега в декабре 1845 года. "Мои страдания и пустота после этого, - писала она в автобиографической ретроспективе, - были неопишуемы". "Все мои планы потерпели крушение, - писала она в то время, - а мои надежды

разрушились, и при этом не произошло никаких видимых, никаких материальных изменений". Она встретила новый год и его жизнь по старым правилам в подавленном настроении, которое, с некоторыми счастливыми промежутками, становилось все более глубоким и интенсивным в течение следующих нескольких лет.

Однако она не отказалась от своего идеала. В последующих главах мы увидим, что ни заграничные путешествия не отвлекли ее от него, ни возможности другого образа жизни не соблазнили ее с выбранного пути. Путь был темным перед ней; цель может быть никогда не достигнута, как она часто думала, в этой сфере; но она все больше чувствовала, что только в жизни медсестры или другом служении страждущим ее существо может найти свой конец и сферу применения. "Чем дольше я живу, - писала она в своем дневнике (22 июня 1846 года), - тем больше чувствую, что все мое существо постепенно сводится к одной точке, и если бы мне было позволено вернуться и достичь этого в другом существе, если я не могу в этом, мне не нужны были бы другие небеса. Я могла бы отказаться от надежды встретиться и жить с теми, кого я любила (а никто не знает, как я люблю) и с кем была разлучена здесь, если бы Богу было угодно дать мне, с более близким сознанием Его Присутствия, задачу сделать это в настоящей жизни".

Тем временем она продолжала свои расспросы. Теперь, когда плоды новаторской работы Флоренс Найтингейл собраны, а уход за больными является одной из признанных профессий для представительниц прекрасного пола, нелегко осознать трудности, стоявшие на ее пути. Возражения носили моральный и социальный характер и во многом основывались на общепринятых представлениях. Считалось, что джентльменки будут подвергаться если не опасности и соблазнам, то, по крайней мере, нежелательным и неподходящим условиям. "Как будто я хотела быть кухаркой", - говорила она в более поздние годы. Нет ничего более живучего, чем социальные предрассудки. Но эти предрассудки отчасти основывались на вполне понятных причинах, а отчасти были оправданы уровнем развития профессии медсестры в то время. Этим соображениям следует уделить особое внимание, как для того, чтобы отдать должное тем, кто выступал против планов мисс Найтингейл, так и для того, чтобы понять ее собственное мужество и настойчивость. В то время была широко распространена идея о том, что в некоторых случаях в больничной практике скромная женщина, исходя из природы вещей, не подходит для работы в качестве медсестры. Мистер Найтингейл, который хотел сделать то, что было правильно для его дочери, сделал много запросов и проконсультировался со многими друзьями. Существует письмо к нему из Брайтона врач аргументы против распространенного мнения, и утверждая, твердо, что "женщины соответствующего возраста и характера не являются непригодными для таких случаев. Возраст, привычка и должность придают уму иной поворот". Но все это письмо показывает степень широты взглядов на образование и сферу деятельности женщин, которая опережала среднее мнение того времени. В любом случае, независимо от того, пригодны или непригодны женщины по своей природе, было несомненно, что многие, возможно, большинство женщин, фактически занимающихся уходом за больными, были непригодны по характеру, и что утонченная джентльменка, пришедшая в эту профессию, могла оказаться в неприятном окружении. Нам придется рассмотреть этот вопрос более подробно в одной из последующих глав. Здесь же достаточно сказать, что, несмотря на то, что были больницы с лучшим управлением и больницы с худшим управлением, существует множество доказательств того, что у больничных медсестер были возможности, которыми они свободно пользовались, прикладывая бутылку к губам, "когда им это было угодно", и что другие пороки также были более или менее распространены.^[34] Сообщения из Парижа и

его знаменитых школ медицины и хирургии были не лучше. Один из тех, кто прошел через это, сказал, что жизнь в "Материнском доме" была очень грубой. В акушерской клинике Медицинской школы "у выпускниц репутация, как правило, любовниц студентов". Трудности на пути утонченной женщины, стремящейся получить доступ к лучшему обучению, были очень велики. Доктор Элизабет Блэквелл, пионер среди женщин-врачей в Америке, рассказала мисс Найтингейл о молодой девушке, которая планировала, как единственный возможный способ изучения хирургии в Париже, надеть мужскую одежду. "Панталоны будут приняты как знак того, что она серьезно настроена, в то время как подъюбник - это всегда флаг для интриги. У нее глубокий голос, и я думаю, что она будет очень хорошо выглядеть среди молодых студентов, но мне будет очень жаль, если она пожертвует массой прекрасных темно-русых волос! В какой странный век мы живем! Какие необычные жертвы и необычные поступки требуются от нас на службе истине! Эпоха реформ - будоражащая, волнующая, но не самая прекрасная". Чем больше она слышала о худшем, тем больше Флоренс Найтингейл была полна решимости сделать все лучше; но чем больше слышали ее родители, тем сильнее и естественнее было их отвращение. Кто-то должен делать грубую пионерскую работу в мире; но можно понять, как родители привлекательной дочери, для которой их собственная жизнь дома, как им казалось, открывала множество возможностей комфортного счастья, пришли к желанию, чтобы в этом случае этот кто-то был кем-то другим.

Сама мисс Найтингейл была настолько впечатлена трудностями и опасностями на пути женщин-медсестер, что поначалу склонялась к мысли, что допуск неженки к этому призванию лучше всего обеспечить либо в специальных больницах, связанных с каким-то религиозным учреждением, либо в общих больницах под прикрытием какого-то религиозного союза. "Мне кажется, - писал Монктон Милнс своей жене, - что Флоренс всегда с большим недоверием относилась к вопросу о сестринстве"[35], и так оно и было. Ее внутреннее мнение заключалось в том, что не нужно никаких обетов, кроме соответствия сестры своему призванию и преданности ему. Но она участвовала в крестовом походе первопроходца и должна была учитывать не только теоретические соображения, но и то, что было практически целесообразно и практически осуществимо. Доктор Блэкуэлл придерживалась того же мнения. Ей не нравились религиозные ордена сами по себе; они "становятся прекрасными", говорила она, "только как целесообразность, временное условие, противоядие от нынешнего зла". Поэтому мисс Найтингейл проявила большой интерес к институту для диаконисс с больницей, школой и пенитенциарным учреждением, который протестантский священник, пастор Теодор Флиднер, основал несколько лет назад в Кайзерсверте. Ее семья была дружна с Бунсенами, и барон прислал Флоренс один из ежегодных отчетов пастора Флиднера.[36] Она заинтересовалась этим отчетом с двух сторон. Это было такое учебное заведение, куда протестантские матери не возражали бы отправить своих дочерей. Кроме того, это была в некотором роде школа медсестер, где, независимо от того, что впоследствии может стать более широкой сферой деятельности, джентльменки могли пройти ученичество по призванию. "Фло, - писала сестра подруге в 1848 году, - очень о больничных учреждениях Германии, которые, по ее мнению, намного лучше наших. Знаешь ли ты что-нибудь о великом учреждении в Кайзерсверте, где школы, исправительный дом для нечестивых и большая больница находятся под руководством дьяконисс?" За два года до этого (в июне 1846 года) Флоренс сама написала мисс Хилари Бонэм Картер, прося ее расспросить миссис Джеймсон о "знакомой ей немке, которая, не будучи католичкой, не могла принять на себя обет сестры милосердия, но получила разрешение от врача больницы своего города посещать больных и выполнять все обязанности, которые выполняют сестры в Дублине и Отеле Дье, и проработала там пятнадцать лет, когда миссис Джеймсон знала ее. Я не хочу знать ее имени, если это секрет; но только если она расширила его до чего-то похожего на протестантское Сестричество,

если у нее есть какие-либо планы такого рода, которые должны охватывать женщин образованного класса, а не, как в Англии, просто женщин, которые были бы служанками, если бы они не были медсестрами. Как она справлялась с трудностями, связанными с тем, что хирурги занимались с ней любовью, и с тем, что ей приходилось жить с женщинами безразличного характера, которые обычно становятся медсестрами в больницах, поскольку, судя по всему, она была довольно молодой женщиной, когда начала работать, а это те трудности, которые, как видно, не могут устранить никакие другие обеты". Возможно, именно в результате этих расспросов Флоренс Найтингейл познакомилась через барона фон Бунзена с учреждением в Кайзерсверте; хотя, как следует из письма, приведенного ниже, мадам Моль также послала ей некоторую информацию о нем. Несомненно, что к осени 1846 года она ознакомилась с его отчетами, и это место стало домом ее сердца. В эти годы она также спокойно занималась изучением медицинских и санитарных вопросов.

//

С такими мыслями в голове рутина домашней жизни становилась все более пустой и отвратительной. Вот два характерных отрывка из ее дневника за 1846 год:...

Лиа Херст, 7 июля. Что я делаю в этом мире и чем занимаюсь последние две недели? Я прочитала "Дочь дома" [64] [37] отцу и две главы Макинтоша; томик "Сибиллы" маме. Выучила наизусть семь мелодий. Написала несколько писем. Ездила с папой. Нанесла восемь визитов. Поработал в компании. И это все.

Эмблей, 7 октября. Что я делал последние три месяца? О счастливые, счастливые шесть недель в Херсте, где (с 15 июля по 1 сентября) я нашел свое дело в этом мире. Мое сердце было наполнено. Моя душа была дома. Я не хотел другого рая. Пусть Бога благодарят так, как еще никогда не благодарили, за этот проблеск того, что такое *жизнь*. Теперь, в течение последних пяти недель, мои дела стали намного сложнее. Они не знают, как утомил меня этот образ жизни - этот *стол для людей*.... Когда мне хочется *Erfrischung*, я читаю немного из *Jahresberichte über die Diakonissen-Anstalt in Kaiserswerth*. Там мой дом; там мои братья и сестры, все за работой. Там мое сердце, и там, я верю, однажды будет мое тело; в этом ли состоянии или в другом, в Германии или в Англии, мне все равно".

Счастливые шесть недель в Леа Херст" были временем, когда, как явствует из уже приведенного письма мисс Николсон (стр. 53), она находила возможность часто навещать больных. "Дни проходят, - добавляет она в том же письме, - как тень, не оставляя после себя ни малейшего следа. Как мы тратим часы, которые священны, на вещи, которые профанированы, которые мы предпочитаем называть необходимостью, а потом говорим "Мы не можем" в отношении дел нашего Отца". В Эмбли возможности для работы среди бедных были менее благоприятными. Да и расстояния были больше. Флоренс, насколько могла, интересовалась школой в Уэллоу; среди ее работ за 1846 год есть искусное обсуждение недостатков начального образования в том виде, в котором она их наблюдала. Но отвлекающих факторов было много. Дома была постоянная компания; и, как уже говорилось, переезды семьи между Лондоном, Леа-Херстом и Эмбли были фатальны для концентрации усилий.

///

Год 1847 был одним из многих социальных движений в жизни мисс Найтингейл. Весной она была в Лондоне, "делая выставки и слушая Дженни Линд; но это действительно требует нового языка, чтобы определить ее." Затем она отправилась с родителями на заседание Британской ассоциации в Оксфорде, где Адамс и Лаверрье, близнецы-первооткрыватели

Нептуна, были львами дня. Она написала своим друзьям много живых рассказов об этом собрании, из которых можно привести пару отрывков:-...

Мы здесь, среди красоты и образованности; ибо никогда, моя дорогая, я не видела ни за границей, ни дома ничего столь прекрасного, как это место, с его цветущими акациями посреди улиц с дворцами. Я прогуливаюсь по церковным дворам и садам в одиночестве перед завтраком, и мне хочется быть человеком из колледжа. Хотел бы я, чтобы вы увидели астрономическую секцию - Леверрье и Адамс сидят по обе стороны от президента, как пара голубей-черепах, воркующих над своей совместной звездой и держащих ее между собой.... Мы много работаем. Капелла в 8, на эту славную службу в Нью-Колледже; такой гимн вчера утром! и этот тихий монастырь, куда никто не ходит. Сегодня я принесла домой белую розу, чтобы засушить на память. Секции с 11 до 3. Потом Колледжи или Бленхейм до обеда. Потом лекция в 8 в библиотеке Рэдклиффа. А после - философский чай с кексами у кого-нибудь. Фаулеры, Гамильтоны Греи, Барлоу и сами по себе - это кексы; Уитстоун, Халлам, Шевалье, Монктон Милнс и некоторые из великих пушек время от времени - это философия.....

и так далее, и так далее; с подробностями о "церкви каждые два часа" в воскресенье и об обеде с Баклендом и его знаменитым зверинцем в Крайст-Черч, когда Флоренс погладила медвежонка, а отец оттащил ее, но мистер Милнс заворочил его. "И еще кое-что, - добавляет она, - открытие мистера Халлама, что Гладстон - это зверь 666 (в Откровениях), пришло к нему однажды по вдохновению в "Атенеуме", после того как он попробовал Пьюси и Ньюмена и обнаружил, что они не подходят".

В течение того же года мисс Найтингейл совершила множество визитов вместе с отцом. Например, они побывали у лорда Шерборна, чья дочь, миссис Планкетт, стала ее большой подругой, и провели несколько дней у лорда Лавлейса. Леди Лавлейс, дочь Байрона, питала большое восхищение к Флоренс Найтингейл, которое нашло выражение в уже цитировавшихся стихах. Именно в этом году мисс Кларк вышла замуж за своего давнего поклонника, М. Моля. Поздравительное письмо Флоренс не могло не отразиться на состоянии ее собственных чувств, как будет показано в одной из последующих глав:-.

Эмбли, 13 октября [1847 г.]. Дорогой друг, подумать только, ты уже два месяца как жена, а я так и не написал тебе, чтобы сказать, что твоя новость доставила мне больше радости, чем я когда-либо испытывал за всю свою жизнь, за исключением одного раза, нет, даже за исключением того раза, потому что *это* была игра в "Blind-man's-Buff", - а в *твоем* случае ты знал даже то, что знали о тебе. Я получил новости в воскресенье от дорогой Джу, и это действительно была воскресная радость, и я свято соблюдал ее, хотя и не так, как город, который должен был быть в хлопке, чтобы на него смотрели *только* по воскресеньям. Как уже не раз говорилось, все мы, так или иначе, должны совершить прыжок Сафо, прежде чем достигнем ее покоя, хотя одни совершают его до смерти, другие - до брака, а третьи - до новой жизни даже в этом мире.

Кто из них лучше, одному Богу известно. Народные предрассудки говорят в пользу брака. Не следует ли нам смотреть на брак не столько как на абсолютное благословение, сколько как на переход в другой и более высокий класс этой великой школы - продвижение по службе, ибо это продвижение создает новые обязанности, перед которыми трус иногда робеет, и дает новые уроки, более глубокие знания, с более развитыми способностями для их выполнения и гораздо более ясной силой видения для их прочтения. В твоём новом развитии жизни я принимаю, дорогой друг, самое горячее участие и благословляю тебя самой искренней и искренней любовью.

Мы только что вернулись в Эмбли, проехав через Лондон по пути из Дербишира. Новостей у меня никаких, кроме финансовых, ибо в Лондоне никто не мог говорить ни о чем, кроме ужасающего количества неудач в Сити, от которых в большей или меньшей степени пострадала вся Англия. Почему я не писал раньше? Потому что я думал, что сначала вас лучше оставить в покое, а вы были в путешествии.

А теперь мои признания. Я полностью отказываюсь от всего, что я мог сказать о мсье Роберте Моле, не потому, что он теперь ваш зять, а потому, что меня так тронули и умилили письма, которые он писал после вашей свадьбы с Мамой; так хотелось узнать о вас побольше, так увлекала эта тема, так хотелось доказать нам, что его брат - *такой* человек, что он совершенно уверен, что сделает вас счастливой.

И я не сказал и половины того, что я чувствую; "жениться" - это не безличный [67] глагол, с которым я должен вас поздравить, а полностью зависит от винительного падежа, которым он управляет, и я действительно желаю вам искренней и доверительной радости. В одинокой жизни сцена настоящего и внешнего мира так наполнена фантомами, фантомами, не нереальными, но неосязаемыми, смутного раскаяния, слез, стоящих на пороге каждого дела, за которое мы беремся в одиночку, неудовлетворенности тем, что есть, и беспокойной тоски по тому, чего нет, стремления к миру чудес (который *есть*, но подобен огненной колеснице и огненным коням, которых испуганный слуга Елисея не мог видеть, пока ему не открыли глаза) - сцена реальной жизни настолько заполняется ими, что мы почти отталкиваемся от досок и сознаем, что только держимся за подножие фонаря подбородком, но даже в таком неудобном положении любовь все равно предшествует радости, как в списке св. Павла, ибо любовь, усыпляя эти фантомы (уверяя нас в любви столь великой, что мы можем отбросить всякую заботу о собственном счастье, не потому, что для нас *не* имеет значения, счастливы мы или нет, как говорит Карлайл, а потому, что это так важно для другого), дает нашему уму тот досуг, который сразу же открывает его для радости.

Но как дерзко я забегаю вперед: "Вы видите перед собой кающегося", не говорите: "Я вижу перед собой наглого негодяя"... Но когда вы видите, и более того, когда вы читаете, простите... Вы не допустите, чтобы еще год прошел без нашей встречи с вами. Мсье Моль в своем письме к Джу дает нам надежду, что вы этого не сделаете, что вы приедете в Англию в следующем году на много месяцев, и тогда, дорогой друг, мы с вами долго поговорим. Если же нет, то мы действительно должны приехать в Париж - и тогда я увижу вас, а заодно и дьякониц, о которых вы так любезно писали мне, но о которых я никогда не слышала и половины достаточно.....

Брейсбриджи дома - она радовалась так же, как и мы, вашему событию, - Парта собирается в конце ноября стать верховным священником у одного нашего друга по случаю такого же события, - ее перспективы также настолько удовлетворительны, что я могу радоваться и сочувствовать любой форме, в которой она решит выйти замуж. В противном случае я думаю, что настанет день, когда мы будем так же удивляться, видя, как люди одеваются для бракосочетания, как если бы они надевали тонкое пальто для Таинства. Почему Таинство или Клятва Брака должны быть менее священными, чем любые другие?

Далее в письме говорится о недавнем визите к миссис Арчер Клайв, известной в свое время как автор "*Стихов В.*" и "*Пола Ферролла*", сенсационного романа определенной силы, - даме, чьи силы сердца и ума были заключены в немощем теле. Мисс Найтингейл восхищалась ее талантами и характером, и ценила ее дружбу.

Но новые знакомства и разнообразные интересы не приносили мисс Найтингейл удовлетворения. Она по-прежнему постоянно стремилась найти свое собственное

призвание. Ее родители с нетерпением ждали возможности, которая представилась в конце этого года (1847), чтобы, как они надеялись, дать новый поворот ее мыслям.

ГЛАВА V

ЗИМА В РИМЕ И ПОСЛЕ (1847-1849)

Шесть месяцев Рима и счастья. Флоренс Найтингейл (1848).

Это было событие определенной важности в семье Найтингейл, когда Флоренс отправилась с мистером и миссис Брейсбридж, осенью 1847 года, чтобы провести зиму в Риме. Ее привлекало общество миссис Брейсбридж, подруги, о которой она говорила как о "своей Итуриэль". К тому же душевные волнения, от которых Флоренс постоянно страдала дома, начали сказываться на ее здоровье. "Все, что я хочу сделать в жизни, - писала она своему кузену Хилари, объясняя мотив поездки, - зависит от моего здоровья, которое, как мне сказали, зима в Риме укрепит навсегда". Заграничное турне она восприняла как тонизирующее средство, которое позволит ей лучше исполнить свое призвание. Ее родители и сестра рассматривали тур как тонизирующее средство, которое может отвлечь ее от работы. Они надеялись, что заграничное путешествие отвлечет ее мысли и развеет то, что они, возможно, считали болезненными фантазиями. Она будет наслаждаться приятным общением. Она увидит знаменитые и красивые вещи. Возможно, она вернется к более комфортному убеждению, что ее долг - принимать жизнь такой, какой она ее находит. Эта точка зрения достаточно четко прослеживается в письме сестры к мисс Бонэм Картер: - Эмблей, октябрь [1847 г.].

Эмбли, *октябрь* [1847]. Мне очень приятно думать о том, что у нее есть такая спутница жизни, которая, по ее словам, всегда живет с лучшей ее частью; которая обладает всем смыслом и благоразумием, и сердечным сочувствием, и быстрым наслаждением, и вкусом, и привязанностью, которые больше всего дадут ей счастья; которая будет ценить ее и заботиться о ней, и делать [70] нее все хорошее душевное и телесное, что только можно вообразить. Да, дорогая, Бог очень добр, предоставив ей такое приятное время, и оно, я думаю, полностью освободит ее ум от тягостных мыслей, которые бывают у всех мужчин дома, когда их обязанности отягощают их совесть, и при этом она будет чувствовать, что ничего не теряет; ведь миссис Брейсбридж совсем нездорова, и Фло будет *чувствовать* себя утешением и помощью для нее, я надеюсь, ибо я знаю, *что* она большая молодец....Хоть это и ненадолго, но мне это кажется великим событием, торжественным первым выходом ее в жизнь, и сердце мое переполнено многими чувствами, но все же радость неисчислимо больше, ибо не видно, как можно причинить ей вред. И все же, когда человек очень любит, он не может не быть немного встревоженным.... Так приятно видеть, как папа бродит по большой карте Рима, запоминая каждый уголок, а мама - по Пиранези, и оба они смотрят на все прекрасные вещи, которые там живут, как будто только что покинули их.

И сама Флоренс нашла в этом путешествии утешение и удовольствие; но оно должно было не отвлечь, а укрепить ее цель, а также заложить шлейф обстоятельств, которые должны были привести ее в Крым.

Флоренция и ее спутники добрались до Парижа 27 октября, сели на корабль в Марселе и отправились в Чивита-Веккья, и пробыли в Риме на улице С. Бастинелло (№ 8) с начала ноября по 29 марта 1848 года. Флоренция с душой включилась во все дела и занятия эlegantных туристов в Риме. Она изучала руины, исследовала катакомбы, копировала надписи, посещала церкви и галереи, проводила утро в студии Гибсона и Овербека, собирала растения в Колизее, ездила верхом по Кампанье, покупала броши, мозаики и римский жемчуг. Ее отец составил программу знаменитых достопримечательностей, красивых прогулок и поездок, и методичная Флоренс исправно отмечала их в списке. Во многих произведениях искусства она читала свои собственные мысли и устремления. Она очень восхищалась Аполлоном Бельведерским, видя в нем образ торжествующей Свободной Воли. "Мы никогда не можем потерять воспоминания о наших бедных "я", пока мы все еще делаем что-то с трудом, пока мы все еще не уверены, получится у нас или нет. Триумф успеха может быть великим и восхитительным, но божественная жизнь - вечная жизнь - это когда воля - это действие, когда воля - это то же самое, что и действие, и поэтому действие бессознательно." О Юпитере Капитолия она снова говорит: "Юпитер - это та совершенная благодать в силе, когда божественная *Воля*, чистая от напряжений, говорит, и это делается". Но больше всего ее интересовало то, что действительно поражало ее ум и стимулировало воображение, - это гений Михаэля Анджело.

(Сестре.) 17 декабря [1847]. О, моя дорогая, у меня был такой день - мой красный доминиканский, мое золотое письмо, 15 декабря - вот его название, и из всех моих дней в Риме этот был самым счастливым и славным. Подумайте о дне, проведенном в Сикстинской капелле наедине с Σ [Селиной, миссис Брейсбридж], совершенно один, без зрителя, без посетителей, глядя в небеса ангелов и пророков....Мне казалось, что я смотрю не на картины, а прямо в само Небо, и что недостатки изображения и затемнение красок - это тусклость моего земного зрения, которое позволяет мне лишь смутно, нечетко видеть то, что было там во всем своем великолепии, чтобы быть познанным, как и я, если бы смертные глаза и понимание были очищены от тумана, который мы своевольно напустили вокруг них. Вот Даниил, открывающий окна и трижды в день молящийся Богу своих отцов вопреки страху. Вы видите эту молодую и благородную, как у орла, голову, презирающую опасность, эти славные глаза, не ослепленные всеми почестями Вавилона. Затем появляется Исаия, но он настолько божественен, что его не описать ничем, кроме его собственной 53-й главы. Он - тот самый Исаия, "*великий Незнакомец*" из "Утешьтесь, утешьтесь, люди мои". Поначалу я был весьма удивлен, обнаружив, что он так молод, что совсем не соответствовало моим представлениям о нем, в то время как остальные - старики. Но М. Анджело знал его лучше; это вечная молодость вдохновения, бодрость и свежесть, вечно новая, вечно живая, того вечного источника мысли, который напечатан под этим юношеским лицом. Гений не имеет возраста, а разум (Захария) не имеет юности. За Исаией следует Дельфийская сивилла, самая прекрасная, самая вдохновенная из всех сивилл; но различие, которое М. Анджело проводит даже между *ней* и *пророками*, так интересно. В Исаии есть уверенность во вдохновении; он слушает и говорит; "что *слышим*, то возвещаем вам". В Дельфийке чувствуется беспокойство, стремление услышать; она не совсем уверена; в ее глазах неуверенность, тоска; она ожидает, что будет вознаграждена скорее на другой стадии, чем на этой, за свою борьбу за приз своего высокого призвания, за то, чтобы достичь [72] Известного, которое Исаия уже знает. Нет никакой неуверенности в том, что она чувствует призвание услышать голос, но она боится, что ее земные уши тяжелы и грубы, и искажают смысл небесных слов. Я не могу передать, насколько трогателен этот тревожный взгляд ее далеких глаз для бедных смертных, стоящих на тротуаре внизу, в то время как пророки спокойно скачут по буре вдохновения.... Я чувствую, что эти вещи являются частью слова Божьего, лестницы на Небеса. Слово Божье - это все, через что Он раскрывает Свою мысль,

все, через что Он являет Себя людям. Его нельзя сузить и ограничить одной книгой или одним народом; и никто не может увидеть Сикстинскую галерею без ощущения, что он был очень близок к Богу, что он будет лучше понимать некоторые из Его слов в будущем; и что Майкл Анджело, один из величайших сынов человеческих, глядя на купол собора Святого Петра с одной стороны и пророков и мучеников с другой, получил столько же дыхания Божьего и сделал столько же для передачи его людям, как любой провидец древности. Он совершил это удивительное чудо - придал форму дыханию Божьему, независимо от того, было ли это сделано словами, красками или твердыми камнями.....

Мысли и эмоции, которые вызывает созерцание свода Сикстинской капеллы, бесчисленны. Ни одна из них не была более восторженной, чем та, которую она вызвала у Флоренс Найтингейл, и лишь немногие были столь разборчивы. Это одновременно и привилегия, и признак совершенных произведений искусства - быть способными к стольким смыслам, сколько они могут найти компетентных зрителей. Каждый человек привносит в их изучение ту пронизательность, на которую он способен; и каждый, возможно, находит в них некий образ себя или своего собственного опыта. "Скорее всего, - продолжала Флоренс Найтингейл, - есть несколько моментов, которые мы пронесем с собой через врата смерти, несколько воспоминаний, которые выдержат вечный свет". Выходя из Сикстинской капеллы, она чувствовала, что первый взгляд на грандиозную работу Микель-Анджело станет для нее одним из этих немногих. Можно предположить, что тоскливая неопределенность, которую она нашла в лице дельфийской сибиллы, особенно понравилась ей своей правдивостью по отношению к жизни, как она ее пережила; сознавая призыв Бога, сознавая также, что она не могла не обладать великими силами, и все же сомневаясь, что по эту сторону врат смерти ей будет дано правильно истолковать Божественный голос. До конца жизни она сохранила то же благоговейное чувство к Михаэлю Анджело. В ее комнатах висели фотографии и гравюры с Сикстинского потолка, а несколько фотографий символических фигур на гробницах Медичи в рамке с надписью она отправила в Эмбли на маленькую частную лестницу, где упал и умер ее отец. Те, что находились в ее доме, были завещаны в завещании.

После полудня того дня, когда ей открылась Сикстинская капелла, Флоренс и ее подруга гуляли по Монте-Марио, чтобы насладиться знаменитым видом, открывающимся с виллы Меллини, которая тогда, как и сейчас, не входила в состав форта.

"Мы провели восхитительные полчаса, - писала она, - любясь или, скорее, загорая; вся Кампанья и город лежали у наших ног, море с одной стороны, как золотая умывальница под заходящим солнцем, извилины Тибра и холмы Лукретилиса с другой, с Фраскати, Тиволи, Тускулум на их кипарисовых сторонах, ибо в этой ясной атмосфере можно было увидеть те самые кипарисы, что стояли на вилле Мецената в Тиволи; длинные полосы фиолетового и гранатового света, проносающиеся над равниной, как волны; одна каменная сосна на краю нашего холма Меллини; и Рим, павший Вавилон, как мертвый город внизу, ни звука восходящих толп, а только жизнь этих великих малиновых огней и теней (ибо здесь тень красного света - фиолетовый), как гвоздичные крылья ангелов, сами невидимые, хлопающие над равниной и оставляющие это место позади себя. Мы помчались вниз так быстро, как только могли, потому что солнце уже садилось, и достигли собора Святого Петра как раз в тот момент, когда двери уже закрывались. Великая церковь была полностью в нашем распоряжении, гробница Святого Петра была украшена огнями. Это было похоже на те времена, когда христианский рыцарь с оружием в руках наблюдал за великим предприятием у Гроба Господня; и один теневой белый ангел был виден нам через окна над большой дверью; и знаете, он заставил нас вздрогнуть, когда стоял там в сумраке. Конечно, это была мраморная статуя на фасаде; а в самом конце все еще смеялись и разговаривали рабочие, и

их звуки, раздававшиеся под длинными сводами, напоминали тарабарщину чертей, а их фонари, развевавшиеся у самой земли, были похожи на трупные фонари. Я подумал о святом Антонии, о святых рыцарях и их искушениях. И наконец сакристан вывел нас из этого огромного торжественного купола через *гробницу*! Мы скользнули в серебристый лунный свет и пошли домой через Понте Сант-Анджело, где я произнес небольшое [74] обращение к святому Михаилу, чтобы он помог мне поблагодарить; ибо почему протестанты в одинокой гордыне отгораживаются от общения святых на небе и на земле, я никогда не мог понять. Так закончился этот славный день".

Одержимость Римом, которая рано или поздно настигает каждого разумного посетителя Вечного города, в случае с Флоренс Найтингейл датируется этим днем с золотой буквы. Она преодолела чувство растерянности, которое иногда угнетает путешественника. "Я не чувствую, - писала она, - хотя утром я язычница, днем - иудейка, а вечером - христианка, ничего, кроме единства интересов во всех этих представлениях. Чтобы познать Бога, мы должны изучать Его в языческой и иудейской диспенсациях в той же степени, что и в христианской (хотя это последнее и самое совершенное проявление), и это придает единство всему - одну непрерывную нить интереса ко всем этим жемчужинам".

//

Политика современной Италии интересовала ее не меньше, чем руины Древнего Рима или памятники средневекового искусства. Она встречалась со многими итальянскими беженцами, как в Женеве, так и в *салоне* мадам Моль в Париже, и всей душой болела за свободу Италии. Ее нынешний визит в Рим совпал с тем любопытным и недолгим эпизодом борьбы, во время которого Пио Ноно разыгрывал "невыразительную трагедию либерального католицизма". Весь Рим, казалось, был охвачен сочувствием к городам за пределами папских государств, которые боролись за свободу, а в самих государствах мягкие предложения Пио Ноно достаточно, чтобы вызвать "потoki экстаического, демонстративного итальянского человечества, факельные шествия и толпы, стоящие на коленях у его ног". [38] Мисс Найтингейл видела римских дворян, принца Корсини, принца Гаэтано и других, председательствовавших у "патриотических алтарей", которые были установлены на общественных площадях для получения подарков деньгами и драгоценностями. Она слышала, как знаменитый отец Гавацци проповедовал о крестовом походе в Колизее. Она ликовала, когда на Капитолии водрузили итальянский триколор. "Я определенно родилась, - писала она на своему кузену Хилари, - чтобы быть тряпкой и бобылем, ибо, когда я слышу о народной демонстрации, я не лучше оборванца". Услышав грохот далекого барабана, она поспешила за мистером Брейсбриджем, и он, и она разбили собственные окна, потому что они не были освещены; остались посмотреть на факельное шествие патриотов, поющих гимн Пио Ноно, и были вознаграждены толпой, кричавшей "Боже, храни королеву", когда они проходили мимо английского "милорда" и его спутницы. "Очень трогательно, - говорит она, - хотя о королевской власти я думала в самую последнюю очередь"; ведь в это время, как она часто признавалась в своих письмах, ее симпатии были республиканскими. "Когда начался этот памятный год со всеми его революциями, - писала она позже мадам Моль, после того как наступило разочарование (27 июня), - я думала, что это Царство Небесное, которому выпала участь республики. Но, увы! События показали, что еще большее число из нас должно медленно созреть до ангелов здесь, прежде чем начнется режим ангелов, *то есть* Царство Небесное". Но в данный момент все казалось лучезарным. В феврале она с удовольствием записала, что депутация римлян отправилась к Папе, чтобы выразить ему свое "полное доверие". В своих записных книжках она собирала сведения о его

жизни и характере; а когда в марте он даровал то, что можно назвать лишь своего рода конституцией, она написала мадам Моль: "Мой дорогой Санто Падре, кажется, очень хорошо себя чувствует. Он отказался от своей временной власти. Никто не отнимал ее у него; он сам ее положил. Я думаю, что он войдет в историю как единственный принц, который когда-либо царствовал, и что его характер ближе к Христову, чем любой другой, о котором я когда-либо слышала". История вряд ли подтвердит это высказывание; но если слова мисс Найтингейл кажутся несбалансированными в свете последующих событий, давайте вспомним, что, как говорит мистер Тревельян, "культ Пио Ноно в течение нескольких месяцев был религией Италии, либералов и изгнанников по всему миру. Даже Гарибальди в Монте-Видео и Мадзини в Лондоне разделяли энтузиазм того времени". Год спустя, когда была провозглашена Римская республика, Папа бежал, а французские войска осадили Рим от его имени, мисс Найтингейл испытывала только жалость к Пио Ноно; свой гнев она приберегла для французских "каннибалов", для одной республики, которая пожирала другую. "Я должна выдохнуть свою ярость и негодование, - писала она в дневнике (30 июня 1849 года), - пока я не утратила все представления об абсолютном добре и зле. У меня сердце кровью обливается от того, что французская нация, нация, которая больше всех других способна на идеал, на стремление к абстрактному праву, должна была пойти на такое жестокое преступление против своего собственного брата - можно сказать, своего собственного потомства, ибо Римская республика произошла от французской; это чистейший каннибализм; это разрывает мне сердце. Когда я вспоминаю тот полдень на вилле Меллини (ныне занятой французским генералом), Рим, купающийся в пунцовых и лиловых тенях, лежащий у наших ног, и святого Михаила, распростершего над всеми свои крылья - Ангела возрождения, каким мы его тогда считали, - мои глаза наполняются слезами. Но он еще будет Ангелом возрождения". Французы, по ее словам, могут разрушить город и оккупировать его; но героическая защита Республики "поднимет римлян на моральную высоту и в их собственном уважении". Они никогда не опустятся до прежнего уровня. Рано или поздно Рим будет свободен. Ее особенно возмущали разговоры, которые она слышала со всех сторон в культурном обществе дома, о "вандализме" римлян, выставивших свои драгоценные памятники искусства на поругание. Она любила эти памятники, как мы видели; но если бы того требовала оборона Рима от французов, она была бы готова увидеть, как все они сравниваются с землей. "Они должны защищаться до последнего", - кричала она. "Я бы хотела видеть, как они сражаются на улицах, дюйм за дюймом, пока последний человек не умрет на своей баррикаде, пока собор Святого Петра не сравняется с землей, пока Ватикан не взлетит на воздух. Тогда это будет последний из таких жестоких, не домашних, а городских взломов; тогда, и не раньше, Европа по справедливости отнесется к Франции как к вору и убийце, и подобное преступление станет невозможным во все века. Если бы я был в Риме, я бы первым зажег Сикстинскую, отвернув голову в сторону, и Микель Анджело воскликнул бы: "Молодец!", увидев, что его работа уничтожена". Флоренс Найтингейл была бунтаркой не только по отношению к ограничениям традиционного домашнего уклада.

///

Во время ее собственного пребывания в Риме, однако, было кое-что, что интересовало ее больше, чем римская политика или римские памятники. Это была филантропическая деятельность монастырской школы. Каждый посетитель Рима знает церковь Тринита-де-Монти. Ступеньки между церковью и площадью Спанья славятся как своей красотой, так и красотой цветочниц и женщин в крестьянских костюмах, которые часто здесь бывают. Сама церковь содержит множество прекрасных произведений искусства, а хоровая служба

является одной из достопримечательностей церковного Рима. Окрестности богаты художественными и литературными ассоциациями. Флоренс Найтингейл сочувственно смотрела и слушала на все эти вещи; но больше всего ее привлекал монастырь при церкви с его школой для девочек и (в другой части города) сиротским приютом. Как мы уже видели в предыдущей главе, она придерживалась широких взглядов в отношении церковных вероучений. Она взвешивала церкви по делам, а не по вере, или, во всяком случае, по вере, выражающейся в делах. Характерной чертой ее умственного склада было то, что во время пребывания в Риме она методично изучала римскую доктрину и ритуал. Среди ее бумаг и записных книжек, относящихся к этому времени, есть тщательный анализ теории индульгенции, реального Присутствия, Розария и т. д. Она также провела тщательное сравнение латинского Бревиария с английским молитвенником. Свое сравнительное исследование церквей она подытожила таким обобщением: "Великое достоинство католической церкви: ее утверждение истины, что Бог по-прежнему вдохновляет человечество так же сильно, как и раньше. Ее великий недостаток: ограничение этого вдохновения только собой. Великая заслуга протестантизма: его провозглашение свободы совести в пределах Писания. Его великий недостаток: возведение Библии в ранг хозяина души". Глубокое чувство ответственности каждой человеческой души не позволяло ей склоняться к римской доктрине, но на нее произвело глубокое впечатление практическое благотворение римских сестричеств. Пример такого благодеяния она нашла в школе и приюте для сирот Dames du Sacré Cœur. Она подобрала бедную девочку по имени Фелисетта Сенси и добилась ее приема в качестве бесплатной пансионерки, оплачивая ее уход и воспитание в течение многих лет. Она очень привязалась к настоятельнице монастыря, мадре Ста Коломба. Она изучала организацию, правила и методы большой школы, а на десять дней уединялась в монастыре. [39] Общение с мадам Ста Коломба, чьи беседы и духовные переживания она подробно записывала, произвело на ее ум очень глубокое впечатление. Она изучала правила и организацию, но, как и во всех своих исследованиях, она искала мотив, а также, более того, метод. Много лет спустя один из друзей написал ей: "Мне кажется, что самый большой недостаток среди медсестер - это преданность. Я использую это слово в очень широком смысле, подразумевая то состояние души, в котором поток желаний течет к одной высокой цели. Это не предполагает знаний, но очень быстро достигается". [40] Это было ее глубокое убеждение, которое она часто выражала, как мы услышим, в своих обращениях и увещательных письмах в последующие годы. В Тринита-де-Монти она начала изучать секрет преданности. Она записывала увещания настоятельницы, духовные упражнения, которые предписывались послушницам, формы и дисциплину самоанализа. Она стремилась вывести этот секрет и применить его для привития высшего вида служения человеку как служения Богу. В течение многих лет в ее голове рождалась мысль о том, чтобы основать какой-нибудь особый орден или сестринство; и хотя в конце концов она была рада, что не сделала этого, она никогда не отказывалась от высокого идеала, который стоял за ее мыслью. И хотя в некоторых случаях она разочаровалась в сестричествах, она никогда не переставала с восхищением говорить о том, что видела и чему научилась в некоторых из них. Она чаще и с большей любовью вспоминала о духе лучших католических сестричеств, чем о Кайзерсверте или вообще о чем-либо другом из своего профессионального опыта.

Во время таких занятий в Тринита-де-Монти зимой 1847-48 годов она, по ее словам, отвлеклась от всех интересов, которые способствовали ее "тщеславию"; это был ее "самый счастливый Новый год". "Самая полная и непрерывная свобода от мечтаний, которую я когда-либо имела", - писала она в более позднее время. "О, как я была счастлива!" И вот снова, оглядываясь назад через двадцать лет, она пишет: "Ни одно время в моей жизни не доставляло мне такого удовольствия, как время, проведенное в Риме". [41]

Другой случай пребывания мисс Найтингейл в Риме был предназначен, хотя она не знала этого в то время, чтобы иметь далеко идущее влияние на ее карьеру. Среди английских гостей, которые провели зиму 1847-48 годов в Риме, были мистер и миссис Сидни Герберт. Мистер Герберт уже был военным секретарем при Пиле, на этот пост ему предстояло вернуться при Абердине. Отставка кабинета Пилы в 1846 году освободила мистера Герберта от официальной работы. В конце года он женился на даме, с которой был давно знаком, Элизабет Корт, дочери генерала Чарльза Эша Корта; в следующем году он и его жена отправились в длительное континентальное турне. Мистер и миссис Брейсбридж были друзьями Гербертов, и таким образом Флоренс Найтингейл познакомилась с ними в Риме. Оглядываясь назад, она особенно вспоминала начало своей дружбы с Сиднеем Гербертом "под крылом дорогих Брейсбриджей". Соотечественники, которые встречаются таким образом в любой иностранный курорт, склонны видеть много друг друга, и с этой зимы датируется начало дружбы, которая должна была быть определяющим фактором в жизни Флоренс Найтингейл. Сидни Герберт, когда они встречались в галереях или на вечеринках, или ездили вместе в Кампанье, должно быть, был поражен заметные способности мисс Найтингейл, и для миссис Герберт она сформировала привязанность. Она отметила "большую доброту, желание любить, великодушную щедрость" своего нового друга. Мистер и миссис Герберт много виделись с архидиаконом Мэннингом (будущим кардиналом), который также проводил зиму в Риме, и мисс Найтингейл была в дружеских отношениях с ним.[42] Это знакомство также оказало определенное влияние на ее дальнейшую карьеру. Сидней Герберт, опираясь на готовую к сочувствию жену, посвящал много мыслей, теперь уже освобожденных от официальных обязанностей, схемам благотворительности среди бедняков в своих поместьях. "Он остро чувствовал, в каком невыгодном положении оказываются бедняки, вынужденные после болезни, а возможно, и после болезненных операций, возвращаться на ранней стадии выздоровления, без отдыха и перемен, к привычному труду." [43] Он был полон схемы для дома престарелых и коттеджной больницы (такие, как сейчас не редкость, но тогда были почти неизвестны), и можно представить, с каким рвением мисс Найтингейл разделяла его мысли. Одним из первых дел, которые она записывает в своем дневнике после возвращения с континента, является "экспедиция с миссис Сидни Герберт, чтобы установить ее Convalescent Home в Charmouth"; но это был лишь мимолетный инцидент, и возвращение к привычной домашней жизни, после отвлечения иностранного путешествия, оставил ее не более довольны, чем раньше.

Вернувшись в Лондон в начале лета 1848 года, она послала своим друзьям письмо, о котором периодически говорили в городе:...

(*Мадам Моль.*) 26 июля [1848 г.]. В Лондоне было обычное количество благотворительных балов, благотворительных концертов, благотворительных базаров, на которых люди обманывают свою совесть и закрывают глаза. Тем не менее не видно ни малейшей перспективы революции. Почему, сказать трудно, ведь Англия - это страна, где роскошь достигла своего апогея, а нищета - своей глубины. Возможно, дело в нашем Законе о бедных, возможно, в силе нашего среднего класса, возможно, в большей степени симпатии между богатыми и бедными, которая является консервативным принципом. На днях у лорда Эшли была депутация чартистов, которая осталась на чай и беседовала с ним в течение пяти часов. "То, что человек должен ездить в карете и иметь двадцать тысяч в год, противоречит законам природы", - сказал их лидер и хлопнул себя по ноге. "Я могу показать вам, если вы пойдете со мной сегодня вечером, - сказал лорд Эшли, - людей, которые скажут вам: [81], что человек должен ходить в широкой одежде и носить булавку (указывая на рубашку

чартиста) - это противоречит законам природы". Чартист промолчал. "И это было единственное, что я сказал", - говорит лорд Эшли, - "после пятичасового спора с ними, что произвело наименьшее впечатление".

Знакомство с лордом Эшли (впоследствии лордом Шафтсбери) привело ее к работе в школе для неимущих. Но общество становилось все более и более неприятным для мисс Найтингейл. Она объяснила причины этого в письме к своей "тете Ханне". Почему она не могла улыбаться и быть веселой, но при этом не теряла времени и не отказывалась от своих высших идеалов? По ее словам, потому что ей "ненавистно, чтобы Бог слышал ее смех, как будто она не раскаялась в своем грехе". В этих словах есть что-то явно нездоровое, и их можно было бы бесконечно множить, если бы для этого были веские основания, в ее письмах, дневниках и записных книжках. Грехи, в которых она чаще всего осуждала себя, были "лицемерие" и "тщеславие". Она молилась об избавлении от "желания произвести эффект". Это было "тщеславие"; а "лицемерие" - потому что она играла роль, отвечая представлениям друзей о ней, хотя на самом деле ее сердце было занято другими вещами, а настоящая жизнь протекала в другом месте. Болезненность была симптомом разума, враждующего с окружающим миром. И снова добрая "тетушка" напомнила ей в духе Джорджа Герберта, что все и вся можно делать "во славу Божию". Но мисс Найтингейл в это время был глубоко в изучении политической экономии; и "может ли это быть во славу Божию," спросила она, "когда есть так много страданий среди бедных, которые мы могли бы лечить вместо того, чтобы жить в роскоши?"

V

Осенью 1848 года представился случай, обещавший осуществить самое заветное желание ее сердца, но она снова была обречена на разочарование. Ее матери и сестре посоветовали поехать в Карлсбад, чтобы вылечиться. М. и мадам Моль должны были быть во Франкфурте, и все они должны были встретиться в этом городе. Франкфурт находится недалеко от Кайзерсверта, и Флоренс должны были разрешить поехать туда. Но в этот самый момент во Франкфурте начались волнения, и от всего плана пришлось отказаться. "Я не собираюсь излагать на бумаге для вашего блага, - писала она мадам Моль (октябрь 1848 года), - все проклятия и ругательства, которые облегчали мои разочарованные чувства; ибо о! какой план из планов я составила для себя! Все, что я больше всего хотела сделать в Кайзерсверте, Брюсселе и т. д., впервые оказалось в пределах досягаемости моего рта, и спелая слива упала". Вместо этого Флоренс отправилась с матерью к кюре в Малверн, где с многочисленными молитвами о смирении перед волей Божьей она несколько недель питалась сухими и горькими плодами разочарований. Зимой 1848-49 годов мисс Найтингейл виделась с М. Гизо и его семьей. Министр бежал в Лондон после падения Луи Филиппа и жил в скромном доме в Бромптоне. Он нашел в мисс Найтингейл "смелую и отзывчивую душу, для которой великие мысли и великая преданность имели серьезное притяжение".^[44]

В течение следующего года она нашла в Лондоне работу по душе. Она инспектировала больницы. Она работала в школах для неимущих. Она говорила о своих "маленьких воришках в Вестминстере" как о своей "самой большой радости в Лондоне". Но эти нетрадиционные развлечения лондонского сезона еще больше настроили ее против жизни в загородных домах. "Разве внешность человека, - писала она в своем дневнике (2 июля 1849 года), - не должна быть как можно более близким воплощением того, чем на самом деле является жизнь? Жизнь - это *не* зеленое пастбище и тихая вода, как это представляется в наших домах. Для кого-то жизнь - это сорокадневный пост, моральный или физический, в пустыне; для кого-то - обморок под тяжестью урожая; для кого-то - распятие; для всех - борьба за правду, за безопасность. В Лондоне жизнь предстает в гораздо более истинном виде, чем в

деревне. В английской деревне все, что причиняет боль, так тщательно убирается с глаз долой, за прекрасные деревья, в деревню за три мили. В Лондоне же, если вы откроете глаза, вы не сможете не увидеть на соседней улице, что жизнь не такая, какой ее вам представляли. Вы не можете выйти из кареты на вечеринке, не увидев, что написано на лицах людей, стоящих по обе стороны переулочка, и не почувствовав искушения броситься назад и сказать: "Это мои братья и сестры". Она жаждала вернуться, чтобы иметь возможность свободно выйти в трущобы, утешить умирающую без присмотра старушку или спасти сбившегося с пути необученного ребенка. Но приличия не позволяли. "Молодой женщине ее положения не подобает выходить в Лондоне без слуги", - говорили ей. Осенью 1849 года ей предложили совершить еще одно заграничное путешествие. Ее родители и сестра снова надеялись, что Флоренс вернется другой и более комфортной женщиной. Те, с кем мы находимся в самой тесной близости, иногда понимают нас меньше всего.

ГЛАВА VI

ЗАРУБЕЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ: ЕГИПЕТ И ГРЕЦИЯ (1849-1850)

Когда мы путешествуем по миру.
'Tis but our climate, not our mind, we change.

Гораций.

Осенью 1849 года мистер и миссис Брейсбридж, которые должны были провести несколько месяцев на Востоке, снова предложили мисс Найтингейл поехать с ними, и снова это предложение было с радостью принято. Ее сестра была в восторге. Экспедиция в Рим не принесла желаемого результата, но здесь был второй шанс. Сестра сообщила друзьям, что "Фло пила чай с Бунсенами, чтобы получить *последний мотив* по египтологии", и что она отправляется в путь "нагруженная учеными книгами". Возможно, Флоренс погрузится в такие исследования и начнет вести изящную жизнь ученого досуга. Литературный соблазн, правда, преследовал Флоренс, но она оставила его в прошлом.

В октябре они отправились в Египет, где должны были провести зиму. Затем они должны были отправиться в Афины, где у мистера Брейсбриджа была собственность. Обратный путь летом 1850 года должен был пролегать через Германию с посещением Кайзерсверта. Флоренс, надо полагать, больше всего ждала последнего этапа путешествия. 18 ноября путешественники высадились в Александрии. 27-го они достигли Каира. 4 декабря они отправились на дахабии в путешествие по Нилу. Лодку окрестили в честь сестры Флоренс. "Моя работа, - писала она, - заключается в изготовлении вымпела: голубой бант с ласточкиным хвостом, латинский красный крест на нем и ПΑΡΘΕΝΟΠΗ на белой ленте. На это ушла вся моя лента и огромное количество стежков, но это будет самый лучший вымпел на реке, и мои вымпелы с радостью признают дань сестринской привязанности, ибо сестринская привязанность в ленте в Нижнем Египте, позвольте заметить, стоит того, чтобы ее иметь". Они поднялись по реке до Ипсамбула (Абу-Симбела), немного ниже Вади-Халфи; на обратном пути они провели несколько дней в Фивах. Письма, которые Флоренс отправила домой, показывают, что Египет сильно поразил ее воображение. Больше всего ее поразила

торжественность страны. "Здесь никогда не смеются и не играют. Все взрослое и старое". Письма также полны египтологии, ведь она составляла таблицы династий, копировала планы храмов и анализировала ведущие идеи египетской мифологии, изложенные лучшими писателями того времени:...

Абу-Симбел, 17 января [1850].... Я прошла через другие залы, пока, наконец, не оказалась в камере в скале, где в тишине вечной ночи сидели четыре фигуры напротив дальнего конца. Больше я ничего не видел; однако я не испытывал страха, как в Карнаке, хотя и был совершенно один в этих подземных залах; ибо на меня смотрело возвышенное выражение лица этого судьи мертвых, воплощение благодати божества, каким является Осирис; и я подумал, как прекрасна идея, которая помещает его в первом зале, а затем постепенно подводит поклоняющегося к более ужасным атрибутам божества; Ибо здесь, как я смутно различал в темноте, сидела творческая сила разума - Неф, "интеллект"; Амун, "скрытый бог"; Фтах, "создатель видимого мира"; и Ра, "поддерживающий", Ра, "солнце", которому посвящен храм.... Я повернулся, чтобы выйти, и увидел в дальнем конце золотой песок, сверкающий в лучах солнца за вершиной двери; длинный песчаный холм, спускающийся от нее к ногам самых сокровенных Осиридов, которые оставлены совершенно свободными, все, кроме их постаментов, выглядели как волны времени, постепенно вливающиеся и покрывающие этих нетленных гениев, которые видели, как три тысячи лет прошли над их головами и не обратили на них внимания. В самом святом месте, там, куда не доходит ни один звук, вы словно ощущаете разумный ход времени, не по тиканью часов, как мы измеряем время, а по некоему духовному пульсу, который отмечает вам его продвижение вперед, не по [86] секундной, минутной, часовой, а по вековой стрелке. Я подумал о поклонниках трех тысяч лет назад; как они к этому времени достигли цели духовных устремлений, свели все свои мысли к служению Богу или идеалу добра; как мы стоим здесь с той же целью перед нами, только такой же далекой, как звезда, которую чуть позже я увидел восходящей точно над тем же песчаным холмом в центре верхней части дверного проема, но такой же уверенной и неподвижной; как для них все остальные мысли теперь ничто, и идеал счастья, к которому мы все стремимся, достигнут; не потому, что они не испытывали, возможно, страданий, как и мы, но потому, что они больше не предполагают никаких других мыслей, кроме исполнения воли Бога, что и есть счастье. Я тоже подумал, что через три тысячи лет мы, возможно, достигнем этого - и другие будут стоять здесь, а те старые боги все еще будут сидеть в вечных сумерках.....

Фивы, 10 февраля [1850].... Долина царей, хотя и находится в миле от Фив, кажется такой, словно вы попали в горы Каф, за которыми находятся только "существа, неизвестные никому, кроме Бога" - так глубоко овраги, так высоко и сине небо, так абсолютно уединенно и неземно, так совершенно необитаемо это место. Один взгляд на эту долину даст вам больше представления о сверхъестественном, о вратах Аида, чем все описания, священные или профанные. Что это за миг - войти в эту долину, где в этих скалистых пещерах, простор и непроглядная тьма которых одинаково ужасны, лежат цари земли, каждый в своем огромном саркофаге, с телами своих вождей, каждый в своей камере, вокруг него; и куда, примерно в это время, они должны вернуться, чтобы найти свои тела и возобновить свое пребывание на земле, - если они очистились за три тысячи лет испытательного срока, в более высоком и лучшем состоянии; если деградировали, в более низком. Мне казалось, что я встречал их на каждом шагу в этих длинных подземных галереях, видел, как их тени поднимались из разбитых саркофагов и снова продвигались к свету дня, который сиял, как звезда, такая далекая и такая слабая, в конце этого проема; мертвые были взбудоражены, главные из них на земле.... Что ж, эти фараоны, возможно, сейчас здесь, снова в теле, их три тысячи лет только что истекли для некоторых из них, - то есть если они искренне философствовали или,

вместе с философией, "любили прекрасные формы". ...И если бы я был сейчас фараоном, я бы выбрал арабскую форму и вернулся, чтобы помочь этим бедным людям; и я собираюсь завтра отправиться в гробницу Рамсеса, 1150 г. до н. э., чтобы встретиться с ним и сказать ему so.....

Неудивительно, что мисс Найтингейл жалела бедных людей, ведь Египет, по которому она путешествовала, был таким, каким его оставил Мехемет Али, Лев Леванта. Она видела девушек, продаваемых на открытом рынке рабов "по цене от 2 до 9 фунтов стерлингов за голову". Она слышала, как правосудие продается тому, кто больше заплатит; и "все, - заметила она, - похоже, бастинадо всех остальных". "Каждый мужчина, - отметила она далее, - является призывником в армию, и матери выкалывают своим детям правый глаз, чтобы спасти их от призыва, пока Мегемет Али, который был слишком умен для них, не создал одноглазый полк, который носил мушкет на левом плече". Мисс Найтингейл любила сбегать из дахабии, чтобы побродить по пустыне, "сунуть свой нос", как она писала домой, "во все деревни" и увидеть своими глазами, как живут "эти бедные люди". "Они называют меня "дикой ослицей пустыни, выдыхающей ветер", потому что я так люблю убежать". Египетские впечатления надолго запечатлелись в ее памяти, и спустя тридцать лет они вновь нахлынули на нее в связи с изучением Индии.^[45] Как и во время предыдущего визита в Рим, так и в Египте она использовала все возможности для изучения работы религиозных сестричеств. В Александрии она провела свои дни, пишет она, "с большим удовольствием, поскольку я путешествовала с двумя сестрами Святого Винсента де Поля из Парижа в Осер, которые познакомили меня со здешними сестрами; и я провела с ними много времени в их прекрасных школах и *мизерикорде*. Их всего 19 человек, но они, кажется, выполняют работу 90".

//

В апреле 1850 года мисс Найтингейл отправилась со своими друзьями в Афины. Их дом находился на улице Эухарис, и Флоренс "спала в библиотеке, выходящей на террасу, с которой открывается вид на заднюю часть Акрополя". У нее не было вкуса к топографическим исследованиям и красивым различиям между разными мастерами скульптуры, которые поглощают интерес многих современных путешественников и студентов. Ее интересовали более широкие рассуждения. Душа народа, выраженная в его искусстве, была тем объектом, на который она направляла свои наблюдения и вокруг которого она любила играть своим воображением. В своих записных книжках и письмах она обсуждает духовные концепции, воплощенные в поклонении нескольким греческим богам; она прослеживает символы греческой мифологии до их истоков в греческом пейзаже; она изображает гений Эсхила (ее любимый трагик, которого она предпочитала даже Шекспиру) или Софокла, развивающийся в связи с местными условиями и окружением. Из статуй ее внимание больше всего привлекала задумчивая красота погребальных барельефов; а в архитектуре она больше всего любила дорический ордер за его строгость, простоту, совершенство пропорций, образ идеальной республики.

Только республиканец мог придумать его, и любому другому правительству грех подражать ему. Посмотрите на каждую колонну - человека, я имею в виду - поднимающего свою благородную голову; но ни у одной нет отдельного основания. Каждый человек стоит на общем основании своей страны. Посмотрите на простоту рифления столицы. Ни один человек не думает о своем украшении, а только о славе целого. Рифление выглядит не как украшение, а как драпировка. Я люблю старый *дорический ордер*, как человека. Затем идет

ионический, легкий, изящный и воздушный, правда, подобно аттическому остроумию, но несколько приторный на вкус; он скоро бледнеет; рифление слишком трудоемко, слишком полукругло, как люди, сидящие полукругом, чтобы послушать остроумие Аристофана; оно не выглядит так, как будто *принадлежит* колонне; и этот гребень между рифлениями, что он там делает? Похоже на паузу, пока следующий собеседник обдумывает реплику. Затем этот богатый бисер вокруг основания, словно один из хоров Еврипида, не имеющих никакого отношения к произведению. Дайте мне ионический, чтобы развлечь меня, но дорический, чтобы заинтересовать меня. *Коринфский* - это как поклонение Дионису, как иллюстрация природы искусством - плохое сочетание, я думаю, которое в любых других руках превратилось бы в безумное искусство, но измененное утонченным художественным восприятием греков, оно изысканно красиво, но это не архитектура. Дорический, ионический и коринфский - это этический, поэтический и эстетический взгляды на жизнь. Но посмотрите, как они выполнены. Насколько оно математически точно - сама поэзия числа.

Для философского склада ее ума было характерно, что она пыталась возвести очарование пейзажа к какому-то общему закону: - Афины.

Афины, 8 июня. Я совершила несколько прекрасных прогулок с мистером Хиллом по Гиметтосу, по дороге в Дафну и в Кару. Трудно описать, насколько прекрасен пейзаж, и почему он так прекрасен. Я начинаю думать, что дело в пропорциях, и что в вещах природы, как и в искусстве, должна быть пропорция. Я говорю глупости, я верю, но никто не возражает мне, вы знаете. В долинах Швейцарии высота слишком велика для ширины, и это похоже на бутылку. В долинах Египта ширина слишком велика для высоты, и это похоже на поднос. По этой причине в Швейцарии и Шотландии предусмотрены облака; высота стала бы непомерно большой, если бы не была закрыта сверху. По этой причине чистое небо есть в Египте, иначе вы бы чувствовали себя в полке. Но здесь, где чистое небо, как говорят, должно быть вечным (хотя я не могу сказать, что видел его много с тех пор, как приехал), пропорция соблюдена идеально, точная кривая всегда здесь, точный наклон, который вы хотите; и если бы линия изменила свое место, вы чувствуете, что эффект был бы испорчен. Вы относитесь к ней, как к архитектурному сооружению. Я считаю, что в этом кроется большая особенность афинских видов. В остальном, что касается колорита, должен признаться, что не видел ничего лучше вечеров в Кампанье.

О Парфеноне при лунном свете она писала, что "невозможно, чтобы земля или небо могли создать что-либо более прекрасное". В других письмах она рассказывает о красоте вида, открывающегося с Ликабеттуса, и о великолепии заката с Гиметтуса. Однажды на Акрополе она увидела мальчиков с совенком, который только что выпал из гнезда в Парфеноне. Она купила его у них и оставила себе. Он путешествовал в ее кармане и жил в Эмбли.

///

Общественные дела в Греции также интересовали ее. Она прибыла в греческие воды в самый разгар "кризиса Пасифико". Между Англией и Грецией произошел разрыв, угрожавший также отношениям между Англией и Францией и спровоцировавший столкновение политических партий в Вестминстере из-за притязаний историка современной Греции мистера Финлея и уроженца Гибралтара дона Пасифико. Лорд Пальмерстон приказал Средиземноморскому флоту направиться к Пирею, чтобы обеспечить выполнение британских требований, и мисс Найтингейл сидела рядом с мистером Уайзом, британским министром в Афинах, за ужином на борту H.M.S. *Howe*, когда ему было передано

представление греческого правительства. Ее домашние письма проливают свет на все перипетии этого дела, которое, однако, сейчас вспоминается только как повод для выступления лорда Пальмерстона в Палате общин с его знаменитой речью о *Civis Romanus sum*. Мисс Найтингейл теперь, как и раньше, была убежденной пальмерстоновкой. "Друзья Бродлендса, - писала она родителям, - никогда не должны были меньше беспокоиться за его репутацию"; и если парламентский успех - достаточная проверка, она была совершенно права. Покидая греческие воды, она снова оказалась в гуще политических дискуссий. Ее партия отплыла из Афин 17 июня и отправилась в Триест через Корфу - "этот сказочный остров, - писала она, - где каждый цветок растет вдвое больше, чем в других местах, и где ни один мороз не может коснуться оливы и граната". Она и ее родители были знакомы с сэром Генри Уордом, в то время лордом Верховным комиссаром Ионических островов. Сэр Генри, который был активным либералом у себя на родине, чувствовал себя вынужденным принимать жесткие репрессивные меры на островах. Мисс Найтингейл была против его политики, а также против британской оккупации. Он пригласил ее и ее друзей во дворец. Она пошла оправдываться. Он вышел, сказал, что я часто называла его "Тираном", взял меня на руки, как отец, и стоял надо мной в образе Тирана (по его словам), пока я не написала письмо, призывающее их всех прийти, которое он запечатал, а я отправила. Так что весь наш *posse comitatus* провел там день, за нами прислали карету, и я очень рад, что увидел то, что в моем представлении является восточной роскошью". Тиран поставил его обвинитель рядом с ним за ужином, сожалел о своей "ложной позиции", и так далее, и они сделали своего рода мир, хотя, возможно, не до мисс Найтингейл пытался привести его к осуждению греха за его казни и произвольные аресты, поскольку она была вооружена, как показывают ее письма, теперь, как никогда, все факты и цифры, собранные в Blue-book точности.

IV

Все это интересовало ее ум, но сердце было в другом месте. "Где бы вы ни были", - сказал один известный государственный деятель, - "вы должны жить с бедными". Так было и с самыми сокровенными мыслями Флоренс Найтингейл. Наибольшее удовольствие в Афинах она получила в обществе американских миссионеров, мистера и миссис Хилл, которые содержали школу и сиротский приют. О миссис Хилл она писала: "С небес она приходит, на небесах она живет". Во главе миссионерской школы стояла греческая беженка с Крита Элизабет Контаксаки, и с ней у Флоренс Найтингейл завязалась теплая дружба. Элизабет прожила полную приключений жизнь, прежде чем обрела безопасность в Афинах. Ее отец погиб от турецкой пули. Ее мать героически спаслась от турецкого похитителя, и первые годы жизни ребенка прошли в горах Иды. "Увы, - писала мисс Найтингейл, - какой никчемной кажется мне моя жизнь рядом с этими женщинами". В дневнике мисс Найтингейл за это время появилось настроение глубокого уныния, чему, несомненно, способствовал приступ лихорадки. Она не могла найти удовлетворения в интересах заграничных путешествий. Ее мучили неудовлетворенные желания, которые могли найти выход только в мире грез. Запись в ее дневнике за 7 июня выглядит следующим образом: "Грот Эвменид. Будет ли эта ярость нарастать, пока постепенно мой разум не оторвется от внешнего мира со всеми его требованиями, и я больше не смогу управлять своим вниманием?"

Мисс Найтингейл и ее друзья высадились в Триесте в конце июня, а затем отправились в Дрезден и Берлин. Наибольшее впечатление на нее произвели картины Рафаэля "Сикстинская мадонна" и "Читающая Магдалина", которую в то время приписывали Корреджо. Через год ее мать и сестра были в Дрездене, и она посоветовала им, прежде всего, увидеть "Магдалину, королеву картин". "Как я чувствую сейчас эту картину, - писала

она им (26 августа 1851 года), - темный лес позади, острые камни впереди, не на что оглянуться, не на что смотреть вперед, цепляюсь за настоящее, как за книгу, которая льет на меня яркий свет. О, какую историю содержит эта картина на своем маленьком полотне; и как хорошо, что она висит рядом со славной Сикстинской Девой. Все, чем женщина *могла бы* быть, все, чем она будет, близко к тому, чем она *является*; ибо это не Магдалина в общепринятом смысле слова, или, скорее, это в общепринятом смысле того, чем обычно является женщина - не то, что мы подразумеваем под Магдалиной". В Дрездене мисс Найтингейл все еще пребывала в большом унынии. "Я никогда не чувствовала себя так плохо, - писала она (7 июля), - привычка жить не настоящим, а будущим в мечтах постепенно распространяется на все мое существование. Она быстро приближается к тому состоянию безумия, когда мечты становятся реальностью". И вот теперь, когда цель Кайзерсверта была уже близка, она чувствовала себя почти без сил, почти склонной повернуть назад и пойти по другому пути. "Сейчас (10 июля) мне казалось, что тишина и кто-то, кто будет следить за моим возвращением, - это все, чего я хочу". Но это был лишь момент мимолетной слабости. В Берлине ее дух воспрянул, поскольку ее жизненные интересы были удовлетворены, и она провела несколько дней, осматривая больницы и другие благотворительные учреждения. 31 июля она добралась до Кайзерсверта. "Я едва могла поверить, что нахожусь там", - записала она в своем дневнике. "С чувством, с которым паломник впервые смотрит на Кедрон, я увидела Рейн, более дорогой для меня, чем Нил". Она провела две недели с пастором, его женой и диакониссами, изучая их учреждения. "Покинула Кайзерсверт, - говорится в дневнике (13 августа), - чувствуя себя такой храброй, словно ничто и никогда больше не могло меня огорчить".[46] Она вернулась к своим друзьям в Дюссельдорф. "Они остались в Генте, чтобы я закончила свою диссертацию". (17 августа). "Закончила свой текст. Они прочли его. Мистер Брейсбридж исправил его и отослал" (19 августа). На следующий день они вернулись в Англию. Это была рукопись памфлета, описывающего "Кайзерсвертский институт на Рейне", который был издан анонимно вскоре после возвращения мисс Найтингейл.[47] О брошюре будет рассказано в одной из последующих глав в связи с ее более длительным пребыванием в Кайзерсверте в 1851 году. Памфлет был напечатан воспитанниками Вестминстерской школы для невоспитанных детей, в которой она была заинтересована. В ней она описывала работу дьяконисс и заканчивала призывом к англичанкам пойти и сделать то же самое. Огонь зажегся в ней, и она вернулась домой, как никогда решив посвятить свою жизнь служению больным и скорбящим.

V

Заграничное путешествие, как видно, не помогло ей излечиться, не отвлекло от дел, как того желала ее семья. Их надежды, даже ожидания, не были необоснованными. Флоренс Найтингейл была женщиной образованной, и ее зарубежные путешествия стимулировали ее как к исследованиям, так и к образному мышлению. Дома, на протяжении всех лет беспокойной и неудовлетворенной тоски по другой жизни, она также была прилежной читательницей и студенткой. Она обладала настоящим литературным даром, о чем свидетельствуют ее письма, а также ее более поздние сочинения. Кроме того, у нее был инстинкт самовыражения. Она постоянно писала письма и делала заметки. Она общалась с собой не только в безмолвных мыслях, но и в письменных записках. Если бы другой импульс не был в ней сильнее, она легко могла бы стать выдающейся литераторшей. Но хотя она любила писать для собственного удовлетворения, она с глубоким недоверием относилась к этому как к замене действия. Как одна из героинь Джорджа Элиота, "она не хотела украшать себя знаниями, отрывать их от нервов и крови, которые питали ее действия". "Вы спрашиваете меня, - писала она мисс Кларк в 1844 году, - почему я ничего не пишу. Я думаю, что то, что не относится к первому классу, лучше бы вообще не существовало; и, кроме того,

мне гораздо больше нравится жить, чем писать; писательство - лишь дополнение к жизни. Вы бы хотели, чтобы кто-нибудь уехал и "дал волю своим чувствам" в стихотворении, которое должно появиться (цена 2 гинеи) в *"Бель Ассембле"*? Я думаю, что чувства растрачиваются в словах; их нужно переводить в действия, причем в действия, которые приносят результат. Как вы думаете, *научится* ли младенец ходить, если ему говорить о том, что он живет в такие "странные времена", "я *должен* научиться пользоваться своими ножками" и так далее? Или вы думаете, что кто-нибудь когда-нибудь делал что-нибудь, если не подходил к этому с прямой цели, которая не позволяла ему растрачивать свои впечатления в словах?" Она была убеждена в том, что Ибсен:...

Что такое жизнь?

В сердце и в мозгу с троллями.

Поэзия? Это значит писать

Отчеты о конце света наших душ.[\[48\]](#)

Она с большим подозрением и неприязнью относилась к тому, что называла "художническим взглядом на жизнь". По ее словам, он сводит все религии и самые сокровенные и духовные чувства "к некоему подобию волшебного фонаря, с помощью которого можно разыгрывать спектакли для развлечения компании". Ее мать хвалила ее "прекрасные письма", гордилась "европейской репутацией", которую она завоевала среди ученых людей, и хотела знать, почему она не может быть счастлива, культивируя дома дары, которые дал ей Бог. Для Флоренс Найтингейл эти вещи были не дарами, которые нужно было культивировать, а скорее искушениями, которые нужно было покорить. В 1846 году она с некоторым вниманием прочитала книгу *"Отрывки из жизни дочери дома"*, религиозный труд, содержащий советы по покорности для женщин, недовольных своей домашней жизнью. "Накапливать для себя разные наставления, - написала она на полях в одном месте, - самое неудовлетворительное из всех занятий!" Она стремилась сказать Богу, как она написала в другом месте: "Вот служанка Господа! А не служанка переписки, или музыки, или метафизики!" "Эта способность всегда писать хорошее письмо, когда захочется, - говорит она в одной из страниц своего самоанализа, - является большим искушением" - искушением, если таковое существует, которому, надо признаться, она постоянно поддавалась. Но она не хотела, чтобы ее падение принесло ей славу. В 1854 году ее сестра напечатала "прекрасные письма" из Египта, [\[49\]](#) и выпустила несколько экземпляров для частного распространения. Флоренс была недовольна, но согласилась и исправила гранки.

Все мечты, которые она, возможно, питала о литературной известности, она решительно отбросила. "О Боже, - писала она в своем дневнике в Каире, - Ты вложил в мое сердце это великое желание посвятить себя больным и скорбящим. Я предлагаю его Тебе. Сделай с ним то, что будет служить Тебе". Но оставалось еще одно искушение, которое нужно было преодолеть.

ГЛАВА VII

ОДИНОКАЯ ЖИЗНЬ

Стремление к симпатии, существующее между двумя людьми, которые должны составлять одно неделимое и совершенное целое, в большинстве случаев возникает между мужчиной и женщиной, а в некоторых - между мужчиной и Богом. Римские католики понимают и

выражают это под образом: Христос - жених, монахиня замужем за ним, монах - за Церковью; или как святой Франциск - за бедностью, или как святой Игнатий Лойола - за божественной хозяйкой своих мыслей, Богородицей. Этот вид связи между мужчиной и Богом, кажется, только и может восполнить недостаток другого, постоянного исключительного союза между единственным мужчиной и единственной женщиной" - Флоренс Найтингейл: *Предложения для размышления*.

"У меня было три пути, из которых я могла выбирать", - пишет мисс Найтингейл в дневнике 1850 года: "Я могла стать литератором, или замужней женщиной, или сестрой в больнице". Мы видели, как она отвернулась от первого пути. Почему же она отвергла второй?

"Наша дорогая Фло, - писала миссис Брейсбридж мисс Кларк в 1844 году, - только что оправилась от сильной простуды, но я ничего не слышу о том, чего так жажду, *то есть* о каком-нибудь благородном, настоящем мужчине, который сможет любить ее так, как она заслуживает любви, и будет готов забрать ее в собственный дом". А три года спустя другая подруга, Фанни Аллен, описывая визит в Эмбли, сказала о Флоренс: "Какой женой она стала бы для достойного ее мужчины! Но я не уверена, что пока знаю подходящего для нее мужчину". Две девочки Найтингейл, по ее мнению, столкнутся с "трудностями в поиске того, кто бы им понравился настолько, чтобы оставить такой дом".^[50] Что касается Флоренс, то ее положение было плохо понято посторонними. Для нее дом был не счастливым садом, который она бы с большой неохотой покинула, а скорее позолоченной клеткой, из которой она с нетерпением искала способ сбежать. Для нас, знающих ее сокровенные мысли и чувства, этот вопрос предстает в ином свете, чем тот, в котором он представлялся ее друзьям в то время. Она жаждала большей, более полной жизни, чем та, которую она могла найти дома. Почему она не могла или не хотела искать ее в браке? Именно любовь иногда "освобождает заключенный в тюрьму дух", позволяет ему найти и выразить себя. То, что мисс Найтингейл оставалась незамужней, не было результатом отсутствия возможности выйти замуж. Причина кроется в другом - в чувствах, мыслях и идеалах, в обоснованных убеждениях и стремлениях, которые, если я смогу правильно их представить, осветят ее характер и карьеру.

В 1873 году мисс Найтингейл, как и весь остальной мир, читала "*Миддлмарч*", и в статье, которую она написала в том году, содержалось несколько замечаний о героине Джорджа Элиота.^[51] "Появился гениальный роман. Его автор однажды представил миру (в том числе и в художественном произведении), безусловно, самое живое, возможно, самое исторически правдивое, изображение великого идеалиста, Савонаролы Флорентийского. Теперь этот автор не может найти лучшего выхода для своей героини - тоже *идеалистки*, поскольку она не может быть ни "святой Терезой", ни "Антигоной", - чем выйти замуж за престарелого литературного самозванца, а вслед за ним - за его родственника, младенца, похожего на странствующую Клурикун (см. "*Ирландские феи*") или низшего фавна (см. "*Превращение*" Хоторна). Однако рядом, в реальной жизни, была женщина - тоже идеалистка и, если мы не ошибаемся, родственница автора, которая сумела сделать свой идеал очень реальным. Взяв на себя управление кварталами зданий в самом бедном Лондоне и став сборщиком арендной платы, она нашла работу для тех, кто не мог найти ее сам; она организовала систему посетителей; ...она передавала сочувствие и образование от человека к человеку, ...так что можно было бы сказать: "Если бы нашлась такая женщина, способная направить поток добровольной помощи, почти повсеместно пропадающей впустую, на каждой улице лондонского Ист-Энда, почти весь Ист-Энд удалось бы убедить стать христианским". Не могла ли героиня, "милая печальная энтузиастка", быть направлена на подобную работу? В

самом деле, трудно сказать, какой вред приносит такое разрушение юношеских идеалов. Их не так уж много, чтобы начать. И уж совсем мало, чтобы ими закончить - даже без такого беспричинного импульса, как этот". В этом отрывке, как и во многом, что написала Флоренс Найтингейл, есть автобиографическая нота. Она не вышла замуж, потому что придерживалась идеала - идеала, более близкого к идеалу Октавии Хилл, чем к идеалу Доротеи Брук.

//

В течение двух или трех лет Флоренс Найтингейл испытывала душевные страдания из-за привязанности, которую питал к ней один из ее кузенов. Ни в коем случае она не считала бы правильным выйти за него замуж. "Случайность или родство, - писала она несколько лет спустя,[52] , - сталкивают людей в детстве, и знакомство вырастает естественным и бессознательным образом". Поэтому в романах обычно женятся двоюродные братья и сестры; и теперь это кажется единственно естественным, единственно возможным способом завязать близкие отношения. И все же мы знаем, что межродственные браки прямо противоречат законам природы о благополучии расы". Некоторые члены семейного круга в то время полагали, что это единственное возражение против помолвки; но были и другие. Флоренс ни тогда, ни впоследствии не была настроена на брак ради брака. Брак, писала она мисс Кларк (стр. 66), не был абсолютным благословением; и хотя кузен ей нравился, она ни в коем случае не была в него влюблена. Она почувствовала облегчение, сильное и несмешанное, как она записала в своих частных размышлениях, когда узнала, что молодой человек наконец-то забыл ее. Но хотя этот эпизод оставил ее сердце целым, он оказал сильное и болезненное влияние на ее разум. "Очистите всю мою любовь от желания вызвать интерес в чужом сердце" - таково бремя многих ее размышлений.

Среди других привязанностей, объектом которых была Флоренс Найтингейл, была одна, которая имела более глубокий эффект и призывала к более сложному и тщательному выбору в жизни. Ей сделал предложение один человек, который в течение нескольких лет продолжал настаивать на своем. Это было предложение, которое, как казалось окружающим, сулило счастье. Все сочли бы этот брак подходящим, а многие могли бы назвать его блестящим. Да и сама Флоренс испытывала сильное влечение к своему поклоннику. Она пришла к такому состоянию души не по своей поспешной склонности. Она была начеку, чтобы не поддаваться искушению. За много лет до этого в письме к своему "брату Джонатану", как она называла мисс Хилари Бонэм-Картер, она писала: "Мне кажется, что я не могу понять, что это не так.

Меня поражает, что во всей самой несерьезной поэзии (как в прозе, так и в стихах) *страсть, которую называют склонностью*, трактуется весьма необычным образом. Когда человек обнаруживает, что сравнительно незнакомый человек вдруг становится для него более важным, чем его семья (в общем, через лесть, того или иного рода), он довольствуется тем, что говорит себе: "О! Это любовь", вместо того чтобы сказать: "Как несправедливо и как слепо это чувство". Интересно, если бы люди провели исследование - ведь, как говорит Сократ, жизнь без исследования не является живой жизнью, - не обнаружили бы они, что (во что бы оно ни превратилось впоследствии) это чувство вначале обычно возникает из-за тщеславия, или ревности, или самолюбия; и что от восхищения незнакомца (а я полагаю, что каждый человек был подвержен этому чувству в течение жизни) следует остерегаться, а не подчиняться ему, так как оно оказывает на человека большее влияние, чем восхищение его собственной семьей.

Однако в данном случае восхищение незнакомца выдержало испытание. Ее тянуло к нему не из-за тщеславия или самолюбия, а потому что она восхищалась его талантами, и чем больше она его видела, тем большее удовольствие находила в его обществе. Она все больше и больше склонялась к его симпатии. И все же, когда предложение поступило впервые, она отказалась от него; когда же оно повторилось, она упорствовала. Тогда, можно сказать, она не могла быть "влюблена" в него. И в каком-то смысле это, я полагаю, совершенно верно; ведь любовь, как говорят нам поэты, не рассуждает, а Флоренс Найтингейл глубоко обдумала свой случай. Но несомненно, что она испытывала по крайней мере столько же привязанности, сколько хватает на половину браков в мире. Она свернула с пути, к которому ее сильно тянуло, чтобы следовать своему Идеалу.

На одной из многих страниц автобиографических заметок, которые она сохранила в связи с этим эпизодом своей жизни, мисс Найтингейл так объяснила свой отказ выйти замуж. "У меня интеллектуальная натура, которая требует удовлетворения, и она нашла бы его в нем. У меня есть страстная натура, которая требует удовлетворения, и это нашло бы его в нем. У меня нравственная, деятельная натура, которая требует удовлетворения, и она не нашла бы его в его жизни. Я с трудом нахожу удовлетворение для любой из своих натур. Иногда мне кажется, что я во что бы то ни стало удовлетворю свою страстную натуру, потому что это, по крайней мере, обезопасит меня от зла сновидений. Но так ли это? Я могла бы удовлетвориться тем, что проведу жизнь с ним, объединив наши разные силы в каком-то великом деле. Я не могла бы удовлетворить эту натуру, проводя с ним жизнь в создании общества и устройстве домашних дел.... Быть пригвожденной к продолжению и преувеличению моей нынешней жизни, без надежды на другую, было бы для меня невыносимо. Добровольно лишиться себя возможности когда-либо воспользоваться шансом сформировать для себя истинную и богатую жизнь показалось бы мне самоубийством".

Флоренс Найтингейл не была аскетом-пустынником. Истинный и совершенный брак был, по ее мнению, идеальным состоянием. "Выйти замуж за человека с высокой и доброй целью и следовать этой цели вместе с ним - самый счастливый жребий". "Высшая, единственная истинная любовь - это когда два человека, мужчина и женщина, испытывающие влечение друг к другу, объединяются в какой-то истинной цели для человечества и Бога".^[53] Бог, учреждая брак, думал о том, "чтобы эти двое, соединившись, бесстрашно бросились во вселенную и выполняли ее работу, будучи уверенными в товариществе и сочувствии". Мисс Найтингейл также признавала, что для многих женщин брак, даже если он может не соответствовать этому идеальному состоянию, является правильным выбором в жизни. Но, с другой стороны, она считала, что есть и такие женщины, которые могут быть предназначены для одинокой жизни. "Я совсем не согласна с тем (писала она в 1846 году), что у женщины нет причин (если она не заботится ни о ком другом) не выходить замуж за хорошего мужчину, который ее приглашает, и я не думаю, что Провидение тоже так считает. Я думаю, что Он так же четко определил одних в одинокие женщины, как и других в жены, и соответствующим образом организовал их для их призвания. Я думаю, что у некоторых есть все основания не выходить замуж, и что для них гораздо лучше воспитывать детей, которые уже есть в мире и которых нельзя из него вытащить, чем приводить в него новых. Примитивная церковь, очевидно, тоже так считала и поступала соответствующим образом; и хотя, несомненно, примитивная церковь во многих вопросах была старой женщиной, я думаю, что опыт веков доказал ее правоту в этом". И снова: "Наша система - это христианство без креста"; единственная жизнь - это жизнь Христа. "Неужели Небеса одарили людей вечными душами и послали их на землю не для того, чтобы они женились и были отданы замуж? Правда, в этом мире еще многое ждет своего часа; но разве человек, ведущий светскую жизнь, будет этим заниматься? Он не видит ничего дальше себя и прекрасного создания, которое он

выбрал себе в невесты". Как и среди мужчин, так и среди женщин. Есть женщины интеллектуальные или активно нравственные, для которых брак (если только он не воплощает в жизнь совершенный идеал) означает жертвование своими высшими способностями ради удовлетворения низших. "Смерть, - писала она (снова в записной книжке 1846 года), - часто является воротами в сад, где мы больше не будем испытывать голод и жажду настоящего удовлетворения. Брак, напротив, часто является посвящением в смысл этого неумолимого слова "никогда"; которое не лишает нас, правда, того, что "на своих праздниках праздные и беспечные называют жизнью", но которое в действительности приносит конец нашей жизни, а вместе с ним и холод смерти".

В своем собственном случае мисс Найтингейл осознавала, что в ней есть способности для "высоких целей для человечества и для Бога". Она не могла быть уверена, что брак, который ей предложили, позволит ей использовать эти способности в полную силу. Поэтому она принесла свою "страстную" натуру в жертву своему нравственному идеалу. "Мне 30, - писала она в день своего рождения в дневнике 1850 года, - возраст, в котором Христос начал Свою миссию. Теперь больше никаких ребячеств, никаких тщеславий, никакой любви, никакого брака. Теперь, Господи, позволь мне думать только о воле Твоей". А среди ее изречений в другой книге я нахожу следующее: "Сильные страсти, способные познать тайны человеческого сердца, и сильная воля, способная держать их в подчинении, - вот ключи царства в этом мире и в следующем". Флоренс Найтингейл отказалась от брака, чтобы оставаться полностью свободной для выполнения своего призвания.

///

Это не было жертвой, которая стоила ей мало. Если, как утверждают некоторые, она не была влюблена, то все же признавалась себе во многих муках влюбленного, и бывали моменты, когда, встречая своего поклонника снова или думая о нем, она была склонна раскаиваться в своем выборе холостяцкой жизни. К тому же жертва заключалась в немедленном удовлетворении идеала, который, в конце концов, она, возможно, никогда не сможет воплотить в жизнь. Легенды о святых рассказывают о многих девах и мученицах, распявших плоть и пожертвовавших мирским счастьем ради любви к Христу. Но когда жертва была принесена, любовь, которая казалась им гораздо лучше, уже принадлежала им. В ушах святой Агнессы Божественный голос звучал со сладкой уверенностью, и она вкусила молоко и мед Его уст. Святая Доротея уже была обручена в саду, где ее окружали небесные плоды и неувядающие розы. И Флоренс Найтингейл также должно было быть даровано счастье, заполнившее всю ее жизнь на несколько лет, так что она "не искала лучшего рая"; но в то время, когда она сделала свой выбор и отказалась от всего остального, чтобы следовать своему идеалу, путь перед ней был еще темным и неопределенным. Она осознавала призвание, но у нее не было уверенности в том, что она будет работать. Вступить в брак, который не давал уверенности в осуществлении ее идеала, было бы, по ее мнению, самоубийством души; однако, когда ее призвали выбрать между двумя путями, ее нынешняя жизнь была голодной.

Возможно, именно цена, которую она заплатила за свой идеал, привела к тому, что в более поздние годы некоторые считали в ней некоторую черствость. Когда женщина однажды посвятила свою жизнь работе медсестры, мисс Найтингейл мало сочувствовала любому повороту назад. Иногда казалось, что в таких случаях она рассматривает брак как непростительный грех.

Но другой, более возвышенный образ мыслей был вызван ее опытом. В конце одного из ее размышлений о браке и отказе от него я нахожу такие знаменательные слова: "Я должна

стремиться к лучшей жизни для женщины". Она не имела в виду лучшую жизнь, чем брак; она имела в виду также жизнь, которая должна сделать условия брака лучше. В мире, в котором она жила, дочери, писала она, "могут выбирать только из тех людей, которые нравятся их родителям, и которые нравятся их родителям настолько, что приходят к ним в дом". Можно сомневаться, что в середине Викторианской эпохи или в любую другую эпоху молодые люди платили за вызовы только потому, что им нравились родители; но, несомненно, ограничение занятости женщин влечет за собой и ограничение возможностей выбора в браке. И в то же время отсутствие интереса и разнообразия в жизни девушек дома делает многих из них склонными к браку как к средству спасения. Открывая новые сферы полезности для женщин, мисс Найтингейл надеялась в одно и то же время улучшить положение тех, кто был отмечен, чтобы быть женой, и найти удовлетворение для тех, кто отмечен для одинокой жизни.

ГЛАВА VIII

УЧЕНИЧЕСТВО В КАЙЗЕРСВЕРТЕ (1851)

Единственное счастье, о котором храбрый человек когда-либо беспокоился, спрашивая себя, - это счастье, достаточное для того, чтобы выполнять свою работу. В конце концов, единственное несчастье человека - это то, что он не может работать; то, что он не может исполнить свое предназначение как человека.

Зарубежные путешествия, как мы уже видели, ничуть не изменили решимости Флоренс Найтингейл посвятить себя жизни медсестры. Она сознательно отказалась от брака и стремилась найти новое поле деятельности для незамужних женщин. Но пути и средства для этого пока не были очевидны. У нее не было собственного состояния. Она вернулась в семейный круг, который понимал ее стремления не лучше, чем прежде. Круг домашних обязанностей был таким же, как и прежде. Были тетушки и бабушка, которых нужно было навестить, компания дома, которую нужно было развлекать, сестра, которую нужно было ублажать, отец и мать, которых нужно было ублажать.

Но она не могла порадовать их, потому что сама не находила удовольствия в их жизни. Она не говорила себе, что она лучше их. Тем более она не благодарила Бога за то, что не такая, как они. Но она с горечью ощущала пропасть, отделявшую ее и от родителей, и от сестры. Она любила отца, восхищалась его добрыми порывами и приятным характером. Но она понимала, что его довольство жизнью, наполненной бездельем, делает его конституционально неспособным полностью проникнуться ее душевным состоянием. Она любила свою мать и считала, что та была, пределах своего диапазона, женщиной гениальной. "У нее есть гений порядка, - писала она в характеристике своей матери, - гений организации прихода, формирования общества. Своими усилиями она добилась лучшего общества в Англии". Что мучило дочь, так это неспособность угодить матери. "Когда я чувствую ее разочарование во мне, я как будто становлюсь безумной". Сестру она тоже любила, и, как мне кажется, еще более нежно. Но, как однажды написала сестра: "Натуры, данные нам Богом, различаются так же сильно, как разные расы". Флоренс глубоко осознавала привлекательные стороны характера своей сестры. У леди Верни действительно был очень привлекательный ум; она была очень живой, любознательной и очень одаренной,

как художник и как писатель. Она была прекрасной хозяйкой, и память о ней приятна всем, кто ее знал. Если ей и не хватало некоторых сильных английских черт, присущих ее сестре, она обладала легким чувством, которого не было у Флоренс. И Флоренс чувствовала очарование всего этого. "Никто, кроме меня, - писала она, - не хочет, чтобы она делала хоть что-то отличное от того, что делает она. Ей не нужна ни другая религия, ни другая профессия, ни другое обучение, кроме того, что у нее есть. У нее никогда не было трудностей, кроме как со мной; она не знает борьбы в своей бескорыстной натуре". Но именно по этой причине она не могла сочувствовать, потому что не могла понять трудностей своей сестры. В отрывке, который, несомненно, является автобиографическим, Флоренс писала: "Очень немногие люди могут сочувствовать друг другу в каком-либо стремлении или мысли любой важности. Если люди не передают вам мысль за мыслью, не принимают вашу, не переваривают ее и не возвращают с отпечатком своего характера, а затем передают вам, чтобы вы сделали то же самое, лучше всего знать, о чем идет речь, и не пытаться делать больше, чем доброжелательное, веселое внешнее общение. Некоторые находят развлечение во внешнем, а внутренне не страдают, потому что внимание обращено на другое".[54] Между тем Флоренс чувствовала, что все, что она говорит или делает, становится предметом досады для сестры, разочарования для матери, беспокойства для отца. "Я никогда не знала счастливого времени, - восклицала она про себя, - за исключением Рима и тех двух недель в Кайзерсверте. Я не против несчастья, это не так; но люди не могут быть несчастливы, не делая таковыми тех, кто рядом с ними".

Она стремилась достичь счастья. Она пыталась подчинить свою волю тому, что, как говорили ей ее духовные наперсники, должно быть принято за волю Божью; верить, что в свое время Он сделает ее призвание верным; в этой уверенности найти облегчение и тем временем броситься в круговорот непосредственных обязанностей. Но чем больше она боролась, тем больше терпела неудачу. Она не могла побороть нахлынувшее на нее непреодолимое желание быть на ногах и делать что-то. "Мысли и чувства, которые я испытываю сейчас, - писала она, - я помню с шести лет. Не то чтобы я их создала. Профессия, ремесло, необходимое занятие, то, что заполнит и задействует все мои способности, всегда казались мне необходимыми, я всегда стремилась к ним, осознанно или нет. В течение средней части моей жизни я стремился к получению образования в колледже, но это было временно. Первой мыслью, которую я помню, и последней, была работа медсестры; а за неимением таковой - работа по воспитанию, но скорее по воспитанию дурных, чем молодых. Но для этого у меня самой не было никакого образования". Не находя выхода в активной реальности, она больше, чем когда-либо, жила в стране грез. "Все было испробовано, - восклицала она про себя, - заграничные путешествия, добрые друзья, все". И снова: "Боже мой! Что же со мной будет?" За восемнадцать месяцев до этого она решилась на великое усилие, чтобы распать свое старое "я", "избавиться от привычки, навязанной мне праздной жизнью, жить не в настоящем мире действий, а в будущем мире грез. С тех пор передо мной прошли целые народы, но они не принесли мне новой жизни. На 31-м году жизни я не вижу ничего желанного, кроме смерти". Она погибала, как она выражалась, от недостатка пищи; она не находила в себе никакого импульса к деятельности. Привычка поздно вставать все больше овладевала ею, ибо для чего ей было просыпаться? "Голод не побуждает человека к активным действиям, он лишь ослабляет его. О томительные дни, о вечера, которые, кажется, никогда не кончатся! Сколько долгих лет я смотрел на часы в гостиной и думал, что они никогда не пробьют десять! И еще 20 или 30 лет я буду делать это!" И снова: "О, как мне пережить этот день, проговорить весь этот день - вот мысль каждого утра.... Это жало смерти. Почему я хочу покинуть этот мир? Бог знает, что я не жду потусторонних небес, но Он хотел бы поселить меня в Сент-Джайлсе, в Кайзерсверте, чтобы я нашел там свою работу и свое спасение в моей работе".

//

Подобные крики сердца, крики о пище, которую она жаждала и которую родители могли или не могли ей позволить, заполнили многие листы дневников, писем и записок Флоренс Найтингейл. "Горы трудностей", как она говорит в одном месте, "громоздились" вокруг нее. Заглядывая в новый год (1851), она не видела перед собой ничего, кроме все той же неудовлетворительной рутины. "Следующие три недели, - говорила она в одном из своих письменных разговоров с самой собой, - у вас будет компания; потом две недели в одиночестве; потом несколько недель Лондона, потом Эмбли; потом, возможно, поездка за границу; потом три месяца компании в Леа Херст; потом тот же круг компании в Эмбли". А затем, с юмористическим переходом, нередким в ее размышлениях, она спрашивает: "Но почему вы не можете вставать по утрам? Мне ничто так не нравится, как бессознательность, но я постараюсь". С течением года в ее дневниках начинает появляться все более решительный дух бунтарства. Одним из ее недоумений до сих пор было сомнение в том, следует ли воспринимать "горы трудностей" как повод для подчинения Божьей воле, или же они нагромождены для того, чтобы испытать ее терпение и решимость, и должны быть преодолены по ее собственной инициативе. Теперь она стала понимать волю Божью в последнем смысле. "Я должна *взять* некоторые вещи, - писала она в Витсандей (8 июня 1851 года), - как можно меньше, чтобы жить. Я должна *взять* их, они не будут даны мне; взять их в истинном духе исполнения Твоей воли, а не выхватывать их для своей собственной воли. Я должна отказаться от некоторых вещей, как можно большего их количества, которые я не могла бы иметь, не причиняя себе большего страдания, чем то, которое я обязана причинять в любом случае". Она перестала искать сочувствия и понимания со стороны матери и сестры. "Со мной так долго обращались как с ребенком и так долго позволяли обращаться с собой как с ребенком". Она больше не будет терпеть такую опеку.

Разные планы в разное время находили место в ее мечтах. Она собирала средства на основание сестричества, института, больницы; но одно она видела ясно и последовательно. Если ей когда-нибудь представится возможность сделать доброе дело по уходу за больными или иному служению бедным, она должна сначала научиться своему делу. Существует длинное письмо 1850 года, написанное ею отцу, в котором она доказывает эту мысль, но не применительно к себе, а как общее утверждение. Для того чтобы творить добро, необходимо нечто большее, чем добрые намерения. Филантропия - это вопрос мастерства, и необходимо пройти обучение. Случай представился раньше, чем она смела надеяться, и она смогла пройти такое обучение. Ее сестра все еще была нездорова, и ей снова предложили посетить Карлсбад. Она настояла на том, чтобы ей разрешили отправиться вместе с матерью и сестрой и провести в Кайзерсверте то время, которое они потратят на лечение и последующие путешествия.

Она приехала в Кайзерсверт в начале июля и оставалась там в качестве заключенной до 8 октября.

///

Кайзерсверт - старинный город на Рейне, на правом берегу, в шести милях ниже Дюссельдорфа. В его церкви XII века находится реликварий, в котором хранятся кости святого Суитбертуса, прибывшего сюда из Ирландии для проповеди Евангелия в 710 году. Одиннадцать веков спустя протестантский пастор Кайзерсверта вернул долг Британским островам, основав знаменитый Институт дьяконисс, который впоследствии стал важной частью обучения Флоренс Найтингейл. Орден дьяконисс, как она старательно подчеркивает в своем рассказе о Кайзерсверте, был известен в первобытной церкви; и задолго до того, как

в 1633 году святой Винсент де Поль основал сестер милосердия, протестантские общины в 1457 году организовали "пресвитерий", поскольку "многие женщины выбирали одиночное состояние не потому, что рассчитывали таким образом достичь высшей степени святости, а чтобы иметь возможность лучше заботиться о больных и молодых". Именно в 1823-24 годах молодой пастор Кайзерсверта Теодор Флиднер отправился в путешествие по Голландии и Англии, чтобы выпросить средства для помощи своему приходу, разорившемуся из-за неудачи с шелковой фабрикой. В Англии список его подписчиков возглавила маленькая принцесса Виктория. В Лондоне он познакомился с миссис Элизабет Фрай и был очень впечатлен ее работой в Ньюгейте. Вскоре после своего возвращения он основал (1826) Рейнско-Вестфальскую тюремную ассоциацию. Вскоре он встретил родственную душу в лице Фридерике Мюнстер, женщины в сравнительно легких обстоятельствах, которая посвятила себя исправительной работе. Они поженились, и в 1833 году в крошечном летнем домике в саду пастора был открыт приют для приема одного освобожденного заключенного. Три года спустя они добавили, поначалу в столь же скромных масштабах, школу для младенцев и больницу, в которой готовили добровольных медсестер в качестве дьяконисс. Из этих скромных зачатков выросло огромное скопление учреждений, слава о которых распространилась по всему филантропическому миру. В разных частях Германии насчитывается тридцать филиалов или дочерних домов. Их также можно найти в Иерусалиме, Александрии, Каире, Бейруте, Смирне и Бухаресте. "Не только дочерние дома, но и все независимые институты диаконисс обязаны своим существованием Кайзерсверту, ибо вся последующая работа диаконисс во Франции, Швейцарии или Америке, будь то лютеранская, методистская или епископальная, была плодом дерева Кайзерсверта".^[55]

Но лес начинался с крошечного желудя. Пастор Флиднер начал свою работу не с грандиозных планов или полноценных программ, а с отдельных случаев и личной преданности. На это обратила особое внимание мисс Найтингейл в своем рассказе об этом месте. "Невозможно не заметить, - сказала она, - как сильно отличалось начало от того, как обычно основываются учреждения: список подписчиков с королевскими и знатными именами во главе, двойная колонка правил и предписаний - собрание великих имен, с которых начинается (и которыми заканчивается) большинство новых предприятий. Правила составлены без опыта. Почетных членов много, но где же работающие? Схема прекрасна, но каковы результаты?" Насыщенный практический гений мисс Найтингейл всегда испытывал священный ужас перед проспектами. В некоторых заметках, написанных 15 июня 1848 года, я нахожу такой отрывок:...

Откажитесь от проспектов; они - дьявол, и от них тошнит. Это все равно, что составлять счет, когда у вас нет ни фунта мяса. Что говорят кулинарные книги? Сначала поймите зайца. Все случаи на континенте начинались одним из двух способов. В Кайзерсверте священнослужитель и его жена начали не с проспекта, а с пары больничных коек и предложили не рекламу, а дом молодым женщинам, желающим прийти. В Берне госпожа Вюрстенбергер, женщина, которая не дает объявления, а предлагает приют молодым женщинам. Вюрстенбергер, женщина знатная и образованная, отправляется учиться в Кайзерсверт, а ее подруга - в Страссбург. Они возвращаются, открывают больницу с двумя палатами, увеличивают свои фонды, к ним присоединяются другие и учатся у них.... публиковаться первыми - такая же плохая практическая примета, как и название "*Перспективное обозрение*".

Прошло несколько лет, и сама Флоренс Найтингейл должна была начать свою работу в мире не с программы, а с дела.

Учреждения Кайзерсверта, когда она была там в 1851 году, были еще сравнительно скромного масштаба. В их число входили, как она перечисляет, больница (на 100 коек), школа для младенцев, пенитенциарное заведение (на 12 человек), приют для сирот и нормальная школа для школьных учительниц. Всего было 116 диаконисс, из которых 94 были "посвящены", а остальные находились на испытательном сроке. Посвящение" состояло только в "торжественном благословении в Церкви, без каких-либо обетов". Из 116 диаконисс 67 находились на службе в других частях Германии или за границей; остальные занимались работой в различных учреждениях в самом Кайзерсверте. После шестимесячного испытания они получали скромное жалованье, которого хватало только на одежду. Другого вознаграждения не было, кроме того, что Материнский дом был открыт для приема тех, кто мог заболеть или стать немощным во время службы. Все было чисто и упорядочено, но не было никакой роскоши; обстановка была простой до грани грубости. Это место пронизывали две ноты. Это было место обучения и место освященного служения. Обучение проходило как на практике, так и в поучениях. Каждую неделю пастор проводил беседы с дьякониссами, выясняя у каждой трудности, с которыми она могла столкнуться в своей работе, и предлагая, как их лучше преодолеть. Воспитание молодежи, уход за больными, искусство посещать районы, еще более сложная работа по спасению и исправлению - все это преподавалось.

В таком месте, как это, Флоренс Найтингейл нашел на реальном опыте, как уже она научилась ожидать от чтения отчетов, реализация в некоторой степени ее самых искренних желаний. Обучение медсестер было, правда, не особенно хорошим; оно далеко не соответствовало профессиональному стандарту, который впоследствии должна была установить школа Найтингейл. В более поздние годы она решительно возражала против бытующих утверждений, что ее собственное обучение было ограничено Кайзерсвертом. "Уход за больными там, - писала она, - был нулевым. Гигиена была ужасной. Больница, безусловно, была худшей частью Кайзерсверта. Я прошла все курсы, которые только можно было пройти - в Англии их не было, но Кайзерсверт был далек от того, чтобы обучать меня". С другой стороны, "тон был превосходным, достойным восхищения". А выступления пастора Флиднера были лучшими из всех, что я когда-либо слышал". Работа на свежем воздухе в пенитенциарном учреждении и огородничество под руководством очень способной сестры были превосходно приспособлены к делу. А торжественный и благоговейный рассказ пастора Флиднера о печальных событиях больничной жизни был таким, какого я никогда не слышал в Англии".[56] Но здесь, в Кайзерсверте, мисс Найтингейл нашла "лучшую жизнь для женщин", поле для проявления "морально активных" сил. И здесь, хотя поле деятельности было ограничено, обеспечивалась определенная подготовка, которая только и могла подготовить женщин к более широким обязанностям в других местах. Здесь "служение человеку" было организовано как "служение Богу"; здесь была возможность для Посвященной жизни, как она нашла ее также в Тринита-де-Монти.

О том, как она жила в Кайзерсверте и как радовалась этому, она рассказывала в письмах к матери: - В воскресенье я брала с собой больных мальчиков.

В воскресенье я взяла больных мальчиков на долгую прогулку вдоль Рейна; [112] со мной были две сестры, чтобы помочь мне поддерживать порядок. Все они были в экстазе от красоты пейзажа, и мне он тоже показался очень красивым - широкая масса воды, медленно и спокойно текущая к своей цели, и весь этот неизменный горизонт - так похоже на медленный, спокойный, серьезный, медитативный немецкий характер.

Здесь мир наполняет мою жизнь интересом, укрепляет тело и разум. Я сразу же перешел в офис, а сейчас нахожусь в другом, так что до вчерашнего дня у меня не было времени даже на то, чтобы отправить свои вещи в стирку. У нас есть десять минут на каждый из приемов пищи, которых у нас четыре. Мы встаем в 5; завтрак $\frac{1}{4}$ до 6. Пациенты обедают в 11, сестры - в 12. Чай (*т. е.* напиток из молотой ржи) пьем с 2 до 3, а суп - в 7. У нас два щей и два бульона - щей в 6 и 3, бульонов - в 12 и 7; хлеб - в два первых, овощи - в 12. Несколько вечеров в неделю мы собираемся в Большом зале на урок Библии. Однажды пастор прислал за мной, чтобы дать мне несколько своих беспримерных наставлений; мудрость и знание человеческой натуры у этого человека удивительны; он инстинктивно знаком с каждым персонажем в своем месте. За исключением этого случая, я видел его только во время обхода.

Операция, о которой упоминает миссис Брейсбридж, была ампутацией, на которой я присутствовал, но не упомянул о ней, зная, что она увидит в моем интересе к ней не больше, чем удовольствие грязных мальчишек от игры в лужах возле мясной лавки. Здесь я нахожу глубочайший интерес во всем, и мне так хорошо и душой, и телом. Это и есть Жизнь. Теперь я знаю, что такое жить и любить жизнь, и мне действительно жаль расставаться с ней. Я знаю, что ты будешь рада это услышать, дорогая мама. Бог действительно сделал жизнь богатой на интересы и благословения, и я не желаю другой земли, другого мира, кроме этого".

Комната, в которой мисс Найтингейл спала во время своего пребывания в Кайзерсверте, находилась в приюте для сирот. Она принимала пищу вместе с дьякониссами. Спартанская суровость, но не менее прекрасный дух этого места ярко проявились в ее воспоминаниях почти полвека спустя. В 1897 году руководство Британского музея обратилось к ней за копией памфлета о Кайзерсверте, который она напечатала в 1851 году. В библиотеке музея хранится написанная карандашом записка, которую она отправила вместе с вырванной копией брошюры, единственной, которую ей удалось найти. "Я сама дважды проходила там обучение", - писала она (24 сентября 1897 года). "Конечно, с тех пор больничная и участковая медсестры добились гигантских успехов. Действительно, участковая медицинская сестра была изобретена. Но никогда я не встречала более высокого тона, более чистой преданности, чем там. Там не было пренебрежения. Это было тем более замечательно, что многие из дьяконисс были всего лишь крестьянками - ни одна не была дворянкой (когда я там была). Питание было скудным. Никакого кофе, только зерновой кофе. Никакой роскоши, только чистота". Пастор Флиднер сказал посетителю Кайзерсверта, что "ни один человек никогда не сдавал столь выдающихся экзаменов и не показывал себя таким глубоким знатоком всего, чему он должен был научиться, как мисс Найтингейл".[57]

IV

Как ни счастлива была мисс Найтингейл в Кайзерсверте, ей все же не хватало одного. Она, правда, не желала другой земли; она нашла свой образный рай; ее жизнь была полна и богата. И все же при всей своей уверенности в себе, даже в момент первой победы в долгой борьбе за самовыражение, она, как женщина, жаждала сочувствия. И не только по-женски. "Только когда мы можем думать, - сказал Карлайл, - что здесь и там кто-то думает о нас, кто-то любит нас, эта пустая земля превращается в населенный сад". Флоренс было недостаточно того, что она добивалась своего и что ее родители соглашались с ней. Ее любящее сердце жаждало их положительного сочувствия; ее разум, наполовину склонившийся к власти, требовал, чтобы то, что она решила, было принято близкими ей людьми как их выбор. "Я была бы счастлива здесь, - писала она матери (31 августа), - как длинный день, если бы могла надеяться на вашу улыбку, ваше благословение, ваше сочувствие; без этого я не могу быть вполне счастлива. Мои любимые люди, мне невыносимо огорчать вас. Жизнь и все, что в ней очаровывает вас, вы готовы пожертвовать ради меня; но

вам неведома моя жажда, вы не видите воды, которая могла бы меня спасти. Спасти меня, я знаю, значило бы благословить вас самих, чья любовь ко мне превосходит любовь женщин. О, как мне проявить к вам ответную любовь и благодарность, но при этом не погибнуть так, чтобы вы больше всего скорбели! Дайте мне время, дайте мне веру. Доверьтесь мне, помогите мне. Я чувствую в себе силы порадовать ваши любящие сердца, которые я сейчас раню. Скажите мне: "Следуй велениям того духа, что живет в тебе". О мои возлюбленные, этот дух никогда не приведет меня к чему-то недостойному того, кто является вашим в любви". [58] Но ее мать и сестра, хотя и любили и восхищались ею, а может быть, с их точки зрения, и потому, что любили, были не в состоянии оказать ей такое деятельное сочувствие, какого она жаждала. Сестра надеялась, что визит в Кайзерсверт окажется лишь эпизодом. Это хорошо, писала она матери, что Флоренс отправилась туда, "так как мы сможем быстрее вернуть ее в Лиа Херст". Самой Флоренс она писала с нежностью, но в то же время с мягкой иронией. Она прислала живое письмо, в котором подробно описывала рождение близнецов у своей подруги: "Я говорю тебе, что ты станешь *мудрой женщиной*, я полагаю". Миссис Найтингейл, со своей стороны, согласилась на визит в Кайзерсверт, но уже задавалась вопросом, что подумают люди об эскападе ее дочери. "Я никому не говорила, - писала Флоренс (16 июля), - где я нахожусь, и мне было бы очень жаль, если бы старушки узнали. Что же касается вашего страха перед тем, что скажут люди, то те, чье мнение вам особенно дорого, уже много лет искренне желают, чтобы я приехала сюда. Бунсены (я знаю, что он хотел бы, чтобы приехала одна из его собственных дочерей), Брейсбриджи, Сэм Смиты, леди Инглис, Сидни Герберты, Планкетты - все желают этого; и я знаю, что другие - леди Байрон, Кэролайн Батерст, мистер Тременхир, мистер Рич (чьего мнения, однако, я не спрашивала) - сочли бы это очень желательным для всех.... Что касается того, чтобы рассказать людям о факте моего пребывания здесь (впоследствии), я не вижу никаких трудностей. Герберты, как вы знаете, даже поручили мне кое-что сделать для них здесь. Сам факт не причинит никому из них боли". Мистер и миссис Герберт, находившиеся в Хомбурге, навестили ее в Кайзерсверте.

Миссис Найтингейл и ее старшая дочь достигли Кельна на пути домой в октябре 1851 года, и там Флоренс присоединилась к ним. "Наше дорогое дитя Флоренс, - писала мать мадам Мольтке (9 октября), - приехала к нам вчера, а сегодня утром уехала, чтобы посетить некоторых дьяконисс и других. Я жажду быть дома и среди наших людей. Ежедневно и ежечасно я поздравляю себя с тем, что наш дом находится там, где он есть. О, какая это страна справедливости, свободы и всего хорошего, по сравнению с тем, что мы видели, и как удивительно, что со всеми нашими преимуществами и завоеванной свободой мы не должны быть намного лучше других людей. Надеюсь, Флоренс сможет применить все то прекрасное, чему она научилась, и сделать немного для того, чтобы мы стали лучше. Мы с Партой слишком ленивы, чтобы помогать, и слишком склонны довольствоваться тем, что есть".

ГЛАВА IX

ИНТЕРЛЮДИЯ (1852)

Кто хочет быть свободным, должен сам нанести удар" - Байрон.

Три месяца, которые мисс Найтингейл провела в Кайзерсверте в 1851 году, стали поворотным пунктом в ее карьере, но они не сразу смогли изменить ход ее жизни. Битва за

свободу еще не была полностью выиграна, но "горы трудностей" на ее пути были повернуты, и отныне сопротивление, оказываемое ей, было лишь арьергардными действиями.

В некоторых ее письмах появилась нотка спокойствия, заметно контрастирующая с бурей и бедствиями прежних лет. Она твердо решила взять свою жизнь в собственные руки; в Кайзерсверте она уже прошла определенную стажировку. Не менее твердо она решила воспользоваться своим преимуществом; и, хотя впереди еще предстояли некоторые трудности, она могла позволить себе немного потерпеть.

(Мисс Х. Бонэм Картер.) Умберслэйд, 8 января. Брюссельская капуста уже в деле, то есть в переписке. Я упоминаю об этом, чтобы показать, как мало уважают женские занятия, когда люди могут думать, что у женщины есть время излагать длинные теории с каждым молодым дураком, который заходит к ней в дом. Здесь живет великий Иниго Джонс, а папа - content.... Мне нравится доктор Джонсон; но я всегда могу лучше говорить с медиком, чем с кем-либо другим. У них нет той отвратительной национальности, из-за которой так трудно разговаривать с англичанином. Я полагаю, привычка осматривать организации дает им это.... Бедная Кассандра нашла неожиданного союзника в молодом хирурге [117] лондонской больницы, сыне доктора Джонсона, который сидит рядом с папой *за столиком d'hôte*. Его рассказ о медсестрах превосходит все, что я знаю. Этот юный пророк утверждает, что все они без исключения, сестры и все остальные, пьяницы, и что есть только две медсестры, которым хирург может доверять давать пациентам лекарства. Я подумал, что вам будет приятно услышать, насколько они плохи, и вот я вам рассказываю. Джонсон необычайно аккуратен, но он не кажется мне гением, как Гулли. Компания имеет такой характер, что мама может надеяться, что я узнаю "ценность хорошего общества" по контрасту.....

(Отцу.) 12 мая [1852]. В свой 32-й день рождения я думаю, что должна написать тебе слова признательности. Мне приятно думать, что моя юность прошла, и радоваться, что она никогда, никогда не может вернуться - это время глупостей и рабства, несбывшихся надежд и разочарованной *неопытности*, когда человек не владеет ничем, даже самим собой. Я рад, что жил; хотя это была жизнь, которую, кроме как в качестве необходимой подготовки к другой, мало кто принял бы. Теперь я надеюсь, что овладел собой. Я надеюсь, что вырвался из рабства, которое не знает, как отличить "дурные привычки" от "обязанностей" - термины, часто используемые как синонимы во всем мире. Слишком рано приветствовать себя, еще не выйдя из леса; и, подобно Магдалине на картине Корреджо, я вижу темный лес позади и острые камни впереди лишь с излишней отчетливостью. Впрочем, ясности не может быть *слишком* много. Но, как и на картине, здесь есть свет. Я надеюсь, что смогу жить; это то, что я не часто могу сказать, потому что думаю, что научился чему-то, что было бы жалко растратить. И я всегда ваш, дорогой отец, как в борьбе, так и в мире, с благодарностью за все ваши добрые заботы, Ф. Н.

Когда я говорю о разочарованной неопытности юности, я, конечно, принимаю это не только как неизбежность, но и как прекрасное распоряжение Бесконечной Мудрости, которая не может создать нас богами, но и не будет создавать нас животными, а потому желает, чтобы человечество создавало человечество своим собственным опытом - распоряжение Совершенной Доброты, с которым никто не может спорить. Я буду очень готов прочитать тебе, когда вернусь домой, что-нибудь из моих "Сочинений" в твоей собственной комнате перед завтраком, если у тебя будет желание их послушать.

//

У сравнительного спокойствия мисс Найтингейл в этот период паузы были разные причины. Одна из них заключалась в очевидном зове сыновнего долга в данный момент. Ее отец был в плохом состоянии здоровья, и было рекомендовано взять воды лечения под д-р Джонсон в Умберслейд Парк, в Вустершире. Флоренс, которая в то время сама выздоравливала после приступа кори, была готова составить отцу компанию. Она провела с ним в Умберслейд несколько недель в начале и в конце года. Ее наблюдения за некоторыми пациентами там, как и в прошлом году в Малверне, послужили основой для эпиграмматического определения, которое я нашел в одной из ее записных книжек: "Водолечение: весьма популярное развлечение в течение последних нескольких лет среди атлетически сложенных инвалидов, которые ощутили на себе *tedium vitae* и те неопределенные болезни, которые так хорошо рассчитаны на большой доход и неограниченный досуг". Затем, ближе к концу года, ее родственницу, тетю Эванс, постигло несчастье. Она была сестрой матери ее отца и умерла в возрасте девяти лет. Флоренс ухаживала за ней во время последней болезни и, как экстренный помощник, занималась всеми приготовлениями к ее похоронам. Джордж Элиот, как я полагаю, была отдаленно связана с семьей "тети Эванс"; и именно в этом году они с Флоренс встретились. "Вчера я получила записку от мисс Флоренс Найтингейл, - писала Джордж Элиот в июле 1852 года, - она меня очень порадовала. В ней есть возвышенность ума, которая хорошо выражается в ее форме и манерах".[59] В это время Флоренс также посетила миссис Браунинг, которая в письме к другу три года спустя сказала: "Я помню ее лицо, ее изящные манеры и цветы, которые она мне потом прислала. Она серьезная, благородная женщина".[60] В августе 1852 года мисс Найтингейл посетила Ирландию и осмотрела дублинские больницы, к некоторому, кажется, разочарованию. В сентябре она вместе с отцом отправилась погостить к сэру Джеймсу Кларку, врачу королевы Виктории, в Бирк-Холл, недалеко от Баллатера. Как мы только что узнали, она всегда хорошо ладила с медиками, и возможность обсудить свои планы и мысли с таким выдающимся врачом, должно быть, доставила ей большое удовольствие.

///

Письмо к отцу, приведенное выше, ссылается на "Работы" мисс Найтингейл; и здесь можно найти второе объяснение этой мирной интерлюдии в ее жизни. Как я уже говорил, она отказалась от литературной карьеры; но она проводила резкое различие между тем, что она называла литературой ради нее самой, и писательством как подчиненным действием. Ей очень хотелось найти для своей религии практического служения какое-нибудь теологическое обоснование, менее постыдное, чем, по ее мнению, популярные верования. Кроме того, как я уже говорил, она была полна решимости открыть новую сферу полезной деятельности для женщин. Этим темам были посвящены ее "Сочинения", в которые вошли "Роман" и книга "Религия". Рукопись романа среди ее бумаг не обнаружена. Но в одном из трех томов "*Предложений для размышлений*", которые она напечатала в 1860 году в частном порядке, есть раздел под названием "Кассандра", посвященный домашней жизни обычной английской джентльменки. Можно предположить, что форма романа была оставлена после 1852 года, а тема рассматривалась на страницах "Кассандры". Рукописная книга "Религия", несомненно, была расширена между 1852 и 1860 годами в основную часть "*Предложений к размышлению*", первый том которых был посвящен "Артизанам Англии".

Уже в 1851 году мисс Найтингейл планировала посвятить часть своей жизни дома "новой религии для портных". Герой романа *Alton Locke*, опубликованного в 1850 году, был, как

помнится, портным. Сама мисс Найтингейл была знакома с рабочими на севере Англии и в Лондоне, "среди тех, кого называют "партией Холиока"". [61] С последними она познакомилась через мистера Эдварда Трулоува, которого некоторые читатели предыдущих поколений, возможно, еще помнят как издателя и продавца радикальной и "свободомыслящей" литературы. "Литературный и научный институт" на Джон-стрит, Фицрой-сквер, в сороковые годы был штаб-квартирой социалистов-оуэнитов, секуляристов (главным пророком которых был Джордж Джейкоб Холиоук) и других "продвинутых" людей. В 1846 году мистер Трулав приехал из "Гармони-холла", оуэнистской общины в Татерли в Хэмпшире, чтобы исполнять обязанности секретаря института на Джон-стрит; в небольшом доме по соседству он открыл свой магазин, который затем последовательно переехал на Стрэнд и Хай Холборн. Дама из западного квартала, которая поначалу не называла своего имени, время от времени навещала магазин на Джон-стрит и вела долгие беседы с женой владельца. Эту даму звали мисс Найтингейл, и знакомство переросло в дружбу с миссис Трулоув, которая длилась много лет. Мистер Трулав был несерьезным человеком и вел свои дела, полностью пренебрегая "принципами бизнеса", общепринятыми мнениями и авторитетами. Его магазин, как сказал мистер Холиоук, был одной из "крепостей запрещенных мыслей, гарнизоны которых не берутся без смелости"; и снабжался он, можно добавить, достаточно скудно. Мисс Найтингейл продолжала видеть миссис Truelove время от времени в последующие годы; писал ей иногда; послал ей книги и различные подарки регулярно, и во времена трудностей и (буквально) испытания ее мужа, никогда не отказал в сочувствии.

Цель мисс Найтингейл, в ее первых экспедициях на Джон-стрит, было обнаружить и обсудить вид литературы, затронутых более интеллектуальных рабочих мужчин. Она пришла к выводу, что "самые мыслящие и совестливые из артизанов вообще не имеют религии". [62] Соответственно, она взялась за работу, чтобы найти для них новую религию. В этом начинании она много советовалась с одной из своих тетушек. Это была "тетя Мэй", сестра ее отца, Мэри Шор, вышедшая замуж за мистера Сэмюэля Смита, брата ее матери. Большое количество ее писем на религиозные темы было сохранено мисс Найтингейл. Они демонстрируют духовную проницательность и значительный талант к умозрительному мышлению. В постскрипуме письма мисс Найтингейл к отцу, приведенном выше, содержится одна из основополагающих идей ее богословия - идея Совершенной Доброты, желающей, чтобы человечество создало человечество на собственном опыте. Эту же идею высказала тетя Мэй, написав племяннице по адресу: "Цель Бога - добиться благополучия человека, но не как дара от Него, а как того, что должно быть достигнуто для каждого человека и для всей расы путем правильного использования возможностей каждого".

В течение 1851 и 1852 годов тетя и племянница долго переписывались по этим важным вопросам, и к концу последнего года мисс Найтингейл подготовила свою новую религию к критике своих друзей. "Большое спасибо, - писала она (19 ноября) своей кузине Хилари, - за ваше письмо с исправлениями и примечаниями, все из которых я приняла. Мне бы очень хотелось регулярно беседовать с вами о "Романе". Я не имею ни малейшего представления о том, не придется ли мне полностью переделать роман и "Религию", ибо я так устала от него, что утратила всякое представление об ансамбле и форме". Ее цель объясняется в письме от той же даты к другому другу: - (К Р. Монктому Миллу)

(Р. Монктому Милнсу.) Я скоро уезжаю за границу. Перед отъездом я думаю попросить вас, не могли бы вы просмотреть некоторые вещи, которые я написала для рабочих на тему веры в Бога. Все моральные и интеллектуальные люди среди них, кажется, переходят к атеизму или, по крайней мере, к смутному виду теизма. Я прочитал их одному или двум, и они им

понравились. Я бы хотел спросить вас, считаете ли вы, что их могут прочитать еще ; но, возможно, вас не интересует эта тема, или у вас нет времени, которое полностью занято другими делами. Если вы мне это скажете, это не будет для вас сюрпризом или разочарованием.[63]

Лорд Хоутон внимательно прочитал рукопись и не забыл ее. Несколько лет спустя, когда мисс Найтингейл была больна и считалось, что она может умереть, он написал ей, предложив, что если она не приняла никаких других мер по сохранению и возможной публикации своего эссе, она может подумать о том, чтобы доверить его ему. "Я часто думал, - писал он (11 марта 61-го года), - спросить вас, что вы собираетесь делать с бумагами, которые вы написали на социальные и спекулятивные темы. Их, конечно, не следует уничтожать; и все же я едва ли знаю, кому вы их доверите, кто не поймет их неправильно, не истолкует и не использует в своих целях. Если бы вы оставили их в моих руках, они, во всяком случае, были бы защищены от неосторожного обращения или грубого воздействия, и могли бы быть использованы в любом будущем, более или менее подходящем для вас". К тому времени, однако, работа была представлена на суд других литераторов, и дальнейшее обращение к этой теме лучше отложить на более поздний срок.

IV

Формулирование религии, будь то для портных или других людей, не является короткой задачей, и "Работы" мисс Найтингейл, должно быть, хорошо заполнили ее ум в другие незанятые часы в 1852 году. Но "Работы" были лишь побочной работой. Главной ее заботой было продолжить свое ученичество в сестринском деле. Ей еще предстояло столкнуться с некоторыми досадными задержками и трудностями, но она встретила их с большей уверенностью, чем прежде, и последний этап борьбы приобрел скорее комедийный, чем трагический характер. Однажды, отправившись в Кайзерсверт, она уже успешно отстаивала свою независимость. В воображаемом диалоге с матерью она заставляет себя сказать: "Дорогая моя, ты же не думаешь, что с моими "талантами", "европейской репутацией", "прекрасными письмами" и всем прочим я собираюсь всю жизнь болтаться в маминой гостиной! Я пойду и поищу работу, будьте уверены. Вы должны смотреть на меня как на своего сына. Я обошелся бы вам гораздо дороже, если бы женился или был сыном. Теперь вы должны считать меня женатым или сыном. Вы были готовы расстаться со мной, чтобы жениться". Представив дело в таком свете своим родителям, Флоренс обрела ценного союзника в лице тети Май. В этой замечательной женщине было что-то от дипломата, а также от философа. Без какого-либо вмешательства, на которое можно было бы обидеться, намекая то на одно слово, то на другую фразу и повсюду подливая масло в мутную воду, тетя Май сделала многое, чтобы сгладить последние этапы борьбы племянницы за независимость.

Как и все хорошие дипломаты, тетя прежде всего искала основы для компромисса. Она умела сочувствовать обеим сторонам. Она полностью разделяла чаяния и претензии племянницы. Но, будучи сама матерью, она могла вникнуть в дело своего брата и его жены. Дело не том, что они эгоистично препятствовали этому; дело в том, что, находя столько интереса и удовольствия в собственном образе жизни, они с любовью желали, чтобы дочь не лишала себя тех же привилегий. Но разве нельзя было найти компромисс? Договорились, что Флоренс будет проводить часть года в погоне за тем, что мать считала увлечением дочери, а другую часть - дома. Именно такое соглашение и действовало в настоящее время.

Некоторое время этот компромисс вполне устраивал, но Флоренс хотелось чего-то большего, и тут снова дипломатия тети Мэй подготовила почву. Обладая хорошим стратегическим

чутьем, она увидела, что миссис Найтингейл владеет ключом к разгадке. Мистер Найтингейл в душе был солидарен с Флоренс. Он восхищался ею и верил в нее; он был вполне готов к тому, чтобы она пошла своим путем, и не отказался предоставить ей некоторое независимое пособие, которое позволило бы ей руководить миссией или учреждением. Но, как он сказал своей сестре, когда бы он ни заговорил о чем-то подобном с женой и старшей дочерью, он обнаружил, что они объединились против него. Мистер Найтингейл был одним из тех приятных людей, которые склонны идти по линии наименьшего сопротивления. Поэтому пришлось преодолевать сопротивление миссис Найтингейл. "Ваша мать, - сообщила тетя, - полагаю, была бы очень рада, если бы вы взяли на себя миссию миссис Фрай или миссис Чисхолм,^[64] но она считает необходимым для вашего спокойствия и благополучия, чтобы существовал мистер Фрай или капитан Чисхолм, чтобы защитить вас, и по совести она считает правильным защитить вас от совершения чего-либо, что, по ее мнению, будет препятствием для существования мистера Ф. или капитана С.". Многие матери, даже в наши дни, не сомневаюсь, будут на стороне миссис Найтингейл. Но тетя Мэй, заставив невестку определиться с положением, изобретательно использовала это преимущество. Флоренс было уже тридцать два года, и вскоре после этого возраста наступает время, когда даже самая оптимистичная мать начинает отчаиваться. Поэтому было решено, что "в определенном будущем возрасте" Флоренс сможет свободно выполнять работу миссис Фрай или миссис Чисхолм без защиты мистера Ф. или капитана К. Поговаривали даже о том, чтобы заключить письменное соглашение с указанием возраста; но тетя Мэй не стала раздумывать и довольствовалась тем, что призвала еще одного свидетеля устного соглашения. Это была та самая миссис Брейсбридж, которая два года спустя должна была сопровождать мисс Найтингейл в миссии, более известной, чем у миссис Фрай или миссис Чисхолм. Но из того, что удалось выяснить благодаря дипломатии тети Мэй и настойчивости самой Флоренс, вытекало логическое следствие. В будущем, в неопределенном возрасте, Флоренс должна была получить возможность управлять каким-нибудь филантропическим учреждением, но что толку от этой свободы, если она не будет обучена и квалифицирована?

V

Пожив и поучившись среди протестантских диаконисс в Германии, мисс Найтингейл решила сделать то же самое среди католических сестер во Франции. Она обратилась за помощью к Мэннингу, с которым познакомилась в Риме пять лет назад и который недавно был принят в римское причастие. Мэннинг связался со своим другом, аббатом де Женеттом, в Париже. Аббат получил от Совета сестер милосердия разрешение на то, чтобы англичанка изучила их учреждения. Ему объяснили, что мисс Найтингейл также желает изучить парижские больницы. Аббат выбрал дом, принадлежащий сестрам милосердия, который давал все преимущества в этом отношении. Ее кузина, мисс Хилари Бонэм Картер, которая намеревалась изучать искусство и была приглашена погостить у месье и мадам Моль, должна была сопровождать ее в Париж; леди Августа Брюс также должна была быть в числе гостей. Именно в салоне мадам Моль леди Августа познакомилась со своим будущим мужем, Дином Стэнли.

Итак, все было решено. В сентябре было получено необходимое разрешение от сестер. Начало было положено в ноябре. Но по мере приближения этого срока миссис Найтингейл отступила. Она написала на о плане, но не как о чем-то согласованном, а как о новом предложении. "Боюсь, - сказала она тете Мей, - что Фло думает о какой-то новой экспедиции, возможно, в Париж. Я не могу на это решиться". Флоренс гостила у подруги в Лондоне. Пришел ее отец и сообщил, что мать очень расстроена. В Эмблей приехали гости, и разве у Флоренс хватит духу оставить мать? "Парта была бы в истерике". Все были бы в отчаянии.

Неужели она не может повременить? К тому же пожилая родственница, как уже говорилось, была больна. Флоренс уступила, возможно, в большей степени этому последнему соображению, чем другим, и отложила старт. Оставалась надежда, что от экспедиции в Париж можно будет отказаться, и с этой целью было сделано соответствующее предложение. Почему Флоренс должна ехать к сестрам, да еще римско-католическим, за границу? Почему бы ей не остаться дома и не организовать какое-нибудь небольшое заведение за свой счет? Для этого имелся дом в Кромфорд-Бридж, неподалеку от их собственного Леа-Херста, а мистер Найтингейл выделил бы необходимые средства. Таким образом, можно было бы извлечь пользу из обоих миров - и их, и ее. Флоренс была тронута, но осталась при своем мнении.

(Сестре.) 3 января. О, моя дорогая папа, как бы я хотела сказать тебе, как я люблю тебя и благодарю за твои добрые мысли, высказанные в твоём сегодняшнем письме. Если бы ты только знала, как мне приятно, когда мои дорогие люди дают мне надежду на их благословение и на то, что они ускорят мой путь, как, судя по доброй мысли Кромфорда, они готовы это сделать. Я напишу маме о Париже и Кромфорде. Папа, будь то в одном или в другом, мое сердце будет с тобой. Если эти слова покажутся тебе пустым звуком, потому что, конечно, я покину тебя, потерпи меня, моя дорогая. Я надеюсь, что мы с тобой доживем до того времени, когда докажем друг другу свою истинную любовь. Я не могу в течение года пройти тот путь, которого (ради меня, я знаю) вы желали. Бывали моменты, когда ради вас я пытался подавить мысли, которые, как мне кажется, укоренились в моей натуре. Но если это не удастся, я надеюсь, что получится нечто лучшее. Если я попрошу у вас благословения на часть моего времени для моего отсутствия, я надеюсь, что буду тем счастливее с вами за это отсутствие, когда мы будем вместе".

Мисс Найтингейл отказалась от Кромфорд-Бридж-Хаус: он был очень неподходящим для этой цели; единственным более неподходящим местом был "Лесной домик" в Эмбли, который предложила ее сестра Парте. В следующем году Флоренс присоединилась к сестрам милосердия в Париже. Так, после многих трудностей и задержек, она приступила к своей истинной работе в этом мире.

ГЛАВА X

СВОБОДА. ПАРИЖ И ХАРЛИ-СТРИТ (1853 - октябрь 1854)

Как некий авантюрист, получивший от звезд
Обещание и предвестие возвышенного предприятия,
Носит вечно печать своей веры
Глубоко во тьме одиноких глаз.

F. W. H. Myers.

Учреждением, в котором Флоренс Найтингейл должна была проходить свое ученичество в Париже, был Дом Провидения, принадлежащий сестрам милосердия на улице Удино (№ 5), фобур Сен-Жермен. Аббат де Генетт в письме к Мэннингу описал, чем этот дом может привлечь его протеже. Главный дом, которым управляли двадцать сестер, принимал около двухсот бедных сирот, а также содержал ясли. По соседству с ним располагалась больница

для престарелых и больных женщин. В десяти минутах ходьбы мисс Найтингейл нашла бы еще две больницы, одну общую, другую детскую. Английская *демуазель*, по своему желанию, подчинялась правилам Дома как *постулантка*, оказывая все необходимые услуги больным. Единственным ограничением было то, что она не могла входить в трапезную или общежитие сестер. Спать и принимать пищу она должна была в своей собственной комнате. Но она могла свободно посещать бедных вместе с сестрами, прислуживать больным под их руководством в различных больницах и лазаретах, а также помогать ухаживать за сиротами как в классе, так и во время игр.

Такова была жизнь в Париже, которую мисс Найтингейл ждала с нетерпением. Она отправилась из Лондона в Париж 3 февраля 1853 года вместе со своей кузиной, мисс Бонэм Картер, и они остановились у месье и мадам Моль на Рю дю Бак. Прежде чем поступить в Дом Провидения, мисс Найтингейл хотела посетить и изучить другие учреждения в Париже. Она вооружилась всеобъемлющим разрешением от Главного управления государственной помощи на обучение во всех больницах города. Она неустанно пользовалась этим разрешением, проводя дни в осмотре больниц, лазаретов и религиозных домов и имея возможность видеть знаменитых парижских хирургов за их работой. Теперь, как и во все времена, она прилежно собирала и изучала отчеты, декларации, статистику, памфлеты. Среди ее работ этого времени - тщательно составленные таблицы с анализом организации больниц и сестринского дела во Франции и Германии, а также циркуляр с вопросами на те же темы, который она, по-видимому, адресовала главным учреждениям Великобритании. Вечера она проводила в компании с хозяином и хозяйкой. На Рю дю Бак *устраивались танцевальные вечера*. Один или два раза она ходила с мадам Моль на балы в другие места, а также в оперу. Она познакомилась со многими английскими гостями и знатными парижанами. Завершив общие расспросы о парижских больницах, она предстала перед преподобной матушкой из Дома Провидения и уже назначила день приема, как вдруг ее отозвали в Англию из-за болезни бабушки, которая умерла в возрасте девяти лет. "Велика была польза от Фло", - писал мистер Найтингейл своей жене. А "я никогда не буду так благодарна, - писала сама Флоренс своей кузине в Париж, - что приехала. Я смогла заставить ее двигаться и меняться, а также сделать другие маленькие вещи, которые, возможно, сгладили ужасный переход, и которые, возможно, не были бы сделаны так же хорошо без меня". Семейное событие другого рода заинтересовало мисс Найтингейл в это время. Ее кузина Бланш Шор Смит была помолвлена с Артуром Хью Клафом. Он очень нравился мисс Найтингейл. Поскольку длительная помолвка казалась вероятной, мисс Найтингейл заинтересовалась будущим молодой пары; обсуждая надлежащие пределы родительских пособий в таких вопросах; составляя тщательно детализированные сметы домашних расходов, не забывая включать будущие расходы на молодую семью, поскольку по статистике средней рождаемости они могут быть рассчитаны. Статистика уже была для нее почти страстью.

//

Сейчас велись переговоры о том, чтобы мисс Найтингейл возглавила благотворительное учреждение в Лондоне, и мадам Моль посоветовала ей держать на своих местах великих дам, которые имели к этому отношение. Ни сейчас, ни когда-либо еще она не была сильно влюблена в комитеты, но не каждое слово в нижеследующем рассказе о переговорах следует воспринимать очень серьезно:...

(Мадам Моль.) Леа Херст, 8 апреля. Во всем, что вы говорите, я сердечно согласна, и если бы вы знали, что делали "модные задницы", их "офф" и "он", бедные глупцы! вы бы сказали это в десять раз больше. Я буду вам искренне благодарен, если вы напишете Попу - мои люди

теперь знают об этом деле столько же, сколько и я, а это не так уж много. Вы видите, что F.A.S. (или A.F.S., что будет означать "древние отцы" и будет более уважительно, так как все они - пусейиты), Ф.А.С. хотят, чтобы я сейчас же приехал в Лондон и посмотрел на них, и если мы подойдем, чтобы очень скоро попасть в санаторий, что, боюсь, исключит мое возвращение в Париж, особенно если вы скоро уедете, ибо поездка туда без вас раскроет все мои беззакония, так как Ф.А.С. боятся R.C. так же, как и мои люди. Нет смысла рассказывать вам историю переговоров, которых хватит на комедию в 50 действиях. Их можно изложить так, как я однажды слышал, как ирландский мальчик без ботинок переводил Вергилия: *Obstupui*, "я был весь в заботах" - *steteruntque comae*, "и волосы мои встали дыбом, как щетина у свиньи" - *vox faucibus haesit*, "и ни одного слова не мог я сказать". Что ж, ни слова не могу сказать, кроме того, что вы очень добры, дорогой друг, что проявляете такой интерес, и что я буду искренне рад, если вы напишете Попу, ... *dans le sens du muscle*.

Все ваши советы, которые я послал миссис Брейсбридж, я глубоко разделяю - я с радостью укажу пальцем презрения на F.A.S. и проскачу с ними по Гросвенор-сквер. Я даже сделаю все, что в моих силах, но, боюсь, это не в моих силах, чтобы сделать это так, как я хотел бы. Это будет всего лишь плохая подделка, жалкая карикатура. Но я буду практиковаться, и вы меня увидите.

Мои люди сейчас находятся на Олд-Берлингтон-стрит, 30, где я буду еще неделю. Пожалуйста, напишите им туда, и если вы можете [130] немного покряхтеть за меня перед ними, это будет с благодарностью принято, чтобы я мог войти, когда приеду, не с хвостом между ног, а изящно изогнутым вокруг себя, как это делает дьявол Перуджино, носящий его в складках вокруг талии.

Боюсь, мне *придется* жить в этом месте. Если я этого не сделаю, это будет полумера, которая никого не удовлетворит. Однако я позабочусь о том, чтобы иметь полную свободу действий, чтобы уехать, не считая это неудачей, в свое время. Я не могу сообщить вам никаких подробностей, дорогой друг, потому что я их не знаю. Могу только сказать, что, если меня не оставят свободным агентом и я не буду организовывать все сам, а не они, я не буду иметь к этому никакого отношения. Но поскольку дело еще не организовано, я не могу представить план ни вам, ни моим людям. И это их весьма озадачивает, так как они хотят поставить условия, чтобы я не делал того или другого. Если бы вы, как вы говорите, "хорошо представили" им мои планы, это было бы неоценимым благом и для них, и для меня.... Хилли расскажет вам все, что я знаю, - что это санаторий для больных гувернанток, управляемый комитетом прекрасных дам. Но там нет ни студентов-хирургов, ни ненадлежащих пациентов, что, конечно, является большой рекомендацией в глазах Пропера. Пациенты, или, скорее, импациенты, ибо я знаю, что такое ухаживать за больными дамами, - все они платные пациенты, бедные бездомные жители Лондона. Мне предстоит выбрать дом, назначить капеллана и управлять фондами, как это *сейчас* принято у F.A.S.". Но сам Исая не мог предсказать, как они будут мыслить в восемь часов вечера.

Особенно раздражало мисс Найтингейл то, что некоторые модные дамы в ходе сплетен начали сомневаться, одобрит ли ее назначение семья. Кто-то из официозных друзей предположил, что "было бы жестоко забирать ее из дома". Эта трудность была решена мисс Найтингейл уверяет, что назначение будет представлено на одобрение ее матери и отца. Ее отец теперь согласился сделать ее независимой пособие, выплачиваемое ежеквартально вперед. Это была достаточно либеральная сумма, чтобы она могла предлагать свои услуги Институту совершенно безвозмездно. Она также согласилась оплачивать все расходы (включая питание и проживание) матроны (миссис Кларк), которую она должна была взять с

собой. Тут возникла еще одна трудность. Управляющий домом престарелых должен присутствовать при обходах врачей и операциях. Но будет ли прилично, если это сделает джентльменка? Мисс Найтингейл настаивал, и соглашение было достигнуто в апреле. Она должна была приступить к своим обязанностям управляющей, как только будет получено новое помещение, а пока она могла возобновить учебу в Париже.

///

Она вернулась в Париж 30 мая, и после недели, проведенной с мсье и мадам Моль, в течение которой она еще раз осмотрела различные больницы, 8 июня она поступила в Дом Провидения на улице Удино. Из Парижа она вела переписку по поводу нового помещения для учреждения в Лондоне. "Непременными условиями подходящего дома являются, - писала она леди Каннинг (5 июня), - *во-первых*, то, что медсестра никогда не должна покидать свой этаж, кроме как для собственного обеда и ужина, а также обеда и ужина своих пациентов (и даже последнего можно избежать с помощью лебедки, о которой мы говорили). Без подобной системы медсестра превращается в пару ног. *Во-вторых*, все колокольчики пациентов должны звонить в проходе перед дверью самой медсестры *на этом этаже*, и у них должен быть клапан, который открывается, когда звонит ее колокольчик, и *остается* открытым, чтобы медсестра могла видеть, кто звонил". Далее в письме на нескольких страницах описываются другие требования - о горячем водоснабжении и т. п.; пункты, которые сейчас входят в А В С больниц и домов престарелых, но тогда были новыми советами по совершенствованию. Идея лифта, в частности, была новой; дамы обращались с запросами в разные части страны, и было много заминок, прежде чем подходящий аппарат был установлен. Эта переписка свидетельствует о внимании к практическим деталям, которое характеризует всю работу мисс Найтингейл. Тем временем ее работа с сестрами милосердия среди бедняков подошла к утомительной паузе. Медсестре пришлось ухаживать за собой. Характер бедствия описан в письме к мадам Моль, которая в то время гостила в Англии: "-...

Задняя гостиная у мадам Моль, Рю дю Бак, 120, 28 июня. Мой дорогой друг - ты видишь, где я? Вот это "поехали"! Мсье Моль сказал тебе? Вот я в постели [132] в твоей задней гостиной. Бедный мсье Моль, похоже, переносит это с удивительным хладнокровием и самообладанием, как его танцовщица. Не то что я. Это самая дерзкая, самая удивительная, самая неподходящая вещь, которую я когда-либо делал, - я обосновался в доме дамы в ее отсутствие, чтобы быть больным. Если бы у мсье Моля были грехи, я бы считал себя мстителем Фука, призванным его покарать, а так как у него их нет, я вынужден останавливать себя на другом предположении - что это моя вина. Хотя на самом деле я не виноват. Вот как все произошло....

Я заболел корью в Sœurs. И из всех моих приключений, которых у меня было много и странных, как будет (никогда) записано в Книге моих странствий, самое грязное и самое странное, что у меня когда-либо было, - это корь в камере Sœur de la Charité. Они были очень добры ко мне, и дорогой мсье Моль писал мне почти каждый день, и присылал мне чай (который, однако, мне не разрешали пить), и он, наконец, в своем отцовстве, хотел вернуть меня обратно (куда я приехал вчера), и поселил меня в задней гостиной, к моему бесконечному ужасу, и теперь я быстро поправляюсь и собираюсь снова выйти через день или два. До приезда я избавилась от извержения и всего прочего. Мсье Моль *так* добр, приходит ко мне и разговаривает, что, я полагаю, очень неприлично, но я ничего не могу с собой поделать, и он был мне как отец, а *такого* отца никогда не было! Мне действительно так стыдно за всю его доброту и за хлопоты, которые я им доставляю, что мое старое наглое лицо краснеет, и уверяю вас, эта бумага должна быть красной. Жюли [служанка] очень добра

ко мне. Но я надеюсь, что не задержусь у них надолго. Что касается самого моего несчастья, то оно похоже на марьяж мадемуазель: кто мог его предвидеть? Я действительно не виновата. Ни на одном из моих постов не было кори, и я болел ею не более восемнадцати месяцев назад, так что, возведенный в достоинство, я не должен был бы уклоняться от них, если бы увидел их. Доктор не поверил, что они могли быть у меня раньше. Мне так стыдно за себя, что я запрусь на всю оставшуюся жизнь и больше никуда не выйду. Видите ли, очевидно, что Провидение, которое всегда стояло на моем пути и которое, как сказал Суперьер, *восхитительно* (то есть замечательно), сделав это, не хочет, чтобы я приезжала в Париж или в Sœurs, дважды сделав меня больной, когда я это делала, и доставив вам все эти неприятности. Для меня приехать в Париж, чтобы заболеть корью во второй раз, все равно что отправиться в Большую пустыню, чтобы умереть от того, что промочил ноги, или еще от чего-нибудь самого неожиданного.... Пожалуйста, напишите мсье Молю и утешьте его в связи с его бедствием. Я так раскаиваюсь, что не могу ничего сказать - что, как говорят мне католики, является "маркой" настоящего "унижения". Тысячу раз благодарю вас за всю вашу доброту. Я приезжаю в Англию на следующей неделе. F. N.

М. Молю не нуждалась в утешении. Отец мисс Найтингейл написал, чтобы поблагодарить его за доброту к ней. Доброта, галантно ответил он, была на ее стороне, поскольку она дала ему преимущество ее общества и общения. "Ее мягкие манеры, - писал он (25 июля), - скрывают такую глубину и силу ума и мысли, что я ничего не боюсь для нее, кроме того, что ее здоровье может подвести ее".

IV

Выздоровление наступило быстро. 13 июля она вернулась в Лондон, а через месяц, 12 августа 1853 года, мисс Найтингейл отправилась на жительство в свою первую "ситуацию". Речь идет о месте, уже кратко описанном в одном из ее писем к мадам Молю, - о должности суперинтенданта "Учреждения для джентльменов во время болезни". Это заведение было основано за несколько лет до этого по адресу Кавендиш-сквер, Чандос-стрит, 8, чтобы оказывать медицинскую помощь и предоставлять дом больным гувернанткам и другим джентльменкам с ограниченным достатком. Управлял им Совет, который, в свою очередь, назначал "Комитет дам" и "Комитет джентльменов". Нам не нужно беспокоиться об отношениях между этими двумя комитетами, хотя они очень беспокоили мисс Найтингейл; но для идей того времени характерно, что дамы передали джентльменам "все платежи, контракты и финансовые договоренности", а также "подбор медицинских работников и мужской прислуги". Несколько лет спустя Кинглейк посвятил несколько страниц своей самой тщательной сатиры сравнению мужских притязаний и женских действий в соответствующих сферах в больницах Крыма; но в данном случае мисс Найтингейл нашла дам более трудными, чем джентльменов. На Чандос-стрит учреждение было в запустении. Она была призвана дать ему новую жизнь. Подходящее новое помещение было найдено в No. 1 Upper Harley Street, и там мисс Найтингейл жила, с небольшими перерывами, до октября 1854 года. Кроме того, она жила в домиках, снятых для нее тетей в Пэлл-Мэлл, где иногда виделась с друзьями и куда прибегала по утрам в воскресенье, чтобы не скандалить с пациентами на Харли-стрит, поскольку было известно, что не ходит в церковь. Она оговорила для себя широкие полномочия по контролю, и не собиралась допускать, чтобы какие-либо согласованные полномочия уменьшились в результате запустения. В Совет и Комитет входили (помимо уже упомянутой леди Каннинг) леди Элсмир, леди Крэнворт, леди Монтигл, леди Кэролайн Мюррей и другие дамы, хорошо известные в мире общества и филантропии. У мисс Найтингейл были свои особые друзья и союзники среди них, такие как леди Каннинг и леди

Инглис, а миссис Сидни Герберт в настоящее время присоединилась к Комитету, чтобы оказать поддержку. Со времени их встречи в Риме миссис Герберт и мисс Найтингейл часто виделись, так как Уилтон-Хаус находился в нескольких минутах езды от Эмбли. Мисс Найтингейл помогала при рождении одного из детей миссис Герберт, а среди бумаг мисс Найтингейл, относящихся к этому периоду, есть "План религиозного обучения для школы для девочек", который они адаптировали из уроков Мадре С. Коломба для девочек. Миссис Герберт писала из Уилтона, предлагая приехать на собрание комитета: "Я подумала, что там могут быть злые кошки, которые подставят свои спины; и если так, то я тоже хотела бы подставить свою". И еще: "Надеюсь, ты напишешь мне, дорогая Фло, если возникнут какие-нибудь небольшие трудности, пока мы будем за городом".

Трудности действительно возникали в изобилии, но мисс Найтингейл иногда была императивна, а в другое время показала себя мастером в нежном искусстве управления комитетами:...

(*Мадам Моль.*) 1 Upper Harley St., August 20.... Кларки, дорогая, я бы написала, но не могу. Мне пришлось за десять дней подготовить этот огромный дом для пациентов - без малейшей помощи, а только с помехами со стороны моего Комитета. Если бы мсье Моль написал книгу об английских обществах, я бы снабдил его такой статистикой, которая поразила бы даже его самого. Но говорить об этом бесполезно, да и времени у меня нет. Я "на службе" уже десять дней, и за это время мне пришлось обставить совершенно пустой дом. Мы принимаем пациентов в этот понедельник, а рабочих еще не выпустили.

Мой комитет отказал мне в приеме *католических* пациентов, после чего я пожелал им доброго утра, если я не смогу принять евреев и их раввинов, которые будут их обслуживать. Так что теперь решено, и *в печати*, что мы должны принимать пациентов всех конфессий и разрешать им посещать их соответствующими священниками и [135] муфтиями, при условии, что я буду принимать (в любом случае, *не принадлежащем* к Англиканской церкви) несносное животное у дверей, сам отведу его наверх, останусь, пока он беседует со своим пациентом, буду *отвечать* за то, чтобы он ни с кем *больше* не разговаривал и ни на кого не смотрел, и снова спущу его вниз в петле и выведу на улицу. И на это я согласился! И это напечатано!

Аминь. От комитетов, благотворительности и раскола - от Англиканской церкви и всех прочих смертных грехов - от филантропии и всех обманов дьявола, Господи, избавь нас.

С великой поспешностью, всегда ваш, с избытком. Мне будет очень приятно снова увидеть хорошего человека.

(*Отцу.*) 1 Upper Harley St., 3 декабря [1853]. Дорогой папа - ты просишь прислать мои соображения по поводу *моей* государственной деятельности. Я была так занята, что почти не составляла резюме, но теперь, когда я делаю это для твоего блага, я понимаю, что...

Когда я поступил сюда на службу, я решил, что, случись что, я *никогда не стану* интриговать в Комитете. Теперь я понимаю, что все свои дела я веду с помощью интриг. Я предлагаю в частном порядке А, Б или В резолюцию, которую, по моему мнению, А, Б или В способны провести в комитете, а затем оставляю ее на их усмотрение, и я всегда выигрываю.

Сейчас я нахожусь в расцвете своих сил. На последнем Генеральном комитете они предложили и приняли (без моего ведома) резолюцию о том, что я должен иметь 50 фунтов стерлингов в месяц, чтобы тратить их на нужды Дома, и написали казначею, чтобы он мне их

выделил. После чего я написал казначею, чтобы он мне в этом отказал. Леди..., которая была моим главным врагом, теперь, как я понимаю, трубит о моей славе по всему Лондону. И все потому, что я сократил их расходы с 1s. 10 д. на голову в день до 1 шиллинга. Мнения других людей о вас зависят не от того, что *вы* собой представляете, а от того, что представляют собой *они*. Похвала и порицание одинаково безразличны для меня, как представляющие собой указание на то, каков я сам, хотя очень ценны как указание на чувство другого человека.....

На последнем Генеральном комитете я выполнил ряд резолюций по пяти вопросам и представил их как исходящие от медиков:

1. Преемник нашего домашнего хирурга (ушедшего в отставку) должен быть дозировщиком и отпускать лекарства в доме, что позволит нам сэкономить 150 фунтов стерлингов в год на счетах у аптекаря.
2. Серия правил внутреннего распорядка, черновой вариант которых я вам посылаю.
3. Ряд постановлений о том, чтобы не *держат* пациентов, из которых [136] я посылаю вам черновую копию.
4. Полная революция в отношении диеты, которой в настоящее время позорно злоупотребляют.
5. Реклама Института, которую я посылаю в нецензурной копии.

Все это я предложил и провел в комитете, не сказав им, что они исходят от *меня*, а не от медиков; а затем, и не раньше, я показал их медикам, не сказав *им*, что они уже прошли в *комитете*.

Это был смелый удар, но, как говорят, успех превращает восстание в революцию. Медики провели по ним два заседания, одобрили их все *nem. con.* и решили, что они их собственные. И я вышел с блеском, никто не заподозрил моей интриги, которая, конечно, погубила бы меня, если бы о ней узнали, так как в Комитете столько же ревности друг к другу, а среди медиков - друг к другу, сколько когда-либо было у этого, как его, Мальборо.

Кроме того, я добился того, что капелланом у меня будет добрый, безобидный мистер... и ни один молодой викарий не будет заводить духовных флиртов с моими юными леди.

Вот и все землетрясения в нашем маленьком кротовом холмике.

(Отцу.) ...Посылаю вам еще одно документальное свидетельство - хвост моего квартального отчета. Мой комитет - такие дети в управлении, что я вынужден говорить им такие очевидные истины, которые содержатся в том, что *я заставляю говорить медиков*. Это место в точности похоже на администрацию Закона о бедных. У нас есть случаи чисто ленивых припадков и случаи, покинутые своими семьями. И у моего комитета не хватает смелости выписать ни одного больного. *Они* говорят, что это должны сделать медики. А медики говорят, *что* не хотят, хотя, по их словам, случаи *должны* быть выписаны. И мне всегда приходится это делать, как запасной вариант на все случаи жизни.

Благодаря такому искусству и готовности взять на себя ответственность мисс Найтингейл свела хаос к порядку, и ее управление учреждением заслужило похвалу во всех кругах. Это была тяжелая работа, потому что леди-суперинтендант была здесь, там и везде, пасла тех, кто лечил души, управляла медсестрами, помогала в операциях, проверяла отходы в угольном ящике или кладовой. Когда нужно было что-то сделать, она делала это сама.

Миссис Герберт с тревогой узнала, что ее подруга потянула спину, поднимая пациента, хотя в то время она страдала люмбаго. Были и более мелкие заботы. Британский рабочий, да и британский торговец тоже, доставляли ей немало хлопот. "Химики, - писала она отцу, - прислали мне бутылку эфира с надписью S. spirits of nitre, который, если бы я его не понюхала, я бы непременно ввела и провела бы расследование по поводу отравления. И весь дымоход новой газовой плиты обрушился при втором использовании, что, если бы я не поймал его в руки, наверняка бы убило пациента". Затем были тревоги, неизбежно связанные с домом престарелых. "У нас было ужасное разочарование, - писала она отцу (1854 г.), - при лечении катаракты, которое оказалось неудачным. Глаз потерял (не по вине Боумана), и я осталась, после самых тревожных наблюдений, с бедной слепой женщиной на руках, которую мы ослепили, и с перспективой сумасшествия. Лучше бы я десять раз убил ее. Именно такие случаи, а не такие, как у бедного немца, который умер, делают *нашу* жизнь такой беспокойной". То, что впоследствии стало характерно для ее работы в более широкой области, было замечено уже на Харли-стрит. Это было сочетание виртуозной организаторской способности с женской мягкостью и сочувствием. В благодарственных письмах, которые она получала от пациентов после их выписки с Харли-стрит, говорится о ее "неустанном и ласковом внимании". Они часто обращались к ней как "Мой добрый, дорогой и верный друг" или "Моя дорогая мама". И она действительно была другом и матерью для многих молодых женщин, которые попадали под ее опеку. У нее был большой и влиятельный круг друзей и знакомых, и она была неутомима в поисках домов для выздоравливающих или сочувствующего ухода, или открытий в колониях для тех, кто нуждался в такой помощи. Она проявляла большой интерес к программе женской эмиграции, которую Сидни Герберт начал в 1849 году и в которой он и его жена контролировали каждую деталь.^[65]

Хотя работа была тяжелой, а тревог было много, мисс Найтингейл не падала духом. "Наше призвание - трудное дело, - писала она мисс Николсон (10 января 1854 года), - как вы, я уверена, знаете; и хотя есть много утешений, и очень высоких, разочарований так много, что нам требуется вся наша вера и доверие. Но этого достаточно. Я никогда не раскаивался и не оглядывался назад, ни на минуту. И я начинаю Новый год с таким искренним ощущением счастья, как никогда в жизни". Она нашла свое призвание. Но ее семья еще не до конца смирилась с этим. С их стороны все еще сохранялась некоторая оглядка на прошлое. Ее отец, конечно, гордился успехами дочери, и переписка между ними в это время очень приятна. Сам он был окружным судьей и занимался управлением больницами и приютами; он с живым интересом следил за каждым шагом в стратегии своей дочери. Он восхищался ее мастерством, но не был уверен, что она не зайдет слишком далеко. "Вам придется, - писал он, - в конце концов, управлять по представительной системе. В Англии мы идем этим путем, чтобы работать, и это хороший путь, потому что хорошего самодержца можно встретить только через определенные промежутки времени. Деспоты ничего не делают, обучая других. Республиканцы целыми днями учат друг друга". Он очень сочувствовал ей в ее трудностях, но не был уверен, что окружающие его люди будут такими же. В одном из его писем есть постскриптум, который многое говорит между строк: "Лучше пишите мне в Атенеум, чтобы не возбуждать расспросов". Ее мать и сестра, похоже, считали, что, пока они были в Лондоне, Флоренс могла бы жить дома или, во всяком случае, часто бывать с ними. Зачем ей изнурять себя вдали от них? Их точку зрения изложила мадам Моль, которая была близкой подругой обеих сестер:...

(Мадам Моль.) Харли-стрит, 27 августа [1853 г.].... Я сделала этот шаг, дорогая Кларки, не без многолетних тревожных раздумий. Это результат многолетнего опыта и самых полных и глубоких размышлений; он был сделан не без совета, и это шаг, который, будучи результатом столь долгого роста, вряд ли будет раскаян или пересмотрен. Я имею в виду шаг ухода от них.

Я не хочу говорить об этом - и делаю это в последний раз, - но поскольку вы задали мне простой вопрос, дорогой Кларки, я дам вам простой ответ. Я обсуждал все это ("делал чистую грудь", как вы выражаетесь) с Партой, и *не один раз, а тысячи раз*. Годы и годы [139] были потрачены на это. Поэтому, глубоко обдумав и посоветовавшись, я решился уйти из дома, и это уже *свершившийся факт*. Что касается того, что "я жертвую своим покоем и комфортом", то это правда, я *здесь* исключительно ради них. Но служить своей стране таким образом было также целью моей жизни, хотя я не должен был делать это в такое время и таким образом. Но это не жертва в большей степени, чем то, что я сделал что-то плохое, что я хотел бы сделать хорошо. Ибо *это* непременно приведет к неудаче. Так что прощай, Кларки, дорогой, не позволяй нам больше говорить об этом. Это, как я уже говорил, *свершившийся факт*.

С таким трудом завоевав свободу, Флоренс ясно чувствовала, что любая политика половинчатости сейчас может потребовать в будущем возобновления борьбы. Здоровье сестры было еще очень слабым, и сам семейный врач советовал Флоренс, что ее визиты связаны с сильным волнением. Кроме того, работа на Харли-стрит, если она должна была быть эффективной, требовала постоянного проживания и неустанного внимания. А ведь сказано: "Кто любит отца или мать более, нежели меня, тот недостойн меня".

V

В августе 1854 года мисс Найтингейл провела несколько дней отпуска в Леа Херст, где миссис Гаскелл, автор книги, была в гостях у мистера и миссис Найтингейл. Именно тогда миссис Гаскелл написала описание внешности Флоренс, которое уже приводилось (с. 39). Не меньше миссис Гаскелл поразила красота ее характера. Она сделала набросок карьеры мисс Найтингейл, а затем продолжила: "Разве она не похожа на святую Елизавету Венгерскую? Усилия ее семьи заинтересовать ее другими занятиями, позволяя ей путешествовать и т.д., - но как же она привязана к одному объекту! Она должна быть существом другой расы, такой высокой и ангельской, совершающей поступки по импульсу или божественному вдохновению, а не благодаря усилиям и борьбе воли. Но она кажется почти слишком святой, чтобы говорить о ней как о простом чуде. Миссис Найтингейл со слезами на глазах говорит (ссылаясь на "Сказки Андерсена"), что они утки, а вылупился дикий лебедь. Она кажется такой же полностью ведомой Богом, как Жанна д'Арк. Я никогда не слышал ни о ком подобном ей. Я как никогда ощущаю *живость* Бога, когда думаю, как прямо Он посылает Свой Дух в нее, как в пророков и святых древности....". И в другом письме:[66] "Я рада, что мисс нравится *"Север и Юг"*. Я не думала, что Маргарет настолько хороша. Что бы она сказала Флоренс Найтингейл? Не могу представить! Ведь в женщине есть такой интеллект, с которым я никогда не сталкивался! Только дважды в мужчине - великая красота, а о ее святой доброте кто может говорить?" Один известный писатель сказал о святых, что самые великие и полезные из них всегда проявляли остроумие или юмор:[67], а о Флоренс Найтингейл миссис Гаскелл отметила далее: "Она очень весела, и, как мне кажется, ее это увлекает. Она очень хорошо подражает".

Мисс Найтингейл прервала свой отпуск, узнав, что в Лондоне разразилась эпидемия холеры. Она вызвалась помогать больным холерой в Мидлсекской больнице. Она день и ночь принимала больных женщин - в основном, судя по всему, изгоев из района Сохо, - одевала их и ухаживала за ними. Эпидемия, однако, утихла, и она вернулась к своей обычной работе на Харли-стрит.

Работа там не потерпела неудачу в установленных рамках, но в другом случае неудача, которую мисс Найтингейл предсказала в своем письме к мадам Моль, вскоре стала очевидной. Масштаб предприятия был более ограниченным, чем хотелось Флоренс, и она не видела возможности его расширить. Она хотела принимать пациентов всех классов, набирать много добровольных медсестер, иметь возможность обучать их. Среди широкого круга людей, как в стране, так и за рубежом, ее знания и таланты были хорошо известны; и уже в переписке за год или два она предстает как женщина, на которую ссылаются как на авторитетного человека. Один миссионер в Париже обратился к ней с просьбой о двух квалифицированных матронах. "Увы, - вынуждена была ответить она, - у меня нет такой рыбы". Она максимально использовала свой нынешний шанс, но он был узок. Некоторые из ее друзей с самого начала считали, что она растрчивает свои силы на неподходящую почву на Харли-стрит. Монктон Милнс, посетивший Эмбли в декабре 1853 года, писал своей жене: "Они довольно легко говорят о Флоренс, но ее положение кажется не очень подходящим. Я бы хотел, чтобы мы поставили ее во главе исправительного дома для несовершеннолетних". [68] Ее главной целью было обучение медсестер, и другие друзья - среди них была и миссис Брейсбридж - советовали ей покинуть Харли-стрит, поскольку там она не находила для этого возможностей. Королевский колледж больницы только что был восстановлен, и другой друг, мисс Луиза Твайнинг, начал переговоры в августе 1854 года для обеспечения назначения мисс Найтингейл в качестве суперинтенданта медсестер там. Некоторые из медиков, которые были впечатлены на Харли-стрит ее редким сочетанием даров, очень хотели, чтобы она согласилась занять такую должность. Доктор Уильям Боуман, в частности, сильно настаивал на ней и был уверен, что, если она согласится, он сможет получить это *назначение* осенью. Мать и сестра мисс Найтингейл пытались отговорить ее столь же решительно. Сестра делала упор на "сомнительное здоровье" Флоренс. Мать добавила возражения по поводу студентов-медиков. Они обе настаивали на том, что, если она должна заниматься чем-то подобным, Грейт-Ормонд-стрит и работа с детьми будут более подходящими и удобными. Самой Флоренс очень понравилась больница Королевского колледжа, и она начала разрабатывать планы по образцу Кайзерсверта, чтобы набрать штат медсестер среди дочерей фермеров.

Но ближайшее будущее скрывало в себе другую судьбу Флоренс Найтингейл. "Твой жребий или удел в жизни, - говорил халиф Али, - ищет тебя; поэтому будь спокоен, если ты его ищешь". Так мисс Найтингейл, возможно, читала у Эмерсона; а в более домашней фразе ее добрая тетя Мэй говорила ей: "Если ты только будешь готова к *этому*, что-то готовится для тебя и обязательно появится в нужное время". Что именно, Флоренс, не сомневаюсь, отложила в своем сердце. Когда с Востока стали приходить новости, вспомнила ли она о пророчестве, которое сделал о ней один друг задолго до того, как приснилась Крымская война? Леди Лавлейс, дочь лорда Байрона, "единственная дочь Ады моего дома и сердца", перед смертью в 1852 году написала стихотворение в честь своей подруги Флоренс Найтингейл. Я уже цитировал некоторые из них. Произведение заканчивается предвестием:-

В будущие годы, в далеких краях
Ужасная война принесет свои жертвы,
Если мор, не сдерживаемый временем,
Поразит больше, чем меч, чем пушка,
Тот, кто прочтет эти правдивые рифмы.
Проследит ее путь к неувядаемой славе.

Сноски:

[4] Чтобы избежать путаницы, я иногда называю ее до замужества "леди Верни", оставляя "мисс Найтингейл" для Флоренции.

[5] *Essays in Ecclesiastical Biography*, "The Clapham Sect", pp. 543-544 (изд. 1860). Мисс Найтингейл упоминала об этой связи своего деда с Уилберфорсом и Кларксоном в одном из своих обращений к испытуемым (1875).

[6] Из письма Кэтрин Уинкворт от 20 октября 1854 года, любезно предоставленного мисс Метой Гаскелл. Миссис Гаскелл отправилась погостить в Леа-Херст с условием, что у нее будет спокойное время для писательства, и она сможет оставаться в доме столько, сколько пожелает, после того как семья покинет его. Другие отрывки из письма см. на с. 39, 41, 139.

[7] *Notes on Nursing*, ed. 1860, p. 147 n.

[8] Фредди, смысленный, многообещающий мальчик, отправился с сэром Джорджем Греем в его путешествие по Австралии и там умер от голода. В книге Риса *"Жизнь сэра Джорджа Грея"* по желанию сэра Джорджа была сделана запись о том, что он "встретил смерть мученика в деле науки и открытий, ведомый личной дружбой и привязанностью к самому сэру Джорджу".

[9] The Rev. J. T. Giffard.

[10] *Век семейных писем*, т. ii. с. 174.

[11] *Julius and Mary Mohl*, p. 29.

[12] Генерал сэр Фредерик Стовин, G.C.B. Он был женихом королевы Виктории с 1837 по 1860 год.

[13] Многие истории о лорде Мельбурне и "скучной собаке" теперь доступны в дневниках самой королевы, но в конце концов он подружился с питомцем. Королева могла запретить другим будить своего министра; но она сама иногда возражала, хотя и довольно игриво, против его храпа. См. *The Girlhood of Queen Victoria*, vol. ii. p. 240.

[14] Выразительное староанглийское слово, которое часто встречается в письмах мисс Найтингейл. "Как говорят у нас в Дербишире", - иногда добавляла она. Джордж Элиот, также уроженка Дербишира, часто использует его.

[15] Мисс Найтингейл очень старалась при написании большинства своих писем. Она часто делала черновой набросок в блокноте, а затем использовала одни и те же слова в письмах к разным корреспондентам, или использовала часть оригинального отрывка в письме к одному корреспонденту, а часть - в письме к другому. Здесь, как и в одном или двух других случаях, я объединяю отрывки из двух писем. Одно из них было адресовано той же кузине, которой писала Парфенопа.

[16] Dr. Elizabeth Blackwell's *Pioneer Work*, 1895, p. 185.

[17] Летопись цистерцианского аббатства (от которого остались руины), как говорят, подсказала сэру Вальтеру Скотту название его первого романа.

[18] Уильям Адамс Смит, неженатый брат миссис Найтингейл.

[19] Сэр Джеймс Саут, астроном (1785-1867), имел знаменитую обсерваторию на холме Кэмпден.

[20] *Неи* Миллс, двоюродная сестра мистера Артура Миллса, члена парламента.

[21] Сэр Джошуа Джебб, генеральный инспектор тюрем, спроектировал "образцовую тюрьму" в Пентонвилле. Мисс Найтингейл очень ценила его дружбу и назначила его членом Совета Фонда Найтингейл.

[22] Ссылка на "Ашбертонский договор", заключенный в Вашингтоне в 1842 году. Английским комиссаром был Александр Баринг, первый барон Ашбертон.

[23] В предыдущем году (1844) была опубликована книга Роберта Чемберса "*Следы творения*" (*Vestiges of Creation*).

[24] *Reminiscences, 1819-1899*, by Julia Ward Howe, 1900, p. 138.

[25] Кэролайн Фокс, *Воспоминания старых друзей*, 1882, с. 311-312.

[26] Из письма Кэтрин Уинкворт, написанного в 1854 году; другие отрывки из письма см. на стр. 8, 41, 139.

[27] Письмо миссис Гаскелл к Кэтрин Уинкворт, 20 октября 1854 года.

[28] *Suggestions for Thought*, vol. ii. p. 385.

[29] Жена доктора Ричарда Фаулера, врача Солсберийского лазарета, о котором говорилось выше, с. 35.

[30] Читатель заметит, что здесь повторяются некоторые фразы, уже использованные в другом письме. Это пример того, что было отмечено там (с. 28).

[31] Эдвард Вернон Харкорт.

[32] *Неи* Брандрет (не миссис Гаскелл, автор).

[33] *Жизнь лорда Хоутона*, автор Т. Уэмисс Рид, т. i. с. 524.

[34] См. письмо мисс Найтингейл, напечатанное ниже (стр. 117). Аналогичным образом она писала своему отцу в 1854 году (22 февраля), что старшая медсестра в одной лондонской больнице сказала ей, что "за весь свой большой опыт она никогда не знала медсестру, которая не была бы пьяна, и что в самих палатах практикуется аморальное поведение, и она привела мне несколько ужасных примеров".

[35] *Life of Lord Houghton*, vol. i. p. 524.

[36] Во многих рассказах о Кайзерсверте и Флоренс Найтингейл говорится, что она узнала об этом учреждении от Элизабет Фрай. Было приятным искушением установить такую связь между этими двумя знаменитыми женщинами, но миссис Фрай умерла (1845) до того, как мисс Найтингейл когда-либо слышала о Кайзерсверте, насколько можно судить по ее бумагам.

[37] См. ниже, с. 94.

[38] G. M. Trevelyan, *Garibaldi's Defence of the Roman Republic*, p. 65.

[39] В это время монастырь оказывал гостеприимство настоятельнице Минского монастыря (в Литве), чьи преследования со стороны российского правительства стали предметом долгих споров. Мисс Найтингейл написала длинный рассказ о необыкновенных приключениях, которые рассказала ей настоятельница. В 1853 году ей посоветовали напечатать его, но я не могу найти сведений о том, что она это сделала.

[40] Письмо Р. Ангуса Смита, 7 июля 1859 г.

[41] Письмо М. Моу, 21 ноября 1869 года.

[42] Purcell's *Life of Manning*, vol. i. p. 362.

[43] *Sidney Herbert: a Memoir*, by Lord Stanmore, vol. i. pp. 97-98.

[44] См. "Письмо мсье Гизо", приложенное к французскому переводу "*Записок по уходу*" (1862).

[45] Например, в статье в "*Добрых словах*", август 1879 г.: "Кто в великолепном свете египетского заката, где все сияет цветом, не как у птиц и цветов, а как прозрачные изумруды и сапфиры, рубины и аметисты, золото, драгоценности и драгоценные камни Откровения, тот видел стада, идущие домой по равнине Фив мимо колоссальной пары сидящих статуй, за которыми следует величественная женщина в одном драпированном одеянии, возделывающая свой жгут, на плече которой сидит обнаженный, прекрасный маленький коричневый ребенок, а другой сидит на буйволе, - все это может вызвать в воображении идеал семейной жизни райота в Индии."

[46] В альбоме старшей дочери пастора мисс Найтингейл оставила следующую надпись: - "Vier Dinge".

"Vier Dinge, Gott, habe ich dir zu bieten,
Die sich in all deinen Schatzkammern nicht finden:
Meine Nichtigkeit, meine traurige Armut,
Meine verderbliche Sünde, meine ernste Reue.
Назовите этих Габенов и назовите Гебера.

Кайзерсверт, 13 августа 1850 г. Fl. N., которая с большим уважением относится ко всем своим товарищам в любящем Кайзерсверте и желает им счастливого пути. Ich bin ein Gast gewesen, und ihr habt mir beherbergt" (*Eine Heldin unter Helden*, 1912, p. 45).

[47] Библиография А, № 1.

[48] *Лирика и стихи Ибсена* в переводе Ф. Э. Гарретта.

[49] Библиография А, № 2.

[50] *A Century of Family Letters*, vol. ii. pp. 106, 107.

[51] *Fraser's Magazine*, май 1873 г.

[52] *Предложения для размышления*, т. ii. с. 401.

[53] *Suggestions for Thought*, vol. ii. pp. 229, 231.

[54] *Suggestions for Thought*, vol. ii. pp. 236, 237.

- [55] *История сестринского дела*, т. ii. с. 4.
- [56] Письмо миссис К. С. Раунделл, 4 августа 1896 г.
- [57] Речь мистера Сидни Герберта на собрании Фонда Найтингейл, 29 ноября 1855 года.
- [58] Многое из этого призыва было предложено Флоренс почти теми же словами (как явствует из сохранившегося письма) ее тетей Мэй.
- [59] *Жизнь Джордж Элиот в ее письмах и дневниках*, под редакцией Дж. В. Кросса, т. I. стр. 285.
- [60] *Письма Элизабет Баррет Браунинг*, т. i. с. 188.
- [61] Письмо сэру Джону Макнилу, 17 мая 1860 г.
- [62] Письмо сэру Джону Макнилу, 17 мая 1860 г.
- [63] *Жизнь лорда Хоутона*, т. i. р. 475.
- [64] Кэролайн Джонс (1808-77) вышла замуж за капитана Чишолма в 1830 году; открыла школу для сирот в Мадрасе в 1832 году; дружила с женщинами-эмигрантками в Австралии в 1841-66 годах. Мисс Найтингейл переписывалась с ней в 1862 году.
- [65] См. *Stanmore*, vol. i. pp. 111-120.
- [66] Кэтрин Уинкворт, 1 января 1855 года.
- [67] См. *Ruskin's Works*, vol. xxxi. p. 386, vol. xxxii. p. 72.
- [68] *Жизнь лорда Хоутона*, т. i. р. 491.
-

ЧАСТЬ II

КРЫМСКАЯ ВОЙНА (1854-1856)

Кто этот счастливый воин? Кто он
Кем должен быть каждый мужчина в оружии?
-Это щедрый дух, который, когда его поставили
В задачи реальной жизни, он действует
По плану, который радовал его мальчишескую мысль...
Или если неожиданный вызов удастся,
Придет, когда захочет, и будет соответствовать необходимости.

Вордсворт.

ГЛАВА I

ПРИЗЫВ

(Октябрь 1854 г.)

Не для сладострастия,
Не подушка и не тувелька, не покой и не учеба,
Не богатство в безопасности и не баловство, Не для нас прирученное наслаждение,
Пионеры! О пионеры!

Уолт Уитмен.

20 сентября состоялась битва при Альме, и страна, как отметил Гревилл, была "в лихорадке возбуждения". Высадка союзных британских и французских войск для вторжения в Крым началась 14-го числа. Их продвижение не встречало сопротивления, пока они не достигли берега Альмы, где русский командующий ожидал атаки, занимая настолько сильную позицию, что был уверен в победе. Менее чем за три часа союзные войска вытеснили противника со всех участков местности. Лорд Раглан, командующий войсками, поздравил войска с "блестящим успехом, который сопутствовал их непревзойденным усилиям в сражении, в котором они овладели самой грозной позицией, обороняемой большими массами русской пехоты, а также самой мощной и многочисленной артиллерией". Река, которую русский командующий надеялся сделать могилой захватчиков, вошла в анналы британской доблести:...

Ты, на знаменах Англии, украшенных знаменитыми полями древности,
И там, где другие поля побеждают, Вы над храбрыми и смелыми взмахнете;
И наши сыновья, не родившиеся еще, Будут нервы им трепать за великий подвиг,
В то двадцатое сентября, когда были завоеваны высоты Альмы.
О ты, река, дорогая навеки для галантных и свободных,
Альма, гордо кати свои воды, гордо кати их к морю!

Прошло почти сорок лет с тех пор, как британская армия участвовала в европейских войнах. Битва при Альме, хотя и не показала особого тактического мастерства, и хотя за ней не последовало должного продолжения, во всяком случае, продемонстрировала отчаянную храбрость британского солдата. Нота ликования, вдохновлявшая стихи архиепископа Тренча, выражала настроение народа.

Вскоре наступили перемены. Число убитых и раненых было очень велико; но, хотя многие дома были погружены в траур, чувствовалось, по словам официального бюллетеня, что такая победа "не может быть достигнута без значительных жертв". В то время страна не жалела о жертвах; но за депешей лорда Раглана последовала другая. Крымская война стала первой, в которой "Специальный корреспондент" сыграл заметную роль, а депеши, отправленные в "Таймс" мистером Уильямом Говардом Расселом, помогли даже свергнуть министерство. В газете "Таймс" от 9 октября было обращено внимание на тщетность мер по уходу за больными с британской стороны. Старые пенсионеры, которых отправили на эту службу, "не приносили ни малейшей пользы"; солдатам приходилось "присматривать друг за другом". Двенадцатого числа длинное письмо от "нашего специального корреспондента", датированное "Константинополь, 30 сентября", заканчивалось следующим отрывком:-

С чувством удивления и гнева публика узнает, что не было сделано достаточных приготовлений для надлежащего ухода за ранеными. Не только не хватает хирургов, что, как можно утверждать, было неизбежно; не только нет перевязочных средств и медсестер - это может быть недостатком системы, в котором никто не виноват; но что будет сказано, когда станет известно, что нет даже белья, чтобы сделать перевязки для раненых? В Скутари царит величайшее сочувствие к страданиям несчастных обитателей, и каждая семья отдает простыни и старую одежду, чтобы обеспечить их нужды. Но почему нельзя было удовлетворить эту явно предвиденную потребность? Можно ли сказать, что битва при Альме стала событием, которое застало мир врасплох? Разве об экспедиции в Крым не говорили последние четыре месяца? И когда турки отдали в наше пользование огромные казармы для создания госпиталя и склада, не было ли это сделано на том основании, что потери английских войск будут значительными при участии в столь опасном предприятии? И все же, после того как войска шесть месяцев [147] в стране, нет никакой подготовки к самым обычным хирургическим операциям! Мало того, что людей держат, в некоторых случаях, целую неделю, не подпуская к их ранам руку медика; мало того, что их оставляют умирать в агонии, не слушая и не отряхивая, хотя они отчаянно хватаются за хирурга, когда тот обходит фекальный корабль; Но теперь, когда их помещают в просторное здание, где, как нас убеждали, все готово, чтобы облегчить их боль или способствовать выздоровлению, обнаруживается, что отсутствуют самые обычные приспособления для больничной палаты, и что люди должны умереть из-за того, что медицинский персонал британской армии забыл, что для перевязки ран необходимы старые тряпки. Если бы парламент заседал, то, вероятно, было бы принято решение обратить внимание на эти факты, которые известны и вызывают большую озабоченность; в данном же случае правительство должно провести расследование поведения тех, кто так пренебрегает своими обязанностями".

На следующий день было опубликовано еще одно письмо от "Специального корреспондента". "Невозможно, - писал он, - смотреть на меланхолические картины последних нескольких дней без чувства удивления и возмущения недостатками нашей медицинской системы. Манера обращения с больными и ранеными достойна разве что дикарей Дагомеи. Изношенные пенсионеры, которых привезли в качестве санитарного корпуса, совершенно бесполезны, и не только нет хирургов, но и нет перевязочных средств или медсестер, чтобы выполнять указания хирурга и ухаживать за больными в перерывах между его визитами. Здесь французы значительно превосходят нас. Их медицинская организация чрезвычайно хороша, их хирурги более многочисленны, а еще им помогают сестры милосердия, которые сопровождали экспедицию в невероятном количестве.^[69] Эти преданные женщины - прекрасные медсестры". Эти язвительные нападки изменили настроение страны. По-прежнему ликовала победа, по-прежнему была готовность заплатить за нее; но обвинения "Специального корреспондента" в пренебрежении к больным и раненым вызвали чувство горькой обиды на власти, но также и жалости к жертвам. 12 октября газета *"Таймс"* сопроводила письмо "специального корреспондента" передовой статьей, в которой призвала своих читателей, которые спокойно сидят дома, проявить активность и оказать посильную помощь солдатам на Востоке. На следующий день было опубликовано письмо от сэра Роберта Пиля, который приложил 200 фунтов стерлингов для создания фонда по обеспечению больных и раненых удобствами. Быстро поступили и другие пожертвования, и 14 октября было опубликовано письмо с вопросом: "Почему у нас нет сестер милосердия? Есть множество трудоспособных и нежных английских женщин, которые с радостью и готовностью посвятили бы себя уходу за больными и ранеными, если бы их можно было объединить для этой цели и поставить под надлежащую защиту".

Среди английских дам нашлись и те, кто не ждал, пока их побудят к действию подобные призывы. При первых же известиях о провале британской системы ухода за больными они задались вопросом, не могут ли они помочь не только деньгами, но и личными услугами. Одной из первых начала действовать леди Мария Форестер. Она, должно быть, прочитала и отметила письмо в *Times* от 9 октября, потому что уже 11 октября она связалась с мисс Найтингейл, предложив деньги на отправку нескольких обученных медсестер. "Я так хотела, чтобы что-то было сделано, - сказала она леди Верни, - что поехала бы сама, но знала, что от меня не будет ни малейшей пользы". К счастью, умы тех, кто мог принести наибольшую пользу, двигались в том же направлении. Если партия женщин-медсестер должна была быть отправлена на Восток с какими-либо перспективами на успех, в Англии было два человека, сотрудничество с которыми было крайне необходимо, и по счастливой случайности они были личными друзьями.

Одним из них был мистер Сидни Герберт, военный секретарь. Следует обратить внимание на предлог, который я выделил курсивом. Читатель не поблагодарит меня за подробное описание всех тонкостей организации, дезорганизации и реорганизации Военного министерства, которые происходили во время Крымской войны и продолжаются до наших дней. Но необходимо помнить, что в 1854 году существовали военный секретарь (герцог Ньюкасл) и военный секретарь (мистер Сидни Герберт). Любопытно, что военный секретарь не имел никакого отношения к войне, как таковой; формально он был лишь финансовым и бухгалтерским чиновником. Но мистер Сидни Герберт в условиях чрезвычайной ситуации, вызванной Крымской войной, смело вышел за рамки своей должности. Многими благотворными мерами практических реформ он уже проявил себя как солдатский друг. Как мы уже слышали (стр. 80), он был глубоко заинтересован в уходе за больными. Он знал, как перегружен работой его коллега, герцог Ньюкасл, и в этом вопросе о госпиталях он занял место добровольного делегата государственного секретаря. "Я бы хотел, - писал мистер Гладстон Монктому Милнсу (15 октября 1855 года), - чтобы хоть один из тысячи тех, кто в прозе справедливо прославляет мисс Найтингейл, сказал хоть слово в адрес человека "рутины", который придумал и спроектировал ее уход". [70] Лорд Стэнмор сказал в этом смысле не слово, а целый том; то, что было действительно достойно восхищения, - это смелый отход "человека рутины" от рутины. Привлечение женщин-медсестер в армию было в этой стране совершенно новым. Это, вероятно, вызвало бы некоторую ревность в медицинской профессии; это наверняка подверглось бы критике со стороны военных. У кабинета министров было много других забот. У герцога Ньюкасла было больше дел, чем может выполнить один человек. Мистер Герберт, благодаря своему влиянию в Кабинете министров, своим приятным манерам и общей популярности, был именно тем человеком, который должен был осуществить новый шаг. Он долго размышлял над проблемами сестринского дела как в военных госпиталях, так и в гражданской жизни. Он не видел причин, почему задача, которая в гражданской жизни возлагается почти исключительно на женщин, в случае военных госпиталей должна выполняться только мужчинами. Французское правительство направило пятьдесят сестер милосердия. Мистер Герберт не видел причин, по которым Англия не должна сделать нечто подобное. Он решил провести эксперимент.

Его укрепило в этой решимости то, что он был близко знаком с характером и способностями второго незаменимого человека. Он знал мисс Флоренс Найтингейл. В предыдущей части этого тома было показано, как "по какой схеме сначала" ее жизнь была долгой подготовкой именно к такой работе, которая требовалась сейчас. Она и министр прочитали депешу в "*Таймс*" с одинаковым, хотя и разным, интересом. Для мистера Герберта это был призыв что-

то сделать, если министерство хочет избежать опасной критики; и к этому мотиву, который по праву должен руководить каждым министром, добавилась совесть человека высоких взглядов, искренне и горячо желающего сделать все возможное для улучшения лечения больных и раненых солдат. Когда мисс Найтингейл читала эту депешу и сопровождавший ее призыв, слова прозвучали с силой призыва свыше. Почти десять лет своей жизни она сознательно и полусознательно тосковала по гораздо большему периоду, по широкому пространству, в котором она могла проявить свои организаторские способности и желание служить больным и страждущим. На протяжении многих лет она готовилась к тому, чтобы быть готовой использовать свой шанс, когда он представится. И вот такая возможность представилась, и патриотизм подтвердил ее личные устремления. Наступило "Божье время".

Умы министра и мисс Найтингейл воспламенились вместе. Они почти в один и тот же момент достигли точки вспышки действия. Частная инициатива опередила официальные предложения всего на несколько часов. Работая в гармонии, они привели план в действие с беспрецедентной быстротой.

///

В течение двух дней после публикации депеши из Константинополя, мисс Найтингейл и ее друзья сделали свои планы. Она представила их министру в следующем письме, адресованном его жене:.

(Мисс Найтингейл - миссис Герберт) 1 Upper Harley Street, 14 октября [1854]. Моя дорогая, сегодня утром я отправилась на Белгрейв-сквер, чтобы иметь возможность застать тебя или мистера Герберта, если бы он был в городе.

В Скутари организована небольшая частная экспедиция медсестер, и меня попросили возглавить ее. Я беру с собой себя и одну медсестру.

Леди Мария Форестер дала 200 фунтов, чтобы взять еще троих. [151] Мы сами себя кормим и размещаем там, и не должны нести никаких расходов для страны. Лорд Кларендон попросил лорда Пальмерстона написать от нашего имени лорду Стратфорду, и тот согласился. Доктор Эндрю Смит из Медицинского совета армии, которого я видел, уполномочил нас и дал нам письма к главному врачу в Скутари.

Я не хочу сказать, что верю сообщениям "Таймс", но я верю, что мы можем быть полезны раненым несчастным.

Теперь к делу.

(1) Если только мой дамский комитет не почувствует, что это дело, которое вызывает к всеобщему сочувствию, и не станет побуждать меня, а не просто соглашаться, я не смогу с честью разорвать свое обязательство здесь. И я пишу вам как одна из моих любовниц.

(2) Что говорит мистер Герберт о самой схеме? Думает ли он, что власти будут возражать против него? Может ли он дать нам какой-нибудь совет или рекомендательное письмо? И есть ли какие-нибудь запасы для больницы, которые он посоветовал бы нам взять? Доктор Смит говорит, что ничего не нужно.

Прилагаю письмо от Э. Как вы думаете, есть ли смысл обратиться к мисс Бердетт Коутс?

Мы отправляемся во вторник, если поедем, чтобы сесть на марсельский пароход 21-го в Константинополь, где я оставляю своих медсестер, думая, что медицинский персонал в Скутари будет скорее напуган, чем развлечен бомбардировкой посылкой женщин, и я переберусь в Скутари с кем-нибудь из посольства, чтобы представить свои полномочия от доктора Смита и отдать себя в распоряжение докторов.

(3) Не могли бы вы или кто-нибудь из моего комитета написать леди Стратфорд, чтобы она сказала: "Это не леди, а настоящая больничная медсестра"? "И у нее есть опыт".

Сегодня утром мой дядя отправился спросить согласия моих отца и матери.

Есть ли смысл в том, чтобы я обратилась к герцогу Ньюкаслу за разрешением?

Поверьте, дорогая, спешу, всегда ваш, Ф. Найтингейл.

Возможно, лучше оставить это дело в тайне и не обращаться к правительству.

Это письмо было отправлено в субботу. Мистер Герберт покинул Лондон, чтобы провести воскресенье в Борнмуте, и оттуда, не зная о сообщении, которое было на пути к нему от мисс Найтингейл, он адресовал ей следующее письмо:...

(*Сидни Герберт - мисс Найтингейл.*) Борнмут, 15 октября [1854]. Дорогая мисс Найтингейл - Вы, наверное, [152] видели в газетах, что в госпитале в Скутари большая нехватка медсестер.

Другие предполагаемые недостатки, а именно: медики, простыни, белье и т.д., если они действительно когда-либо существовали, должны были быть устранены до этого, так как число медиков в армии составило один на каждые 95 человек во всей войске, что почти вдвое больше, чем когда-либо прежде, и еще 30 хирургов отправились 3 недели назад и должны были к этому времени, следовательно, быть в Константинополе. Еще одна партия отправилась в четверг, а на следующей неделе прибудет новая.

Что касается медицинских запасов, то они были отправлены в изобилии; линт весом в тонну, 15 000 пар простыней, лекарства, вино, маранта в той же пропорции; и единственный способ объяснить недостаток в Скутари, если он существует, заключается в том, что масса запасов отправилась в Варну и не была отправлена обратно, когда армия ушла в Крым; но четыре дня исправили бы это. Тем временем прибывают свежие запасы.

Но недостаток в женщинах-медсестрах несомненен: в военные госпитали никогда не принимали никого, кроме мужчин-медсестер.

Было бы невозможно возить с собой в поле большой штат женщин-медсестер. Но в Скутари, где теперь есть стационарный госпиталь, нет никаких военных причин против их введения, и я уверен, что они могут быть введены с большой пользой, так как санитары должны быть очень грубыми руками, и большинство из них, по такому случаю, как этот, очень неопытны.

Я получаю множество предложений от дам пойти туда, но это дамы, которые не имеют ни малейшего представления о том, что такое больница, ни о характере ее обязанностей; и они, когда придет время, либо откажутся от работы, либо будут совершенно бесполезны, а следовательно - что еще хуже - будут постоянно мешать. Кроме того, эти дамы, вероятно, никогда не поймут необходимость строгого подчинения правилам, особенно в военном госпитале. Леди М. Форестер (дочь лорда Родена) обратилась к доктору Смигу, главе

Медицинского департамента армии, с предложением либо поехать с ней, либо прислать обученных медсестер. Я полагаю, что она имеет в виду Фицрой-сквер, Джон-стрит или другие подобные заведения. Преподобный мистер Хьюм, некогда служивший капелланом в Главном госпитале Бирмингема (и более известный как автор схемы перевода городских церквей в пригороды), предложил поехать самому в качестве капеллана с двумя дочерьми и двенадцатью медсестрами. Он семь лет служил в армии, привык к больницам, и мне очень нравится тон его писем. Я думаю, что из обоих этих предложений можно извлечь практическую пользу. Но трудность поиска медсестер, которые хоть немного разбираются в своем деле, вероятно, не известна мистеру Хьюму, а леди М. Форестер, вероятно, не [153] проверить готовность обученных медсестер ехать, и не способна руководить или управлять ими.

В Англии есть только один человек, которого я знаю, способный организовать и контролировать такую схему; и я уже несколько раз порывался гипотетически спросить вас, не возьметесь ли вы, если предположить, что такая попытка будет предпринята, руководить ею.

Отбор рядовых медсестер будет очень трудным: никто не знает этого лучше вас. Трудность найти женщин, способных справиться с задачей, в конце концов, полной ужасов и требующей, помимо знаний и доброй воли, большой энергии и большого мужества, будет очень велика. Задача управления ими и введения среди них системы - велика; и не в последнюю очередь трудность будет заключаться в том, чтобы все это было согласовано с медицинскими и военными властями. Именно это делает столь важным, чтобы эксперимент проводил человек, обладающий способностью к управлению и опытом. Несколько сентиментальных энтузиастов, выпущенных на свободу в госпитале в Скутари, вероятно, через несколько дней были бы поставлены *на место* теми, чьи дела они прервут и чей авторитет они будут оспаривать.

Мой вопрос заключается лишь в том, прислушались бы вы к просьбе поехать и руководить всем этим делом? Вы, конечно, будете иметь полную власть над всеми медсестрами, и я думаю, что смогу обеспечить вам самую полную помощь и сотрудничество со стороны медицинского персонала, и вы также будете иметь неограниченные полномочия обращаться к правительству за всем, что вы сочтете необходимым для успеха вашей миссии. В этой части вопроса слишком много деталей для письма, и я оставляю их для нашей встречи; ибо какое бы решение вы ни приняли, я знаю, что вы окажете мне всяческую помощь и дадите совет.

Я не говорю ни слова, чтобы оказать на вас давление. Вы единственный человек, который может сам решить, какая из противоречивых или несовместимых обязанностей является первой или высшей; но я не должен скрывать от вас, что, по моему мнению, от вашего решения будет зависеть конечный успех или провал плана. Ваши личные качества, ваши знания, ваша способность управлять, а также, помимо всего прочего, ваш ранг и положение в обществе дают вам в такой работе преимущества, которыми не обладает ни один другой человек.

Если это удастся, то огромное количество добра будет сделано уже сейчас, причем для людей, заслуживающих всего, что мы получим из наших рук; будет преодолено предубеждение и создан прецедент, который умножит добро на все времена.

Вряд ли мне хотелось бы испытывать сангвинизм в отношении вашего ответа. Если бы это было "да", я уверен, что Брейсбриджи поехали бы с вами и дали бы вам весь комфорт, который вам нужен и который только их [154] общество и сочувствие могли бы вам дать. Я писал очень долго, потому что эта тема очень близка моему сердцу. Лиз [миссис Герберт]

пишет миссис Брейсбридж, чтобы сообщить ей о моих делах. Завтра утром я возвращаюсь в город. Мне зайти к вам между тремя и пятью? Не дадите ли вы мне позвонить в военное министерство и сообщить об этом?

Есть один момент, который я вряд ли имею право затрагивать, но я знаю, что вы меня простите. Если бы вы были склонны взять на себя эту большую работу, мистер и миссис Найтингейл дать свое согласие? Работа была бы настолько национальной, а просьба, обращенная к вам от правительства, которое представляет нацию, поступила в такой момент, что я не отчаиваюсь в их согласии. Получив полномочия от правительства, вы обеспечите себе уважение и внимание каждого, особенно в службе, где официальный ранг имеет столь большой вес. Это обеспечит вам всяческое внимание и комфорт по пути и там, а также полное подчинение вашим приказам. Я знаю, что эти вещи безразличны для вас, за исключением тех случаев, когда они могут способствовать достижению великих целей, которые вы ставите перед собой; но они важны сами по себе и имеют большое значение для тех, кто имеет право интересоваться вашим личным положением и комфортом.

Я знаю, что вы придете к мудрому решению. Дай Бог, чтобы оно соответствовало моим надеждам! Верьте мне, дорогая мисс Найтингейл, всегда ваш, Сидни Герберт.^[71]

Никакой заминки, как наполовину опасался Сидни Герберт, из-за нежелания родителей мисс Найтингейл не произошло. Ее дядя, мистер Сэмюэл Смит (муж ее тети Мэй, о полезности которой мы уже слышали), уже наполовину получил их согласие на ее поездку в качестве добровольца. Все колебания исчезли, когда пришло известие о том, что ее попросило поехать само правительство.

"Моя любовь, - писала сестра мисс Найтингейл своему другу (18 октября), - правительство попросило, я бы сказал, умоляло Фло поехать и помочь в больнице в Скутари. Я уверена, что ты почувствуешь, что это великое и благородное дело, и что это настоящий долг; потому что нет никого, как они говорят ей, и я верю, что это правда, кто обладает знаниями и рвением, необходимыми для успешного осуществления такого шага."

И тому же другу день или два спустя: "Раньше, на Харли-стрит, я был в состоянии...

Раньше, на Харли-стрит, я не был уверен, что она права, казалось, что дома нужно сделать так много; но теперь нет никаких сомнений, что она подходит для этой работы, и что никто другой не подходит, и что *это* работа. Должен сказать, что то, как все сложилось и подогнало ее для этого, настолько поразительно, что нельзя не поверить, что она была предназначена для этого. Ни одна из ее предыдущих жизней не прошла впустую, весь ее опыт, собранный за столько лет, ее Кайзерсверт, ее симпатия к католической системе работы, ее путешествия, ее поиски в больничном вопросе, ее знание столь разных умов и разных классов - все это служит так любопытно - и гораздо больше, чем у меня есть времени.

Да, и, возможно, даже те трудности, которые нежная забота поставила на пути Флоренс Найтингейл, можно было бы отнести к ее подготовке к задаче, требующей огромной силы воли и решимости.

Мисс Найтингейл увиделась с мистером Гербертом в понедельник, 16 октября, и дело было улажено между ними. Миссис Сидни Герберт и другие дамы из Комитета Харли-стрит с готовностью отпустили своего суперинтенданта. Ее верные друзья, мистер и миссис Брейсбридж, согласились сопровождать ее. Мистер Герберт заверил мисс Найтингейл в их готовности без каких-либо предварительных консультаций - прекрасный пример, безусловно, дружеского доверия. Герцог Ньюкасл, который был немного лично знаком с

мисс Найтингейл, и другие члены кабинета министров сердечно одобрили инициативу своего коллеги, и через три дня мисс Найтингейл получила официальное назначение и инструкции: -.

(Военный секретарь - мисс Найтингейл.) Военное министерство, 19 октября [1854 г.].
Мадам - согласившись по настоятельной просьбе правительства принять должность суперинтенданта женского медпункта в английских общевойсковых госпиталях в Турции, вы по прибытии туда сразу же вступите в контакт с главным армейским медиком госпиталя в Скутари, под чьими приказами и руководством вы будете исполнять обязанности, связанные с вашим назначением.

Все, что касается распределения медсестер, часов их присутствия, их распределения по определенным обязанностям, передается в ваши руки, конечно, с санкции и одобрения главного врача; Но выбор [156] медсестер в первую очередь отдается исключительно под ваш контроль или под контроль лиц, которые будут согласованы между вами и Генеральным директором Медицинского департамента армии и боеприпасов, и отобранные таким образом лица получают свидетельства от Генерального директора или главного медицинского офицера одного из Главных госпиталей, без которых никому не будет разрешено входить в госпиталь для ухода за больными.

Таким же образом право увольнения по болезни или увольнения за плохое поведение, непригодность или по другой причине полностью принадлежит вам; но в случае такого увольнения или увольнения расходы на обратный проезд такого лица домой, если вы сочтете это целесообразным и если оно отправится сразу или как только позволит его здоровье, будут оплачены правительством.

По почте этого дня будут даны указания снять один или два дома в удобном месте, какое только можно найти, для обслуживания госпиталя, или предоставить жилье в казармах, если сочтете это более целесообразным. Лорду Стратфорду де Редклиффу будут даны указания предоставить вам все удобства и помощь при высадке в Константинополе, а также доктору Мензису, главному врачу госпиталя в Скутари, который окажет вам всю возможную помощь и всяческую поддержку при выполнении ваших трудных обязанностей.

Расходы на проезд и возвращение домой вас и медсестер, которые могут сопровождать вас или следовать за вами, будут покрыты правительством, равно как и расходы на аренду жилья, пропитание и т. д. и т. п.; и я оставляю на ваше усмотрение размер жалованья, которое вы сочтете целесообразным назначить различным лицам, действующим под вашим руководством.

Тем временем сэр Джон Киркланд, армейский агент, получил приказ выдать вам тратты на сумму в тысячу фунтов стерлингов на необходимое обмундирование, дорожные расходы и т.д., и т.п., о чем вы представите отчет поставщику войск в Скутари.

Для покрытия текущих расходов, выплаты жалованья и т. д. и т. п. вы будете обращаться к поставщику через главного врача, отвечающего за госпиталь, который предоставит вам необходимые средства.

Я уверен, что, выполняя взятую на себя трудную задачу, вы внушите всем, кто действует по вашему приказу, необходимость строгого соблюдения правил госпиталя и сохранения субординации, которая необходима в каждом военном учреждении.

И я полагаюсь на ваше благоразумие и бдительность, чтобы предотвратить любую попытку среди подчиненных вам лиц, отобранных с учетом их пригодности и без [157] каких-либо

ссылок на религиозное вероисповедание, использовать свое положение в госпиталях для вмешательства или нарушения религиозных взглядов пациентов любого вероисповедания, и немедленно пресечь любую подобную тенденцию и принять, если необходимо, суровые меры для предотвращения ее повторения.

Имею честь быть, мадам, Вашим покорнейшим слугой,
Сидни Герберт.

Инструкции, обещанные в этом письме, были должным образом отправлены командующему войсками, главному поставщику и главному врачу;^[72] и путь был сглажен для мисс Найтингейл, как считали на Даунинг-стрит, дополнительными письмами некоторым чиновникам. Письмо было отправлено генеральному провизору (19 октября), в котором "мистер Сидни Герберт надеется, что вы приложите все усилия, чтобы помочь мисс Найтингейл в выполнении трудных обязанностей, которые она добровольно взяла на себя, успех которых должен обязательно зависеть от помощи и сотрудничества других, и не может не принести большую пользу тем доблестным людям, которые пострадали на службе своей стране". Подобным образом сэр Чарльз Тревелиян, помощник секретаря казначейства, заметив, что офицеры комиссариата являются банкирами и управляющими армии, написал, как он сообщил мисс Найтингейл (20 октября), "генеральному комиссару Фильдеру и заместителю генерального комиссара Смиту, старшему офицеру в Скутари, с просьбой, чтобы они с самого начала оказали вам всю возможную поддержку и поручили своим офицерам всех рангов сделать то же самое". Казалось, что любые трудности, с которыми она может столкнуться, не будут вызваны отсутствием поддержки на родине.

IV

Частная поддержка была оказана так же охотно, как и официальная. Мистер Генри Рив, старый друг мисс Найтингейл и ее семьи, радуясь, что теперь у нее есть "возможность действовать достойно", поговорил с великим Делейном и попросил его направить мистера Макдональда, который был послан для управления фондом *Times*, чтобы сотрудничать с мисс Найтингейл. Мистер Макдональд был человеком, по свидетельству мистера Рива, и, как выяснила мисс Найтингейл - к огромной выгоде для их общего дела, - "замечательного ума и активности".

Через два дня после получения официальных инструкций, через пять дней после беседы с мистером Гербертом, мисс Найтингейл и ее партия покинули Лондон (21 октября). Объем работы, который выпал на долю мисс Найтингейл в течение десяти дней (12-21 октября), был огромен, и некоторые детали она была вынуждена делегировать другим. Штаб-квартира экспедиции во время ее снаряжения располагалась в доме мистера Сиднея Герберта на Белгрейв-сквер, и там мисс Мэри Стэнли и миссис Брейсбридж проводили собеседования с претендентами. Мисс Найтингейл, предвидя (как показало дальнейшее развитие событий) трудности как с поиском подходящих женщин, так и с наблюдением за ними, склонялась к тому, чтобы ограничить их число двадцатью. Мистер Герберт, полагая, что такое новое начинание должно быть осуществлено в значительных масштабах, предложил большее число, и мисс Найтингейл уступила. Согласились на сорок, но материал, который предлагался, был не слишком перспективным. "Мы сидим здесь целый день, - писала мисс Стэнли, - я бы хотела, чтобы люди, которые впоследствии будут жаловаться на отобранных женщин, увидели, из какого набора нам пришлось выбирать. Весь Лондон был перерыт в поисках этих женщин. Мы посылали эмиссаров во все стороны, во все возможные места.... Нам было стыдно держать в доме таких женщин, которые пришли. Только одна выразила

желание уехать из лучших побуждений. Деньги были единственным побудительным мотивом".[73] В конечном итоге было найдено тридцать восемь медсестер.

Мистер Герберт в заключительном отрывке своих "Инструкций" полагается на бдительность мисс Найтингейл, чтобы предотвратить религиозную "фальсификацию". Это было указание, которое она обсудила с ним, поскольку предвидела (опять же слишком хорошо) *odium theologicum*, с которым она может столкнуться. В первую очередь она стремилась набрать лучших медсестер как таковых, но при этом ей хотелось, чтобы были представлены различные церкви или оттенки. В этом желании она в значительной степени разочаровалась. Заявление было подано как в Дом Святого Иоанна, склонный к трактарианству, так и в Протестантский институт для медсестер на Девонширской площади. В каждом случае был получен ответ, что медсестры могут быть предоставлены только в том случае, если они будут подчиняться своим собственным комитетам; условие правительства о подчинении контролю мисс Найтингейл было отвергнуто. Власти Дома Святого Иоанна предложили, чтобы их медсестер сопровождал хозяин Дома, чтобы действовать как "их опекун". Легко представить, насколько невозможным было бы положение мисс Найтингейл на таких условиях. Это предложение, кстати, показывает, насколько мало некоторые люди понимали условия дисциплины, необходимые в военном госпитале. Мистер Сидни Герберт, генерал-капеллан войск, и мисс Найтингейл встретились с Советом Дома Святого Иоанна; было принято решение об исключительном контроле мисс Найтингейл, и Мастер остался дома. Настоятельницей Дома Святого Иоанна в это время была мисс Мэри Джонс, которая до конца своей жизни оставалась одной из самых ценных и нежно преданных друзей мисс Найтингейл.[74] Власти на Девоншир-сквер, с другой стороны, не желали отказываться от отдельного управления, и, соответственно, ни одна медсестра не была поставлена в это ярко выраженное протестантское учреждение. "Мы расстроены, - писала леди Верни, - потому что Фло так искренне хотела охватить все оттенки мнений, чтобы доказать, что все, как бы они ни различались, могут работать вместе в общем братстве любви к Богу и человеку".

В конечном итоге в состав группы вошли десять римско-католических сестер (пять из Бермондси и пять из Норвуда), восемь англиканских сестер (из дома мисс Селлон в Девонпорте), шесть медсестер из дома Святого Иоанна и четырнадцать из различных английских больниц. Часто предполагалось, что медсестры, сопровождавшие мисс Найтингейл, были дамами нежного происхождения, но, за редким исключением, это было не так. Накануне отъезда к медсестрам обратился мистер Герберт в своей столовой. Он сказал им, что если кто-то хочет вернуться, то сейчас самое время принять решение, и внушил им, что все, кто поедет, обязаны беспрекословно подчиняться мисс Найтингейл во всем. "Все отправились в путь", - говорят нам,[75] "укрепленные его волнующими сердце словами, и ободренные не только солнечной яркостью его присутствия, но и его добрым и неизменным сочувствием". К несчастью, эффект не во всех случаях был постоянным, о чем мы еще услышим.

V

"Не отвечайте на это, - писал один из министров мисс Найтингейл, - потому что я уверен, что у вас сейчас больше дел, чем у государственного секретаря". Но что поражало окружающих, так это ее совершенное спокойствие. "Никто так хорошо не приспособлен к такой работе, как она, - писала леди Каннинг леди Стюарт де Ротесей (17 октября), - у нее такие нервы и навыки, она так мудра и спокойна. Даже сейчас она не суетится и не торопится, хотя на ее руках столько дел и столько людей добровольно предлагают свои услуги". У нее было только одно беспокойство. У нее умерла домашняя сова. Когда семья уезжала из Эмбли, чтобы

проводить ее, в суматохе и спешке забыли покормить сову. Ее забальзамировали, и "единственная слеза, которую пролила ее хозяйка за всю эту огромную неделю, - рассказывает ее сестра, - это когда я положила маленькое тельце ей на руки. "Бедный маленький зверек, как странно, как сильно я тебя любила". [76] В остальном она была "так же спокойна и уравновешена в этой бешеной спешке", - писала ее сестра (19 октября), - "с военным министерством, военно-медицинским советом, половиной медсестер в Лондоне, с которыми нужно было поговорить, с ее собственным комитетом и институтом, как если бы она вышла на прогулку". Она была спокойна, потому что, подобно вордсвортовскому "Счастливому воину", в пылу волнений она "с невозмутимым спокойствием соблюдала закон и видела то, что предвидела". Как и персонаж, нарисованный другим мастером, "в суматохе она была спокойна", потому что размышляла в состоянии покоя.

Сохранился небольшой черный карманный блокнот, в котором после смерти мисс Найтингейл были найдены несколько из множества писем, полученных перед ее отъездом из Англии на Восток. Возможно, это были последние письма, а возможно, они были получены по другим причинам. В одном из них говорилось о материнской любви:...

Утро понедельника. Бог да ускорит тебя на твоем пути милосердия, [161] мое самое дорогое дитя. Я знаю, что так и будет, ведь Он дал тебе таких любящих друзей, и они всегда будут рядом с тобой, чтобы помочь во всех твоих трудностях. Они пришли как раз тогда, когда я почувствовала, что ты не выдержишь из-за нехватки сил, и еще больше милостей придет в трудную минуту. Они так мудры и добры, что станут для вас тем, чем никто другой не сможет помочь. Они напишут нам и спасут вас в этом и во всех других отношениях. Для нас они - предвестие грядущих благословений. Я прошу вас щадить себя не ради себя, а ради дела - всегда вашего".

Еще одно письмо напоминало ей о Божьей любви: - Бог сохранит вас.

Бог сохранит вас. И я молюсь за вас, чтобы вашим объектом поклонения, образцом для подражания, источником утешения и силы было Святое Сердце нашего Божественного Господа. Всегда ваш ради Господа нашего, Генри Э. Мэннинг.

И третье среди них - от друга, чью жизнь она отказалась разделить, но чье сочувствие по-прежнему было ей дорого: "Мой дорогой друг, - писал он.

"Мой дорогой друг, - писал он (18 октября), - я слышал, что ты уезжаешь на Восток. Я счастлив, что это так, потому что вы сделаете там добро и надеюсь, что вы сами найдете в этом какое-то удовлетворение. Я не могу забыть, как вы однажды уже ездили на Восток, и вот я спокойно пишу вам о том, что вы собираетесь делать сейчас. Вы можете взяться за *это*, как не смогли взяться за меня. Да благословит тебя Бог, дорогой Друг, куда бы ты ни отправился".

ГЛАВА II

ЭКСПЕДИЦИЯ - ПРЕДСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

На океане ни одна почта не приносит нам писем, на которые мы вынуждены отвечать. Ни одна газета не соблазняет нас прочесть вчерашние дебаты в парламенте. Отсутствие отвлекающих происшествий, однообразие обстановки и однообразие жизни на корабле

оставляют нам досуг для размышлений; мы погружаемся в свои собственные мысли и можем свести счеты с совестью.

Мисс Найтингейл и ее партия покинули Лондон в субботу, 21 октября. Среди тех, кто провожал их, был ее кузен, Артур Хью Клаф. Основные остановки были сделаны в Париже и Марселе. В Париже мисс Найтингейл надеялась завербовать несколько сестер для работы медсестрами. Она отправилась в штаб-квартиру ордена Святого Винсента де Поля, снабженная письмами от британского правительства и французских военных властей, в сопровождении личного секретаря британского посла, чтобы подкрепить свое заявление; но ей было отказано.^[77] В Марселе, как оказалось, с восхитительной предусмотрительностью, она заложила большой запас разной провизии. Ее дядя, мистер Сэм Смит, сопровождал партию до Марселя, и из его писем мы получаем яркие впечатления об экспедиции *в пути*: - "Везде принимали любезно, - писал он.

"Везде, - писал он (26 октября), - французов и англичан принимали любезно. Все же для Фло было очень тяжелой работой поддерживать 40 человек в хорошем настроении; каждый вечер, перед тем как сесть ужинать, она долго расставляла комнаты 5 различных сект, а затем призывала всех спуститься в 6 часов, чтобы быть готовыми к старту. Она переносит все замечательно - так спокойно, покоряя всех, и французов, и англичан".

Корреспондент написал в "*Таймс*" из Булони, , описывая, как прибытие гостей вызвало такой энтузиазм, что крепкие рыбаки схватили их сумки и понесли в отель, отказываясь принять малейшее вознаграждение; как хозяин отеля дал им ужин и велел заказать все, что им нравится, добавив, что им не разрешат ни за что платить; и как официанты и горничные одинаково твердо отказывались от любых признаний за оказанное им внимание. Леди Верни в письме к подруге остро подметила еще более примечательную вещь: "Железная дорога не будет оплачена за ее ящики".

В Марселе экспедиция вызвала живой интерес, а ее начальник был переполнен вниманием: "Везде, где ее видели или слышали.

"Где бы ее ни видели и ни слышали, - писал гордый дядя, - все вызывало только восхищение, как у людей высокого, так и низкого происхождения. Ее спокойное достоинство влияло на всех. Я уверен, что медсестры уже очень любят ее. Некоторые плакали, когда она увещевала их в последний момент, и все обещали, что все будет хорошо. Благословите ее! Она заставляет всех, кто присоединяется к ней, чувствовать добро и любить его (вместо того чтобы настроить их против него, как это делают некоторые благонамеренные противники)".

И снова в другом письме: -

Словами не передать преданность миссис Брейсбридж Фло и Фло делу. Ни та, ни другая не садились за стол только для того, чтобы наспех поесть. Лавочники, посетители, медсестры, слуги, все до единого. Фло ни разу не переступила порог. Она принимала в своей маленькой спальне (не во время сна) генерального инспектора, консула и агента, посланника королевы, корреспондента "*Таймс*" и двух-трех лавочников с таким же спокойствием, как в гостиной, где царит полная *тишина*. Ее влияние на всех (вплоть до капитана и стюарда судна) было удивительным. Грубые больничные медсестры на третий день, после того как они каждый день завтракали и обедали с нами и получали все ее знаки внимания, стали совсем человечными и цивилизованными, их манеры за столом смягчились. "Мы никогда раньше так не заботились о наших удобствах; это не свойственно *нам*; мы и не подозревали, что мисс Н. будет так рабски заботиться о нас". Она выглядела такой спокойной и благородной во всем этом, будь то ожидание медсестер за ужином на станции (потому что никто другой

этого не делал), или разнос посылок, или прием чиновников. Брейсбриджи, как и я, полны восхищения ею. Она выглядела лучше и красивее, чем в день отплытия. Я вернулся с литературной публикой Марселя, все были полны восхищения. Было очень тоскливо сидеть в опустевшей комнате Фло.

Она отплыла из Марселя на борту "*Вектиса*" в пятницу, 27 октября, громко приветствуемая английским судном в гавани, неся с собой, как написал один из друзей, "глубокие молитвы и благодарность английского народа".

//

С того момента, как было сделано публичное объявление о ее миссии, она действительно стала популярной героиней. Хотя она была хорошо известна в обществе, публичная слава была ей пока чужда; настолько, что сама газета "*Таймс*", печатая объявление (19 октября), заявила: "Мы уполномочены заявить, что миссис Найтингейл" и т. д. Делейн не мог не следить за колонками новостей, потому что только по прошествии нескольких дней общественности стало известно, что "миссис" Найтингейл на самом деле была "мисс Найтингейл". Nightingale была на самом деле "мисс". "Кто такая "миссис" Найтингейл?" - гласил заголовок в *Examiner* (28 октября), и ответ на этот вопрос был дан в биографической статье. Некоторые отрывки из нее заслуживают упоминания здесь, так как она обошла всю прессу по всему миру и стала источником, из которого с того дня и по сей день черпается популярное представление о Флоренс Найтингейл. В статье кратко и с большой точностью излагался ход ее жизни; останавливались на фактах, что она была "молода, изящна, женственна, богата и популярна"; с меньшей точностью рассказывалось о ее восторге от "ощутимых и сердечных достопримечательностей" ее дома; описывалось, как она оставила "собрания, лекции, концерты, выставки и все развлечения для вкуса и интеллекта, которыми изобилует Лондон в свое время", чтобы сидеть рядом с больными и умирающими; и заключалось это так: Она отправилась на место военных действий

...рискуя собственной жизнью, испытывая боль от разлуки со всеми друзьями и семьей и будучи уверенной, что ей придется столкнуться с трудностями, опасностями, трудом и постоянно обновляющейся сценой человеческих страданий, среди всех самых ужасных ужасов войны. Немного найдется тех, кто не отшатнулся бы от таких реалий, но мисс Найтингейл не отшатнулась и сразу же приняла просьбу, которая была сделана ей, чтобы сформировать и контролировать все учреждение по уходу за больными и ранеными солдатами и моряками в Леванте. Пока мы пишем, эта продуманная, чуткая и высокоодаренная молодая леди [165] уже на своем посту, оказывая святейшую из женских благотворительных услуг больным, умирающим и выздоравливающим. Есть героизм в том, чтобы мчаться вверх по высотам Альмы наперекор смерти и всем смертным противодействиям, и пусть все похвалы и почести будут, как они есть, возданы ей; но есть тихий предсказательный героизм и широта сердца в решительном накоплении этой леди сил утешения и ее преданном применении их, которые стоят так же высоко и, по крайней мере, так же чисты. Мудрый несколько, несомненно, осудить, насмехаться или жалеть энтузиазм, который для них кажется эксцентричным, или в лучшем случае неуместно; но для истинного сердца страны это будет говорить домой, и быть там чувствовал, что нет ни одного из самых гордых и чистых дочерей Англии, которая в этот момент стоит на такой высокой вершине, как Флоренс Найтингейл.

Открытие общественности, что глава экспедиции медсестер была не "миссис". Соловей, матрона, но молодая леди, "изящный, богатый и популярный", добавил энтузиазма, который ее преданность вызвала. Ее услуги предоставлялись безвозмездно; необходимые расходы

оплачивало правительство, и официальные лица считали, что никаких добровольных пожертвований, ни в денежной, ни в натуральной форме, не требуется. К счастью для комфорта наших солдат на Востоке, частные лица придерживались другой точки зрения, и в дополнение к фонду *Times Fund* пожертвования были направлены лично мисс Найтингейл, как ее друзьями, так и широкой общественностью. Счет, составленный после ее возвращения[78] с Востока, показывает, что от широкой общественности она получила около 7000 фунтов стерлингов в деньгах. Этот фонд, добавленный к помощи, которую она получила от *Times*, и дополненный расходами из ее личного кошелька, позволил мисс Найтингейл значительно расширить сферу своей работы. Утверждение, что она была богата, требует некоторой оговорки. Ее отец был богат, но личное пособие, которое он назначил ей, когда она объявила о своей независимости в 1853 году, составляло 500 фунтов стерлингов в год, и оно оставалось на этом уровне в течение нескольких лет. Во время своей миссии на Востоке она полностью посвятила его своей работе.

Сюда также поступали пожертвования и предложения о личной службе. Теперь, когда мисс Найтингейл была в море, решение подобных вопросов взяли на себя ее сестра и друг. Семья Найтингейл на время сняла дом на Кавендиш-сквер (№ 4), который стал штаб-квартирой благотворительного бюро.

"Я почти исписалась, - писала леди Верни мадам Моль (6 ноября), - за последние две недели мне пришлось ответить на 170 писем, и некоторые из них очень трудные. Я бы хотела, чтобы вы узнали о множестве предложений разного рода, которые мы получаем, некоторые из них такие красивые, другие такие странные. Старое белье, как я с радостью могу сказать, отходит на второй план; даже вязанные носки потише; но медсестры, сброд и респектабельные, дамы, и *очень даже* наоборот, продолжают лить дождь. Он просто огромен; однако, добравшись до дома № 276, мы собираемся закрыть дверь. Мы с Мэри Стэнли ежедневно сидим на приеме, и до чего же забавные вещи мы видим и слышим! Человеческая природа - удивительное творение, но в том, что это дело рук Всемогущего Бога, я иногда начинаю сомневаться".

В связи с возникшим впоследствии неприятным спором стоит отметить, что и леди Верни, и мисс Стэнли четко понимали, что дополнительные медсестры будут присланы только "если Фло попросит". Все претендентки были проинформированы об этом; но желание служить было столь велико, что "многие дамы, - писала леди Верни, - проходят обучение в больнице по воле случая".

///

Мисс Найтингейл тем временем находилась в море на пути в Константинополь, прокручивая в голове множество событий. Она была призвана на миссию, от которой зависели вопросы, очень близкие ее сердцу. В случае успеха, как писал ей мистер Герберт, не только будет сделано огромное количество добра больным и раненым, но и "будет преодолено предубеждение и создан прецедент, который умножит добро на все времена". И так, как мы все знаем, было предначертано. Но в то время судьба эксперимента была сомнительной. Мистер Герберт был убежден, что никто, кроме Флоренс Найтингейл, не сможет добиться успеха, но не было никакой уверенности, что даже она сможет это сделать. Она взяла в свои руки репутацию министра, который доверял ей, и ее собственная; и не только ее репутация, но надежды, стремления, амбиции, которые управляли ее жизнью.

Она твердо решила добиться успеха и просчитала все трудности, с которыми ей предстояло столкнуться. Написав два года спустя письмо по адресу с отчетом о своей работе, она выразила благодарность тем "из чиновников, как медицинских, так и военных, чьей благожелательности, способностям и бескорыстной преданности долгу она была обязана за

средства, без которых, находясь в таком положении, как она, новичок на службе и подвергаясь многочисленным критикам и трудностям, она была бы совершенно не в состоянии выполнить порученную ей работу".[79] Она с самого начала понимала, что по самой природе дела ей придется столкнуться с ревностью врачей и предрассудками военных.

Идея нанять женщин-медсестер в Скутари была выдвинута еще до отправки армии на Восток, но от нее отказались, как объяснил герцог Ньюкасл, потому что "она не понравилась военным властям".[80] О предубеждении военных против привлечения женщин, даже для выполнения нежных обязанностей медсестер, к грубой работе на войне, можно с удовольствием рассказать на нескольких занимательных примерах. Подполковник Стерлинг, впоследствии сэр Энтони Стерлинг, К.С.В., находился на действительной службе во время Крымской кампании, сначала в качестве бригадного майора, а затем помощника генерал-адъютанта дивизии Хайленд. Он был старшим братом карлайловского Джона Стерлинга и сам обладал некоторыми литературными способностями. "Солидный, основательный человек", - называет его Карлайл; он также был человеком, который любил придерживаться старинных устоев. Во время предвыборной кампании он написал ряд живых писем и в своем завещании распорядился, чтобы их опубликовали. Нигде так ясно, как в *"Горной бригаде Стерлинга в Крыму"*, я не нашел современных свидетельств предрассудков, против которых пришлось бороться эксперименту мистера Герберта и мисс Найтингейл. Во время визита мисс Найтингейл в Балаклаву в 1855 году среди медсестер возник спор. "Мисс... добавила себя, - писал полковник Стерлинг, - в госпиталь 42-го отряда; и не признает голос Найтингейл, которая написала официальное письмо лорду Раглану по этому поводу. Полагаю, он назначит военный трибунал, состоящий из медсестер, которые будут вершить странное правосудие". Наш полковник - тот еще трепач. Он не может не смеяться над "Соловьем", потому что, как он объясняет, у него такое "острое чувство смешного". Ему так нравится его шутка о женском военном трибунале, что он возвращается к ней в другом письме. Его также щекочет высказывание в столовой о том, что "мисс Найтингейл побрила голову, чтобы уберечься от паразитов". Можно почти услышать смех честного полковника, когда он задается вопросом, "будет ли она носить парик или шлем?". Женщины, полагает он, думают, что "войну можно вести без ран"; они будут учить нас, как воевать дальше; а что касается их представлений об уходе за больными, то некоторые дамы на самом деле взялись "мыть полы"! Это его забавляло, но не менее возмущало. Он вынужден признать, что считает "Соловушку" полезной; но его горько возмущает ее "захват" санитаров только для целей ухода за больными, и когда его спрашивают: "Когда она уйдет домой?", он отвечает с Кристофером Слай: "Если бы это было сделано". "Однако", пишет он, "-- (предположительно Сидни Герберт) ушел; и я надеюсь, что не найдется другого министра, который допустит эти нелепости". Мисс Найтингейл прочитала книгу сэра Энтони, когда она вышла в 1895 году, и сделала в ней несколько строгих помет, отметив его "абсолютное невежество в вопросах санитарии", отметив "опечатки, которые служат хорошим указателем всего", и, наконец, отбросив книгу как "одну длинную череду жалоб на старшинство". Но я утверждаю, что ей не стоило так сердиться. И, действительно, возможно, она не была так зла, как кажется, поскольку ее едкое перо не всегда верно отражает ее ум. Со своей стороны я снимаю шляпу перед сэром Энтони Абсолютом. Его честные, старомодные выпады пролили свет на одну из сторон трудностей, с которыми должна была столкнуться мисс Найтингейл после приземления в Скутари.

Она также много размышляла о возможностях трения с медицинскими работниками; и здесь наш полковник тоже может пролить свет. "Главному врачу здесь, - писал он, - следовало бы поручить полномочия Найтингейл". Служба во всех ее отраслях держалась вместе, как

видно, и в этом нет ее вины! Но если боевой полковник обиделся на то, что посчитал оскорблением армейского офицера-медика, то насколько больше можно было ожидать от самой медицинской службы возмущения по поводу любого посягательства на ее удел! Насколько остро она возмущалась подобными посягательствами, можно узнать из *"Жизни и писем сэра Джона Холла, доктора медицины"* мистера Митры, чья книга дает нам такие же иллюстрации в отношении армейских врачей, какие мы можем почерпнуть из книги полковника Стерлинга в отношении солдат. Сэр Джон, как и сэр Энтони, считал все это "очень забавным". Он был расквартирован в Крыму, и мы услышим кое-что о напряженных отношениях между ним и мисс Найтингейл, когда последуем за ней туда. Но и в Скутари было несколько медицинских работников, которые до последнего сохраняли нелепую ревность к любому "вмешательству" со стороны мисс Найтингейл и ее персонала.[81] Она предвидела эту опасность и решила предотвратить ее всеми доступными ей средствами.

Была и третья опасность, которую она также предвидела. Ей нужно было не только преодолеть военные предрассудки и отвратить ревность врачей, но и предотвратить религиозные споры. Эта последняя задача была ей не по силам, как, впрочем, и мужчинам, женщинам и ангелам; ведь по этой причине пали даже ангелы. Ни одна работа, какой бы благотворной она ни была, еще не была найдена вне способности *odium theologicum* омрачать и озлоблять. Миссия мисс Найтингейл, как мы узнаем, не избежала этой участи; но она остро ощущала опасность.

Мисс Найтингейл размышляла обо всем этом, когда корабль направлялся к Золотому Рогу; и чем больше она размышляла, тем больше она была вынуждена принять решение о курсе действий, очень отличается от того, что многие люди предполагали, что она примет, но полностью согласуется с наклоном ее собственного ума. Она ясно понимала, что для того, чтобы обойти лежащие перед ней скалы, нужны не столько гениальная, импульсивная доброта, безрассудство по отношению к правилам и неповиновение авторитетам, сколько строгий метод, суровая дисциплина и жесткая субординация. Критика, которой она подвергала себя при надзоре за своими сестрами, основывалась не на расхлябанности, а на ее предполагаемой строгости.[82] Что касается ее собственного поведения, то она предполагала, что ее работа, когда она прибудет на родину, будет работой матроны госпиталя. Если, как оказалось, она стала (как она выразилась) хозяйкой барака, это потому, что она оказалась посреди условий, которые установленные власти дома не предвидели, и перед которыми те на месте были бессильны. Мисс Найтингейл, к счастью, обладала оригинальным умом и решительной волей. Она видела зло, которое требовало исправления, а новые случаи подсказывали новые обязанности.

ГЛАВА III

БОЛЬНИЦЫ В СКУТАРИ

Недостаток творческих способностей проявился в наших левантийских больницах, ибо там трудолюбивые служащие усердно выполняли свои привычные обязанности и упорно отказывались от нововведений в те моменты, когда не внедрять их означало по собственному желанию сдаться на милость нужды и страданий. Но, к счастью, через некоторое время, в мягкой, почти скромной маскировке, которая заставила противников перемен насторожиться, в государстве появилась новая власть. - Кинглейк.

Мисс Найтингейл сообщила о прибытии своей экспедиции в Константинополь в короткой записке своим родителям:-.

Константинополь, 4 ноября, на борту "*Вектиса*". Дорогие люди, якорная стоянка у Сералья, ожидание нашей судьбы, можем ли мы высадиться прямо в госпиталь, что, с нашей разнородной массой, мы должны предпочесть.

Вчера в шесть часов утра я вышел на палубу, чтобы посмотреть на равнины Трои, могилу Ахилла, устья Скамандра, маленькую гавань Тенедоса, между которой и главным берегом наш "*Вектис*" с оторванными каютами стюардов и камбузом, грохоча, скрипя, визжа, штормя, мчался по дороге. В густом тумане призраки троянцев ответили на мой радушный привет, сквозь который старые боги, тем не менее, взирали с холма Иды на свою старую равнину. Однако мой энтузиазм по отношению к героям не ослабевал ни от ветра, ни от волны.

Замки Европы и Азии (Дарданеллы) мы преодолели к одиннадцати, а до Константинополя добрались сегодня утром под густым и сильным дождем, сквозь который София, Сулиман, семь башен, стены и Золотой Рог выглядели как плохо вымытый дагерротип.

Мы еще не слышали, что сделали для нас посольство или военный госпиталь, и не получили приказов.

Плохие новости из Балаклавы. Вы услышите об ужасном крушении нашей бедной кавалерии, 400 раненых, прибывших *в этот момент* к нам для выхаживания. Мы только что построили еще один госпиталь в Дарданеллах. [172]

Вы захотите узнать о нашем экипаже. Один заболел, остальные подойдут.

(Мы только что прибыли в Скутари. Сегодня днем нас разместят в госпитале. Все очень добры. Свежие раненые, я полагаю, будут переданы под наш присмотр. Их уже высаживают на берег.

Госпиталь, о котором говорит мисс Найтингейл, должен был стать главным местом ее работы в течение следующих шести месяцев, и несколько деталей о нем и других госпиталях, в которых под ее руководством осуществлялся уход за больными, должны быть приведены для того, чтобы сделать понятными дальнейшие действия. Главные госпитали британской армии во время Крымской войны - четыре - находились в Скутари (или в непосредственной близости от него), пригороде печальной красоты, который смотрит на Константинополь с азиатской стороны Босфора.

Первый госпиталь был создан в турецком военном госпитале. В мае 1854 года он был передан англичанам и назван ими *Генеральным госпиталем*. Будучи изначально предназначенным для госпиталя, и будучи переданным англичанам частично оборудованным, он был, писала мисс Найтингейл, "приведен в порядок рано, благодаря неустанным усилиям первоклассного штаб-хирурга по внедрению хорошей рабочей системы". Затем он поддерживался в отличном состоянии до конца войны". [83] Он был рассчитан на 1000 пациентов, но битва при Альме показала, что потребуется гораздо большее количество мест.

К северу от Главного госпиталя, рядом со знаменитым турецким кладбищем в Скутари, находятся казармы Селимие - большое желтое здание с квадратными башнями на каждом

углу. Это здание было передано британцам для использования в качестве госпиталя после битвы при Альме, и они всегда называли его *казарменным госпиталем*. Это госпиталь, в котором впервые появилась мисс Найтингейл и ее группа женщин-медсестер, и в котором она сама располагала свою штаб-квартиру на протяжении всего пребывания в Скутари. Он построен на возвышенности, в живописном месте, с одной стороны которого открывается вид на Мраморское море, с другой - на Принцевы острова, а с третьей - на Константинополь и Босфор. "Я еще не выходила за стены госпиталя, - писала мисс Найтингейл через десять дней после своего прибытия, - но самый прекрасный вид в мире, я считаю, открывается снаружи". Ее покои находились в северо-западной башне, слева от Главной стражи (или главного входа). Там была большая кухня или кладовая, о которой мы еще услышим, а из нее по обе стороны выходили различные другие комнаты. Мистер Брейсбридж и курьер спали в одной небольшой комнате, мисс Найтингейл и миссис Брейсбридж - в другой. Медсестры спали в других комнатах. Все пространство, занимаемое мисс Найтингейл и ее медсестрами, было примерно равно площади, отведенной для трех офицеров-медиков и их слуг, или площади, занимаемой комендантом. "Это было сделано, - объясняла она, - чтобы не создавать давления на и без того переполненный госпиталь. Это не было бы справедливо по отношению к здоровью женщин, если бы мисс Найтингейл позже не сняла за частный счет дом в Скутари, куда удалялась каждая медсестра, заболевшая лихорадкой".[84] Помещения были настолько же неудобными, насколько и тесными. "Иногда, - писала мисс Найтингейл, - у нас срывало крышу или задувало окна, и мы оставались на ночь под водой". В больнице также водились грызуны и паразиты, и, среди прочих новых умений, приобретенных в стрессовых ситуациях, мисс Найтингейл стала искусной убийцей крыс. Это умение впоследствии пригодилось ей в Балаклаве. Весной 1856 года у одной из монахинь, которую она взяла с собой в Крым, - сестры Марии Марты - случился опасный приступ лихорадки. Мисс Найтингейл ухаживала за ней; и однажды ночью, дежуря у кровати больной, она увидела большую крысу на стропилах над головой сестры; ей удалось сбить ее и убить, не потревожив пациентку.[85] О том, в каком физическом дискомфорте, в окружении ужасных сцен страданий, ей приходилось выполнять свою работу, следует помнить, чтобы оценить ее стойкость и преданность.[86]

Максимальное количество пациентов, размещенных на сайте в одно время (23 декабря 1854 года) в барачном госпитале, составляло 2434 человека. Он находился в получасе ходьбы от Главного госпиталя, и один солдат, получивший инвалидность, рассказывает, что он сопровождал мисс Найтингейл из одного госпиталя в другой, чтобы освещать ее дом в сырые штормовые ночи, через бесплодную местность, которая лежала между ними.

Дальше к югу от Главного госпиталя, в квартале Хайдар-паши, находился так называемый *Дворцовый госпиталь*, состоящий из различных зданий, принадлежащих Летнему дворцу султана. Они были заняты под госпиталь в январе 1855 года. Мисс Найтингейл не несла здесь никакой ответственности; но летом 1855 года женский уход за больными офицерами, размещенными в одном из этих зданий, был передан под надзор миссис Уиллоуби Мур, вдовы офицера, погибшего благородной смертью на войне, и четырех женщин-медсестер, специально присланных из Англии.

Наконец, в *Кулали*, расположенном в четырех или пяти милях дальше на север, на том же азиатском берегу Босфора, были открыты госпитали. Эти госпитали были открыты в декабре 1854 года. Первоначально уход за больными в них осуществлялся под руководством мисс Найтингейл, но впоследствии она была освобождена от этой обязанности (стр. 193 *наст. изд.*). Госпитали были разделены в ноябре 1855 года, когда часть женского медперсонала

отправилась домой, а остальная часть перешла под руководство мисс Найтингейл в госпитали в Скутари.

В Крыму также было пять госпиталей, но подробности о них можно отложить до тех пор, пока не придет время отправиться вслед за мисс Найтингейл в ее экспедиции на фронт. За уход за больными в гражданских военных госпиталях (*то есть* госпиталях, контролируемых гражданским медицинским персоналом) в Ренкиои (на Дарданеллах) и в Смирне, а также в военно-морском госпитале в Ферапии мисс Найтингейл не отвечала, хотя среди ее бумаг есть обширная переписка, показывающая, что с ней постоянно советовались по поводу расположения и устройства этих госпиталей. Медицинским начальником госпиталя в Ренкиои был доктор Э. А. Паркес, с которым мисс Найтингейл завязала дружбу, продолжавшуюся до конца его жизни.

//

Состояние госпиталей к моменту прибытия мисс Найтингейл требует некоторого описания, которое, однако, не должно быть долгим. Лечение больных и раненых во время Крымской войны было предметом ведомственных расследований, отдельных комитетов и королевских комиссий, которые, закончив сидеть на госпиталях, начали сидеть друг на друге. Накопились огромные кипы "Синих книг", и в ходе своей работы я поднял на них немало пыли. Поведение каждого отдела и каждого отдельного человека было предметом бесчисленных обвинений, ответов и контробвинений. Каждое поколение, несомненно, заслуживает тех записей о недобросовестном управлении, которые ему достаются; но одно поколение не должно быть наказано необходимостью детально изучать записи другого. Некоторые детали крымской неразберихи будут обязательно выкопаны в ходе нашего повествования; но все, что нужно собрать из вышеупомянутых куч, - это три общих вывода.

Прежде всего, читатель должен помнить, что, не считая спорных моментов, было убедительно доказано, что в обслуживании больных и раненых царит грубое пренебрежение. Противоречие в показаниях легко объяснимо. На основании фактов одного госпиталя или одного времени легко было дать заключение, которое не подходило для другого. В Скутари, например, общий госпиталь с самого начала был лучше устроен, чем госпиталь в бараке. Кроме того, разные свидетели по-разному понимали, что такое "хорошо" в военных госпиталях; для некоторых хорошим было все, что угодно, если оно было не хуже, чем стандарт Пенинсульской войны. О сэре Джордже Брауне, командовавшем легкой дивизией в Крыму, говорили следующее: "Поскольку в Испании, когда ему прострелили ноги, его бросили в телегу на солому, он считает такие же средства передвижения восхитительными сейчас и ненавидит санитарные машины как изобретение лукавого".^[87] Мисс Найтингейл с негодованием язвила тех, кто, казалось, был доволен тем, что солдат в госпитале должен быть поставлен в условия "бывших войн", вместо того, чтобы понять, что с ним "следует обращаться с той степенью приличия и гуманности, которую требует улучшенное чувство девятнадцатого века". Но главная причина конфликта показаний заключалась в том, что сами факты протеста и расследования поставили всех заинтересованных чиновников в оборонительное положение. Любое предположение о неисполнении обязательств или недостатках воспринималось как личное обвинение. Любопытная иллюстрация содержится в письме, которое глава медицинского департамента армии написал своему главному врачу в связи с деятельностью комитета Роебука. "Я прошу вас снабдить меня, и немедленно" - чем? Правдой, всей правдой и ничем, кроме правды? Нет, "любой информацией, которая, по вашему мнению, может позволить мне установить характер Департамента, который, как

представляется, общественность желает доказать, что он не имеет".[88] Но несмотря на многочисленные противоречия в доказательствах, окончательный вердикт был решающим. То, что Гревилл написал в своем журнале - "счета, опубликованные в *"Таймс"*, оказались правдой", - было установлено официальным расследованием и признано министрами. Вследствие обвинительного заключения, опубликованного в *"Таймс"*, государственный секретарь направил на Восток комиссию по расследованию. Комиссия прибыла в Константинополь одновременно с мисс Найтингейл, и через четыре месяца она представила доклад герцогу Ньюкаслу.[89] Мне нет нужды беспокоить читателя многочисленными подробностями ее отчета, поскольку они были приняты и подтверждены отдельным комитетом Палаты общин несколько месяцев спустя (знаменитый "Комитет Роубука"), который лаконично заявил, что "состояние госпиталей было позорным". Корабли, которые доставляли больных и раненых из Крыма, были крайне плохо оснащены. Путешествие из Балаклавы в Скутари обычно занимало восемь дней с половиной. За первые четыре месяца войны в плавании, длившемся не дольше, чем путь из Тайнмута в Лондон, умерло 74 человека из каждой 1000 высаженных. Страдания людей усугублялись еще и условиями высадки. На непрacticный взгляд здания, использовавшиеся в качестве госпиталей в Скутари, были внушительными и удобными, и именно этим объясняются некоторые из розовых описаний, которыми на некоторое время были введены в заблуждение высокопоставленные лица. Даже главный врач на месте по наивности довольствовался побелкой в качестве подготовки барака к использованию в качестве госпиталя. На самом деле, однако, здания представляли собой очаги вредителей. Под огромными строениями "находились канализационные трубы наихудшей конструкции, наполненные грязью, просто выгребные ямы, через которые ветер гнал канализационный воздух по трубам многочисленных открытых уборных в коридоры и палаты, где лежали больные".[90] Кроме того, наблюдалась страшная скученность. В течение многих месяцев на каждого пациента приходилось по одной четвертой от того, что должно было быть. Не было и надлежащей вентиляции. "Невозможно, - сказала мисс Найтингейл Королевской комиссии 1857 года, - описать состояние атмосферы в барачном госпитале ночью. Я была хорошо знакома с жилищами худших районов большинства великих городов Европы, но никогда не была в атмосфере, которую могла бы с ней сравнить". Наконец, больничные удобства и даже многие предметы первой необходимости были в дефиците.[91] Не хватало кроватей. Не хватало самых обычных принадлежностей, как для приличия, так и для комфорта. Простыни, - говорит мисс Найтингейл, - были из холста, причем настолько грубого, что раненые умоляли оставить их в одеялах". В самом деле, невозможно было уложить в эти простыни людей в таком истощенном состоянии. Не было никакой спальной мебели, и только пустые бутылки из-под пива или вина служили подсвечниками". Необходимые хирургические и медицинские инструменты часто либо отсутствовали, либо не поступали. До прихода мисс Найтингейл не было никакого оборудования для приготовления больничных деликатесов. Результат такого положения вещей для пациентов, прибывших после тяжелого путешествия в состоянии крайней слабости и истощения, от ран, от обморожения, от дизентерии, можно себе представить, и неудивительно, что холера и тиф были распространены. В феврале 1855 года смертность в процентах от всех случаев лечения составила сорок два. Не нужно слов, чтобы подчеркнуть столь ужасную цифру.

Мистер Герберт не стал дожидаться отчетов комиссий и комитетов, чтобы прийти к выводу, что дела обстоят не так: "Я уже некоторое время, - говорит Герберт.

"В течение некоторого времени, - писал он 14 декабря 1854 года коменданту в Скутари, - я был очень обеспокоен и очень недоволен состоянием госпиталя. Я полагаю, что медики приложили все усилия, и я слышал, что вы были неутомимы в ведении непосредственных дел

вашего департамента. Но очевидно, что между департаментами не было сотрудничества, а страх перед ответственностью или робость проистекали из совершенно неверного представления о желаниях правительства. Дома не жалеют средств, посылают огромные запасы, но они не поступают. Некоторые находятся в Варне, и по какой-то необъяснимой причине их не доставляют в Скутари. Когда магазины находятся в госпитале, они не выдаются без бланков, настолько громоздких, что задержка делает их выдачу бесполезной. Персонал поставщика, как говорят, недостаточен. Штат комиссариата, говорят, недостаточен, ваш собственный штат, говорят, недостаточен" и т. д.

Таким образом, по признанию и официальному приговору, в Скутари были допущены нарушения, которые срочно требовали исправления. Это первый общий вывод, который необходимо запомнить в отношении работы мисс Найтингейл.

К каким людям относился позор "позорного положения вещей", мы, к счастью, не будем здесь выяснять. Но поскольку я привлек мистера Сидни Герберта в качестве свидетеля факта позора, я должен добавить свое убеждение в том, что его собственное участие в этом деле было полностью благотворным. Некоторое исследование документов дает мне право, пожалуй, выразить полное согласие с замечанием мистера Кинглейка о том, "что могло бы быть, если бы правительство, вместо того чтобы назначить комиссию *по расследованию* 23 октября, поручило бы мистеру Сиднею Герберту отправиться на месяц на Босфор и там *продиктовать* немедленные действия". Дома мистер Герберт был хорошим человеком, борющимся с трудностями. Дело в том, что, несмотря на явную вину некоторых людей, в действительности виноваты были все или никто. Это было виной порочной системы, или, скорее, пороком было то, что системы не было вообще, никакой координации, а только разделение ответственности. Только что процитированные замечания мистера Герберта указывают на это зло, и на каждой странице "Синих книг" оно крупно написано. Существовало по меньшей мере восемь органов власти, работавших независимо друг от друга, сотрудничество которых было необходимо, чтобы добиться чего-то хорошего. Был государственный секретарь; было Военное министерство (под началом военного *секретаря*); были Конная гвардия, Орднанс, Управление продовольствия, Транспортное управление, Медицинский департамент армии и Казначейство. Генеральный директор Медицинского департамента в Лондоне заявил Комитету Роебука, что он подчиняется пяти различным хозяевам - главнокомандующему, государственному секретарю, *военному* секретарю, генерал-мастеру снарядов и Совету по снарядам. Государственный секретарь заявил, что он не давал никаких указаний относительно госпиталей; он оставил это на усмотрение Медицинского совета. Но Генеральный директор медицинской службы сказал, что с его стороны было бы дерзостью делать первый шаг.^[92] Если бы я писал историю Крымской войны или правительственных учреждений, необходимо было бы принять во внимание и другие фундаментальные причины позорного положения дел в госпиталях - в частности, неправильно рассчитанный план военной кампании; но я пишу только о жизни мисс Найтингейл, и все, что в этой главе читатель должен иметь в виду, это следующее: Корнем зла, с которым пришлось бороться, было разделение ответственности и нежелание брать ее на себя.

Третий вывод официальных расследований, который я хочу подчеркнуть, содержится в отрывке из отчета Комитета Роебука, который предваряет упоминание о миссии мисс Найтингейл: "Ваш комитет в заключение не может не отметить, что первые реальные улучшения в плачевном состоянии больниц в Скутари должны быть приписаны частным предложениям, частным усилиям и частной доброжелательности".

Итак, мы видим, что в Скутари существовали позорные беды, требующие исправления, и что для их исправления нужна была смелая инициатива. Это было то, что мисс Найтингейл поставляется. Народная молва думала о ней только или в основном как о нежной медсестре. Такой она и была; и ее самоотверженности в применении женской проницательности в новой сфере должна быть приписана часть ее славы. Но когда люди, знавшие все факты, говорили о ее "полководческом гении", [93] они думали скорее о ее работе в качестве администратора. "Они едва ли могли осознать, не видя этого лично, - сказал мистер Стаффорд в Палате общин, - искреннюю благодарность солдат или количество страданий, которые были облегчены" мисс Найтингейл и ее медсестры; и, добавил он, "невозможно отдать справедливость не только доброте сердца, но и умным суждениям, готовым интеллектом и опытом, продемонстрированным выдающейся леди, на которую была возложена эта трудная миссия". Именно эти качества позволили ей реформировать или стать вдохновителем и инициатором реформ в британской системе военных госпиталей. Она начала свою работу там, где это было ей сразу на руку, - в казарменном госпитале в Скутари. Она выполняла эту работу тремя способами. Она приложила руку эксперта и женскую проницательность к госпиталю, которым до сих пор управляли исключительно мужчины. Она смело брала на себя ответственность и сама делала то, что не мог сделать никто другой. И, в-третьих, она была мгновенна и настойчива в предложениях, увещеваниях, упреках, обращенных к властям дома. Невозможно полностью разделить эти три ветви нашего предмета, но в основном они станут темами следующих трех глав.

ГЛАВА IV

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Напишите, что, когда гордость человеческого мастерства
Рухнула под тяжестью забот,
И люди молили о сильной воле,
Какой-то разум среди дикого отчаяния.
Любящее сердце Женщины восстало
Чтобы направить руку и прояснить взгляд,
Дало надежду среди сурового горя,
И спасло то, что мужчина оставил умирать.

R. M. M.: "Памятник для Скутари", "Таймс", 10 сентября 1855 г.
Times, Sept. 10, 1855.

Мисс Найтингейл прибыла в Скутари, как мы уже видели, 4 ноября и сразу же приступила к тяжелой работе по уходу за больными. Битва при Балаклаве состоялась 25 октября, а на следующий день после ее прибытия - битва при Инкермане.

"Мисс Н. очень хорошо принята", - докладывал мистер Брейсбридж мистеру Герберту (8 ноября). Через несколько дней командующий войсками в письме от 13 ноября 1854 года "До Севастополя" сердечно приветствовал ее, выразив ей "признательность за то, что она так милосердно посвятила себя тем, кто страдает на службе своей стране, невзирая на болезненные сцены, свидетелем которых вам, возможно, придется стать". С некоторыми

военными офицерами у нее возникли трудности; от командующего она не получила ничего, кроме вежливости, сочувствия и поддержки.

"Мисс Найтингейл не может не вспоминать, - писала она после войны, - с глубокой благодарностью и уважением, письма поддержки и ободрения, которые она получала от покойного лорда Раглана, который неизменно признавал все, что было предпринято, [182] на благо своих людей, с глубочайшим чувством, а также с высокой вежливостью и истинной мужественностью своего характера. Ни один оттенок мелкой ревности к тем, кому было поручено какое-либо дело, государственное или частное, связанное с армией под его командованием, никогда не мешал его великодушной доброжелательности".[94]

Поведение некоторых (но не всех) офицеров и людей, которые переняли их манеры от офицеров, поначалу было разным. Иногда проявлялась плохо скрываемая ревность и, как следствие, угрюмость. Внешне все было вежливо, но на пути "Птички", как некоторые называли ее за спиной, вставляли трудности, и ей приходилось выкручиваться самой, когда небольшая помощь могла бы облегчить ношу. "Это долг Птички", - говорили они. Однако мисс Найтингейл прекрасно держала себя в руках. "Она всегда была спокойной и самообладающей, - говорит одна из римско-католических сестер, - она была идеальной леди во всем - никогда не властной. Я никогда не слышала, чтобы она повышала голос".

На большинство прибывших на место медиков она сразу же произвела хорошее впечатление, потому что показала себя эффективной и полезной. Она приложила руку к специалисту. Но были врачи и врачи. Одни приветствовали ее и ее персонал и использовали их по максимуму. Другие возмущались их присутствием и создавали препятствия на их пути. В одном отделении младшим медицинским работникам начальство посоветовало как можно меньше общаться с мисс Найтингейл. Она проявила образцовое терпение при таком противодействии и постепенно завоевала доверие большинства врачей.[95] "Мисс Найтингейл велела нам, - рассказывает один из ее сотрудников, - обслуживать пациентов только в палатах тех хирургов, которые пожелают воспользоваться нашими услугами, и она поручила нам никогда ничего не делать для пациентов без разрешения врачей".[96]

"Количество медсестер, принятых в каждое отделение больницы, зависело, - объясняла сама мисс Найтингейл, - от медицинского работника этого отделения, который иногда принимал их, иногда отказывал им, иногда принимал их после отказа; в то время как обязанности, которые им было разрешено выполнять, варьировались в зависимости от воли каждого отдельного медицинского работника".[97] То, что такое неопределенное положение вещей постоянно требовало от леди-суперинтенданта такта и дипломатии, а зачастую и суровой сдержанности, легко понять.

По первому прибытию мисс Найтингейл и ее персонала, раненые стали быстро прибывать, и медсестрам было велено заняться самыми тяжелыми хирургическими случаями: - "Утешьтесь", - писал мистер Смит.

"Утешайте себя, - писал мистер Брейсбридж ее родителям (20 ноября), - то, что сделала и делает добрая Фло, бесценно, и так считают медики: чистота ран, которые были ужасно грязными, общий порядок и расположение. Они не испытывают к ней и половины той ревности, которую я ожидал".

"Что касается мисс Найтингейл и ее компаньонов, - писал мистер Осборн мистеру Герберту (15 ноября), - то ничего нельзя сказать слишком сильного в их похвалу; она работает с ними замечательно, и они настолько полезны, что я без колебаний могу сказать, что еще 20 таких же были бы очень большим благословением для учреждения. Ее нервы не уступают здравому смыслу; вчера она вместе с одной из медсестер и мной оказала эффективную помощь при

ампутации бедра. Она была так же хладнокровна, как если бы ей пришлось делать это самой".[98]

Письмо самой мисс Найтингейл своему другу с Харли-стрит, доктору Боуману, хирургу-офтальмологу, дает живой рассказ о некоторых ее трудностях и яркую картину ужасов, среди которых проходила ее работа (14 ноября):-...

"Я приехала, мэм, готовая ко всему, готовая к тому, что мне придется подчиниться, что меня будут всячески помыкать. Но есть вещи, мэм, с которыми нельзя смириться. Есть капюшоны, мэм, которые подходят одному лицу, и есть те, которые подходят другому. И если бы я знала, мэм, о чепчиках, как бы велико ни было мое желание поехать поработать медсестрой в Скутари, я бы не поехала, мэм" - Речь миссис Лоуфилд. - Время должно быть в дефиците у человека, который может выровнять баланс в таком важном вопросе, как вышеупомянутый, а у меня его нет: как вы легко догадаетесь, когда я скажу вам, что в прошлый четверг у нас было 1715 больных и раненых в этом госпитале (среди них 120 больных холерой), и 650 тяжелораненых в другом здании, называемом Генеральным госпиталем, которым мы также заведует, когда мне пришло сообщение подготовить 510 раненых [184] на нашей стороне госпиталя, прибывших после ужасного дела 5 ноября из Балаклавы, в котором сражение было 1763 раненых и 442 убитых, кроме 96 офицеров раненых и 38 убитых. Я всегда ожидала, что закончу свои дни в качестве матроны госпиталя, но никогда не ожидала, что стану хозяйкой барака. У нас было всего полчаса до того, как начали высаживать раненых. Между часом и девятью часами мы набили матрасы, зашили их, уложили - увы! только на подстилки на полу - мужчин, вымыли и уложили в постель, и перевязали все их раны. Жаль, что у меня нет времени. Я бы написал вам письмо, дорогое сердцу хирурга. Я так же хорош, как *"Медицинские времена"*! Но вы, джентльмены из Англии, сидящие дома и испытывающие заслуженное удовлетворение от успешно проведенных операций, не можете себе представить, читая газеты, какой ужас и страдание (в военном госпитале) испытывают эти умирающие, измученные люди. Лондонский госпиталь для него - это сад цветов.

У нас было такое море в Босфоре, и турки, те самые люди, за которых мы сражаемся, так жестоко выносят наших раненых, что они прибывают в состоянии агонии. Один ампутированный обрубок умер через 2 часа после того, как мы его приняли, один сложный перелом, когда мы укладывали его в постель - всего двадцать четыре случая смерти в день высадки. Дизентерийные больные умирали в пропорции один к двум. Затем наступил день операций, за которым следует.....

Нам очень повезло с руководителями медицинских служб. Двое из них - грубияны, а четверо - ангелы, ибо это работа, которая делает из мужчин и женщин либо ангелов, либо дьяволов. Что касается ассистентов, то все они - детеныши, и, пока человек до последнего вздоха ложится под нож, они будут сетовать на то, что их "отрывают от ужина из-за такого наплыва раненых"! Но нелюбезные детеныши вырастают в старых добрых медведей, хотя я и не знаю, как это происходит; несомненно, старые медведи хороши. Сейчас у нас *четыре мили* кроватей, и они не расположены на расстоянии восемнадцати дюймов друг от друга.

Наши покои находятся в одной башне барака, а весь этот приток свежих людей разместился между нами и главной стражей в двух коридорах, по обеим сторонам которых стоят койки, между которыми может пройти только один человек, и четыре палаты. И все же посреди этого ужаса (мы по уши в крови) есть и хорошее, и я, подобно святому Петру, могу сказать: "Хорошо, что мы здесь", хотя сомневаюсь, что, будь здесь святой Петр, он бы так сказал. В ту первую ночь, когда я обходил раненых, не было ни единого шороха, ни единого стоны,

царила строжайшая дисциплина, абсолютная тишина и спокойствие, только шаги часовых, и я слышал, как один человек сказал: "Мне снились мои друзья дома", а другой сказал: "Я думал о них". Эти [185] бедняги переносят боль и увечья с непоколебимым героизмом, который действительно можно назвать сверхчеловеческим, и умирают, или их режут, не жалуясь.

Раненые теперь лежат у самой нашей двери, и мы высаживаем еще 540 десантов из *Анд*. Я получаю в армии звание бригадного генерала, потому что 40 англичанок, которые со мной, труднее управлять, чем 4000 мужчин. Пусть сюда не приходит ни одна дама, не привыкшая к усталости и лишениям.... Каждые десять минут прибегает санитар, и мы должны идти и забинтовывать рану, пока не пришлют хирурга, и останавливать кровотечение так хорошо, как только можем. Во всем нашем коридоре, я думаю, в среднем не более трех конечностей на человека. И еще два корабля "грузятся" в Крыму ранеными - (это наша фразеология). Затем идут операции, и список их меланхолический, но не обнадеживающий. Все они проводятся в палатах - нет времени их перемещать; одному бедняге, измученному кровотечением, в качестве последней надежды ампутируют ногу, и он умирает через десять минут после того, как хирург покидает его. Почти прежде чем дыхание покидает его тело, его зашивают в одеяло, уносят и хоронят в тот же день. У нас нет места для трупов в палатах. Хирурги переходят к следующей операции - иссечению плечевого сустава, прекрасно выполненной и идущей хорошо. Шарик застрял прямо в головке сустава, а перелом звездообразный по всей окружности. У следующего бедняги две культы на руках, а еще один лишился руки и ноги. Что касается мячей, то они попадают куда хотят, вылетают откуда хотят и наносят столько вреда, сколько могут нанести. Это единственное правило, которое у них есть.....

Я уже начинаю придираюсь к ампутациям, потому что когда один бедняга, которому завтра будут делать ампутацию, видит, как его товарищ сегодня умирает под ножом, это производит впечатление и уменьшает его шансы. Но как бы то ни было, среди этих истощенных фреймов смертность от операций просто ужасающая. У нас есть эризипелас, лихорадка и гангрена, и русские раненые - самые худшие.

Но во многом мы справляемся. Они были так рады нас видеть. Старший капеллан - здравомыслящий человек, а это замечательное провидение.... Если вы когда-нибудь увидите мистера Уитфилда, домашнего аптекаря больницы Святого Томаса, скажите ему, что медсестра, которую он мне прислал, миссис Робертс, на вес золота.... Миссис Дрейк - просто сокровище. Четверо остальных не в состоянии позаботиться о себе, но со временем они могут стать лучше, если я смогу убедить их в абсолютной необходимости дисциплины. Мы слышали, что 8-го числа было еще одно сражение, и было еще больше раненых, которые спускаются к нам. Это только начало.

У старшего капеллана хватило ума, помимо всего прочего, оценить мисс Найтингейл. "Капеллан говорит, - писал мистер Найтингейл своему другу (12 декабря), - "Мисс Найтингейл - восхитительная личность; никто из нас не может в достаточной степени восхищаться ею. Идеальная леди, она покоряет и управляет всеми, самый суровый чиновник тает перед ее мягким голосом, и все, кажется, рады выполнить ее приказ".

Флоренс Найтингейл обладала этой "прекрасной чертой в женщине": Леди Лавлейс в уже цитированном стихотворении говорит о "мягком, серебристом голосе" своей подруги; но он мог не только очаровывать, но и повелевать, если только это было не очарование, которое повелевало. "Она целыми днями ругает сержантов и санитаров, - писал мистер Брейсбридж ее родителям (20 ноября), - вы бы удивились, увидев, какой свирепой она стала". Это было

написано, конечно, в шутку, но в ее голосе всегда звучала нотка спокойного авторитета. Один крымский ветеран вспоминал, как она проходила мимо его кровати с врачами, которые говорили: "Этого нельзя сделать", а она спокойно отвечала: "Это нужно сделать". "Мне кажется, я слышал, как она это говорила", - пишет один из тех, кто хорошо ее знал; "казалось, что ее спокойная убедительная манера не может быть обжалована".

Что касается медсестер, мисс Найтингейл, как можно понять из письма доктору Боуману, находила их довольно трудной командой, и этот факт следует помнить при рассмотрении эпизода, о котором сейчас пойдет речь (II.). Ей пришлось сразу же отправить одну медсестру обратно в Англию, заполнив вакансию немецкой сестрой из колонии Кайзерсверт в Константинополе. Из шести сестер, предоставленных Домом Святого Иоанна, "четыре, увы! вскоре вернулись из Скутари, не будучи готовыми принять дисциплину и лишения тамошней жизни".[99] Мы не должны быть слишком терпеливы к миссис Лоуфилд (из которой получилась отличная медсестра) за ее возражения против шапочки. Униформа, придуманная на скорую руку, кажется, была гораздо менее подходящей, чем униформа "штабной медсестры нового стиля" с ее "серебристо-серым платьем, яркой стальной цепочкой и элегантным шиньоном".[100] Медсестры Найтингейл на Востоке носили "серые твидовые обмотки, камвольные куртки, чепчики и короткие шерстяные плащи, а также ужасный шарф из коричневого голланда, вышитый красным цветом со словами "Больница Скутари"".[101] Так описывает светские костюмы одна из римско-католических сестер, не без некоторого сожаления вспоминая о своем собственном религиозном одеянии. Но короткий плащ не следует так пренебрежительно отвергать. "Красная форменная накидка, которую носят дамы Императорской военной сестринской службы королевы Александры, создана по образцу той, которую Флоренс Найтингейл первоначально ввела для медсестер, которых она взяла с собой в Скутари. Поэтому эту накидку можно рассматривать как памятник великой основательнице военного сестринского дела".[102] Что касается "страшного шарфа", то подобный отличительный знак был весьма необходимой мерой предосторожности в условиях грубого и неуклюжего военного склада и его обитателей. На улице к одной из медсестер подошел неопытный новичок. "Оставь ее в покое, - сказал его товарищ, - разве ты не видишь, что она одна из женщин мисс Найтингейл?" В лагере их одежда пользовалась уважением, но мисс Найтингейл пришлось уволить двух или трех за легкомысленное поведение. По прибытии в Скутари она разместила десять человек в общем госпитале и двадцать восемь - в госпитале бараков, и ни в одном из них ей нелегко было поддерживать дисциплину. Время от времени она переводила медсестер, отправляя лучших в другие госпитали, держа под своим присмотром менее надежных, а некоторых, не желавших оставаться или признанных некомпетентными, отправляла домой по мере прибытия новых рекрутов. Из тридцати восьми человек первой партии, по ее мнению, не более шестнадцати были действительно эффективны, в то время как пять или шесть принадлежали к классу превосходных сами по себе.

Трудности, включая большой вопрос одежды, с которыми мисс Найтингейл столкнулась со своим персоналом, достаточно ясно видны в "Правилах и положениях для медсестер, прикрепленных к военным госпиталям на Востоке", которые мисс Найтингейл впоследствии отправила домой мистеру Герберту, который напечатал их и вручил каждому кандидату на должность медсестры. "Поскольку было заявлено, - говорится в преамбуле, - что медсестры, отправившиеся в госпитали на Востоке, в некоторых случаях жаловались на трудности и правила, к которым они не были заранее подготовлены, и на то, что им приходится выполнять работу, отличную от той, которую они ожидали, было сочтено желательным четко изложить правила, касающиеся экипировки, одежды, обязанностей и положения медсестер в военных госпиталях". Медсестры, говорится далее, "обязаны всегда появляться в установленной

форме одежды со значком и никогда не носить цветов в чепцах или лент, кроме тех, что предусмотрены для них или разрешены начальником". Другое правило определяет точное количество спиртного, которое разрешается медсестре; третье гласит, что "ни одной медсестре не разрешается выходить из дома иначе как с экономкой или в компании не менее трех медсестер вместе, и никогда без предварительно полученного разрешения". Весь этот кодекс показывает необходимость, которую мисс Найтингейл осознала для обеспечения строгой дисциплины.^[103] И даже с этими новыми правилами, поддерживающими ее, она все еще находила дисциплину труднодостижимой. В своих официальных письмах в военное министерство она жалуется на то, что ей присылали неподходящих рекрутов, и что большинство из них были "совершенно недисциплинированными".

//

В декабре 1854 года мисс Найтингейл была поражена, получив сообщение о том, что партия из сорока семи медсестер под присмотром ее подруги, мисс Мэри Стэнли, направляется к ней. Она выразила протест и пригрозила уйти в отставку: - "Вы пожертвовали собой.

"Вы принесли в жертву дело, столь близкое моему сердцу, - писала она мистеру Сиднею Герберту (15 декабря), - вы принесли в жертву меня, что сейчас не имеет особого значения; вы принесли свое собственное письменное слово в жертву народному крику. Вы должны чувствовать, что я должна уйти в отставку, когда мне навязывают условия, делающие недостижимой цель, ради которой я работаю, и я остаюсь на своем посту только до тех пор, пока не обеспечу в какой-то мере этих бедных скитальцев".

Мистер Герберт ответил, как утверждает его биограф, в выражениях вежливости и доброты, и без малейшего следа горечи, которую резкость мисс Найтингейл могла бы вызвать у человека с меньшим умонстроением. Есть письмо к миссис Брейсбридж (27 декабря), в котором миссис Герберт говорит: "У меня сердце болит за медсестер, но я уверяю вас, если вы отправите их всех домой без испытания, вы потеряете несколько действительно ценных женщин". Министр уполномочил мисс Найтингейл, если она сочтет нужным, вернуть в Англию группу мисс Стэнли за свой личный счет. Ее здравый смысл вскоре показал ей, что такой ход был бы, как она написала, "моральная невозможность"; и в конце концов она сделала лучшее, что она могла из того, что она считала плохой работы к большому преимуществу, как это оказалось, раненых солдат, хотя и с большим увеличением ее собственной ответственности и трудности.

В некоторых кругах^[104] много говорилось об этом эпизоде, и здесь будет нелишним четко объяснить позицию мисс Найтингейл, поскольку этот случай бросает сильный свет на трудности ее задачи. Прежде всего, необходимо знать, что мистер Герберт четко заявил, что подбор медсестер должен быть исключительно в руках мисс Найтингейл. Это подразумевается в его официальных инструкциях (стр. 156), и это было подчеркнуто в письме "к корреспонденту", которое он распорядился поместить в газетах от 24 октября. Уже был поднят крик о необходимости отправки большего числа медсестер, и добровольцы наперебой требовали зачисления в армию. После этого мистер Герберт написал: "Военное министерство, 21 октября [1854 г.].

Военное министерство, 21 октября [1854 г.].... Обязанности госпитальной медсестры, если они выполняются должным образом, требуют большого мастерства, а также силы и мужества, особенно если речь идет о хирургических случаях, а большинство из них - от огнестрельных ранений. Люди, не имеющие опыта или навыков в таких делах, не принесут никакой пользы; а в моменты сильного напряжения, как, например, в военном госпитале,

любой человек, который не приносит пользы, является помехой. Многие дамы, чей щедрый энтузиазм побуждает их предложить свои услуги в качестве медсестер, мало представляют себе трудности, с которыми им придется столкнуться, и [190] ужасы, свидетелями которых им придется стать и которые испытают самые крепкие нервы. Если бы все согласилось, боюсь, у нас было бы не только много неэффективных медсестер, но и много истеричных пациентов, которые сами требуют лечения, вместо того чтобы помогать другим.....

Никакие дополнительные медсестры не будут отправлены мисс Найтингейл, пока она не напишет домой из Скутари и не сообщит, насколько успешны ее труды, и какое количество и описание людей, если таковые имеются, ей требуется в дополнение.... Никто не может быть отправлен, пока мы не получим от мисс Найтингейл информацию о том, что они требуются.

Мисс Найтингейл вообще не писала домой в этом смысле, но мистер Герберт посылал медсестер. Именно это она имела в виду, когда говорила, что он "пожертвовал своим собственным письменным словом". "Если бы я имела огромную глупость, - писала она мистеру Герберту (15 декабря), - в конце одиннадцатидневного опыта потребовать больше женщин, разве не казалось бы, что вы, как государственный деятель, должны были бы сказать: "Подождите, пока вы сможете лучше видеть свой путь". Но я не обращалась с такой просьбой". Она была экспертом и не хотела, чтобы ее наводнили дилетанты. Кроме того, все в Скутари знали, как она писала, условия письма мистера Герберта в газеты, а медики знали, что она не просила больше ни о каких медсестрах. И все же была послана новая партия, и, чтобы сделать посягательство на ее владения еще более заметным, мисс Стэнли получила инструкции и отчитывалась не перед суперинтендантом медсестер, а перед другими чиновниками. Мисс Найтингейл чувствовала, что ее авторитет попирается, ее положение подрывается. Но личные соображения не были причиной ее недовольства. Это не было делом рук "нахала", как думали некоторые люди в Англии. Мистер Герберт и она затеяли новый эксперимент. Он был полон трудностей, и единственный шанс на успех заключался в сохранении безраздельной ответственности и четко установленного авторитета. Мисс Найтингейл не могла спокойно принять новую ситуацию, не жертвуя при этом ключевым положением. Если бы она согласилась, то признала бы, что мистер Герберт отныне может посылать медсестер, не посоветовавшись с ней, и не отдавая им четких распоряжений. Она отдала бы себя на милость любого благонамеренного человека в Англии, считающего, что тот или иной человек может быть полезен для нее. Ее суждения перестали бы быть решающим фактором; но за любую путаницу или неудачу, которая могла бы последовать, она должна была бы нести ответственность. Мистер Герберт, несомненно, считал, что эксперимент уже увенчался большим успехом, что, собственно, и произошло, и ему не терпелось расширить его масштабы. Он небезосновательно полагал, что с увеличением числа раненых следует увеличить и число женщин-медсестер. Замечание мистера Осборна, процитированное выше (стр. 183), должно было утвердить его в этом мнении. Но для мисс Найтингейл на месте дело имело совсем другой аспект. Мы должны помнить о тяжелом психическом напряжении ее положения; высокое давление работы и эмоций, в котором она жила, все выше для одного из ее чрезвычайно чувствительной совести; постоянный провал (для ее критического ума) попытки исправить жестокие злоупотребления; опасность реального, признанного провала всегда присутствует. В таком положении прибытие новой партии медсестер, неожиданное и непрошеное, должно было показаться ей крушением всех ее планов, разрушением стандарта сестринского дела, который она с таким трудом создавала, самой серьезной опасностью для эксперимента, все еще находящегося на стадии испытания и постоянно подвергающегося враждебной критике.

Непосредственные и практические трудности также были велики. В больницах Скутари не было места для размещения дополнительного женского медперсонала. "46, - писал мистер Брейсбридж мистеру Смит (18 декабря), - обрушились на нас, как туча саранчи. Где их разместить, накормить, разместить - трудно; как за ними ухаживать - не представляю". Главный врач категорически отказался принимать еще кого-то, а сама мисс Найтингейл чувствовала, что не сможет больше справляться с ними:-...

"Я трудилась, - писала она (15 декабря), - чтобы войти в доверие к медикам. Неусыпной бдительностью днем и ночью я ввела нечто похожее на систему в беспорядочные действия этих женщин. И можно сказать, что этот план в какой-то мере удался, *так как он стоит....* Но чтобы женщины целыми днями слонялись по палатам военного госпиталя, что они и будут делать, если их количество ослабит дисциплину и увеличит их досуг, было бы столь же неправильно, сколь и абсурдно".

Было и еще одно возражение. Значительное количество второй партии были римскими католиками, и сама мисс Стэнли (как хорошо знала мисс Найтингейл) была на грани присоединения к римскому причастию. Насколько этот фактор в данном случае усилил силу возражений мисс Найтингейл, мы узнаем в одной из последующих глав. Мистер Герберт полагал, что дополнительные медсестры будут желанны для нее, потому что они пришли под эскортом друга. Но мисс Найтингейл так сильно переживала по этому поводу, что участие мисс Стэнли в этом деле раздражало еще больше. Она чувствовала, что ее ранили именно в доме ее друзей. Их личные отношения еще больше испортились из-за случая с медсестрой, которую мисс Найтингейл (с согласия других властей) сочла необходимым уволить, но которую мисс Стэнли считала плохо используемой. Дружба мисс Найтингейл с мистером и миссис Герберт ничуть не пострадала. Они признали себя неправыми, и поэтому она была глубоко тронута, как она писала, их добротой и щедростью. Но между ней и мисс Стэнли разрыв так и не был заглажен. Их дальнейшая жизнь пошла в разные стороны, и они больше не встречались.

Обида мисс Найтингейл была совершенно оправдана. Ее напоминания мистеру Герберту были необходимы. Его благонамеренные действия были рассчитаны на подрыв ее авторитет, и усугубить ее трудности, и, в обоих этих способов, чтобы поставить под угрозу успех их совместного эксперимента. Возможно, ее поведение в условиях разразившегося кризиса было неудачным по отношению к подчиненным. Мисс Стэнли сопровождали доктор Мейер, врач, и мистер Джослин Перси, который, как писала миссис Герберт миссис Брейсбридж, был предан мисс Найтингейл, "сказав, что он будет ее лакеем и т. д.". [105] "Мы выбрали, - плаксиво добавила миссис Герберт, - двух мужчин в Англии, которые, как мы думали, помогут Фло больше всего", и они вернулись грустные и уязвленные своим холодным приемом. Мисс Найтингейл, действуя по совету, который она получила на месте, попросила их подписать записи их разговора с ней; [106] это вызвало с ними, и мистер Перси сделал обиду на это в Англии. Миссис Герберт, сообщая обо всем этом миссис Брейсбридж (7 января 1855 года), высказала последнее соображение: "Возможно, нам полезно напоминание о том, что Фло *все еще смертная*, в чем мы уже начали сомневаться". Смертные должны решать проблемы, как можно лучше, в тот момент, и те, кто находится на расстоянии, вряд ли достаточно учитывали трудности, с которыми внезапно столкнулась мисс Найтингейл, опасность, с которой была связана отправка мистера Герберта с непрошеным подкреплением, и, следовательно, важность, которую она придавала тому, чтобы все условия были определены черным по белому.

Однако ее практический гений и здравый смысл быстро одержали победу над трудностями дела. По согласованию с медицинскими властями, число женщин-медсестер в Скутари было увеличено до 50, и мисс Найтингейл избавилась от некоторых из своих прежних сотрудников в пользу новых. Другие были направлены в госпитали в Балаклаве (стр. 254), третьи - в Кулали (стр. 174). Мисс Стэнли, чье намерение было вернуться в Англию, как только она положила свою партию, оставался в течение нескольких месяцев в ведении в последнем месте, не управляя медсестринской службой в полном соответствии с идеями мисс Nightingale,^[107] но оказание помощи пострадавшим, о которых ее брат, декан, оставил нам так очаровательны и сочувствие мемориал.^[108]

В конце концов, затем, масштабы эксперимента мисс Найтингейл была значительно расширена; и более глубокое значение этого эпизода следует найти в акцент, который он бросает на новизну и трудности предприятия мисс Найтингейл. В наши дни медсестры, обученные и одетые в особую форму, настолько вошли в повседневную жизнь, женщины-медсестры, служащие в Красном Кресте, настолько стали обычным явлением на войне, а территориальные медсестры, нарядно одетые, настолько привычны для вспомогательных сил, что требуется некоторое усилие воображения, чтобы представить себе условия, существовавшие шестьдесят лет назад. Мы помним, что в Южноафриканской войне было задействовано около 800 женщин-медсестер, и можем с улыбкой отнестись к вопросу о 20 и 40, или 40 и 90 для Крыма. Но именно мисс Найтингейл показала путь, а путь первопроходца нелегок. Никто из тех, кто читает этот том, не заподозрит ее в робости и не подумает, что ей не хватает уверенности в себе; однако она настолько осознавала трудности, что в данном случае недооценила свои силы и стремилась удержать эксперимент в гораздо более узких рамках, чем предполагалось. Ее первоначальная идея состояла в том, чтобы ограничить число женщин-медсестер 20, но в разные годы после приезда мисс Стэнли она посылала домой за дополнительными медсестрами, и к концу войны под ее контролем оказалось 125 человек.

///

Нежелание мисс Найтингейл взять на себя руководство дополнительными медсестрами станет более понятным, когда мы перейдем к многообразным обязанностям, которые обстоятельства заставили ее освободиться.

"Понимая, - писала она лорду Стратфорду де Редклиффу (7 ноября), - что ваше превосходительство имеет право привлекать правительство для нужд больных и раненых, я прошу сообщить, что в настоящее время в госпиталях ощущается большой недостаток белья, пока не поступят правительственные запасы и не будут выделены для них. Сто пар простыней и 200 рубашек могут быть использованы для этой временной цели и никогда не будут *лишними*. Также несколько американских печей, на которых мы могли бы готовить деликатную пищу для самых тяжелых больных, которых необходимо кормить каждые два-три часа, что, конечно, невозможно для медицинских работников и санитаров; следствием этого неизбежно является большое количество смертей."

Это предложение послу, сделанное на третий день после прибытия мисс Найтингейл, позволяет выделить два основных направления, в которых она применила женскую проницательность к положению дел в Скутари. Эффективный уход за больными требует, как она хорошо знала, чистоты и деликатно приготовленной пищи. Она с присущей ей энергией взялась за обеспечение этих потребностей. Она не нашла "ни тазика, ни полотенца, ни кусочка мыла, ни веника" и тут же заказала 300 щеток для чистки. "Первые улучшения произошли, - говорит мистер Макдональд, - после прибытия мисс Найтингейл - большая

чистота и больший порядок. Помню, одним из первых, о чем она попросила меня, были 200 жестких скребков и мешковина для мытья полов, для чего в то время не существовало никаких средств".[109] Мисс Найтингейл предвидела, что мытье будет одной из первых необходимых вещей. Во время плавания, когда корабль приближался к Константинополю, один из участников подошел к ней и серьезно сказал: "О, мисс Найтингейл, когда мы высадимся на берег, не допускайте никаких бюрократических проволочек, давайте сразу приступим к уходу за беднягами!" "Самые сильные будут нужны в умывальнике", - был ответ. До приезда мисс Найтингейл количество рубашек, выстиранных за месяц, составляло шесть.[110] До ее приезда генеральный поставщик заключал контракты на стирку постельного белья в больнице и белья пациентов. Однако одновременно с прибытием раненых из Инкермана выяснилось, что подрядчик нарушил вторую часть своего контракта. И даже в том, что касается первой части, постельное белье, как обнаружила мисс Найтингейл, стиралось в холодной воде. Она настаивала на горячей, тем более что, как сообщили уполномоченные герцога Ньюкасла, многие вещи, присланные из стирки как чистые, пришлось уничтожить, поскольку на самом деле они были заражены паразитами. В связи с этим мисс Найтингейл сняла турецкий дом, поставила в нем котлы от инженерного ведомства, наняла солдатских жен для стирки и таким образом обеспечила больным и раненым комфорт чистого белья. Все это было оплачено частично из ее личных средств, а частично - из фонда "*Таймс*".

Но еще важнее, пожалуй, для комфорта и выздоровления больных были "дополнительные диетические кухни" мисс Найтингейл. Приехав в больницу барака, она обнаружила, что вся готовка осуществляется в тринадцати больших котлах, расположенных в одном конце огромного здания. Кровати пациентов простирались на расстояние от трех до четырех миль (включая, разумеется, палаты и коридоры); чтобы подать обычный обед, требовалось три или четыре часа, и не было никаких возможностей для приготовления деликатесов в промежутках. В течение десяти дней после своего прибытия мисс Найтингейл исправила этот недостаток. Она открыла две "дополнительные диетические кухни" в разных частях здания, а на одной из лестниц установила три дополнительных котла для приготовления манной крупы и тому подобного. Как более подробно объясняется ниже (с. 201), ничего не поставлялось, кроме как в соответствии с медицинскими предписаниями; и она удовлетворяла запросы врачей из своих частных магазинов только тогда, когда государственные магазины не справлялись. "Очевидно, - объясняет она, - что мисс Найтингейл могла бы оградить себя от тяжелой ответственности, придерживаясь и заручившись поддержкой медицинских работников, в соответствии со строгими прецедентами Правил военного госпиталя, согласно которым материалы для дополнительных диет должны были присылаться ей поставщиком без заявок, точно так же, как это практикуется в случае обычных диет; Но она чувствовала, что, поступая таким образом, она чаще всего нарушала бы цель, ради которой была послана, поскольку в большинстве случаев поставщик либо не поставлял, либо поставлял очень низкого качества требуемые материалы".[111] Можно с уверенностью сказать, что многие жизни были спасены благодаря применению мисс Найтингейл заботы хорошей домохозяйки на кухне больниц. Глаз женщины не мог не различать кости, хрящи и мясо в мужском обеде, и она хотела, чтобы мясо, выдаваемое из магазинов, было без костей, чтобы один пациент не получал одни кости, другой - хрящи, а третий - мясо. Но в этом вопросе ее опередили. Генеральный инспектор сообщил ей, что для "костного мяса" потребуется новое "Положение о службе"! Восклицательные нотки принадлежат ей.[112] В кулинарном отделе в 1855 году появился бесценный доброволец в лице Алексиса Сойера, некогда известного как шеф-повар Реформ-клуба, и все еще живого как месье Мироболан в "*Пенденнисе*" Теккерера.

Месье Сойер перестроил и частично заменил кухню мисс Найтингейл в Скутари. Мы еще встретимся с ним и его добрым делом, когда будем сопровождать ее в Крым.

Мисс Найтингейл недолго пробыла в Скутари, не будучи тронутой плачевным состоянием женщин-лагерников, часто отделенных от своих полков и находящихся в очень плачевном состоянии. Мисс Найтингейл поручила заботу о них в значительной степени миссис Брейсбридж, которая, вместе со своим мужем, собрала и управляла отдельным фондом для оказания помощи женам, женщинам и детям солдат в Скутари. Был организован госпиталь для лежащих больных, и мисс Найтингейл нашла работу для многих женщин, как для стирки, как уже говорилось выше, так и для изготовления старого белья для различных больничных принадлежностей. Сюда же вскоре прибыли полезные добровольцы. Преподобные доктор и леди Алисия Блэквуд после битвы при Инкермане решили отправиться в Скутари и узнать, не могут ли они быть полезны. Доктор Блэквуд попросил и получил назначение на должность военного капеллана; а по их прибытии леди Алисия сразу же отправилась к мисс Найтингейл и спросила, чем она может помочь: "Я знаю, что она ответила мне, - сказал он.

"Ответ, который она мне дала, - пишет леди Алисия, - или, скорее, вопрос, который она задала мне в ответ, после нескольких секунд молчания, с особым выражением лица, произвел неизгладимое впечатление. "Вы серьезно говорите?" "Да, конечно; почему вы спрашиваете?" "Потому что у меня уже было несколько подобных просьб, и когда я предлагала работу, то обнаруживала, что она не может быть выполнена, или приводились какие-нибудь оправдания; это было не совсем то, что предполагалось, это требовало особой пригодности и т. д." "Ну, - ответила я, - я серьезно; мы приехали сюда, не имея другого желания, кроме как помочь, где мы можем". Очень хорошо, тогда вы действительно можете помочь мне, если захотите. В этом бараке сейчас находится около двухсот бедных женщин, находящихся в самом бедственном положении. Многие из них присланы из Варны; они одеты в лохмотья и кишат паразитами. У меня сердце кровью обливается за них; но мое дело - солдаты, а не их жены. Не возьметесь ли вы за них присмотреть? Если вы возьмете их под свою опеку, я пришлю санитара, который покажет вам их жилища".[113]

Леди Алисия отправилась, и вместе с мужем оказала ему большую помощь. Мисс Найтингейл не забывала и о семьях своих медсестер. Некоторые из них были женами и вдовами, оставившими дома детей. "Многое, - писала леди Верни подруге, - мы должны сделать для Флоренс, например, позаботиться о детях ее сестер". И миссис Найтингейл писала аналогичным образом (апрель 1855 г.):-

В последнее время Фло постоянно пишет о семьях своих медсестер, за которых лучшие из них, похоже, очень беспокоятся, и почти не упоминает ни о чем другом. Посещая их, мы многое увидели и услышали, что доставляет нам огромное удовольствие".

Перед комитетом Роебука доктора Эндрю Смита, главу медицинского департамента армии в Лондоне, спросили: "Как вы думаете, каков был результат миссии мисс Найтингейл?" "Смею предположить, - ответил он, видимо, с некоторой неохотой, - что это было очень полезно"; а затем, взяв себя в руки, как мужчина, и стараясь быть справедливым, добавил: "В этом нет никаких сомнений; потому что женщины способны обнаружить множество недостатков, о которых мужчина и не подумает, и они будут смотреть на вещи, на которые мужчина и не подумает обратить внимание". Очень верное заявление; и, возможно, именно столько можно было ожидать от чиновника, занимающего оборонительную позицию. Но я думаю, что в следующей главе мы увидим, что некоторые из вещей, которые видела и делала мисс Найтингейл, не были недостойны более всеобъемлющего охвата, заявленного доктором Смитом для мужской способности видеть.

ГЛАВА V

АДМИНИСТРАТОР

Я без колебаний могу сказать, что мисс Найтингейл продемонстрировала большую организаторскую способность, большую осведомленность в деталях и в то же время всеобъемлющий взгляд на общее положение дел, чем это было отмечено в поведении любого человека, связанного с госпиталями во время нынешней войны" - Сидни Герберт (речь в Willis's Rooms, 29 ноября 1855 года).

По видимости, и в строгом соответствии с буквой ее первоначальных инструкций, мисс Найтингейл был только суперинтендант женского учреждения сестринского ухода. На самом деле, в силу обстоятельств, она стала поставщиком для больниц, одеждой для британской армии и во многих чрезвычайных ситуациях *Dea ex machina*.

Сначала она стала поставщиком-вспомогателем в госпиталях Скутари. Мои высказывания на эту тему могли бы показаться выдумкой сатирика, если бы я не отказался от похвалы за такую изобретательность, добавив, что в каждом случае они взяты из официальных источников. Незнание высокопоставленных лиц об истинном положении дел в Скутари лучше всего иллюстрирует ответ, который дал британский посол, когда комиссар фонда "*Таймс*" спросил его, какие вещи больше всего нужны в госпиталях. "Ничего не нужно", - сказал лорд Стратфорд, и единственное, что он мог предложить "*Таймс*", это направить свой фонд на строительство английской церкви в Пера. Мисс Найтингейл считала, что служение Богу включает в себя служение человеку, и мистер Макдональд, уполномоченный "*Таймс*", согласился с ней. Между собой они основали не церковь, а магазин. Посол, конечно, сделал свои выводы на основании того, что ему сказали; а главный врач на Скутари "заявил, что ему не нужно ничего в виде магазинов или медицинских удобств в то время, когда его пациенты испытывают нужду в самом необходимом". Помощь, от которой отказывались, считая ее излишней, в итоге оказалась необходимой для жизни пациентов".^[114]

"Я своего рода генеральный дилер, - писала мисс Найтингейл мистеру Герберту (4 января 1855 года), - носков, рубашек, ножей и вилок, деревянных ложек, оловянных ванночек, столов и форм, капусты и моркови, операционных столов, полотенец и мыла, маленьких зубных расчесок, осадка для уничтожения вшей, ножниц, подстилок и подушек из пня. Я пришлю вам фотографию моего караван-сарая, в который входят и выходят звери. В самом деле, паразиты могли бы, если бы у них было единство цели, унести четыре мили кроватей на своих спинах и промаршировать с ними в Военное министерство, Конная гвардия, юго-запад".

Караван-сарай представлял собой большую кухню, о которой говорилось выше (с. 173). "Из этой комнаты, - писала одна из женщин-добровольцев, - по заявкам хирургов раздавали манную крупу, саго, рисовые пудинги, желе, говяжий чай и лимонад. Это вызвало большое количество приходящих и уходящих; множество санитаров ждали у дверей с заявками. Одна из монахинь или леди принимала их и следила за тем, чтобы они были подписаны и заверены, прежде чем подавать. Между собой мы называли эту кухню Вавилонской башней. В середине дня здесь, казалось, было все и вся: коробки, посылки, связки простыней, рубашек, старого белья и фланели, кадки с маслом, сахаром, хлебом, чайники, кастрюли,

груды книг и всякого хлама, помимо раздаваемых диет; затем люди, дамы, монахини, сестры, санитары, турки, греки, французские и итальянские слуги, офицеры и другие, ожидающие встречи с мисс Найтингейл; все ходили туда-сюда, все были заняты своим делом и все говорили на своем языке." [115]

В "Башне сестер", как стали называть эту часть казарменного госпиталя, была также небольшая гостиная; в ней "проходили советы, на которых так умело председательствовала мисс Найтингейл, на которых обсуждались меры, необходимые для удовлетворения ежедневно меняющихся потребностей госпиталя. Отсюда исходили распоряжения, которые регулировали работу женского персонала. Отсюда же, с сайта, отправлялись многочисленные письма правительству, друзьям и сторонникам на родине, рассказывающие о страданиях больных и раненых". [116] В докладе комиссии герцога Ньюкасла, а также в *заявлении* мисс Найтингейл для подписчиков, полный список предметов, поставляемых ею можно найти, табулированные с точностью и амплитудой детали, характерные для нее. Он включал в себя различную посуду и т. д., перечисленные выше, а также различные продукты питания, необходимые для "дополнительных диет", упомянутых в предыдущей главе. Все это было приобретено частично из фонда "*Таймс*", частично из денег, присланных ей благотворителями, и частично из личных средств ее самой и ее ближайших друзей. Значительная часть расходов была в конечном итоге возмещена ей правительством. Боюсь, больные и раненые солдаты в Скутари почувствовали бы себя не в своей тарелке из-за отсутствия белья, простыней, посуды и дополнительного питания, узнав, что в Пера строится новая красивая церковь.

Но, спрашивается, были ли вещи, которые мисс Найтингейл закупала и выдавала, действительно нужны? Не были ли они ее прихотью? И не была ли ее работа, возможно, суперрогаткой, ведь разве не мог их предоставить официальный поставщик? Подобные заявления в то время звучали повсеместно, и их причину можно легко понять. Опираясь на свои собственные запасы, мисс Найтингейл не только снабжала солдат вещами, в которых они нуждались, но и "направляла нерадивым администраторам показательный, хотя и молчаливый, упрек; и похоже, что под влиянием этой дисциплины мужчины, проходящие по канавке, вздрагивали от боли, потому что они высказывали трогательные жалобы, заявляя, что леди-главнокомандующая не решила уделить им время (это время всегда требовалось мужчинам), и что как только нужда заявила о себе, она поспешила поставить ее сама". [117] Но эти жалобы были совершенно необоснованными, так как комиссии герцога Ньюкасла было показано, что она никогда не выдавала ничего из своих запасов и не позволяла никому другому делать это, кроме как по требованию медицинских работников и после запроса поставщика, может ли он поставить их. Среди бумаг мисс Найтингейл я нашел несколько оригинальных заявок от медицинских работников. Вот одна из них: -

Дворцовый госпиталь, 18 января 1855 года. Мадам, имею честь передать заявку на 50 рубашек и 50 теплых фланелей. У поставщика их нет. Зная о большом спросе, я ограничил свою просьбу, чтобы удовлетворить срочные потребности самых тяжелых случаев, находящихся в моем ведении. Имею честь быть, мадам, вашим покорнейшим слугой, Эдвард Мензис, штаб-хирург.

Список, - резко заявили члены комиссии, - "не должен рассматриваться как убедительное доказательство того, что упомянутые в нем предметы неизменно отсутствовали в [правительственных] магазинах". Товары, - пояснили они, - "были отклонены, хотя, по нашим личным сведениям, они в изобилии лежали в магазине поставщика". Почему отказано? Потому что поставщик взял на себя смелость отменить требование медицинских работников? Вовсе нет. "Это было сделано потому, что они не были осмотрены Советом по

обследованию. В одном случае, в декабре прошлого [1854] года, мы обнаружили, что так было с больничными коврами, и, вероятно, это был не единственный подобный случай". Письма мисс Найтингейл к мистеру Герберту показывают, что это было частое явление. Например, в феврале 1855 года она получила запрос от медицинских работников в Балаклаве на рубашки. Она знала, что 27 000 рубашек по ее распоряжению были отправлены правительством из дома и уже выгружены на берег. Но поставщик не разрешал их использовать: "Он не мог распаковать их без совета директоров". Прошло три недели, прежде чем Совет отпустил рубашки. Больные и раненые, дрожащие от нехватки ковров и рубашек, боюсь, выразили бы свое недовольство, если бы им объяснили, что они должны дрожать до тех пор, пока не наступит благоприятное время для Совета по обследованию.

Нетерпение мисс Найтингейл по поводу таких задержек, несомненно, стало причиной истории, получившей широкое распространение на сайте в то время, что однажды она приказала насильно вскрыть правительственную партию товара, в то время как чиновники разводили руками при мысли о том, что может сказать Совет по обследованию. Эта история была упомянута в комитете Roebuck; и, хотя она не была подтверждена, я думаю, что мисс Найтингейл была вполне способна на этот ужасный поступок. Конечно, она часто настаивала на получении доказательств из первых рук, вместо того чтобы доверять отчетам других; в одном из ее писем к мистеру Герберту (21 декабря 1854 года) я нахожу такой отрывок: "Сегодня утром я промышляла в лавке провизора - я совершаю этот поход почти ежедневно, как единственный способ достать вещи. Ни швабр, ни тарелок, ни деревянных подносов (их делает инженер), ни тапочек, ни щеток для обуви, ни чернил, ни ножей и вилок, ни ложек, ни ножниц (для стрижки волос мужчин, которые буквально живые), ни тазиков, ни полотенец, ни хлорида цинка". Затем она перечисляет вещи, которые мистер Герберт должен прислать из Лондона, добавляя: "Остальные предметы, упомянутые выше, которых сейчас нет в магазинах, можно купить в Константинополе" или Марселе, откуда, как я полагаю, она и отправилась за ними. Покупки в Скутари не были легким развлечением после обеда: "Английские люди, - писала она.

"Англичане, - писала она мистеру Герберту (10 декабря), - смотрят на Скутари как на место, где есть трактиры и кареты, а также дома, которые можно сдавать внаем с мебелью. Вчера, чтобы выгрузить 25 бочек сахара, потребовалось четыре вола и два человека на шесть часов, плюс два пропуска, две реквизиции, два вмешательства мистера Брейсбриджа и одно извинение от квартермейстера за захват *арабы*, принятое с улыбкой и добрым словом, потому что он исполнил свой долг; ведь каждая *араба* требуется для военного магазина или комиссариатской службы. Здесь нет ни вьючных лошадей, ни ослов, за исключением тех, что используются крестьянами для посещения рынка в 1¼ мили. *Араба* состоит из жердей и досок, протянутых между двумя осями, поставленных на четыре маленьких колеса и запряженных ярмом слабых волов. Четыре дня в неделю мы не можем связаться с Константинополем, кроме как через другую гавань, в 1¼ мили от него, до которой дорога почти непроходима".

Но, так или иначе, мисс Найтингейл могла поставлять из своих запасов или получать из Константинополя, Смирны или других мест многое из того, что не мог или не хотел получать генеральный провизор. Как уже говорилось выше, она предусмотрительно заложила в Марселе по пути следования большой запас товаров, которые, по ее мнению, могли оказаться полезными; а в Скутари мистер Макдональд из "*Таймс*" был неутомим и изобретателен. Со временем, когда средства продолжали поступать, а правительственные поставки становились все более эффективными, мисс Найтингейл смогла в экстренных случаях снабжать не только британцев, но и их союзников. Весной 1856 года, когда бич тифа

причинил французам печальные разрушения, а *собственническая любовь интендантства* не позволила принять гуманное предложение медицинских удобств в качестве займа от британского правительства, мисс Найтингейл проложила путь к преодолению этого упрямства, послав в подарок французским сестрам и медицинским работникам большое количество вина, маранты и мясной эссенции. Сардинские сестры милосердия также испытали на себе ее доброту, когда из-за пожара на корабле с припасами они остались без многих вещей, необходимых их пациентам. Она также посылала припасы в прусский гражданский госпиталь, где лечилось много британцев; за эту добрую услугу она получила благодарственное письмо от короля Пруссии (сентябрь 1856 г.). К ее покоям в Скутари турки тоже часто прибегали за лекарствами и советами. По словам очевидца, больные и нуждающиеся всех народов находили в ней деятельного друга.^[118] "Она обнимала в своей заботе, - говорит французский историк Крымской войны, - больных трех армий".^[119]

Инициатива мисс Найтингейл была также полезна в извлечении необходимых предметов, которые содержались в правительственном магазине, но не были получены, либо потому, что никто не просил их, либо потому, что кто-то не был достаточно удачлив, чтобы попасть в нужный момент для запроса. Действовавшая система была весьма изобретательно придумана, чтобы привести к такому положению вещей. Товары в больницы поставлялись поставщиком только по заявке медицинского работника. Медицинские работники были перегружены работой и, возможно, не отправляли заявку на . Или же они отправили заявку, а бланк был возвращен с пометкой "Нет на складе". Впоследствии предметы могли быть получены или прибыть из Англии, но в Департаменте снабжения не велось никаких записей о невыполненных заявках, и пока медицинские работники не подавали повторную заявку, предметы не поставлялись. Комиссары установили, что по этой причине пациенты иногда оставались без кроватей, хотя в то время на складе имелись раскладушки. К счастью, мисс Найтингейл поставила их в Марселе в большом количестве.

//

Была еще одна сфера, в которой мисс Найтингейл пришла на помощь больным и раненым из-за ошибок официальной администрации. Она одевала их: всего из ее магазина было выдано 50 000 рубашек. История этого частного отдела одежды любопытна. Правила военного министерства предполагали, что каждый солдат берет с собой в госпиталь соответствующий комплект, и в обязанности поставщика не входило снабжать его такой вещью, как рубашка. Но три из четырех генералов дивизии в Крыму решили не высаживать солдат с ранцами. Севастополь, как уверенно ожидалось, падет через несколько дней, и люди должны были идти налегке. В большинстве случаев они никогда больше не видели своих ранцев.^[120] Поэтому больные и раненые, прибывшие в Скутари сразу после битвы при Альме, были лишены всякой одежды, кроме той, что была на них, а она во многих случаях годилась только для топки. Не существовало никаких правил, по которым, если солдат по военным причинам лишался своего комплекта, недостаток мог быть восполнен. Обеспечение сменой белья больных и раненых в госпитале и чистыми рубашками, которые они могли бы носить, когда их отправляли домой или возвращали на фронт, было, возможно, лучшим распределением благотворительных средств, чем поставка алтарных принадлежностей для новой церкви в Пера. Во всяком случае, мисс Найтингейл так считала; таким образом, она и ее соратники в какой-то мере были не только поставщиками одежды, но и раненых солдат.

///

В одном случае мисс Найтингейл взяла на себя ответственность строителя, и в то время это была узурпация, которую больше всего осуждали в одних кругах и больше всего одобряли в других. Некоторые палаты казарменного госпиталя находились в таком ветхом состоянии, что были непригодны для приема пациентов. Главнокомандующий предупредил руководство госпиталя, что в скором времени к ним могут поступить новые больные и раненые. Необитаемые палаты могут быть быстро переоборудованы для приема 800 больных. Однако расходы были бы значительными, и никто, похоже, не хотел идти на них без разрешения начальства. Мисс Найтингейл шагнул в брешь. С согласия доктора Макгригора, старшего врача госпиталя, она представила леди Стратфорд де Редклифф срочность дела. Посол, как мы уже видели, был уполномочен нести расходы, а его жена, как она дала понять мисс Найтингейл, была уполномоченным посредником между послом и руководством больниц. Леди Стратфорд видела срочную необходимость работ, и мистеру Гордону, начальнику инженерного отдела, было поручено немедленно приступить к ним. Рабочие, в количестве 125 человек, вскоре вышли на работу, после чего мисс Найтингейл, по собственному почину, удалось привлечь еще 200 человек, и работа была быстро завершена. Лорд Стратфорд впоследствии отказался от какой-либо ответственности,^[121] и мисс Найтингейл оплатила счет из своих личных средств. Военное министерство, когда об этом стало известно, одобрило ее действия и выплатило ей компенсацию. Этот случай "соловьиной силы" произвел большое впечатление, и она сама считала его самым благотворным из того, что она сделала на Востоке. Слава об этом деле разнеслась по всему миру и достигла британского лагеря в Балаклаве, где наш неизменный друг, полковник Стерлинг, узнал о нем с горячим негодованием. Мисс Найтингейл, - писал он, - "спокойно выписывает чек". Неужели это способ управлять финансами великой нации? *Vox populi*? Божественный аффлатус. Жрица, мисс Н. Магнитный импульс, вытаскивающий деньги из моего кармана!" В обычное время это, конечно, не способ управления финансами великой нации. И даже в чрезвычайных обстоятельствах, конечно же, любой здравомыслящий раб рутины поступил бы так: мисс Найтингейл должна была поговорить с каким-нибудь офицером на месте, тот должен был представить дело Генеральному директору Медицинского департамента армии в Лондоне, Генеральный директор должен был переместить Конную гвардию, а Конная гвардия - Орднанс, Орднанс должен был затем обратиться в Казначейство, и после процесса протоколирования и контрассигнации работа должна была быть в свое время официально заказана. Но тем временем раненые лорда Раглана прибыли бы в госпиталь, и не было бы готовых к их приему палат. Так и случилось, "палаты были готовы", как сообщила мисс Найтингейл мистеру Герберту (21 декабря), "принять 500 человек 19-го числа с кораблей "Рипон" и "Золотое руно". Их приняли в палатах доктор Макгригор и я, и они, как правило, находились на последней стадии истощения. Я снабдил их всей утварью, включая ножи и вилки, ложки, банки, полотенца и т. д., очистив от них наши каюты".

IV

Во всем этом мисс Найтингейл можно горячо похвалить, а чиновников не стоит слишком горячо осуждать. Они просто выполняли свой долг, как они его усвоили; в остальном же виновата система или отсутствие системы. Как в Лондоне не было координации между департаментами, так и в Скутари не было единства действий и четкой персональной ответственности. "Здесь принято шутить, - писала мисс Найтингейл из Скутари, - предлагать приз за открытие любому, кто готов взять на себя ответственность". Приз так и не был вручен, поскольку сама мисс Найтингейл, надо полагать, была "заблокирована". В письме к мистеру Герберту она называла многих чиновников в Скутари очень жесткими именами, но в других

письмах она признавала, что окончательная вина лежит в другом месте. "Главное административное зло, - писала она (10 декабря), - исходит из дома: здесь существует множество департаментов, каждый из которых действует центробежно и независимо, не встречая противодействия со стороны центростремительного притяжения, то есть центрального органа, способного контролировать и заставлять объединять усилия для каждого объекта в каждый конкретный момент времени". Мистер Герберт мог писать, но чиновники не действовали. Сила обычая была слишком сильна. Мисс Найтингейл показала поставщику письмо от министра. "Это первый раз, - сказал он, - когда я получил письменное распоряжение не жалеть средств. Я никогда не знал, что меня не выбросят за борт". "Ваше имя, - сказала она мистеру Герберту (25 ноября), - постоянно используется как жупел. Они делают божество из дешевизны, и военный министр здесь синоним Юпитера Тонанса, чьи стволы заканчиваются только *brutum fulmen*. Система сыроварения, которая звучит немusыкально для британских ушей, здесь отождествляется с вами офицерами, которые ее осуществляют. Напрасно говорить поставщикам, что дома они не получают за это никаких похвал".

Не следует, однако, думать, что мисс Найтингейл была противницей правил и презирала дисциплину, рутину и субординацию. Дело обстоит как раз наоборот. Вся ее карьера делает это вероятным, характер ее ума предполагает это, и управление фондами, предоставленными в ее распоряжение, с которыми в основном связана эта глава, доказывает это. Если она шокировала и ошеломила некоторые официальные умы своими смелыми нововведениями, то в неофициальных кругах больше всего критиковали именно ее строгость и настойчивость в соблюдении правил и норм. Она очень четко объяснила этот вопрос в своем последнем *заявлении подписчикам*. Правительство поставило ее на две ответственные должности, каждая из которых не зависела от другой. Она была назначена суперинтендантом медсанбата; кроме того, она получила полномочия, как алмонер "Свободных даров" (так назывались королевские щедроты), использовать их и любые другие дары, полученные из частных источников, в военных госпиталях. Во втором из этих качеств она могла, по своему усмотрению, распоряжаться своими запасами исключительно по личному усмотрению и делегировать такую же свободу действий другим суперинтендантам, сестрам или медсестрам, назначенным ею. Но, за исключением нескольких особых случаев, которые излишне перечислять, она отказалась от свободы личного усмотрения и распоряжалась своими средствами только по требованию медицинских работников. (Она неоднократно подчеркивает этот факт, но я осмелюсь предположить, что зачастую источником заявок была она сама. Мы видели, что на Харли-стрит она научилась искусству управления перегруженными работой врачами.) Ее заявление о причинах, которые руководили ее действиями, характерно для ее здравого смысла. Проще было бы действовать по личному усмотрению, но против этого были возражения: "отмена обычных правил, невозможность предотвратить нерегулярные выдачи или хотя бы опровергнуть обвинения, непригодность значительной части женщин, которые эффективно выполняют обязанности медсестер, быть судьями в вопросах потребностей солдат и распределения им припасов; и, кроме того, злоупотребления, которые некоторые, несомненно, будут делать, пользуясь этой властью". К тем, к кому обвинение в нечестности не применимо, религиозная предвзятость либо применима, либо, что в вопросах такого рода лишь менее пагубно, будет считаться таковой". Далее, существовала опасность того, что пациентам давали не ту пищу, которую предписывали медицинские работники. "Нет необходимости объяснять любому здравомыслящему человеку, даже не имеющему опыта работы в больницах, многообразные опасности выдачи медсестрам, будь то "дамы, сестры или медбратья", магазинов или средств для закупки продуктов, чтобы они по своему усмотрению распределяли их по палатам. Следует помнить, что использование женщин в армейских госпиталях появилось

недавно, что многие опытные и способные хирурги выступают против этого, что среди них некоторые честно, а некоторые недобросовестно склонны находить возражения против этого и преувеличивать беды, возникающие в результате этого; что хирург может в значительной степени позволить медсестре быть полезной или заставить ее быть сравнительно бесполезной в его палатах; что военные госпитали - плохое поле для наделения медсестры полномочиями и должностями, которые она никогда не выполняет в гражданских госпиталях. На этих основаниях, как строгое следование существующим правилам, как это было возможно, казалось, единственный курс мисс Найтингейл требовал, и она оказала следование правилам в значительной степени, и она строго вернулась к ним, когда любой чрезвычайной ситуации, во время которого, по инстанции, она отступила от них, прекратилось. Такая позиция, как у нее, неизбежно подвергает ее обладателя нападкам с разных сторон на противоположных основаниях. В то время как ранее существовавшие власти склонны жаловаться на все новые расходы как на расточительные и ведущие к ослаблению дисциплины в результате чрезмерной роскоши, другие, кто чувствует себя сдержанным или ограниченным правилами распределения удобств в соответствии со своими представлениями о благодеянии, естественно, будут возражать против препятствий, по их мнению, ненужных, поставленных на пути течения общественной либеральности. Хотя опыт всех, кто занимался деятельностью любой обширной благотворительной организации, доказывает, что применение обычных аксиом бизнеса - единственный путь к успеху, он также в достаточной степени показывает, что такое применение, несомненно, сопряжено с немалой долей непопулярности."[\[122\]](#)

Она видела ценность правил и соблюдала их, иногда даже когда они были нелепыми. Холодной январской ночью 1856 года она находилась у постели умирающего пациента, ноги которого, как она обнаружила, были каменно-холодными. Она попросила санитаря немедленно принести грелку. Он отказался, сославшись на то, что его инструкции не должны были ничего делать для пациента без указаний врача. Мисс Найтингейл поправилась и отправилась на поиски врача, чтобы оформить заявку на бутылку в установленной форме. В одну из ночей следующего месяца подул необычайно холодный восточный ветер и пошел сильный снегопад. Пациенты в палате, которую обслуживал гражданский врач, находились под открытым небом и жаловались на холод, но запас топлива закончился. Поскольку правительственный магазин был закрыт, мисс Найтингейл отступила от правила обращаться сначала к поставщику и дала доктору топливо из своих личных запасов. На следующий день гражданский врач подал заявку в установленной форме на дополнительный запас топлива. Ему было отказано. Тогда он обратился к генеральному инспектору. Тот сослался на то, что не может отступить от правил, разрешающих только определенное количество дров для каждой печки. Но, убеждал гражданин, исключительные холода требуют дополнительного запаса. Возможно, - ответил генерал-инспектор с образцовой серьезностью, - но "сначала должен состояться совет" по этому вопросу. Гражданин добродушно улыбнулся и попросил великого человека сначала обеспечить дровами, а Совет рассмотрит этот вопрос, когда погода станет более мягкой. Генерал-инспектор согласился. Эти маленькие инциденты[\[123\]](#) проливают свет на трудности, через которые мисс Найтингейл пришлось прокладывать свой путь. Она твердо верила в правила; но она была одним из тех способных администраторов, у которых хватает ума понять и смелости действовать в соответствии с этим знанием, что правила иногда существуют только для того, чтобы их нарушали.

И именно такой инициативы требовало положение дел в больницах Скутари. Приверженность мисс Найтингейл правилам могла навлечь на нее непопулярность со стороны некоторых ее подчиненных или подписчиков; но ее отход от правил по

уважительной причине чрезвычайных обстоятельств и разрушение узлов - возможно, даже разрыв поставок - не вызвали у ее официального начальника, мистера Сиднея Герберта, ничего, кроме одобрения и поддержки. Это видно то в его письмах к ней самой, то в тех, которые он адресовал другим и которые отражают впечатление, произведенное на него ее энергией и находчивостью. "Помните, - писал он старшему медицинскому офицеру (1 декабря 1854 г.), - когда вы требуете от нас больше людей, больше удобств или больше предметов первой необходимости, что в таких делах нет вопроса о фунтах, шиллингах и пенсах, но все, что можно получить, *должно* быть получено". А генеральному провизору он писал: "Сейчас не время придерживаться форм, а нужно способствовать быстрому и легкому ведению дел. Много вреда приносит государственной службе борьба за первенство и достоинство между ведомствами". Так он писал и многим другим; но мистеру Брейсбриджу он признался, что у него "мало надежд на этих людей. Я уже писал в этом смысле, и напрасно; но я верю, что есть какое-то улучшение. Они настолько пресытились сыромоленной экономией сорокалетнего мира, что нет никакой, чтобы заставить их действовать в соответствии с великим случаем". [124] Только инициатива мисс Найтингейл спасла ситуацию.

В этой главе я отделил различные иллюстрации этой инициативы от других, которые в предыдущей главе были приписаны "женской проницательности". Но, возможно, такое разделение, хотя и удобное, является мнимым, и все случаи административной энергии мисс Найтингейл объясняются одной и той же причиной. Таково было мнение мистера Кинглейка; но я всегда подозревал, что чрезмерное внимание, которое он уделял женскому чутью в работе мисс Найтингейл, могло быть отчасти вызвано желанием усилить контрасты и острее уколоть его блестящую сатиру на некомпетентность в официальных местах. Пусть те, кто считает, что можно провести резкое разграничение между "мужским" и "женским разумом", решают этот вопрос так, как им удобно. Мне кажется, что как среди женщин обоих полов есть старики, так и среди мужчин обоих полов есть деловые люди. Моя цель в этой главе - показать, что мисс Найтингейл использовала для решения задачи, которая стояла перед ней в Скутари, те высокие способности административного разума, будь то мужские или женские, которые в моменты чрезвычайных ситуаций способны проявить находчивость, инициативу, решение.

ГЛАВА VI

РЕФОРМЕР

Мы познакомились с мисс Найтингейл, и мы восхищены и очень поражены ее великой мягкостью и простотой, и замечательной, ясной и всеобъемлющей головой. Я бы хотела, чтобы она была у нас в военном министерстве. Королева Виктория (письмо герцогу Кембриджскому, 1856 г.).

"Когда читаешь такую чепуху, - писал доктор Холл в ноябре 1855 года из Крыма доктору Эндрю Смиту в Лондон, - как та, что произнес мистер Брейсбридж, и которая была написана им. Брейсбриджем, которая так превозносилась в "*Таймс*", потому что этот болтливый старый джентльмен говорил о том, что мисс Найтингейл привела в порядок больницы с тремя или четырьмя тысячами пациентов за пару дней с помощью средств "*Таймс*", нельзя подавить чувство презрения к человеку, который предается таким преувеличениям, и жалости к

невежественной толпе, которая заблуждается в этих сказках".[125] Презрение и жалость генерального инспектора больниц на Востоке, как можно предположить, не обошлись без гнева, который, как можно предположить, разделял и его друг, генеральный директор медицинского департамента в Лондоне. Такие чувства были свойственны человеческой природе, и преувеличение в заявлениях, приведенных доктором Холлом, очевидно. Мисс Найтингейл не была волшебницей. Было бы пустой сказкой представлять, что своими усилиями, за пару дней или пару месяцев, она произвела полное преобразование сцены. И было бы несправедливо приписывать исключительно мисс Найтингейл постепенное улучшение, которые, хотя в значительной степени благодаря ее инициативе и ресурса (как описано в предыдущих главах), на самом деле были результатом усилий многих людей, как дома и на Востоке. "Я безгранично восхищаюсь квалификацией мисс Найтингейл, - сказал один заместитель медицинского инспектора, - и тем, как она их применяет, но я вижу десятки вещей, поставленных ей в заслугу, к которым, как я знаю, она не имеет никакого отношения".[126] Несомненно, так оно и было. И все же, хотя в одном смысле доктор Холл был совершенно прав, в другом он глубоко ошибался. Однако ни его, ни других медиков, разделявших его взгляды, не стоит винить за заблуждение. Факты этого дела могут быть полностью поняты только сейчас, когда открыт доступ к частной переписке мисс Найтингейл и других участников драмы.

Она многое сделала сама, но еще большее количество дел было сделано другими. По собственной инициативе она смогла провести значительные реформы, но благодаря своему влиянию она стала реформатором в более широком масштабе. Хотя на самом деле она не была волшебницей, находились люди, которые, не будучи в состоянии понять секрет и источники ее силы, находили в ней что-то сверхъестественное. Наш добрый друг, полковник Стерлинг, который терпеть не может, когда в кампанию вмешиваются в дела петтико, был очень озадачен. Эта вещь казалась ему "смехотворной", как мы слышали, но он должен был признать, что "мисс Найтингейл королевы его с абсолютной властью"; и в другом месте он говорит о "Nightingale власти" как нечто таинственное и "сказочные". Секрет, однако, прост. "Власть соловейки" была обусловлена причинами, одни из которых были присущи ей самой, а другие - привнесены. Присущая ей сила влияния заключалась в властной воле и практическом здравом смысле, которые давали ей власть над умами людей. Случайные источники ее власти заключались в том, что она пользовалась вниманием и доверием министров, а также интересом и симпатией двора. Я назвал это приращение влияния "случайным", но оно также досталось ей, во второстепенной степени, благодаря врожденной силе ее характера.

Влияние двора на укрепление, ускорение, а иногда и на укоры министров, особенно в военных вопросах, было во время правления Виктории очень велико, как известно всем читателям мемуаров того времени.[127] И с самого начала миссии мисс Найтингейл двор проявил к ней живой интерес и выразил желание, чтобы ее опыту и впечатлениям было уделено всестороннее внимание. "Передайте миссис Герберт, - писала королева мистеру Сиднею Герберту (6 декабря 1854 года), - что я прошу ее почаще давать мне видеть отчеты, которые она получает от мисс Найтингейл или миссис Брейсбридж, поскольку *я не слышу никаких подробностей о раненых*, хотя вижу так много от офицеров и т.д. на поле боя, и естественно, что первые должны интересоваться *меня* больше, чем другие. Пусть миссис Герберт также знает, что я желаю, чтобы мисс Найтингейл и другие дамы сказали этим бедным, благородным раненым и больным мужчинам, что *никто не* проявляет большего интереса, *не* сочувствует их страданиям и не восхищается их мужеством и героизмом *больше*, чем их королева. Днем и ночью она думает о своих любимых войсках. Как и принц. Попросите миссис Герберт передать эти мои слова этим дамам, так как я знаю, что *наше*

сочувствие очень ценится этими благородными людьми". Получив послание королевы, капеллан прошел по палатам, читая его мужчинам, а копии послания были также развешаны на стенах нескольких госпиталей. "Мужчины были тронуты", - сообщила мисс Найтингейл мистеру Герберту (25 декабря). "Это очень трогательное письмо, - сказали они. Она думает о нас" (сказала со слезами). Каждый из нас должен иметь копию, которую мы будем хранить до самой смерти". "Только подумать, что она думает о нас", - сказал другой; "Я только хотел бы пойти и снова сражаться за нее". За посланием королевы последовало более существенное доказательство заинтересованности Ее Величества, и здесь снова мисс Найтингейл стала посредником между троном и солдатами. Через мистера Сидни Герберта королева узнала у мисс Найтингейл о том, какие удобства будут полезны раненым, и хранитель кошелька королевы отправил ей следующее письмо:---

Виндзорский замок, 14 декабря [1854 г.]. Мадам, я получил приказ Ее Величества Королевы переслать на корабле "Орел" несколько пакетов с некоторыми удобствами и полезными предметами, которые Ее Величество желает передать в Ваши руки для распределения, как Вы сочтете нужным, среди раненых и больных в Скутари.

Ее Величество пожелала выразить частным пожертвованием свое глубокое личное сочувствие страданиям этих благородных солдат и свое восхищение терпением и стойкостью, с которыми они переносят раны и лишения.

Королева поручила мне просить вас взять на себя распределение и использование этих предметов, отчасти потому, что Ее Величество хотела, чтобы вы знали, что ваша доброта и самоотверженность, с которой вы отдали себя успокаивающему уходу за этими ранеными и больными солдатами, были замечены Королевой с чувствами высочайшего одобрения и восхищения; а отчасти потому, что, поскольку присланные предметы не попадают под описание медицинских или правительственных запасов, обычно поставляемых, их нельзя было бы доверить лучше, чем тому, кто, постоянно наблюдая лично, вынесет верное суждение, где они будут наиболее полезно использованы.

Королева послала подарки в виде теплых шарфов и тому подобных вещей медсестрам мисс Найтингейл. Позиция Альмонера Свободных Даров и доверие, проявленное таким образом государыней, значительно повысили престиж мисс Найтингейл, которая, как уже было известно, имела влияние на правительство, пользовалась благосклонностью прессы и была любимицей общественного мнения. Чиновники могли чувствовать себя больно, и старые старики могли ворчать, но факт стал очевидным, что "соловей власть" должны были считаться с.

//

Однако именно за кулисами деятельность мисс Найтингейл как реформатора была наиболее мощной. В соответствии с приказом Ее Величества, отчеты мисс Найтингейл направлялись королеве, а от нее - герцогу Ньюкаслу. Герцог, написав королеве 22 декабря 1854 года, заверил Ее Величество, что состояние госпиталей в Скутари и полное отсутствие методов и порядка во всем, что касается комфорта армии, являются для него предметом постоянной и самой болезненной тревоги. "Ничто не может быть более справедливым, - добавил он, - чем все замечания Вашего Величества по поводу состояния фактов, представленных в этих письмах, и герцог Ньюкасл неоднократно, в течение последних двух месяцев, писал в самых резких выражениях относительно них - но до сих пор безрезультатно и с небольшим результатом, кроме отрицания обвинений, истинность которых теперь должна считаться подтвержденной".^[128] Министрам оставалось сделать все возможное для исправления ситуации.

Мистер Сидни Герберт, который (как уже говорилось) освободил герцога Ньюкасла от больничных дел, не нуждался в принуждении к усердию, и письма мисс Найтингейл к нему показали, в каких направлениях его усердие может быть наиболее полезно использовано. Правительство лорда Абердина, потерпевшее поражение при голосовании по вопросу о назначении Комитета Роебука, ушло в отставку в январе 1855 года, и лорд Пальмерстон стал премьер-министром. Офисы военного секретаря и секретаря по военным вопросам были объединены, и лорд Панмур стал государственным секретарем вместо герцога Ньюкасла. Мистер Герберт на короткое время стал государственным секретарем по делам колоний, а затем ушел в отставку. Но мистер Герберт умолял мисс Найтингейл продолжать писать ему, обещая направить ее представления в соответствующие инстанции. Лорд Пальмерстон знал ее лично, а лорд Панмур с почтением относился к ее желаниям и мнениям, так что смена правительства не ослабила ее позиций. У меня есть копии длинной серии писем, адресованных мисс Найтингейл мистеру Герберту в период с ноября 1854 по май 1855 года. Он дал ей частные инструкции, согласно которым она должна была действовать как глаз и ухо для него на Востоке. Несколько ее писем были напечатаны лордом Стэнмором в его *"Мемуарах Сиднея Герберта"*, где также приводится ряд писем мистера Герберта, как к ней, так и к различным официальным лицам. Сравнение одного набора с другим показывает очень ясно, как много улучшений, которые правительство лорда Абердина и его преемника были в состоянии эффект был обусловлен предложениями, напоминания, уговоры мисс Nightingale. Ее письма написаны с полной свободой и часто в большой спешке. Можно было бы сделать из них отдельные выдержки, которые позволили бы предположить, что писательница была цензурной и немилосердной руганью. Но такая подборка создаст обманчивое впечатление. Мисс Найтингейл безоговорочно писала об отдельных людях, потому что она видела, как видел и сам мистер Герберт, что *персонал* был виноват, и что самые замечательные инструкции из дома были бы бесполезны, если бы не было людей с инициативой и энергией, чтобы выполнить их на месте. Она писала в гневе, потому что видела, как вскоре понял и мистер Герберт, что таких людей нет. "Я пишу всю эту дикость, - говорит она (5 марта 1855 года), - из-за безуспешности ваших неустанных усилий на благо этих бедных госпиталей". А затем следует отдать должное юмору, который, когда мисс Найтингейл взяла в руки перо, невозможно было отрицать. "Я не буду делать о нем больше никаких замечаний, - пишет она об одном человеке, - кроме того, что он - окаменелость из чистого старого красного песчаника". "Какая-то газета сказала обо мне, - пишет она по другому поводу, - что я четвертая женщина (запрос, Старуха), имевшая отношение к войне. Кто же остальные три?" И далее она, чтобы позабавить мистера Герберта, называет трех своих главных подчиненных, которые могут претендовать на это звание. Было бы не совсем юмористично воспринимать подобные эпистолярные диверсии без доли соли. Но я не собираюсь следовать примеру предыдущего автора, который имел доступ к этим письмам, в записи замечаний мисс Найтингейл на отдельных людей. Я скорее хочу проиллюстрировать из этих писем и других источников, во-первых, практический вклад в реформу, который мисс Найтингейл сделала в некоторых вопросах детали, а затем ее твердое понимание больших принципов разумного управления.

///

Мисс Найтингейл, как мы уже видели, выполняла обязанности провизора для больных и раненых британской армии. Она брала на себя эту обязанность только потому, что домашним властям не хватало предусмотрительности, или власти на месте были неэффективны и затруднены официальными ограничениями. Поэтому ее ранние письма к мистеру Герберту были в основном наполнены срочными предложениями об отправке правительственных магазинов. Она умоляла прислать "волосяные матрасы или даже флок,

как более дешевые". Французские госпитали были полностью обставлены волосяными матрасами; британские солдаты ужасно страдали от пролежней. Она умоляет о ножах и вилках: "мужчинам приходится рвать мясо, как диким зверям". Она предлагает швабры, тарелки, посуду, полотенца, дезинфицирующие средства и так далее, - очевидные требования, несомненно, но, как сказал мистер Герберт, ответственные власти, похоже, иногда стеснялись делать запросы, чтобы тем самым не признаться в недостаточности своих приготовлений. Именно мисс Найтингейл снова высказала идею о необходимости плотников для выполнения мелкой работы в огромных и плохо оборудованных турецких зданиях, которые служили для британских госпиталей. Она выразила огромную благодарность за "бесценное подкрепление", которое прислал мистер Герберт; но их прибытие привело к тому, что в одном из отделов ее личных складов образовалась пустота. "Этих людей, - писала она (19 февраля 1855 г.), - мне пришлось снабжать ножами, вилками и ложками по вине поставщика, который, кроме того, не выдавал им пайки, если инженерный офицер не писал "срочно" и не просил об этом "в качестве одолжения"".

Некоторые строительные работы мисс Найтингейл, как мы уже видели, взяла на себя, чтобы выполнить; и некоторые санитарные реформы она смогла, ее личное влияние на санитаров, чтобы сделать.^[129] "Обучение санитаров их делу было", - сказала она,^[130] - "одним из основных видов использования нас в военных госпиталях". Другие санитарные работы, более масштабные, были в конечном итоге выполнены, в том числе благодаря ее срочным и подробным обращениям к властям дома. Она неоднократно указывала им на то, что простого издания приказов недостаточно; необходимо, чтобы исполнительные полномочия были переданы в руки чиновников, непосредственно ответственных за немедленные действия. Когда после падения лорда Абердина правительство было воссоздано, а военным секретарем стал лорд Панмур, этот урок был верно принят к сердцу, и на Восток была отправлена комиссия в составе трех человек - д-ра Джона Сазерленда, д-ра Гектора Гэвина и м-ра Роберта Роулинсона, к.э.н., - наделенная всеми исполнительными полномочиями. Они получили свои инструкции 19 февраля 1855 года и уже через три дня отплыли. "Тон инструкций, - пишет Кинглейк, - своеобразен и заставляет поверить, что они во многом обязаны женскому побуждению. Дикция распоряжений такова, что, выражаясь языком экономки, можно сказать, что они "взбудоражили слуг"". Однако заслуга в том, что дома поднялась суматоха, принадлежит лорду Шафтсбери, который настоял на назначении комиссаров лорду Панмуру и был нанят для составления их инструкций.^[131] Обязанности этих санитарных комиссаров были изложены с мельчайшими подробностями, которые не смогла бы превзойти сама мисс Найтингейл; затем им было сказано, что "максимальная оперативность должна быть использована при выполнении всего, что необходимо в месте вашего назначения. Важно, чтобы вы глубоко осознали необходимость не довольствоваться полученным приказом, а немедленно, самостоятельно или с помощью своих доверенных лиц, приступить к работе и руководить ею изо дня в день, пока она не будет завершена".^[132] Именно из "Отчета санитарных комиссаров" я почерпнул многие утверждения о состоянии больниц, приведенные в предыдущей главе. Они приступили к работе по санитарной инженерии с большой оперативностью, и в результате их реформ уровень смертности в больницах снизился с поразительной быстротой.^[133] "Санитарные условия в больницах Скутари, - сказала мисс Найтингейл Королевской комиссии в 1857 году, - уступали по тесноте, вентиляции, дренажу и чистоте до середины марта 1855 года любой гражданской больнице или самым бедным домам худшей части гражданского населения любого большого города, который я когда-либо видела". После того как санитарные работы, предпринятые в тот день, были выполнены (июнь), я не знаю ни одного здания в мире, которое я мог бы сравнить с ними по этим пунктам, за исключением, конечно, первоначальных дефектов строительства". Именно эта комиссия, как сказала впоследствии

мисс Найтингейл лорду Шафтсбери, "спасла британскую армию". В докторе Сазерленде, главе Санитарной комиссии, мисс Найтингейл нашла горячего поклонника и горячего сторонника. Во время своего пребывания в Скутари он выступал в качестве ее врача. По возвращении в Англию она поддерживала с ним и его женой тесные дружеские отношения, а доктор Сазерленд, как мы узнаем, был одним из ее близких союзников в борьбе за реформы в армейской гигиене. С мистером (впоследствии сэром Робертом) Роулинсоном у нее также сложились дружеские отношения, которые продолжались до конца его жизни. Доктор Гэвин умер в Крыму во время работы комиссии.

Что касается запасов, то все предложения и просьбы, которые мисс Найтингейл посылала домой, выполнялись правительством. Но одно дело - отправлять запасы, и совсем другое - следить за тем, чтобы они прибывали туда, куда нужно и когда нужно. "Сидни, - писала миссис Герберт миссис Брейсбридж (17 ноября 54-го года), - отправил кучу кресел, этна и прочих удобств, но ужасно боится, что по какой-то ошибке они могут быть доставлены вместе с войсками в Балаклаву". Безошибочный взгляд мисс Найтингейл на детали и восприятие сути увидели, где кроется зло. Во-первых, не было никакой координации между отделами дома при упаковке вещей. На борту "*Принца*" (крушение которого во время знаменитого урагана 14 ноября стало катастрофическим для благополучия солдат), - писала она, - было множество медицинских принадлежностей для нас, которые были так упакованы под выстрелами и снарядами, что высадить их здесь оказалось невозможно, и они отправились в Балаклаву и были потеряны". Но было и второе препятствие. Армия расположилась лагерем в Скутари еще в мае 1854 года, но никому не пришло в голову создать там или в Константинополе контору по приему и доставке грузов. Посылки, предназначенные для армии или госпиталей, если они прибывали на торговых судах, задерживались в турецкой таможне, откуда их никогда не извлекали без особых задержек, трудностей и путаницы; многие из них были частично или полностью уничтожены, а многие - изъяты и полностью потеряны. "Таможня", - говорит мисс Найтингейл, - "была бездонной ямой, из которой никогда ничего не выходило из всего, что туда бросали". В случае с кораблями, зафрахтованными правительством, огромные массы товаров обязательно выгружались вместе и беспорядочно складировались из-за нехватки времени и места для сортировки, и часто задерживались из-за ненужного путешествия в Балаклаву и обратно. Бывали случаи, когда суда с госпитальными запасами, а также боеприпасами совершали три рейса туда и обратно, прежде чем первые выгружались в Скутари. Иногда, когда мисс Найтингейл случайно узнавала о прибывающем судне в назначенное время, ей удавалось по специальному ходатайству перед военными властями перехватить госпитальные склады; но она видела (чего, кажется, не делал никто другой), что вся система была несовершенна. "Совершенно необходимо, - писала она, - чтобы существовал правительственный склад в виде корпуса, где бы можно было сразу принимать от англичан запасы с любых кораблей и выдавать их по квитанции корабельного кладовщика. У кромки воды нет ни одного склада, а перевозка грузов очень дорогая и медленная". В марте 1855 года решение мисс Найтингейл было принято.^[134]

Как поставщик, мисс Найтингейл непосредственно занималась только больными и ранеными; но состояние, в котором мужчины прибыли в Скутари, позволило ей узнать о положении дел на фронте, и она убедила мистера Герберта в необходимости отправки теплой одежды в армию в Крыму. "Состояние возвращающихся сюда солдат, особенно тех 500, которые были приняты 19-го числа, - обмороженные, полуобнаженные, голодные, оборванные. Если войска, работающие в окопах, не будут снабжены теплой одеждой, здесь повторится русская кампания Наполеона". Страшный опыт британской армии под Севастополем зимой 1854-55 годов в какой-то мере оправдал ее предсказание. Когда

представилась возможность, она также направила свои предложения лорду Панмуру; затем, отвечая на его любезное письмо о своем здоровье (август 1855 года), она обратила внимание на непропорционально большое количество больных, поступающих из артиллерии, и дала советы по экономии мужского труда.^[135] В вопросе о денежном довольствии солдат она была средством устранения трудностей, с которыми она столкнулась в Скутари. Она настойчиво убеждала г-на Герберта, что больничные отчисления в счет ежедневного жалования *больного* солдата (9 д.) должны быть приравнены к больничным отчислениям *раненого* солдата (4½ д.), при условии, что болезнь наступила во время службы перед врагом. В декабре 1854 года она обратилась с этим предложением не только к мистеру Герберту, но и к королеве. 1 февраля 1855 года она с большим удовлетворением узнала, что ее предложение было принято и что счета солдат будут исправлены в этом смысле, начиная с битвы при Альме.

IV

Королева попросила мисс Найтингейл внести предложения о том, что Ее Величество может сделать, "чтобы засвидетельствовать свое чувство мужества и выносливости, которые так часто демонстрируют ее больные солдаты". Одним из представленных предложений было только что упомянутое исправление. Другое предложение заключалось в том, чтобы немедленно обратиться к султану с просьбой о предоставлении военного кладбища в Скутари англичанам, и чтобы Ее Величество обнесла его каменной стеной. "На этом кладбище уже, увы!" - писала мисс Найтингейл, - "лежит около тысячи человек. На прошлой неделе сообщили о девятистах. Только за последние два дня мы похоронили сто человек. Место красивое, с видом на Мраморское море, и занимает пространство между стеной Главного госпиталя и краем морского обрыва". Это предложение, должно быть, пришлось по сердцу королеве, так как мисс Найтингейл сообщили, что Ее Величество написала по этому поводу как лорду Кларендону, государственному секретарю по иностранным делам, так и британскому послу в Порте. Фирман был получен в свое время, а ухоженная британская усыпальница и по сей день привлекает внимание путешественников, контрастируя с восточными захоронениями. Опять же по предложению мисс Найтингейл "королевой Викторией и ее народом" был воздвигнут памятный обелиск, далеко виднеющийся в одиноком великолепии.^[136]

Но я не должен задерживаться на деталях. Глаз мисс Найтингейл к деталям не мешал ей принимать всеобъемлющие взгляды, и время от времени она посылала мистеру Герберту схемы реорганизации. В следующем письме от 8 января 1855 года она раскрыла масштабы и природу зла в госпиталях, а также вид реформы, которая была необходима для их исправления:-...

Поскольку большая часть армии (в которой, как нам говорят, нет и двух тысяч здоровых мужчин) поступает в госпитали, поскольку на карту поставлены тысячи жизней, поскольку в службе, где будущее официальных служащих зависит от личных интересов одного человека, нельзя ожидать, что они подвергнут это будущее опасности, поставив себя на полку новаторов.

Я чувствую, что сейчас не время для комплиментов или ложного стыда; и что вы никогда не услышите всей правды, какой бы неприятной она ни была, кроме как от человека, не зависящего от продвижения.....

Прилагаю примерный подсчет того, что было выдано мной за один месяц - *все по "просьбе" медиков - и все это при мне* (просто для того, чтобы подтвердить факты нищеты этих больниц).

С 17 декабря к нам поступило 3400 больных, и я еще не подводил итогов того, что было сделано нами для этих новоприбывших, за исключением одного коридора, который я прилагаю.

(1) Таким образом, провизия равна *нулю* - *это чистая правда*, - помимо постельного белья, хлеба, мяса, холодной воды, топлива.

Кроме *массового* варения в больших котлах общей кухни, мясо не варится, вода не кипятится, за исключением того, что делается в моих вспомогательных кухнях. В моем графике будет указано, что я поставляю.

Я отказался продолжать поставки для третьего госпиталя, султанского сераля[137] - требования ко мне там были начаты с двенадцати сотен изделий, включая рубашки, в первую ночь после того, как мы заняли его. Я отсылаю вас к списку того, чего *не было* на складе, и к копии одной реквизиции, направленной мне в прошлом письме.

(2) Необычайное обстоятельство, когда целой армии было приказано бросить свои комплекты, как это было сделано, когда мы высадили наших людей перед Альмой, было полностью упущено из виду во всей нашей системе. Дело в том, что я сейчас нахожусь в одежде британской армии. Больные были высажены в Балаклаве для этих госпиталей, не возвращаясь к своим комплектам, к тому же полуголые. А когда их выписывают отсюда, они уносят с собой, за малую вину, даже мои ножи и вилки - рубашки, конечно, и госпитальную одежду тоже. Мужчины, отправленные в Абидос в качестве выздоравливающих, были отправлены в *своих больничных платьях*, иначе они должны были идти голыми. [225] В результате сейчас на складе не осталось ни одного больничного платья, и я заменил их турецкими халатами из Стамбула (три тюка в проходе помечены "Больничные халаты", но на них еще не "*сели*"). Заниматься снабжением этого госпиталя - все равно что лить воду в решето; и так будет до тех пор, пока из Англии не пришлют полковые запасы, достаточные для того, чтобы одеть раздетых и пополнить комплект.

Мне присылают заявки на *форменные брюки*, на все предметы комплекта.

Мы еще не слышали, чтобы высылали сапоги; люди приходят в госпиталь полубосыми.

Во время такого бедствия, не имеющего аналогов в истории, как я полагаю, бедствий, у меня осталось немного сострадания даже к несчастному поставщику, заваленному требованиями, которых он никак не ожидал. Но у меня нет сострадания к людям, которые скорее предпочтут увидеть сотни загубленных жизней, чем отступят хоть от одного угрызания официальной совести.

(3) Госпитальные и армейские склады отправляются на одних и тех же судах, и наши склады поднимаются в Балаклаву, а вниз они уже никогда не спускаются, или еще не спускались.

(4) Полная неэффективность системы госпитальных санитаров в ее нынешнем виде. У французов есть постоянная система санитаров, обученных для этой цели, которые не возвращаются в строй. Для нас уже слишком поздно организовывать это. Но если бы выздоравливающие, будучи хорошими санитарями, не отправлялись в Крым, как только они освоят свою работу, если бы Главнокомандующий обратился к командирам каждого полка с призывом выбрать из каждого по десять человек в качестве санитаров для формирования здесь депо (не молодых солдат, а людей с хорошим характером), это дало бы некоторую надежду на организацию эффективного корпуса. Прежде всего, из Англии должен быть выслан класс Уорд-Мастера, о котором я упомяну.

Мы требуем

(1) Эффективный штат провизоров из Англии, но не только это,

(2) Глава, тот, кто имеет полномочия объединить отделы в единое и быстрое действие. Он может с таким же успехом оставаться дома, если только у него не будет полномочий изменять договоренности между департаментами, которые сэр К. Тревельян специально заключил с мистером Врефордом перед своим отъездом в мае.

(3) Нам нужны офицеры-медики.

(4) Три заместителя генерального инспектора (тогда как у нас только один).... Из того, что было сказано в предыдущих письмах, очевидно, *кто*, если в этих госпиталях два заместителя генерального инспектора, должен быть назначен заместителем генерального инспектора этого барачного госпиталя, при этом учитывается прошлая и настоящая эффективность.

(5) Нам нужны уволенные унтер-офицеры, не [226] за меридианом жизни, не из Корпуса скорой помощи, которые все умерли от трепанации или холеры, а те, кто работает вардмейстерами в военных тюрьмах, или сержантами в казармах, или сержантами госпиталей в гвардии, которые могут быть высоко рекомендованы.

Нам нужны эти люди в качестве вардмейстеров и помощников вардмейстеров в качестве стюардов. Они должны подчиняться старшему медицинскому офицеру и сниматься им с должности; они должны получать хорошую зарплату, чтобы это стоило их усилий, - скажем, 5 с. в день 1-го класса, 2 с. 6 д. в день 2-го класса - ибо они должны быть превосходными людьми, а не тем сбродом, который мы имеем сейчас". (N.B.- В каждом отделении этого госпиталя, которых здесь три, содержится по 800 и более больных).

Книга правил госпиталя, достойная восхищения в мирное время, не содержит ничего для военного времени, тем более для такого, как это, не имеющего аналогов по бедствиям.

Сержанты госпиталя, конечно же, находятся в Крыму со своими полками, и у нас нет ничего, кроме таких сырых капралов и сержантов, которых можно пощадить, новичков в своем деле, чтобы поставить их во главе отделений и палат. А ведь лорд Раглан жалуется, что мы их держим. Мы должны иметь сержантов госпиталя, если есть хоть малейшая надежда на эффективность работы санитаров.

(6) Санитары должны хорошо оплачиваться, хорошо питаться, хорошо жить. Сейчас они перегружены работой, их плохо кормят и мало платят. Болезни и смертность среди них необычайно высоки - в одной дивизии сегодня ночью заболело десять человек.

Я написал план систематической организации этих больниц на основе принципа централизации, при котором все составные части могли бы работать в унисон. Но, пересмотрев его, сочтя столь значительные изменения неосуществимыми при нынешнем сильном натиске бедствий, я воздерживаюсь от его пересылки и заменяю наброском плана, с помощью которого можно добиться значительных улучшений изнутри, не отказываясь от форм, в которых осуществляется служба.....

Эта дальнейшая схема, однако, может быть приведена в более кратком виде из более позднего письма (28 января):-

Поскольку, судя по всему, "Промыслу" приходит конец, возможно, я не буду виновен в убийстве невинных, если рискну предположить, что может занять место почтенного Врефорда. У Корнелия Агриппы была палка от метлы, с помощью которой он приносил воду

для своих нужд. Когда палка метлы была разрублена надвое топором неосторожного ученика, каждый конец разрубленной метлы, подхватив кувшин, стал изо всех сил набирать воду. Если бы Проводник здесь был разрублен на три части, мы могли бы питать [227] надежду на то, что нам принесут не только воду, но и еду, и одежду. Пусть вместо одного неопределенного поста будет три разных: (1) Обеспечивать нас пищей.

(1) Обеспечить нас едой.

(2) Мебель и одежда для больницы.

(3) Для поддержания распорядка дня.

Сейчас это три должности несчастного поставщика, и ни одна из них не выполняется.

Но *предполагается*, что поставщик должен быть лишь каналом, через который *проходят* магазины комиссариата. Теоретически, но не практически, это так. (Ибо практически Врефорд ничего не получает через комиссариат, а нанимает подрядчика).

Так почему бы *комиссариату* не *снабжать* госпиталь продовольствием, как это делает весь офис поставщика № 1? Практика выдачи *сырых* пайков, как здесь показано, кажется, придумана специально, чтобы тратить время как можно большего числа санитаров, которые стоят в конторе поставщика с 4 до 9 утра, получая завтрак для пациентов, с 10 до 12, получая их ужин, и чтобы сделать еду пациентов как можно более поздней, потому что невозможно получить рационы, полученные таким образом, приготовленными до 3 или 4 часов. Сцену неразберихи, задержек и разочарований, когда все эти сырые диеты взвешиваются двойками, тройками и четверками, невозможно себе представить, если только не видеть ее, как я, день за днем. И надо быть, как я, в любое время дня и ночи в этом госпитале, чтобы представить себе злоупотребления этой ненужной системы - сырое мясо, доставленное слишком поздно, чтобы быть приготовленным, стояние всю ночь в палатах и т. д., и т. д., и т. д. Почему бы комиссариату не отправлять *сразу* необходимое количество говядины, баранины и т. д. и т. п. на кухни, не проходя через эту промежуточную стадию вытягивания санитарями?

Пусть здесь находится комиссариатский офицер, пусть вардмейстеры подсчитают по диетным листам медиков столько-то сотен полных диет, столько-то сотен полудиев, столько-то сотен ложек, и передадут их комиссарскому офицеру накануне. На следующий день *все* это количество, *общее* для всех вардмейстеров, передается непосредственно на кухни.

На кухнях все это должно быть нарезано на горячих тарелках, а во время еды санитары приходят за этим для пациентов и разносят по палатам, где офицер отдает это каждой койке, в соответствии с билетом, на котором он читает диету, вывешенную у каждой кровати. Время и путаница, сэкономленные таким образом, будут неисчислимы. Пунктуальность сейчас невозможна; пища полусырая, и часто через много часов после еды. Некоторые порции состоят из одних костей, в то время как мясо должно быть разделано на кухне, в соответствии с предложенным планом, и порции, разделанные там, содержат только мясо. Подумайте об этом.

Кроме того, в каждом [228] подразделении может быть дополнительная диетическая кухня; чайник, выдача чая, сахара и т. д. в каждом столовом, за которые отвечает вардмейстер; стрелочный корень, говяжий чай и т. д., которые должны выдаваться из дополнительных диетических кухонь.

Но в эти подробности входить вам нет надобности.

(2) Вторая обязанность Провизора - снабжать, *по требованию*, госпиталь утварью и одеждой. Но пусть больница будет обставлена сразу же, как уже было описано в предыдущих письмах. Если имеется 2000 коек, пусть эти 2000 коек имеют соответствующую мебель и одежду, стационарную и постоянную. Будет ли это первоначально предоставлено комиссаром или кладовщиком, пусть решают те, кто компетентен. Французы, похоже, дают слишком много власти своему комиссариату, который является настоящим начальником своих больниц, в то время как медики - лишь их рабы, а мы даем слишком мало. Но если госпиталь уже оборудован, а в каждом отделении назначен кладовщик для обеспечения износа, пусть за это отвечают вардмейстеры. Пусть на дверях каждой палаты висит опись того, что там *должно* быть. Пусть заведующие отделениями сдают грязное белье каждую ночь и получают такое же количество чистого белья каждое утро. Пусть пациент сбрасывает свою больничную одежду, как змея, когда выходит из госпиталя, проходит осмотр у квартермейстера и получает, если нужно, из магазина квартермейстера то, что необходимо для того, чтобы снова стать солдатом. В то время как следующий пациент получает свою кровать и мебель.

(3) Повседневная работа госпиталя. Этим занимается, или, скорее, *не* занимается, Поставщик. На самом деле я - повар, экономка, мусорщик (я заставляю санитаров опустошать огромные баки), мойщица, торговец, кладовщик. Предполагается, что все это должен делать Провизор, но это физически невозможно. И грязь, и беспорядок, и запустение - пусть опишут те, кто видел это, когда мы только приехали.

Пусть у нас будет содержатель гостиницы, управляющий домом, который будет отвечать за ежедневную рутину - готовить, мыть и убирать нас, следить за хозяйством, короче говоря, отвечать за чистоту в палатах, что сейчас делает один врач, доктор М'Григор, я, или никто - проверять кухни, умывальники, быть тем, кем должна быть экономка в частном приюте.

У французов *административный шеф*, комиссар, как мы его называем, является хозяином санитаров. А медики просто приходят, выписывают рецепты, как это делают лондонские врачи, и снова уходят. У нас же медицинские работники - это все, и они должны делать все, как бы разнородно это ни было. Французская система плоха, потому что, хотя в карте может быть двадцать вещей, чтобы медицинский работник выбрать диету своего пациента [229] из, *номинально*, шеф-повар администрации может обеспечить только два, и пациент не имеет никакого возмещения.

Будет ли в любом новом плане домоправители командовать санитарями или медиками, я не компетентен определять, но в любом случае пусть у нас будет губернатор госпиталя. Поскольку это военный госпиталь, в качестве губернатора, вероятно, необходим военный начальник".

20 сентября 1855 года был издан королевский ордер, реорганизующий медицинский корпус "для лучшего ухода за больными и ранеными", пересматривающий обязанности нескольких офицеров и улучшающий их жалование. Любой, кто захочет обратиться к этому ордеру, и сравнить его с письмами мисс Найтингейл, только что приведенные, увидит, что в значительной степени ее предложения были приняты военным министерством.

Мисс Найтингейл была осторожна, как мы видели, не вмешиваться в работу врачей, и, хотя она считала, что как администраторы некоторые из них были неэффективными, она с готовностью свидетельствовала об их мастерстве и преданности (за некоторыми исключениями) в их надлежащей работы. Но она не могла воздержаться от сожаления по поводу одного большого упущения и предложила внести значительную сумму на его исправление: - "Одна вещь, которая нам очень нужна.

"Одна вещь, которая нам очень нужна, - писала она мистеру Герберту (22 февраля 1855 года), - может быть легко осуществлена. Это создание медицинской школы в Скутари. Мы упустили прекраснейшую возможность продвинуть дело медицины и возвести ее в науку, которая, вероятно, когда-либо будет предоставлена. Здесь нет ни операционной, ни препаровальной; вскрытия производятся редко, и тогда в мертвецкой (самый искусный штабной хирург сказал мне, что, по его мнению, из-за отсутствия таковых он погубил сотни людей) не ведется никакой статистики о том, в каком возрасте чаще всего происходят смерти, о способах лечения, о внешнем виде тела после смерти и т. д. и т. п., и т. д., и т. п., и все бесчисленные и самые важные моменты, которые способствуют тому, чтобы терапия стала средством спасения жизни, а не, как здесь, формальной обязанностью. Наша регистрация в целом настолько прискорбно несовершенна, что часто единственная запись, которая ведется, - *это то, что человек умер* в такой-то день. На Эспланаде перед госпиталем барака есть киоск, который квартальный смотритель отказался использовать для своих магазинов, и который я попросил и получил в качестве медицинской школы. Сейчас он не используется ни для каких целей - 300 или 400 фунтов стерлингов (которые я охотно дам) позволили бы привести его в порядок. Она не заброшена и во всех отношениях рассчитана на ту цель, которую я назвал. Обязанности по преподаванию медицины не могут быть выполнены [230] эффективно с меньшим штатом, чем два лектора по физиологии и патологии и один лектор по анатомии, которые будут заняты подготовкой предметов для демонстрации и проведением операций для сведения младших школьников".

Это предложение также было частично принято. Был построен отличный препарировочный кабинет, оснащенный многочисленными инструментами, микроскопами и другими приспособлениями.[138]

V

И так эта идейная женщина продолжала, неделя за неделей, месяц за месяцем, донося до правительства дома просьбы, советы, планы; иногда она добивалась того, чего хотела, а иногда вносила предложения, которые, если бы их приняли, еще больше способствовали бы эффективности. Что-то из той спокойной и ясной проницательности, которая произвела впечатление на королеву Викторию и принца Альберта, когда они познакомились с ней лично,[139] отразилось в ее внешности и поведении, как наблюдали очевидцы в Скутари. "По внешнему виду, - писал мистер Осборн, - мисс Найтингейл такая же, как и любая другая хорошо воспитанная женщина, которая, возможно, прожила более тридцати лет; ее манеры и лик привлекательны, и это без обладания положительной красотой; это лицо, которое нелегко забыть, приятное в своей улыбке, с глазами, выдающими большое самообладание, и придающими, когда она хочет, спокойный вид твердой решимости каждой черте. В целом ее манера поведения спокойна и сдержанна, но я сильно ошибаюсь, если она не одарена живым чувством смешного. В разговоре она говорит о делах с серьезной серьезностью, которой не ожидаешь от ее внешности. Ее ум, очевидно, приучен сдерживать в соответствии с принципами действия момента все чувства, которые могли бы ему помешать. Она приучила себя командовать, научилась ценить примирение с другими и сдерживать себя. Я могу представить ее как строгого дисциплинарного работника; она бросается в работу как ее руководитель. В этом качестве она хорошо знает, насколько успех зависит от буквального повиновения каждому ее приказу".[140]

Вскоре в Скутари поняли, что мисс Найтингейл - это сила. Позднее она случайно упомянула об одном любопытном факте, который показывает, как офицеры обращались к ней в качестве своего рода чрезвычайного человека. В 1862 году она настаивала на том, чтобы военное министерство отделило функции банкира от функций снабженца, и на собственном

опыте проиллюстрировала путаницу, вызванную слиянием. Среди примеров было и такое: "В Скутари у меня в спальне одновременно хранились тысячи суверенов, доверенные мне офицерами, которые предпочитали, чтобы я была их банкиром из-за вечных разногласий. Оскорби комиссара или поставщика, и ты не сможешь получить свои деньги".^[141] Вскоре стало ясно, что мисс Найтингейл была человеком, который, если кто-либо мог, мог добиться своего, и любой чиновник, у которого возникала идея, обращался к ней. В письмах к Сиднею Герберту она иногда дает ему понять, что то, что она говорит, исходит не только от "бедной меня", но представляет мнение "всех лучших людей здесь". Но она, я думаю, была лучшим человеком из всех.^[142] Такого мнения, во всяком случае, придерживался человек среди людей, несомненный Сидней Годолфин Осборн. "Каждый день, - писал он, описывая свое пребывание в Скутари, - приносил новое осложнение страданий, которое нужно было как-то распутать. Каждый день был по-своему тяжел для той, кто взвалил на себя такой груз ответственности, в неопытной области, да еще и с сотрудниками своего пола, совсем новичками в этом деле. Ее должность требовала мужества Кардигана, такта и дипломатии Пальмерстона, выносливости Говарда, жизнерадостной филантропии миссис Фрай. Мисс Найтингейл занимает этот пост; и, по моему мнению, это единственный человек, который во всей этой несчастной войне показал больше, чем кто-либо другой, что настоящая энергия, руководствуясь здравым смыслом, может сделать, чтобы ответить на вызовы внезапной чрезвычайной ситуации".^[143] И поэтому любой чиновник, почувствовавший острую необходимость в каком-то конкретном подразделении, обращался к Главной леди. Хирург хотел, чтобы какой-то момент был представлен с особой срочностью властям дома? Он обратился к мисс Найтингейл. Хотел ли поставщик получить особые полномочия от военных, чтобы облегчить свою задачу? Он шел к мисс Найтингейл. Центр инициативы в Скутари находился в башне сестер; и обращение к мисс Найтингейл имело что-то от той магии, которая в прежние времена заключалась в "обращении к мистеру Питту".^[144]

ГЛАВА VII

АНГЕЛ-СЛУЖИТЕЛЬ

В час нужды...
Вы, как ангелы, явились,
Сияя божественным пылом! ...
Порядок, мужество, возвращение...
Вы движетесь сквозь ряды, отзываете
Отставших, освежите усталых,
Хвалите, вдохновляйте храбрецов!
Глаза вновь загораются, и молитвы,
Следуют за вашими шагами, когда вы идете.

Мэтью Арнольд.

В предыдущих главах мы видели, как действуют мозг и воля; но вместе с ними Флоренс Найтингейл привнесла в свою миссию нежность женского сердца. Она была матроной больницы не меньше, чем хозяйкой казармы. Она была решительным администратором, но также, как говорилось в то время в сотне речей, писем, статей:

Когда боль и муки терзают чело,
A ministering angel thou.

На тех, кто стоял за кулисами, на министров и чиновников, именно эта сторона ее деятельности произвела самое сильное впечатление. Одни аплодировали ее поступкам, признавая, что только приход новой силы мог проложить путь через трясину; другие жаловались, что в ее методах есть что-то слишком властное и хозяйское; все одинаково воспринимали ее силу и мощь воли. Но для больных и раненых, среди которых она жила и двигалась, а также для широкой публики дома, которая слышала о ее работе, именно мягкая сторона ее характера была более привлекательной. Они знали и почитали ее не как жесткого дисциплинарного работника или творческого организатора, а как сострадательную и нежную медсестру. Те, кто не имел возможности узнать, какую еще работу ей приходилось выполнять, полагали, что все это - служение больным в узком смысле слова. Но на самом деле, как она писала мистеру Герберту (14 января 1855 года), уход за больными был "наименее важной из функций, к которым ее принудили"; и те, кто был на месте, наблюдая за тяжестью этих других обязанностей, желали, чтобы ее можно было убедить избавить себя от того или иного вида работы. Удивительно, что она без усталости совмещала и то, и другое.

Ее самоотверженность и работоспособность были огромны. "Я работаю в палатах весь день, - говорила она, - и пишу всю ночь"; и это вряд ли было преувеличением. Письмо от мисс Стэнли (21 декабря 1854 года) дает интересный взгляд на Флоренс Найтингейл за работой в больнице барака:...

Мы поднялись по каменной лестнице; на втором этаже мы попали в коридоры для больных, на низких деревянных подставках, поднятых на фут от пола, расположенных на расстоянии около 2 футов друг от друга и оставляющих 2-3 фута посередине, по которым мы шли. Атмосфера ухудшалась по мере нашего продвижения. Мы прошли два или три таких огромных коридора, спрашивая дорогу на ходу. Наконец мы пришли в комнату охраны, еще один коридор, затем через дверь в большую оживленную кухню, где стояла миссис Маргарет Уильямс, которая, казалось, была очень рада меня видеть: затем тяжелый занавес был поднят^[145]; я вошел в дверь, и там сидела дорогая Фло и писала на маленьком некрашеном столе. Я никогда не видел, чтобы она выглядела лучше. На ней был черный меринос, отделанный черным бархатом, чистый льняной воротничок и манжеты, передник, белый чепчик с повязанным на нем черным платком; а рядом стояла миссис Брейсбридж, тоже выглядевшая так мило. Я была вполне довольна своим приемом.... Поток людей каждую минуту. "Пожалуйста, мэм, у вас есть бумага с черными краями?" "Пожалуйста, что я могу дать такого, что не будет вредить его желудку; есть ли сегодня для него манная крупа?" "Нет; ванны с марантой должны быть для самых тяжелых случаев; мы не можем дать ему ни одной, и желе тоже нет; попробуйте дать ему несколько яиц". "Пожалуйста, мистер Гордон [главный инженер] хочет видеть ^[235] мисс Найтингейл по поводу приказов, которые она ему дала". Мистер Сабин заходит еще за чем-то. Мистер Брейсбридж входит и выходит, рассказывая о генерале Адамсе,^[146] и приказах разного рода.^[147]

Случай, описанный мисс Стэнли, пришелся на почтовый день. Еще более напряженными были ужасные дни, когда из Крыма прибывали новые партии больных и раненых. По словам генерала Бентинка, мисс Найтингейл приходилось по восемь часов стоять на коленях, перевязывая раны и оказывая помощь. Бывали случаи, когда она стояла по двадцать часов подряд, распределяя помещения, распределяя запасы, направляя работу персонала или помогая в болезненных операциях, где ее присутствие могло успокоить или поддержать. По словам мистера Осборна, она "совершенно не боялась заразы. Я знаю, как она часами

лежала над людьми, умирающими от холеры или лихорадки. Чем ужаснее, на любой взгляд, был тот или иной случай, особенно если речь шла об умирающем человеке, тем чаще можно было видеть ее легкую фигуру, склонившуюся над ним, облегчающую его состояние всеми доступными ей средствами и редко покидающую его до тех пор, пока смерть не отпускала его".[148] "Мы не можем, - писал мистер Брейсбридж ее дяде, мистеру Смиту (18 декабря 1854 г.), - помешать ее самопожертвованию ради умирающих. Она не может делегировать свои полномочия, как нам хотелось бы; но эти случаи так интересны и болезненны; кто может оставить их, когда за них берутся? Мальчики и храбрые мужчины умирают, которых можно спасти с помощью ухода и правильного питания". Записано, что однажды она видела, как пять солдат были отложены как безнадежные случаи. Первым долгом перегруженных работой хирургов были те, на спасение которых, казалось, было больше надежды. Она попросила, чтобы ей поручили заботу об этих пяти мужчинах, и хирурги согласились. С помощью одной из своих медсестер она ухаживала за больными всю ночь, давая им пищу из своих запасов, а утром оказалось, что они в состоянии, пригодном для хирургического лечения.[149] "Мисс Найтингейл, - сказал один пенсионер из Челси, вспоминая свои впечатления от Скутари, - постоянно входила и выходила. Она сама занималась всеми самыми тяжелыми случаями. Некоторые из новичков поначалу немного стеснялись, но я много раз слышал, как она говорила: "Никогда не стыдись своих ран, друг мой"". [150] "Я верю, - писал гражданский врач, видевший ее за работой, - что не было ни одного тяжелого случая, который бы ускользнул от ее внимания, и иногда было удивительно видеть ее у постели пациента, поступившего, возможно, всего за час до этого, и о прибытии которого вряд ли можно было предположить, что она уже в курсе".[151]

Иногда, когда измученной природе нельзя было отказать в отдыхе, она перепоручала последнюю печальную обязанность другой даме. "Селина [миссис Брейсбридж] сидит с умирающим. Флоренс наконец-то уснула, час ночи". Ее дни всегда были длинными, потому что она считала правильным не позволять никому из своих сестер находиться в палатах после восьми вечера. И часто, когда все вокруг затихало, а она засиживалась, чтобы закончить свою тяжелую корреспонденцию, она совершала последний обход палат. Одна женщина-волонтер, которую через два дня после ее прибытия отправили сопровождать мисс Найтингейл в такой поездке, вспоминает об этом. "Мы обошли весь второй этаж, зашли во многие палаты и в один из верхних коридоров. Это казалось бесконечной прогулкой, которую нелегко забыть. Пока мы медленно шли, стояла глубокая тишина; очень редко до нас доносились стоны или крики глубоко страдающих людей. То тут, то там горел тусклый свет. Мисс Найтингейл несла свой фонарь, который она ставила, прежде чем наклониться над кем-нибудь из пациентов. Я очень восхищался ее отношением к мужчинам - оно было таким нежным и добрым".[152] Описание этих полуночных бдений, данное мистером Макдональдом, комиссаром фонда "*Таймс*", стало известным, адаптировавшись, во всем мире: - Везде, где есть болезнь.

Везде, где есть болезнь в ее наиболее опасной форме и где рука опустошителя находится в тревожной близости, непременно можно увидеть эту несравненную женщину. Ее благотворное присутствие - это влияние, способствующее хорошему утешению даже среди борьбы угасающей природы. В этих больницах она без преувеличения является "ангелом-служителем", и когда ее стройная фигура бесшумно скользит по каждому коридору, лицо каждого бедняги смягчается от благодарности при виде ее. Когда все медицинские работники уходят [237] ночь, и тишина и темнота оседают на эти мили распростертых больных, ее можно увидеть одну, с маленькой лампой в руке,[153] совершающей свой одиночный обход.

Знаменитыми стали и слова, которые один бедняга прислал домой. "Каким утешением было видеть, как она проходит мимо. Она говорила с одним, кивала и улыбалась еще стольким; но она не могла делать это со всеми, вы знаете. Мы лежали там сотнями; но мы могли поцеловать ее тень, когда она падала, и снова положить голову на подушку, довольные". "До ее прихода, - говорится в письме другого солдата, - здесь ругались и сквернословили, но после нее все стало свято, как в церкви". Мистер Сидни Герберт зачитал эти письма на публичном собрании в ноябре 1855 года.^[154] Лорд Элсмир использовал описание мистера Макдональда в Палате лордов в мае 1856 года.^[155] А Лонгфелло в следующем году написал об этом стихотворение, одно из самых известных, я полагаю, из когда-либо написанных: "Lo!

Ло! В тот час страданий
Леди с лампой я вижу
Проходит сквозь мерцающий мрак,
И порхает из комнаты в комнату.
И медленно, как в блаженном сне,
Страдалец безмолвный целует
Ее тень, падающую
на темнеющие стены.

Мужчины боготворили ее. Они целовали ее тень и отдавали честь, когда она проходила мимо их раненых рядов. "Если королева пришла умирать, - сказал один солдат, потерявший ногу на Альме, - они должны были сделать ее королевой, и я думаю, они так и сделали бы". Ее живое чувство юмора, которое мистер Осборн уловил в беседах с ней в госпитале, оценили и пациенты. "Она замечательно умела поднять настроение любому, кто был немного подавлен", "Она была полна жизни и веселья", - сказал другой, - "когда она разговаривала с нами, особенно если человек был немного подавлен".^[156] Кто может сказать, какое утешение приносил нежный женский голос, прикосновение нежной женской руки многим беднякам, страдающим от лихорадки или болячек? И кто может сказать, как часто ее присутствие было "чащей силы в великой агонии"? "Магия ее власти над людьми ощущалась, - как описывает Кинглейк, - в комнате - страшной, залитой кровью комнате, где проводились операции. Возможно, искалеченный солдат, если он еще не смирился со своей участью, поначалу жаждал скорее умереть, чем встретить нож хирурга; но, когда он смотрел и видел, что почтенная леди-главнокомандующая терпеливо стоит рядом с ним и, поджав губы и сложив руки, решает пройти через боль, чтобы стать свидетелем боли, он обычно впадал в настроение, чтобы подчиниться ее молчаливому приказу, и, находя странную поддержку в ее присутствии, заставлял себя подчиниться и терпеть".^[157] А когда наступал смертный час, как часто, должно быть, кончину успокаивало присутствие женщины, которая словами женского утешения возвращала последние мысли солдата к дому, жене или ребенку? Член парламента, хорошо известный в лондонском обществе, мистер Огастус Стаффорд, во время каникул 1854 года отправился в Скутари и оказался очень полезным для мисс Найтингейл. "Он говорит, - писал Монктон Милнс (янв. 1855 г.), - что Флоренция в госпитале делает для него понятными святых средневековья. Если бы солдатам сказали, что крыша открылась, и она ощутимо поднялась на небо, они бы ничуть не удивились. Они уверены, что она находится сразу в нескольких местах".^[158] Они были впечатлены ее силой не меньше, чем тронуты ее нежностью, и приписывали Главной леди дары руководства в полевых условиях. "Если бы она стояла во главе их отряда, они были бы в Севастополе через неделю", - эту фразу часто можно было услышать в больничных палатах.

//

Из всех документов, которые прошли перед моими глазами во время написания этих мемуаров, ни один не тронул меня больше, чем пачка писем к друзьям и родственникам крымских солдат и от них. Мисс Найтингейл внимательно относилась к последним пожеланиям и сообщениям любого умирающего, и письма, в которых она пересылала их жене или матери, должно быть, своим прикосновением женского сочувствия принесли бальзам многим пораженным сердцам. "Моя дорогая мисс, - пишет одна из матерей, - я очень остро чувствую утрату, связанную со смертью моего бедного сына, но если что-то и может помочь моему горю, так это мысль о том, что за ним присматривали и о нем заботились добрые друзья, находясь за столько миль от его родной земли". "Прошу вас, - пишет одна из сестер, - выразить мою благодарность за всю вашу доброту к моему бедному дорогому брату и за то, что вы написали мне о его смерти. Для меня большое утешение знать, что о его душе и теле так заботились". "Могу заверить вас, - пишет другой, - что вас любит каждый бедный солдат, которого я видел". Подобная переписка продолжалась и после того, как мисс Найтингейл переехала из Скутари в Крым. Одно письмо к убитой горем матери можно привести в качестве примера многих: - ...

... Впервые я увидела вашего сына, когда обходила палаты в Главном госпитале в Балаклаве. Его привезли утром.... Он все время был в сознании и оставался таким до последнего. Он молился вслух так красиво, что, как сказала старшая медсестра, "слушать его было похоже на проповедь". Он просил "увидеть мисс Найтингейл". Он знал меня и сказал мне, что полностью смирился со смертью. Он сжимал мою руку, когда не мог говорить. Он умер ночью.... Он был достойно похоронен на кладбище, которое находится в миле от Балаклавы. Там же покоится одна из моих сестер, которой я поставил памятник. Если вы пожелаете, чтобы на могиле вашего погибшего сына было сделано что-нибудь подобное, я постараюсь удовлетворить вас, если вы сообщите мне о своем желании. С искренним сочувствием к вашей утрате, я остаюсь, дорогая мадам, искренне вашей, Флоренс Найтингейл.

Есть и другая пачка, едва ли менее трогательная, которая содержит письма с тревожными запросами, адресованные мисс Найтингейл со всех концов Соединенного Королевства, умоляя ее прислать, если она может, сведения о местонахождении, болезни или последних часах мужа, брата, отца или сына. "Чтобы вы могли его узнать, - пишет одна горячо любимая мать, - это прямой, приятный, чистый на вид юноша со светлыми плечами". "Умер в больнице, в хорошем расположении духа", - таков был ответ мисс Найтингейл. Каждое письмо было тщательно отвечено, и каждое сообщение, я не сомневаюсь, было передано, когда это было в ее силах. Много благословений было призвано на голову мисс Найтингейл. Часто писатель начинает с объяснения, что газеты рассказали о ее большой доброте, и поэтому она простит вторжение. Другие показывают, что принимают все это как должное, начиная со слов: "Дорогой друг" или заканчивая: "С любовью". Многие жены умоляют ее сообщить солдату, что дети здоровы и счастливы. А в одном письме раненому улану передается послание от девушки, которую он оставил после себя: "Если он жив, пожалуйста, упомяни ему мое имя".

///

Нагрузка на физические и душевные силы мисс Найтингейл была непрекращающейся. Ее здоровье, как выяснилось в конце концов, было серьезно подорвано; но за все время работы в Скутари она ни разу не отлучалась со своего поста. "У вас были наилучшие возможности, - спросила ее Королевская комиссия 1857 года, - наблюдать за состоянием солдата, когда он

поступал в госпитали, пока он в них находился, когда он умирал и отправлялся на кладбища, когда его отправляли домой как инвалида и когда он снова поступал в армию?" "Да, - ответила она, - я никогда не выходила из госпиталей". В самое тяжелое время холеры и тифа умерли три ее медсестры и семь армейских врачей. Мисс Найтингейл ухаживала за двумя врачами в их последние минуты, и поредевшие на некоторое время ряды медиков увеличили ее труд. Объем канцелярской работы, которая легла на нее, был, можно себе представить, огромным. Леди Алисия Блэквуд рассказывает, что, когда она открывала школу в женских и детских кварталах в Скутари, мисс Найтингейл со смехом сказала: "О, вы действительно собираетесь делать эту недобрую вещь - учить детей писать? Я так устала писать, что иногда мне хочется не писать!" Боюсь, в этом смехе была некая мрачность. О масштабах переписки, которую мисс Найтингейл вела с министрами дома, с военными и медицинскими офицерами на месте военных действий и в Скутари, можно судить по предыдущим главам. Ее руководство медсестрами повлекло за собой в ведении счетов и в письмах к жалобщикам среди них, а также к их родственникам, еще одну массу корреспонденции. Затем среди ее бумаг я обнаружил кипы счетов за хранение (в основном написанных ее собственным почерком) и другие пачки корреспонденции с предложениями помощи деньгами или натурой. То, что мисс Найтингейл в конце концов сломалась под нагрузкой, было естественно; удивительно, что она так долго сопротивлялась. Она не смогла бы справиться с массой деталей, связанных с ее многогранной работой, без значительной помощи. О помощи мистера Макдональда я уже упоминал; аналогичную помощь оказывал некоторое время преподобный и достопочтенный Сидней Годолфин Осборн, знаменитый С.Г.О., автор писем в *"Таймс"*. Мистер Кинглейк посвящает очаровательную страницу "восторженному молодому парню, который, отказавшись от своей жизни, полной удовольствий и роскоши, отправился, как он, вероятно, выразился, "пидорить" для Главной леди". Речь, вероятно, идет о мистере Перси, упомянутом в предыдущей главе, или, возможно, о мистере Уильяме Шоре, дальнем родственнике отца мисс Найтингейл; он был назначен ответственным за солдатскую библиотеку. Но именно старые друзья мисс Найтингейл, мистер и миссис Брейсбридж, оказали самую долгую и полезную помощь. Миссис Брейсбридж делила с ней и комнату, и ее труд, а вместе с мистером Брейсбриджем заботилась, как мы уже слышали, о женах солдат. Но мистер Брейсбридж делал и многое другое. Его знание Востока и настойчивое доброе настроение, решимость помочь каждому во всем, были бесценны. Верный, веселый и неутомимый, не меньше сейчас среди тяжелой работы в Скутари, чем в прежние дни осмотра достопримечательностей Рима и Египта, он подносил и выносил для мисс Найтингейл, писал для нее письма или приказы, вел протоколы ее бесед; а в менее напряженные времена избавлял ее от посетителей или звонков, отправляя их на экскурсии в проливы или в Константинополь.

IV

Вдумчивая мисс Найтингейл придумала множество практических способов помочь мужчинам, которые не были слишком больны, чтобы думать о своих мирских делах. Чтобы побудить их как можно больше занимать себя и поддерживать связь с домом, она снабжала госпиталистов канцелярскими принадлежностями и почтовыми марками. Если солдат был неграмотен или слишком болен, чтобы писать, она или одна из медсестер, или кто-то другой из добровольцев писали под диктовку больного. Мистер Огастус Стаффорд, как уже упоминалось выше, провел часть осенних каникул (ноябрь-декабрь 1854 года) в Скутари и рассказал о своих впечатлениях Комитету Роебука. Он описал плачевное состояние раненых по прибытии: "их бедренные и плечевые кости были совершенно красными от трения о палубу" судна, доставившего их из Крыма; но затем появились медсестры мисс Найтингейл, "и с точностью и быстротой, в которые едва ли можно поверить, принесли солдатам манную

крупу, смешанную с портвейном, что было величайшим утешением; мужчины выражали огромную благодарность и говорили, что чувствуют себя на небесах". Но именно за написанием писем для солдат этот "заветный, но неиспорченный любимец английского общества"[159] провел большую часть своего времени в Скутари. О читальных залах мисс Найтингейл можно прочитать в другой главе (XI.).

Она была очень тронута тем, как мужчины оценили это внимание, и не меньше ее впечатлило поведение санитаров в больницах. Описывая государственному секретарю некоторые санитарные реформы, которые она провела в госпиталях Скутари, она написала: "Я должна отдать должное инстинктивной деликатности, внимательному отношению санитаров и пациентов в течение всего этого ужасного периода; ради меня они выполняли подобные обязанности (чего они не делали ни ради дисциплины, ни из-за важности для их собственного здоровья, о которой они не знали), и ни разу не было ни одного слова, ни одного взгляда, который не использовал бы джентльмен"; И, отдавая эту скромную дань смиренной вежливости, у меня на глаза наворачиваются слезы, когда я думаю о том, как среди ужасающих сцен болезни и смерти возвышались над всем этим врожденное достоинство, мягкость и рыцарство мужчин (ибо никогда, конечно, рыцарство не являлось столь ярким примером), сияющие посреди того, что следует считать самыми низкими раковинами человеческого страдания, и инстинктивно предотвращающие использование одного выражения, которое могло бы огорчить джентльмена."[160]

Даже в самых низких раковинах человеческих страданий есть аккорды, которые откликаются на сочувственное прикосновение. Это было врожденное достоинство ее подшипник, который поразил каждого, кто видел Флоренс Найтингейл; и, среди этих сцен отвратительной болезни и смерти, она была сама "сладкий присутствие добра рассеяны".

ГЛАВА VIII

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРУДНОСТИ

Ваши сектанты всех видов, малые и великие, католики и протестанты, представители высокой или низкой церкви... вот истинные дети тумана.

Отсюда зависть, раздоры, ссоры, злые умыслы, злобные споры... Святой Павел.

У каждого поколения есть своя "религиозная трудность", под которой подразумевается не та трудность, которую индивидуальная душа или коллективная душа нации может найти в своих религиозных убеждениях, а трудность, которая вторгается в смежные или чуждые вопросы из сферы религиозных споров. В наши дни религиозная трудность, с которой мы больше всего знакомы, касается вопросов образования. Во времена миссии мисс Найтингейл на Востоке религиозные трудности были связаны с вопросами ухода за больными.

Мало того, что такая миссия, как ее, была задумана в самом духе основателя христианства: "Я был болен, и вы посетили меня". С нетерпением и злобой обсуждался вопрос, под каким из соперничающих христианских знамен должно было осуществляться и осуществлялось посещение больных солдат. Страна в то время едва восстановила душевное равновесие после шока, нанесенного ей движением трактатов, и отголоски крика "Нет попперии" 1850 года все еще звучали во многих кругах. Религиозная проблема возникла в самом начале

крымской работы мисс Найтингейл и преследовала ее до самого конца. Я уже рассказывал о трудностях, с которыми столкнулся ее эксперимент из-за социальных идей, военных предрассудков, официальной рутины; но я не уверен, что из всех ее трудностей религиозная не была самой изматывающей и тревожной, а также, несомненно, самой ненужной и наименее оправданной. Она окутывала благородное начинание туманом зависти, раздоров и бесполезных пререканий.

Мистер Сидни Герберт, который, как мы слышали, придерживался убеждений Высокой церкви, с самого начала почувствовал трудности, и мисс Найтингейл остро ощущала их. Они хотели, чтобы первая партия медсестер представляла все ведущие секты; но из-за воздержания протестантского учреждения римские католики и партия Высокой церкви составляли значительное большинство среди тридцати восьми медсестер. Этот факт вызвал тревогу, и сразу же был поднят сектантский шум и крик. Началась она, как мне жаль говорить, в газете *"Дейли Ньюс"*, а затем была подхвачена, как само собой разумеется, в так называемой "религиозной прессе". 28 октября 1854 года, когда мисс Найтингейл была на пути в Скутари, нападки на нее получили широкую огласку в первой названной газете. Она была подписана "Анти-Пузеит" и включала текст письма мистера Герберта, который так или иначе был получен.^[161] "Мисс Найтингейл набрала штат медсестер из дома мисс Селлон [прихожанка] и из романистского заведения". Этот ужасный факт объяснял "партийный дух, который двигал выбором мисс Найтингейл на этот важный и ответственный пост, и который отбросил леди Марию Форестер" - леди, похоже, евангелических принципов. Еще не поздно исправить это преступление, "если чувства нации будут немедленно пробуждены и выражены". За ним последовали "Читатель Библии" и другие корреспонденты, и полемика разгорелась с новой силой. Вмешательство миссис Сидни Герберт с заверениями, что мисс Найтингейл была в некоторой степени низкоцерковной, не остановило ее. С. Г. О. упомянул об этом в своей книге. "Я слышал и читал, - писал он, - с негодованием замечания, рискованные в отношении ее религиозного характера. Ее дела должны отвечать за ее веру. Если есть вина в том, что я ищу римско-католического священника, чтобы навестить умирающего романиста, позвольте мне разделить ее с ней - я делал это снова и снова".^[162] Восхитительное заявление, но, боюсь, не рассчитанное на то, чтобы унять гнев фанатиков "Нет папизму". Публикация письма королевы Виктории от 6 декабря (стр. 215), показывающего доверие, которое Ее Величество оказала мисс Найтингейл, кое-что сделала, чтобы остановить волну, но в течение многих месяцев вражда продолжалась в прессе.

//

Комментарий мисс Найтингейл, когда отголоски бури донеслись до нее на Босфоре, был характерным. "Мне говорят, - писала она мистеру Герберту (28 января 1855 года), - что в *"Таймс"* идет религиозная война вокруг бедной меня, и что миссис Герберт великодушно защищает меня. Я не знаю, что я сделала, чтобы меня так затаскали в обществе. Но я так рада, что мой Бог - не Бог Высокой или Низшей Церкви, что Он не романист, не англиканин и не унитариец. Я не верю, что Он даже русский, хотя Его события странным образом идут против нас. (N.B.- Один грек однажды сказал мне в Саламине: "Я верю, что Бог Всемогущий - англичанин")". Прекрасным был и ответ ирландского священника на вопрос, к какой секте принадлежит мисс Найтингейл. "Она принадлежит к секте, которая, к сожалению, очень редка - секте доброго самаритянина". По происхождению мисс Найтингейл была унитарянкой, по практике - прихожанкой Англиканской церкви; но она не была приверженцем ни высокой, ни низкой церкви. Ее Бог был Богом нравственного закона, Богом бесконечной жалости и благожелательности, но также и Тем, Кто осуществляет Свои цели по свободной воле человеческих инструментов. Ее служение Богу было служением человеку, и

в ее служении человеку сочетались эффективность и нежность. К медсестре она применяла только один вид проверки: Была ли она хорошей женщиной и знала ли она свое дело? Быть хорошей, религиозной, благородной женщиной само по себе было недостаточно.

"Прекрасные, нежные, самоотверженные женщины, - пишет мисс Найтингейл в заметке о некоторых из своих сотрудниц, - больше подходящие для рая, чем для больницы, они порхают среди пациентов, как ангелы без рук, и успокаивают их души, в то время как их тела остаются грязными и запущенными. Они никогда не жалуются, они стремятся к самосовершенствованию. Но я пришел не для того, чтобы мучить медсестер, а для того, чтобы выхаживать раненых". Поэтому, если медсестра была хорошей женщиной и знала свое дело, не имело значения, была ли она романисткой, англиканкой, приверженкой высокой или низкой церкви или унитарянкой. Если она не была хорошей медсестрой, тот факт, что она принадлежала или не принадлежала к тому или иному вероисповеданию, не был рекомендацией. Мисс Найтингейл, правда, с самого начала хотела включить римских католиков в свой штат, и она сделала это, несмотря на многие трудности, до конца. Но ее причины были практическими, а не сектантскими. Во-первых, многие солдаты были римскими католиками; во-вторых, ее ученичество в сестринском деле показало ей прекрасные качества многих сестер-католичек. Но здесь проверялась эффективность, и протестантская диаконисса из Кайзерсверта была для нее одним целым с сестрой из "романистского заведения". К тому же практическое преимущество обетных сестер заключалось в том, что она не теряла их от замужества. Однажды утром к мисс Найтингейл пришли шесть медсестер, заявив, что они все до одной желают выйти замуж. За ними последовали шесть солдат - сержантов и капралов, - заявивших о своем желании взять сестер в невесты. Этот брачный потоп унес шесть лучших медсестер.[163]

///

Таково было положение мисс Найтингейл; и можно понять веселое презрение, с которым она слышала о картине, нарисованной на ней в определенных кругах как заговорщица в трактарианском или романистском заговоре. Но она была практичным человеком и, хотя сама обладала широким кругозором, оценивала узкий мир таким, каким его находила. Ей очень хотелось, чтобы ее эксперимент с женщинами-медсестрами увенчался успехом, и она остро чувствовала опасность разрушить его даже подозрением в сектантских предрассудках. Этот факт служит дополнительным объяснением той тревоги, с которой она встретила прибытие второй партии медсестер под руководством мисс Стэнли.[164] В нее входила партия из пятнадцати монахинь. "Доля католиков, - писала она мистеру Герберту, - которая и без того вызывает возмущение, увеличилась до 25 человек из 84. Мистер Мензис [главный врач] заявил, что в Главном госпитале будет только две, и я не могу разместить их здесь [в госпитале барака] в большей пропорции, чем я это сделала, не вызывая подозрений у медиков и других". Трудность была в конечном итоге урегулирована, но только ценой бесконечных проблем и беспокойства для мисс Найтингейл. Ее письма к мистеру Герберту полны ссылок на эту тему, некоторые из них очень забавные, и, возможно, именно ее живое чувство юмора помогло ей пройти через эту религиозную трудность. "Такая буря, - писала она (25 декабря 1854 года), - разыгралась в этой маленькой пинтовой кастрюльке, что вы и представить себе не можете. Но я, подобно ослице, надела шкуру льва, и когда я это сделаю (бедная я, которая никогда никого не оскорбляла прежде), я смогу так громко кричать, что меня, боюсь, услышат до самой Англии. Однако здесь не место для львов, а что касается ослов, то их у нас достаточно". Одно из предложений, сделанных ей, заключалось в том, что, поскольку врачи не хотят иметь больше женщин-медсестер, "десять протестанток должны быть назначены священниками в качестве клиричек, а десять монахинь - священниками, *но не в качестве медсестер*, а в качестве церковных служительниц. С этим я, конечно, ничего

не могу поделаться. Это прямо противоречит моим инструкциям, и я, конечно, не могу использовать правительственные деньги на эти цели". Мисс Найтингейл предложила распределить группу в разных пропорциях по разным больницам, но настоятельница новой группы монахинь возразила, что "было бы неканонично", если бы кто-то из ее группы был отделен от нее. Тогда мисс Найтингейл предложила отправить некоторых монахинь, либо из первой, либо из второй партии, обратно в Англию; но отец Каффе сказал, что отправить их было бы "все равно что Ироду прогнать Пресвятую Деву через пустыню". "Я полагаю, что это можно доказать как логическое предложение, - писала мисс Найтингейл в разгар своих религиозных трудностей, - что для меня невозможно проехать через все это; мой каик расстроен, но я все еще держусь на дне". Три дня спустя она все еще отчаивалась. "Пятнадцать новых монахинь ведут со мной дьявольскую жизнь, пытаюсь пробраться *vi et armis*, и расстроят карету; в этом можно не сомневаться". Тем не менее она осталась при своем мнении. Она начала с протестантского воя в свой адрес; теперь она была готова встретить "римско-католическую бурю". К счастью, преподобная мать первой партии монахинь была на ее стороне и постаралась канонические трудности. К другой преподобной матери, которая была менее мирно настроена, мисс Найтингейл часто упоминается в своих письмах как "преподобный Брикбат". В любом случае, мисс Найтингейл была полна решимости, как она писала, "не позволить нашему маленькому Обществу стать очагом римско-католических интриганов". В конце концов было решено, что пять из второй группы монахинь отправятся в Главный госпиталь, а десять - в недавно открывшийся госпиталь в Кулали. Мисс Найтингейл подозревала некоторых из второй партии в желании прозелитизма; и вскоре ей пришлось сообщить мистеру Герберту (15 февраля 1855 года) об "обвинении в обращении и перекрещивании перед смертью, о котором мне доложил старший капеллан, а он - коменданту, а тот - главнокомандующему". Она немедленно обменяла подозреваемую монахиню.

Изобретательность теологической злобы была безгранична. Узнав о том, что среди сестер-католичек существуют некоторые разногласия, один евангелический писатель попытался раздуть пламя, обличая нелепость того, что "католические монахини передают свою верность от Папы Римского к протестантской даме". Одна из сестер, услышав эту диатрибу, игриво обратилась к мисс Найтингейл "Ваше Святейшество", которая, в свою очередь, окрестила сестру "своим кардиналом".[165] На случай, если крымские письма мисс Найтингейл (такие я уже видел), в которых она говорит: "Мне так нужен мой кардинал", я сообщаю, что это выражение означает не темную и тайную приверженность к какому-либо князю Римской церкви, а лишь желание получить услуги особенно эффективной сестры-медсестры. Если медсестра была эффективной, мисс Найтингейл была с ней в самых дружеских отношениях, независимо от того, была ли она католичкой или протестанткой. Саму мисс Найтингейл последовательно обвиняли, и в каждом случае с одинаковой нелепостью, в предвзятости к католикам и протестантам или против них, а также в неприятии религиозного служения в целом.[166] Протестантские обвинения в прозелитизме со стороны католических медсестер, конечно, были встречены встречными обвинениями в попытках протестантских медсестер обратить римско-католических пациентов; и, наконец, капеллан торжественно обратился в военное министерство в Лондоне, чтобы удалить одного из сотрудников мисс Найтингейл на том основании, что медсестра была услышана, чтобы объявить себя социнианкой. Мисс Найтингейл успешно протестовала против подобных дисциплинарных мер, утверждая, что эта леди, независимо от того, социнианка она или нет, была отличной медсестрой. Многие из этих извращенных споров были порождены чистым невежеством и нетерпимостью. Одну из сотрудниц мисс Стэнли некий капеллан обвинил в том, что она "распространяет в палатах неподобающие книги". Были запрошены подробности, и выяснилось, что оскорбительной книгой был "*Христианский год*" Кебла.[167]

Не успела уладиться одна религиозная проблема, как возникла другая. Среди медсестер Найтингейл были англиканки и католички, были и другие, отобранные из английских больниц, которые по своим религиозным взглядам могли быть кем угодно или никем. Но почему, спрашивается, среди них нет пресвитериан? Были сделаны представления в военное министерство. "Я возражаю, - писала мисс Найтингейл (19 февраля 1855 года), - против принципа посылать кого угодно, *хоть* сектанта, *хоть* медсестру. Но это уже было сделано в случае с R.C. и т.д., и я не вижу, как можно отказать пресвитерианам. Поэтому пусть будет послано шесть обученных медсестер, если вы сочтете нужным, из которых две трети будут пресвитерианами. Но я должен запретить этих толстых пьяных старух. Выше 14 стоунов мы не возьмем, а кровати недостаточно прочные. Трех чуть не завалило в каике, который мистер Брейсбридж вел на корабль, и, если бы он не шел со страхом полиции перед глазами, он мог бы легко завалить их целиком". Крепкие старые дамы не были пресвитерианками; но, как ни печально, двое из пресвитерианской партии оказались чрезмерными любителями выпить, и мисс Найтингейл пришлось вернуть их в Англию. С сожалением приходится констатировать, что подобные случаи были и не среди пресвитериан.

Обвинения и контробвинения в прозелитизме были переданы капелланами государственному секретарю. Лорд Панмур в своем ответе (27 апреля 1855 года) был вынужден "прежде всего сказать, что он с большим сожалением ознакомился с этой перепиской и что он глубоко сожалеет о том, что религиозные разногласия возникли до такой степени, что омрачают объединенную энергию и труд тех, кто с таким бескорыстием, героическим мужеством и успехом посвящает себя помощи больным и раненым". Затем министр приступил к обнародованию инструкций, призванных предотвратить любой прозелитизм со стороны медсестер и сестер. К сожалению, его депеша была составлена таким образом, что, с точки зрения мисс Найтингейл, ситуация стала не лучше, а скорее хуже. "Инструкции, - писала она леди Каннинг (9 сентября 1855 года), - были настолько неправильно поняты, что стали моей главной трудностью". Р.К.которые раньше были вполне покорны, решили истолковать правило, согласно которому они "не должны вступать в дискуссию на религиозные темы ни с кем из пациентов, кроме тех, кто принадлежит к их собственной вере", как означающее, следовательно, со *всеми, кто* принадлежит к их собственной вере, и вторая партия монахинь, которая вышла, теперь бродит по всей больнице в нерабочие часы, не ограничиваясь своими палатами и даже пациентами, но "наставляя" (это их собственное слово) группы санитаров и конвалесцентов в коридорах, выполняя работу каждого из десяти капелланов, и вызывая насмешки, цитируя слова военного министерства." Леди Каннинг, которая в это время выступала в качестве агента мисс Найтингейл по набору медсестер, предложила включить инструкции лорда Панмура в печатные "Правила и инструкции". Мисс Найтингейл умоляла ее не делать этого. Я не сомневаюсь, что устные инструкции самой мисс Найтингейл были менее двусмысленными. Она была из тех, кто никогда не отказывался сказать именно то, что имел в виду.

IV

Большим препятствием, с которым мисс Найтингейл пришлось бороться во время работы на Востоке, была нехватка в то время правильно обученных медсестер. Она уже давно сформировали решимость исправить этот недостаток; серьезность этого еще больше укрепилось в ее сознании болезненный опыт в Крымской войне; и ее решимость была еще более сильной. Религиозная трудность, требующая, чтобы медсестры отбирались в определенной степени не *как* медсестры, а *как* сектанты, усиливала препятствие в виде

недостаточной подготовки, которая, однако, в любом случае существовала бы. Дело прекрасно изложено, в терминах, которые, несомненно, отражают собственные взгляды мисс Найтингейл, в письме леди Верни к миссис Гаскелл (17 мая 1855 года):-.

Пока женщины не пройдут *настоящую* подготовку, напрасно надеяться, что четыре или пять недель в больнице смогут подготовить их к одной из самых трудных работ, к которой может быть призван любой человек. Я не могу рассказать вам о деталях, о многих из них вы можете догадаться; но когда я слышу, как уважаемые люди говорят, будто можно отправить 40 женщин всех рангов, степеней добродетели и интеллекта в военный госпиталь, с пьяными санитарями, незамужними капелланами, молодыми хирургами и т. д., и т. п., и ожидать, что они не более склонны к неразумию или искушению, чем сестры милосердия, связанные обдуманными обетами, любовью к своему роду и страхом перед адским огнем, то мы чувствуем, что "уважаемые люди" очень плохо знают человеческую природу. Форма Сестринства Ф., как я полагаю, бесконечно выше, чем Р.К., и *будет осуществлена*, в чем я сомневаюсь, не более чем в ее собственном существовании, но поскольку она должна существовать без сдержек и гарантий другой и более низкой формы, она требует более высоких элементов в составе актеров и более строгой подготовки и проверки. Вместо этого самый свободный выбор осуществляется людьми самыми прекрасными, но не имеющими ни малейшей квалификации для выбора; для дамского сословия достаточно доброй воли и "любви к уходу".

Это факт, хотя это не популярно известно, что мисс Найтингейл был в это время решительно против "леди" медсестер. Она возражала против них не потому, что они были дамами, а потому, что они вряд ли были хорошо обучены. Благочестивые и доброжелательные дамы, по ее словам, были более склонны к "духовным заигрываниям с пациентами", чем к правильному в деле хирургического ухода за больными. Она предпочитала именно обученных больничных медсестер. Среди 125 женщин, прошедших через ее руки на Востоке, были как более эффективные, так и менее, и в таком большом стаде были и черные овцы. Но среди этой группы, во всех классах и конфессиях, были преданные и компетентные женщины, чьи заслуги заслуживают благодарного воспоминания рядом с заслугами их госпожи-начальницы. И поскольку мне пришлось привести критические замечания мисс Найтингейл в адрес некоторых римских католиков из ее паствы, следует добавить, что о других она писала мистеру Герберту: "Они самые истинные христиане, с которыми я когда-либо встречалась, ценные в своей работе, преданные сердцем и головой служению Богу и человечеству, а не интригам ради своей церкви". К преподобной настоятельнице, которая приехала из Бермондси с первой партией монахинь, мисс Найтингейл была особенно привязана. "Она пишет, - говорит кардинал Уайзмен, - что в значительной степени своим успехом она обязана преподобной матери из Бермондси, без которой все было бы неудачно".[168]

Аспект работы мисс Найтингейл, затронутый в этой главе, добавляет еще одну к накоплению трудностей, с которыми ей пришлось иметь дело. Именно он беспокоил ее больше всего. "В этой топке страданий, в этой борьбе за жизнь или смерть" она ощущала горькую тщетность личных обид и религиозных разногласий. Беспокойство убивает больше, чем работа; и религиозная трудность, возможно, стала последней каплей, которая заставила Главную леди сломаться, как мы узнаем в следующей главе, под тяжелым грузом ответственности и забот.

ГЛАВА IX

В КРЫМУ - БОЛЕЗНЬ

(май-август 1855 года)

Для себя я выполнила свой долг. Я отождествил свою судьбу с судьбой героических мертвецов. Флоренс Найтингейл (частные записи, 1855).

Весной 1855 года мисс Найтингейл решила на время покинуть Скутари, чтобы посетить больницы в Крыму. Условия в Скутари теперь значительно улучшились. Были проведены санитарные работы. Больницы были лучше снабжены. Давление в палатах, вызванное ужасной зимой перед Севастополем, было ослаблено. В барачном госпитале было всего 1100 больных, и из них только 100 лежали в постели. Смертность снизилась с 42 до 22 процентов на тысячу пролеченных больных. Осада, вероятно, вскоре будет сопровождаться штурмами, и давление может быть скорее оказано на госпитали в Балаклаве, где, по возможности, должны были оставаться больные и раненые, чтобы избежать страданий, связанных с морским переходом в Скутари.

В Крыму, помимо полковых госпиталей, было четыре общих госпиталя. В Балаклаве находился *генеральный госпиталь*, основанный после британской оккупации в сентябре 1854 года. *Крепостной госпиталь*, состоящий из бараков на "генуэзских высотах" над Балаклавой, был открыт в апреле 1855 года. Был *госпиталь при монастыре Святого Георгия*, также состоящий из бараков и предназначенный для выздоравливающих и офтальмологических больных; и, наконец, *госпитали Сухопутного транспортного корпуса*, также состоящие из бараков, недалеко от Карани. Все эти госпитали были укомплектованы женским персоналом, хотя монастырский госпиталь - только в декабре 1855 года, а и сухопутный транспортный госпиталь - только в 1856 году. Итак, весной 1855 года в Главном госпитале и Замковом госпитале уже были женщины-медсестры, под руководством своих начальников, но все они в конечном итоге подчинялись мисс Найтингейл - как она и предполагала, и как планировало Военное министерство. Теперь ей хотелось проинспектировать эти госпитали, повысить эффективность работы женских медпунктов и, в частности, внедрить те меры по стирке и приготовлению пищи, которые принесли столько пользы в Скутари. Ее инспекционная поездка была одобрена военным министерством; и инструкциями от 27 апреля она была наделена всеми полномочиями в качестве алмонера свободных даров во всех британских госпиталях в Крыму. Но в других отношениях ее положение было несколько двусмысленным. В первоначальных инструкциях, изданных мистером Гербертом, она была названа суперинтендантом женских медсестер во всех британских военных госпиталях в *Турции*; и эти слова давали почву для атаки ее противников в Крыму. Военное министерство намеревалось дать ей общее руководство, но освободить ее от прямой ответственности за медсестер в Крыму, пока она находилась в Скутари. Однако этот вопрос не был прояснен до более позднего времени,^[169] и неопределенность ее положения в Крыму подвергали ее бесконечным волнениям и интригам.

2 мая мисс Найтингейл отправилась из Скутари, где за нее была оставлена миссис Брейсбридж.

Бедная старушка Фло, - писала мисс Найтингейл из Черного моря 5 мая 1855 года, - плывет по Босфору и Черному морю с четырьмя медсестрами, двумя поварами и мальчиком в Крымскую Тартарию (для ремонта полковых госпиталей) на судне "*Роберт Лоу*" или "*Роберт Слоу*" (ибо это чрезвычайно медленное судно), забирая обратно 420 своих пациентов, а также выздоравливающих, возвращающихся в свои полки, чтобы снова подвергнуться обстрелу. Мать в Израиле", - называл меня пастор Флиднер; "Мать в холодных потоках" - более подходящее название. Какие предположения наводят вас на эти мысли в гостиной Эмблей? Возможно, более странные, чем для меня, которая 5 мая позорного 1855 года, пробыв в Скутари шесть месяцев, сегодня находится в сочувствии с Богом, исполняя цель, ради которой я пришла в этот мир. Каковы [256] разочарования, связанные с завершением этих шести месяцев, никто не может сказать. Но я не мертва, а жива".

В Крым мисс Найтингейл сопровождал верный мистер Брейсбридж, готовый, как всегда, служить ей. Среди медсестер была миссис Робертс, чья исключительная работоспособность и личная преданность Главной леди вскоре понадобились. Из поваров главным был Соьер Великий, с чьих веселых сплетен и приятных эгоистических страниц[170] взяты некоторые подробности в этой главе. Мальчиком", упомянутым в письме мисс Найтингейл, был Томас, барабанщик, который, хотя ему было всего двенадцать лет, называл себя "человеком мисс Найтингейл". По словам М. Соьера, он был обычным *enfant de troupe*, полным активности, остроумия, ума и веселья. Он вытягивался во весь рост и объяснял, что "оставил свои инструменты, чтобы посвятить свою гражданскую и военную карьеру мисс Найтингейл". Ее также сопровождал солдат, получивший инвалидность из 68-го легкого пехотного полка, которого мистер Брейсбридж выбрал в качестве посыльного. В 1860 году он написал рукописный отчет о своем пребывании в Крыму,[171], и это еще один источник из первых рук, из которого взяты сведения в данной главе. Партия прибыла в Балаклаву 5 мая, и палубы судов в гавани были переполнены зрителями, жаждущими увидеть знаменитую фрейлину. На берегу для нее не нашлось места, поэтому ее штаб находился на борту "*Роберта Лоу*", а когда это судно ушло, на парусном транспорте "*Лондон*".

//

Мисс Найтингейл сразу же приступила к работе, причем с характерной для нее энергией. Одной из ее первых обязанностей был церемониальный визит к лорду Раглану. Она была хорошей наездницей, и еще в детстве любила ездить верхом. Теперь она была посажена "на очень красивую кобылу, которая своими резвыми движениями и караколевыми повадками, казалось, гордо несла свою благородную подопечную, и наша кавалькада произвела необыкновенный эффект на пеструю толпу всех народов, собравшихся в Балаклаве, которые были поражены, увидев даму в таком хорошем сопровождении". Не был ли среди эскорта сам великий Соьер? Командующий войсками был в отъезде, но мисс Найтингейл отвели на Трехминиметную батарею, и солдаты, когда она проходила мимо, давали ей три раза по три. Этот визит на фронт произвел на нее глубокое и неизгладимое впечатление.[172] Впервые оно зафиксировано в письме от 10 мая, которое было отправлено в Виндзорский замок.[173] "Представьте себе, - писала она, - работать пять ночей из семи в окопах! Представьте себе, что вы провели в них 36 часов подряд, поскольку весь декабрь они лежали или полулежали, часто 48 часов без еды, кроме сырой соленой свинины, посыпанной сахаром, ромом и печеньем; ничего горячего, потому что измученный солдат не мог сам собрать топливо, как от него ожидали, чтобы приготовить себе рацион; и представьте себе, что через все это армия сохранила свое мужество и терпение, как она это сделала, и теперь жаждет (старые больше, чем молодые), чтобы ее повели даже в траншеи". В этом зрелище было что-то возвышенное". "Когда я вижу лагерь, - писала она леди Каннинг (10 мая), - я удивляюсь не

тому, что армия так пострадала, а тому, что она вообще осталась; но теперь все идет на поправку. Сэр Джон М'Нил творит чудеса". С сэром Джоном М'Нилом, врачом, который впоследствии поступил на политическую службу на Востоке, у мисс Найтингейл сложилась большая дружба. Вместе с полковником Туллоком он был послан правительством лорда Пальмерстона в Крым, чтобы доложить о системе комиссариата.

Мисс Найтингейл, во время этого и последующих визитов в Крым, видела и слышала о многих подвигах героизма, о которых она любила рассказывать. "Я помню, - писала она, - как один сержант, который стоял в пикете, когда остальной пикет был убит, а сам он был ранен в голову, спотыкаясь, вернулся в лагерь и на своем пути подобрал раненого и принес его на своих плечах к линии, где тот упал без сознания. Когда, через много часов, он пришел в себя, я думаю, после трепанации, его первыми словами было спросить своего товарища: "Он жив?" "Товарищ, да! Да, он жив, это генерал". В этот момент генерал, хотя и тяжело раненный, появился у кровати. "О, генерал, это вы, это я привез, я так рад. Я не знал вашей чести, но если бы я знал, что это вы, я бы все равно вас спас". Вот истинный дух солдата".^[174]

///

В течение нескольких дней после прибытия в Балаклаву мисс Найтингейл активно обследовала госпитали, полковой и общий; улаживала различные дела, связанные с сестрами и санитарками; обсуждала строительство новых барачных корпусов; совместно с М. Сойером планировала возведение нескольких кухонь для дополнительного питания. Здесь, как и в Скутари, она не боялась заразы и ухаживала за больными, страдающими от лихорадки. Однажды вечером, вернувшись на корабль, она пожаловалась на сильную усталость, а на следующее утро, почувствовав себя не лучше, послала за доктором Андерсоном, главным врачом Главного госпиталя. Он вызвал на консультацию других медиков, и был выпущен совместный бюллетень о том, что мисс Найтингейл страдает от крымской лихорадки. Они посоветовали снять ее с корабля, и она была перенесена на носилках эшелонами солдат в Крепостной госпиталь на Генуэзских высотах. Хижина, в которой она лежала, находилась сразу за хижинами раненых солдат. Приступ лихорадки был острым, и она, как призналась потом друзьям, была "очень близка к смерти". Среди ее бумаг есть обрывки рукописей (ведь даже в болезни она не могла оторваться от пера), которые свидетельствуют о блуждающем уме.

Новости о болезни мисс Найтингейл был принят с тревогой в Англии, и тревога ее друзей была сильной, хотя лорд Раглан предусмотрительно устроил, что телеграфные депеши от него не должны достичь их, пока, после двух или трех дней лихорадки, врачи были в состоянии держать надежды на выздоровление. "Сидя сегодня, - писала сестра подруге из Эмбли (27 мая), - в маленьком домике викария, ожидая, пока люди выйдут из церкви (поскольку мы не выдержали всей службы), чтобы пойти к причастию, которое она так любит, и которое мы всегда принимаем вместе с ней и Богом, и которое она принимает духом или на самом деле сегодня, если жива, а если нет, то принимает в более высоком и счастливом смысле, мама сказала: "Я благодарю Бога, что она готова к жизни или к смерти"; И в этом, дорогая, мы действительно стремимся к покою, хотя, боюсь, дух бы дрожал, если бы не было надежды в глубине." Тревога в военных госпиталях была едва ли меньше. "Солдаты отвернулись лицом к стене, - рассказывал один из них, - и плакали". Кризис миновал, и 24 мая лорд Раглан смог телеграфировать домой, что пациентка вне опасности, а через три дня - что ее состояние благоприятно. Эти сообщения были переданы королеве, и 28 мая Ее Величество в письме лорду Панмуре выразила "искреннюю благодарность, узнав, что прекрасная и ценная личность, мисс Найтингейл, находится в безопасности".^[175] В это

время к ее хижине подъехал всадник, и сиделка, миссис Робертс, которой было предписано держать пациентку в покое, отказалась впустить его. Он сказал, что очень хочет увидеть мисс Найтингейл. "А кто вы, - спросила миссис Робертс, - кто вы такой?" "А, всего лишь солдат, - ответил посетитель, - но я проделал долгий путь верхом, и ваша пациентка хорошо меня знает". Его приняли, а через месяц он сам слег и умер. Это был лорд Раглан.

IV

Мисс Найтингейл, выздоровев, настоятельно советовала врачам отправиться в путешествие в Англию. Она не послушалась такого совета. Ее работа на фронте только началась, и она была полна решимости вернуться к ней после как можно более короткой задержки. Путешествие к Босфору было самым долгим из всех, что ей удалось уговорить. Ее добрая миссис Брейсбридж прибыла из Скутари как раз вовремя, чтобы сопровождать свою подругу в обратном плавании. Лорд Уорд, чья паровая яхта в это время стояла в гавани, настоял на том, чтобы она воспользовалась ею, и на ней она отправилась в Скутари. Когда яхта достигла Скутари, на ней собрались все высокопоставленные чиновники. Одна из больших барж, используемых для перевозки больных и раненых, была поставлена рядом, и мисс Найтингейл, в состоянии крайней слабости и истощения, была спущена на нее. На пирсе уже были готовы солдаты, которые понесли ее на носилках к дому капеллана, сопровождаемые большой и сочувствующей толпой. "Я не помню ничего за всю кампанию, - писал добросердечный Сойер, - столь отрадного для чувств, как эта простая, хотя и величественная процессия". "Ах, - сказал один солдат, - не было печальнее зрелища, чем видеть, как эту дорогую леди несут с пирса на носилках, как мы, мужчины, и, возможно, некоторые из тех, кого она сама выхаживала".^[176] То же самое произошло, когда ее вскоре перенесли из Скутари на берег, чтобы отправить в Ферапию, где посол предоставил в ее распоряжение свою летнюю резиденцию. Ее несли на тележке четверо гвардейцев, но, хотя до берега было всего пять минут ходьбы, пришлось идти в две колонны, и ее багаж разделили между двенадцатью солдатами, хотя двое легко могли бы нести все,^[177] так велико было желание мужчин разделить честь помощи Главной Даме.

Ее выздоровление было постепенным, а слабость - огромной. Миссис Брейсбридж описывала ее как неспособную самостоятельно питаться и говорить шепотом. По словам врачей, крайняя степень истощения была вызвана скорее предыдущим перенапряжением ума и тела, чем лихорадкой, и они рекомендовали полностью сменить обстановку и отдохнуть. Мистер Сидни Герберт написал письмо, в котором умолял ее приехать домой на два месяца: "Мы счастливы, - писала ее мать (9 июля), - думать о тебе в Терапии. О, любовь моя, как я верю, что среди многочисленных уроков, на которые была потрачена твоя жизнь, ты сможешь довести до совершенства этот самый трудный урок - стоять и ждать". Ей предстояло получить отпуск, но только после долгих лет тяжелого труда, а пока она и слышать не хотела о возвращении в Англию. Чувства солдат к ней так глубоко тронули ее, что она не могла, по ее словам, смириться с тем, что покинет их. Постепенно она восстановила силы. "У нас есть очаровательный рассказ, - писала ее сестра (21 августа), - от Лотиана Николсона, только что отправленного в Крым, который с восторгом, дорогой старина, отзывается о ее прекрасной внешности, что, поскольку все ее волосы были сострижены, является хорошим свидетельством - "ее собственной улыбки", говорит он, и говорит, что с трудом может поверить, что она пережила такую зиму. Дорогие Брейсбриджи говорят, что ее улучшение за последнюю неделю было восхитительным и чудесным". Уже в июле возобновились деловые письма. В августе она снова была в полной боевой готовности. Врачи и друзья по-прежнему уговаривали ее отдохнуть. Но ее несгибаемый дух не слушал советов отступить. Конец войны еще не был виден. Даже Севастополь еще не пал. Пока в

Леванте оставались больные и раненые, за которыми нужно было ухаживать, она была полна решимости оставаться там же. Солдату сказали, что главнокомандующую, вероятно, отправят домой. "Но как же они будут с ней, - сказал он, - что они будут делать без нее? Они возлагают на нее все свои надежды". Были и медсестры, которым, естественно, не терпелось вернуться к своим семьям или друзьям дома, и они говорили, что если она уедет, то и они уедут. Присутствие мисс Найтингейл, с ее высокими идеалами и вдохновляющей самоотверженностью, было притяжением, которое удерживало многих из этих женщин на своих постах. Некоторые уже умерли. Миссис Элизабет Дрейк, одна из медсестер, которую мисс Найтингейл взяла с собой в Крым, умерла 9 августа от низкой температуры в Балаклаве. "Я не могу передать вам, - писала мисс Найтингейл хозяину дома Святого Иоанна (16 августа 1855 года), - что я почувствовала, когда узнала о ее смерти, неожиданной для всех. Два ее лекаря считали, что она идет на поправку, и я ожидала ее в каждом конвое, который приходил из Балаклавы, так как она приходила ко мне на пополнение. Я потерял в ней лучшую из всех здешних женщин. Однажды я предложил ей вернуться домой, но она полностью отмахнулась от этой идеи и сказала, что здесь ее здоровье лучше, чем в Англии. Я чувствую себя преступником, лишив вас той, кого вы так искренне любите и почитаете". Казалось бы, , как будто Богу угодно отстранить от работы тех, кто был ей наиболее полезен. Да будет воля Его!" Тело медсестры Дрейк привезли в Скутари, и мисс Найтингейл установила над ним небольшой мраморный крест на кладбище. Сейчас, когда рядовые сотрудники падали на посту, было не время прислушиваться к советам шефа о врачебном благоразумии. Да и мисс Найтингейл ни разу не вынашивала даже мимолетной мысли о том, что могло бы показаться ей актом военного дезертирства. Она оставалась до конца войны и до отплытия последнего транспорта, работая неустанно, как всегда, и в некоторых отношениях в новых сферах полезности, как в Крыму, так и в Скутари; с какой пользой мы услышим в последующих главах, но с большой ценой для ее собственного комфорта и телесных сил. Она была назначена, как она говорила, на вспомогательную должность в армии королевы^[178] ; самую скромную должность, может быть, но все же должность долга. Мужчины осмелились и страдали; и Флоренс Найтингейл была полна решимости показать, что женщина тоже имеет силу, чтобы страдать и терпеть.

Во время недель выздоровления в Скутари мисс Найтингейл иногда прогуливалась вечером по берегу, чтобы полюбоваться видом, который, когда она только приехала туда, ей сказали, что он самый прекрасный в мире, но которым, в суматохе работы, у нее не было времени насладиться.^[179] Она отправила письмо своим домашним с описанием одной из таких вечерних прогулок, и оно было зачитано в семейном кругу. Леди Байрон, гостившая у них в то время, услышала это письмо и сказала, что оно "похоже на гимн - простой и глубокий". Она описала, как на противоположной стороне, на фоне горящего неба заходящего солнца, вырисовывался город Константинополь, но очертания его были изменены падением нескольких курганов во время землетрясения. Рядом с ней находились могилы героических погибших, тысячи людей, с которыми, по ее словам, она чувствовала себя идентифицированной. "Это запало мне в душу, - писала леди Байрон, - как поэзия факта - ведь она сделала поэзию фактом". Далее в письме говорилось о британском захоронении в Скутари, и мисс Найтингейл добавила следующие строки: - "Их здесь нет!

"Их здесь нет!" Нет, не под этим дерном,
И все же не далеко,
Ибо они могут смешать свою новую жизнь от Бога
С живыми душами, а не с глиной.

И они, "героические мертвецы", тихонько скажут
В ухо духа твоего
Музыку человеческую, но уже не печальную,
Чтобы сказать тебе, что они рядом.

Рядом с тобой с высшей помощью.
Чтобы вернуть работу твоего сердца,
Чтоб каждая жертва, что любовь принесла.
Победу заслужит!^[180]

ГЛАВА X

ПОПУЛЯРНАЯ ГЕРОИНЯ

Мисс Найтингейл рассчитывает на вознаграждение от этой страны в виде нового поля для своих трудов и средств для расширения того добра, которое она уже начала. Невозможно сделать комплимент более дорогой для ее сердца, чем дать ей работу, которую она должна сделать.- Сидни Герберт.

Новость о болезни мисс Найтингейл вызвала сочувственную тревогу по всей Великобритании. Даже больше, чем когда ее миссия милосердия была впервые объявлено, она стала популярной героиней; и более чем когда-либо мужчины и женщины всех классов искали средства, чтобы показать свое сочувствие.

Леди Верни, глубину чувств которой не скрывает игра юмора, приятно искрящаяся на поверхности, последовательно описала наказания и удовольствия от того, что она сестра героини: - (Miss F. P. Nighting).

(Мисс Ф. П. Найтингейл - мисс Эллен Толле.) Эмбли, пятница [лето 1855 г.]. Я совсем перестала писать, второй взрыв белья и вязаных носков чуть не убил меня, а "подсказки", моя дорогая, - о, мой ужас, когда меня просят о подсказках, - такие, как "можно ли газеты высылать бесплатно?" и тому подобные *ниасирии*. Как я благодарна тебе за то, что ты ни разу не поинтересовался, какие носки или муфты тебе больше нужны, и можно ли отправить в Лондон 6 полотенец и старую скатерть, или лучше пусть они приедут к нам. Боюсь, это звучит очень неблагородно, но когда запястье болит от двухсотого повторения этого вопроса, мне хочется, чтобы публика обращалась в ближайшее почтовое отделение или читала эту скудную и эрудированную газету "*Таймс*" и пользовалась своим разумом, а не ручками.

Однако эти слова я произношу только тогда, когда досаую на то, что не могу написать любимым людям, таким, как ты, о продвижении Скутари. В остальном же чувство в каждой душе, такое широкое и глубокое, трогает нас больше, чем я могу рассказать, и помогает нам преодолеть неизбежную тяжесть тревоги больше, чем я думал [265] возможно - грузные, краснолицые, старые охотники на лис Сквайры, у которых никогда в жизни не было "сентиментальности", приходят с глазами, полными слез; узколобые Фермеры, устремившие оба глаза на главный шанс, тают; молодые леди, никогда не выходившие за рамки балов и концертов, согреваются. Дорогая, я чувствую, что это чувство, которое она подняла, благословляет "тех, кто здесь дает, и тех, кто там берет", и принесет больше пользы, чем можно было надеяться. Я не могу даже написать ей письмо о депеше (думаю, что чиновник

ее масштаба должен хотеть такую коробку для своих бумаг), чтобы она не вернулась, полная маленьких симпатичных спичечных коробков в качестве подношения и завернутая в большой вклад старых простыней.... Я должен дать тебе сливки писем за последние три или четыре дня. Во-первых, мистер Хукхэм, книготорговец, отправляя посылку, пишет, что "надеется услышать о возвращении мисс Н., так как не думает, что, хотя она и выздоровела, она может поправиться на берегах Босфора или Черного моря; что генерала или адмирала можно заменить, но не может быть преемника мисс Н., ее мастерство, ее стойкость, ее мужество нельзя заменить. Я говорю о мужестве в самом возвышенном смысле, в каком только можно охарактеризовать храбрость и преданность женщины". Далее следует письмо от судовладельца с севера Шотландии, который собирается спустить на воду судно и хочет назвать его в ее честь, при этом просит, чтобы ее имя было "правильным". Далее леди Дансани говорит, что "Жанна д'Арк была не более созданием момента и для момента, чем Ф. Жанна была тем же неземным влиянием, уносящим все перед силой своего духа, Жанна была той же странной и бесполой личностью, которая, не принадлежа ни мужчине, ни женщине, казалось, развоплощала и объединяла *самые лучшие результаты* обоих, а затем сметала условности, предрассудки и предрассудки ясным, холодным, хрустальным скипетром своей *величественной чистоты*. Миссия Джоан также заключалась в том, чтобы сгустить моральную и интеллектуальную мощь своей страны в лице молодой и незамужней женщины, в то время как мужчины этой страны были во многом имбецильны и эгоистичны! Думаю, моя параллель довольно близка". Лорд Дансани добавляет, что у него нет времени писать, поэтому он говорит: "То же самое миссис Берк", и что я знаю, что он "фанатично любит Жанну д'Арк редивива, да благословит ее Господь". Затем немного от леди Байрон: "Даже ее болезнь продвинет ее работу, как все должно быть для тех, кто делает все с Его помощью", и многое другое, что очень красиво. Затем 2 экземпляра "*Истории женщин*" с портретом мисс Н., который будет послан ей "от автора", и пламенная выдержка из окружной газеты в памфлете "*Прогулка в Лиа Херст*", 20 экземпляров ditto, ditto, ditto, и величественные излияния семейного бакалейщика о "героическом поведении", "храброй и благородной мисс Н.", "отождествляемой с крымскими успехами и печальными бедствиями", "потомстве", "руке цивилизации", "необузданном варварстве" и т. д. и т. п.

(Флоренс Найтингейл.) 8 декабря [1855]. Было любопытно [266] (в качестве Вашего представителя), как в нашей комнате на Берлингтон-стрит собрались Мэннинг и Морис, мистер Бест и канцлер, леди Амелия Джебб и миссис Герберт, леди Байрон и леди Каннинг, крайности всех мастей, чтобы помочь Вам всеми способами, которые они могли придумать. Затем приходят торговцы, все так заинтересованные в вас; и рабочий люд, ваши самые стойкие сторонники и те, о ком вы будете больше всего заботиться. И все и каждый из всех сословий и мнений ласково обращаются и приветствуют нас ради вас, моя дорогая, и мне очень приятна эта доброта ради вас; кажется, будто это часть вас, пришедших встретить меня.

//

Но популярность мисс Найтингейл не ограничивалась такими кругами, как те, в которых жила ее семья. Письма солдат из Крыма сделали ее известной в тысячах скромных домов, и она стала героиней коттеджа, мастерской и переулков. Старые солдаты слагали о ней стихи, а рифмованные листки с грубыми гравюрами Дамы с лампой выходили из типографий в Севен-Диалс и Сохо. Одна из этих песен, озаглавленная "Соловей на востоке" и предназначенная для мелодии "Коттедж и водяная мельница", была особенно популярна благодаря своему припеву:-...

Вперед, мои ребята, пусть ваши сердца никогда не унывают,
Вас веселит присутствие милого соловья.[181]

Затем из того же класса типографий вышло "Price One Penny, The Only and Unabridged Edition of the Life of Miss Nightingale, Detailing her Christian Heroic Deeds in the Land of Tumult and Death, which has made her name most deservedly Immortal, not only in England, but in all Civilized Parts of the World, winning the Prayers of the Soldier, the Widow, and the Orphan." Поэты и биографы были не только в "Семи циферблатах". Поэтический уголок каждой газеты, от "Панча" и "Зрителя" до самого маленького деревенского журнала, был посвящен восхвалению героини. Изобретательные трифлеры были в работе, и выяснилось, что ее анаграмма действительно, как гласит старое определение, *poesie transferred*, и Флоренс Найтингейл стала "Flit on, cheering angel". Призовые стихи в университетах изображали ее, в манере подобных композиций, бесстрашно шагающей

Там, где сильные мужчины дрожат и где храбрые сердца терпят поражение.

Затем за народную героиню взялись музыканты, и как сейчас, так и после ее возвращения из Крыма ей посвящались сентиментальные песни, положенные на музыку: "Ангелы со сладкими одобрительными улыбками", "Тень на подушке", "Солдатская вдова", "Женская улыбка", "Солдатское веселье" - последняя "в исполнении оркестра 97-го полка", - "Солдатская любовь", "Звезда Востока" и т. д. Канцеляристы следовали за печатниками и выпускали бумагу для заметок с изображением Флоренс Найтингейл в качестве водяного знака или с литографированными видами "Лиа Херст, ее дом". С нетерпением ждали ее портретов, а поскольку семья не желала их предоставлять, приходилось придумывать сходства, чтобы украсить сентиментальные гравюры. Спасательные шлюпки и эмигрантские корабли окрестили "*Флоренс Найтингейл*". В ее честь называли детей, улицы, улицы и скаковых лошадей. В скачках "Forest Plate Handicap" победила мисс Найтингейл, обойдя Барбарити и девять других". Торговцы печатали ее портреты и краткие биографии на своих бумажных пакетах. На ярмарках устраивались "грандиозные выставки мисс Флоренс Найтингейл, оказывающей помощь больным и раненым". В продажу поступали китайские фигурки, не имеющие никакого узнаваемого сходства с ней, но с надписью "Флоренс Найтингейл". Публике не было отказано. "Да, действительно, - писала леди Верни своей сестре, - люди любят тебя с какой-то страстной нежностью, которая доходит до моего сердца".

Мисс Найтингейл все это не нравилось. По адресу ей прислали различные принадлежности для больных, а также пакет с "Жизнями", "Портретами" и тому подобным в Скутари. "Мои чучела и похвалы, - писала она в ответ, - были приняты менее радушно. Я не отношусь равнодушно к настоящему сочувствию, но я болезненно ощущаю, тем более болезненно, что у меня было время услышать об этом, то восклицание, которое было придано этому приключению. Маленькое начало, простые трудности, тихая и *постепенная* борьба вверх - вот климат, в котором предприятие действительно процветает и растет. Время не изменило урок нашего Спасителя, который все реформаторы последовательно извлекали из собственного опыта. Тщеславие и легкомыслие, которые вызвало это дело, нанесли нам неоспоримый вред и принесли беду (возможно) одному из самых многообещающих предприятий, когда-либо отплывавших из Англии. Наша собственная старая партия, которая начала свою работу в лишениях, труде, борьбе и неизвестности, добилась большего, чем любая другая".

Когда в Англии стало известно, что мисс Найтингейл оправилась от болезни и решила оставаться на своем посту до конца войны, сразу же возникло движение за то, чтобы каким-то публичным образом выразить признательность нации за ее заслуги и преданность. Сначала, как писала леди Верни, возникла идея личного свидетельства в виде "чайника и браслета". Миссис Герберт, с которой советовались по этому вопросу, достаточно хорошо знала свою подругу, чтобы быть уверенной, что мисс Найтингейл откажется принять любое подобное предложение. Единственная форма свидетельства, к которой она когда-либо прислушивалась, была чем-то, что позволило бы ей лучше продолжать свою работу для других. Мисс Найтингейл написали, и она ответила, в соответствии с ожиданиями миссис Герберт, что она должна полностью отказаться от любого свидетельства личного характера. Ее друзья хорошо знали, что больше всего она хотела бы создать в той или иной форме "английский Кайзерсверт". Соответственно, это предложение было поставлено перед ней, и ее попросили представить план. Ее ответ, опять же, был очень характерным. Погруженная в напряженную работу, она была не в настроении строить планы на будущее; но она воспользовалась первой же возможностью, чтобы намекнуть, что, каким бы ни был план, она должна быть его самодержцем. "Доктор Бенс-Джонс написал мне, - сказала она (27 сентября), - чтобы я составила план. Люди, похоже, думают, что мне ничего не остается делать, как сидеть здесь и составлять планы. Если общественность решила признать мои заслуги и мои суждения таким образом, она должна оставить эти заслуги и эти суждения неограниченными". На Востоке она испытала достаточно оков, чтобы хватило на всю жизнь. Влиятельный комитет был сформирован, в котором г-н Сидни Герберт и г-н С. К. Холл служил в качестве почетных секретарей, и было решено собрать средства для создания некоторой школы для медсестер, под руководством Совета, который должен быть назначен мисс Найтингейл. Общественное собрание было созвано на 29 ноября 1855 года в Willis's Rooms, "чтобы дать выражение общему чувству, что услуги мисс Найтингейл в больницах Востока требуют благодарного признания британского народа". Комната оказалась слишком маленькой. Он был переполнен до удушья; и никогда, пишет *"Таймс"*, сообщая о встрече, в Лондоне не проводилось более яркого, восторженного и единодушного собрания.

"Берлингтон-стрит, это 29 ноября, - писала миссис Найтингейл Флоренс, - самый интересный день в жизни твоей матери. Уже очень поздно, дитя мое, но я не могу лечь спать, не сказав тебе, что твое собрание прошло на славу. Я верю, что ты, как никто из нас, равнодушна к своей славе, но радуйся, что мы чувствуем, что это гордый день для нас; ведь подобного еще не случалось, но, я верю, твой пример будет радовать сердца многих будущих матерей. Одно вас порадует. Мы все, как и вы, очень хотели, чтобы преданная любовь добрых Брейсбриджей была публично признана, и Сидни Герберт воспользовался случаем, чтобы сделать это самым изящным образом". Герцог Кембриджский сидел в кресле и произнес простую, мужественную речь. Речь Сидни Герберта привела в восторг всех присутствующих. Лорд Стэнли, герцог Аргайлл и сэр Дж. Пакингтон выступили капитально. Монктон Милнс был очень трогателен. Лорд Лэнсдаун был так же хорош, как в свои лучшие дни. Все они казались вдохновленными своей темой. Мы с Парте, хотя и не могли набраться храбрости, чтобы пойти самим, оставались на месте; наши информаторы стекались сюда, и мы были вознаграждены". "Представьте себе, если можете, - писал мистер Найтингейл своей сестре, - нашу радость от всеобщего единства собрания, которое почтило Фло своим абсолютным фиатом "Молодец" и хорошо поработал. Я не склонен быть легко удовлетворенным тем, что вижу, чувствую, слышу или думаю, но все люди, кажется, согласны, что здесь не было ничего лишнего".

Речи заслуживают, я думаю, всего того, что сказала о них гордая мать. Речь мистера Сиднея Герберта была, пожалуй, лучшей, если судить по отзывам; и уж точно она лучше всего запомнилась, поскольку в ходе нее он зачитал солдатское письмо, которое, как уже упоминалось (с. 237), стало знаменитым на весь мир. Но "самое правдивое, - писала леди Верни своей сестре, - было сказано Монктоном Милнсом. Он сказал, что в твоём случае было слишком много сказано о жертве положением и роскошью". Насколько это было правдой, знают все, кто читал первую часть этого тома. "Бог знает, - сказал мистер Милнс, - что роскошь одного хорошего поступка должна для такого ума, как ее, быть более чем эквивалентом потери всех прелестей и суetyности жизни".

И мистер Милнс, с трогательностью поэта и чувством друга, сказал еще одну очень верную вещь. Он провел контраст между многолюдной и блестящей сценой перед ним и "сценой, которая предстала взору этой благородной женщины, посвятившей себя служению своим страдающим собратьям на черных берегах Крим-Тартарии, с видом на воды негостеприимного моря". Она была благодарна за сочувствие; но блеск похвал и репутации был для нее ничем, или даже меньше, чем ничем. Она боролась на этих мрачных берегах с болезнями и смертью, боролась с ревностью, интригами и другими трудностями. Ее не волновало признание, за исключением тех случаев, когда оно могло помочь ей в работе. Взнос в 1000 фунтов стерлингов в ее частный фонд, присланный жителями Новой Зеландии в ноябре, очень обрадовал ее. "Если мое имя, - писала она родителям, - и то, что я сделала для Бога и человечества, доставило вам удовольствие, то это настоящее удовольствие для меня. Моя репутация не была благом для меня в моей работе; но если вы были довольны, этого достаточно. Теперь я буду любить свое имя и чувствовать, что это самая большая отдача, что вы можете найти удовлетворение в том, чтобы услышать имя своего ребенка и почувствовать, что ее работа объединяет симпатии - некая отдача за то, что вы сделали для меня. Жизнь все-таки сладка".

В форме мемориала, который был открыт на публичном собрании в Willis's Rooms, было учреждение "Фонда Найтингейл", чтобы позволить ей создать и контролировать институт для обучения, питания и защиты медсестер, оплачиваемых и неоплачиваемых. Копия резолюции была отправлена мисс Найтингейл, которая подтвердила ее в письме из Скутари (6 января 1856 года): "Дорогой мистер Герберт - отвечая на ваше письмо (которое последовало за мной в Крым и обратно в Скутари) с предложением организовать школу подготовки медсестер, я прежде всего хочу сказать, что для меня невозможно выразить то, что я чувствую в отношении симпатии и доверия, проявленного ко мне создателями и сторонниками этой схемы. Поскольку я подвержена риску быть неправильно истолкованной и непонятой, в сфере деятельности, в которой работа является новой, сложной и далекой от многих, кто судит о ней, - это действительно неизменная поддержка, когда такое сочувствие и такая признательность доносятся до меня посреди труда и трудностей, которые практически непреодолимы. Я должен добавить, однако, что моя нынешняя работа такова, что я никогда не брошу ее ради какой-либо другой, пока я вижу возможность верить, что то, что я могу сделать здесь, не завершено. Могу ли я, таким образом, просить вас выразить Комитету свое согласие с их предложением, при условии, что я могу сделать это с учетом их понимания этой большой неопределенности в отношении того, когда я смогу осуществить его?"[182]

Публичные собрания в поддержку Фонда проводились по всей Англии и в британских доминионах.[183] Среди речей, произнесенных на этих собраниях, одной из самых примечательных была речь лорда Стэнли в Манчестере. "Нет ни одной части Англии, - сказал он, - ни одного города или графства, почти ни одной значительной деревни, где в каком-нибудь коттедже не утешались бы среди скорби о потере павшего на войне человека

уверенностью в том, что за его последними минутами следили, а его самые страшные страдания успокаивались бы той заботой, одновременно нежной и искусной, которую не мог бы проявить ни один мужчина и лишь немногие женщины. Истинный героизм не настолько многочислен, чтобы мы могли позволить себе оставить его непризнанным - если не ради чести тех, кто его проявляет, то уж точно ради нашей собственной. Лучшей проверкой нравственного состояния нации является то, каких людей она выбирает для почестей. И за исключением Говарда, тюремного реформатора, я не знаю человека, кроме мисс Найтингейл, который в течение последних ста лет на этом острове или, возможно, в Европе добровольно столкнулся с опасностями, столь неизбежными, и взял на себя обязанности, столь отталкивающие, работая на большую и достойную цель, в чистом духе долга перед Богом и сострадания к человеку". Лорд Стэнли также продемонстрировал истинную оценку фактов, отметив силу характера, которую мисс Найтингейл проявила в качестве первопроходца. "Нелегко везде, особенно в Англии, делать то, что никто не делал раньше. Многие люди пойдут на значительный риск, даже на смерть, если будут знать, что занимаются делом, которое, помимо одобрения их совести, вызывает симпатию и одобрение, когда они знают, что их мотивы оценены, а их поведение одобрено. Но в данном случае нужно было нарушить обычай, переступить через прецедент, пережить удивление, а иногда и порицание мира. И не стоит недооценивать это препятствие. Мы не знаем, насколько прочны те социальные узы, которые связывают нас, до того момента, когда мы пытаемся их разорвать".[184] Фонд Найтингейл был принят с большим энтузиазмом, но было несколько язвительных критиков, и ревность, которая сопровождала работу мисс Найтингейл, нашла свое выражение против Фонда в ее честь. Были великие дамы, которые, как это ни странно, считали попытку повысить *статус* профессии медсестры глупым увлечением. "Леди Пэм, - писал лорд Грэнвилл, - считает Фонд Найтингейл большой глупостью. "Медсестры сейчас очень хороши; возможно, они немного выпивают, но так же поступают и ежемесячные женские медсестры, и ничто не может быть лучше их; бедные люди, это, должно быть, так утомительно - сидеть всю ночь".[185] О существовании Фонда было сообщено в общих приказах по армии на Востоке. "Я слышал, - писал доктор Робертсон в Скутари доктору Холлу в Крыму, - что вы (как и я) не перечисляли свое дневное жалованье в "Фонд соловья". Я определенно сказал, как только это появилось в приказах, что не буду этого делать и тем самым поддерживать то, что я не одобряю. Другие могут поступать как хотят, но, хотя Линтон, Круикшенкс и Лоусон подписались, я полагаю, что в *госпитале* подписчиков не так много и они невелики".[186] Но это недовольство врачей не разделялось войсками, которые подписали в фонд почти 9000 фунтов стерлингов. Командующий войсками, отправляя секретарю Фонда первый перевод в 4000 фунтов стерлингов из "Штаба, Крым", писал (5 февраля 1856 года), что эта сумма, "результат добровольных индивидуальных пожертвований, ясно указывает на всеобщее чувство благодарности, существующее среди войск, занятых в Крыму, за заботу, оказанную им, и помощь, оказанную им и их товарищам, в период их величайших страданий, благодаря умелым действиям и неустанному, постоянному личному вниманию мисс Найтингейл и других дам, связанных с ней". Военно-морской флот и Служба береговой охраны также подписались на эту акцию. Общество также не было на стороне леди Пальмерстон. Концерт мадам Голдшмидт (Дженни Линд) собрал около 2000 фунтов стерлингов. Конечное использование средств фонда не совпало с первоначально предложенным, но это позволило мисс Найтингейл сделать одну из самых полезных частей работы ее жизни.[187]

Симпатия и интерес королевской семьи в работе мисс Найтингейл была показана присутствием герцога Кембриджского в кресле в Уиллис номера; но королева хотела, чтобы связать себя в какой-то более прямой и сигнальной меры с "благодарное признание" ее

людей. Через несколько недель после собрания общественности было отправлено следующее письмо:...

Виндзорский замок [ноябрь 1855 г.].^[188] Дорогая мисс Найтингейл - Вы, я знаю, хорошо осведомлены о том высоком чувстве, которое я испытываю к христианской преданности, проявленной Вами во время этой великой и кровавой войны, и мне нет нужды повторять Вам, насколько горячо мое восхищение Вашими заслугами, которые полностью равны заслугам моих дорогих и храбрых солдат, чьи страдания Вы имели честь облегчить столь милосердным образом. Я, однако, желаю выразить свои чувства таким образом, который, полагаю, будет вам приятен, и поэтому посылаю вам вместе с этим письмом брошь, форма и эмблемы которой напоминают о вашей великой и благословенной работе и которую, я надеюсь, вы будете носить как знак высокого одобрения вашего государя!

Мне будет очень приятно, когда вы, наконец, вернетесь к этим берегам, познакомиться с тем, кто подал столь яркий пример нашему полу. И со всеми молитвами о сохранении Вашего дорогого здоровья, поверьте, я всегда искренне Ваша, Виктория Р.

Драгоценность, дизайн которой разработал принц-консорт, напоминает скорее значок, чем брошь, на ней изображен Георгиевский крест из красной эмали и королевский герб, увенчанный короной из бриллиантов. Надпись "Благословенны милосердные" окружает значок, на котором также написано слово "Крым". На реверсе - надпись: "Мисс Флоренс Найтингейл, в знак уважения и благодарности за ее преданность храбрым солдатам королевы - от Виктории Р., 1855".

"Я надеюсь, - писала леди Верни (27 декабря 1855 г.), - что вы будете носить свою Звезду, чтобы порадовать солдат по воскресеньям и праздникам; ведь, судя по словам тех, кто дома, им будет так приятно знать, что королева сделала все возможное, чтобы оказать вам честь". Дома мисс Найтингейл никогда не носила этот знак отличия. Она носила его на Востоке, в одном случае, конечно (стр. 296); и, возможно, в других случаях. Если это так, то по причине, предложенной ее сестрой. Она любила солдат. Почести и репутация, насколько они вообще были ей дороги (а это было мало), ценились лишь как средство для дальнейшей службы. С каким рвением и с какой благой целью она теперь посвящала себя служению интересам простых солдат, мы узнаем в следующей главе.

ГЛАВА XI

СОЛДАТСКИЙ ДРУГ

Человеческая природа - это благородная и прекрасная вещь, а не пошлость и не подлость. Все грехи людей я считаю их болезнью, а не природой; глупостью, которую можно предотвратить, а не необходимостью, которую нужно принять. И мое удивление, даже когда дела идут хуже некуда, всегда на высоте, которой может достичь эта человеческая природа" - Раскин.

"Что такое ужасы войны, - писала мисс Найтингейл по пути в Крым в мае 1855 года,^[189] - никто не может себе представить. Это не раны, не кровь, не лихорадка, пятнистая и слабая, не дизентерия, хроническая и острая, не холод, жара и голод. Это опьянение, пьяная жестокость, деморализация и беспорядок со стороны нижестоящих; зависть, подлость, равнодушие, эгоистичная жестокость со стороны вышестоящих". Далее она выражает сожаление по поводу пьянства, которое она наблюдала в депо, и кажущегося безразличия

персонала к этому. И все же, как показал ее опыт, мужчины быстро оказались восприимчивы к лучшему влиянию. "Мы открыли читальный зал для больных, который хорошо посещают; поведение солдат одинаково хорошее. Я считаю, что мы были самым эффективным средством восстановления дисциплины, а не ее разрушения, в чем меня обвиняли. Они относятся ко мне гораздо уважительнее, чем к своим офицерам. Но я плачу, когда думаю, что все эти 6 месяцев у нас мог бы быть обученный школьный учитель, а мне сказали, что это совершенно невозможно; что в индийской армии принимаются эффективные и успешные меры для предотвращения опьянения и дезорганизации, а здесь конвалесцентов привозят явно мертвецки пьяными (ибо они умирают от этого), а офицеры смотрят на это с спокойствием и говорят мне: "Вы портите этих скотов". Люди так рады читать, так рады отдавать свои деньги". Этот отрывок служит для того, чтобы познакомить нас с той стороной работы мисс Найтингейл, которая занимала большую часть ее мыслей и деятельности во время последней части ее пребывания на Востоке. Ее работа по уходу за больными телами солдат - это то, что наиболее известно, но ее работа по обращению к их моральной и умственной природе была не менее восхитительной, и вряд ли менее новаторской. Один из высокопоставленных лиц, прошедший всю войну, сказал о ней в то время: "Она научила офицеров и чиновников относиться к солдатам как к христианам". Не каждый офицер нуждался в таких уроках, но пример мисс Найтингейл и практические эксперименты, которые она прямо или косвенно начала проводить во время Крымской войны, сделали многое для гуманизации британской армии. Она заслуживает того, чтобы ее помнили как друга солдат не меньше, чем как ангела-служителя.

Мисс Найтингейл, как и все моральные и социальные реформаторы, верила в благородство человеческой природы. В палатах госпиталя в Скутари и в окопах перед Севастополем она видела героизм, на который был способен простой солдат. Она отказывалась верить, что пороки, к которым он был склонен, были заложены в его натуре. "Я никогда не могла присоединиться, - писала она леди Верни из Скутари (март 1856 года), - к популярным крикам о безрассудстве, чувственности и беспомощности солдат. Напротив, я должна сказать (и, возможно, немногие женщины видели больше представителей промышленного и сельскохозяйственного классов Англии, чем я до своего приезда сюда), что я никогда не видела столь обучаемого и полезного класса, как армия в целом. Дайте им возможность быстро и надежно отправлять деньги домой, и они воспользуются ею. Дайте им школы и лекции, и они будут их посещать. Дайте им книги, игры и развлечения, и они бросят пить. Дайте им страдания, и они будут их переносить. Дайте им работу, и они будут ее делать. Я бы предпочел иметь дело с армией в целом, чем с любым другим классом, которому я когда-либо пытался служить". В то время было распространено мнение, что в природе британского солдата - быть пьяницей. То же самое думали и о британской медсестре.^[190] Она категорически отказалась в это верить и решительно и находчиво принялась воплощать в жизнь реформы.

//

Мисс Найтингейл, как я уже объяснял (стр. 215), была на слуху у двора, и она воспользовалась случаем, чтобы изложить свои взгляды королеве. О ближайших последствиях этого рассказано в письме лорда Грэнвилла лорду Каннингу: "21 декабря [1855 г.].

21 декабря [1855 г.]. В кабинете министров было зачитано интересное письмо мисс Найтингейл, в котором она благодарила королеву за прекрасный подарок и обсуждала причины и средства борьбы с пьянством в армии. Пэм сочла его превосходным. Кларендон

сказал, что оно полно реальных вещей, а Марс заявил, что оно лишь показывает, что она ничего не знает о британском солдате.^[191]

Но лорд Панмур, хотя и верил в первородный грех солдата, был не менее тронут приведенными в движение силами и одобрил некоторые полезные меры по реформированию. Мисс Найтингейл, однако, не стала дожидаться официальных действий. Это никогда не было в ее характере. Когда она хотела, чтобы что-то было сделано, она показывала, как это сделать, в тех масштабах, которые были ей доступны.

Первым ее начинанием было помочь и поощрить солдат отправлять домой хотя бы часть своего жалованья. Она создала внеочередное бюро денежных переводов, в котором четыре раза в месяц после обеда принимала деньги от любого солдата, пожелавшего отправить их домой своей семье. Таким образом, ежемесячно поступало около 1000 фунтов стерлингов небольшими суммами, которые почтовыми переводами, полученными в Англии, пересылались нескольким адресатам. Ее дядя, мистер Сэмюэл Смит, взял на себя обязанности английского агента. После Совета кабинета министров, о котором говорилось выше, лорд Панмур написал командующему войсками в Крыму, обратив внимание на "крик" мисс Найтингейл и отметив, что если солдат хочет отправить деньги домой, он может сделать это через Paymaster, но добавив, что было решено увеличить возможности. В следующем месяце (январь 1856 года) правительство вняло намекам частной инициативы мисс Найтингейл и открыло отделения для денежных переводов в Константинополе, Скутари, Балаклаве и "штаб-квартире в Крыму". "Это не принесет пользы", - писал "Марс", убежденный против своей воли; "Солдат - это не животное, способное платить деньги".^[192] Но на самом деле в течение последующих шести месяцев домой была отправлена сумма в 71 000 фунтов стерлингов.^[193] Мисс Найтингейл чувствовала большое удовлетворение от того, что была средством "спасения этих денег из столовой". Она также сыграла важную роль в создании конкурирующего заведения, названного в честь солдатской битвы "Инкерманским кафе". Оно было приятно расположено недалеко от берега Босфора, на полпути между главными госпиталями в Скутари. Мисс Найтингейл уделила много внимания деталям этой кофейни и составила список цен. Во всей этой работе на благо солдат она нашла сердечного сторонника в лице сэра Генри Сторкса, который сменил лорда Уильяма Полета на посту командующего в Скутари во второй половине 1855 года. Сэр Генри был согласен с ней, как он писал, "что пьянство можно сделать исключением, а не правилом в армии"; и в более поздние годы он с благодарностью вспоминал то время, когда "мы вместе служили в Скутари".

Ее личное влияние на мужчин было очень велико. "Я обещал *Ей* не пить" или "Я обещал *Ей* присылать мои деньги домой", - говорили они "таким тоном", как записал мистер Стаффорд, "как будто это было заложено в них самих". Любопытная и, как я думаю, читатель согласится со мной, красивая иллюстрация этой стороны работы мисс Найтингейл, была доведена до моего сведения во время подготовки этого мемуара. 23 января 1856 года мисс Найтингейл написала следующее письмо из Скутари преподобному Р. Гловеру, который в то время был капелланом войск в Мейдстоуне:...

В ответ на ваше письмо от 10 января имею удовольствие сообщить вам, что только что видел Томаса Уайброна, 12-й улан, и что он обещал мне не только писать своей жене, но и передавать ей через меня деньги после 1-го числа следующего месяца, когда он получит свое жалованье. Я верю, что он сдержит свое слово. Ей лучше также написать ему самой и отправить свое письмо через меня. Он говорит мне, что получил от нее *одно* письмо. Однако он здоров, но влез в долги. Однако он посылает своей жене добрые слова любви, которые он просит меня передать ей через вас, и умоляет, чтобы она не выходила сюда. Я сам ^[280]

придерживаюсь такого мнения. Независимо от того, что в данный момент я не могу принять больше медсестер, есть много причин против того, чтобы привозить сюда солдатских жен, которые вы легко поймете. Что касается полка, то я считаю 12-й Лансерский самым "респектабельным" полком из всех, что у нас есть. Они присылают домой больше денег и используют их лучше, чем все остальные полки, вместе взятые. И я надеюсь, что Уайтброн будет совершенствоваться в этом".

В январе 1912 года подполковник Клифтон Браун, командовавший 12-м Королевским полком, расквартированным в Потchefструме в Трансваале, купил оригинал этого письма, "прекрасно написанного, без единой пометки или царапины", вставил его в рамку со стеклом с обеих сторон и подарил своему полку. Так пусть эхо заботы мисс Найтингейл о британском солдате и гордости за его доброе имя переходит из души в душу и растет во веки веков.

///

Затем мисс Найтингейл взялась за создание и оснащение читальных залов и классных комнат. Она приняла меры, чтобы о ее планах узнали в Англии, и популярность героини привела к быстрому и щедрому отклику со стороны всех классов - от королевской семьи до самого скромного печатника. Родственники мисс Найтингейл на родине получали и передавали ей подарки. Особенно полезным оказался ее кузен, мистер Генри Бонэм Картер. "Гарри Картер, - писала она (6 января 1856 года), - должно быть, деловой человек, потому что я могу заверить вас, что коробки, которые он мне прислал, единственные, которые не потеряли для меня часы ненужного труда, потому что он дал мне счета за содержимое каждой коробки и коносаменты". Ее сестра была генеральным приемщиком, и из писем леди Верни мы получаем живой отчет о работе: - (К мисс Эллен Толлет.

(Мисс Эллен Толлет.) [Ноябрь 1855 г.] Не знаю, говорила ли вам миссис Милнс, как много мы работали, чтобы отправить коробки для обучения Ф. в армии! Позвольте мне сказать вам, мэм, что обучить 50 000 человек - это не шутка. Seriously, любовь моя, это мелочи, которые каждый может сделать среди такой массы, что заставляет еще больше стремиться дать ей возможность сделать все, что она может, и мы отправили 1000 тетрадей, письменные принадлежности в пропорции, диаграммы, [281] карты, книги с иллюстрациями и прочее. *Макбет* (6) для чтения по 6 за раз, и музыка в интерлюдиях, которую мистер Бест (образцовый человек, которого я люблю больше, чем декана Х.) рекомендовал как имеющую успех в его деревне. Шахматы, футбол, другие игры, волшебный фонарь для растворения взглядов, стереоскоп (очень хороший!), пьесы для актеров, музыка, и т. д. и т. п. Наконец, я решил, что немного искусства будет нелишним, и сделал несколько гравюр, растянутых и покрытых лаком, которые должны стать моей подпиской на улучшение британской армии!

Но, дорогая моя, ты не можешь себе представить, как хороша та помощь, которую все оказывают; П. и О. говорят, что ничего не нужно платить, вещи мисс Н. все достаются бесплатно.

(Флоренс Найтингейл.) [16 ноября 1855 г.] Пожалуйста, моя дорогая, прими к сведению гравюру, которую королева посылает тебе для солдат. Она слышала от леди Августы Брюс, что вы просили одну из ее работ для "Инкерманского кафе"; и, соответственно, она посылает вам ту, на которой герцог Веллингтон дарит майские цветы маленькому принцу Артуру, своему крестнику; это очень мило с ее стороны, потому что в ней сочетается так много вещей. Она прислана вам, чтобы вы делали с ней все, что захотите, и я сказал, что вы, скорее всего, захотите иметь ее в Балаклаве для своих планов Читального зала. Мы ломали голову, как подобрать забавные вещицы для ваших мужчин.... Чтобы смягчить науку, я всучила

Мадонну из Седии; которая, любовь моя, домашняя, если угодно, а не папистская. Герцогиня Кентская прислала большую партию книг; она была так рада быть полезной.

И в Крыму, и в Скутари мисс Найтингейл занималась, как только предоставлялась возможность, тем, что ее сестра со смехом называла "образованием британской армии". Но именно в Скутари, где она в основном и оставалась, эта работа приняла наибольший размах. Сэр Генри Сторкс от имени правительства приобрел здание рядом с госпиталем, в котором разместились читальный зал и школьная комната. Читальный зал, открытый в январе 1856 года, был снабжен мисс Найтингейл книгами, гравюрами, картами, играми и газетами. Другая комната использовалась в качестве гарнизонной школы; туда были направлены два школьных учителя, проводились вечерние лекции и занятия. Вторая школа располагалась в бараке между двумя большими госпиталями в Скутари.^[194] Для выздоравливающих мисс Найтингейл еще раньше открыла в госпитале барака читальные залы, снабдив их книгами, газетами, письменными принадлежностями, гравюрами и играми. Во всех читальных залах мужчины посещали их много и постоянно, их поведение, когда они там были, добавила мисс Найтингейл, одинаково спокойным и воспитанным. Хорошие манеры, а также бескомпромиссный героизм простых солдат произвели на Главную леди неизгладимое впечатление.

Именно из опыта Крымской войны выросла ее любовь к британскому солдату, здоровью, заботе и комфорту которого, дома и в Индии, ей предстояло посвятить многие годы своей долгой жизни. В глубокой старости, когда ослабевшие силы уже не могли одинаково чутко реагировать на любой призыв, она иногда, как мне рассказывали, проявляла вялость, если ее собеседник заговаривал о медсестрах или уходе за больными, но прежний свет загорался в ее глазах, а слабый ум мгновенно становился внимательным при малейшем упоминании о британском солдате.

ГЛАВА XII

СНОВА В КРЫМУ

(Сентябрь 1855 - июль 1856)

Я готова выдержать войну с любым мужчиной - Флоренс Найтингейл (4 ноября 1855 года).

8 сентября 1855 года Севастополь пал, после штурмов, как все помнят, заполнивших британские кладбища и госпитали. Время мисс Найтингейл с этой даты и до конца войны было разделено между Крымом и Скутари. 9 октября 1855 года она отправилась из Скутари в Балаклаву и оставалась в Крыму до конца ноября, когда поспешила вернуться в Скутари, узнав о серьезной вспышке холеры в казарменном госпитале в этом месте. В Страстную пятницу 1856 года (21 марта) она снова отправилась из Скутари в Балаклаву, в связи со срочным призывом госпиталей Сухопутного транспортного корпуса, и оставалась там до начала июля. 28 июля она отправилась из Скутари в Англию.

Работа мисс Найтингейл во время ее второго и третьего визитов в Крым (два месяца в 1855 году и три в 1856 году) была самой тяжелой, а в некоторых отношениях и самой тревожной из всех ее трудов на Востоке. Расстояния между несколькими крымскими госпиталями, перечисленными в предыдущей главе (стр. 254), были огромными; насколько плохими были дороги, известно каждому, кто хоть что-то читал о Крымской войне; и мисс Найтингейл

испытала на себе всю суровость крымской зимы. "Необычайные нагрузки, которые она возлагала на себя, были бы совершенно невероятны, - писал М. Сойер, - если бы их не наблюдали многие. Я могу поручиться за этот факт, поскольку часто сопровождал ее в [замковый] госпиталь, а также в монастырь. Возвращение из этих мест ночью было очень опасным, поскольку дорога пролегла по очень неровной местности. Еще опаснее было, когда на землю ложился снег. Я видел, как она часами стояла на вершине мрачной скалистой горы недалеко от больницы, давая указания, в то время как шел сильный снегопад". В течение нескольких лет она была несколько подвержена ревматизму, а в Крыму ее временами мучил радикулит. Но она "акклиматизировалась", по ее словам, и была сильна, чтобы терпеть. Иногда она проводила долгие дни в седле. В другое время она ехала в грубой повозке. Ее первым средством передвижения была повозка, запряженная мулом и управляемая, добавляет оживленная Сойер, ослом; в ней она пережила неприятное расстройство. Тогда полковник Макмердо, комендант Сухопутного транспортного корпуса,[195] любезно предоставил ей лучшее транспортное средство, какое только можно было достать. Оно получило достойное название "Карета мисс Найтингейл", но на самом деле это был багажный вагон без рессор.[196] Спустя некоторое время М. Сойер обнаружил это транспортное средство среди других "крымских вещей", которые продавались в Саутгемптоне. Через сорок лет он был показан на выставке "Викторианская эпоха",[197], и до сих пор хранится в Леа Херст.

В этом автомобиле с капюшоном, или верхом на лошади, или, если дороги были очень плохими, пешком, мисс Найтингейл совершала свои обходы в любую погоду, ее штаб-квартира находилась то в Главном, то в Замковом госпитале. Она никогда не полагалась на свой пол, чтобы избавить себя от проблем или усталости за счет других. Сейчас она была лишена помощи мистера Брейсбриджа, но отсутствие гражданского посредника не было для нее недостатком. "Женщина, - говорила она, - получает от военных любезность (если она не шокирует их деловые привычки или кастовые предрассудки), которую мужчина, поставивший гражданское лицо против военного, эффективно препятствует". Она руководила работой медсестер во всех госпиталях, находившихся в ее ведении. В *"Путешествиях леди Хорнби"* есть яркая картина госпитальных хижин на Генуэзских высотах. "В первый день нашего прибытия, - писала она в мае 1856 года, - мы долго гуляли по Балаклавским высотам, возле старой генуэзской крепости. С одной стороны открывается уединенный и великолепный вид на море и скалы; но стоит резко повернуть на возвышенность, и перед глазами сразу же предстает многолюдный порт и все активные военные действия. Поднявшись выше, мы подошли к больничным домикам мисс Найтингейл, построенным из длинных досок и украшенным аккуратно высаженными цветами. Перед нами сверкало море, и когда мы задержались, чтобы полюбоваться прекрасным видом, одна из медсестер, добрая, похожая на мать женщина, вышла на маленькое крыльцо и пригласила нас войти и отдохнуть. Другая, более молодая сестра любезно предложила нам деревянный табурет. На большом столе стоял простой горшок с полевыми цветами, так красиво расставленными, что они сразу же бросились мне в глаза. Каким очаровательным показался мне этот маленький домик с идеальной чистотой, великолепным видом, здоровьем, довольством и полезностью его обитателей! Какими респектабельными казались их немногочисленные нужды; как соответствовала их простая одежда суровым реалиям и милостям жизни; как бесстрашно они полагались на заботу и любовь Бога в этом одиноком месте, вдали от всех своих друзей; как искренне они любовались и ухаживали за немногочисленными весенними цветами чужой земли,[198] эти храбрые, тихие женщины, которые были свидетелями и помогли облегчить столько страданий! Это был самый приятный визит в моей жизни. Мисс Найтингейл была там всего за несколько дней до этого, и эта комната и табурет принадлежали ей".[199] Мисс Найтингейл

организовала читальные залы, провела буровые скважины для воды, чтобы улучшить снабжение больниц, покрыла хижины войлоком для защиты от зимы и ввела в полную силу свои кухни с дополнительными диетами при хорошей помощи М. Сойера. В ее отсутствие работа столкнулась со многими трудностями, вызванными безразличием или враждебностью чиновников к тому, что одни считали ее прихотью, а другие - вмешательством. "В апреле, - писала она миссис Герберт из госпиталя Касл (17 ноября 1855 года), - я приняла этот госпиталь, и с тех пор и по сей день мы готовили всю дополнительную диету для 500-600 пациентов и всю диету для всех раненых офицеров сами в сарае; и хотя в июле я послала французского повара, которому я дала 100 фунтов в год, я не могла добиться строительства дополнительной диетической кухни, обещанной мне в мае, пока я не приехала на этот раз, чтобы сделать это самой в октябре. В течение всего этого времени каждое яйцо, каждый кусочек масла, желе, эля и одеколона, которые получали больные офицеры, были получены из кармана миссис Сэмюэл Смит или из моего личного кармана. 4 ноября я открыл свою "Экстра-диетическую кухню".

//

Работа мисс Найтингейл в Крыму была сопряжена с постоянными хлопотами. Ей приходилось бороться за свои полномочия. Она знала, что победит, но ее враги были активны и в данный момент владели полем боя. "Нет ни одного чиновника, - говорила она, - который не сжег бы меня, как Жанну д'Арк, если бы мог, но они знают, что военное министерство не может меня выгнать, потому что страна со мной". В Крыму ее одолевали ревности, как в военных, так и в медицинских кругах; и, что еще хуже, к спорам примешивалась религиозная и даже расовая вражда. Лорд Раглан, который верил в нее и всегда поддерживал, был уже мертв; и по какому-то странному упущению инструкции, которые были отправлены ему из Лондона во время ее первоначального назначения, остались неизвестны его преемникам на посту командующего. Слова в *опубликованных* инструкциях - "в Турции" - давали своего рода техническое оправдание (как уже упоминалось) ревнивым чиновникам, считавшим мисс Найтингейл интервентом в Крыму. Однако этот довод не имел под собой никакой основы; ведь в Крыму уже существовало женское учреждение по уходу за больными, которое не получало никаких отдельных или независимых инструкций, и которое все еще поддерживалось правительством. На каком основании он мог там находиться, кроме как по поручению главной леди-суперинтенданта? Но вторжение мисс Найтингейл было, я полагаю, возмущено некоторыми военными офицерами больше в Балаклаве, чем в Скутари, в пропорции, поскольку место действия было ближе к фронту; насколько острым было возмущение, мы слышали от полковника Стерлинга. А поскольку штаб был несимпатичен, мисс Найтингейл пришлось нелегко. "Мы делаем все то же самое, - писала она миссис Герберт, - только немного медленнее. Когда у нас есть поддержка в штаб-квартире, дела продвигаются быстрее, вот и все. Настоящая обида на нас заключается в том, что, хотя мы и подчиняемся главврачам в управлении, мы превосходим их по влиянию и шансам быть услышанными дома. Это аномалия, но такова и война в Англии". В Англии не было должного обеспечения всех потребностей войны. Мисс Найтингейл, видя вещи, которые должны быть сделаны, предпочитала, чтобы они были сделаны аномальными способами, чем то, что по правилам они не должны быть сделаны вообще.

О том, что ее анализ ситуации правильно объясняет ревность и противодействие главврачей, можно судить по их переписке. Личная ситуация в Крыму не была облегчена заявлениями мистера Брейсбриджа, о которых уже упоминалось (стр. 213). По возвращении домой он не только восхвалял мисс Найтингейл, но и подверг суровой критике всю

медицинскую службу на Востоке. Его речь, произнесенная на публичном собрании, была подробно освещена в "Таймс" (16 октября 1855 года). Мисс Найтингейл, несомненно, подозревали в соучастии в этой атаке; но на самом деле она была невиновна, и она была в таком же гневе, как и врачи, когда увидела отчет. Мистер Брейсбридж был ее другом, но правда и целесообразность были более важными друзьями; и она продолжила излагать мистеру Брейсбриджу свои мысли (4 ноября). Она возразила против его речи: "*Во-первых*, потому что это не наше дело, и я прямо отрицала, что являюсь медиком, и отклоняла все заявки как медиков, так и шарлатанов на обследование их систем[200]; *во-вторых*, потому что это оправдывает все нападки на нас за необоснованное вмешательство и критику; и, *в-третьих*, потому что я считаю это совершенно несправедливым". И она принялась подробно защищать врачей от нападок мистера Брейсбриджа. Его неосторожность, несомненно, поднял предрассудки в медицинских кварталах против мисс Найтингейл; но были другие и более глубокие причины в работе. Доктор Холл, главный врач в Крыму, был в некотором роде человеком, который несет индивидуальную ответственность за положение дел, вызвавшее столько возмущения в Англии; и мистер Сидни Герберт уже на ранней стадии положил палец на больное место доктора Холла. "Я не могу не чувствовать, - писал он лорду Раглану в декабре 1854 года, - что доктор Холл обижается на предложения о помощи, считая их оскорблением его подготовки".[201] Доктор Холл яростно писал о "системе клеветы против наших заведений, поддерживаемой заинтересованными лицами под прикрытием филантропии". Некоторые стали клеветниками, - продолжал он, - чтобы придать своей миссии значимость, и они хотят, чтобы мир поверил, что все улучшения в наших учреждениях происходят исключительно благодаря их собственным усилиям или усилиям нескольких медсестер; и мне жаль говорить, что некоторые из нашего собственного отдела потворствовали этому и были вознаграждены за это". Характерно замечание мисс Найтингейл по поводу этой тирады: "Возникает желание спросить, а не были ли вознаграждены другие, которым нечего показать в результате этой хваленой госпитальной системы, кроме развалин армии, которые они не посоветовали предотвратить даже самыми обычными мерами предосторожности (диета и одежда), и могил в Скутари".[202] Мне, после долгого чтения документов, кажется, что доктор Холл стал жертвой ложной позиции. Его назначили генеральным медицинским инспектором в Крыму, когда он еще находился в Индии, и он не прибыл на место вовремя, чтобы как следует продумать подготовку. Мисс Найтингейл никогда не позволяла личным чувствам влиять на беспристрастность ее суждений. Доктор Холл оспаривал ее авторитет и возмущался ее вмешательством. Она боролась с ним, и в конце концов она победила его, но есть отрывки в ее письмах, которые свидетельствуют о его хороших услугах и высокой способности во многих отношениях. Их личные отношения также не были дружескими, но она видела в нем антагонистическое влияние. Заместитель главного провизора, г-н Дэвид Фиц-Джеральд, рассматривал ее приезд в Крым с таким же, или даже больше, подозрением и неприязнью, и он отправил домой в военное министерство конфиденциальный доклад, критикуя женского учреждения медсестер, и сделать аргументированный аргумент против целесообразности санкционирования мисс Найтингейл претендовать на должность леди-настоятельницы крымских медсестер. Мисс Найтингейл были показаны эти отчеты друг, и она была возмущена тем, что она считала кампании тайной враждебности против нее.

К тому же профессиональные трудности (как бы это сказать) переплелись с религиозными. Некоторые из монахинь, которые ранее были назначены в госпитали в Кулала, в октябре 1855 года, по просьбе доктора Холла, перешли в Главный госпиталь в Балаклаве. Это, естественно, было расценено мисс Найтингейл как акт узурпации ее власти; это дало неоправданную долю римских католиков в конкретной больнице; и, кроме того, она не считала этих конкретных дам или их преподобную мать, миссис Бриджмен, полностью

эффективными. Они были очень преданными и самоотверженными, а их духовное служение было восхитительным, но как медсестры и администраторы она была о них невысокого мнения. Мистер Фиц-Джеральд, напротив, был настроен, как считали независимые наблюдатели, в их пользу. По несчастью, эти дамы в большинстве своем были ирландками, и дело приняло вид расово-религиозной вражды. Люди, которые не могли понять единодушной преданности мисс Найтингейл эффективному и деловому управлению, предполагали, что она руководствуется предрассудками. Доктор Холл не испытывал подобных подозрений, но дамы, которых мисс Найтингейл считала не самыми эффективными из своего штата медсестер, были его кандидатурами, и он решительно поддержал их. Был несколько похожий спор о другом переводе медсестер в Крым, сделанный без санкции мисс Найтингейл; и некоторые из женщин, взяв пример со своих начальников, были склонны сомневаться и попирали ее авторитет. "Не понимаю, что ей здесь нужно", - сказала одна из них, когда на сцене появилась леди-суперинтендант.[203]

///

Все эти споры довели раздражение мисс Найтингейл до белого каления. 7 января 1856 года она написала официальное письмо в военное министерство, в котором жаловалась на посягательство на ее департамент со стороны медицинского работника. В участвующих письмах к мистеру Сиднею Герберту (20, 21 февраля 1856 года) она сформулировала свои претензии. Доктор Холл "пытался изгнать ее из Крыма". Другие чиновники подговаривали ее за ее спиной. Военное министерство не оказывало ей должной поддержки. "Оно изобилует мишурой и пустыми похвалами, которые мне не нужны, и не дает мне настоящей деловой и эффективной позиции, которая мне нужна". Она умоляла мистера Герберта ходатайствовать в Палате общин о публикации переписки, чтобы общественность могла судить о ней и тех, кто обманывает ее и пытается помешать ее работе. Мистер Герберт в своем ответе[204], отмеченном в равной степени здравым смыслом и добрым чувством, осмелился "критиковать и ругать" своего друга. "Вы перестарались, - сказал он, - с вашей долгой, беспокойной, изнурительной работой. Ты видишь вокруг себя зависть и подлость. Ты слышишь односторонние, несправедливые и нечестные отчеты о твоей работе и о тех, кто находится под твоим началом. Но вы переоцениваете их значение, приписываете им слишком много мотивов и пишете о них с раздражением и яростью, что очень умаляет вес, который можно было бы придать вашим словам". Есть письма, чтобы показать, что это было мнение также более проникательным среди ближайших друзей мисс Найтингейл. Мистер Герберт добавил, что ходатайствовать о предоставлении документов было бы очень неосмотрительно. Публичных нападок не было, а публикация газет привлекла бы ненужное внимание к спорам. Ответы на критику, которые она отправила домой, показались мистеру Герберту исчерпывающими, и он понял, что военное министерство считает их таковыми. Более того, государственный секретарь собирался издать приказ, который раз и навсегда прояснит положение мисс Найтингейл. А ее собственные письма, хотя и убедительные с точки зрения фактов, по своему тону были "менее справедливы, чем справедливость".

Все это были прекрасные советы, и мисс Найтингейл взял его в хорошей части, но не, в фразе теперь санкционировано в высокой политике, "лежа". Она ответила очень длинно и энергично. Суть ее письма сводилась к тому, что легко быть спокойным и "государственным деятелем" на расстоянии, но трудно не быть злым и прямолинейным, когда ты находишься на месте и видишь, что твоя работа для больных и раненых затруднена на каждом шагу. Ее критиковали, в частности, за вмешательство в сферу деятельности "Провизора". Ее ответ мистеру Герберту по этому поводу очень эффективен и, кстати, проливает свет на тяжесть ее

жизни в Крыму. По ее словам, к счастью, она взяла с собой достаточное количество провизии для себя и своих сотрудников. Если бы она этого не сделала, им грозила бы голодная смерть.

(Мисс Найтингейл - Сиднею Герберту.) Крым, 4 апреля [1856 г.]. Я прибыла сюда 24 марта с медсестрами для двух сухопутных транспортных госпиталей, о которых д-р Холл писал 10 марта.^[205] Мы уже десять дней без пайка. Лорд Кардиган был удивлен тем, что его лошади умерли в конце двухнедельного срока из-за отсутствия пайка, и сказал, что они "сами выбрали" это, упрямые скоты! Генеральный инспектор и поставщики хотят проверить, смогут ли женщины прожить без пайка столько же, сколько лошади. Я благодарю Бога, что моя подопечная не испытывает ни холода, ни голода (и находится в работоспособном состоянии, готова и принимая в обеих больницах все дополнительные блюда для 260 плохих случаев с первого дня их прибытия). Однако я ощущал и то, и другое. Я не хочу делать из себя мученика; в пределах видимости могил Крымской армии прошлой зимы (слишком быстро забытой в Англии) это было бы трудно сделать. Я рад, что получил этот опыт. Ибо холод и голод замечательно обостряют смекалку.... В течение этих десяти дней я кормил и согревал этих женщин за свой счет и своими личными усилиями. Я никогда не слезал с лошади до 9 или 10 часов вечера, за исключением тех случаев, когда было слишком темно, чтобы идти домой через эти скалы даже с фонарем, и тогда я отправлялся пешком. Большую часть дня я был без еды, за исключением небольшого количества бренди и воды (вы видите, что я пристрастился к выпивке, как мои товарищи по армии). Но цель моего прихода была достигнута, и мои женщины не голодали и не страдали.

Память о мелких преследованиях, которым она подвергалась со стороны враждебных и завистливых чиновников в Крыму, никогда не исчезала из памяти мисс Найтингейл. Упоминание о нем вы найдете в одной из последующих глав^[206], и она часто упоминала его в своих записках и письмах. Но, хотя она упорно боролась с чиновниками, она никогда не проявляла вспыльчивости на публике, и не позволяла ни самому препятствию, ни своему раздражению по этому поводу мешать ее работе. Она приехала в Крым подготовленной, и ее личных запасов хватало, чтобы прокормить сотрудников до устранения официальных препятствий; что же касается ее досады, то она старалась не показывать ее, чтобы не пострадала ее работа.

Тем временем депеша уже была на пути из военного министерства, которое дало мисс Найтингейл полную поддержку, о которой она просила. Однако депеша не была принята без жесткой борьбы с ней со стороны подчиненных в военном министерстве, которые встали на сторону сэра Джона Холла и мистера Фиц-Джеральда. Любопытные в таких вопросах могут ознакомиться с протоколами и контрминутами по письму протеста мисс Найтингейл, хранящимися в архивах Военного министерства. Лорд Панмур, однако, придерживался ее мнения. Даже когда строки депеши были выверены в соответствии с его указаниями, все равно раздавались протесты против политики, которая, поддерживая мисс Найтингейл, порицала доктора Холла, но министр не сдвинулся с места. Он уже писал 5 ноября 1855 года самой мисс Найтингейл, заявляя, что миссис Бриджмен не оправдала себя, поступив так, как поступила.^[207] Теперь, 25 февраля 1856 года, он обратился к командующему войсками с указанием обратить внимание доктора Холла на неправильность его действий по вводу медсестер в госпиталь без предварительного согласования с мисс Найтингейл, и опубликовать следующее заявление:...

Военный министр направил командующему войсками следующую депешу с пожеланием, чтобы она была опубликована в общих приказах: "Мне кажется, что медицинские власти армии не совсем правильно понимают позицию мисс Найтингейл, как она была официально признана мной. Поэтому я считаю правильным кратко изложить вам для их руководства, а также для сведения армии, каково положение этой замечательной дамы". Мисс Найтингейл [293] признана правительством Ее Величества в качестве генерального суперинтенданта женских сестринских учреждений в военных госпиталях армии. Ни одна женщина, сестра или медсестра не может быть переведена из одного госпиталя в другой или введена в любой госпиталь без консультации с ней. Однако ее инструкции должны быть одобрены Главным медицинским офицером при выполнении возложенных на нее обязанностей. Главный врач будет общаться с мисс Найтингейл по всем вопросам, связанным с учреждением женских медсестер, и будет давать свои указания через эту даму".[208]

Сильные чувства мисс Найтингейл в этом вопросе не были вызваны, как можно было бы предположить, поспешным, предвзятым или недоброжелательным суждением, раненым *собственным чувством*. Оно было основано на убеждении, которое дал ей опыт, что только при строжайшей дисциплине, осуществляемой через надлежащим образом созданные власти, эксперимент женского медперсонала в военных госпиталях может быть успешным. В конфиденциальных докладах, которые были отправлены в военное министерство с критикой эксперимента, преимущество было принято ошибок и проступков, которые мисс Найтингейл чувствовал, что она могла бы предотвратить, если бы она была вооружена ранее с четким и полномочиями.[209]

Вооружившись этими полномочиями, мисс Найтингейл приступила к таким перемещениям среди медсестер, которые она считала необходимыми для обеспечения эффективности. У нее не было желания отстранять миссис Бриджмен и монахинь; она хотела лишь провести некоторые реформы в их управлении, на что у нее теперь были прямые полномочия; и она умоляла миссис Бриджмен остаться. Сэр Джон Холл и заместитель главного провизора, огрызаясь на указ военного министерства, похоже, сложили головы и посоветовали миссис Бриджмен уйти в отставку.[210] "Вы сами должны решить, - писал сэр Джон, - хотите ли вы оставаться в подчинении у мисс Найтингейл или нет". Она и ее Сестринство, немедленно подав в отставку (28 марта), вернулись в Англию, а мисс Найтингейл заполнила их места другими сотрудниками. Оглядываясь на всю кампанию, она считает весну 1856 года в Крыму одним из трех периодов, когда ее медсестры дали наибольшее доказательство своей полезности.[211] Тогда в сухопутном транспортном корпусе было очень много больных. Два других периода были связаны с прибытием раненых из Инкермана в Скутари (стр. 181) и "во время тяжелой летней работы по уходу за ранеными под Балаклавой в 1855 году". В Крыму, я думаю, нет памятника мисс Найтингейл. Но на возвышенности над Балаклавой, видимой с большого расстояния в море, стоит высокий мраморный крест, воздвигнутый в память о героических погибших "и о тех сестрах милосердия, которые пали на службе". На нем выгравированы слова: "Господи, помилуй нас".[212]

Мисс Найтингейл была сильно истощена своими трудами в Крыму, и за несколько недель до того, как она покинула его в последний раз, она написала несколько завещательных распоряжений, которые в случае ее смерти должны были быть переданы генералу Сторксу, командовавшему в Скутари: "Поскольку вы, - писала она ему (Балаклава, 3 мая 1856 года), - являетесь из всех действующих офицеров, будь то дома или за границей, офицером, который оказывал наиболее твердую и последовательную поддержку делу, порученному мне правительством Ее Величества, я осмеливаюсь обратиться к вам с просьбой продолжить эту поддержку после моей смерти и выполнить, насколько возможно, мои последние просьбы".

Она выразила "искреннее желание", чтобы миссис Шоу Стюарт была назначена ее преемницей. Она оставила послания с благодарностями и денежными подарками преподобной матери бермондсийских монахинь, сестре Берте Тернбулл, и миссис Робертс: "Королеву я смиренно прошу восстановить "Орден", которым Ее Величество соизволила меня наградить. Если она сочтет нужным вернуть его моей семье, он будет цениться ею еще больше. Я не могу выразить поддержку, которую одобрение моей государыни оказывало мне во всех моих испытаниях. Но уверяю Ее, что ни словом, ни мыслью, ни делом я ни на минуту не был недостойн ни Ее службы, ни вверенного мне Ею поручения. Я бы хотела, чтобы командующий силами на Востоке, возвращая ей эту драгоценность, заверил ее в этом". Были и другие просьбы, но последняя ее мысль была об армии: "Я бы хотела, чтобы я могла сделать что-то большее, чтобы доказать благородной армии, о которой я так заботилась, свое уважение и почтение. Если командующий войсками внесет в общий приказ прощальное послание от меня, воспоминание о том времени, когда мы жили, страдали и работали вместе, я буду ему благодарна". Ее хотели оставить, чтобы она оказала британской армии услуги, превосходящие все те, которые она смогла оказать в Крыму.

IV

В Скутари, в последние месяцы пребывания мисс Найтингейл (ноябрь 1855 - март 1856 и июль 1856), ее работа была такой же непрерывной, как и в Крыму. Ее компаньоны, мистер и миссис Брейсбридж, вернулись в Англию в августе 1855 года, и их место заняла миссис Сэмюэл Смит. Из ее писем мы получаем представление о повседневных трудах Флоренс в Скутари. "Моя работа, - писала тетя (31 декабря 1855 года), - простое копирование; ее - сложная мозговая работа. Я ложусь спать в 11; она обычно пишет до часу или двух, иногда до трех или четырех; за последнее время она посвятила этому целых три ночи. Мы редко заканчиваем даже наш небольшой ужин (после того как он был отложен на один, два или три часа из-за ее посетителей), не отрывая ее от него. Я никогда не видел большей картины изнеможения, чем Фло вчера в десять вечера (7 января). "О, ложись спать", - сказала я. "Как я могу, мне нужно написать все эти письма", - указывая на диван, заваленный бумагами. Напиши их завтра. "Завтра будет своя работа". И она просидела большую часть ночи". Но при всем этом давлении не было никакой суматохи. "Такие вопросы, как еда, отдых, температура, - писала ее тетя в другом письме (25 января 1856 года), - никогда не мешают ей во время работы; я полагаю, она получила некоторое преимущество перед другими людьми в том, что совершенно не думает об этих вещах; то есть ее ум, перегруженный большими делами, не имеет этих маленьких вопросов, чтобы развлекаться. Как вы знаете, она очень быстра и ясна в своей работе. Это, я полагаю, прибавило ей сил, и она может переключиться с одной вещи или одного человека на другого, когда находится в гуще дел, самым необыкновенным образом. Она достигла удивительного спокойствия и присутствия духа. Мне кажется, она часто бывает глубоко впечатлена и подавлена, хотя внешне этого не показывает, но ни раздражение нрава, ни спешка, ни смятение манер не проявляются ни на минуту". Работа миссис Смит заключалась не только в копировании. Миссис Брейсбридж называла себя "Сапогом", потому что она выполняла всю работу Флоренс, и в этом миссис Смит преуспела. "Тетя Мэй, которая так помогла Флоренс в ее борьбе за независимость, должно быть, чувствовала себя вознагражденной за свое самопожертвование, оставив мужа, дом и детей, тем, что могла находиться рядом с племянницей на протяжении некоторой части ее жизни.

На Рождество (1855) мисс Найтингейл приняла приглашение в британское посольство, и другой гость нарисовал ее портрет по этому случаю:...

Рядом с послем стояла высокая, модная, надменная красавица. Но в следующее мгновение мой взгляд остановился на даме, скромно стоявшей по другую сторону от леди Стратфорд. Сначала я подумал, что это монахиня, из-за ее черного платья и закрытого чепца. Ее не представили, но мы с Эдмундом в тот же миг посмотрели друг на друга и прошептали: *"Мисс Найтингейл"*. Да, это была Флоренс Найтингейл, величайшая из всех женщин по имени и почету. Уверяю вас, я был рад, что мне не пришлось говорить, потому что я чувствовал себя совершенно онемевшим, глядя на ее исхудавшую фигуру и короткие каштановые волосы, зачесанные на лоб, как у ребенка, подстриженные так, когда ее жизнь была потеряна из-за лихорадки совсем недавно. Платье ее, как я уже говорил, было черным, задрано до горла, единственным украшением служила большая эмалированная брошь, которая показалась мне похожей на цвета полка, увенчанные лавровым венком, несомненно, изящное подношение от наших мужчин. Чтобы немного скрыть тесный белый чепчик, она повязала сзади белый платок из крапа, оставив видным только кружевную кайму; это придало ей вид монахини, который впервые поразил меня, когда она вошла в комнату; в остальном мисс Найтингейл ни в коем случае не поражает своей внешностью. Только ее простое черное платье, спокойная манера поведения и огромная известность так мощно выделяли ее в этом собрании блестящих платьев и мундиров. Она очень маленькая, скорее выше среднего роста; ее лицо длинное и худое, но это может быть следствием недавней болезни и [297] большой усталости. У нее очень выдающийся нос, слегка римский, и маленькие темные глаза, добрые, но пронизательные; но ее лицо совсем не дает представления о большом таланте. Она выглядит тихой, настойчивой, аккуратной, похожей на леди женщиной. Она была еще очень слаба и не могла участвовать в играх, но сидела на диване и смотрела на них, смеясь до тех пор, пока на глаза не навернулись слезы.[213]

Именно во время этой последней части пребывания мисс Найтингейл в Скутари она завела новую дружбу, которая имела определенное значение для ее работы. В октябре 1855 года полковник Лефрой,[214] конфиденциальный советник военного министра по научным вопросам, был послан лордом Панмуром для частного доклада о состоянии госпиталей. Он составил высокое мнение о работе и способностях мисс Найтингейл, и с ней завязалась дружба, которая продолжалась до конца его жизни. Доверие лорда Панмура к ней и полная власть, которой, как уже говорилось (стр. 292), он наделил ее, были отчасти обусловлены отчетами полковника Лефроя.[215] В то время, когда обсуждался этот вопрос, он вернулся на свой пост в военном министерстве, и бумаги были направлены ему. Его точка зрения на дело была такой же, как и у мисс Найтингейл, и он выразил ее с силой, вдохновленной его личным наблюдением как за ее заслугами, так и за ее трудностями. Медики, писал он в одну минуту, ревниво относятся к ее миссии. "Доктор Холл с радостью расстроил бы ее завтра". "Общий приказ, - писал он в другую минуту, - признающий и определяющий ее положение, избавил бы ее от большого раздражения и изнурительной переписки. Я считаю, что это необходимо в связи со всем, что она сделала и чем пожертвовала. Кроме того, это пресечет всякий дух растущей независимости среди этих дам и медсестер, которые все еще находятся под ее началом, дух, поощряемый без дружеских намерений более чем в одном квартале". В течение многих лет полковник Лефрой был одним из самых постоянных корреспондентов мисс Найтингейл по вопросам, связанным с военными госпиталями и медсестрами, и они часто сотрудничали в схемах по обеспечению благополучия солдат. Заслуги полковника Лефроя перед армией, как в научных вопросах, так и в филантропических направлениях, были долгими и выдающимися. У мисс Найтингейл были недоброжелатели и противники на службе; но чем более прогрессивным был офицер, тем больше вероятность того, что он может быть включен в число ее поклонников и сторонников.

ГЛАВА XIII

КОНЕЦ ВОЙНЫ - ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ (Июль-август 1856 года)

Я люблю народ,
Но не люблю выставять себя на их глаза.
Хоть это и хорошо, но мне не по вкусу
Их громких рукоплесканий и пылких *аплодисментов*.

Шекспир.

Мир был подписан в Париже 30 марта 1856 года, но в крымских госпиталях еще оставалась работа, и мисс Найтингейл оставалась в Балаклаве, как мы уже видели, до начала июля. По возвращении в Скутари она занялась завершением дел своей миссии. Тем временем медсестры уже начали разъезжаться по домам. Преподобная матушка (Мур), приехавшая из Бермондси с первой партией, покинула Восток в конце апреля. На протяжении всего времени она была одной из главных помощниц мисс Найтингейл, которая написала ей из Балаклавы (29 апреля): "Божье благословение и моя любовь и благодарность с вами, как вы хорошо знаете. Вы также хорошо знаете, что я сделаю все возможное для сестер, которых вы мне оставили. Но все будет не так, как вы. Ваши желания будут нашим законом. И я постараюсь остаться в Крыму ради них, пока там есть хоть кто-то из нас. Я не смею выражать вам, преподобная матушка, похвалу или благодарность, потому что это выглядело бы так, будто я считаю, что вы сделали работу не для Бога, а для меня. Вы были намного выше меня по уровню пригодности для генерального суперинтенданта, как по мирскому таланту управления, так и по духовным качествам, которые Бог ценит в настоятеле. То, что меня поставили над вами в незавидное правление на Востоке, было моим несчастьем, а не моей виной". Другой из тех, кто мисс Найтингейл описал в качестве ее главной опоры была миссис Шоу Стюарт, которая служила в Крыму в качестве суперинтенданта медсестер, последовательно в "Генеральный" и в "Замок" больницы, и о ней мисс Найтингейл писал в терминах столь же благодарный пыл. Я цитирую несколько из этих благодарностей (и многие другие могут быть добавлены), потому что это было предположить, на основе отдельных выражений, написанных в моменты досады или уныния, что мисс Найтингейл был неблагодарным в признании работы других.^[216] Ничто не может быть дальше от факта. Она была, это правда, беспристрастно в обвинениях, где она видела, или думал, что она видела, некомпетентность, или неверность, или отсутствие целеустремленности; она также была нетерпима к оппозиции, и она не была одной из тех мягких натур, которые легко забыть и простить. Но там, где можно было найти эффективность и верное рвение, она быстро их признавала и была столь же несдержанна в похвалах, как и в порицаниях. О миссис Шоу Стюарт она писала леди Крэнворт (которая сменила леди Каннинг на посту доброго помощника медсестер): "Без нее наша крымская работа пришла бы в упадок - без ее рассудительности, преданности, бескорыстного, последовательного стремления к одной великой цели - выполнению работы в целом - без ее неустанного рвения, бдительной заботы о медсестрах, точности во всех поручениях и счетах, правдивости, верности. Ее похвала и награда в более высоких руках, чем мои". О той же "благородной, храброй" леди мисс Найтингейл писала миссис Брейсбридж (4 ноября 1855 года): "Верность настолько присуща ей, что я слышу, как ее хозяин говорит: "Ты была верна в нескольких вещах, я сделаю тебя владычицей над многими вещами". Я мог бы умножить хвалебные отзывы мисс Найтингейл о своих коллегах, потому что о каждом из них она посылала домой леди Крэнворт краткую

характеристику. Это делалось в основном ради профессиональных медсестер, чтобы по возвращении им помогли найти подходящие места. Наброски показывают, насколько внимательно леди-главнокомандующий следит за своим персоналом, и не проявляет нежелания ни критиковать, ни хвалить. Было бы нечестно конкретизировать дальше, чем, чтобы привести мисс Найтингейл признательность ее третьей основной опоры, миссис Робертс, которая пришла в качестве платной медсестры с ней в октябре 1854 года, и служил на протяжении всей войны: "Проработав 23 года сестрой в больнице Святого Томаса, ее квалификация как *медсестры*, конечно, бесконечно превосходила любую другую из тех, кто был со мной. Она действительно хирургическая медсестра первой величины. Ее ценные услуги были признаны даже и больше всего хирургами (Скутари, где она в основном находилась и где после Инкермана ее усилия были неослабевающими). Ее полное превосходство над всеми пороками больничной сестры, ее верность работе, ее бескорыстная любовь к долгу и бдительная забота о своих пациентах, ее работоспособность, равная *десяти*, сделали ее одним из самых важных лиц экспедиции".

//

3 июня государственный секретарь написал мисс Найтингейл, "поскольку сейчас быстро приближается период, когда ваши щедрые и бескорыстные труды прекратятся, вместе с поводом, который их вызвал", чтобы узнать, какие меры должны быть приняты для ее возвращения. "Задумываясь, - продолжал он, - о завершении тех тревожных и трудных обязанностей, которые вы возложили на себя исключительно с целью облегчить страдания армии Ее Величества на Востоке и которые вы выполнили с неподдельной целеустремленностью, превосходящей все похвалы, мне нет необходимости сообщать вам, как высоко Ее Величество ценит услуги, оказанные вами Ее армии; ведь Ее Величество уже передала вам убедительные доказательства своего милостивого одобрения. Но сейчас я хочу от имени моих коллег и от себя лично выразить вам нашу самую сердечную благодарность за ваши гуманные и щедрые усилия. При этом я уверена, что выражаю единодушное мнение народа этой страны".

Были вещи, которые мисс Найтингейл ценила выше, чем одобрение народа. Об одной из них верно догадался сэр Генри Сторкс. Написав ей из штаб-квартиры в Скутари 25 июля, он сказал: "Я получил вашу любезную записку.

Я получил вашу любезную записку со смешанными чувствами [302] крайнего удовольствия и сожаления - первое, потому что я очень высоко ценю ваше доброе мнение; второе, потому что ваша записка - прощальная. Для меня всегда будет источником гордости и удовлетворения то, что я был связан с вами в работе, которую вы выполняли с такой преданностью и мужеством. Среди благодарностей, полученных вами от всех классов и из многих мест, я убежден, что нет ни одной более приятной для вас, чем благодарное признание бедных людей, которых вы пришли спасти и помочь. Вы всегда будете жить в их памяти, будьте уверены в этом; ведь среди недостатков и пороков, которые породило невежество, а плохая система взрастила и укрепила, неблагодарность не входит в число недостатков британского солдата. Я питаю надежду, что вы позволите мне в будущем продолжить знакомство (можно сказать, дружбу?), которое я высоко ценю и оцениваю".

Благодарность британского солдата была очень дорога мисс Найтингейл, и распоряжение, которое она в конечном итоге сделала из своих крымских наград было характерным. Перед тем как она покинула Восток, султан подарил ей бриллиантовый браслет и денежную сумму для медсестер и госпиталей, оба подарка королева разрешила ей принять.^[217] Браслет и значок, подаренный королевой, сегодня можно увидеть в музее Объединенного института

обслуживания, куда они были помещены в соответствии с ее желанием, чтобы их хранили "там, где солдаты могли бы их видеть".

В конце концов мисс Найтингейл, проводив последних медсестер и заполнив последние описи и счета, тоже собралась уходить. Правительство предложило ей британский военный корабль для путешествия домой. То, как она отнесется к такому предложению, было верно предсказано в Палате лордов за несколько недель до этого. 5 мая лорд Элсмир произнес речь о заключении мира. Он был в некотором роде поэтом, а также государственным деятелем, и это было его последнее выступление в Палате. В речи, которой в то время восхищались и которую до сих пор можно с удовольствием читать как образец более витиеватого парламентского красноречия, он отдал дань памяти лорду Раглану, а затем счастливым образом перешел к героине войны: "Милорды, агония того времени стала достоянием истории. Растительность двух последующих весен скрыла следы Балаклавы и Инкермана. Сильные голоса теперь отвечают на переключку, а крепкие фигуры теперь группируются вокруг знамен. Ряды полны, госпитали пусты. Ангел милосердия до последнего остается на месте своих трудов; но ее миссия практически выполнена. Длинные аркады Скутари, на которых умирающие замирали, чтобы уловить звук ее шагов или трепет ее платья, и отступали назад, довольные тем, что видели ее тень, когда она проходила мимо, теперь сравнительно пустынно. Возможно, сейчас она думает, как избежать, насколько это возможно по возвращении, демонстрации того, как народ оценивает поступки и мотивы Флоренс Найтингейл".

///

Предложение военного корабля было отклонено, и мисс Найтингейл вместе с тетей отплыла *по Дунаю* в Афины, Мессину и Марсель. На борту находился посланник королевы, чтобы помочь путешественникам с паспортами. Они остановились на ночь в скромной гостинице в Париже (4 августа), а на следующий день, путешествуя как мисс Смит, она добралась до Лондона. Возвращение Флоренс Найтингейл у всех на устах", - говорилось в одном из писем того времени, и весь газетный мир был на чеку, чтобы узнать о ее передвижениях. "Усталая и измученная, - писала ее тетя, - я не могу передать вам, как она боится приемов, которые ей грозят". Стало известно, что по прибытии в Англию она сразу же отправится в свой загородный дом. Триумфальные арки, обращения мэров и корпораций, карета, запряженная ее соседями, были сразу же предложены; но мисс Найтингейл благоразумно скрыла информацию о своем графике даже от своей семьи, и публичного приема удалось избежать. Также было предложено, чтобы прием был военным. "Целые полки" Колдстримов, Гренадеров и Фузилеров "хотели бы приехать, но так как это невозможно, они хотели послать три своих оркестра, чтобы встретить ее на вокзале и проводить до дома, когда бы она ни приехала, днем или ночью, если только они смогут узнать, когда". Но внимание даже ее солдат было ускользающим. Ночь она провела в Лондоне, а в восемь часов утра, согласно обещанию, данному монахиням Бермондси, появилась у дверей их монастыря. Это был первый день их ежегодного ретрита, и она отдохнула с ними несколько часов. Затем, сев на поезд, 7 августа 1856 года, после почти двухлетнего отсутствия на Востоке, она добралась до своего дома, прибыв в неожиданный час, пройдя пешком от маленькой деревенской станции. "Негромкий звон колокола маленькой церкви на холмах и благодарственная молитва в маленькой часовне на следующий день были, - писала ее сестра, - невинным приветствием".

Военные трофеи Флоренции, как писала леди Верни миссис Гаскелл, прибыли заранее и были весьма характерны. Во-первых, это Уильям, одноногий матросский мальчик, который десять месяцев находился в ее госпиталях. Ему было найдено занятие. Затем был Питер,^[218]

маленький русский пленник, который попал в больницу, и над которым, поскольку он был сиротой, она взяла опеку. "Одна из медсестер была его преподавателем богословия и спросила его, куда он пойдет после смерти, если будет хорошим мальчиком? Он ответил: "К мисс Найтингейл". В-третьих, у нее был большой крымский щенок, которого ей подарили солдаты. Его нашли в яме в скалах под Балаклавой и назвали "Роуш", что по-русски должно означать "солдат". Маленькая русская кошка, такой же подарок, умерла в дороге; но трое оставшихся - самые счастливые существа, которых я видела за последнее время, они резвятся в перерывах между школой, где с ними много занимаются, и "слава" для них более приятна, чем для их хозяйки!" Но у Флоренс был еще один крымский трофей, неизвестный, возможно, ее сестре, который она считала одним из самых священных своих достояний. Это был пучок травы, который она "сорвала с земли, политой кровью наших людей в Инкермане".

IV

"Если я когда-нибудь снова увижу Англию", - писала она в ноябре 1855 года, - "западные бризы моего дома на вершине холма будут моим первым желанием, хотя Олимп с его снежной шапкой выглядит справедливо над нашим синим восточным морем". Именно в Лиа Херст она и отправилась по возвращении. Именно там, за десять лет до этого, она нашла счастье на две недели в скромной работе приходской медсестры и посетителя и подумала про себя, что продолжением такой жизни она будет довольна.^[219] Стремления ее юности должны были получить, как показано в этой второй части тома, более широкое, полное и заметное воплощение. Однако было бы ошибкой считать миссию мисс Найтингейл в Крымской войне вершиной ее достижений или завершением ее жизни. Скорее, это была отправная точка.

Ее работа на Востоке, правда, достигла некоторых великих целей и в какой-то мере удовлетворила стремление ее ума и сердца. "Она совершила великий поступок, - писал друг в декабре 1854 года, - не меньший, чем те, кто стоял в Инкермане или продвигался к Альме; она сделала первый шаг к тому, чтобы стереть с лица нашей страны упрек в том, что наши женщины не могут делать то, что делают другие, безупречно и с пользой для своих братьев". Она доказала, что в британских военных госпиталях есть место для медсестер. Она показала путь к новому и высокому призванию женщин. "То, что сделала Флоренс, - писала леди Верни своей подруге (апрель 1856 года), - в плане повышения стандартов женских способностей и работы, очень важно. Любопытно, что каждый день возникают вопросы, на которые, даже если не упоминать о ней, даются совсем другие ответы, чем 18 месяцев назад". Лорд Стэнли в уже упомянутой речи в Манчестере высказал ту же мысль. "Отметьте, - сказал он, - что, преодолевая обычаи и предрассудки, мисс Найтингейл сделала для своего пола. Она открыла для них новую профессию, новую сферу полезности. Я не думаю, что, принимая на себя эту миссию, она сильно задумывалась о том, какое влияние она может оказать на социальное положение женщин. И все же, наверное, никто из тех, кто специально изучал этот вопрос, не сделал и половины того, что сделала она для его решения. Требование более широкой свободы действий, основанной на доказанной общественной пользе в самом высоком смысле этого слова, когда вся нация смотрит на и свидетельствует, - это требование, к которому нужно прислушаться, и от которого нельзя легко отказаться". Лорд Стэнли ошибался, полагая, что мисс Найтингейл мало задумывалась о влиянии своей миссии на положение женщин; ведь, хотя она и относилась с опаской к "женским миссионерам", все же сделать "лучшую жизнь для женщины"^[220] было целью, очень близкой ее сердцу. Когда она была в Крыму, работала не хуже мужчин, противостояла болезни и смерти вместе с самыми храбрыми из них, руководила, реформировала, консультировала так же энергично, как лучшие из них, эта решительная женщина

чувствовала, что она и ее спутницы подняли свой пол на высоту великого события. "Война, - писала она своему другу, мистеру Брейсбриджу (4 ноября 1855 года), - создает Дебор, Авессаломов и Ахитофелов; и когда, если когда-либо Magnificat была правдой, была ли она более правдивой, чем сейчас, каждое ее слово? Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем. Ибо Он призрел на смирение служанки Своей". Эти слова, которые часто звучали в ее устах в минуты уныния и неисполнимых желаний,^[221] пришли к ней с чувством счастливого удовлетворения, когда она смогла выступить в роли служанки Божьей в служении больным и раненым солдатам. Сестра, лучше понимая ее в годы достижений, чем в годы стремлений, писала ей (15 ноября 1855 года): "Сколько тревожной работы на тебе лежит, мое Великое Сердце, и все же, несмотря на все это, ты не нашла свой истинный дом - дом своего духа?"

Все это было правдой. И все же крымская миссия мисс Найтингейл была в схеме ее жизни, как она ее планировала, и в фактах ее жизни, насколько позволяло ухудшающееся здоровье, не столько кульминацией, сколько эпизодом. Это был эпизод, примечательный сам по себе, и он принес ей мировую известность; но в известности она не видела ничего, кроме возможности для дальнейшей работы. "Способности, которые она проявила, - писал мистер Сидни Герберт в книге "Комнаты Уиллиса", - не могут дремать. Пока она жива, ее труд предначертан для нее. Алмаз проявил себя, и нельзя допустить, чтобы он вернулся в шахту". Ее подруга прекрасно понимала, что выражает лишь чувства ее собственного разума. По возвращении в Англию она стремилась использовать свою репутацию и свой опыт для продвижения своих идеалов. Опыт, полученный во время Крымской войны, расширил сферу ее деятельности. Она получила представление о военной администрации и продемонстрировала такое понимание предмета, что королева и принц "пожелали иметь ее в военном министерстве". Поэтому ее первым долгом было использовать свой опыт, насколько это позволяли возможности, для улучшения медицинского управления армией. Но главным желанием всей ее жизни было возвести сестринское дело в ранг профессионального призвания. Ее миссия на Восток не достигла этой цели. Она лишь прорекламирала ее, а в остальном показала, насколько срочно необходимо это сделать. Мир восхвалял ее достижения. Она же скорее осознавала его недостатки, а также препятствия и трудности, с которыми он был сопряжен. Она вернулась с Востока с еще большей решимостью, чем прежде, стать первопроходцем в реформе сестринского дела.

Но сначала ей нужен был отдых и уединение. Отдых, чтобы восстановить силы после долгого напряжения труда, трудностей и тревог. Уединение, в котором она могла бы спрятаться от публичности и аплодисментов. Мир превозносил ее самопожертвование. Она же считала, что ничем не пожертвовала. Скорее, ей выпала честь достичь той гармонии между душой человека и его предназначением, в которой, согласно ее философии, заключается единение человека с Божественным Духом. Она избегала славы, боясь тщеславия. "Оплаченный миром, чем ты обязан Мне? мог бы спросить Бог". "Я верю, - писала она отцу в 1854 году, незадолго до своего Призыва в Крым, - что внутри и вне человеческой природы есть откровение вечного существования, вечного прогресса для человеческой природы. В то же время я верю, что выполнение той части работы в этом мире, которая гармонирует, согласуется с идиосинкразией каждого из нас, является средством, с помощью которого мы можем одновременно сделать этот мир обителью Божественного Духа в человеке и подготовиться к другой такой работе в других мирах, которые нас окружают. Царство Небесное внутри нас". Эти слова кажутся мне наиболее похожими на откровение, Новый Завет, Евангелие - из всех, что были сказаны нашим Спасителем". Как мы узнаем, период ее отдыха был очень коротким; но давайте оставим ее в тишине ее покоев с такими мыслями, пока другая Часть не откроет новую главу деятельности в ее жизни.

Сноски:

[69] Фактическое число см. ниже, с. 149.

[70] *Жизнь лорда Хоутона*, т. i. с. 521.

[71] Это знаменитое письмо - очевидно, в то время частное - было напечатано *in extenso* с противоречивой целью (см. ниже, с. 245) в газете *Daily News* от 28 октября 1854 года. Мисс Найтингейл была очень огорчена, узнав о публикации, а ее семья не могла понять, как это "попало в газеты"; но они слишком широко демонстрировали это письмо и его копии.

[72] Текст инструкции можно найти в журнале *Королевского армейского медицинского корпуса* за октябрь 1910 года.

[73] *Stanmore*, vol. i. p. 342.

[74] В 1868 году мисс Джонс ушла в отставку из-за разногласий с Советом и открыла частное заведение по уходу за больными. Она умерла в 1887 году.

[75] *Stanmore*, vol. i. p. 342.

[76] *Из жизни и смерти Афины, совы из Парфенона* - рукописная книга, очаровательно написанная и проиллюстрированная леди Верни. Она написала ее в 1855 году и отправила в Скутари, "чтобы попытаться рассмешить Фло и миссис Брейсбридж, когда Ф. поправлялась после лихорадки".

[77] Письмо капитану Гальтону, 5 мая 1863 года.

[78] *Заявление* (см. Библиографию А, № 5).

[79] *Заявление*, с. 3-4.

[80] *Комитет Роебука*, Q. 14625.

[81] *Pincoffs*, p. 79.

[82] См. по этому вопросу ссылки, приведенные ниже, p. 210 n.

[83] *Statement*, p. 13 n.

[84] *Notes* (Bibliography A, No. 8), sec. iii. p. xxxiii.

[85] *Grant*, p. 174.

[86] Живое описание дискомфорта, который испытывал ее персонал, см. в *"Восточных госпиталях"*, т. i. с. 91-94.

[87] J. B. Atkins, *Life of Sir W. H. Russell*, vol. i. p. 143.

[88] *Notes*, sec. i. p. xxii.

[89] На последующих страницах эта комиссия упоминается как "комиссия герцога Ньюкасла".

[90] *Notes*, sec. iii. pp. iii., ix.

[91] Если кто-то из читателей желает испытать тошноту, я рекомендую ему "Отчет о больницах" Санитарных комиссаров за 1855 год. А если кто-то желает найти болезненные

подробности по некоторым из вышеперечисленных разделов, не прибегая к "Синим книгам", его можно отослать к отчету в Хансарде о речи мистера Огастуса Стаффорда (очевидца того, что он описывал) в Палате общин 29 января 1855 года.

[92] *Комитет Роебука*, Пятый отчет, стр. 17, 19.

[93] Dean Stanley, *Memorials of Edward and Catherine Stanley*, 2nd ed., p. 335. Так же и мистер Сидни Герберт в своей речи в Уиллисовских комнатах 29 ноября 1855 года назвал ее "женщиной-гением".

[94] *Statement to Subscribers*, p. vii.

[95] См. *Pincoffs*, p. 79.

[96] *Eastern Hospitals*, vol. i. p. 71.

[97] *Notes*, p. 152.

[98] *Стэнмор*, т. i. p. 349.

[99] *St. John's House: a Record*, p. 8.

[100] W. E. Henley, *In Hospital*.

[101] *Воспоминания о Крыме*, сестра Мария Алоизия, с. 17. Страшный шарф" представлял собой простую ленту, которую носили, как я полагаю, на одной руке и под другой.

[102] *Journal of the Royal Army Medical Corps* (Bibliography B, No. 52), p. 393.

[103] Рукопись этого документа хранится в архиве Военного министерства. Текст этих "самых ранних правил, определяющих положение и обязанности женщины-медсестры в любом военном госпитале", был напечатан в другом месте (Bibliography B, No. 52).

[104] Особенно лордом Стэнмором в его *"Мемуарах о Сиднее Герберте"*. Он, как мне кажется, относится к этому вопросу с излишней язвительностью и мог бы упомянуть письмо мистера Герберта, которое здесь цитируется.

[105] См. ниже, с. 241.

[106] Записи интервью вел мистер Брейсбридж.

[107] Мисс Найтингейл высказала некоторые критические замечания в официальном письме в Военное министерство, 1 мая 1855 года; напечатано на с. 389, 390 брошюры № 52 в Библиографии Б. А в другом письме (5 марта) она умоляла лорда Панмура освободить ее от ответственности за госпитали в Кулали.

[108] В приложении ко второму изданию (1880 г.) своих воспоминаний об Эдварде и Кэтрин Стэнли.

[109] *Roebuck Committee*, Q. 6140.

[110] Этот факт, сообщенный Комитетом Роебука, послужил основой для одного из язвительных высказываний мистера Кинглейка в адрес мужчин (vi. 427 л.). Он также произвел большое впечатление на Джона Брайта. См. *"Жизнь мистера Г. М. Тревельяна"*, 1913, с. 242.

[111] *Заявление*, p. 26 л.

[112] Письмо мистеру Герберту, 5 февраля 1855 года.

[113] *Narrative of a Residence on the Bosphorus*, p. 49. Читатель, желающий помучиться, должен прочесть следующие страницы из дневника леди Алисии. Она умерла в июле 1913 года на 95-м году жизни.

[114] *Комитет Роебука*, Пятый отчет, стр. 20, 21.

[115] *Восточные больницы*, т. I. с. 68.

[116] *Скутари и его больницы*, С. Г. О., стр. 24.

[117] Kinglake, p. 430. Он приводит пример жалоб в частном письме сэра Джона Бургойна лорду Раглану (27 марта 1855 года). Жалобу на "людей с желобками" возродил в наши дни лорд Стэнмор, который жалуется на мисс Найтингейл (*Memoir of Sidney Herbert*, vol. i. p. 381), что она достала вещи (которые не смог достать поставщик) вместо того, чтобы сообщить ему, где их можно достать. Она действовала, руководствуясь золотым правилом в чрезвычайных ситуациях. Когда она хотела, чтобы дело было сделано без промедления, она делала это сама".

[118] *Pincoffs*, pp. 82-83; и см. *Hall*, p. 378.

[119] *La Guerre de Crimée*, by M. L. Baudens, p. 104. Мисс Найтингейл отдала должное "мудрым и просвещенным санитарным взглядам" М. Боденса. См. ее "*Дополнительные заметки*", p. 133 n.

[120] Упоминание мисс Найтингейл об этом вопросе см. ниже, с. 224.

[121] Мои утверждения основаны на письме мисс Найтингейл к мистеру Сиднею Герберту от 5 декабря 1854 года.

[122] *Заявление*, стр. 19, 26. О том, как сильно возмущались строгими правилами мисс Найтингейл, свидетельствуют нападки на ее администрацию, напечатанные некоторыми из медсестер мисс Стэнли. Самые горькие из них можно найти в тексте и приложении к "*Автобиографии медсестры из Балаклавы*", 1857 г. (№ 13, библиография В). См. также *Eastern Hospitals*, 3rd ed., pp. 44-5, 52-3.

[123] Я заимствую их из *Pincoffs*, pp. 58, 79.

[124] *Мемуары Сиднея Герберта*, т. I. стр. 357, 360. Можно заметить, что он перенял некоторые выражения мисс Найтингейл.

[125] *Life and Letters of Sir John Hall*, p. 403, где "Bracebridge" ошибочно напечатано "Bainbridge".

[126] *Комитет Роебука*, Второй отчет, с. 723.

[127] Классический отрывок в этом смысле содержится в "*Жизни и переписке почтенного Хью К. Э. Чайлдера*", 1901, т. ii. с. 104, где говорится о египетской экспедиции 1882 года: "Королева с ее хорошо известной заботой о благополучии своей армии писала в это время много писем мистеру Чилдерсу, чтобы убедиться, что принимаются все меры предосторожности для здоровья и комфорта войск: только за один день пришло семнадцать писем от Ее Величества или ее личного секретаря, сэра Генри Понсонби".

- [128] *The Letters of Queen Victoria*, vol. iii. p. 79.
- [129] См. об этих двух моментах выше, с. 206, и ниже, с. 242.
- [130] В письме к полковнику Лефрою, 25 августа 1856 г.
- [131] *Hodder's Life of Lord Shaftesbury*, pp. 503 seq.
- [132] *Отчет Санитарной комиссии*, март 1857 года.
- [133] Цифры см. ниже, стр. 254, 314.
- [134] *Заявление подписчикам*, с. 9-10, и письмо Сиднею Герберту от 22 января 1855 года.
- [135] См. *Panmure*, vol. i. p. 356.
- [136] В 1865 году мисс Найтингейл, после энергичной переписки с военным министерством, добилась выплаты давно обещанных денег английскому попечителю.
- [137] Это "Дворцовый госпиталь". См. выше, с. 174.
- [138] См. *Pincoffs*, p. 55.
- [139] См. слова, приведенные в начале этой главы и ниже, с. 324, 325.
- [140] *Скутари и его госпитали*, с. 25.
- [141] Письмо капитану Гальтону, 28 июня 1862 года. Об общем вопросе см. т. ii. с. 64.
- [142] Мистер Стаффорд утверждал, что на Востоке он встречал только двух людей - Омара Пачу (турецкого командующего) и Флоренс Найтингейл.
- [143] *Скутари и его госпитали*, с. 27.
- [144] См. *Kinglake*, vol. vi. pp. 43, 436.
- [145] Походная кровать мисс Найтингейл в это время стояла за ширмой на кухне, так как она уступила свою комнату вдове одного из офицеров.
- [146] Он умер в госпитале от ран, и его тело должно было быть отправлено в Англию.
- [147] *Stanmore*, vol. i. p. 373.
- [148] *Скутари и его госпитали*, с. 26.
- [149] *Daily News*, 2 июня 1855 г.
- [150] *Wintle*, p. 113.
- [151] *Pincoffs*, p. 78, где приводится конкретный случай.
- [152] *Eastern Hospitals*, vol. i. pp. 69-70.
- [153] Лампа, ставшая знаменитой, была лагерной и досталась миссис Брейсбридж.
- [154] *Below*, p. 270.
- [155] *Below*, p. 303.
- [156] *Wintle*, pp. 106, 108.

[157] *Вторжение в Крым*, т. vi. с. 425.

[158] *Жизнь лорда Хоутона*, т. i. р. 505.

[159] *Kinglake*, р. 436.

[160] *Notes*, р. 94.

[161] См. выше, р. 154 *n*.

[162] *Скутари и его больницы*, с. 26.

[163] *Blackwood*, р. 232.

[164] См. выше, с. 192.

[165] *Grant*, р. 165.

[166] См. "Автобиографию медсестры из Балаклавы (валлийки)", т. ii. с. 146.

[167] *Жизнь и письма Дина Стэнли*, т. i. р. 492. Любопытный отголосок "Религиозных трудностей" можно найти в "*Жизни Мэннинга*" Перселла (т. ii. с. 53, 1-е изд.), где приводится письмо Мэннинга кардиналу Уайзмону от 13 февраля 1856 года, в котором обсуждался вопрос о том, должны или не должны католические капелланы поощрять сборы в Фонд Найтингейла. Решение было предложено такое: "Пусть сбор будет *пассивным*, без какого-либо церковного признания".

[168] Wilfred Ward's *Life of Wiseman*, vol. ii. р. 191. И см. собственные слова мисс Найтингейл, приведенные ниже, с. 299.

[169] См. ниже, с. 292.

[170] См. библиографию В, № 15.

[171] Роберт Робинсон, по возвращении в Англию, был отправлен мисс Найтингейл в школу и сельскохозяйственный колледж, а также получил работу в поместье лорда Бернера в Шотландии. Мисс Найтингейл постоянно с ним дружила, *например*, оплачивала его расходы на поездку в Лондон на выставку 1862 года, присылала ему иллюстрированные газеты и даже "*Таймс*". Кроме Томми, был еще один крымский парень, некто Уильям Джонс, с деревянной ногой. См. ниже, с. 304, где также рассказывается о другом протеже, Питере.

[172] См. *например*, ниже, с. 317, 488, и том II, с. 411.

[173] Найдено среди бумаг принца-консорта и напечатано в "*Жизни сэра Теодора Мартина*", т. iii. с. 214.

[174] Письмо о добровольцах, 1861 год. См. Библиографию А, № 25.

[175] *Panmure Papers*, vol. i. р. 215.

[176] *Blackwood*, р. 115.

[177] *Memoirs of Lady Eastlake*, vol. ii. р. 44.

[178] Она была особенно рада, когда в марте 1856 года ее имя впервые появилось в Общих приказах; см. ниже, р. 293.

[179] Выше, с. 173.

[180] Слова в перевернутых запятых - это цитаты из писем мисс Найтингейл. Они были показаны другу, который после этого написал строки, процитированные выше, и послал их ей.

[181] Текст см. в Библиографии В, № 7. Статья в *"Квартальном обозрении"* за апрель 1867 года, озаглавленная "Соловей на Востоке", представляет собой "исследование поэзии "Семи циферблатов"". Популярная частушка о мисс Найтингейл исполнялась под разными небесами и для разных аудиторий; никогда не было большего эффекта, чем в Рождество 1870 года в больнице Святого Томаса (тогда в Суррейских садах). Медсестры устроили рождественское угощение; дети пели гимны, а пожилые пациенты - популярные в то время песни. Пациент из палаты несчастных случаев, угольщик со сломанной ногой, вызвался исполнить песню; когда слова припева донеслись до ушей медсестер Найтингейл, "мы бросили всю работу" (говорит одна из них), "и внимательно слушали, пока песня не закончилась, всецело увлеченные нашим шефом". Певец рассказал им, что он старый солдат, и его выхаживала мисс Найтингейл в Главном госпитале в Балаклаве.

[182] *Отчет Фонда Соловейчика*, "Дополнения", с. 1-2.

[183] Отчеты о некоторых встречах собраны в *"Отчете Фонда Найтингейл"*. В Манчестере (17 января 1856 г.), помимо лорда Стэнли, выступали мистер Герберт и мистер Милнс; в Оксфорде (23 января) снова выступал мистер Герберт; в Брайтоне (14 января) - мистер Милнс.

[184] *Speeches of the 15th Earl of Derby*, 1894, vol. i. pp. 16, 18.

[185] Fitzmaurice, *Life of the Second Earl Granville*, vol. i. p. 136.

[186] *Hall*, p. 449.

[187] См. ниже, с. 456.

[188] Ошибочно датировано "январем 1856 года" в *"Письмах королевы Виктории"*, т. iii. с. 215. О подарке было объявлено в *"Морнинг пост"* от 20 декабря 1855 г.; брошь попала к мисс Найтингейл в ноябре, а ее ответ был получен 21 декабря (см. ниже, с. 278). Иллюстрированный рассказ о подарке появился в *"Иллюстрированных лондонских новостях"* от 2 февраля 1856 года. Сейчас его можно увидеть в музее Института Объединенной службы.

[189] В продолжение цитируемого выше письма, с. 255.

[190] См. выше, с. 273.

[191] *Жизнь второго графа Грэнвилла* лорда Фицмориса, т. i. с. 133.

[192] *Panmure*, vol. ii. p. 28.

[193] *Statement*, p. v.

[194] Я взял эти сведения из записки преподобного Дж. Э. Сабина, старшего капеллана в Скутари, найденной среди бумаг мисс Найтингейл.

- [195] Сэр Уильям Монтэгу Скотт Мак-Мердо (1819-94); К.С.В. 1881. Мисс Найтингейл была очень высокого мнения о его заслугах в Крыму, и Сидни Герберт назначил его генеральным инспектором добровольцев (см. "Письмо мисс Найтингейл о добровольцах", 1861).
- [196] Ксилография с его изображением появилась в *"Иллюстрированных лондонских новостях"* от 30 августа 1856 года.
- [197] См. т. II. с. 409409.
- [198] Еще одно упоминание о крымских цветах см. ниже, с. 450.
- [199] *Hornby*, pp. 306-7.
- [200] Подобные заявления есть в бумагах мисс Найтингейл.
- [201] *Stanmore*, vol. i. p. 369.
- [202] *Notes*, vol. i. sec. i. pp. xxiv.-v. В частном письме ирония мисс Найтингейл была более горькой. "К.С.В." означало, по ее предположению, "Рыцарь Крымских захоронений".
- [203] *Автобиография медсестры из Балаклавы*, т. ii. с. 163.
- [204] Напечатано *in extenso* в *Stanmore*, vol. i. pp. 416-420.
- [205] Письмо напечатано в *Hall*, p. 451.
- [206] Vol. II. p. 195.
- [207] См. *Hall*, p. 438.
- [208] *Hall*, p. 450. Текст Общего приказа, изданного 16 марта, был напечатан в *"Таймс"* от 1 апреля 1856 года.
- [209] См. по этому вопросу ее доклад государственному секретарю, *Дополнительные примечания*, с. 1, 2.
- [210] См. письма, напечатанные в *Hall*, p. 457.
- [211] *Notes*, p. 158.
- [212] Часто утверждается, что крест был воздвигнут мисс Найтингейл, но это не так. Надпись была предложена миссис Шоу Стюарт. В 1863 году в Константинополе было создано благотворительное общество материнства "в честь Флоренс Найтингейл".
- [213] Письмо леди Хорнби своей сестре миссис Вайлант, 5 января 1856 года; *Hornby*, pp. 150, 152. Эмалированная брошь была драгоценностью королевы.
- [214] Джон Генри Лефрой (1817-90), лейтенант Р.А., 1837 г.; занимался магнитной съемкой, 1839-42; Ф.Р.С., 1848; в военном министерстве, 1854-57; генеральный инспектор армейских школ, 1857; затем губернатор Бермудских островов и Тасмании; К.К.М.Г., 1877.
- [215] См. письмо Сиднея Герберта, напечатанное в *Stanmore*, vol. i. p. 417.
- [216] *Stanmore*, vol. i. pp. 404-5.
- [217] *Panmure*, vol. i. p. 278.
- [218] Впоследствии Питер Грилледж стал слугой в Эмблее. См. т. II. с. 302.

[219] Выше, с. 53, 64.

[220] См. ниже, с. 385, и выше, с. 102.

[221] Выше, с. 94.

ЧАСТЬ III

О ЗДОРОВЬЕ СОЛДАТ (1856-1861)

Мы больше ничего не можем сделать для тех, кто страдал и умер на службе своей стране; они больше не нуждаются в нашей помощи; их духи находятся у Бога, Который их дал. Нам остается стремиться к тому, чтобы их страдания не были напрасными - стремиться извлечь уроки из опыта, чтобы уменьшить такие страдания в будущем путем предвидения и мудрого управления - Флоренс Найтингейл (Ответ на обращение прихожан Восточного Уэллоу, декабрь 1856).

ГЛАВА I

КОРОЛЕВА, МИСС НАЙТИНГЕЙЛ И ЛОРД ПАНМУР (август-ноябрь 1856 г.)

Придать шепот трону - Теннисон.

Всякий раз, когда британский народ проходит через войну, наступает время покаяния и душевных терзаний. Англия Неготовая беспокойно оглядывается и думает, что теперь ей придется исправлять свои ошибки. Уроки войны должны быть усвоены. Слово "эффективность" благословлено во всех устах. Радикальные реформы, призванные обеспечить лучшую готовность в следующий раз, обсуждаются, и некоторые из них иногда осуществляются. И тогда на смену горячему приступу приходит холодный. Война и ее уроки уходят в прошлое. Экономика вытесняет эффективность как любимое слово. Мир кажется более вероятным, чем новая война, и, если война, к несчастью, все же наступит, можно радостно надеяться, что Англия снова "как-нибудь выкрутится". Спазм реформ закончился, оставив в неприкосновенности постоянные *vis inertiae* министров и департаментов. Реформаторы, знакомые с этой чередой приливов и отливов, знают, что они должны воспользоваться благоприятным моментом, и более или менее это удастся, в зависимости от того, насколько они оперативны и энергичны. В области медицинской службы армии, где Крымская война выявила недостатки как вопиющие, так и ужасающие, в годы, последовавшие за Крымским миром, были проведены масштабные и далеко идущие реформы. Можно сказать, что именно с этого периода начинается первое серьезное и последовательное движение за применение санитарной науки в британской армии.

То, что эффективное использование было сделано таким образом спазм покаяния, который последовал за Крымской войны был обусловлен в первую очередь и главным образом ревностное сотрудничество двух лиц, те же два, чей союз сформировали основной темой предыдущей части этого мемуара-Сидни Герберт и Флоренс Найтингейл. Когда ее друг умер в 1861 году, преждевременно измученный непрерывной работы для британской армии, мисс Найтингейл посвятил его памяти отчет о своей работе в течение 1856-1861 годов. В этом памфлете[222] - образце ясности и краткости, но в то же время информированности с всесторонней проницательностью, и не тронутые эмоциями - она не сделала ни одной ссылки в любом виде на ее собственную долю в работе. Она описала реформы и сказала, что во всем, что было сделано, "Сидни Герберт был главой и центром". И во многих отношениях так оно и было. Он был председателем Королевской комиссии и подкомиссий. Впоследствии он был военным министром. Он был от первого до последнего официального главы движения за реформы. И он был гораздо больше, чем официальным главой. Он работал с неизменным рвением, вкладывая в дело всю свою душу и сердце. И все же, если бы Сидни Герберт писал этот рассказ, он мог бы сказать, что Флоренс Найтингейл была главой и центром всего этого. Если она мало что могла сделать без него, то и он мало что мог сделать без нее. Он был на переднем плане, она - на заднем. Он был голосом общественности; слова, которые он говорил или писал, часто были словами Флоренс Найтингейл. Он был практическим политиком, воплощавшим в жизнь их общие планы. Инициатива, вдохновение, движущая сила принадлежали ей. И она делала гораздо больше, чем давала общий импульс. Ее мастерское владение деталями всегда было под локтем у мистера Герберта. "Я никогда не собираюсь говорить вам, - писал он ей, когда первая из Королевских комиссий, в которой они сотрудничали, подходила к концу (7 августа 1857 года), - насколько я обязан вам за всю вашу помощь в течение последних трех месяцев, потому что я никогда не смогу дать вам понять, насколько беспомощным было мое невежество среди медицинских филистеров. Да благословит вас Господь!" Но между двумя такими верными союзниками и понимающими друзьями не было необходимости распределять доли. Они говорили и писали о своей совместной работе как о "нашем Кабинете", "нашем Обществе" или "нашем Мессе". Именно история этого товарищества, богатая человеческими интересами и чреватая долговременной пользой для британской армии, станет главной темой этой и следующих четырех глав.

//

То, в чем мисс Найтингейл нуждалась по возвращении с Востока и что, если бы она думала только о себе, она бы приняла, было длительным отдыхом. Она прошла через кампанию труда и беспокойства, в условиях напряжения и дистресса, которые могли бы подорвать самую сильную конституцию. Мистер Герберт, который был в Ирландии, когда она вернулась в Англию, догадался по ее письмам, что она переутомилась, и послал ей рецепт своего карлсбадского врача - не *читать*, не *писать*, не *реферировать*. После такого сильного душевного и физического напряжения реакция была неизбежна. Он отправил рецепт, но не ожидал, что она полностью примет его. "Я сомневаюсь, - писал он ее дяде, - что при таком складе ума, как у нее, *полный* покой, полное прекращение всех активных дел не станут для нее большим испытанием и менее эффективным средством восстановления здоровья, чем жизнь, состоящая из некоторых, хотя и очень ограниченных и умеренных, занятий". Похоже, он надеялся, что ее удастся убедить заняться сравнительно спокойной работой медсестры в одной из лондонских больниц. Вскоре они встретились (сентябрь) в загородном доме их общих друзей, Брейсбриджей, и мистер Брейсбридж подумал, что мистер Герберт был "тепловат" в вопросе о реформе армии. Возможно, дело было в том, что он хотел позаботиться о здоровье мисс Найтингейл и оградить ее от увлекательной деятельности. Но

ничто не было дальше от ее мыслей, чем нейтралитет или пассивное наблюдение. Она горела желанием вступить в бой и отбросила все соображения о здоровье, чтобы посвятить себя пробуждению слаонервных и организации решительных.

Чтобы понять страстную преданность, самоотверженный пыл, с которым мисс Найтингейл приступила к работе сразу после возвращения, мы должны вспомнить, что она видела на Востоке. Она "отождествляла себя", как мы слышали, "с героическими мертвецами", и она знала, что многие из ее "детей", как она их называла, умерли не от необходимости, а от пренебрежения. "Никто, - писала она[223], - не может так сочувствовать армии, как я. Все эти люди, которые с нами разговаривают, кормили своих детей земным жиром и одевали их в бархат и шелк, пока нас не было. Мне приходилось видеть своих детей, одетых в грязное одеяло и старые полковые брюки, видеть, как их кормят сырым соленым мясом, и девять тысяч моих детей лежат, по причинам, которые можно было предотвратить, в забытых могилах. Но я никогда не смогу забыть. Люди должны были видеть ту долгую, долгую страшную зиму, чтобы понять, что это было". Другие могли знать факты, но она *чувствовала* их. Сила ее характера и способностей заключалась, однако, в сочетании сильного чувства с интеллектуальным пониманием. Она не только чувствовала небрежность, из-за которой погибли ее дети, но и подсчитывала ее причины. Факты, которые попадали в поле ее зрения, цифры, которые она обобщала и анализировала, наполняли ее страстью негодования. За время пребывания в восточных госпиталях она видела смерть 4600 солдат. И по мере того, как она изучала эти цифры, ей непреодолимо приходил в голову вывод, что большее число не должно было умереть вообще. Многие из болезней, от которых они умирали, были вызваны, а другие усугублены в самих госпиталях. Личные наблюдения говорили ей, что это так; статистические исследования доказывали это. "В течение первых семи месяцев Крымской кампании, - отмечала она, - смертность среди войск составляла 60 процентов в год только от *болезней*, что превышает смертность во время Великой чумы в Лондоне и превышает соотношение смертности от холеры и атак". Благодаря ряду реформ, в значительной степени являющихся результатом неустанных усилий и настойчивых призывов самой мисс Найтингейл, этот ужасающий уровень смертности был снижен. "В течение последних шести месяцев войны смертность среди наших *больных* была не намного выше, чем среди *здоровых* гвардейцев дома, а смертность среди наших войск за последние пять месяцев составляла лишь две трети от того, что наши войска дома". Из этого сравнения было очевидно, что смертность в первый период была в значительной степени предотвратимой. Здесь был "полный пример - история не знает ему равных - того, как армия после огромного бедствия, вызванного пренебрежением, была приведена в высочайшее состояние здоровья и эффективности". Это был самый полный эксперимент, когда-либо проводившийся в области армейской гигиены. И мисс Найтингейл была наполнена страстным желанием, чтобы уроки эксперимента были приняты к сердцу нацией; что такие радикальные реформы должны быть сделаны, чтобы сделать повторение катастрофы и пренебрежения невозможно в будущем. Она знала, что ничего, кроме радикальных реформ, не будет достаточно. "Нет ничего, - писала она, подводя итог пренебрежению санитарными мерами предосторожности в Скутари, - ни в образовании медицинского офицера, ни в организации или полномочиях медицинского департамента армии, ни во всей процедуре госпиталя, ни в армейских правилах, что могло бы соответствовать случаю этих госпиталей. И если бы подобная необходимость возникла вновь, особенно после нескольких лет мира, все повторилось бы сначала. Именно это страшное соображение должно заставить нас снова и снова вспоминать этот опыт - в противном случае, пусть все останется по-прежнему".[224]

Но это было еще не все. Мисс Найтингейл продолжила принцип, который в наши дни, возможно, наконец-то начинают понимать: успех в войне зависит от подготовки в мире. "Вы

не можете импровизировать армию", - говорит лорд Робертс. "Вы не можете импровизировать санитарный уход за армией в полевых условиях", - сказала мисс Найтингейл. Если медицинская служба в полевых условиях была неполноценной, если уроки санитарной науки игнорировались в военных госпиталях, то, по ее мнению, вполне вероятно, что такие же недостатки были и дома. Она подвергла свой тезис проверке цифрами и была потрясена тем, как они подтвердились. Впервые эта идея пришла ей в голову после встречи с доктором Фарром, статистиком из офиса генерального регистратора, во время ужина с ее друзьями полковником и миссис Туллок. Доктор Фарр рассказал о таблицах смертности в гражданской жизни, и мисс Найтингейл решила сравнить их с уровнем смертности в британских казармах. Она обнаружила, что в армии в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет смертность почти вдвое выше, чем в гражданской жизни. Так было даже в гвардии, которая, тем не менее, была отборной жизнью, отбором новобранцев. "При нынешнем уровне санитарных знаний, - писала она сэру Джону Макнилу (1 марта 1857 года), - иметь смертность 17, 19 и 20 на 1000 в линейной, артиллерийской и гвардейской армии Англии, когда смертность в гражданской жизни составляет всего 11 на 1000, так же преступно, как взять 1100 человек в год на Солсберийской равнине и расстрелять их - ни одно тело людей не находится под таким контролем, ни одно не зависит так от своих работодателей в вопросах здоровья, жизни и морали, как армия". И снова (28 марта): "Это отвратительное состояние наших госпиталей в Чатеме, которые я посещал в последнее время,^[225] лишь еще один симптом системы, которая в Крыму уморила 16 000 человек - самый прекрасный эксперимент, который современная история видела в больших масштабах, а именно: какое количество людей может быть уморено по собственному желанию только благодаря плохой пище и плохому воздуху". Она видела факты и цифры с пронзительной ясностью, а личные воспоминания придавали ее убеждениям силу. Она испытывала глубокую жалость к жертвам предотвратимых болезней и еще более глубокое восхищение тем героизмом, с которым переносились эти страдания. Ничто и никогда не изгладило из ее памяти то, чему она была свидетелем в Скутари и в Крыму. "Мы с ужасом слышим, - писала она, - о гибели 400 человек на борту *"Биркенхеда"* по неосторожности в море; но что мы должны чувствовать, если нам скажут, что 1100 человек ежегодно обрекаются на смерть в нашей армии дома по причинам, которые можно было бы предотвратить? Люди на *"Биркенхеде"* с радостью пошли на дно. Так и наши люди будут сражаться за нас до последнего с ликованием. Тем больше причин, почему все средства для здоровья, которые санитарная наука предоставила в наше распоряжение, все средства для нравственности, которые дала нам педагогическая наука, должны быть предоставлены им". Затем она обратилась к Крыму, описала словами сэра Джона Макнилла и полковника Туллоха^[226] страдания и стойкость войск и вывела мораль: "На тех, кто неделю за неделей и месяц за месяцем наблюдал это стойкое мужество, это неизменное терпение, простоту и добрую силу, эту безмолвную силу страдать и быть спокойным, это произвело впечатление, которое никогда не будет забыто". Англосакс на крымских высотах завоевал себе большее имя, чем спартанец в Фермопилах, поскольку шестимесячная борьба за выживание стала большим доказательством того, на что способен человек, чем шестичасовая борьба за бой. Следы имени и жертвы Ифигении все еще можно увидеть в Таврии; но еще большую жертву принесла горстка храбрецов, которые защищали эту роковую позицию даже до смерти. И если Инкерман теперь носит имя, подобное Фермопилам, то история этих ужасных окопов, через которые эти люди терпеливо и сознательно, неделя за неделей, проходили, пока не вернулись обратно, более велика, чем история Инкермана. Воистину севастопольские окопы были для наших людей подобны вратам в Преисподнюю - *"Ласкируйте свою душу, входите в нее"*. И все же эти люди отказывались сообщать о своей болезни, чтобы не нагружать товарищей. Они натягивали на голову одеяла и умирали, не проронив ни слова. Можно сказать, что в истории вряд ли

найдется пример, который мог бы сравниться с этой долгой и молчаливой стойкостью. Но, несомненно, кровь таких людей вызывает к нам с земли: не отомстите за них, а помилуйте их оставшихся в живых!"[227] На этот призыв Флоренс Найтингейл, по крайней мере, откликнулась всеми фибрами своего существа. Она была полна решимости стать "спасительницей" и впитать в себя все уроки Крымской кампании.

Сила ее решимости усиливалась чувством ответственности, которую возлагали на нее ее возможности. Она пользовалась особыми возможностями для наблюдения за всей медицинской историей кампании. Она могла оценить многих военных и медицинских чиновников; она знала, от кого можно ожидать помощи в проведении реформ, и к большинству таких людей она прислушивалась и пользовалась уважением. Ее популярная слава добавляла к авторитету, которым наделяли ее опыт и заслуги. Были и другие, кто знал или мог знать факты так же хорошо, как она. Мало кто мог оказать такое же влияние, и, возможно, не было ни одного, кто мог бы судить о фактах с таким же бескорыстием. Она не была политиком. У нее не было партии, которую нужно было бы защищать, не было чиновников, которых нужно было бы прикрывать, не было людей, которых нужно было бы учитывать. Ей нечего было приобретать, нечего терять, нечего бояться. Она стояла только за дело; и, несмотря ни на что, она была полна решимости бросить на него все силы души и тела. Среди ее личных записей 1856 года я нашел следующее: "Я стою у алтаря убитых людей и, пока я жива, я борюсь за их дело".

///

Возможность не заставила себя ждать. В течение недели или двух в Лиа-Херст она занималась такими трудоемкими, но неинтересными делами, как улаживание счетов и претензий с сиделками; распределение между ними подарка султана; ответы на поздравительные адреса и тому подобное; бегство от публичных выступлений; [228] и работа с градом, как называла их ее сестра, разных писем. Ее осаждали вегетарианцы, спиритуалисты, сектанты и прочие пернатые, слетающиеся на видных персон. Для страдающих джентльменов она была излюбленной добычей. "Не могли бы вы найти для меня солдатских сирот, чтобы я могла их воспитывать, - писала одна из них, - потому что я не люблю оставлять своих сестер?" "Пожалуйста, найдите для меня место, - писала другая, - где можно было бы заниматься чем-то не унижительным. Я ирландская леди из семьи". Письма с просьбами были бесчисленны, и ответы на них взяла на себя ее сестра. "Думаю, теперь я могу повторить эту формулу в совершенстве, - говорила она, - и в кратчайшие сроки смогу написать просительное письмо любого человека, от штаб-офицера до кассира и вдовы с шестью детьми". Но здесь живое перо леди Верни наводит на мысль о некоторой несправедливости. Офицеры иногда писали мисс Найтингейл, как я выяснил, чтобы попросить ее "голоса и интереса", так сказать; но что касается собственно писем-просьб, она сказала мистеру Кинглейку, что никогда не получала ни одного от солдата. [229] Мистер Кинглейк, надо сказать, познакомился с ней весной 1857 года, когда ее мысли были заняты делом Макнилла-Туллоха. Ей не удалось заставить его принять ее точку зрения на этот спор [230], и ее первое впечатление о будущем историке Крымской войны было таким, что он напишет книгу более блестящую, чем судебная. "Хотя я не сомневаюсь, что он хороший адвокат, - писала она [231], - он поражает меня как очень плохой историк". Три года спустя она писала в похожем ключе:-...

Я провел два часа в приятной беседе с мистером Кинглейком. Я нашел его чрезвычайно вежливым и приятным; он рассматривал всю идею как произведение искусства и эмоций, а меня - как одну из красок на картине; Совет Челси - как надежный (или, скорее, непогрешимый) авторитет; Макнилла и Туллоха - как интервентов; цифры (арифметические) -

как бесполезные; утверждение - как доказательство. Он был абсолютно и *самостоятельно* в неведении относительно всех реальных причин смертности в Крыму. С таким же успехом можно попытаться просветить самого сэра Г. Брауна. К лорду Раглану он относится с энтузиазмом, который *я полностью разделяю*, но который полностью ослепляет мистера Кинглейка, который к тому же вернулся домой задолго до настоящего бедствия, в отношении причин этого бедствия. Я предоставил ему в распоряжение некоторые материалы. Но я не надеюсь, что он воспользуется ими, я совершенно уверен, что он не воспользуется ими.[232]

Мисс Найтингейл здесь ошиблась. Мистер Кинглейк в значительной степени воспользовался ее материалами и составил на их основе и на основе своих личных впечатлений прекрасное представление о Главной леди, хотя в том вопросе, который ее волновал, - *в деле Макнил-Туллох*, - он остался при своем мнении.

О поведении мисс Найтингейл во время ее короткого отпуску дома в августе 1856 года, есть приятный рассказ в письме от ее сестры[233] :-.

Она лучше, я думаю, но я довольно ненавижу вид почты с его длинные официальные конверты. Она будет продолжать, пока у нее есть силы, делать все, что нельзя оставить без ущерба для работы, которой она посвятила свою жизнь. Я не могу представить себе ничего более прекрасного, чем ее душевное состояние. Она так спокойна, так жизнерадостна, так проста. Физические трудности, о которых она забывает говорить, не вызывают удивления; но для меня удивительно, что душевные - равнодушие, невежество, жестокость, ложь, с которыми ей приходится сталкиваться, - никогда, кажется, ни на мгновение ее не тревожат (и никогда не тревожили, говорит тетя Мэй). Она как будто живет в другой атмосфере мира и доверия к Нему, которую ничто злое не может омрачить. Она говорит об этих вещах печально и спокойно, как кто-то из другого мира, так ясно видя оправдания виновных, в то время как личная сторона, кажется, никогда не появляется, и есть такое очарование в ее совершенной простоте. В ней нет ни малейшей частицы мученицы; она так же весела в мелочах, как и всегда, в перерывах между своими великими размышлениями, и с таким же интересом относится к домашним мелочам, как если бы она не занималась управлением и организацией материального и духовного комфорта 50 000 мужчин, проходящих через больницу и выходящих из нее. Если бы вы слышали все свидетельства врачей, капелланов и офицеров, которые мы получили за последнее время, вы бы не подумали, что я преувеличиваю, говоря, что они зависели в основном от нее в течение всего этого 21 месяца. Что касается ее равнодушия к похвалам, то оно весьма необычно; она просто проходит мимо и не обращает на них внимания, поскольку они приходят каждое утро в потоке - газеты, музыка, поэзия, друзья, письма, обращения.

Адреса и презенты, которые она ценила больше всего, исходили от рабочих. Ящик со столовыми приборами из Шеффилда, подаренный мастерами из этого города, всегда был для нее ценен и стал предметом особого завещания в ее завещании. Ее очень тронуло обращение 1800 рабочих из Ньюкасла-на-Тайне. "Мои дорогие друзья, - писала она в ответном письме (август 1856 года), - то, что глубоко в наших сердцах, возможно, труднее всего выразить. Она сделала все, что могла". Эти слова я начертала на могиле одной из моих лучших помощниц, когда покидала Скутари. Я старался перед лицом Господа поступать так же, как она".

Вскоре в Лиа Херст пришло письмо, имевшее большое значение в жизни мисс Найтингейл. Ее друг, сэр Джеймс Кларк, врач королевы, писал из Осборна (23 августа 1856 года), умоляя ее остаться в течение следующего месяца в его доме, Бирк-Холле, недалеко от Баллатера. По его словам, шотландский воздух будет полезен для ее здоровья; кроме того, были и другие

причины. Двор вскоре должен был переехать в Балморал. Королева, несомненно, пригласит туда мисс Найтингейл. Тем временем Ее Величество знала о настоящем приглашении; и в Бирк-Холле будет возможность для спокойной и неофициальной беседы в дополнение к любому "командному" визиту в Балморал. Мисс Найтингейл слышала в этом письме призыв, едва ли менее важный, чем тот, что был в Крыму за два года до этого. Она служила в армии королевы на Востоке. Ее служба получила сочувственную поддержку и одобрение со стороны королевы и принца. Теперь она должна была иметь все возможности, чтобы в личном общении донести до них то, что она видела о страданиях солдат, и заручиться их поддержкой, если она могла, в том, что, по ее мнению, было необходимо для предотвращения таких страданий в будущем. Как мы увидим, ей это удалось, и она заслужила свой успех тщательностью, с которой подготовилась к тому, чтобы наилучшим образом использовать представившуюся возможность.

Двумя людьми, которые наиболее тщательно изучили недостатки кампании в вопросах снабжения и транспорта, были сэр Джон Макнилл и полковник Туллок. Мисс Найтингейл договорилась встретиться и посоветоваться с первым в Эдинбурге по пути в Баллатер. Полковник Туллок, хотя и находился в то время далеко, согласился присоединиться к конклаву, а тем временем написал (из Киллина, 6 сентября): "Если Е.М. предоставит вам возможность рассказать всю правду, как я думаю, она, вероятно, хочет это сделать из-за своего желания видеть вас под другой крышей, не замечая ее расспросов, возможно, вы могли бы довести до ее сведения" и т.д. и т.п. [различные моменты, которые он считал особенно важными]. Совет мистера Герберта был более общим. "Я надеюсь, - писал он (9 сентября), - что ваша вылазка в Хайленд принесет вам пользу. Я уверен, что так и будет, если вы найдете помощь и поддержку своим планам. Я надеюсь, что вы будете говорить полно и иллюстрировать фактами и деталями. Они лучше всего объясняют. Мужчины и женщины нуждаются в книжках с картинками не меньше, чем дети, когда им предстоит узнать что-то, о чем они ничего не знали раньше". Она вооружилась, изучая статистику, собирая свои записи и меморандумы, наводя справки со всех сторон, для каждого случая, который мог бы дать ей сочувственный интерес королевы или принца. Она чувствовала, и другие чувствовали, что от того, как она использует такие поводы, могут зависеть великие дела. Самое полное и наводящее на размышления письмо она получила от полковника Лефроя. Он служил в военном министерстве. Он знал слабые стороны своего шефа. Он знал и силу сопротивления министерства. Он был занят, как мы уже слышали, [234] в конфиденциальной миссии в Крым, и сформировали самое высокое мнение о "славной верности, самопожертвование, героическое мужество, и единодушной преданности", с которой мисс Найтингейл выполняла свои обязанности на Востоке. Он ожидал больших результатов от ее визита в Шотландию:...

(Полковник Лефрой - мисс Найтингейл.) Август 28.... мне не посчастливилось побеседовать с королевой, но я имел несколько бесед с принцем Альбертом. Принц проявил такое замечательное знание предметов, о которых он спрашивал, такую сильную, ясную и деловую способность, что вы, я думаю, сочтете целесообразным и необходимым, или, скорее, неизбежным, вступить в полное и безоговорочное общение с вашими наблюдениями, и будете непреодолимо искушаемы дать волю таким предложениям, которые, скорее всего, прорастут в этих высоких широтах. Если я прав в этом впечатлении, то за этим последует аналогичная откровенность с лордом Панмуром. Однажды меня позабавило замечание принца по поводу одного из вопросов военного образования: "Я настаивал на этом снова и снова; они не возражают против того, что я говорю", показывая, что даже он не всегда может преодолеть *инерцию* безразличия министерства или заставить людей двигаться вперед. Так может быть и в любом вопросе медицинской реформы. Лорд Панмур ненавидит детали и не

ценит систему. Он может реформировать, но не организовывать. Нам нужна именно организация, но она вызывает в британской груди все инстинкты сопротивления, и именно на нее меньше всего может повлиять личная заинтересованность Его Величества. Подобно шаткой неуклюжей машине, у которой штифт расшатался здесь, зуб сломался там, а самоделка - в другом месте, в которой сила Геркулеса может быть исчерпана в ненужном трении и непонятных заминах, прежде чем [323] руки придут в движение, так и наш исполнительный орган, с казначейством, конной гвардией, военным министерством, медицинским департаментом - все не на ходу, но все должны двигаться вместе, прежде чем будет достигнут результат. Он будет сильнее, чем Геркулес, который получает из этого движение, которое нам требуется. Я думаю, я бы рекомендовал... [длинное изложение предлагаемых реформ, включая "комиссию по изучению существующих правил управления больницами"]. В той или иной форме мы имеем почти право потребовать от вас отчета об испытаниях, через которые вы прошли, о трудностях, с которыми вы столкнулись, и о зле, которое вы наблюдали - не только потому, что никто другой никогда не был и не может быть в таком положении, чтобы дать его, но и потому, что, позвольте мне сказать, никто другой не обладает таким талантом. Это не будет обычной задачей, и не потребуются обычных способностей рассуждать, иллюстрировать, группировать факты. Другой может повторить то, что вы ему сказали, но жгучее убеждение, *vis viva* души передать невозможно.... Мне кажется, что подходящими средствами будут либо конфиденциальный отчет, адресованный лорду Панмуре по официальному запросу, либо показания перед такой комиссией, как я предложил выше - последнее наиболее целесообразно, поскольку я боюсь, что потребуются большая огласка, чем та, которая бывает при конфиденциальных отчетах. Я искренне надеюсь, что ваши беседы с королевой и лордом Панмуром могут послужить средством, которое заставит обоих проявить интерес к необходимым жизненно важным реформам. Топор должен быть занесен над корнем дерева.

Различные друзья давали советы о том, что мисс Найтингейл должна сказать, если ее спросят, что королева может "сделать для нее". Она могла бы ходатайствовать о том, чтобы ее поставили во главе нового госпиталя, который собираются построить в Нетли, или назначили леди-суперинтендантом медсестер во всех военных госпиталях, и так далее. Ее собственные идеи соответствовали письму полковника Лефроя. Во-первых, она должна была рассказать всю правду о кампании, насколько она проходила под ее личным наблюдением. Если бы ее побудили продолжить, она бы в общих чертах объяснила, какие средства защиты она считает необходимыми. Если разговор примет подходящий оборот, она предложит изложить свои наблюдения и предложения в письменном отчете. Если бы ее еще больше удостоили предложения королевской милости, она попросила бы - для себя, не иначе как ради солдат - создать королевскую комиссию для изучения всего состояния казарм, госпиталей и медицинского департамента армии.

IV

Таким образом, вооружившись и решившись, мисс Найтингейл отправилась в Шотландию под эскортом своего отца. Между отцом и дочерью была искренняя привязанность, но мистер Найтингейл был в неважном здоровье, и был конституционально отшельнического нрава. Через несколько дней он отступил. Предполагалось, что "вылазка" будет короткой. На самом деле она длилась целый месяц. Мисс Найтингейл прибыла в Эдинбург 15 сентября и, пробыв там несколько дней, осмотрела казармы и госпитали. Она отправилась в Бирк-Холл 19 сентября, а через два дня была представлена королеве и принцу в Балморале сэром Джеймсом Кларком. "Она изложила нам, - записал принц в своем дневнике, - все недостатки

нашей нынешней системы военных госпиталей и реформы, которые необходимы. Мы очень довольны ею; она чрезвычайно скромна".[235] Через несколько дней (26 сентября) королева приехала из Балморала в Бирк-Холл, и мисс Найтингейл "выпила чаю и отлично поговорила" с Ее Величеством. Впечатление, произведенное на королеву, уже зафиксировано в ее письме к герцогу Кембриджскому: "Я бы хотела, чтобы она была у нас в военном министерстве". Герцог, который не был раскаленным реформатором, должно быть, был благодарен за то, что желание его августейшей родственницы получить новую метлу не распространилось на Конную гвардию. "Мои надежды несколько возросли, - писала мисс Найтингейл сэру Джону Макнилу (27 сентября), - из-за большой готовности королевы, принца Альберта и сэра Джорджа Грея, которых я видела вместе и по отдельности, слушать и задавать вопросы". "У меня были вполне удовлетворительные беседы, - писала она своему дяде Сэму (25 сентября), - с королевой, принцем и сэром Джорджем Греем. Удовлетворительные, то есть в том, что касается их *воли*, а не *власти*". Мисс Найтингейл - не единственная нетерпеливая реформаторша, которая поддавалась искушению пожелать, чтобы узлы бюрократии были разрублены путем прямого использования королевской прерогативы. Принц знал, "в каких пределах" он и королева передвигаются. Ничего нельзя было сделать иначе, как через министров, а военный министр вскоре должен был присутствовать в Балморале. "Королева, - продолжала мисс Найтингейл, - пожелала, чтобы я осталась повидаться с лордом Панмуром здесь, а не в Лондоне, потому что она считает более вероятным, что с ним можно будет что-то сделать здесь, а она меня поддержит. А я так не считаю. Но я вынуждена уступить". Так она осталась в Бирк-Холле, отложив визит в Балморал "по приказу" до приезда лорда Панмура. Королева заранее отправила министру хорошую характеристику мисс Найтингейл. "Лорд Панмур, - писала она, - будет очень доволен и поражен мисс Найтингейл - ее сильной, ясной головой и простыми, скромными манерами".[236] Королева "с великой милостью" приняла предложение, чтобы любое рекомендательное письмо, отправленное мисс Найтингейл лорду Панмуру, было также направлено непосредственно Ее Величеству.

V

Теперь интерес к "кабинету реформ" мисс Найтингейл переместился с королевы на ее министров. Суд был выигран. "Лорд Окленд говорит, - писала леди Верни своей сестре, - что он слышал от лорда Кларендона, что королева была очарована вами". Но какое впечатление она произведет на менее восприимчивого "Бизона" (так мисс Найтингейл и ее друзья называли лопухого шотландца, лорда Панмура)? Она сообщила ему о себе сразу же по возвращении с Востока, и он ответил вежливо, но отложил удовольствие от беседы. Мистер Герберт не был уверен, что из этого что-то выйдет, даже в сочувственном воздухе Балморала. "Я полагаю, - писал он (3 октября), - что в целом вы довольны результатами ваших бесед с королевой и принцем Альбертом. Надеюсь, что и с Панмуром у вас все получится, хотя я не очень уверен в этом; поскольку, хотя у него много проницательного ума, в его сопротивлении есть некая *vis inertiae*, которую очень трудно преодолеть". Сэр Джон Макнилл был настроен более оптимистично. Он придавал большое значение личному фактору в пользу мисс Найтингейл: - "Я предвижу значительное преимущество.

"Я ожидаю значительных преимуществ, - писал он (29 сентября), - от вашей беседы с лордом Панмуром. Он видел ваш [326] имя в каждой газете, и, вероятно, не имеет очень точное, или, возможно, очень неточным, представление о том, что за человек мисс Флоренс Найтингейл. Возможно, он считает, что леди, чье имя так часто упоминается, вряд ли может быть равнодушна к народным аплодисментам и что, так сильно завладев чувствами нации, она вряд ли использует их для удовлетворения личных амбиций. Если у него возникнут такие

мысли, он не будет обманут. Он увидит, что под влиянием высших побуждений у вас нет желания использовать свое влияние для какой-либо иной цели, кроме как принести посильную пользу в выбранном вами деле, и что именно отсутствие личных мотивов дает вам смелость и право бесстрашно говорить всю правду и упорно идти по прямой линии долга, какими бы ни были трудности и препятствия. Он увидит, что вы ни в коем случае не хотите стать соперником и что ему решать, сделать вас соратником или противником, в зависимости от того, хочет он или не хочет содействовать тому благу, которое вы считаете своим прямым долгом, насколько это в вас заложено".

Отношение сэра Джона к мисс Найтингейл всегда было немного отеческим, и я думаю, что мы, возможно, можем прочесть между строк его хорошо выверенных предложений намек и предостережение под видом похвалы. Намек был не нужен. Она была полностью свободна от соблазна использовать свою популярность в целях личного честолюбия; но она должна была проявить немалое мастерство в использовании ее в качестве резервного оружия для достижения своих общественных целей. Мистер Герберт и сэр Джон Макнилл были правы. Личный фактор преобладает, как сэр Джон надеялся; и мисс Найтингейл выиграл министра, как она выиграла суд или казалось, чтобы выиграть его. Он обещал все, что она просила; но это было также, как мистер Герберт боялся, и сила пассивного сопротивления долго сохраняется.

Когда лорд Панмур добрался до Балморала, мисс Найтингейл была направлена туда. В придворном циркуляре (6 октября) рассказывалось о ее посещении церкви вместе с королевой, а на балу, который давали гилли, было замечено, что она сидела вместе с королевской семьей. У нее была возможность "рассказать принцу всю историю" о своем пребывании на Востоке. По этому случаю проявилась и другая сторона ее интересов. Она беседовала с принцем Альбертом "о метафизике и религии". Затем лорд Панмур, следуя примеру своего государя, отправился к мисс Найтингейл в Birk Hall, и они долго беседовали. "Возможно, вам будет приятно узнать, - писал мистер Джон Кларк^[237] (13 октября), - что вы вполне одолели Пана. Мы нашли его с абсолютно шелковистой гривой и любящей грустью, пронизывающей все его существо". "Я забыл, говорил ли я вам, - писал Сидни Герберт (2 ноября), - что Бизон написал мне, что очень доволен беседой с вами. Он говорит, что был очень удивлен вашим внешним видом, как, я думаю, и вы должны были быть удивлены его. Да благословит вас Господь!" Лорд Панмур, как я подозреваю, был одним из тех мужчин, которые полагают, что любая сильная духом женщина будет физически неблагополучна. Во всяком случае, мисс Найтингейл произвела на министра большое впечатление, как и предсказывала королева. В целом лорд Панмур отнесся к предложениям мисс Найтингейл весьма благосклонно. Было решено, что она должна в ближайшее время изложить свой опыт с заметками о необходимых реформах для сведения правительства, и в этой просьбе премьер-министр, лорд Пальмерстон, объединился с лордом Панмуром. Военный министр, казалось, был благосклонен к плану, которому она придавала большое значение, - созданию армейской медицинской школы. Он в принципе согласился на назначение Королевской комиссии. Таким образом, она получила, казалось, все, что хотела, а министр добавил еще один пункт.^[238] Планы строительства госпиталя в Нетли - первого Общевоинского госпиталя - на данный момент были далеко продвинуты. Лорд Панмур отправит эти планы мисс Найтингейл и будет очень признателен за ее замечания по ним. Разговор на эту и другие только что упомянутые темы должен был возобновиться, когда они оба будут в Лондоне в ноябре.

Когда новости о трофеях, которые мисс Найтингейл привез из ее Highland "набег," достигли ее маленький "Кабинет" реформаторов, их надежды были высоки, и меры были быстро сделаны для встреч и консультаций. Главнокомандующая прервала свое путешествие на юг в Эдинбурге, чтобы еще раз посоветоваться с сэром Джоном Макнилом. 15 октября она вернулась в Леа-Херст и вступила в переписку с другими участниками конфедерации. 2 ноября она приехала в Лондон, разместив свою штаб-квартиру в "Берлингтоне" на Олд-Берлингтон-стрит, любимом заведении ее семьи: дом, который стал известен в кулуарах как "Маленький военный офис". Она составила список идеальной Королевской комиссии и распространила его среди своих союзников, чтобы получить их предложения, а в случае с теми, кого она предлагала назначить, - их согласие. Одним из последних был ее друг и врач в Скутари, доктор Сазерленд. "Я только что получил ваше письмо, - писал он (12 ноября), - и пришел к выводу, что в старом мифе о женщинах-амазонках где-то к востоку от Скутари должна быть доля правды. Все, что я могу сказать, это то, что если бы вы были королевой этого уважаемого тела в старые времена, у Александра Македонского были бы довольно плохие шансы. Ваш проект развился гораздо лучше, чем я ожидал, и я думаю, что вижу способ принести пользу, и поэтому я буду работать в комиссии. *Возьмите Александра*. Никого другого, если не можете. Он наш человек. Я встречу с вами сегодня вечером за ужином у сэра Джеймса Кларка и буду очень рад обсудить этот вопрос подробнее". Доктор Сазерленд, как видно, полагал, что амазонка его примет; так оно и вышло. За доктора Александра шла упорная борьба. Мисс Найтингейл была очень впечатлена его мастерством, бесстрашием и активностью в Крыму. Теперь он получил назначение в Канаду, и лорд Панмур возражал против его отзыва; но мистер Герберт поставил свое согласие на пост председателя в зависимость от назначения доктора Александра, "самого способного и самого эффективного человека в нашей армии". [239] Согласие сэра Джеймса Кларка на службу, несомненно, было получено на только что упомянутом ужине. Сэр Джеймс Ранальд Мартин также был согласен, и у него была своя кандидатура. "Фарр, - писал он полковнику Туллоку (11 ноября), - должен быть членом. Я бы хотел, чтобы вы воспользовались возможностью как можно скорее поставить этот вопрос перед мисс Найтингейл со всей силой, на которую вы способны". Она уже состояла в переписке с доктором Уильямом Фарром; их связывала общая страсть к статистике. Ей не удалось привлечь его к работе в комиссии, но они сотрудничали в подготовке статистических доказательств для нее. Затем она обратилась к сэру Генри Сторксу, который был готов работать в комиссии. Она надеялась, что ей удастся включить в состав комиссии и своего друга полковника Лефроя, но и тут ее постигла неудача. То, что Сидни Герберт стал председателем по ее выбору, само собой разумеется. Другим назначением, которому она, естественно, придавала большое значение, был секретарь, и ее выбор пал на доктора Грэма Бальфура. [240] Устроив комиссаров, мисс Найтингейл приступила к составлению их инструкций, и этот проект она также распространила для критики и советов.

Теперь она была готова к обещанной беседе с лордом Панмуrom. Утром рокового дня сэр Джеймс Кларк написал ей: "Думаю, будет хорошо, если при встрече с лордом Панмуrom вы дадите ему понять, что это исследование предназначено и должно включать в себя исследование всего медицинского департамента армии и всего, что касается здоровья армии". Лишнее напоминание для той, кто уже давно все понял! "Мне очень хочется услышать, - писал мистер Герберт, - каких результатов вы добились от Бизона". Мисс Найтингейл сохранила свою заметку о результатах, написанную в то время, и она настолько характерна для ее юмора, что я печатаю ее почти *in extenso*: -.

[16 ноября] Мой "Пан" здесь уже три часа. Написал вниз.

<i>Президент</i> -	мистер Герберт	Жюри.
	Генерал Аистов	
	Полковник Лефрой	
	Доктор А. Смит	Армейские врачи.
	Доктор Маклахлан	
	Доктор Браун	
	Доктор Сазерленд	Гражданские врачи.
	Доктор Мартин	
	Доктор Фарр	
<i>Секретарь</i> -	Доктор Бальфур	Армейский врач.

Будут сбалансированы доктора. Несправедливо: два солдата считают, что [330] против гражданского элемента. Всякий раз, когда я представлял его (я не знал, что старый "Пан" такой резкий), он предлагал снять полковника Лефроя! Так что мне пришлось смириться.

Александр не вернется из Канады. У меня будет три армейских врача. Поэтому, как здравомыслящий генерал при отступлении, я назначил [доктора Джозефа] Брауна, майора-хирурга Гренадерской гвардии, поэтому он не в браке с доктором Смитом, старым пензенцем и реформатором. Оставил лорду П. его Маклахлана, который принесет меньше вреда, чем лучший человек. Он щедро вычеркнул Мильтона. [241] Видя, что он в таком "расположении духа", я был так добр, что оставил ему доктора Смита, тем более что ничего не мог с этим поделать.

У вас трудная борьба: Доктор Бальфур в качестве секретаря. Пан был удивлен моей снисходительностью, когда я назвал имя военного врача; поэтому я скрыл, что этот человек - опасное животное и упрямый новатор.

Провалился в одном пункте. Несправедливо. Пэн сказал сэру Дж. Кларку, что он будет работать. Теперь его не будет. Сэр Дж. Кларк заинтересовался. Королеве угодно, чтобы он был на нашей стороне.

Кроме того, Лд. П. находит удобным забывать, у него действительно неудобно плохая память на имена, факты, даты и числа. Надеюсь, я слишком хорошо знаю, что такое дисциплина, имея честь быть членом комиссии Его Величества, чтобы иметь лучшую память, чем мой шеф.

У Пана действительно четыре армейских врача, ∴ по его принципу я имею *право на* четырех гражданских.

Инструкции: общие и всеобъемлющие, охватывающие весь медицинский департамент армии и здоровье армии, как дома, так и за границей. Полуофициальное письмо госсекретаря на меморандуме президента с подробностями. Смит, в равной степени лакричный и угрожающий, скажет: "Я не понимал, что мы должны это выяснять".

Мой хозяин ревнив. Не хочет, чтобы считалось, что он принимает от меня предложения, что, конечно, очень несправедливо вменять ему в вину.

Вы должны довести дело до конца. Если не вы, то никто другой.

- (1) Лорд П. поручает полковнику Лефрою составить схему и смету медицинской школы армии, приложение к его собственному военному образованию - *я выиграл*.
- (2) Планы госпиталя Нетли должны быть в частном порядке доложены [331] Сазерлендом и мной лорду П. - *Я выиграл*.
- (3) Комиссариат должен быть поставлен на одну ступень с индийским - *я проиграл*.
- (4) Лагерь в Олдершоте должен "делать сам" - убивать скот, печь хлеб, строить, осушать, делать обувь, портняжить и т.д. - Лорд П. *подумает*: вполне согласен; означает "ничего не будет делать".
- (5) Сэр Дж. Холл не будет назначен генеральным директором, пока лорд П. находится на своем посту - *я выиграл*.
- (6) Полковник Туллок будет посвящен в рыцари. *Я проиграл* (если только я не смогу заставить полковника Т. принять соглашение, чего я не сделаю).[242]
- (7) По поводу статистики лорд П. сказал, что (i.) численность этих полков в среднем составляет всего 200 человек, (ii.) отрицал смертность, (iii.) сказал, что статистика доказывает все, что угодно, - а я, солдат, не должен знать лучше своего начальника.
- (8) Лорд П. все опроверг, так что я сохраняю самые радужные надежды на успех.

Хорошая трехчасовая работа! Но прошло много месяцев, прежде чем обещание лорда Панмура назначить комиссию было выполнено. Однако будет удобно предвосхитить ход событий в одном отношении и закончить на этом рассказ о *персональном* составе комиссии. Лорд Панмур сразу же написал мистеру Герберту, прося его принять председательство: "Я написал Панмуру, - передал он мисс Найтингейл из Уилтона (25 ноября), - как было условлено между нами, как *только* мог, относительно *todo*, но в попытке назвать Комиссию и определить Инструкции. Я надеюсь, что завтра получу от него весточку, и дам вам знать, как обстоят дела с землей, как только получу от него какой-нибудь знак. Предположим, что он уступит, это будет задача огромного труда и сложности, но она стоит того, чтобы взяться за нее, поскольку мы можем достичь огромного блага, даже если не получим всего, чего хотим. Если же он откажется, мы должны будем провести другой Совет, на который я выдвину свою кандидатуру". Текст письма мистера Герберта лорду Панмуру был напечатан в другом месте.[243] *Что касается персонала*, то он предложил генерала Сторкса и полковника Лефроя; двух армейских врачей, одним из которых, по его мнению, должен быть доктор Александр; двух гражданских врачей, одним из которых должен быть сэр Джеймс Кларк; санитарного врача, доктора Сазерленда; и, наконец, хорошего адвоката для проведения экспертизы. Комиссия, назначенная в итоге, состояла из мистера Герберта (*председатель*), мистера Огастуса Стаффорда, генерала Сторкса, доктора А. Смита, доктора Т. Александра, сэра Т. Филлипса, сэра Дж. Ранальда Мартина, сэра Джеймса Кларка и доктора Дж. Сазерленда, а секретарем был доктор Грэм Бальфур. Если читатель сравнит десять имен, появившихся в результате переговоров мисс Найтингейл с лордом Панмуrom, то увидит, что в них было четыре изменения. Она потеряла одного друга, полковника Лефроя, но приобрела другого, мистера Стаффорда. Вместо доктора Маклахлана она получила доктора Александра, а вместо доктора Брауна - сэра Джеймса Кларка. Доктор Фарр был вычеркнут в пользу "хорошего адвоката-исследователя" мистера Герберта, сэра Т. Филлипса. Он был единственной темной лошадкой, и перед заседанием комиссии мисс Найтингейл попросили встретиться с ним. "Мы предлагаем нерегулярный *беспорядок*, - писала ей миссис Герберт

(12 мая 57-го), - так как Сидни считает, что сэр Т. Филлипс хочет пошалить". В комиссии был только один сторонник старого режима, доктор Эндрю Смит.

Если бы факты, изложенные в этой главе, были известны в то время, противники мисс Найтингейл, возможно, нашли бы основания для предположения, что она упаковала Комиссию. Но она и мистер Герберт создали ее только в интересах общества. В дискуссиях о правах женщин иногда говорят, что женщинам не нужны никакие другие возможности для влияния, кроме тех, которые всегда были в их распоряжении. Мисс Найтингейл, выступавшая за женское суфражизм, вряд ли получила бы больше влияния, обладая правом голоса. Но тогда очень немногие женщины, да и мужчины, имеют возможности, промышленность, ум и силу воли, которые в совокупности были секретом "силы Найтингейл".

Лорд Панмур отложил официальный ответ на письмо мистера Герберта с условиями, но тем временем прислал короткую записку дружеского характера. Мистер Герберт сразу же переслал ее мисс Найтингейл (30 ноября 56 года) и сказал: "Я надеюсь, что записка предвещает хорошее Все, что я могу обещать, - это сделать все, что в моих силах, и отложить все другие дела ради этой цели, пока она не будет достигнута. Мне потребуется большая помощь от вас и через вас. Я хотел бы видеть все, что вы пишете, по мере того как это происходит, если вы не видите возражений. Это, вероятно, расскажет мне о многом, и заставит меня задавать вопросы, чтобы узнать еще больше". Так, через три месяца после возвращения с Крымской войны, подорвав свое здоровье, эта неукротимая женщина бросилась в водоворот работы, которая будет описана в следующей главе. Но это была работа во имя спасения британской армии. Она "стояла у алтаря убитых людей"; и она не уклонялась от самопожертвования.

ГЛАВА II

ПОСЕВ СЕМЯН

(ноябрь 1856 - август 1857 гг.)

Вы посеяли семя, и жатва придет. Бог даст прирост. Сэр Джон Макнейл (*письмо Флоренс Найтингейл по поводу ее "Записок о здоровье британской армии"*).

Сила пассивного сопротивления, которой обладает департамент, и нежелание или неспособность покладистого министра противостоять ей непонятны для тех, кто сам не является частью административной машины, и вызывают раздражение у тех, кто обладает буйным нравом и решительной волей. Королевская комиссия по здоровью армии была решена "в принципе" между лордом Панмуром и мисс Найтингейл во время их беседы 16 ноября 1856 года, а неделю спустя министр получил условное согласие мистера Герберта на председательство. Королевский ордер на создание комиссии был выдан только 5 мая 1857 года. В течение шести месяцев задержки мистер Герберт и мисс Найтингейл были заняты попытками убедить или принудить государственного секретаря предоставить комиссии эффективные полномочия; военное министерство и медицинский департамент армии были столь же заняты встречной работой в надежде настолько ограничить сферу ее деятельности, чтобы любые рекомендации, которые она могла бы сделать, носили "безобидный" характер.^[244] Думаю, нет оснований подозревать лорда Панмура в неискренности, но он был не тем человеком, чтобы форсировать события.

В течение нескольких месяцев задержки были моменты, когда терпение мисс Найтингейл истощилось, и был один момент, когда ее дух для борьбы угас, и она подумала о том, чтобы пойти на службу в гражданскую больницу. Лорд Панмур время от времени страдал от подагры - "в руках", - сказал мистер Герберт мисс Найтингейл, - "и это объясняет, почему он не пишет". "Его подагра всегда *под рукой*", - ответила она. Затем раздался зов птиц, которых нужно было подстрелить, и оленей, которых нужно было преследовать. "Но бизон сам по себе задирист, не забывайте об этом". Эти слова она постоянно передавала своим союзникам. Однажды она вынудила мистера Герберта выдвинуть ультиматум. Пусть он немедленно откажется от председательства, если лорд Панмур не положит конец задержкам и не даст обещание, что рекомендации комиссии будут выполнены. Мистер Герберт и другие ее друзья выступали за более осторожную политику, и она пересилила себя. "Если вы сможете вытащить нас из старой, грязной колеи, - писал сэр Джон Макнейл (19 декабря 1856 г.), - и поставить на рельсы, хотя завод может быть неисправен, а скорость мала, мы будем продолжать совершенствоваться. Не позволяйте себе унывать из-за задержек". В конце концов она не унывала, но она была не из тех, кто сидит сложа руки из-за задержек. Она помнила свой собственный *mot d'ordre*; и если она не "задирала бизона", то, как я полагаю, иногда наносила кошачий удар или два. В декабре лорд Панмур попросил разрешения прийти в ее тихую комнату на Берлингтон-стрит для беседы. И разговор был тихим, я не сомневаюсь, ибо мисс Найтингейл, иногда язвительная в частных письмах, никогда не была яростной в разговоре. Но она могла быть спокойно категоричной. Она полностью осознавала силу оружия, которое держала в резерве. Этим оружием была ее популярность и владение, которое она могла использовать по своему усмотрению, ушами прессы и общественности. Лорд Панмур, должно быть, также осознавал этот фактор в данном деле. В Балморале было решено, опять же "в принципе", что мисс Найтингейл должна подготовить доклад, содержащий результаты ее опыта и размышлений. Если она и министр останутся в хороших отношениях, если она будет уверена, что армия в медицинских и санитарных вопросах будет реформирована изнутри, ее доклад останется конфиденциальным. Но если она не была убеждена в этом, ничто не мешало ей возглавить народную агитацию за реформу извне. Это было ее оружие для "травли бизонов". В записке-самоутешении, написанной в минуту разочарования, она упрекает себя в том, что была "плохой матерью" для героически погибших, но обещает себе продолжать борьбу до конца. Она "начала с самого высокого, мой государь", и продолжила работу через политиков. Если все остальное не поможет, она обратится к стране с последним призывом, "как Кобден с законом о кукурузе". "Через три месяца после этого дня, - писала она в одном из своих подстрекательских писем мистеру Герберту, - я опубликую свой опыт Крымской кампании и свои предложения по улучшению ситуации, если к тому времени не будет справедливого и ощутимого залога для реформ".

//

Отчаяние мисс Найтингейл усилилось из-за отношения правительства к докладу "Совета Челси". Дело Макниллов-Туллохов, занимавшее в то время большое место в общественном внимании, требует здесь лишь краткого упоминания; драматический аспект ныне забытой сцены в Челси великолепно представлен Кинглейком, которого, однако, не следует воспринимать как непредвзятого авторитета в существе спора.^[245] Сэр Джон Макнейл и полковник Туллок, как известно,^[246] были отправлены на Восток в 1855 году для изучения транспортного и комиссариатского обеспечения кампании. Их отчет, опубликованный в январе 1856 года, был единственным официальным документом из всей массы, порожденной Крымской войной, в котором ответственность была возложена непосредственно на конкретных лиц. Все помнят историю о протесте лорда Мельбурна,

когда он случайно услышал зажигательную евангельскую проповедь с прямым "приложением": "Дело дошло до того, - сказал он, - что религии позволено вторгаться в сферу частной жизни". Что-то вроде того же возмущенного протеста прозвучало, когда доклад о крымской неразберихе предположил вторжение в сферу личной ответственности. Обвиненные офицеры подняли шум, и правительство назначило экзаменационную комиссию из других офицеров, чтобы доложить о докладе, в котором они фигурировали. Этот совет, названный по имени больницы "Челси", где он заседал, снял всю вину с отдельных лиц и в июле 1856 года установил, что истинной причиной крымской неразберихи была неспособность казначейства отправить в нужный момент определенную партию прессованного сена. Мисс Найтингейл не раз подшучивала над этой нелепой мышью; а много лет спустя сэр Джон Макнилл упрекнул "легкомыслие", которое относилось "к смертельным лишениям, столь героически перенесенным войсками, к столь смехотворно неадекватной причине".[247] Несколько месяцев ушло на составление чиновниками Казначейства объяснения прискорбного инцидента с сеном. Правительство согласилось, и дело, казалось, было закончено. И так бы оно и было, если бы не два фактора - пресса и общественное мнение. Газета "Таймс" предприняла энергичную атаку на Совет Челси, а общественное мнение поддержало сэра Джона Макнилла и полковника Туллока. Их доклад был отменен, а лорд Панмур даже не поблагодарил их за труды. Сэр Джон хранил презрительное молчание, но полковник Туллок, отличавшийся более теплым нравом, энергично выступил с самозащитой и репликами. В нескольких крупных городах сочувствие было выражено с оскорбленным комиссаров - движение, которое мисс Найтингейл и ее семья, через друзей в различных местах, сделал что-то, чтобы продвинуть. Комплиментарные адреса были направлены комиссарам от мэра и граждан Бата, Бирмингема, Ливерпуля, Манчестера и Престона, а также от компании торговцев города Эдинбурга.[248] Заметив это движение общественного мнения, которое начало отражаться в Палате общин, лорд Панмур задумался о том, что нужно что-то предпринять. Его решение было явно непродуманным. Он "имел честь сообщить" комиссарам, "что правительство Ее Величества решило отметить услуги, оказанные вами при исполнении своих обязанностей в Крыму, предложив каждому из вас сумму в 1000 фунтов стерлингов". От такой денежной оценки их заслуг каждый из них незамедлительно отказался. "Принять ее, - писала миссис Туллок, - это почти единственное, что я не могла бы простить в своем муже, но, слава Богу, он чувствует себя так же, как и я в этом вопросе". Мисс Найтингейл была так же возмущена, но ее политический инстинкт не был виноват. "Я рада, - написала она в ответ миссис Туллок (20 февраля), - что они оказались такими глупцами! Я уверена, что британский лев отнесется к этому оскорблению с пониманием, а если нет, значит, он деградировавший зверь". Она продолжила, чтобы разбудить зверя. Она рассказала мистеру Герберту о предложении правительства, и он согласился с ее мнением. Было решено поднять этот вопрос в Палате общин. 12 марта 1857 года мистер Герберт подал смиренное обращение к короне с просьбой о том, чтобы Ее Величество сооблаговолила одарить сэра Джона Макнейла и полковника Туллока каким-либо знаком благосклонности. Премьер-министр, отметив ход дебатов, принял предложение, которое было согласовано без единого разногласия. "Победа!" - записала мисс Найтингейл в своем дневнике; "Милнс пришел сообщить нам об этом". Она думала, что проиграла в споре с лордом Панмуrom по поводу полковника Туллока (см. выше, с. 331), но в конце концов победила. Он получил звание К.С.В., а сэр Джон, который уже был Г.С.В., был приведен к присяге Тайного совета. Этот эпизод, который на начальных этапах так раздражал мисс Найтингейл, что она была склонна бросить борьбу, закончился тем, что придал ей новый дух и ободрение. Ее приказ сбылся: "Бизон" доказал, что его можно запугать парламентским давлением. "Я направляю свое письмо, - писала она теперь уже почтенному сэру Джону Макнилу (12 мая), - с большим удовольствием. Я считаю, что вы

и сэр Александр Туллок были подняты на руки народом - это гораздо более высокий триумф, чем простое пожалование почестей короной. Бедная корона потерпела поражение. Я сожалею об этом. Но это не наша вина".[249]

///

Именно ее друг мистер Милнс предложил мисс Найтингейл немного выйти за пределы ее "кабинета" и увеличить свое влияние, расширив круг ее парламентских знакомых. "До того, как начнутся подсчеты, - писал он (февраль 1857 г.), - у вас в палате должны быть люди, которые знают, чего вы хотите". И снова: "Вы должны знать лорда Стэнли; он лучший человек, которого вы могли бы заполучить в палату, если бы вы хотели, чтобы это было сделано. Приходите пообедать с ним в воскресенье". Мистер Милнс был прав насчет лорда Стэнли.[250] Его публичная оценка мисс Найтингейл уже упоминалась. Он не был энтузиастом по отношению ко многим людям или вещам, но мисс Найтингейл и ее работа были в их числе. Познакомившись с ней лично, он сел, так сказать, у ее ног; он сказал ей, что живет надеждой получить от нее "будущие инструкции"; он посылал ей ранние копии документов и законопроектов, которые могли ее заинтересовать, и задавал вопросы в Палате общин, которые она предлагала. Когда в скором времени он стал государственным секретарем, они должны были участвовать в важной работе.

Мисс Найтингейл, при всей ее стремительности духа, обладала большим тактом и знала, как приспособить средства для достижения нескольких целей. Весной 1857 года в Китай отправлялись экспедиционные силы, и она очень хотела, чтобы о здоровье ее "детей", британских войск, заботились лучше, чем это было на море или на суше во время Крымской кампании. Ее союзник, сэр Джеймс Кларк, был в дружеских отношениях с ее противником, доктором Эндрю Смитом. Поэтому она использовала своего союзника, чтобы уговорить своего врага. "У меня был очень приятный разговор с доктором Смитом", - докладывал сэр Джеймс. "Он сделал почти все, что я предлагал: вентиляция кораблей, питание солдат; они должны есть свежее мясо и овощи на протяжении всего плавания и во время пребывания на станции, когда это возможно. Похоже, что со стороны Смита ничего не было забыто или проигнорировано, а герцог Кембриджский поддержал наши рекомендации. Так что бедствия Крыма уже пошли на пользу солдатам".

В борьбе за больницу Нетли мисс Найтингейл потерпела поражение от лорда Панмура по главному вопросу; но она добилась успеха во второстепенных вопросах; и, хотя по главному вопросу она проиграла в конкретном случае, она выиграла день для будущего. Она была пионером в этой стране, пропагандируя "павильонную" систему строительства больниц, которую она изучала во Франции. Известными примерами этого являются больница Герберта в Вулвиче и больница Святого Томаса в Вестминстере. Планы больницы Нетли, присланные ей лордом Панмуром, были построены по старой "коридорной" схеме, и она немедленно осудила их на этом и других основаниях. В это дело, как и во все другие, за которые она бралась, она бросилась с полной энергией. Она консультировалась со всеми лучшими авторитетами, собирала информацию в стране и за рубежом, составляла меморандумы, готовила альтернативные планы. Лорд Панмур не спорил с тем, что ее альтернативный вариант может быть, абстрактно говоря, лучше, но утверждал, что в данном случае стоимость переделок, когда фундамент уже заложен, будет слишком велика. Кроме того, необходимо учитывать восприимчивость - его собственную и других людей. После этого мисс Найтингейл обратилась к премьер-министру. "Если предложения мисс Найтингейл хороши", - написал он лорду Панмуре (30 ноября 1856 года), - "стоит изменить нашу

планировку здания, а не иметь несовершенную больницу".[251] Решив воспользоваться своим преимуществом, мисс Найтингейл отправилась в Эмблей в рождественские каникулы, обедала и спала в Бродлендсе. Насколько сильное впечатление она произвела на лорда Пальмерстона, показывает императивное письмо, которое он направил лорду Панмуре (17 января). Оно было напечатано *in extenso* в другом месте[252]; здесь же достаточно пары предложений. "Я должен сказать, что она оставила в моем сознании убеждение, что план в корне неверен, и что лучше было бы снести и перестроить все, что было построено. Она привезла сюда план и план предполагаемого госпиталя в Нетли, а также план последнего нового военного госпиталя в Париже, который, по ее словам, был взят за образец для госпиталя в Олдершоте". (Читатель, не сомневаюсь, заметит дипломатический тон мисс Найтингейл; она лишь попросила лорда Панмура сделать в Нетли то, что он сам делал в Олдершоте). "Мне кажется, - продолжал лорд Пальмерстон, - что в Нетли все соображения о том, что будет способствовать комфорту и выздоровлению пациентов, были принесены в жертву тщеславию архитектора, единственной целью которого было сделать здание, которое должно бросаться в глаза при взгляде на него со стороны Саутгемптонской реки.... Прау, поэтому на данный момент прекратите дальнейшее продвижение работ, пока этот вопрос не будет рассмотрен должным образом". Но даже самые императивные премьер-министры не всемогущи. Лорд Панмур немедленно ответил, что шаг, предписанный его шефом, "вовлечет нас в большие трудности, поскольку повлечет за собой разрыв всех наших обширных контрактов, не говоря уже о размышлениях, которые это должно бросить на всех заинтересованных в планировании тех проектов, над которыми мы работали.... Многие из предложений мисс Найтингейл в докладе, подписанном ею и доктором Сазерлендом, могут быть реализованы путем изменений, но полный отказ от плана будет самым серьезным делом".[253] Из документов мисс Найтингейл следует, что военное министерство оценило стоимость проекта в 70 000 фунтов стерлингов; и эти 70 000 причин, в сочетании с аргументом *amour propre*, привели лорда Панмура к победе. Хотя мисс Найтингейл всегда неохотно признавала поражение, пока не сделала свой последний выстрел, она знала, когда она была окончательно побеждена на одном основании, и тогда она сделала стойку на другом. Потерпев неудачу в своей попытке улучшить больницу в корне и в корне, она в значительной степени использовала возможности, которые предоставил ей лорд Панмур, чтобы подлатать "пациента", как она это называла, насколько это было еще возможно. Коридоры стали более открытыми, в палатах появилось больше окон, были упразднены заимствованные светильники и странные углы, оборудование было разделено, а вентиляция улучшена.[254] Что касается будущего, мисс Найтингейл в своем частном отчете, и почти в тех же словах Королевская комиссия в своем публичном отчете, рекомендовала, "чтобы все планы первоначального строительства больниц были представлены компетентным санитарным органам, прежде чем эти планы будут окончательно утверждены," и "чтобы все новые больницы были построены в отдельных павильонах, чтобы предотвратить большое количество больных от объединения под одной крышей." Эта рекомендация встретила решительный отпор со стороны медиков старой школы. "Бедный Эндрю Смит, - писал мистер Герберт во время заседания Королевской комиссии, - проглотил сегодня несколько горьких пилюль, включая павильоны". Горькая пилюля, которую дала мисс Найтингейл, теперь является признанным рецептом при строительстве больниц.

IV

Эта борьба за павильон была лишь эпизодом в работе мисс Найтингейл во второй половине 1856 и начале 1857 годов. Ее основной работой была подготовка к Королевской комиссии. Она вела обширную переписку, много путешествовала и много работала. До августа 1857 года она жила в основном в Лондоне, в отеле "Берлингтон"; но весной она провела несколько

недель недалеко от Лондона, в Комб-Херсте, доме своих дяди и тети, мистера и миссис Сэмюэл Смит, а в апреле - две недели в Эдинбурге, чтобы посоветоваться с сэром Джоном Макнилом. Она подготовилась к заседанию Королевской комиссии, написав свой собственный отчет. Предложение было высказано в Балморале в октябре 1856 года; но лорд Панмур, который редко делал сегодня то, что можно было отложить до завтра, написал свои официальные инструкции только в феврале 1857 года. Прося у нее "дальнейшей помощи и совета", он сказал: "Ваш личный опыт и наблюдения во время последней войны, должно быть, снабдили вас важной информацией, касающейся не только медицинского ухода и лечения больных и раненых, но и санитарных требований армии в целом". Она, как можно заметить, донесла свою мысль о том, что доклад должен быть общего характера. "Теперь я имею честь просить вас, - продолжалось письмо, - предоставить мне результаты этого опыта по вопросам, имеющим столь большое значение для армии Ее Величества. Мне нет нужды добавлять, что, если Вы это сделаете, они встретят самое внимательное рассмотрение, и что я постараюсь, насколько это в моих силах, способствовать развитию больших и щедрых взглядов, которые Вы разделяете по этому важному вопросу".

Отчет, который мисс Найтингейл написала в ответ на этот запрос - под названием *"Заметки, влияющие на здоровье, эффективность и управление госпиталями британской армии"* - является, я полагаю, наименее известной, но наиболее примечательной из ее работ. Она малоизвестна, потому что так и не была опубликована. Поскольку в конце концов она добилась от лорда Панмура Королевской комиссии, а за комиссией последовали практические меры, она не чувствовала необходимости обращаться к общественности. Военное министерство само не напечатало ее доклад, и поэтому так и не стало известно, сколько частей доклада последующей Королевской комиссии и сколько административных реформ, вытекающих из него, были на самом деле работой мисс Найтингейл. Но за свой счет она напечатала *"Записки"* для частного распространения среди влиятельных людей, и на всех, кто прочитал их, работа произвела, как и должно быть, глубокое впечатление. Кинглейк описывает ее как "сокровищницу достоверных сведений и мудрых рассуждений, дающую полное разъяснение причин, приведших к неудаче, а также показывающую средства, с помощью которых в войнах будущего наша страна сможет наилучшим образом справиться с поистине священной задачей обеспечения здоровья своих войск". [255] Сэр Джон Макнилл, прочитавший гранки *"Записок"*, когда они проходили через печать, был впечатлен как энергичностью стиля, так и убедительностью рассуждений. "Будьте уверены, - писал он, - что доклад нисколько не умалит вашу репутацию, а, напротив, значительно ее повысит и наглядно покажет, почему вы заняли то место, на котором находитесь, в оценке страны. Никто другой не смог бы ее написать". О другой партии доказательств он сказал: "Она так естественно льется, так ясно дает понять, что является подлинным выражением искреннего убеждения, в ней так много характера хорошего, искреннего просвещенного разговора на тему, которая тщательно понята и оценена, и так мало видимости того, что ее "накрутили" или претензии любого рода, литературных или художественных, что вы должны быть очень осторожны, изменяя его в любом отношении, которое могло бы хоть немного отвлечь от неамбициозного и совершенно естественного, но, в то же время, ясного и энергичного, изложения важных истин и мудрых предложений." И снова: "Не так уж важно, что думает, предлагает или возражает лорд Панмур. Вы установили ориентир, который ни он, ни кто-либо другой, ни группа людей не смогут убрать. Был достигнут постоянный прогресс, хотя и небольшой, и ваши идеи и планы будут пиратствовать и претендовать на них как на свои собственные те, кто сейчас их презирует". Когда книга была наконец напечатана и ему прислали экземпляр тома, сэр Джон Макнилл думал так же. "Несколько дней назад, - писал он (18 ноября 1858 года), - я прочитал отрывок одному из самых восхитительных эссеистов нашего времени [256], не сказав ему, из чего я читаю. Когда я закончил, он сказал: "Это

прекрасно, а чье это?". Я попросил его угадать. Он сказал: "В Англии не так много людей, которые могли бы это сделать. Мне кажется, я знаю их всех, но не могу с уверенностью назвать ни одного из них. Возможно, это какой-то новый писатель". Я сказал, что да, а потом сказал, кто это. Вот вам и манера поведения, которая вас мало волнует. Но что касается дела: после очень тщательного изучения всего этого я полностью удовлетворен тем, что это шахта фактов и умозаключений, которая предоставит материалы для любой схемы, которая, вероятно, будет построена на этой почве в течение нескольких поколений. Ни один мужчина или женщина не может отныне претендовать на то, чтобы заниматься этой темой, не освоив эти тома и, если честно, не обратившись к ним.... Рассматривая книгу в целом, я думаю, что она содержит такой объем информации и наставлений, какого никто другой, насколько мне известно, никогда не давал по аналогичному вопросу. Я считаю ее подарком для армии и страны, совершенно бесценным".

Эти оценки, данные, соответственно, литературным историком Крымской войны и человеком, наиболее глубоко погружившимся в крымскую неразбериху, будут подтверждены, я уверен, любым компетентным читателем "*Записок* мисс Найтингейл".^[257] Широкий диапазон книги и мастерское владение деталями по самым разным вопросам столь же примечательны, как и твердое и последовательное понимание общих принципов. Ключевая нота заложена в Предисловии. Показано, что вопрос об армейских госпиталях является частью более широких вопросов, касающихся здоровья и эффективности армии в целом. Дефекты, подобные тем, которые привели к столь высокой смертности среди больных в госпиталях во время войны, были причиной того, почему так много здоровых мужчин вообще попало в госпиталь. Число тех, кто пал до Севастополя от болезней, в семь раз превышало число тех, кто пал от неприятеля. Большое число пало от причин, которые можно было предотвратить; но эти причины можно было предотвратить в будущем только путем принятия новых систем. Было показано, что плохое здоровье британской армии в мирное время едва ли менее ужасающе, чем смертность во время Крымской войны. Единственным способом предотвратить повторение подобных бедствий было улучшение санитарных условий жизни солдата в мирное время, а в мирное время - организация и практическое поддержание общих госпиталей. Необходимость реорганизации и применение санитарной науки к армии в целом - вот два принципа, которые мисс Найтингейл не упускает из виду ни в одной из отраслей своей темы. Вводная глава содержит историю здоровья британских армий в предыдущих кампаниях, а затем книга состоит из двадцати разделов. Первые шесть из них посвящены медицинской истории Крымской войны под разными заголовками. Затем следуют три раздела, посвященные организации полковых и общих госпиталей. Остальная часть книги имеет более широкий охват, последовательно обсуждая необходимость санитарных чиновников в армии; необходимость статистического департамента; образование, найм и продвижение медицинских офицеров; солдатское жалование и увольнения; диету и приготовление пищи в армии; комиссариат; прачечные и столовые; солдатских жен; строительство армейских госпиталей; смертность в армии в мирное и военное время. В двадцатом разделе, по примеру королевских комиссий, приводится краткое изложение недостатков и предложений. Также имеются различные приложения, дополнительные примечания, диаграммы и иллюстрации. Первый том книги состоит из 830 страниц формата октаво, некоторые из которых пронумерованы римскими цифрами. Страницы, пронумерованные таким образом, были сделаны уже потом. Основная часть книги была готова к печати в августе 1857 года, но было нежелательно, чтобы "Доклад Найтингейл" помешал публикации отчета Королевской комиссии, даже в частном порядке. В последнем приложении к докладу содержалась масса официальной переписки по уходу за больными и ранеными во время Крымской войны. Мисс Найтингейл ухватила за это и приложила к нескольким своим разделам классифицированную аннотацию основных

документов. "Мастерский анализ", - написал сэр Джон Макнилл, когда она отправила ему гранки; "он убедительный, потому что совершенно честный, и ничто не может быть более фатальным для ложных притязаний". Иногда мисс Найтингейл не могла отказать себе в ироничном комментарии[258]; но простое сопоставление фактов и высказываний, как она их расположила, в смертельной параллели, более эффективно, даже чем ее сарказм.

Поручения лорда Панмура мисс Найтингейл от февраля 1857 года были дополнены просьбой представить конфиденциальный отчет "О введении женского ухода в военных госпиталях в мирное и военное время". Просьба имела забавное продолжение. "На прошлой неделе вы поручили мне, - писала она лорду Панмуру (3 мая), - представить вам предложения по организации женского медперсонала в армейских госпиталях. Генеральный директор Медицинского департамента армии распорядился на прошлой неделе изгнать всех женщин-медсестер, кроме двух, из артиллерийского госпиталя в Вулвиче. У меня есть небольшая карандашная работа, которая должна быть "посвящена, с разрешения, вашей светлости", демонстрирующая приказ государственного секретаря о введении сестер милосердия и одновременный приказ Медицинского совета армии об их увольнении. Прилагаю меморандум (лишь предварительный и экспериментальный) об обязанностях медсестер. Я не могу ожидать, что государственный секретарь будет вдаваться в детали. Возможно, я попрошу выслушать его решение относительно окончательных шагов, которые следует предпринять".[259] Предварительный меморандум был впоследствии расширен до трактата, который вошел во второй том (стр. 184) "*Записок*". Его название - "*Вспомогательные заметки о введении женского медперсонала в военных госпиталях в мирное и военное время*" - едва ли описывает объем тома, который, по сути, является почти трактатом о медсестринском деле в целом. "Сначала я прочитала "*Вспомогательные заметки*", - писала миссис Гаскелл (31 декабря 1858 года). "Это было так интересно, что я не могла оторваться. Я закончила ее за один долгий утренний присест, почти не вставая с места между завтраком и ужином. Не могу выразить, как она мне понравилась, и по стольким причинам. Во-первых, потому что вы знаете лак, который так же хорош или даже лучше, чем черносвинцовый для решеток[260] (только интересно, что это такое). Затем из-за маленьких предложений настоящей глубокой мудрости, которые благодаря своей глубине и истинному основанию могут стать настоящей помощью в любом направлении и для любого человека; и из-за спокойных постоянных благочестивых обращений к Богу, которые делают книгу святой".

Как работа одной руки, и что рука женщины в хрупком здоровье, написание мисс Nightingale's *Заметки о британской армии*, в течение шести месяцев, является удивительным *тур де-форс*. Только самые интенсивные приложения, помогаемые большой силой мозга и воли, могли бы выполнить это. У нее не было штата секретарей. Мистер Артур Хью Клаф, работавший в то время в Управлении образования, в нерабочее время помогал ей с гранками, а ее верная тетя Мэй делала некоторые копии и вела переписку. Но по большей части все было написано ее собственной рукой, и ни на минуту она не позволяла себе расслабиться. Но и "*Записки*" не были единственной работой в те же месяцы. Она также подготовила (при некоторой помощи мистера Брейсбриджа) и выпустила в 1857 году мастерски написанное "*Заявление подписчикам*", которое часто цитировалось в предыдущей части этих мемуаров. "Зачем вы все это делаете, - писал мистер Герберт (16 января), - своими собственными руками? Хотел бы я, чтобы вы на несколько недель превратились в такого же сквайра, как я".

V

Одно особое преимущество мисс Найтингейл пользовался в подготовке ее *Заметки*, которые, однако, добавил столько же ее труд, как эффективность и авторитет. Эксперты

многих видов были готовы и стремятся помочь ей. Во всех отраслях государственной службы были широко мыслящие люди, которые одинаково хорошо понимали потребности и трудности реформ и видели в ней бесценного союзника. Как на Востоке реформаторы, оказавшиеся в затруднительном положении, "шли к мисс Найтингейл", так и сейчас чиновники и служащие - одни открыто, другие с тщательной секретностью - обращались к ней с намеками и предложениями помощи, а иногда и с просьбой, чтобы она пришла и помогла им. Так, сэр Джон Лидделл, генеральный директор Медицинского департамента ВМС, узнав о происходящем, умолял ее "заняться матросами" и "ввести женщин-медсестер в военно-морские госпитали". По его просьбе она осмотрела госпиталь в Хасларе (январь 1857 г.), и он проконсультировался с ней по поводу планов военно-морского госпиталя в Вулвиче. "Я возвращаю вам с большой благодарностью, - писал он (17 февраля), - ваш очень умный отчет о строительстве госпиталей [раздел ее *записок*], из которого я собираюсь извлечь значительную пользу как в наших новых, так и в старых зданиях; но поскольку вы позволили мне прочитать ваш отчет только в частном порядке, я верю, что когда вы увидите, как ваши идеи воплощаются в наших госпиталях, вы не упрекнете меня в том, что я бессовестный плагиатор". Сэр Джон в ответ снабдил ее необходимыми фактами о военно-морских складах, диетах и статистике. Он также сопровождал ее во время инспекционного визита в Чатем, военную и военно-морскую станцию. Со всех сторон ее принимали с величайшим вниманием, а офицер военной медицины предоставил ей свободный доступ ко всему. Доктор Эндрю Смит был вне себя от гнева, узнав, что она лезет в его владения. Офицер-медик написал ей письмо, в котором объяснил, что неправильно понял суть дела, вообразив, что ее визит получил официальную санкцию как со стороны военных, так и со стороны флота, и в страхе и трепете умолял ее считать все сказанное и показанное им строго секретным. Главной целью ее инспекций казарм и госпиталей был сбор данных для своего доклада, но иногда ей удавалось провести реформу сразу и без особых усилий. Доктор Маклахлан, главный врач, пригласил ее осмотреть военный госпиталь Челси. Она поехала, отметила множество недостатков и написала ему письмо по этому поводу. Он согласился с ее словами, объяснил, что "реформа медленно продвигается в старых учреждениях, препятствия возникают из тех источников, которые меньше всего ожидаются", и выразил надежду, что ей удастся оказать "небольшое давление извне". Председателем совета был мистер Роберт Лоу, в то время вице-президент Торгового совета и генеральный плательщик. Она попросила познакомить ее с мистером Лоу, который "с большим удовольствием обратился к ней". О дальнейших событиях рассказывается в письме доктора Маклахлана: "Если вы еще не ознакомились с этим, я уверен, что вы будете рады узнать, что все действительно важные моменты, упомянутые в вашем письме ко мне некоторое время назад, были уступлены. Настойчивость мистера Лоу помогла Казначейству. Люди должны иметь фланелевые жилеты и кальсоны, ножи, вилки, ложки, тарелки и т. д. и т. п.". А сам мистер Лоу, который иногда бывал мягким, написал ей по поводу "улучшений, которые вы предложили", что он "рад верить, что фланель очень утешает бедных стариков". Многие крымские ветераны впоследствии стали пенсионерами Челси, и я привел некоторые из их воспоминаний о мисс Найтингейл в одной из предыдущих глав. Они, вероятно, не знали, что своим больничным комфортом дома они были обязаны тому же женскому прикосновению, которое ухаживало за ними в Скутари или в Крыму. Мисс Найтингейл, в эти месяцы, также проинспектировал ведущих гражданских больниц в Лондоне. Многие из них назначили ее почетным пожизненным губернатором в знак признания ее заслуг во время войны.

Военные офицеры также предлагали свою помощь. "Задавайте вопросы, - говорится в письме из Веллингтонских казарм, адресованном другу мисс Найтингейл, - пока не придете к

тому, что вам нужно. Мне очень приятно помогать этой прекрасной леди в ее благородной работе": "Я был совершенно очарован, - пишет офицер из Олдершота, - возможностью снова пообщаться с мисс Найтингейл. Она самый целеустремленный и доброжелательный человек, которого я когда-либо встречал, и поистине является чудом своего пола. Передайте ей, пожалуйста, мое желание предоставить мои скромные услуги и опыт в ее распоряжение, когда бы и как бы она ни пожелала". В самом Военном министерстве у нее были влиятельные друзья. Сэр Генри Сторкс часто переписывался с ней и посылал ей для критики проекты новых правил. Полковник Лефрой, в соответствии с ее предложением,^[261] получил от лорда Панмура поручение разработать схему школы военной медицины и хирургии. Заметки мисс Найтингейл по этому проекту (ноябрь 1856 года) включают предложения, которые могли бы исходить от какой-нибудь Королевской комиссии нашего времени. Она настаивает на том, что экзаменационный совет должен состоять из преподавателей. Она предлагает, чтобы учителями в больницах не были именитые доктора; "человек с выдающейся практикой редко становится выдающимся учителем; можно найти много хороших людей, которые займут место учителя за умеренную зарплату". Она пресекла идею имперского взаимобмена, о котором много говорит современное военное министерство. "Важнейшей частью этой школы, - пишет она, - будет предоставление возможностей для обучения и сравнения офицерам-медикам из колоний". Как и доктор Маклахлан в Челси, полковник Лефрой в Военном министерстве иногда "приходил к мисс Найтингейл". Он рассказал ей об одном военном госпитале, который был очень переполнен. Главный врач представил дело в штаб и потребовал дополнительных помещений, но тщетно: "письмо от мисс Найтингейл могло бы привести к лучшему". Полковник Лефрой оказался полезен и в другом вопросе. Мисс Найтингейл была пионером, как мы слышали во время рассказа о ее работе на Востоке, в разработке средств для поощрения лучшего использования досуга рядового солдата, а также для содействия его разумному отдыху. И эти усилия, начатые ею среди солдат, проходивших службу во время Крымской войны, были продолжены после ее возвращения в Англию. Инициативе и щедрости Флоренс Найтингейл обязано созданием солдатских читальных залов. Ее друг, мистер Сабин, который был главным капелланом в Скутари, теперь находился в Олдершоте, и мисс Найтингейл договорилась с ним о продолжении эксперимента, который они провели на Востоке.^[262] После долгих переговоров было получено разрешение от военных властей использовать одну из столовых в качестве читального зала, и 17 июня 1857 года "Дивизионный читальный зал, столовая Н, лагерь Олдершот" был открыт. Средства были предоставлены мисс Найтингейл. Эксперимент так понравился солдатам, что она решила расширить его. Она обратилась за помощью к полковнику Лефрою, который 19 августа написал ей следующее: "Вчера выдался благоприятный момент, и я спросила начальника, имею ли я право принять предложение "частного лица" внести свой вклад в развлечение солдат и улучшение их читальных залов. Он рассмеялся, вероятно, проницательно подозревая личность неизвестного, и разрешил. Теперь я полностью к вашим услугам.... Не составит труда найти применение любым средствам, которые вы предоставите, и у меня есть только одно сожаление по этому поводу, а именно, что долг, столь важный для морального совершенствования солдата, должен быть оставлен на усмотрение частной благотворительности. Я бы хотел напечатать IX сонет Мильтона^[263] на всем, что вы нам дадите". У самой мисс Найтингейл не было вкуса к рекламе или похвале. Она любила делать добро исподтишка, и большая часть ее влияния оказывалась за кулисами.

Статистики, инженеры-санитары, архитекторы и другие эксперты переписывались или лично общались с мисс Найтингейл во время подготовки ее отчета. Доктор Уильям Фарр, первый авторитет в этой области, работал с ней в январе и феврале 1857 года над сравнением смертности в армии и в гражданской жизни. "Мне всегда будет доставлять огромное

удовольствие, - писал он, - оказывать вам любую посильную помощь в укреплении здоровья армии. В свою очередь, мы будем просить вас о помощи в попытках, которые сейчас предпринимаются для улучшения здоровья гражданского населения. Именно в доме и на дому здоровые принципы будут работать наиболее эффективно". В последующих главах будет показано, с какой готовностью мисс Найтингейл оказывала помощь в этой области. Когда она закончила статистический раздел своего отчета, она отправила гранки со своими иллюстративными диаграммами на доработку доктору Фарру. Он не нашел ничего, что можно было бы изменить. "Эта речь, - писал он, - лучшее, что когда-либо было написано о диаграммах или об армии. Я могу лишь кратко выразить свое мнение: "Сам Демосфен с имеющимися перед ним фактами не мог бы написать или произнести речь лучше". Детали кажутся мне совершенно верными". Он особенно высоко оценил ее диаграммы за ясность, с которой они объяснялись. Она была своего рода пионером в графическом методе представления статистических данных. В каждой области своих исследований она была одинаково тщательна: консультировалась с лучшими авторитетами, собирала важнейшие факты. Она общалась с сэром Робертом Роулинсоном и сэром Эдвином Чедвиком, а также с сэром Джоном Джеббом, архитектором образцовых тюрем. Она собрала планы всех лучших больниц и лазаретов в Великобритании и на континенте. Она консультировалась с профессором Кристисоном по вопросам диетологии и получала диетсправочники из зарубежных госпиталей. Она переписывалась с армейскими хирургами, с которыми познакомилась на Востоке, а также с армейскими капелланами и миссионерами. Чувства, которые коллеги по работе испытывали к мисс Найтингейл, характерно проявляются в записке сэра Роберта Роулинсона ее тете (1858). "Заслужить доброе слово мисс Н. очень приятно. Я верю, что смогу заслужить его продолжение. Я с горечью узнаю, что ее здоровье так сомнительно, но я полностью и неизменно верю в Божье провидение. Она посеяла семена, которые дадут обильный урожай, и человечество станет лучше благодаря ее практическим трудам до конца времен. Больницы будут строиться по ее мудрым планам, а управление ими будет осуществляться в соответствии с ее гуманными правилами. Один человек в армии будет полезнее двух прежних, а разум будет главенствовать над комфортом и здоровьем. Насколько хватит моих слабых средств, я буду стремиться работать на том же поприще и делать то, что в моих силах, чтобы воплотить полученные уроки". "Очень приятно, - писала сестра мадам Моль (2 мая 57 года), - видеть этих мудрых стариков, так глубоко убежденных в ее знаниях и бескорыстии, и смотрящих на нее с такой смесью благоговения и нежности, желания, чтобы она не переутомлялась, и желания, чтобы она делала работу, которую она одна может делать так хорошо". "Ты не можешь себе представить, что это такое, - писала ее сестра другому другу, - наблюдать, как такой великий ум, как у нее, полностью занят работой и полностью соответствует этой великой работе. Видеть, как каждая чрезвычайная ситуация по мере ее возникновения встречается и побеждается, видеть в ее великих планах реформ и улучшений, как даже каждое препятствие, кажется, дает новый импульс силы для преодоления (если бы мое сердце не было в каждом движении игры, это было бы похоже на наблюдение гигантской шахматной партии, где пешки были людьми и результат жизни тысяч); как она собирает мед из информации каждого человека и связывает его в целое, которое должно продолжать работу." *Записки* мисс Найтингейл - это ее собственная работа в особой степени, и, как сказал сэр Джон Макнилл, никто другой не смог бы ее сделать. Но верно и то, что в книге собрано все лучшее, что было известно и что думали в то время по тем вопросам, которые в ней рассматриваются.

VI

Доклад мисс Найтингейл был закончен более чем наполовину, когда была назначена давно обещанная и долго откладываемая Королевская комиссия по тому же вопросу.

Настойчивость мистера Герберта и мисс Найтингейл, наконец, "привела бизона в бухту". 26 апреля она получила долгожданное сообщение о том, что на следующий день лорд Панмур приедет в отель "Берлингтон" с официальным проектом инструкций для комиссии. Она предложила внести несколько изменений, которые были приняты, и документы были отправлены на королевское утверждение. Мисс Найтингейл сохранила копию рукописи и отправила ее своему другу, доктору Грэму Бальфуру, секретарю Комиссии. "Каждый из членов Комиссии, - объясняла она ему (27 апреля), - силой воли был направлен против доктора Эндрю Смита, а бедный Пэн был шатеном"; что же касается Инструкций, то "Вы увидите любопытные следы борьбы за исключение и включение всех реформ в ход работы над MS. Думаю, я не лишен заслуги в том, что тружусь над издевательствами над Пэном - это мелкий вид войны, очень неприятный".

Интересный взгляд на отношение министров к своим подчиненным бросает тот факт, что, как явствует из документов мисс Найтингейл, лорд Панмур позаботился о том, чтобы документы были парафированы королевой, прежде чем передать их доктору Смит. Для тех, кто вникал в историю крымской неразберихи, мало что может показаться на первый взгляд более любопытным, чем долгое возвышение доктора Смита. Возможно, никто не был виноват, а только система; но если кто-то и был виноват в медицинских недостатках, то, несомненно, Генеральный медик. Лорд Грей послал мисс Найтингейл очень длинный и подробный меморандум о ее *записках*. Он восхищался мастерством, с которым она изложила факты, но утверждал, что истинный вывод, который следует из них сделать, заключается не в необходимости радикальной реформы, а в том, что несколько человек (включая доктора Смита) должны были быть отданы под трибунал. Сомневаюсь, что мисс Найтингейл отличалась от последнего утверждения. Но на самом деле доктор Смит был награжден, а после окончания войны ему было позволено еще много месяцев препятствовать проведению реформ. Объяснение этому, однако, простое. Постоянный глава департамента - мастер в деталях, и если он человек хоть сколько-нибудь способный, этот факт часто дает ему преимущество перед его политическим начальником. Если же министр ленив, или неспособен к деталям, или по какой-либо другой причине склонен к линии наименьшего сопротивления, он становится как глина в руках своего постоянного подчиненного, когда дело переходит от общих деталей к частностям. Вот и лорд Панмур на заключительном этапе этого дела принял меры предосторожности и не допустил к участию в нем подробностей. Доктор Смит, который был человеком настойчивым, смею предположить, высказал немало критических замечаний, когда ему показали Инструкции для Комиссии. Но если так, то у лорда Панмура был общий и окончательный ответ. То, что подписала королева, не должно быть изменено.

Королевский ордер, предписывающий создание комиссии, был составлен в очень широких и всеобъемлющих выражениях, и мистер Герберт и его коллеги приступили к работе без промедления. С момента принятия им председательства до выдачи королевского ордера прошло шесть месяцев. Отчет комиссии был подготовлен ровно за три месяца. Чтобы в полной мере оценить, с каким трудом был достигнут такой результат, необходимо заглянуть в гору деталей, которые Комиссия собрала и просеяла. Никакие похвалы не могут быть слишком высоки для неослабевающего внимания, непрекращающейся тяжелой работы, которую мистер Герберт, как председатель, бросил на выполнение этой задачи. Но даже в этом случае такая скорость в подготовке отчета Комиссии была бы невозможна, если бы не то, что большая часть информации уже была изучена, и большая часть ее была исчерпывающе освещена мисс Найтингейл. Во всех королевских комиссиях, как и в более высокопоставленных органах, существует Внутренний кабинет, а иногда и Внутренний кабинет. В данном случае Внутренний кабинет состоял из трех человек, причем один из них

не был членом комиссии - мистер Герберт, доктор Сазерленд и мисс Найтингейл. Не было человека, столь тесно связанного с работой мисс Найтингейл в течение стольких лет и в стольких различных направлениях, как доктор Джон Сазерленд. Он был признан одним из ведущих санитарных врачей того времени. Он был инспектором при первом Совете здравоохранения (1848), а также привлекался правительством для проведения многих специальных расследований. Как глава санитарной комиссии, отправленной в Крым в 1855 году, он, как уже говорилось, познакомился с мисс Найтингейл, и с тех пор они были близкими коллегами. Он входил почти во все комиссии, подкомиссии и комитеты, к которым она имела отношение. Если его не выдвигали в первый список, она всегда настаивала на его включении. Иногда он выводил ее из себя, о чем мы узнаем в последующих главах, но они работали вместе в постоянном товариществе. Он был, так сказать, ее начальником штаба, а также в значительной степени ее личным секретарем по официальным вопросам. На доктора Сазерленда и мисс Найтингейл в основном полагался председатель Королевской комиссии. Я уже цитировал общие слова мистера Герберта о ее помощи (стр. 312). Это полностью подтверждается свидетельствами, содержащимися в ее бумагах.

На протяжении всей работы комиссии мисс Найтингейл ежедневно общалась - лично или по письмам - с мистером Гербертом или доктором Сазерлендом, или с обоими. У меня есть пятьдесят писем от каждого из них к ней. Она была неутомимой наставницей. "Моя дорогая леди, - писал доктор Сазерленд в одну из пятниц (22 мая), - не будьте неразумны. Боюсь, вашему полу свойственно быть таким. Я был бы с вами вчера, если бы мог, но, увы, моя воля оказалась сильнее ног. Сегодня я был в комиссии, и пока мне нечего опасаться. Я был слишком утомлен и слишком глуп, чтобы увидеть вас после этого, но я намерен приехать завтра около 12 часов, и тогда мы сможем подготовиться к кампании на следующей неделе. Делать будет нечего, поскольку комиссия отправляется в Дерби, за исключением вашего покорного слуги и Александра, который для примера поедет посмотреть Портсмут и Хаслар, чтобы дать показания по обоим. Мы будем встречаться только в понедельник и пятницу. Санитарный спор проходит в оба эти дня, и я надеюсь, что завтра смогу провести желаемую вами каретную операцию, а поскольку вы не ходите в церковь, то сможете каретировать мистера Герберта в воскресенье. Я послал вам Роланда для вашего Оливера и всегда преданно ваш". Из писем мистера Герберта, написанных после назначения комиссии, первое определяет позицию: "Мы должны встретиться и согласовать наш курс". Несколько других кратких выдержек дополняют этот очерк. "Я готовлюсь к экзаменам; вам ничего не приходит в голову?" "Я посылаю вам корреспонденцию Холла. Вы знаете все, о чем идет речь, со всеми датами, которых я не знаю, и увидите в них то, чего я не должен видеть". Он советуется с ней о том, в каком порядке вызывать свидетелей, "иначе будет казаться, что мы все время проверяем друг друга". Он просит ее сравнить смертность среди пехотинцев и моряков соответственно. Она закрепила за ним несколько проклятых документов по другому вопросу. "Я возвращаю вам украденные вещи", - пишет он. "Молитесь хранить их бережно. Если когда-нибудь нам придется осаждать медицинский департамент армии, никакое орудие Ланкастера не сможет быть более грозным, чем этот документ; он действительно почти невероятен". "Я бы очень хотел провести с вами сегодня совет кабинета министров. Мне прийти к вам в 5 часов, или вы придете сюда?" И так далее, и так далее, почти ежедневно. Но, пожалуй, лучше всего я могу передать идею сотрудничества с точки зрения юридической процедуры. Мисс Найтингейл была адвокатом, который давал указания по делу мистеру Герберту. По мере того, как возникала каждая тема расследования, она посылала ему меморандум по ней; часто, несомненно, копию своего собственного отчета по тому же вопросу. Она предлагала свидетелей и часто виделась с ними до того, как они давали свои показания, чтобы, так сказать, взять у них доказательства. В случае с некоторыми важными свидетелями она подготовила записки для перекрестного допроса, а

также для допроса. В июне в зале должен был присутствовать сэр Джон Холл, которого читатель помнит как главного медицинского офицера в Крыму. "Меня попросили, - писала она сэру Джону Макнилу (12 июня), - попросить вас дать нам несколько подсказок по поводу его допроса, основанных на том, что вы видели, когда он был в ваших руках. Я сама убеждена, что Холл гораздо умнее, чем за него принимают, почти так же умен, как Эйри,^[264] и что он проверит свою репутацию подобным образом и, возможно, даст нам очень полезные доказательства, не благодаря ему.... Я бы только напомнила вам длинный ряд доказательств его невероятного безразличия, начиная с рокового письма, одобряющего Скутари, октябрь '54,^[265] продолжая всеми отрицательными ошибками, связанными с неполучением сока лайма, свежего хлеба, хинина и т. д, вплоть до того, что он *не* осудил перед вами влияние соленого мяса.... Мы не хотим донимать старика во время его обследования, что не принесет пользы нам и вреда ему. Но мы хотим извлечь из него максимум пользы для нашего дела. Пожалуйста, помогите нам. Я понимаю, что доктор Смит говорит, что сначала он очень боялся "Комиссии" и "думал, что она принесет вред". Но теперь "считает, что она принимает хороший оборот". Это за нас или против нас?" Сэр Джон Макнил считал, что "за нас", и посоветовал доктору Холлу "не переходить к обороне", а провести экспертизу, чтобы "спокойно плыть по течению реформ, как это, судя по вашим словам, сделал доктор А. Смит". Тем не менее, если он окажется упрямым, его, конечно, нужно будет "поставить в угол"; и сэр Джон Макнилл помог адвокату подготовить позы для возможного несговорчивого свидетеля. Однако с мистером Гербертом было трудно быть несговорчивым. "Он был человеком с самым быстрым и точным восприятием, - писала она о нем в более поздние годы, - которого я когда-либо знала. Кроме того, он был самым отзывчивым. Сама его манера вовлекала в разговор самых угрюмых и самых непокорных свидетелей. Он никогда не наживал себе врагов и не затевал ссор в Комиссии. Он говорил: "Для ссоры нужны двое, и я не буду одним из них". И опять же, мисс Найтингейл всегда была на связи с мистером Гербертом, чтобы уточнить детали, пропущенные даты и ссылки. Каждый, кто знаком с судебной практикой, знает, как даже самый искусный адвокат иногда спотыкается о дату или ищет среди своих бумаг тот или иной документ, пока младший за ним или адвокат перед ним не придут на помощь. Это была еще одна роль, которую играла мисс Найтингейл, хотя и за кулисами. "Сидни снова в отчаянии из-за вас, - писала миссис Герберт, - вы можете приехать? Вы скажете: *"Благословите* этого человека, почему он не может оставить меня в покое? Но я лишь повинуюсь приказу, умоляя вас".

Сложность возникла в вопросе, должна ли мисс Найтингейл сама давать показания. Она не хотела этого делать, и сэр Джон Макнилл решительно поддержал ее. По-отечески ему не нравилась мысль о том, что она подвергнет себя такой нагрузке, и действительно, ее физическая слабость в то время была очень велика. В наши дни при подобных обстоятельствах ее, конечно, сделали бы членом Королевской комиссии. В те дни мысль о том, чтобы вызвать женщину в качестве свидетеля, вызывала некоторые сомнения. Ее собственное возражение было основано скорее на уважении к восприимчивости мистера Герберта. Она не могла говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды, не углубляясь в прошлое, а такое свидетельство могло, казалось, отразить поведение ее друга на посту министра в начале войны. Мистер Герберт, однако, отмахнулся от этой мысли и призвал ее прийти и рассказать всю правду. Ее друг мистер Стаффорд был еще более категоричен. "Позвольте мне умолять вас, - писал он (11 июня), - пересмотреть свое решение. Вы сделали так много, что должны сделать все. Это наша последняя попытка помочь солдату. Никто не может помочь нам так хорошо, как вы, и вы не можете помочь нам так хорошо никаким другим способом; даже если ваши мнения оскорбят некоторых людей, это их вина, а не ваша. Отсутствие вашего имени в списке свидетелей уменьшит вес нашего отчета и породит необоснованные слухи; будут говорить либо о том, что мы боялись ваших показаний и не

предложили вам их представить, либо о том, что вы высказали предложения, ответственность за которые не хотели нести публично". Аргументы мистера Стаффорда имели очевидную силу, и было решено, что мисс Найтингейл должна дать показания в форме письменных ответов на письменные вопросы. Ее показания, занимающие тридцать три страницы "Синей книги", по сути, являются сжатым изложением ее конфиденциального отчета. Ни одно из доказательств, представленных Комиссии, не было более прямым и убедительным. "Возможно, многие удивятся, - писал в то время один из армейских врачей, - узнав из показаний мисс Найтингейл, что, помимо женских достоинств, она обладает не только даром острого восприятия, но и что по всем представленным ей вопросам она рассуждает с сильным, острым, логичным и, если можно так сказать, мужским интеллектом, который вполне может посрамить некоторых других свидетелей. Они пробираются через свои темы так, словно ни за что не определились ни по одному пункту - хотят и не хотят; и, кажется, они почти думают, что две параллельные дороги иногда могут встретиться благодаря вежливости и добрым чувствам, приятным мотивам, которым никогда не следует доверять в вопросах долга. Когда вам приходится сталкиваться с неотесанными, гидраголовыми монстрами чиновничества и неумелости, прямой удар - лучший способ атаки. Мисс Найтингейл показывает, что она не только знает свой предмет, но и чувствует его досконально. Во всем, что она говорит, есть четкость, логическая последовательность, резкость и резкость, звон, как у настоящего металла, что в целом достойно восхищения".[266] "Я с величайшим интересом изучил, - писал ей один из членов Комиссии (сэр Дж. Р. Мартин), - ваши самые убедительные доказательства, представленные сейчас для ознакомления членам Комиссии. В нем собраны факты и обстоятельства, которые, если рассматривать их во всей полноте, должны иметь огромное значение для британского солдата на протяжении многих последующих веков".

VII

Отчет комиссии был написан мистером Гербертом в августе 1857 года при большой помощи мисс Найтингейл. "Тысяча благодарностей", - написал он ей (5 августа). "Список рекомендаций и недостатков очень ясен и хорош. Я отметил одно или два дополнения". Сравнение рекомендаций в конце отчета мисс Найтингейл с рекомендациями в конце отчета Королевской комиссии показывает, насколько близко последний документ следовал предыдущему. Отчет был опубликован только в январе 1858 года. Причина задержки тесно связана с историей жизни мисс Найтингейл во второй половине 1857 года. Главной особенностью отчета стало принятие и подтверждение ужасающих цифр, которые она впервые привела в таблицу за много месяцев до этого. "Для успеха всего, что вам еще предстоит сделать, - писал сэр Джон Макнейл (9 ноября), когда она послала ему гранки отчета мистера Герберта, - бесконечно важно, что точность ваших утверждений о состоянии казарм не вызывает сомнений. Это лишает заинтересованных кавиллеров права быть выслушанными, когда они захотят поставить под сомнение другие ваши утверждения". Королевская комиссия убедительно доказала, что, как и говорила мисс Найтингейл, уровень смертности в армии дома в мирное время был вдвое выше, чем среди гражданского населения. Сравнение смертности гражданского и военного населения в некоторых лондонских приходах было еще более поразительным. В Сент-Панкрасе смертность среди гражданского населения составляла 2-2, а в казармах 2-й лейб-гвардии - 10-4. В Кенсингтоне гражданский показатель был 3-3, а в казармах Найтсбриджа - 17-5. Каждый, кто знал содержание доклада, понимал, что именно этот пункт вызовет сенсацию. Крымская война и ее перипетии начинали уходить в прошлое, особенно на фоне индийского мятежа; а реорганизация одного из департаментов армии вряд ли привлекла бы внимание общественности. Но в данном случае дело обстояло иначе: факты и цифры показывали, что

здоровье армии, даже когда она находилась дома и в мире, было позорно принесено в жертву официальным пренебрежением. В декабре должно было состояться заседание парламента, и, если ничего не будет сделано, наверняка будут заданы неприятные вопросы. За кулисами стояла властная и настойчивая женщина, твердо решившая, что нужно что-то предпринять. Ни минуты не отдыхая, не думая о перерыве или расслаблении, мисс Найтингейл с головой окунулась в новую кампанию.

ГЛАВА III

ПРИНУЖДЕНИЕ К ОТЧЕТУ (Август-декабрь 1857 года)

Нация благодарна вам за то, что вы сделали в Скутари, но все, что вы смогли сделать там, было мелочью по сравнению с тем добром, которое вы делаете сейчас" - сэр Джон Макнилл (*письмо Флоренс Найтингейл, декабрь 1857 г.*).

Реформаторы, знакомые с путями политического мира, чаще вздыхают, чем радуются, когда слышат, что тема, в которой они заинтересованы, "передана в Королевскую комиссию". Они знают, что шансы на то, что тема, как и отчет, будет положена на полку и останется там, - много к одному. Иногда ссылка - это хорошо понятный эвфемизм для такого намерения; и даже если это не так, есть много вещей, которые могут привести к такому же результату. Возможно, Комиссия подготовит целый ворох отчетов, из разноречивых голосов которых нельзя будет сделать никакого определенного вывода. В любом случае отчет или отчеты должны будут "привлечь пристальное внимание" правительства Его или Ее Величества, и это внимание, пристальное или нет, наверняка затянется надолго. Прежде чем процесс подойдет к концу, может произойти много событий, которые наложат свой отпечаток на рассматриваемую тему. Каждое поколение реформаторов видит определенное количество тем, к которым оно прикипело душой, глубоко запрятанными под грудой "Синих книг".

Это была опасность, с которой мистер Герберт и мисс Найтингейл были столкнуты в августе 1857 года в случае их Королевской комиссии по санитарному состоянию британской армии. От риска двусмысленного отчета они, конечно, предохранились заранее; но с опасностью определенного отчета, не приведшего к немедленным действиям, еще предстояло встретиться. Мистер Герберт был не менее озабочен, чем мисс Найтингейл, чтобы встретить его. Он не покладая рук трудился над созданием Комиссии; его труды окажутся напрасными, если доклад будет просто "голубиным". Они строили свои планы, исходя из соображений, упомянутых в конце предыдущей главы, а именно: влияние, которое разоблачения Королевской комиссии могут оказать на общественное мнение. Мистер Герберт в частном порядке изложил суть доклада лорду Панмуру. Он мог быть официально представлен и опубликован рано или поздно, как только пройдут переговоры с министрами. Мистер Герберт указал лорду Панмуру на то, что доклад "вероятно, привлечет всеобщее внимание"; что есть время принять меры по реформированию до того, как доклад станет известен общественности; что одновременная публикация как рекомендаций, так и основанных на них приказов и распоряжений "придаст престиж, который всегда сопровождается оперативностью". Мистер Герберт с радостью окажет посильную помощь в достижении этой цели. Он изложил суть дела со свойственной ему щепетильностью. Но за бархатом скрывалось железо. Публикация отчета могла быть отложена на некоторое время, но не на

неопределенный срок. Лорду Панмuru пришлось выбирать между обязательством немедленно провести реформу, чтобы заранее обелить правительство, и откладыванием реформы, в этом случае ему пришлось бы считаться с общественным мнением, разгоряченными разоблачениями доклада. А тем временем мисс Найтингейл все еще держала свой доклад в резерве, чтобы использовать его для обращения к общественному мнению, если в ходе переговоров не удастся добиться каких-либо гарантий скорейшего проведения реформ.

План активной реформы, согласованный между ней и мистером Гербертом, заключался в том, что должны быть назначены четыре подкомиссии, председателем каждой из которых будет сам мистер Герберт, для урегулирования деталей реформы и, в некоторой степени, для ее осуществления, в соответствии с общими рекомендациями отчета. Эти подкомиссии должны были по отдельности (1) привести казармы в санитарный порядок, (2) организовать статистический отдел, (3) учредить медицинскую школу и (4) реконструировать Медицинский департамент армии, пересмотреть Положение о госпиталях и разработать Ордер на продвижение офицеров-медиков. Последнее предложение, в силу его всеобъемлющего и очищающего масштаба, было названо мисс Найтингейл "Комиссией по очистке". Мистер Герберт отправил эти предложения лорду Панмuru 7 августа^[267], а через два дня написал мисс Найтингейл: "Панмур пишет достаточно справедливо, но он отправился стрелять рябчиков. Я попросил Александра встретиться со мной в Берлингтоне в среду в три часа, чтобы все обсудить и уладить. Так я избавился от вашего времени и комнат". Тетерева, однако, были не совсем готовы, и 14-го числа мистер Герберт поймал лорда Панмuru на крыло. Мистер Герберт, похоже, добился своего, четыре подкомиссии были согласованы в общих чертах, и, как он написал мисс Найтингейл в тот же день, он "смог уехать в Ирландию с более легким сердцем после встречи с Пэном. Но мне нелегко с вами. Вот я собираюсь целый месяц вести животный образ жизни, вставать рано, преследовать свое животное, ловить его, есть и ложиться спать. Почему же вы, делающие мужскую работу, не можете хоть в какой-то форме заниматься мужскими упражнениями?... Это моя прощальная проповедь. Я использую для того, чтобы отругать вас, свободу, которую мне не дает ничто, кроме моего сердечного уважения и привязанности к вам".

Мистер Герберт вполне заслужил свою месячную рыбалку. Но, как писал ей доктор Сазерленд, "одно совершенно ясно: женщины могут делать то, чего не сделают мужчины, и что женщины осмелятся сознательно страдать там, где мужчины будут уклоняться". Мисс Найтингейл не хотел, да и не мог, взять мужской отдых, потому что она чувствовала ее дело слишком интенсивно; она не могла быть с таким легким сердцем, как ее друг, потому что она знала "ее Пан" немного лучше, чем он. Доктор Эндрю Смит, как она слышала, вел упорную борьбу против реформ. Лорд Панмур оставался в Горных горах до глубокой осени, лишь пару раз наведываясь в Лондон. Его подчиненные как всегда усердно копили возражения. Он испугался собственных действий и в один прекрасный момент отозвал (но затем, под давлением, восстановил) полномочия, данные им для Подкомиссии по очистке. Мистер Герберт вернулся в Англию в сентябре и приехал в Лондон, чтобы повидаться с мисс Найтингейл перед первым заседанием первой подкомиссии. Прошло много недель, прежде чем все они были начаты. Она тем временем непрерывно работала, и доктор Сазерленд, живший в Хайгейте, постоянно был с ней. Она писала лорду Панмuru напоминания, "хотя я слышу, как вы говорите: "Опять эта надоедливая женщина", и умоляла мистера Герберта сделать то же самое. Она составляла инструкции и схемы для каждой из подкомиссий. Когда каждая из них приступала к работе, в ее комнатах проходили совещания, на которых решались все вопросы. Были периоды, как вспоминала впоследствии мисс Найтингейл, "когда Сидни Герберт собирал Общество, как он его называл, состоящее из "вас и меня,

Александра и Сазерленда, а иногда Мартина и Фарра", каждый день либо на Берлингтон-стрит, либо на Белгрейв-сквер, а иногда даже два или три раза в день". Несколько выдержек из ее переписки покажут масштабы ее работы и пылкость ее темперамента:.

7 августа (мисс Найтингейл сэру Дж. Макнилу). Реорганизация Медицинского департамента армии в части его управления была проведена комиссией почти в той форме, которую вы рекомендовали. Мистер Герберт, который вчера вечером уехал из города на несколько дней, попросил меня составить схему того, чем должны заниматься эти новые люди. И теперь я осмеливаюсь приложить ее к вашему письму, убедительно прося вас рассмотреть ее и отправить мне обратно с вашими замечаниями в самое короткое время, какое только возможно. Мы перевели подкомиссию по казармам в Панмюр, доктор Сазерленд будет руководителем санитарной службы.

29 сентября (мистер Герберт - мисс Найтингейл). Пан все еще стреляет. По-моему, это бессовестно. В будущем вы должны защищать бизонов, потому что я этого делать не буду.

10 октября (мисс Найтингейл - сэру Дж. Макнилу). Я не скажу ни слова об Индии. Вы знаете о ней гораздо больше, чем кто-либо из присутствующих. За последние три года мы видели ужасные вещи, но ничто, на мой взгляд, не было так ужасно, как нечеловеческое и глупое безразличие Панмура в этом случае! Я уже три года "служу" в военном министерстве. Когда я начинал, была неспособность, но не безразличие. Теперь есть неспособность и безразличие.... Приезд Панмура в город на прошлой неделе в четверг был следствием постоянных напоминаний.... И он снова уедет после следующей индийской почты. То, что Индию придется оккупировать британскими войсками в течение нескольких лет, я полагаю, не подлежит сомнению. И если всепоглощающий интерес к этой индийской теме не уменьшает необходимости немедленного проведения реформ, предложенных нашей комиссией, то, я уверен, вы согласитесь, что сейчас они тем более жизненно важны для самого существования армии. Я приехал [366] в город [из Малверна] в четверг на неделе и встретился с мистером Гербертом с этой целью. Панмур ничего не предпринял. Тогда от него потребовали, чтобы четыре подкомиссии... были изданы *немедленно*. Инструкции были утверждены П. семь недель назад. Однако прошла неделя, а мы ничего не слышали. Я, однако, не оставлю П. в покое, пока это не будет сделано. На карту поставлена честь мистера Герберта, что дает нам возможность завладеть им. Без него, конечно, я ничего не смогу сделать.

9 ноября (сэр Дж. Макнилл - мисс Найтингейл). Теперь мы можем рассчитывать на то, что что-то будет сделано, чтобы избавить страну от греха и позора, вызванных столь преступным пренебрежением к нашим солдатам. Я радуюсь, что вы увидите плоды своих трудов на их благо.

15 ноября (мисс Найтингейл - сэру Дж. Макнилу). Вот я и снова здесь. Панмур предоставил "комиссии по протирке" такие обширные инструкции по "подготовке проекта инструкций и правил", определению обязанностей и т.д. и т.п. и пересмотру "Королевского устава, казарменного, снабженческого и госпитального уставов", что вы, наверное, догадаетесь, когда я скажу вам, что их написал я. Мистер Герберт, кроме того, должен прислать Панмуру "Устав" для Медицинского совета армии и ордер на "повышение" самого себя. Все, что теперь необходимо, - это держать мистера Герберта в курсе дела. Сильная сторона его характера - простота и откровенность, чрезвычайная быстрота восприятия; недостаток - чрезмерная эклектичность. Десять лет я пытался добиться от него выражения своего мнения, но так и не добился успеха.... Эта новая подкомиссия возлагает на меня труд, за который я с радостью берусь, - составление проекта Положения, который должен быть представлен

мистеру Герберту в качестве предложений к проекту, который он предложит подкомиссии. Эти правила должны, конечно, *рифмоваться* с Отчетом. Я думаю, вы бы рекомендовали и т. д. и т. п.

1 декабря (мисс Найтингейл - сэру Дж. Макнилу). Это первый черновой вариант Положения, написанного в основном мной, который мистер Герберт представит Комитету по Положению в понедельник. Я посылаю их вам с его санкции, умоляя вас сильно сократить их и отправить обратно как можно скорее. Я, от своего имени, обращаю ваше особое внимание на критику Положения о медицинских сестрах. Вы, конечно, понимаете, что мое имя здесь не фигурирует. Нам очень жаль доставлять вам эти хлопоты, но мы чувствуем необходимость получить ваш совет.

14 декабря (миссис Герберт - мисс Найтингейл). Дорогая, Сидни хочет, чтобы я послала тебе эти письма, если ты будешь так добра и просмотришь их. Я знаю, что это неправильно.

//

В начале этой главы приводится цитата из более позднего письма сэра Джона Макнилла. Он считал, что по сравнению с той работой, которой она занималась сейчас, то, что она делала в Скутари, было "мелочью" - "просто детской забавой", - так она сама выразилась, делая это сравнение. Предшествующие страницы, я думаю, склонят читателя к такому же выводу или, во всяком случае, позволят ему понять, что имели в виду мисс Найтингейл и сэр Джон. И эту большую и трудную работу выполняла женщина, которая уже подвергла свои физические силы опасному испытанию на Востоке и которой теперь, по мнению компетентных наблюдателей, грозил полный упадок сил. Из членов так называемого "кабинета" сэр Джон Макнилл был тем, чьи интеллектуальные способности и суждения вызывали у нее глубочайшее уважение, к мистеру Герберту она была привязана больше всего, но и доктору Сазерленду она иногда открывала свои внутренние мысли и чувства. У него был несколько своенравный нрав, что попеременно радовало и раздражало деловитую леди-главную, но он был незаменимым помощником, в то время как его жена мисс Найтингейл вызывала глубокую привязанность, и обе женщины обменивались интимными религиозными переживаниями. Все друзья мисс Найтингейл, и особенно доктор Сазерленд как медик, видели, что она переутомляется. Смена воздуха и уединение она сама чувствовала себя вынужденной искать; и она нашла их в Малверне, в учреждении доктора Джонсона, который переехал туда из Умберслейд[268]; но отдыхать от работы она не хотела, да и не могла. Она была в Малверне в августе и сентябре, а в декабре - снова. Ее верная тетя Май - ее "настоящая мать", как называла ее в это время племянница, - присматривала за ней и в Малверне, и в Лондоне. Общество собственной матери и сестры с их многочисленными и живыми интересами отвлекало ее. Будь то в Берлингтоне или в Малверне, она хотела использовать каждый час сил для работы и ни для чего другого. И когда доктор Сазерленд присоединился к остальным, умоляя ее остановиться, на сердце у нее было тяжело. Ей было обидно, что ее друг так мало ее понимает. Она догадывалась, что его подтолкнула к этому сестра. В это время она болезненно переживала, что никто из членов семьи, кроме тети Май, не должен знать, как она больна. Как было показано в первой части этих мемуаров, она добилась свободы для самостоятельной жизни, заплатив за это огромную цену. Возможно, в нынешнем изможденном состоянии ее преследовал страх, что назойливая забота семьи может заманить ее обратно в клетку. В конце августа доктор Сазерленд написал два письма, умоляя ее отложить все дела. По его словам, она думала о "санитарном оздоровлении" всех, кроме себя. "Оставьте нас на время одних, солдат и всех остальных. Нам всем будет лучше,

если мы отдохнем. Даже ваш "божественный Пэн" станет более музыкальным, если его не будут так часто бить. Что касается мистера Сидни Герберта, то он, должно быть, на седьмом небе. Прошу вас, не подшучивайте над доктором Гулли, но ешьте, пейте и не думайте. Когда вы вернетесь, мы устроим такой замечательный переполох. В тот день, когда вы уехали из города, мне показалось, что вся ваша кровь требует обновления, а это невозможно сделать за неделю. У вас должна быть новая кровь, иначе вы не сможете работать, а новую кровь нельзя сделать из чая, по крайней мере, насколько я знаю. Есть статья доктора Кристисона о 28 унциях твердой пищи на день. Вы знаете, где она находится, и будьте уверены, доктор прав.... А теперь я выполнил свой долг исповедника и надеюсь, что найду вас послушным кающимся". На это письмо она ответила следующим образом.

(Мисс Найтингейл - доктору Сазерленду.) И что же я скажу в ответ на ваше письмо? Кто-то однажды сказал: "Кто хочет сохранить свою жизнь, тот потеряет ее; и что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет? Я полагаю, он имел в виду, что "жизнь" - это средство, а не цель, и что "душа", или цель жизни, - это цель. Возможно, он был прав. В каком отношении я мог бы поступить иначе, чем поступил? Или какое усилие я предпринял, которое можно было бы не предпринимать?... Если бы я "потерял" Отчет, что бы мне дало здоровье, которое я должен был сохранить? Или что бы мне дали десять лет жизни, обмененные на десять недель этого лета? Да, но, скажете вы, вы могли бы ходить пешком, ездить на машине или есть мясо. Ну, раз уж мы зашли о *чувствах*, позвольте мне сказать вам, о доктор, что после любой прогулки или поездки я всю ночь просидел с сердцебиением. А вид животной [369] пищи усиливал недомогание. Здешний человек уложил меня, как только я приехал, на диван и велел не двигаться и вообще не принимать твердой пищи, пока не утихнет пульс. Я напоминаю себе маленькую собачку, моего друга, которая залаяла в апоплексическом припадке, когда собачий доктор сделал что-то, против чего она всегда возражала. Теперь я довел себя до припадка. Вы считаете меня одной из барышень Байрона? Думаю, именно он ввел в моду небольшой аппетит. Или вы считаете меня аскетом? Аскетизм - это баловство энтузиаста со своей властью, грубое кокетство со своим эгоизмом или тщеславием, при отсутствии какой-либо достаточно великой цели, чтобы использовать первое или преодолеть последнее. Или, поскольку я говорю с художником и должен иллюстрировать, а не определять, "Христос делла Монета" Тициана в Дрездене - это аскет. Картина Альберта Дюрера в Нюрнберге "Er ist vollbracht" - это Христос, которого мы называем примером, хотя мало что делаем из него. Ведь наша церковь замазала этот нежный, прекрасный образ грубыми кровавыми красками, пока он не стал похож на вывеску придорожного трактира. А другая мистифицировала его до такой степени, что он стал Богом, а Бог - Дьяволом. Но разве мы не должны поступать так, как поступал Христос? И когда он сказал "Сын Человеческий", не имел ли он в виду сынов человеческих? Он не был аскетом.

Но должен ли я сказать вам, что заставило вас написать мне? У меня нет второго зрения, я не вижу видений и не вижу снов. Это была моя сестра. Вернее, я скажу вам, что у меня есть второе зрение. В последнее время меня очень мучает вид моей бедной совы [269], без головы, без жизни, без когтей, лежащей в клетке вашей канарейки (как статуя Рамсеса II в бассейне в Мемфисе [270]), и маленького негодяя, клюющего ее. Так вот, это я. Я лежу без головы, без когтей, а вы все клюете меня. Это *de rigueur, d'obligation*, подобно тому, как говорят что-то в шляпу, когда идут в церковь, - говорить мне все то, что говорили мне 110 раз в день в течение последних трех месяцев. Это - скрипичное *гоблинато*, и двенадцать скрипок упражняются в нем все вместе, как часы, бьющие 12 часов ночи по всему Лондону, пока я не скажу, как Ксавье де Местр: "*Assez, je le sais, je ne le sais que trop*". Я не каюсь, но вы похожи на исповедника Р.К., который говорит то, что *принято*, то, что положено говорить в его Формуляре, и никогда не доходит до сути дела, до его корня".

(Доктор Сазерленд - мисс Найтингейл.) Хайгейт, 7 сентября. [370] Что я могу сказать, мой дорогой друг, на ваше длинное ругательное письмо?... Вы решительно неправы, выдавая себя за дохлую сову и думая, что я вместе с другими, столь же милосердными людьми, клевал вас. Это мне досталось, хотя я надеюсь, что я не сова и не мертвец; а ваш маленький клюв - один из самых острых. Но, как хороший, живой герой, я переношу все это с радостью, потому что так я выполняю свой долг перед тобой. Я хочу, чтобы ты жил, я хочу, чтобы ты работал. Ты хочешь работать и умереть, а это совсем нечестно. Я всем сердцем восхищаюсь твоим героизмом и самоотверженностью, но, увы! Я не могу забыть, что все это в рамках слабого, погибающего тела; и разве я должен поощрять тебя изнурять себя в тщетных попытках победить не только людей, но и *время*? Вы не знаете, каких усилий мне стоило видеть, как вы ежедневно умираете на дюймы, выполняя работу, подходящую только для самого сильного телосложения.

Доктор Сазерленд убеждал ее взять хотя бы неделю полного отдыха. Но она не хотела. Ее дело - жизнь, и она не могла ради жизни потерять то, что только и делало жизнь достойной. Пока они медлили, солдаты умирали. Ее работа не могла ждать. Она умоляла его приехать в Малверн и поработать с ней, чтобы к моменту возвращения мистера Герберта с рыбалки у них все было готово к представлению мистеру Герберту в Лондоне. Доктор Сазерленд написал множество отговорок. Миссис Сазерленд выдвигала встречные предложения. Почему бы мисс Найтингейл вообще не остаться в Малверне? "Не мог бы мистер Герберт, - писала она (11 сентября), - съездить к вам на несколько дней, уладить все вопросы, а затем ежедневно общаться с вами посредством писем? У вас столько такта, что вы смогли бы сохранить свое влияние. Подумайте, возможно ли это. Я не хочу этого, ведь если вы приедете в Лондон, я смогу хоть мельком увидеть ваше дорогое лицо". Но мисс Найтингейл упорствовала, и доктор Сазерленд сдался. Он отправился в Малверн, там заболел сам, а мисс Найтингейл сообщила его жене о прогрессе "больного ребенка". Но оба инвалида, мы можем быть уверены, говорили не только о своих недугах.

///

Мисс Найтингейл была настолько не в настроении поддаваться своей физической слабости, что предложила отправиться в Индию, где ее подруга леди Каннинг была на стороне вице-короля во время мятежа. "Мисс Найтингейл написала мне, - писала леди Каннинг своей матери (14 ноября), - она нездорова и находится в Малверне, но говорит, что приедет за двадцать четыре часа, если я сочту, что ей есть чем заняться по ее "роду деятельности". Я думаю, что здесь ничего нет, потому что раненых, нуждающихся в настоящем уходе, немного, а местных слуг и помощников, которые могут делать перевязки, предостаточно. Только один человек, который был очень болен дизентерией, умер с тех пор, как мы побывали в госпитале две недели назад. Больницы в сельской местности слишком разбросаны для организации сестринского дела, и вряд ли можно было бы еще посылать туда женщин". [271] Мисс Найтингейл была очень серьезна в своем предложении, ведь она делала его дважды: сначала через мистера Герберта, а затем в личном письме, переданном ее кузеном, майором Николсоном, который в это время получил приказ отправиться в Индию. Она считала себя солдатом в строю; и хотя она была поглощена работой на благо армии дома, активная служба в полевых условиях показалась бы ей более важным призванием. Если бы вице-король почувствовал необходимость принять предложение мисс Найтингейл, возможно, ее сила воли и возбуждение деятельности могли бы выдержать это испытание; но у нее почти не было сил для работы, которой она уже занималась.

Яркое описание ее повседневной жизни в этот период, в Малверне и в Лондоне, можно найти в письмах ее сестры: - (леди Верни - мадам Верни).

(*Леди Верни - мадам Моль.*) [Сентябрь 1857 г.] Счета Ф. были очень тревожными. Тетя Май говорит, что она спит не более двух часов в ночь, и ее лихорадит, она очень слаба и не может есть. Она никогда не выходила из той комнаты, где вы ее видели, и в течение месяца почти не вставала с дивана. Теперь она спускается на полчаса в гостиную, чтобы заняться делами с комиссаром, который пришел ее навестить. Тетя Мэй говорит, что откладывать работу ради "дела", ради которого она живет, отнимает у нее больше сил, чем делать понемногу каждый день, так что мы примирились. Вторник, по ее словам, был очень беспокойным днем, и Ф. сказала, что чувствует себя так же, как во время выздоровления от лихорадки в Балаклаве. И все же оба доктора говорят, что болезни нет, что это только полное истощение всех органов от переутомления и что только отдых [372] восстановит ее - отдых гораздо более длительный, чем она сама себе даст, я боюсь. Она принимает по две "пачки" в день; это все водолечение; оно, кажется, сбивает пульс, и она лежит у открытого окна большую часть дня, не читает и не пишет, а просто неподвижна. Ей нигде не может быть лучше, никто не может к ней подобраться; тетя Май - дракон, а комиссар - единственный человек, который ее видел. Тетя М. говорит: "Я не могу скрыть от себя, что она в очень тяжелом состоянии".

(*Леди Верни - М. Моль.*) [5 декабря 1857 г.] Бюллетень тети Мей в целом одинаков: "Мистер Герберт - 3 часа утром, доктор Сазерленд - 4 часа после обеда, доктор Бальфур, доктор Фарр, доктор Александер в промежутках". Они разрабатывают новые правила (но об этом нельзя говорить. Ф. так же боится, что о ней узнают, что она имеет к этому отношение, как другие люди боятся получить почет) Доктор Сазерленд на днях сказал тете Мэй, что "ясность и сила ума Ф., ее необыкновенные способности, ее понимание интеллекта и доброжелательность сердца поражали его все больше и больше по мере работы с ней, что никто, кто не видел ее доказанной и испытанной, как он, не может представить себе степень того и другого". "Самое одаренное из Божьих созданий", - называл он ее. И то, как решительно она не позволяет никому узнать, что она задумала, так любопытно. Она даже не говорит нам; мы узнаем об этом только от этих мужчин. Она убивает себя работой (которую, по их словам, никто больше не может делать, ни у кого больше нет ни нити к ней, ни упорства), и все равно никто никогда об этом не узнает. Другие будут пользоваться всеми заслугами того, что она предложила и внедрила, ценой, можно сказать, жизни и всяческого комфорта, ибо это невыносимая жизнь, которую она ведет, - лежать между привалами, чтобы иметь возможность продолжать работу, не видеть самых близких, потому что при таком учащенном дыхании все разговоры, кроме необходимых, и все волнения должны быть исключены, чтобы она могла посвятить все силы работе....Тетя Мэй сегодня опять говорит, что мистер Герберт бывает у нее иногда два раза в день, а доктор Сазерленд - целый день (но, пожалуйста, никому не говорите), потому что только она одна может сообщить факты, которыми никто другой почти не владеет, потому что она знает, как устроено все, что никто другой не проследил, у нее на кончиках пальцев и мельчайшие детали, и великие общие взгляды на все - что нужно получить и чего избежать".

Пока мисс Найтингейл лежала больной в Малверн, она была ухаживать в подделке в Манчестере. Ее родители и сестра приехали в Манчестер, чтобы посмотреть на "Выставку художественных сокровищ", и газеты включили Флоренс в состав группы. Экскурсанта, писала леди Верни, приняли леди Ньюпорт, "очень миловидную женщину в черном", за Флоренцию и "обращались с ней как со святой средневековья". "Позвольте мне только прикоснуться к вашей шали", - говорили они, толпясь вокруг, или "Позвольте мне погладить вашу руку". Миссис Гаскелл сказала мне, что мы даже не представляем, насколько глубоки чувства к вам в сердцах людей".

Возможно, это чувство было бы еще глубже, если бы люди знали о работе, которую мисс Найтингейл все еще делала, и о ее слабом здоровье, от которого она страдала. В конце 1857 года она подумала, что смерть может настигнуть ее в разгар работы с Сиднеем Гербертом, и написала ему письмо, которое "будет отправлено, когда я умру":-.

30 Олд-Берлингтон-стрит, 26 ноября 1857 г. Дорогой мистер Герберт...(1) Надеюсь, вы не будете сожалеть о способе моей смерти. Я знаю, что вы будете достаточно добры, чтобы сожалеть о самом факте смерти. Вы иногда говорили, что жалеете о том, что наняли меня. Уверяю вас, это помогло мне выжить. Мне жаль, что я не остался в живых, чтобы заниматься "Медсестрами". Но я ничего не могу поделать. "Господи, вот он я, пошли меня" всегда было для меня религией. Я должен быть готов ехать сейчас, как я ехал на Восток. Вы знаете, я всегда считал, что это величайшая из ваших милостей - послать меня туда. Может быть, Ему нужен "санитар" для моих крымчан в каком-нибудь другом мире, где их уже нет.- (2) Теперь я не опасаясь за армию. Вы всегда были нашим "Сидом" - истинным рыцарским родом, который должен быть защитником того, что слабо, уродливо, грязно и не защищено, а не того, что красиво и художественно. Сейчас вы таковы, как никогда, для нас. "Мы" на моем языке означает войска и я. - (3) Надеюсь, у вас не будет рыцарских представлений о том, что "причитается" моей "памяти". Единственное, что может быть "должным" мне, - это то, что полезно для войск. Я всегда думал так, пока был жив. И вряд ли буду думать иначе теперь, когда я мертв. Что бы вы ни приняли от меня, ваше собственное суждение придет с гораздо большей силой от вас самих. То, что вы отвергли, не будет иметь никакой силы.- (4) Однако то, что еще предстоит сделать, уже одобрено вашим решением: (i.) в отношении Медицинского совета армии, Медицинской школы армии, схемы общего госпиталя, гимнастики; (ii.) в отношении того, что доктор Сазерленд должен сделать для санитарного отделения; (iii.) в отношении колониальных казарм - Канадской, Средиземноморской, В. и Е. Индийской.- (5) Мне очень жаль, что так получилось с медсестринской программой. Это похоже на то, чтобы оставить ее на произвол судьбы. Миссис Шоу Стюарт - единственная женщина, которую я знаю, которая подойдет на должность суперинтенданта армейских медсестер.- Поверьте, [374] меня когда-нибудь, пока я могу сказать: "Благослови вас Бог, ваш с благодарностью, Ф. Найтингейл".

Затем она попросила дядю помочь ей составить завещание. Ее беспокоил Фонд Найтингейл, управлению которым она пока не могла уделить внимание. Она предложила оставить его больнице Святого Томаса. Имущество, на которое она в конечном итоге будет иметь право после смерти отца и матери, она предложила использовать для строительства образцового барака в соответствии с ее идеями; "то есть с дневными комнатами для мужчин, отдельными местами для сна (как в приюте Джебба в Фулхэме), туалетами, гимнастическими местами, комнатами для чтения и т. д., не забывая о женах, но имея что-то вроде образцового дома для женатых мужчин". В письме, адресованном дяде, она назвала сэра Джона Макнейла, мистера Герберта и доктора Сазерленда людьми, которые могли бы наилучшим образом осуществить этот план. Она включила в письмо несколько семейных завещаний, но больше всего ей хотелось оставить личные сувениры миссис Герберт и другим друзьям, которые "долго и преданно работали для нее". Для этого, чтобы не возникало вопросов о владении, она попросила сестру прислать в Лондон из Эмблей различные вещи и предметы, которые были связаны с ней лично. И у нее было еще одно желание; оно касалось ее "детей". "Ассоциации с нашими мужчинами, - писала она сестре (11 декабря), - вызывают у меня то, чего я никак не ожидала, - суеверие, которое заставляет меня желать быть похороненной в Крыму, как бы абсурдно это ни было. *Ведь их там нет*".

ГЛАВА IV

ПОЖИНАЯ ПЛОДЫ (1858-1860)

С больными руками и кровоточащими ногами
Мы копаем и наваливаемся, кладем камень на камень;
Мы несем бремя и жару
долгий день, и желаем покончить с этим.
Пока не вернутся часы света,
все, что мы построили, мы увидим.

Мэтью Арнольд.

"Теперь вы должны почувствовать, - писал сэр Джон Макнил мисс Найтингейл (13 мая 1858 года), когда ее работа по оздоровлению британских солдат дома начала приносить плоды, - что вы трудились не напрасно, что вы сделали свой талант десяти талантов, и что вам, как никому другому из живущих мужчин или женщин, отныне будет причитаться благополучие и эффективность британской армии". Наполеон говорил, что в военном деле моральные силы соотносятся с физическими как четыре к одному, но вы показали, что он сильно недооценивал их значение. Быстрота, с которой вы добились единодушного согласия с вашими принципами, намного превосходит мои ожидания. Я никогда не смел сомневаться в том, что истина, справедливость и милосердие восторжествуют, но я не надеялся прожить достаточно долго, чтобы увидеть их торжество, когда мы впервые заговорили здесь о таких вещах.^[272] Я благодарю Бога за то, что дожил до вашего успеха". Благодарность сэра Джона была вызвана тоном и результатом дебатов, которые состоялись в Палате общин 11 мая 1858 года. Лорд Эбрингтон, побуждаемый мистером Гербертом и мисс Найтингейл, выдвинул ряд резолюций, касающихся здоровья армии, основанных на отчете Королевской комиссии. Он сделал особый акцент на цифрах, которые, благодаря проницательности и профессионализму мисс Найтингейл, сравнивают смертность в армии и в гражданской жизни соответственно; он обратил внимание на ужасное состояние казарм, и его Резолюции завершились следующим образом: "По мнению этой палаты, улучшения настоятельно требуются не только в силу хорошей политики и истинной экономии, но и в силу справедливости и гуманности". Правительство приняло резолюции, и кампания мисс Найтингейл получила единодушное одобрение Палаты общин.

Она работала неустанно и по многим каналам, и она продолжала работать, чтобы сосредоточить и стимулировать общественное мнение в смысле резолюций лорда Эбрингтона. К концу 1857 года подкомиссии по реформе армейской медицины добились значительного прогресса, и вот-вот должен был быть опубликован отчет Королевской комиссии. Она придумала эффективное средство, чтобы донести его основные положения до каждого человека, наиболее заинтересованного во вреде или наиболее влиятельного в обеспечении необходимых мер. Я уже упоминал (стр. 352) о ее диаграммах, иллюстрирующих смертность в британской армии. Подготовленные с помощью доктора Фарра, они с первого взгляда, с помощью заштрихованных или окрашенных квадратов, кругов и клиньев, наиболее эффективно показывают (1) смертность по предотвратимым причинам в госпиталях во время Крымской войны и (2) уровень смертности в британской

армии на родине: "Наши солдаты поступают на службу", как она выразилась, "чтобы умереть в казармах". Она написала меморандум, объясняющий диаграммы и указывающий на их мораль, и отпечатала 2000 экземпляров. Эта анонимная публикация под названием *"Смертность британской армии"* в ее переписке получила название *"Коксокомы"*, в первую очередь из-за формы и цвета ее диаграмм. Она предложила, и мистер Герберт согласился, включить меморандум и диаграммы в качестве приложения в его отчет, чтобы ее памфлет мог появиться как "Перепечатанный из отчета Королевской комиссии" и таким образом получить большой авторитет. Как только отчет был опубликован, она распространила свои *"Коксограммы"* среди королевы и других членов королевской семьи, министров, ведущих членов обеих палат парламента, а также среди медицинских и командных офицеров по всей стране, в Индии и в колониях. Несколько копий диаграмм были застеклены и вставлены в рамки, а три из них она отправила в Военное министерство, Конную гвардию и Медицинский департамент армии. Я не знаю, повесили ли эти ведомства настоящие. "Это наш фланговый марш на врага, - писала она, отправляя раннюю копию сэру Джону Макнилу, - и мы могли бы дать ему старое название *"Божья месть за убийство"*".

Отчет Королевской комиссии появился в начале февраля (1858), и секретарь послал одну из самых ранних копий мисс Найтингейл. "Он мне очень нравится, - ответила она (5 февраля), - я думаю, что он очень красив. Леди Туллок говорит, что я делаю свою подушку из голубых книг. Так оно и есть". Однако она не стала спать из-за этого. Она сразу же принялась за дело. Среди ее бумаг есть любопытная коллекция писем и записок, частично написанных ее почерком, частично почерком мистера и миссис Герберт, показывающая, как усердно они трудились, натягивая проволоку в прессе. Ежемесячные и ежеквартальные обзоры в те дни считались очень важными для влияния на общественное мнение, и мисс Найтингейл составила и отправила на критику мистера Герберта список основных из них, указав напротив каждого журнала или обзора имя писателя, которого она обозначила как идеального автора статьи по докладу. Они с таким же трудом подбирали роли, с каким театральный менеджер подбирает актеров. Лорд Стэнли, например, обещал написать статью, но он был категоричен в отношении места, где он должен появиться. Это должно быть *"Вестминстерское обозрение"* или где-нибудь еще, а мисс Найтингейл уже выделила это место главной звезде, самому мистеру Герберту.^[273] Кроме того, в данном случае менеджеры составляли актерский состав для чужих домов, а редакторы не во всех случаях оказывались сговорчивыми. Мистер Элвин, редактор *"Квартала"*, отклонил представленную ему статью. Но мистер Рив из *"Эдинбурга"*, был старым другом мисс Найтингейл, и он принял ее кандидатуру, хотя и вызвал ее недовольство, искажив статью в интересах министерства. Однако в ежедневных, ежемесячных и квартальных газетах доклад в целом получил "хорошую прессу" и, что не менее важно для влияния на общественное мнение, оперативную прессу.

//

Едва все было улажено, как разразился политический кризис, который привлек мисс Найтингейл и ее союзников к дополнительной работе. Правительство лорда Пальмерстона потерпело поражение по законопроекту о заговоре и ушло в отставку. К власти пришел лорд Дерби (25 февраля), а генерал Пиль стал военным министром. На этом мы прощаемся с "бизоном". Он до последнего медлил. Мистер Герберт надеялся, что Армейская медицинская школа будет создана в январе, и написал мисс Найтингейл, чтобы она предложила подходящих людей на различные должности - "не то, - добавил он в отчаянии, - чтобы Панмур назначил кого-нибудь, даже если бы ангел Гавриил предложил себя, святого Михаила и всех ангелов занять различные должности. Он очень медлителен". В конце года

мисс Найтингейл официально рассталась с лордом Панмуром, послав ему экземпляр одной из своих книг. "Вы меня шокируете, - ответил он из Хайлендса (ноябрь), - сказав, что я однажды назвал вас "буйным парнем". Если бы это сказал кто-то другой, я бы отрицал это, но я, должно быть, был гнусно груб. Примите мои извинения; а чтобы подкупить вас, я посылаю вам коробку рябчиков". Поначалу мистер Герберт возлагал большие надежды на преемника лорда Панмура. Мисс Найтингейл и мистер Герберт были особенно обеспокоены личным вопросом. Медицинский департамент армии еще не был реформирован, и было известно, что сэр Эндрю Смит скоро уйдет в отставку. По старшинству сэр Джон Холл мог претендовать на эту должность, и его назначение, по мнению союзников, было бы губительным для дела реформы; по их мнению, было бы бесполезно разрабатывать новые правила без вливания новой крови. Поэтому это был первый вопрос, по которому были сделаны представления преемнику лорда Панмура. "Я видел генерала Пилля, - писал мистер Герберт мисс Найтингейл (27 февраля), - и он обещал не делать никаких назначений и не предпринимать никаких шагов в отношении медицинского департамента или санитарных мер, пока не посоветуется со мной. Я думаю, что Пилль может добиться хороших результатов, если мы сможем ввести его в курс дела". Генерал Пилль должным образом выполнил их пожелания по этому личному вопросу. "Надеюсь, мы можем считать, - писал мистер Герберт мисс Найтингейл (25 мая), - что Смита действительно больше нет. Бесполезно пытаться осознать огромную важность такого факта". Теперь они должны, продолжал он, "решить вопрос о назначении Александра". Через три дня он написал доктору Сазерленду: "Пожалуйста, передайте мисс Н., что я предостерег Пилля от ожидаемой рекомендации сэра Дж. Холла, и он, я думаю, будет готов к ней прислушаться. Вчера я написал ему по другому поводу и немного похвалил Александра". Таково нежное искусство влияния на министров. 11 июня доктор Т. Александер был назначен преемником сэра Эндрю Смита. К несчастью, доктор Александер скоропостижно скончался в начале 1860 года, но для реформаторов, в то время как медицинский департамент армии перестраивался, было очень важно, чтобы во главе его стоял один из них, а не сторонник *старого режима*. "Не могу выразить, - писал мистер Герберт мисс Найтингейл (16 сентября 1858 года), - как я рад получить ваш рассказ об Александре. Все в будущем должно зависеть от него. Вы не можете держать комиссию, постоянно сидящую *in terrorem* над Генеральным директором, а Александр, кажется, способен и хочет быть своей собственной комиссией". Таким образом, союзники сделали по крайней мере один хороший ход в деле с генералом Пилем. Другой новый министр - лорд Стэнли, министр по делам колоний, - также был полезен. "Он отправит *Кокскома* к колониальным губернаторам", - писал мистер Герберт (16 марта); "он предложил все услуги, которые его положение может позволить ему оказать, чтобы помочь нашему делу, и предлагает, чтобы комиссия проинспектировала колониальные казармы, и он предлагает обсудить этот вопрос с вами". Вскоре, однако, лорд Стэнли был переведен из Колониального в Индийский офис; где мисс Найтингейл заручилась его интересом к другой санитарной кампании, которая в дальнейшем должна была заполнить большое пространство в ее рабочей жизни, как будет показано в одной из последующих частей. Итак, новое правительство казалось многообещающим; но вскоре стало казаться, что в Военном министерстве паутина оказалась не под силу новой метле. Некоторые реформы были проведены, но постоянные чиновники оставались такими же препятствиями при генерале Пиле, как и при лорде Панмуре. "Эти заместители военного министерства, - писал мистер Герберт мисс Найтингейл (29 июня), - просто невыносимы: полдюжины парней сидят за составлением протоколов просто ради забавы на тему, о которой они ничего не могут знать! Пил не должен позволять этим субститутам вмешиваться, портить и задерживать, как они это делают. Этот офис нуждается в тщательной перестройке, но я сомневаюсь, что Пил - тот человек, который может это сделать. У него ясная голова и здравый смысл, но я думаю, что

он перегружен объемом работы, которую Пэнмур, просто никогда не пытавшийся ее делать, нашел такой легкой".

Но как в надежде и заботе, так и в страхе и гневе, мистер Герберт и мисс Найтингейл неустанно работали над своими реформами. В течение всего 1858 года она находилась в очень слабом состоянии здоровья. Как и прежде, она делила свое время между Малверном и Олд-Берлингтон-стрит, путешествуя туда и обратно в инвалидной коляске, в сопровождении мистера Клафа, теперь присягнувшего ей на верность. Ее тетя, миссис Смит, по-прежнему часто навещала ее. Отец некоторое время находился с ней в Малверне и, как и все остальные, советовал отдохнуть. "Что ж, мое дорогое дитя, - писал он потом из Леа-Херста (25 сентября), - не так уж мало значит снова увидеть твой почерк и поверить, что ты жива более чем наполовину. Но хуже всего то, что от тебя не зависит настойчивость в лечении себя, в то время как тебе нужно лечить столько других. Я часто удивляюсь, как это вы, так мало заботящиеся о своей собственной жизни, можете с такой удивительной любовью относиться к жизни других". Она редко виделась с матерью и сестрой. В июне 1858 года ее сестра вышла замуж. "Большое спасибо, - писала мисс Найтингейл леди Макнилл (17 июля), - за ваши поздравления по поводу замужества моей сестры, которое состоялось в прошлом месяце. Ей это нравится, а это главное. А мой отец очень любит сэра Гарри Верни, что еще лучше. Он стар и богат, что является недостатком. Он активен, у него есть своя воля и четверо готовых детей, что является преимуществом. Незамужняя жизнь, по крайней мере в нашего класса, забирает все и ничего не отдает этой бедной земле. Она ничем не рискует, она не дает никакого залога жизни. Так что в целом, я думаю, эти размышления склоняются к одобрению". Про себя она "думает, - писала тетя, - что каждый день может оказаться последним, когда у нее будут силы работать".

Ее союзник, мистер Герберт, также чувствовал напряжение. На его плечи легла работа всех четырех подкомиссий, и время от времени в течение этого года (1858) он срывался - один раз под острым приступом плеврита. Теперь настала очередь мисс Найтингейл читать ему лекции. Она написала миссис Герберт, умоляя ее не позволять Сиднею звонить. "На самом деле я не болен, - писал он (18 марта), - я только мокрый и слабый, в то время как я всегда прекрасно выздоравливаю, и ваш визит завтра не принесет мне никакого вреда, а только наоборот". Она написала самому мистеру Герберту, предложив полечиться в Малверне. "Я хотел бы приехать, - сказал он (16 сентября), - посмотреть на место, куда, как мне кажется, я когда-нибудь отправлюсь, и увидеть вас эпизодически, если только вы не предпочтете, чтобы вас не видели". Но я не думаю, что кто-то из союзников ожидал или желал, чтобы другой последовал совету, которым они обменялись. Хорошо это или плохо, но каждый из них работал не покладая рук.

///

Что касается казарм, то мистер Герберт проделал более сложную работу.^[274] Он инспектировал казармы и госпитали по всему королевству; он писал или пересматривал каждый отчет по ним. Но он, или доктор Сазерленд, или капитан Гальтон, или все они, докладывали о результатах каждой инспекции своему "шефу", как они иногда ее называли, и она была неизменна в предложениях и критике. Когда в лондонских казармах проводился капитальный ремонт (генерал Пил получил от казначейства значительный грант на немедленные улучшения), в дело вступило "женское чутье". Она призвала на помощь своего крымского коллегу, мистера Сойера, и взяла в свои руки улучшение кухонь. Работа была только начата, когда господин Сойер внезапно умер. "Его смерть, - писала она капитану Гальтону (28 августа), - это большое несчастье. Другие изучали поварское дело в целях горманизации, некоторые - для показухи, но никто, кроме него, не занимался

приготовлением большого количества пищи наиболее питательным способом для большого количества людей. У него нет преемника. Единственное, что меня утешает, это то, что вы прониклись его доктринами еще до его смерти, и что теперь комиссия по казармам сама займется этим вопросом". В работе трех других подкомиссий мисс Найтингейл принимала большое участие. Мистер Герберт, доктор Сазерленд, доктор Фарр (статистика) постоянно консультировались с ней, лично или по переписке. К этому периоду относятся сотни писем к ней, полных технических деталей. "Я сдаюсь, - пишет мистер Герберт, - на ваши аргументы не стоит отвечать". "Мне очень нужна ваша помощь". "Посылаю неприятное письмо, полученное от сэра Дж. Холла. Я приду к вам завтра и все обсужу". "Посылаю вам копию "Инструкции". "Мне нужна помощь и совет". На каждом этапе каждой сделки союзники находились в тесном сотрудничестве. Переписка с доктором Сазерлендом иногда носит легкий характер, а письма миссис Сазерленд к мисс Найтингейл отличаются глубокой привязанностью. Но доктор, который не всегда был очень деловым, иногда испытывал терпение требовательной леди-главнокомандующего. Ее тетя вспоминает день, когда ссора с доктором Сазерлендом вызвала у племянницы серьезный приступ учащенного сердцебиения. Мистер Герберт в то время был болен и ждал проекта, который доктор Сазерленд должен был подготовить для представления государственному секретарю. Мисс Найтингейл попросили оказать давление на доктора. Наконец проект пришел, и мистеру Герберту он не понравился. Он умолял мисс Найтингейл использовать свое влияние, чтобы добиться некоторых изменений. Доктор Сазерленд отнесся к этому шагу недоброжелательно и отказался обратиться к ней. Ссора, однако, был быстро составлен. Позднее мисс Найтингейл провела несколько недель в доме Уильяма и Мэри Хауитт в Хайгейте. "Это не просто фраза, - писала Мэри Хоуитт, - когда я говорю, что мы будем чувствовать себя так, как будто она оставила после себя благословение". Я подозреваю, что этот визит был нанесен для того, чтобы мисс Найтингейл могла более внимательно следить за "большим ребенком", как она и миссис Сазерленд иногда называли доктора. "Сегодня первый день стрельбы по тетеревам, Каратина", - писал он, когда комиссары казармы были на севере; "но поскольку вы не позволили ни одной из ваших "жен" отправиться на болота, праздник прошел без замечаний".

Таким образом, реформаторы работали в течение 1858 года. Их основные труды были прерваны в середине года последней схваткой за больницу Нетли. Лорд Панмур продолжал строительство, несмотря на возражения мисс Найтингейл и ее обращение лорда Пальмерстона к ее взглядам (стр. 341). Но с тех пор появился отчет Королевской комиссии, подкомиссия по больницам и казармам представила *промежуточный* отчет против Нетли, и сменился государственный секретарь. Мистер Герберт и мисс Найтингейл вели упорную борьбу, и она написала серию газетных статей[275] в надежде возбудить общественное мнение. Но генерал Пиль руководствовался теми же мотивами, что и лорд Панмур. Он назначил еще один комитет, чтобы доложить о неблагоприятном отчете, и продолжил строительство. "К несчастью, страна, которая лидирует в области санитарной науки, - говорит беспристрастный авторитет, - имеет в качестве главного военного госпиталя здание, далекое от удовлетворительного".[276]

Окончательное поражение мисс Найтингейл в этом конкретном вопросе натолкнуло ее на мысль о важности информирования общественного мнения по всему вопросу строительства госпиталей. В соответствии с этим она представила два доклада на Конгрессе по социальным наукам в Ливерпуле в октябре 1858 года. Ее друг, доктор Фарр, который присутствовал, сообщил заметное внимание, которое чтение документов привлекла, и по просьбе лорда Шафтсбери, президент конгресса, мисс Найтингейл подарил свою рукопись в

город Ливерпуль в память об этом событии. Эти бумаги стали зародышем ее знаменитых *"Записок о больницах"*, к которым мы перейдем в следующей части этих мемуаров.

IV

По основному вопросу медицинской реформы армии мисс Найтингейл пыталась повлиять на общественное мнение путем распространения среди тщательно отобранных лиц своих *"Записок о вопросах, влияющих на здоровье, эффективность и управление госпиталями британской армии"*. Заметки были написаны и по большей части напечатаны в предыдущем году, и я уже описывал их. Распространение их в это время принесло ей письма с поддержкой от многих самых известных и влиятельных персон страны. Принц-консорт в благодарственном письме с автографом воспользовался случаем, чтобы еще раз заверить ее в том, что "королева высоко ценит ее заслуги". Принцесса Королевская, в то время наследная принцесса Пруссии, попросила копию; и мисс Найтингейл, в ответ (9 ноября), попросила сэра Джеймса Кларка выразить от ее имени, как "очень приятно было любезное послание принцессы Королевской. Я не могу передать вам, какой глубокий интерес я испытываю к этому юному сердцу, полному всего истинного и доброго, и с каким удовольствием я предвкушаю пользу для ее страны и для нас от того, что она стала такой, какая есть". Эти две женщины, между которыми было много точек соприкосновения, часто переписывались и встречались в последующие годы. Герцог Кембриджский в особенно сердечном письме заверил мисс Найтингейл, что "вся армия очень чувствует преданность, с которой вы, можно сказать, пожертвовали собой ради ее работы по недавнему памяtnому случаю, и я не могу не добавить свое личное восхищение вашим благородным поведением в этом, как и во всех других случаях". Герцог выразил надежду, что время от времени он сможет воплощать в жизнь ее "ценные предложения по обеспечению комфорта и благополучия войск". В своей переписке мисс Найтингейл часто опровергала главнокомандующего. Он так мало сочувствовал любым радикальным реформам, что она не могла считать его популярный титул "солдатского друга" действительно заслуженным. Тем не менее она испытывала к нему определенную симпатию и не забывала о его лучших качествах. Впервые она увидела его во время Крымской войны, и ей вспомнился характерный случай. "Что делает "Джорджа" популярным, - писала она, - так это вот такой случай. Объезжая со мной госпитали Скутари в самое тяжелое для них время, он узнал сержанта гвардии (у него королевская память, а это всегда большой залог популярности), у которого была отстрелена по меньшей мере треть тела, и сказал ему с большой клятвой, называя его по имени и фамилии: "Вы еще не умерли? Этот человек сказал мне потом: "Чувство королевского достоинства, не так ли, мэм?" Со слезами на глазах. Манеры Джорджа очень популярны, его клятвы популярны в армии. И он, безусловно, лучший человек, как по делам, так и по характеру, в Конной гвардии: это признаю даже я. И нет человека, которого я хотела бы видеть на его месте".^[277]

Мисс Найтингейл старательно рассылала копии своих *"Записок"* тем, кто своими перьями мог повлиять на общественное мнение. Среди них была Гарриет Мартино, которой мисс Найтингейл написала (30 ноября): "Доклад ни в коем случае не является общественной собственностью. И я с большим ужасом жду, что после моей смерти им воспользуются женские миссионерки и подобные им люди. Я жестоко равнодушна к несправедливостям или правам своего пола. И я была бы равнодушна к любым спорам о том, должны или не должны женщины делать то, что я сделала для армии; хотя женщина, имеющая такую возможность и не делающая этого, должна, по-моему, быть сожжена заживо". Мисс Мартино, пообещав быть осторожной, спросила, может ли она воспользоваться фактами и

предложениями мисс Найтингейл. Предложение было быстро принято, и мисс Марино была снабжена большим количеством пороха и дроби. Мисс Найтингейл, вероятно, была более привлечена предложением мисс Марино популяризировать ее *"Записки"* благодаря очень серьезному письму от Дина Милмана. Он прочитал *"Записки"* "с серьезным вниманием и глубоким интересом" и спрашивал (18 декабря): "Неужели все эти важные знания, этот сильный практический здравый смысл, этот результат большого труда, размышлений, опыта должны быть ограничены полузакрытыми официальными ушами, быть навязаны лишь неохотному вниманию немногих, и большинство из них слишком заняты и, возможно, слишком мнительны, чтобы извлечь из этого пользу? Неужели она должна быть похоронена в самой нетронутой могиле мудрых мыслей и полезной информации, в синей книге? В самом отталкивающем, неприступном, неприступном месте захоронения? Конечно, вы не для того жили и трудились всю свою преданную жизнь, свой труд любви, чтобы оставить общественное мнение нетронутым и непросвещенным, кроме как тем, что может промелькнуть как общий результат ваших взглядов, или тем, что может быть принято правительством, возможно, несовершенным и скудным? Неужели многие, которые только выражением своих суждений и чувств могут поддерживать немногих в их работе и поощрять их своим одобрением и сотрудничеством, должны оставаться в неведении относительно того, что имеет такое жизненно важное значение для армии, страны, человечества?" Серия статей мисс Марино в *"Дейли Ньюс"*, а затем и популярный том, [278] распространили предложения мисс Найтингейл, из вторых рук, в большом кругу. Между этими двумя женщинами существовало заметное притяжение. Переписка о болезни и смерти племянницы мисс Марино, и ее надежда на сочувствие мисс Найтингейл, особенно трогательны. У каждой из них были горести, каждая была серьезно больна, и каждая сразу же обратилась к своей общественной работе.

В конце 1858 года мисс Найтингейл выпустила одну из самых эффективных своих противоречивых статей. Ее факты и цифры о смертности армии на Востоке, напечатанные в ее *"Записках"* и в отчете Королевской комиссии, не остались неоспоренными, и появилась брошюра, ставящая их под сомнение. Мистер Герберт и мисс Найтингейл заподозрили в ней руку сэра Джона Холла, и она немедленно подготовила ответ. Он называется *"Вклад в санитарную историю британской армии во время войны с Россией"*. Он был опубликован в начале 1859 года анонимно, но все ее друзья заметили "римскую руку". Памфлет, спровоцировавший ее появление, опускается в презрительной сноске: "Неизвестный памфлет, распространяемый без имени печатника, воспроизводит почти все возможные статистические ошибки по этому и другим пунктам. Она претендует на то, чтобы быть защитой неработающего Медицинского департамента армии, "написанной унтер-офицером", но это больше похоже на *jeu d'esprit*". Ответ, содержащийся в основной части брошюры мисс Найтингейл, является убедительным, и "кокс-комбы" были повторены в еще более красноречивой и привлекательной форме, чем раньше. Это самый краткий, самый язвительный и самый красноречивый из всех ее рассказов о предотвратимой смертности, свидетелем которой она стала на Востоке. "В нескольких правдивых словах, - писал сэр Джон Макнейл, подтверждая раннюю копию (26 декабря), - вы рассказали всю ужасную историю, и я не думаю, что мы услышим больше о спорной медицинской статистике. Факты - это чилы, которые не оспариваются". Так пел Бернс, и он редко ошибался в своих суждениях. Я прочитал каждое слово *"Вклада"*, обдумал каждую колонку и диаграмму и пришел к выводу, что он является полным и неопровержимым, но считать его спорным было бы унижительно для такой работы. Я всем сердцем желаю, чтобы каждый молодой офицер британской армии имел ее экземпляр. На старых у меня мало надежды". Мастерство мисс Найтингейл в искусстве приведения фактов к логическим выводам было признано ее избранием в 1858 году членом Статистического общества.

Новый год (1859) принес событие, имеющее огромное значение для дела реформирования армии. В марте временное правительство лорда Дерби потерпело поражение по биллю о реформе мистера Дизраэли, и после всеобщих выборов к власти вернулся лорд Пальмерстон. Мистер Сидни Герберт, который в течение нескольких лет работал над реформой армии в качестве стороннего наблюдателя, теперь стал военным министром. "Я должен послать вам строчку, - писал он мисс Найтингейл (13 июня), - чтобы сообщить, что я взял на себя обязанности военного министерства. Я взялся за это, потому что в некоторых отраслях управления я верю, что могу быть полезен, но я не скрываю от себя ни серьезности задачи, ни вероятности того, что я окажусь неспособным к ней. Но я знаю, что вам будет приятно узнать о моем присутствии здесь.... Я постараюсь приехать к вам завтра днем. Да благословит вас Господь!" Задача мистера Герберта не стала менее сложной после назначения мистера Гладстона канцлером казначейства. Они были близкими и любящими друзьями, но государственная экономика была для мистера Гладстона большим другом. Большая часть сил мистера Герберта была исчерпана в спорах с канцлером казначейства по вопросу о национальной обороне. Миссис Герберт послала мисс Найтингейл актуальную загадку: "Почему Гладстон похож на омара?". "Потому что он такой хороший, но со всеми не соглашается". Мистер Герберт далеко не всегда мог рассчитывать на согласие Казначейства во всех своих планах по улучшению санитарного и морального состояния армии. Тем не менее, он смог, как государственный секретарь, достичь многого; и здесь будет удобно, - с небольшим отступлением, в некоторых случаях, от хронологического порядка, - кратко суммировать плоды долгого сотрудничества между мистером Гербертом и мисс Найтингейл для здоровья британского солдата. Она сама написала такое резюме в 1861 году, в работе, на которую уже была сделана ссылка (стр. 312), и я часто использую ее собственные слова.

Комиссия по улучшению казарм и госпиталей уже многое сделала к моменту его вступления в должность, и он продолжил эту работу. Здания вентилировались и отапливались. Был введен или улучшен дренаж. Было расширено водоснабжение. Кухни были переделаны. Вместо пары "дипов", при свете которых мужчины не могли читать или заниматься каким-либо делом, кроме курения, был введен газ. Во многих случаях были проведены структурные улучшения, и мистер Герберт, насколько мог, извлекал деньги из казны, реконструируя здания, которые были осуждены его комиссией. Эта политика была оставлена на многие годы после его смерти, и последующие поколения слышали о ней в связи с санитарными скандалами в казармах в Виндзоре, Дублине и других местах. Общий отчет Комиссии по казармам и больницам, датированный апрелем 1861 года, был представлен парламенту в том же году, и многие друзья мисс Найтингейл, прочитав его, назвали его "ее книгой". Они были не так уж и неправы, поскольку большая часть отчета, и особенно длинный раздел, посвященный правильным принципам строительства больниц и барачных, в значительной степени была ее работой.

Мисс Найтингейл, чтобы гарантировать, что такие принципы должны быть лучше поняты и реализованы в будущем, побудила мистера Герберта назначить специальный комитет по казарменным работам, "чтобы сообщить о мерах по упрощению и улучшению системы, в соответствии с которой все работы и здания, кроме фортификационных, строятся, ремонтируются и обслуживаются, чтобы дать более прямую ответственность лицам, занятым в этих обязанностях". Членом этого комитета был капитан Гальтон, а проект отчета был представлен мисс Найтингейл для критики и внесения предложений.^[279] Есть много причин, по которым можно объяснить улучшение здоровья армии в наше время, но главной

из них, вероятно, было улучшение условий в казармах, и за это имя Флоренс Найтингейл заслуживает благодарной памяти армии и нации.

В качестве дополнения к улучшению казарменных кухонь мистер Герберт провел реформу в направлении, на котором мисс Найтингейл настаивала на внимании лорда Панмура[280]; он основал Школу практической кулинарии в Олдершоте для обучения полковых и госпитальных поваров искусству приготовления полезной пищи для мужчин. Мисс Найтингейл была болезненно впечатлена в Крыму важностью этой реформы.

На вторую подкомиссию была возложена обязанность реорганизовать медицинскую статистику армии. Это было одно из требований рациональной реформы, которое наиболее сильно поразило мисс Найтингейл на Востоке. Акцент, который она сделала на этой стороне своего опыта, настойчивость, с которой она настаивала на этом вопросе, статистическое мастерство, с которым она показала путь к лучшей системе, являются одними из самых ценных ее заслуг в деле реформирования армии. Когда предложения подкомиссии были реализованы, британская армейская статистика стала лучшей и наиболее полезной на тот момент в Европе.[281]

Третья подкомиссия должна была реализовать еще одну из любимых идей мисс Найтингейл: создание армейской медицинской школы. Здесь были самые изнурительные задержки и препятствия,[282] и только после того, как сам мистер Герберт стал государственным секретарем, он смог воплотить в жизнь отчет своей подкомиссии. И даже тогда, как только личный надзор министра был предотвращен, "подкомиссии" Военного министерства принялись за работу, чтобы нанести поражение своему шефу. Мистер Герберт назначил сотрудников в 1859 году, но только в сентябре 1860 года первые студенты прибыли в форт Питт, Чатем. Они сразу же пришли к выводу, что "Школа - это обман". И не зря, ведь в школе не было ни оборудования, ни каких-либо инструментов! Объяснение, которое можно прочитать в другом месте,[283], является примечательным даже в анналах ведомственных неразберих. Очевидно, не было никакого метода, известного бюрократам, чтобы оборудовать школу, и она могла бы оставаться пустой до бесконечности, но язвительное письмо мисс Найтингейл добилось личного вмешательства государственного секретаря. "Ну вот! Наконец-то!" - написал ей мистер Герберт, пересылая официальный приказ по окончании его долгого путешествия по департаментам и поддепартаментам. Армейская медицинская школа была особым ребенком мисс Найтингейл, и она с постоянной заботой следила за ее ранними этапами. Мистер Герберт поручил ей, в консультации с сэром Джеймсом Кларком, разработать Положение. Она назначила профессоров. На кафедру гигиены она выдвинула доктора Э. А. Паркеса, с которым познакомилась во время Крымской войны. Было бы трудно преувеличить заслуги, которые стимулирующее преподавание этого великого санитара оказало на дело военной гигиены. Он много переписывался с мисс Найтингейл в связи с программой своего первого курса лекций. В каждой административной трудности профессора обращались к ней за помощью. Особенно объемна переписка между ней и доктором Эйткеном[284]. Она успешно боролась, вопреки многочисленным возражениям, за включение патологии в профессорский состав, и в конце концов доктор Эйткен был назначен на эту кафедру. Именно он привел мисс Найтингейл в движение по поводу оснащения школы. Он часто просил ее "дать нам еще один толчок". "Доброе спасибо", - писал он (март 1861 года), когда возникла очередная заминка, - "за то, что поставила наш поезд на правильную линию". Ее вмешательство в штаб-квартире было необходимо даже для того, чтобы добиться оплаты профессоров. "Я только что получил уведомление из военного министерства, - писал ей доктор Эйткен (7 августа 1860 года), - что сэр Джон Киркланд уполномочен выдать мне жалованье; так что, полагаю, многочисленные

заинтересованные чиновники смогли убедить друг друга в том, что я существую. В данном случае "сразу" равно шести дням - я склонен полагать, что это связано с вашими усилиями в воскресенье". Воскресенье было тем днем недели, в который, если не в любой другой, она всегда видела мистера Герберта. Доктор Эйткен язвительно, и не без оснований, отзывался о Кабинете циркумлокуции; но не исключено, что вина не всегда лежала только на одной стороне. Профессора, как говорят, иногда бывают "детьми" в делах; и в одной истории о горе, адресованной мисс Найтингейл, в докете (написанном почерком доктора Сазерленда, но, несомненно, под ее диктовку) есть следующее: "Я надеюсь, что нынешняя трудность преодолена, но следует помнить, что Школа так тесно связана с административной частью Военного министерства, что все ваши дальнейшие действия, будь то минутные или иные, должны быть краткими и практичными". Школа пережила опасности своего младенчества и провела благотворную реформу, предоставив средства обучения военной гигиене и практике кандидатам в армейскую медицинскую службу. "Раньше, - писала мисс Найтингейл, - молодых людей посылали ухаживать за больными и ранеными солдатами, которые, *возможно*, никогда не перевязывали серьезные раны или никогда не посещали постель, кроме как в толпе студентов, следующих за каким-нибудь выдающимся лектором, которые, *конечно*, никогда не были обучены самым обычным санитарным знаниям, хотя одной из их самых важных функций в дальнейшем должна была стать профилактика заболеваний в климате и в условиях, где *профилактика* - это все, и медицинское лечение часто мало или ничего." Заслуги мисс Найтингейл как истинного основателя школы были публично признаны в то время. Доктор Лонгмор, профессор военной хирургии, сказал студентам, что именно она, "чье мнение, основанное на большом опыте и замечательной проницательности в наблюдениях, оказало особое влияние на возникновение и создание этой школы".[285] "В только что учрежденной Армейской медицинской школе, - писал сэр Джеймс Кларк, - гигиена будет составлять самую важную часть обучения молодого офицера-медика. За создание этой школы мы должны благодарить мисс Найтингейл, которая, если бы ее долгие и настойчивые усилия не привели к другим улучшениям в армии, одним только этим оказала бы неоценимую помощь британскому солдату".[286]

После этого школа была переведена в Нетли. Сейчас она находится в Лондоне, является одной из медицинских школ университета и расположена в удобной близости от военного госпиталя. Галерея Тейт, расположенная на набережной Милбанк, стоит между двумя зданиями, которые представляют особый интерес для тех, кто интересуется жизнью и деятельностью Флоренс Найтингейл. К востоку от галереи находится Королевский госпиталь Александра, общий военный госпиталь для лондонского района. Он построен, конечно, на "павильон" план, и во всех других отношениях соответствует идеям мисс Найтингейл о том, что больница должна быть с многочисленными дополнениями к своим ресурсам, которые прогресс науки предложил с ее дня. Полный аппарат для рентгеновского лечения, который можно упаковать в пять чемоданов для работы в полевых условиях, наверняка привлечет особое внимание посетителя. Но в связи с мисс Найтингейл было еще кое-что, что поразило меня больше. Когда я вместе с комендантом проходил по хирургическим палатам, нарядные "санитары" (по-старому, теперь это обученные люди из армейского медицинского корпуса) стояли в ожидании. Полковник вступил в разговор с сержантом одной из палат. Он ожидал повышения, пока не пройдет квалификацию в госпитале, под руководством матроны, сестер и штатных медсестер. Продвижение по службе в корпусе теперь зависит от экзамена и сертификата от руководства медсестер. Насколько великим событием стало введение женского медперсонала в армии благодаря мисс Найтингейл, и насколько ироничны некоторые из реваншей времени, которые это развитие принесло с собой! Изначально

женщины-медсестры занимали самое низкое место; иногда они были чуть больше, чем превосходные домработницы, часто они были любительницами, и их положение всегда было немного неопределенным. Теперь же они представляют собой наиболее высококвалифицированный и профессиональный элемент, и без их сертификата ни один санитар-мужчина не может добиться полного продвижения по службе! И еще одна вещь поразила меня. После осмотра хирургических отделений я поинтересовался, как обстоят дела в медицинских отделениях; но время поджимало, "да и смотреть там особо нечего, - сказал полковник, - поскольку армия в наши дни настолько здорова, что медицинских случаев немного".[\[287\]](#)

*Флоренс Найтингейл
около 1858 года
с фотографии Гудмана*

К западу от Галереи Тейт находится еще одна, более крупная группа зданий. Их занимает Королевский армейский медицинский колледж, в котором каждый армейский медик должен пройти предварительный и последипломный курсы. Незадолго до посещения колледжа я читал большой массив документов мисс Найтингейл, которые содержат ее первые

предложения по созданию школы, с ее проекты для его правил и положений; и которые описывают борьбу и трудности его скромной младенчества. Затем меня провели по благородному учреждению, в которое оно превратилось; с большими лабораториями, которые, как я полагаю, являются одними из лучших в стране, с небольшими лабораториями для частных исследований; с отделом тех "культур", которые, как говорят, сделали так много для сохранения здоровья армии в Индии[288]; с просторным лекционным театром, прекрасной библиотекой, большим музеем; и с красивыми комнатами для удобства и комфорта учащейся молодежи. Переход был похож на сцену превращения в пантомиме. Крестная фея колледжа была бы счастлива увидеть это. Только одного мне показалось мало. Здесь есть портреты или другие памятные знаки многих из тех, с кем мы познакомились на этих страницах. В вестибюле стоит бюст доктора Томаса Александера, назначение которого на должность генерального директора обеспечила мисс Найтингейл. В курительной комнате висят портреты первых профессоров, которых она назначила. Я не заметил ни одного памятника двум основателям колледжа, которым он был обязан своим созданием - Сидни Герберту и Флоренс Найтингейл.

На последнюю из четырех подкомиссий - подкомиссию по "очистке" - были возложены самые разнообразные обязанности, и не было ни одного раздела законопроекта о реформе, который встретил бы более упорное сопротивление со стороны постоянных чиновников. В одном из многочисленных писем мистера Герберта к мисс Найтингейл по этому вопросу говорится о "грубом невежестве и беспросветной тьме" главного препятствующего лица, которое утверждало, что идея санитарного чиновника - это все вздор. Некоторые результаты работы этой подкомиссии не нуждаются в подробном описании. Она разработала новый ордер для офицеров медицинской службы армии (выданный генералом Пилем в 1858 году) и реорганизовала Медицинский департамент армии (1859). В то время это были полезные шаги, но с тех пор было так много новых ордеров и так много реорганизаций военного министерства, что эта часть реформ мистера Герберта и мисс Найтингейл в деталях относится только к древней истории. Иначе обстоит дело с общей работой Подкомиссии по стиранию. Здесь также произошли новые события, и некоторые формы были изменены; но по существу все они были построены на фундаменте, заложенном в 1859-60 годах. В первую очередь мисс Найтингейл, и ей больше, чем кому-либо другому, принадлежит признание принципа, который может показаться самоочевидным в настоящее время, но который был совершенно новым в ее время - принцип, согласно которому медицинский департамент армии должен заботиться о *здоровье* солдата, а также о его *болезни*. Подкомиссия - или, если перейти от формы к реальности, мисс Найтингейл и мистер Герберт - разработала кодекс для введения санитарного элемента в армии, определив позиции командиров и медицинских офицеров и их соответствующие обязанности в отношении здоровья солдата, а также сделав полкового хирурга санитарным советником своего командира. Этот же кодекс содержал правила организации общих госпиталей и улучшения управления полковыми госпиталями как в мирное, так и в военное время. Раньше общие госпитали в полевых условиях приходилось импровизировать, без определенных принципов и без определенной личной ответственности. Удивительно не то, что они разрушались, как это происходило во всех наших войнах, а то, что их вообще можно было заставить стоять. Во всех наших войнах общие госпитали терпели поражение - как и в первые месяцы войны в Скутари, они были примером того, как убивать, а не лечить. Система общего госпиталя, разработанная в Кодексе, включая губернатора, главного врача, капитана санитаров, женщин-медсестер и их суперинтенданта (миссис Шоу Стюарт), была реализована в 1861 году в госпитале в Вулвике.

Были и другие реформы, введенные мистером Гербертом в качестве государственного секретаря, которые обязаны своим происхождением опыту, наблюдениям и предложениям

мисс Найтингейл. В январе 1861 года мистер Герберт издал новый ордер и правила для поставщиков. До сих пор "Департамент снабжения, как и многие другие, не имел четко определенного положения, обязанностей или ответственности. Он был эффективным или неэффективным почти случайно. Как и другие отделы, он ломался, когда его испытывала война; и все его недостатки ложились на больных и раненых, для особой пользы которых он, как утверждалось, существовал". Новый кодекс "точно определил обязанности каждого класса офицеров снабжения, а также их отношение к Медицинскому департаменту армии. Они предоставляли все предметы первой необходимости и удобства для мужчин в госпитале (как в полевых условиях, так и дома) по фиксированным ценам, вместо того чтобы требовать от больных и раненых (даже в полевых условиях) приносить с собой в госпиталь предметы для собственного пользования, которые они потеряли, не дойдя до него". Читатель помнит, как сильно недостатки снабжения повлияли на трудности мисс Найтингейл на Востоке, и ссылка на ее письма из Скутари покажет, что Кодекс мистера Герберта был основан на широких линиях ее предложений. Это неудивительно, ведь она составляла Кодекс в консультации с сэром Джоном Макнилом.

Мистер Герберт также назначил Комитет по реорганизации армейского госпитального корпуса (1860). "В прежние времена не было надлежащего ухода за больными. В полковых госпиталях постоянный человек назначался сержантом госпиталя, а два или три солдата, не пригодные ни для чего другого, отправлялись в госпиталь, чтобы быть в подчинении у медицинского офицера, который, если ему посчастливилось найти одного человека, пригодного для ухода за больным, обязательно терял его, будучи отозванным "на службу"; иногда, действительно, люди назначались в порядке ротации для ухода за больными в госпитале, как для охраны магазина. Никакой специальной подготовки не требовалось; никто, кроме медицинского работника, который был беспомощен, не имел ни малейшего представления о том, что уход за больными - это такое же особое дело, как и лечение. Были предприняты безуспешные попытки организовать корпус санитаров, не связанных с полками; результат был крайне неудовлетворительным. Комитет мистера Герберта предложил создать корпус, члены которого для полковых целей должны были быть тщательно отобраны командирами и медицинскими офицерами, специально подготовлены для выполнения своих обязанностей, а затем постоянно прикреплены к полковому госпиталю". Эта реформа, во многом обязанная предложениям мисс Найтингейл, была проведена в жизнь вскоре после смерти мистера Герберта.

Мистер Герберт также занялся вопросами морального здоровья солдат, в которых мисс Найтингейл была первопроходцем.^[289] В 1861 году он назначил комитет^[290] для рассмотрения вопроса о том, как лучше всего организовать солдатские дневные комнаты и институты, чтобы противостоять моральному злу, которое, как предполагается, неотделимо от гарнизонов и лагерей. Комитет, членами которого были друзья мисс Найтингейл, полковник Лефрой, капитан Гальтон и д-р. Сазерленд, показал, что "мужские казармы можно сделать более похожими на дом, лучше оборудовать библиотеками и читальными залами; что к казармам можно пристроить отдельные комнаты, где мужчины могут встречаться со своими товарищами, сидеть с ними, разговаривать, получать газеты и кофе, если они этого хотят, играть в невинные игры и писать письма; Что каждый барак, короче говоря, может быть легко обеспечен своего рода солдатским клубом, в который мужчины могут прибегать в свободное от службы время, вместо вечного барака или деморализующего драм-шопа; и что в больших лагерях или гарнизонах, таких как Олдершот и Портсмут, мужчины могут легко иметь свой собственный клуб вне казармы. Комитет также рекомендовал расширить возможности для занятий, организовав солдатские мастерские, игры и развлечения на свежем воздухе, а также рациональный отдых с помощью лекций и других средств. Этот план

был с большим успехом опробован в Гибралтаре, Чатеме и Монреале. Последним действием мистера Герберта было поручение провести исследование в Олдершоте на предмет наилучших способов внедрения этой системы там". Мисс Найтингейл, подытожив таким образом дело, не указала, как явствует из ее переписки, что именно она была инициатором назначения Комитета; что, как уже говорилось (стр. 351), она приложила все усилия, чтобы получить читальный зал и т.д. в Олдершоте; и что в случае с Гибралтаром оборудование комнаты во многом было обусловлено подарками из ее личного кошелька и вкладами личных друзей (среди них миссис Гаскелл), которых она заинтересовала в этой схеме. Здесь, как и во многих других направлениях, работа мисс Найтингейл как пионер был значительно развит; и ни один современный барак считается полным без его полковой институт, с комнатой отдыха, читальный зал, кофе-рум, и лекционный зал, в то время как средства отдыха на открытом воздухе и магазины для различных профессий также предоставляются.

VI

Рассказывая о реформах мистера Герберта, мисс Найтингейл в своей обычной манере довела их результаты до статистической проверки. Она приложила к своим мемуарам несколько цветных диаграмм, показывающих, как мистер Герберт пришел в армию и как он ее покинул. В течение трех лет 1859-60-61 гг. в год умирало (на домашних пунктах) всего лишь половина англичан, поступивших в армию, как и раньше. Общая смертность на родине от *всех болезней* стала меньше, чем раньше была смертность *только* от чахотки и болезней груди. Результаты сравнения британских армий на поле были столь же поразительны. Китайская экспедиция подвергла реформы испытанию. "Экспедиционный отряд был отправлен на противоположный конец света, во враждебную страну, печально известную своими эпидемическими заболеваниями. Были приняты все необходимые меры для сохранения здоровья, в результате чего смертность этого войска, включая раненых, составила немногим более 3 процентов в год, а число "постоянно больных" в госпитале было примерно таким же, как и дома. В первые месяцы Крымской войны смертность составляла 60 процентов, а число "постоянно больных" в госпиталях было в семь раз больше, чем в военных госпиталях в Китае". Улучшение здоровья армии, во всяком случае, в мирное время, было прогрессивным. В 1857 году ежегодный уровень смертности в армии на родине составлял 17-5 на 1000 человек. Сорок лет спустя он снизился до 3-42. В 1911 году он составлял 2-47.

Помимо всего этого, в 1859 году мистер Герберт возглавил Королевскую комиссию по санитарному состоянию индийской армии. Другие его работы, связанные с армией, хорошо известны; и некоторые из них - например, его схема фортификации - не были выдержаны, но эти вопросы нас здесь не касаются. Его меры по укреплению здоровья и благополучия солдат - это то, что интересовало мисс Найтингейл; и эта их совместная работа принесла неоценимую пользу. После смерти Сиднея Герберта реформы были приостановлены, но основные направления, заложенные им, сохранились до наших дней. В 1896 году один из друзей в военном министерстве просмотрел для мисс Найтингейл ее мемуары о Сиднее Герберте и отметил текущее положение дел в связи с этим. Санитарный комитет армии все еще существовал. Кулинарная школа в Олдершоте находилась в ведении королевы. Общевоинские госпитали поддерживаются в рабочем состоянии. Армейская медицинская школа была переведена в Нетли. Медицинская статистика армии по-прежнему публиковалась ежегодно. Положение армейских медицинских офицеров было еще более улучшено. Был организован регулярный корпус медицинского персонала. Рекомендации Комитета по строительству казарм 1861 года были выполнены, в результате чего инженерные офицеры получили больше индивидуальной ответственности и были лучше, чем раньше, знакомы с деталями строительства здоровых казарм и госпиталей. На нескольких станциях

на землях военного министерства были открыты солдатские институты. В большинстве казарм имелись комнаты для отдыха и чтения, и ни один новый барак не возводился без них. Изменения, произошедшие с 1896 года, были к лучшему, как я уже отмечал на предыдущих страницах; к лучшему и в большей степени соответствовали идеям мисс Найтингейл. Ее великий труд *"Заметки об армии"* содержал, как показали события, не только схему всех реформ Сиднея Герберта (за исключением тех, что касались обороны), но и зародыши, а зачастую и детали дальнейших реформ (в той же сфере), которые продолжают до наших дней. В годы сотрудничества с мистером Гербертом мисс Найтингейл терпела препятствия и задержки, а после его смерти она горько плакала по поводу прекращения дальнейшего прогресса. Но в конце концов все закончилось так, как написал ее мудрый наставник, сэр Джон Макнилл (26 марта 1859 года): - "Меня очень огорчает, что вам мешают и раздражают такие вещи, о которых вы мне рассказываете, но я ничуть не удивлен. Я не ожидал, что вы так многого добьетесь за столь короткое время. Будьте уверены, что прогресс от худшей системы к лучшей почти во всех сферах человеческой деятельности происходит медленно и с перерывами. Поэтому не унывайте. Если вы не сделали всего, чего желали, - а кто бы мог это сделать, - вы сделали больше, чем кто-либо другой, и сделанное вами добро будет жить после вас, переходя из поколения в поколение. Я не помню ни одного случая, когда новые идеи добивались бы более быстрого прогресса".

На то, как новые идеи отразились на армии, указывала мисс Найтингейл в своем резюме о заслугах мистера Герберта. "Его будут помнить прежде всего, - писала она, - как первого военного министра, который когда-либо серьезно ставил перед собой задачу спасения жизни, который когда-либо брал на себя труд освоить сложный предмет так мудро и так хорошо, чтобы суметь использовать ресурсы этой страны, в которой человеческая жизнь стоит дороже, чем в любой другой, дороже, чем что-либо еще, и сохранить эффективность ее защитников". В этой работе, во время пребывания мистера Герберта на своем посту, как и в предыдущие годы, мисс Найтингейл была его постоянным помощником, а зачастую и инициатором. Они советовались лично или по письмам почти каждый день. Ни один шаг в сфере санитарной реформы не был сделан военным министром, пока он не узнал ее мнение. Каждый проект подвергался ее критике и предложениям. Когда мистер Герберт вступил в должность, его жена написала (16 июня 1859 года), чтобы поблагодарить мисс Найтингейл за ее "дорогая записка поздравления", добавив: "Он полностью согласен с вашими предложениями сегодня утром, и я копирую ваш циркуляр Примечание для четырех пандитов". В следующем месяце (26 июля) он посылает ей предлагаемые Санитарные правила: "Я буду очень обязан, если вы просмотрите эти бумаги вместе с Сазерлендом". "Сидни придет к вам сегодня (13 августа), чтобы поговорить о правилах". Четыре дня спустя: "Может ли мисс Найтингейл дать мне имена некоторых губернаторов для наших новых общих больниц?". В последующие месяцы они обсуждали план создания медицинской школы и новые правила для поставщиков. Однажды депеша от мисс Найтингейл, приложенная к письму миссис Герберт, последовала за министром в Виндзор: "Я передала ваше письмо вашему "государю"; повезло, что настоящий не видел вашей обложки". Корреспонденция 1860 года имеет аналогичный характер. "Вот спор, который меня волнует; не могли бы вы рассмотреть его вместе с Сазерлендом?" "Я написал в нашем общем смысле", и так далее. Мисс Найтингейл, однако, поставляет больше, чем детали - во-первых, настойчивый стимул. В конце концов, это был стимул для умирающего человека.

ГЛАВА V

СМЕРТЬ СИДНИ ГЕРБЕРТА (1861)

Последние слова Кавура: *La cosa va*. Это та жизнь, которую я хотел бы прожить. Это смерть, которой я хотел бы умереть. Сидни Герберт (*запись Флоренс Найтингейл*).

Продвижение реформ, о которых говорилось в предыдущей главе, было несколько затруднено, а их дальнейшее развитие и вовсе приостановлено по причине, против которой не смогли выстоять ни мужественный дух мистера Герберта, ни решительная воля мисс Найтингейл. Здоровье министра подорвалось от долгого напряжения; его поразила болезнь, а с ухудшением здоровья его понимание дел неизбежно ослабевало.

Начало конца наступило в начале декабря 1860 года. "Печальная перемена, - писала мисс Найтингейл из Хэмпстеда (6 декабря) своему дяде, - наступила в духе моих (не мечтаний, а) слишком сильных реалий. Говорят, что у мистера Герберта смертельная болезнь. Вы знаете, что я не верю в смертельные болезни, но для его работы, я думаю, это *будет* смертельно. Он сам приехал, чтобы сообщить мне об этом и обсудить, от какой части работы лучше отказаться. Я всегда буду уважать этого человека за то, что видел его таким. Он был не смиренным, а благоговейным. Было решено, что он должен отказаться от Палаты общин, но продолжать работать, по крайней мере, до тех пор, пока не будут сделаны некоторые вещи, которые необходимо сделать. Это еще одна причина, по которой я хочу поскорее уехать в город, поскольку ему особенно запрещена сырость, а встреча с ним здесь всегда влечет за собой ночную поездку". Об их встрече по этому случаю, в начале декабря, мисс Найтингейл часто упоминала в письмах более позднего времени. Мистер Герберт поставил перед ней три альтернативы, между которыми он должен был выбрать. Он мог уйти из общественной жизни совсем. Он может уйти в отставку, сохранив свое место в Палате общин. Или он может сохранить свой пост и уйти из Палаты общин в Палату лордов. Первая альтернатива, хотя и сулила наилучшие надежды на выздоровление, была вскоре отброшена: она не представляла особого соблазна для человека Герберта с его бодростью духа и высоким чувством общественного долга. Вторая альтернатива была той, к которой он поначалу склонялся. По сути, он был политиком и "человеком Палаты общин". Двадцать восемь лет он заседал в этой палате, где его прекрасная внешность, личное обаяние и немалый дар красноречия сделали его популярной фигурой. Перейти в Палату лордов означало, как он думал и говорил, быть "отложенным". [291] Мисс Найтингейл призвала его со всей своей грозной силой убеждения, чтобы сделать жертву ради их незаконченной работы. И так было решено; ценой многих мучений с его стороны, как он признался, но к облегчению его жены. "Тысяча благодарностей, - писала она мисс Найтингейл, - за все, что вы сказали и сделали", и "да благословит вас Бог за всю вашу любовь и сочувствие". Мистер Герберт сохранил свой пост, отказался от места в Общине и стал лордом Гербертом Леа.

Мисс Найтингейл не до конца осознавала, насколько болен лорд Герберт. Она не помнила, что жизнь, полностью отданная, как ее, работе и освобожденная от всех отвлекающих факторов, предполагает меньшее напряжение, чем та, в которой социальные связи, общие разговоры, семейные обязанности и поездки туда и обратно заполняют время между часами работы. И она страстно желала, чтобы дело, которым они занимались, было завершено; она страстно желала, чтобы оно увенчалось и стало надежным. Каждый шаг, уже предпринятый мистером Гербертом в Военном министерстве, был административным улучшением. "Великий принцип, заложенный в его реформах", - писала она, - "упростить процедуру,

отменить разделение ответственности, четко определить обязанности каждого главы департамента и каждого класса должностей; возложить на глав ответственность за свои соответствующие департаменты с прямой связью с государственным секретарем".[292] Реформа армии не будет завершена, не будет обеспечено постоянство уже достигнутых улучшений, если каждый департамент военного министерства не будет аналогичным образом реорганизован по общей и последовательной схеме. Поэтому мисс Найтингейл призывала своего друга "еще на одну битву, лучшую и последнюю". Военное министерство, - писала она ему (18 ноября 1859 г.), - "это очень медленная, чрезвычайно дорогая контора, в которой намерения министра могут быть полностью опровергнуты всеми его подразделениями, а намерения каждого из этих подразделений - всеми остальными". Мистер Герберт согласился. Был назначен департаментский комитет для подготовки доклада о реорганизации, и лорд де Грей[293] (который был заместителем министра до ухода мистера Герберта в лорды) разработал схему. Это была та схема, которую по существу мисс Найтингейл теперь призывала лорда Герберта провести в жизнь. Но Конная гвардия была начеку, чтобы отметить малейшее нарушение своих привилегий, а сэр Бенджамин Хоуз, постоянный заместитель секретаря в военном министерстве, был обилён возражениями. Среди бумаг мисс Найтингейл есть много черновиков, в которых она и доктор Сазерленд реорганизовывали Военное министерство сверху донизу. Сэр Бенджамин, возможно, мрачно улыбнулся бы, а затем с еще большей решимостью взялся бы за дело, если бы увидел, как близко к низу находилось место, на которое мисс Найтингейл предлагала его реорганизовать. Она была совершенно откровенна в этом вопросе. "Эта схема, вероятно, приведет к отставке Хоуза, - писала она, - и это еще одно ее преимущество". Реорганизация военного министерства на бумаге - занятие, которое в течение пятидесяти последующих лет должно было скрашивать досуг дилетантов и наполнять разочарованными надеждами трудовые будни многих министров. Осуществление любой подобной схемы на практике - задача, которую мог надеяться выполнить только министр в полном боевом составе. Это было не под силу умирающему человеку.

У мисс Найтингейл были свои опасения с самого начала. "Наша схема реорганизации, - писала она сэру Джону Макнилу (17 января 1861 года), - наконец-то запущена в Военном министерстве; но я чувствую, что Хоуз может ее провалить: над ним нет сильной руки". Лорд Герберт мужественно боролся со своими многочисленными задачами (включая, надо помнить, постоянные споры с мистером Гладстоном по поводу сметы армии), но сил у него постоянно становилось все меньше. Наконец он вынужден был признать, что в вопросе, который мисс Найтингейл настоятельно рекомендовала ему довести до конца, он потерпел поражение: - (Лорд Герберт - мисс Найтингейл.

(Лорд Герберт - мисс Найтингейл.) 7 июня [1861 г.] Что касается организации, то я в полном недоумении. Истинная правда в том, что я не понимаю ее. Во мне нет ни капли системности. Я больше верю в хороших людей, чем в хорошие системы. Де Грей понимает это гораздо лучше.... [Далее он описывает некоторые незначительные реформы в кадровой службе, включая определенную сферу ответственности капитана Гальтона]. Это я хотел бы сделать до своего отъезда. И теперь встает вопрос, когда это произойдет и что мне лучше сделать, а что пусть сделают другие. Я чувствую, что сейчас я не справляюсь ни с Военным министерством, ни с самим собой. В дни, когда утро проходит на диване и я пью глотки бренди до тех пор, пока не буду в состоянии доползти до Управления, я не очень энергичен, когда прихожу туда. У меня еще есть два или три дела, которые я хотел бы уладить и закончить, но я отнюдь не уверен, что организация Управления - одно из них.... [Дальнейшие официальные подробности.] Я не могу закончить даже это длинное письмо, не сказав ни слова на тему, которая занимает все мои мысли и ваши тоже - Кавур. Что за жизнь! Что за

жизнь! И что за смерть! Я не знаю и пятидесяти жизней, которые могли бы сравниться с его жизнью. Он бросает тень на всю Европу. Пока он жил, можно было быть уверенным за Италию, что она сможет выстоять против Австрии, против *диких* итальянцев, против Папы, и прежде всего против Наполеона. Но что за славная карьера! И что за дело сделано за одну жизнь! Я не знаю, где искать что-либо, что могло бы сравниться с этим.

Кавур умер за день до этого, и его последними записанными словами были слова его Дела: *la cosa va*. Пафос, с которым события следующих нескольких недель должны были наполнить это письмо от Сиднея Герберта, произвел глубокое впечатление на мисс Найтингейл. Среди некоторых своих записей, сделанных карандашом тридцать или сорок лет спустя, она вспомнила фразы из письма и разговоры, состоявшиеся в тот же день. Но в данный момент признание лорда Герберта в неудаче наполнило ее отчаянной досадой. Сэр Джон Макнилл, которому она излила душу, придерживался более верного взгляда на дело. Он признал (18 июня), что лорду Герберту пришлось "потерпеть поражение от Бена Хоуза на избранном им самим поле". Но, - добавил он, - правда, как я подозреваю, заключается в том, что его поразила болезнь, а не Бен". "Что поражает меня в этом великом поражении, - ответила она (21 июня), - более болезненно, чем поражение армии, так это триумф бюрократии над лидерами - политической аристократией, которая, по крайней мере, отстаивает более высокие принципы. Сидней Герберт, побежденный Беном Хоузом, - это действительно большее унижение (в принципиальном плане), чем катастрофа в Скутари".

Болезнь держала лорда Герберта в своих тисках, но он с несгибаемым духом работал над другими вопросами, помимо реорганизации, в которых он и мисс Найтингейл были особенно заинтересованы. Одним из таких вопросов было создание Главного военного госпиталя в Вулвиче. "Среди немногих практических вещей, - писала мисс Найтингейл сэру Джону Макнилу (21 июня), - которые, как я надеюсь, удастся спасти от общего развала Военного министерства, - организация одного Главного госпиталя по вашему плану". Полковник Уилбрахам согласился стать губернатором. На прошлой неделе мы составили список персонала, и имена были утверждены лордом Гербертом. Медицинский департамент армии и конная гвардия подняли огромный шум, возможно, не больший, чем вы ожидали". Лорд Герберт должен был прислать ей проект губернаторской комиссии, и она попросила помощи сэра Джона Макнилла в его пересмотре. Затем ее попросили назвать имя суперинтенданта медсестер. Ее выбор пал на одну из ее крымских коллег, миссис Шоу Стюарт, восхитительную, хотя и несколько "трудную" леди, которая теперь ссорилась с мисс Найтингейл, но чья эффективность выделяла ее на этой должности. Два других последних официальных акта лорда Герберта также касались здоровья британского солдата, и каждый из них был предложен мисс Найтингейл. Одним из них было назначение Комитета по строительству казарм (6 июня), о котором уже упоминалось (стр. 389); другим - назначение капитана Гальтона и доктора Сазерленда комиссарами, а мистера Дж. Дж. Фредерика - секретарем, для улучшения казарм и госпиталей на Средиземноморской станции.

К концу июня здоровье лорда Герберта ухудшилось, и ему было приказано отправиться за границу в Спа. 9 июля он зашел в отель "Берлингтон", чтобы попрощаться с мисс Найтингейл. Больше они не встречались. Неделью спустя он написал ей из Спа:-.

Прилагаю письмо от миссис Шоу Стюарт. Чтобы прервать дело и начать его, я умоляю ее выбрать медсестер на их собственных условиях. Я имею в виду квалификацию, зарплату и т. д., как определено в Положении. Так что, надеюсь, мы, во всяком случае, начнем работу уже сейчас. Я написал Пальмерстону заявление об отставке без даты, чтобы он мог воспользоваться им в любое удобное для него время. Я писал его не без боли, но считаю, что это правильный и лучший выход. Думаю, моим преемником станет Льюис с де Греем в

качестве заместителя министра. Я не представляю себе рыбу, которая была бы в воде, чем Льюис, среди пушек Армстронга и генералов, но он джентльмен, честный человек, а де Грей окажет неоценимую помощь в работе и во многих особых интересах, на которые я обращал особое внимание. У меня есть письмо от Кодрингтона с предложением другого места для нового филиала Института. Я отправил его Гальтону. Хотел бы я быть уверенным, что вам так же хорошо, как и мне.

Жизнерадостность духа лорда Герберта сохранялась и тогда, когда физические силы быстро угасали. Ему становилось все хуже, и 25 июля он покинул Спа и отправился домой. Он умер в Уилтоне 2 августа. "До последнего, - писала его сестра мисс Найтингейл, - в нем было все то же очарование, эта милая победная улыбка, эта почти игривая, милая манера говорить обо всем". Но среди его последних внятных слов были такие: "Бедная Флоренс! Бедная Флоренс! Наша совместная работа не закончена".

//

Смерть Сиднея Герберта стала тяжелым ударом для мисс Найтингейл - самым тяжелым, пожалуй, из всех, которые ей когда-либо приходилось переживать. Она означала не только потерю старого друга и компаньона, в обществе которого она постоянно жила и двигалась в течение пяти лет. Это означало и прерывание их совместной работы, которая была для нее дороже самой жизни. В разрыве их союза она почувствовала истинную горечь смерти.

(Мисс Найтингейл своему отцу.) Хэмпстед, 21 августа [1861]. Дорогой папа, твое сочувствие очень дорого для меня. Так мало людей знают, что я потеряла в моем дорогом хозяине. В самом деле, я не знаю никого, кроме себя, кто мог бы это потерять. Ведь ни один человек не преследует вместе одну и ту же цель, как я с ним. И когда они теряют своего товарища в результате смерти, они, по сути, не теряют никакого товарищества. Теперь он забирает с собой мою жизнь. Моя работа, цель моей жизни, средства для ее выполнения - все в одном - уходят вместе с ним. "Горе заполняет комнату моего отсутствующего хозяина. Я не могу сказать, что оно "ходит вверх и вниз" со мной. Ибо я не хожу вверх и вниз. Но оно "ест", спит и бодрствует вместе со мной. И все же я могу искренне сказать, что, на мой взгляд, лучше, чтобы Бог не сотворил чуда, чтобы спасти Сиднея Герберта, хотя его смерть повлечет за собой несчастье, моральное и физическое, пятисот тысяч человек, и хотя для его спасения было бы достаточно отменить несколько пустяковых физических законов.... "Праведник погибает, и никто не принимает этого к сердцу". Далее в Писании говорится: "Никто не принимает во внимание, что он отводится от грядущего зла". Я же говорю: "Никто, не считаясь с тем, что у него отнимается добро, которое он мог бы сделать". Сейчас не осталось ни одного человека (которого я могу назвать мужчиной) из тех, с кем я начинал работать пять лет назад. И только я один, из всех людей "самый убогий и жалкий", пережил их всех. Я уверен, что должен был умереть.... Всегда, дорогой папа, твое любящее дитя, Ф.

Ее горе сопровождалось и усиливалось некоторыми угрызениями совести.

(Мисс Найтингейл - Гарриет Мартино.) Хэмпстед, 24 сентября [1861 г.].... И я тоже была строга к нему. Я сказал ему, что смерть Кавура - это удар по европейской свободе, но еще больший удар - это то, что Сидни Герберт должен быть побежден бюрократией на своей собственной земле. Я сказал ему, что ни один человек в мое время не бросал столь благородную игру, имея на руках все выигрышные карты. И его ангельское настроение по отношению ко мне, в то время как он чувствовал, что то, что я сказал, было правдой, я никогда не забуду. Я хочу, чтобы люди знали, что все, что было сделано, было сделано человеком, борющимся со смертью, чтобы знали, что он гораздо больше думал о том, чего не сделал, чем о том, что сделал, чтобы знали, что все его последние страдания были

наполнены не эгоистичным желанием собственного спасения - и уж тем более не честолюбием (он ненавидел должности, его честолюбие было самым чистым из всех, что я знал), - а борьбой за наше благо.

К счастью для ее душевного спокойствия, к ней почти сразу же пришел призыв быть на ногах и служить своему "дорогому господину", как в своих письмах этого времени она постоянно называла Сиднея Герберта.

Газеты поначалу несколько неохотно публиковали некрологи о нем. О нем больше думали в связи с недостатками работы военного министерства в первые месяцы Крымской войны, чем с его заслугами как реформатора. Его семья и друзья были убиты горем, и от их имени мистер Гладстон обратился к мисс Найтингейл. Она чувствовала себя недостаточно хорошо, чтобы встретиться с ним, и 6 августа он написал письмо, объяснив суть дела, "взяв на себя смелость обратиться к ней за помощью и советом" и попросив "содействия ее превосходных знаний и суждений в вопросе, который так сильно интересует наши чувства". Мисс Найтингейл немедленно принялась за работу и написала меморандум о работе Сиднея Герберта в качестве реформатора армии. Она писала быстро, но со свойственной ей тщательностью, указывая главу и стих для каждого утверждения. Меморандум был анонимным, с пометкой "Лично и конфиденциально"; однако она напечатала его и распространила среди друзей лорда Герберта и различных публицистов. Среди тех, кто увидел его, был Абрахам Хейворд, который, когда несколько недель спустя обсуждался вопрос о памятнике лорду Герберту, настоятельно просил ее опубликовать документ. "Никто, - писал он, - не может или не хочет превратно истолковать ее мотивы. В ее благотворной и самоотверженной карьере не было ничего более примечательного, чем ее ненавязчивость. Она стала знаменитой только потому, что ее результаты были слишком велики и хороши, чтобы их можно было окутать тишиной и уединением. Как бы восхитительно она ни писала, она, очевидно, никогда не думает о своем стиле, который, именно по этой причине, является наиболее впечатляющим; и я совершенно уверен, что бумага, о которой идет речь, не предполагает никаких мыслей или чувств, кроме убеждения и сочувствия".[294]

Меморандум, в той мере, в какой он относится к тому, что Сидни Герберт сделал, был описан и процитирован выше; но в конце его мисс Найтингейл была осторожна, чтобы коснуться того, что он намеревался сделать и что осталось сделать для других. "Он умер до того, как его работа была закончена". Работа, к которой было приковано его сердце, заключалась в сохранении здоровья, физического и морального, британских солдат. "Это его работа, которая должна принести плоды во все последующие времена и которую его смерть передала на попечение его страны".

Закончив свой меморандум, мисс Найтингейл отправила его мистеру Гладстону. Она знала, какая теплая дружба связывала его с Сиднеем Гербертом. Она подумала, что в отношении оставшегося друга, возможно, сбудется поговорка: *uno avulso non deficit alter*. Во всяком случае, она обязана была намекнуть на это. Поэтому она подчеркнула, так сказать, заключительные слова своей газеты, предложив поговорить с мистером Гладстоном о незаконченной работе, которая, как она знала, была ближе всего к сердцу Сиднея Герберта. На эту увертюру мистер Гладстон ответил письмом, в котором рассказал о похоронах своего друга:

(У. Э. Гладстон - Флоренс Найтингейл.) 11 Карлтон Хаус Террас, 10 августа [1861 г.].
Похороны были очень печальными, но очень успокаивающими. Простые по форме, они были наиболее примечательны по количеству собравшихся людей и особенно по их поведению. Многие плакали: среди нескольких тысяч людей не было видно ни одного безразличного

лица. Но все это все больше и больше подчеркивает ту огромную пустоту, которую он оставил для всех, кто любил, то есть для всех, кто знал его.... Я прочитал вчера вечером с глубоким интересом вашу важную статью. Я сразу понял, что эта тема слишком высока для меня. Как и вы, я знаю, что слишком много может его огорчить, а слишком мало - нет. Я, по правде говоря, ничего не смыслю в военном управлении, и мои впечатления далеки и туманны. Именно ваши знания и авторитет, более чем авторитет любого живого существа, могут отдать ему справедливость в надлежащее время, когда бы это ни было, - отдать справедливость, как он того хотел бы, без преувеличения, без обмана других. Я верну вам бумагу, но осмелюсь оставить себе копию.

Что касается того, чтобы вы сообщили мне о "трех предметах", я попрошу вас поступить по своему усмотрению, просто сказав следующее: мой долг - наблюдать и контролировать со стороны казначейства, а не содействовать официально реформам департамента. Ему я мог бы лично предложить: Я не уверен, что мне будет оправдана подобная вольность в отношении сэра Г. Льюиса, особенно новичка в его работе. С другой стороны, мое стремление содействовать реализации желаний Герберта, как его желаний, было не сильнее, чем моя уверенность в его суждениях как администратора. (Если я сейчас неохотно касаюсь этой темы, то лишь из опасения испортить ее). В управлении отделом он казался мне почти, если не совсем, первым в своем поколении. Остаюсь, дорогая мисс Найтингейл, искренне ваш, У. Э. Гладстон.

Во второй половине дня 28 ноября в Willis's Rooms-в том же месте, где в том же месяце шесть лет назад мистер Герберт выступил в поддержку мемориала в честь мисс Найтингейл, состоялось общественное собрание в поддержку мемориала в его честь. "Я думаю, вы были бы удовлетворены, - написал ей вечером того же дня мистер Гладстон, - даже если бы вы были придирчивым судьей, тоном и настроением сегодняшнего собрания. Я имею в виду Герберта. Что же касается вас, то, возможно, вам было все равно, но вы не могли быть иначе как довольны. Я не упоминал о вас в связи со статьей, которую вы любезно прислали мне, хотя и воспользовался ее материалами. Я поступил так после беседы с графом Стшелечи,^[295] и с его одобрения. Я подумал, что если я упомяну вас вместе с этой статьей, я буду выглядеть виновным в предположении, чтобы сделать себя вашим органом." Документ мисс Найтингейл, в котором кратко излагались заслуги лорда Герберта в области здоровья и комфорта британской армии, действительно стал основой не одной из речей^[296], а о долгом союзе между ними в этом деле, который был предметом предыдущих глав в этом мемуаре, часто упоминалось на встрече. Генерал сэр Джон Бургон легкомысленно заявил, что "хобби лорда Герберта было укрепление здоровья и комфорта солдат, а его любимицей была мисс Найтингейл, которая в течение многих лет посвящала себя тому же делу". Мистер Гладстон упомянул в качестве "соратницы" лорда Герберта "имя мисс Найтингейл, ставшее талисманом для всех ее соотечественников". А лорд Пальмерстон, премьер-министр, ассоциируя главнокомандующего с покойным военным министром, добавил, что "они трудились не одни. Они были не единственными двумя; в этих почетных усилиях участвовал и третий, и мисс Найтингейл, хотя и была добровольцем на службе, действовала со всем рвением добровольца и была большим помощником, как я уверен, Ваше Королевское Высочество засвидетельствует, в трудах Вашего Королевского Высочества и лорда Герберта".

Союз, который был расторгнут после смерти лорда Герберта, вероятно, является уникальным в истории политики и дружбы. "Что касается его дружбы и моей, - сказала мисс Найтингейл, - то я сомневаюсь, что подобное может когда-либо повториться".[297] В течение пяти лет политик на виду у всех и эта женщина за кулисами активно сотрудничали, часто виделись ежедневно, постоянно поддерживая непрерывную связь. Были и другие случаи, когда происходило то же самое, но с большими различиями. Бывали государственные деятели, которые делали из своих жен доверенных лиц, находили в них мудрых советчиков и полезных помощников. Сам Сидни Герберт получал большую помощь в своей общественной работе от жены, к которой был преданно привязан. В некоторых карандашом записи о своих друзьях, мисс Найтингейл записывает прекрасную черту; Сидни Герберт сделал это правило, говорит она, чтобы отметить каждую годовщину его день свадьбы, начав какую-то новую работу доброты по отношению к другим. И все же в распорядке его жизни в течение пяти лет после Крымской войны было место для постоянного совета с другой женщиной - настолько постоянного, что, возможно, в дни его болезни и переутомления, чтобы вызвать у его жены некоторое беспокойство. Однако мисс Найтингейл была так же дорога жене, как и полезна мужу, и дружеские отношения между ней и миссис Герберт не были нарушены. Было немало государственных деятелей, а также других выдающихся людей, которые находили вдохновение или поддержку, не меньше, чем утешение или удовольствие, в женской дружбе. Но влечение Сиднея Герберта к мисс Найтингейл, а ее к нему, находилось в другой плоскости. Она, как и все мужчины и женщины, знавшие его, была восприимчива к необыкновенному обаянию и обходительности Сиднея Герберта; она восхищалась блеском его разговора; она испытывала удовольствие от его присутствия. А он, с его быстрым восприятием, должно быть, наслаждался готовым юмором, который играл вокруг мудрости мисс Найтингейл. Но они также были товарищами или коллегами, как и мужчины. "Одна женщина как-то сказала мне, - рассказывала мисс Найтингейл своему старому другу, - что мой характер больше нравится мужчинам, чем женщинам. В каком-то смысле я не хотела бы, чтобы так говорили. Мы с Сидни Гербертом были вместе именно как двое мужчин - точно как он и Гладстон".[298]

Секрет этой редкой дружбы между Сиднеем Гербертом и мисс Найтингейл следует искать, во-первых, в том, что характер и дары одного из них точно дополняли характер и дары другого. Хотя Сидни Герберт и обладал сангвиническим темпераментом, ему была присуща осторожность политика. Мисс Найтингейл, хотя и обладала исключительно практическим гением, была нетерпелива и полна побудительной силы. Она давала ему вдохновение, которое он мог воплотить в политические действия. Сидни Герберт обладал политическим складом ума; мисс Найтингейл - административным. Не то чтобы он был лишен некоторых административных способностей, а она - политического инстинкта. Но что было особенно характерно для нее, так это сочетание твердого понимания общих принципов с полным владением деталями; и в конкретной работе, которой они занимались, ее опыт восполнял то, чего не хватало ему. "Я обеспечивала детали, - говорила она сама, - знание реальной работы армии, в котором так не хватает официальных лиц; он обеспечивал политический вес".[299] Таким образом, каждый из них был незаменим для другого. И их объединяла совершенная симпатия в служении высоким идеалам. "Он, - писала мисс Найтингейл о Сиднее Герберте, - имея все, что Бог мог дать, чтобы заставить его празднично наслаждаться жизнью, все же бежал, как скаковая лошадь, своим благородным путем, пока не пал, и до самых двух недель своей смерти продолжал творить добро, не из любви к власти или месту (это его не интересовало), а из любви к человечеству и Богу".[300] Он был, "в лучшем смысле этого

слова", - пишет она в другом месте, - "спасителем людей".^[301] В этом почетном списке мисс Найтингейл заслуживает равного места со своим другом.

Сноски:

^[222] Расширение, изданное в 1862 году, меморандума, напечатанного в частном порядке в 1861 году. См. ниже, с. 408.

^[223] В письме от 9 февраля 1857 года, копия которого хранится у нее. Кому адресовано, не указано.

^[224] *Заметки*, раздел iii. p. viii.

^[225] См. ниже, с. 349.

^[226] *Отчет комиссии по расследованию снабжения британской армии*, стр. 2, 3.

^[227] *Заметки об армии*, с. 249-50, 507-8. Последний отрывок продолжается словами, которые мисс Найтингейл написала ранее и которые я процитировал в качестве девиза для настоящей части (стр. 309).

^[228] Ее сестра описывала разочарование себя и своей матери, когда Флоренс отказалась сопровождать их на садовую вечеринку в Чатсуорте. Герцог Девонширский был большим поклонником работы мисс Найтингейл и собрал коллекцию газетных вырезок о ней, которую он подарил Свободной библиотеке Дерби. Он подарил мисс Найтингейл серебряную сову в знак признания ее мудрости и в память о ее питомце (см. выше, с. 160).

^[229] *Invasion of the Crimea*, vol. vi. p. 426 n.

^[230] См. ниже, с. 336.

^[231] В письме к сэру Джону Макнилу от 3 мая 1857 года.

^[232] Письмо Эдвину Чедвику, 17 октября 1860 года. Он настоятельно советовал ей встретиться с мистером Кинглейком, чтобы внушить ему истинную мораль крымской неразберихи.

^[233] Мисс Эллен Толлет от Леа Херст.

^[234] См. выше, стр. 297.

^[235] *Жизнь принца-консорта*, т. iii. с. 503.

^[236] *Panmure*, vol. ii. p. 306.

^[237] Сын сэра Джеймса, которому он наследовал баронетство; женат на Шарлотте Колтман. Впоследствии между ними возникла семейная связь, поскольку племянник леди Кларк, мистер Уильям Колтман, женился на кузине мисс Найтингейл, Берте Смит.

^[238] Впрочем, не исключено, что эту идею ему подсказала королева. Об инициативе и живом интересе Ее Величества к вопросу о больнице Нетли см. в *"Жизни принца-консорта"*, т. iii. с. 227, 491.

^[239] *Stanmore*, vol. ii. p. 121.

[240] Томас Грэм Бальфур (1813-1891), доктор медицины из Эдинбурга; составитель первых четырех томов *"Статистики британской армии"*; помощник хирурга Гренадерской гвардии.

[241] Мистер Милтон был послан в Скутари военным министерством в помощь главному провизору, и мисс Найтингейл считает, что он занимался только официальной "белибердой".

[242] Об этом см. ниже, с. 338.

[243] *Stanmore*, vol. ii. pp. 119-122.

[244] См. *Stanmore*, vol. ii. p. 124.

[245] В главе ix. тома vi Кинглейк принимает заключение Коллегии Челси как последнее слово в этом споре. О другой стороне см. книгу сэра Александра Туллока *"Крымская комиссия и совет Челси"*, 2-е изд. с предисловием сэра Джона Макнилла (1880 г.).

[246] См. выше, с. 257.

[247] Предисловие к *"Крымской комиссии"* Туллока и т. д., 1880, с. xiii.

[248] Об этих обращениях см. брошюру, напечатанную в Эдинбурге в 1857 году, под названием *"Обращения, представленные сэру Джону Макнилу, генералу К.Б., и полковнику Туллоку, с их ответами"*.

[249] Двадцать лет спустя было сделано еще одно возмещение. Сэр Теодор Мартин в своей *"Жизни принца-консорта"* неблагоприятно отозвался о докладе Макнилла-Туллоха. В пятом издании он изменил отрывок. "Это почти больше, чем мы могли надеяться", - написала леди Туллок, сообщая мисс Найтингейл о пересмотре; "Я говорю *"мы"*, зная, как много интереса вы проявили к этому вопросу". "Я дарю вам радость", - ответила мисс Найтингейл (23 февраля 1878 года); "Я дарю вам обоим радость за это венчающее признание одного из самых благородных трудов, когда-либо совершенных на земле. Вы сами не можете цепляться за него больше, чем я: в одном смысле - едва ли, потому что я видел, как донесения сэра Джона Макнейла и сэра А. Туллока стали спасением армии в Крыму. Без них все, что произошло, считалось бы "в порядке вещей". ... Я оглядываюсь на эти двадцать лет, как будто это было вчера, но также и как будто это была тысяча лет. Успехов нам и благородным мертвецам". Копия этого письма была отправлена сэру Джону Макнилу, который ответил (25 марта): "Очень мило с вашей стороны скопировать его для меня. Нет никого, ни живого, ни мертвого, чье свидетельство я мог бы ценить так высоко в отношении рассматриваемых вопросов, как свидетельство мисс Флоренс Найтингейл. Ее положительное мнение очень ценно для меня не только потому, что она знала больше и была интеллектуально более способна вынести правильное суждение, чем любой другой человек, посетивший эту странную сцену, но и потому, что мое уважение и привязанность к ней таковы, что мне было бы очень больно узнать, что у нее есть основания думать в какой-либо степени менее благоприятно о наших услугах, чем она думала раньше. Ее письмо очень характерно, а потому очень ценно для меня".

[250] Более известен миру как 15-й граф Дерби; государственный секретарь по делам Индии (1858-9); министр иностранных дел (1867-8); министр иностранных дел при Дизраэли (1874-8); министр по делам колоний при Гладстоне (1882-5).

[251] *Panmure Papers*, vol. ii. p. 321.

[252] *Ibid.* vol. ii. pp. 332-4.

[253] *Ibid.* vol. ii. p. 338.

[254] *Panmure Papers*, vol. ii. pp. 401, 405.

[255] Vol. vi. p. 367.

[256] Возможно, Абрахам Хейворд; см. его мнение о письме мисс Найтингейл, цитируемое ниже, с. 408. Отрывок, зачитанный сэром Дж. Макнилом, возможно, был тем, который цитировался выше, с. 242; или, возможно, тем, который цитировался на с. 317.

[257] Это мнение подкрепляется оценкой "Записок" в статье, которая попала мне в руки, когда эта книга готовилась к печати. "Эта работа (*Записки*), по моему мнению, представляет собой один из самых ценных вкладов, когда-либо сделанных в организацию и управление госпиталями во время войны. Если бы выводы, к которым она пришла, были учтены в Гражданской войне в Америке, или в Бурской войне в Южной Африке, или в Испано-американской войне, сотни тысяч жизней могли бы быть спасены" (*Hurd*, цитируется по *Bibliography B*, No. 47, p. 76).

[258] См. цитированный выше отрывок, с. 288.

[259] *Panmure*, vol. ii. p. 381, где на следующих страницах также напечатан меморандум.

[260] "Даже черный свинец не нужен, так как лак, который сейчас можно приобрести, выглядит лучше", *Subsidiary Notes*, p. 22.

[261] См. выше, с. 330.

[262] См. выше, с. 281.

[263] *Добродетельной юной леди*

Дама, что в расцвете ранней юности
Мудро избегала широких дорог и зелени,
И вместе с теми немногими, что видны
Что трудятся на холме небесной Истины,
Лучшая часть с Марией и Руфью
Избранный ты и т. д. и т. п.

[264] Ричард, лорд Эйри, генерал-квартирмейстер Крымской армии в 1854-5 годах, один из офицеров, оправданных Советом Челси; генерал-квартирмейстер в 1855-65 годах.

[265] Д-р Холл сообщал д-ру Смиту из Скутари (20 октября 1854 г.) с "большим удовлетворением", что "все учреждение госпиталя теперь поставлено на весьма достойную основу" и т. д. См. "Заметки", с. 52.

[266] *Армия в ее медико-санитарных отношениях*, стр. 26. Эдинбург, 1859. Перепечатано из "Эдинбургского медицинского журнала". Автор - доктор Комб, Р.А.

[267] Письмо напечатано в *Stanmore*, vol. ii. p. 133.

[268] См. выше, p. 118.

[269] Об этой домашней сове см. выше, с. 89, 160.

[270] "В травянистой ложбине, на берегу светлого водоема, стоит статуя великого Рамсеса, самая прекрасная из всех, что мы видели. Он лежит на своем лице, как будто только что прилег от усталости" и т. д. Florence Nightingale's *Letters from Egypt*, 1854, p. 258.

[271] Augustus Hare's *Story of Two Noble Lives*, vol. ii. p. 350.

[272] В Эдинбурге осенью 1856 г.; см. выше, с. 321, 328.

[273] Его статья появилась в "*Вестминстере*" за январь 1859 г., длинные выдержки из нее приведены в *Stanmore*, vol. ii. pp. 141-8. Мисс Найтингейл прочитала ее в рукописи и предоставила много материала.

[274] Первоначальными членами Комиссии по казармам и больницам были мистер Герберт, доктор Сазерленд (постоянный коллега мисс Найтингейл) и капитан Гальтон (женатый на ее кузине). Комиссия была назначена в октябре 1857 года. Общий отчет (представленный парламенту в 1861 году) был датирован апрелем 1861 года (см. ниже, с. 388). До этого он выпустил множество промежуточных отчетов. Восстановленный, он в конечном итоге стал постоянным органом (vol. ii. p. 64).

[275] См. Библиографию А, № 10.

[276] Профессор Ф. де Шомон в 9-м издании "*Британской энциклопедии*". Нетли, однако, больше не является главным военным госпиталем.

[277] Письмо Гарриет Мартино, 8 октября 1861 года. Какими бы масштабными ни были планы мисс Найтингейл по реорганизации армии, она никогда не осмеливалась предложить упразднить Конную гвардию и отправить в отставку ее начальника.

[278] "*Англия и ее солдаты*", Гарриет Мартино, 1859 г. В этом томе воспроизведены диаграммы мисс Найтингейл "soxcomb". Она переработала текст мисс Мартино, выплатила автору гонорар от издательства и купила книгу стоимостью 20 фунтов стерлингов для представления в читальных залах.

[279] О ее назначении см. ниже, с. 405; о сменявших друг друга комитетах и т. д., связанных с казармами, см. в Указателе, т. II (в разделе "*Казармы*").

[280] См. выше, с. 331. Кулинарная школа в Олдершоте упоминается в *Общем отчете* Комиссии по казармам, 1861, p. 114 n.

[281] Комитет по медицинской статистике армии (мистер Герберт, сэр А. Туллох и доктор Фарр) представил отчет в июне 1858 года, а его доклад был напечатан в 1861 году. В том же году был напечатан *Первый ежегодный статистический отчет о здоровье армии* (вышел в марте); его составил доктор Т. Грэм Балфур, который был назначен главой статистического отделения Медицинского департамента армии.

[282] Рассказ о них можно прочитать в *Stanmore*, vol. ii. pp. 364-8.

[283] *Stanmore*, vol. ii. p. 367.

[284] Сэр Уильям Эйткен (1825-1892), доктор медицины из Эдинбурга; помощник патологоанатома медицинской комиссии во время Крымской войны; F.R.S. 1873; посвящен в рыцари в 1887 году. Занимал должность профессора с 1860 года до самой смерти.

[285] *Вступительная речь в форте Питт, Чатем*, 2 октября 1860 г., произнесенная генерал-инспектором Т. Лонгмором, стр. 7.

[286] Введение, стр. 20, к новому изданию (1860 г.) книги Эндрю Комба "*Лечение младенцев*".

[287] Возможно, следует пояснить, что венерические заболевания лечатся в отдельной больнице.

[288] Это отделение колледжа, которое не понравилось бы мисс Найтингейл. Она ненавидела и высмеивала прививки. "О, да, я знаю, - сказала она однажды, - они сделают вам оспу, или дифтерию, или чуму, или все, что вам угодно. Вы платите деньги и делаете свой выбор".

[289] См. выше, с. 281.

[290] Этот комитет получил свои инструкции 17 февраля и представил отчет 24 августа 1861 года. Отчет (1861 г.) находится под № 2867 в Парламентских бумагах.

[291] Это был лорд Герберт, который, усевшись после своего первого выступления в Палате лордов и спросив у стоявшего рядом друга, не было ли ему трудно, ответил: "Трудно! Это было похоже на обращение к покрытым листьями надгробиям при свете факела".

[292] *Реформа армии при лорде Герберте*, стр. 4-5.

[293] Более известен как маркиз Рипон, в это звание он был возведен в 1871 году.

[294] Письмо (20 ноября) графу Стржелеки, о котором см. ниже, с. 410.

[295] Сэр Пол Эдмунд де Стшелечи, К.К.М.Г., К.Б., известный как граф Стшелечи, австралийский исследователь, польского происхождения, хотя и натурализованный англичанин, был большим другом лорда и леди Герберт, которых он сопровождал в их последнем заграничном путешествии. Он принимал активное участие в организации Мемориала Герберта.

[296] Они собраны в памфлете (август 1867 г.) под названием *Memorial to the Late Lord Herbert*.

[297] Письмо Гарриет Мартино, 24 сентября 1861 г.

[298] Письмо мадам Моль, 13 декабря 1861 г.

[299] Письмо Гарриет Мартино, 24 сентября 1861 г.

[300] *Dublin* (Bibliography A., No. 28), p. 8.

[301] *Герберт* (Библиография A., № 29), с. 3.

ЧАСТЬ IV

БОЛЬНИЦЫ И УХОД ЗА БОЛЬНЫМИ (1858-1861)

Повседневное управление большой палатой, не говоря уже о больнице, знание законов жизни и смерти для людей и законов здоровья для подопечных (а подопечные здоровы или нездоровы в основном в зависимости от знания или незнания медсестры) - разве не являются эти вопросы достаточно важными и трудными, чтобы требовать обучения на опыте и тщательного изучения, как и любое другое искусство? - Флоренс Найтингейл: *Заметки о сестринском деле*.

ГЛАВА I

БОЛЬНИЧНЫЙ РЕФОРМАТОР (1858-1861)

Может показаться странным провозглашать в качестве первого требования к больнице принцип, согласно которому она не должна причинять больным вреда. Тем не менее, это совершенно необходимо, чтобы положить такой принцип, потому что фактическая смертность в больницах, особенно в тех из больших переполненных городов, очень много выше, чем любой расчет, основанный на смертности от того же класса заболеваний среди пациентов, лечившихся *вне* больниц привело бы нас ожидать. - Флоренс Nightingale (1863).

Работа для здоровья солдат, который был описан в предыдущей части, заполнил большую часть жизни мисс Найтингейл в течение пяти лет после ее возвращения из Крымской войны; и в 1856, 1857, 1858 он занял почти все ее время. Работа продолжалась почти ровно пять лет, со дня ее возвращения из Скутари (август 1856 года) до дня смерти лорда Герберта (август 1861 года). Но в эти напряженные годы мисс Найтингейл вместила много другой работы. Для ясности и последовательности изложения было необходимо последовательно рассмотреть тему санитарной реформы армии в одной части. В настоящей части будут описаны другие основные занятия мисс Найтингейл в тот же период, и особенно в 1859, 1860 и 1861 годах.

Историю ее жизни и работы можно для удобства разделить на отдельные части; но в ее собственном сознании каждая из отраслей деятельности, в которую она последовательно погружалась, была связанной частью большого целого. Переживания, связанные с Крымской войной, и эмоции, вызванные ими, заставили ее направить свои первые усилия на дело реформ в интересах ее "детей", британских солдат. Но все это время она с полной ясностью видела, что здоровье армии - лишь часть более важного вопроса, а именно здоровья всего населения, из которого берутся солдаты. Она заработала свою репутацию благодаря работе в военных госпиталях, и ее первые усилия были направлены на их улучшение, но она видела, что состояние гражданских больниц - это более важный и значительный вопрос. И еще она поняла, что больницы - это в лучшем случае лишь необходимое зло; необходимость, как кто-то сказал, на промежуточной стадии цивилизации. Секрет здоровья нации следует искать в домах людей. Если в каком-то городе или квартале, например, наблюдается чрезмерная детская смертность, то, по ее словам, средство от этого не в том, чтобы построить там больше детских больниц. Она была известна во всем мире как военная медсестра; но она знала, что трудности, с которыми она столкнулась в этой сфере,

были вызваны тем, что искусство ухода за больными было так плохо понято на родине. Ее взгляды стали шире, и ее усилия по улучшению благосостояния людей охватывали, как мы услышим, и Индию, и колонии. Мистер Дизраэли в своей знаменитой речи^[302] произнес фразу *Sanitas sanitatum, omnia Sanitas*, но это было в 1864 году; девизом мисс Найтингейл она стала за много лет до этого. Если учесть масштабы ее деятельности и глубину ее влияния, то утверждение американского писателя о ней не покажется преувеличенным: она была "самым выдающимся санитаром своего века".^[303] Нас интересует ее жизнь и работа, сначала как реформатора больниц (главы I., II.), а затем как основателя современной сестринского дела (главы III., IV.).

В годы после Крымской войны авторитет мисс Найтингейл в области госпиталей был первостепенным - об этом уже говорилось в планах Нетли. Популярность и престиж были подтверждены практическим опытом, который в то время, вероятно, был уникальным. "Уделяли ли вы, - спросила ее Королевская комиссия 1857 года, - внимание организации гражданских и военных госпиталей?" "Да, - ответила она, - в течение тринадцати лет. Я посетила все госпитали в Лондоне, Дублине и Эдинбурге, многие окружные госпитали, некоторые из военно-морских и военных госпиталей в Англии; все госпитали в Париже и училась у "сестер милосердия"; институт протестантских диаконисс в Кайзерсверте на Рейне, где я дважды проходила обучение на медсестру; госпитали в Берлине и многие другие в Германии, в Лионе, Риме, Александрии, Константинополе, Брюсселе; также военные госпитали французов и сардинцев". Ее авторитет в этом вопросе еще более укрепился, когда ее уже упомянутые статьи^[304], прочитанные в Ливерпуле в октябре 1858 года, были в начале следующего года опубликованы в виде книги с дополнительными материалами. "Мне кажется, - писал сэр Джеймс Пэдджет, признавая экземпляр книги "Заметки о больницах", - что это самый ценный вклад в санитарную науку в применении к медицинским учреждениям, который я когда-либо читал". Книга не переиздавалась с 1863 года и теперь, возможно, забыта; но если так, то это необходимая судьба многих выдающихся книг. Пионеры одного поколения забываются, когда их работа переходит в общепринятую доктрину и практику другого. В свое время "Записки о больницах" мисс Найтингейл произвели революцию во многих идеях и дали новое направление строительству больниц.

Слова сэра Джеймса Пейджета точно отражают характер работы мисс Найтингейл в этой области. До того как она написала эту книгу, многие наши больницы испытывали острую необходимость в применении санитарной науки. Уровень смертности в них был ужасающе высок. Больницы порождали почти столько же болезней, сколько и лечили: больничная гангрена, больничная пиемия, больничная эризипела, больничная лихорадка и так далее. Возник даже вопрос, не являются ли большие больницы производителями болезней и не должны ли они обязательно ими быть. Мисс Найтингейл показал, что не было такой необходимости. В свете санитарной науки, она проследила назад чрезмерной смертности в больницах к его истинным причинам, в первоначальных дефектах в месте, в агломерации большое количество больных под одной крышей, в недостатке пространства, недостаток вентиляции, недостаток света. Во втором разделе своей книги, более подробно, она перечислила "Шестнадцать санитарных дефектов при строительстве больничных палат", добавив к изложению каждого дефекта точные предложения по его устранению. Она добавила ряд столь же подробных советов по строительству больниц, проиллюстрировав их тщательными планами, внешними и внутренними, некоторых из лучших современных больниц и худших старых. Некоторые из моих читателей знакомы только с современными больницами, и, возможно, будет излишним описать недостатки больниц старого образца.

Многие из больниц и лазаретов, как они существовали, когда мисс Найтингейл начала свой крестовый поход, были построены без учета грунта, и дренаж в них был очень несовершенным. Палаты были ужасно переполнены, часто в три или четыре раза, если исходить из современного стандарта количества кубических футов, необходимых на одну кровать. Вентиляция была несовершенной. Палаты часто были низкими. Между окнами часто стояло более двух кроватей. Мало внимания уделялось тому, что полы, стены и потолки должны быть не впитывающими. Мебель в палатах и утварь были такими, что в наше время их можно было бы назвать безнадежно антисанитарными. Мисс Найтингейл сочла необходимым подробно рассказать о желательности *железных кроватей, волосяных матрасов, стеклянных или фаянсовых чашек* и т.д. (вместо оловянных), а также о санитарной предусмотрительности при строительстве раковин и других мест. Больничные кухни и прачечные на дому были не так плохи, как в Скутари; но многие кухни все еще были очень примитивными, а многие прачечные, осмотренные мисс Найтингейл, были "маленькими, темными, сырыми, непроветриваемыми, переполненными, настолько полными пара с органическими веществами, что едва ли можно было видеть через комнату". Теперь все это, по большей части, осталось в прошлом, и в значительной степени благодаря мисс Найтингейл. Совпав, как и ее книга, с движением за увеличение количества мест в больницах и имея престиж популярной героини, ее *"Записки о больницах"* открыли новую эру в больничной реформе. Правда, улучшения были и до нее; и она не была единственным и неповторимым первооткрывателем простых принципов, которые она провозгласила и которые теперь являются А В С этого предмета. Но общий уровень мысли или практики не всегда поднимается на высоту лучшего мнения; слишком часто он зависит от среднего мнения дня. Более того, в некоторых вопросах в то время, когда она писала, существовал конфликт принципов, в котором победа, как правило, доставалась не той стороне. Благотворное влияние свежего воздуха не всегда отрицалось, но преимущество обеспечения тепла путем закрытия окон и использования искусственных методов вентиляции на практике считалось первостепенным. Мисс Найтингейл была пионером в последовательном акценте, который она дала для высшей необходимости свежего воздуха, и важность "прямой солнечный свет, а не только дневной свет, за исключением, возможно, в некоторых офтальмологических и небольшого количества других случаев". Она основывала свои утверждения в этих вопросах на научных принципах; она подкрепляла их своим опытом и наблюдениями во время Крымской войны и в иностранных госпиталях. Во многих кругах ее идеи были новыми и революционными. Мы уже слышали, какой "горькой пилюлей" было для одного выдающегося медицинского чиновника ее времени проглотить идею "павильонов" при строительстве больниц.^[305] Лорд Пальмерстон объяснил в Палате общин в 1858 году, что, "как это ни странно, учитывая прогресс науки во всех областях, только через несколько лет человечество узнало, что кислород и чистый воздух способствуют благополучию организма".^[306] И в вопросе о лечебном эффекте света, мисс Найтингейл цитирует из официальной публикации случай известного лондонского врача, который "всякий раз, когда он входит в больную комнату, заботится о том, чтобы кровать была отвернута от света". "Один наш знакомый, - добавила она, - проходя однажды мимо барака, увидел, что окна на солнечной стороне заколочены досками, что характерно для тюрем и пенитенциарных учреждений. Он сказал сопровождавшему его другу: "Я не знал, что у вас в этом районе есть тюрьма". "О, - сказал он, - это не пенитенциарное учреждение, это военный госпиталь".^[307] Общие принципы мисс Найтингейл командовал сердечной поддержки лучших медицинских мнений, и для многих медиков ее детали, взятые из наблюдения в лучших зарубежных больницах, позволить новые и полезные советы; в то же время она командовал в необычной степени ухо широкой общественности, в том числе городских советов, опекунов, и

благотворительных лиц. Именно благодаря этому ее книга во многом способствовала повышению уровня строительства и обустройства больниц в нашей стране.

При строительстве военных госпиталей - общих или прикрепленных к конкретным казармам - к мисс Найтингейл обращались постоянно и как к само собой разумеющемуся. В 1859 году, как известно, мистер Герберт стал военным министром, а в 1860 году капитан Гальтон был назначен временным помощником генерального инспектора по фортификации - департамента, в который входили работы по строительству казарм и госпиталей. Она уважала способности капитана Гальтона и очень любила его лично. Он и мистер Герберт прислушивались к ее советам по всем работам, входящим в ее компетенцию, и, в частности, планы нового Главного госпиталя в Вулвиче во многом обязаны ее изобретательности. Она даже разработала главы спецификаций для него. Даже там, где с ней напрямую не советовались и не интересовались, ее влияние и стандарт, который она установила в своей книге, оказывали свое влияние. Офицеры-медики и военные губернаторы добивались разрешения на то, чтобы иметь возможность цитировать ее одобрительные отзывы о госпиталях, находящихся в их ведении. Это, как наивно писал ей один из них, повышало их шансы на продвижение по службе.

Более непосредственным результатом публикации *"Записок о больницах"* стало поступление к мисс Найтингейл многочисленных просьб о консультации от комитетов или должностных лиц городских больниц и лазаретов по всей стране. На все такие просьбы она с готовностью откликалась. Писательство было для нее средством к действию; и когда ей предоставлялась возможность перевести "Записки" в дело, никакие трудности не были для нее слишком сложными. У нее были свои собственные взгляды, но в особых случаях она часто советовалась с другими экспертами. Доктор Сазерленд, один из ведущих авторитетов в подобных вопросах, как мы уже видели, постоянно находился рядом с ней. К своему родственнику по браку, капитану Гальтону, она часто обращалась; иногда она привлекала сэра Роберта Роулинсона для профессиональной подготовки планов и спецификаций, чтобы он представлял их тем, кто просил ее совета. Он, в свою очередь, часто консультировался с ней по поводу больниц и лазаретов, по поводу которых его просили дать совет. К ее советам обращались как те, кто проектировал новые здания больниц, так и те, кто возглавлял крестовые походы за реконструкцию местных учреждений. Среди ее бумаг есть масса корреспонденции, спецификаций, планов, всевозможных меморандумов, касающихся подобных вопросов. Технические детали часто скрашиваются штрихами юмора мисс Найтингейл. Вот два примера из ее писем капитану Гальтону - (24 марта 1861 года): "Я понимаю, что Баринг[308] не хочет проветривать казармы летом, потому что зимой решетки недостаточно горячие. Почему люди должны умирать от дурного воздуха в августе, потому что им слишком холодно на Рождество? Я думаю, что Баринг должен быть армейским врачом". (20 июня 1861 г.): "Является ли идеалом архитектора профиль револьверного пистолета? Если смотреть на план квартала с этой точки зрения, то он очень хорош. Но поскольку он спрашивает мое мнение, то я бы предпочел, чтобы в меня стреляли снаружи, а не внутри". Поскольку принципы работы больницы начинают становиться широко известными, достаточно выгравировать этот план на карточке с предложением, чтобы прекратить все подписки. Ни один пациент там никогда не поправится. А поскольку я не одобряю принцип локских больниц, мне лучше оставить все как есть". Переписка о планах больниц варьируется по месту и масштабу от Глазго, из которого ее попросили посоветовать цемент для стен палат лазарета, до Лиссабона, где по ее идеям должно было быть построено новое учреждение. В 1859 году король Португалии попросил мисс Найтингейл через принца-консорта проконсультировать и сообщить о планах больницы, которую он хотел построить в память о своей жене, принцессе Стефании Гогенцоллернской. Это дело занимало все ее

внимание в течение двух лет и вызывало у нее немалое нетерпение. С помощью доктора Сазерленда она кропотливо изучала планы, представленные архитектором короля, исходя из того, что больница предназначалась для взрослых. Затем выяснилось, что королю нужна детская больница. Принц-консорт, через полковника Фиппса, был глубоко опечален "тратой времени мисс Найтингейл и ее сил, столь драгоценных". Дом Педро V., придерживаясь более легкого взгляда, не видел в этом ничего особенного. Больница, построенная для взрослых, но предназначенная для детей, по мнению Его Величества, "только даст детям больше места и больше воздуха". Королю пришлось преподать урок тонкостей строительства больниц. Архитектор и мисс Найтингейл снова принялись за работу над измененными планами. Ее предложения были горячо одобрены сэром Джеймсом Кларком от имени принца-консорта, а Дом Педро прислал ей сердечное благодарственное письмо.

На родине она с аналогичными усилиями работала над планами лазарета округа Бакс в Эйлсбери; но здесь было легче, так как председателем комитета был ее шурин, сэр Гарри Верни, и было быстро принято решение (1860) перестроить лазарет "в соответствии с требованиями, указанными в *"Заметках о больницах"* мисс Найтингейл". В другой окружной больнице, в Винчестере, она проявляла больший интерес, поскольку одно из владений ее отца (Эмблей) находилось в этом округе. Существует специальная объемная переписка по этому вопросу, в основном с сэром Уильямом Хиткотом (председателем управляющих),^[309], продолжавшаяся несколько лет. Старая больница, по общему признанию, была плохой, но первая идея заключалась в том, чтобы подлатать ее. Мисс Найтингейл приложила немало усилий, чтобы доказать свою несостоятельность. Она изучила отчет, который прислал санитарный инженер сэр Роберт Роулинсон, и вывела статистику смертности, сравнив ее с показателями благоустроенных больниц на здоровых участках. Вооружившись таким образом, она резко заявила Комитету, что они предлагают выбросить деньги на ремонт "очага, где множество людей подвергаются риску смертельной болезни от специального больничного заболевания". Хочет ли Хэмпшир, спросила она, повторить дурную славу Скутари? Затем она обратилась к финансовой проблеме. Она сравнила смету расходов на "адаптацию" с расходами на строительство новой больницы на лучшем месте. Она представила планы и детали своей сметы. Она обещала посоветоваться с доктором Сазерлендом при выборе нового места. "Я понимаю, - писала она, - что лорд Эшбертон даст 1000 фунтов стерлингов на новую больницу, если она будет построена на новом месте; если же нет, то ничего". Поскольку леди Эшбертон была одной из ее самых дорогих подруг, это условие, вероятно, не было беспричинным. На том же условии она обещала пожертвования от себя и своего отца. Она собрала и прислала мнения выдающихся экспертов - гражданских инженеров и медиков - по этому вопросу. Она обратилась к друзьям, обладающим местным влиянием: "Не могли бы вы, - писала она капитану Гальтону (10 февраля 1861 года), - посвятить первый день каждой недели до дальнейшего уведомления вбиванию гвоздей в Джека Бонэма Картера,^[310] М.Р., по поводу Винчестерского лазарета?" В конце концов она добилась своего, и мистер Баттерфилд построил новую больницу на более высоком и здоровом месте. "Мне доставляет огромное удовольствие, - писал ей архитектор (декабрь 1863 года), - пытаться воплотить в жизнь взгляды того, кто умело и искренне стремится к реформации". Среди других учреждений, которые она консультировала в этом (1860) или последующих годах, были Биркенхедская больница, Чорлтонская унионная больница, Ковентрийская больница, Гилдфордская больница (графство Суррей), Лидская больница, Мальтийская больница для неизлечимых больных, Путниская королевская больница для неизлечимых больных, Северо-Стаффордширская больница и Суонсийская больница. Корреспонденция из зарубежных стран и сборник трактатов по строительству больниц (1863), присланный ей из Франции и Бельгии, показывают, что "реформация" получила широкое распространение. В Индии также нашли ее книгу полезной. "Она прибыла как

нельзя вовремя, - писал сэр Чарльз Тревелиян, губернатор Мадраса (10 августа 1859 года), - как вы увидите из сопроводительной записки майора Хорсли, инженера, которому было поручено подготовить план пристройки к нашему Главному госпиталю".

//

Как и другие реформаторы, мисс Найтингейл время от времени терпела поражения. Одно из них произошло в Манчестере в деле, в котором она была задействована другом Кобдена, мистером Джозефом Адсхедом. Он видел что-то из мисс Найтингейл в эти годы, и переписывались с ней объемно. Он является предметом одного из ее умных и ярких характер - эскиз, который бросает интересные боковые огни на ее собственный характер тоже:-.

(*Мисс Найтингейл - Сэмюэлю Смитту.*) Берлингтон, 25 февраля [1861 г.]. Дорогой дядя Сэм Адсхед из Манчестера умер - мой лучший ученик.... Как часто я называл его "мой дорогой старый Адсхед", а теперь он умер. Он был человеком, который едва ли мог писать или говорить на английском языке королевы; я полагаю, он сам себя воспитал и теперь был своего рода агентом фабриканта в Манчестере. Он был человеком весьма заурядных способностей и заурядной внешности - вульгарный, но никогда не был неделовым, что, по моему, является худшим видом вульгарности. Добившись "компетенции", он не бросил бизнес, а посвятил себя добрым делам для Манчестера. И едва ли найдется в Манчестере хоть одно доброе дело, в котором он не был бы главной опорой или источником - школы, лазарет, мостовая и дренаж, водоснабжение и т. д. и т. п. В 60 лет он берется за совершенно новый предмет - строительство больниц, вдохновленный моей книгой, и решает освоить его. В этом, на мой взгляд, и заключается особенная англосаксонская черта. Он пишет мне, буду ли я его учить (это было около 18 месяцев назад), и составляет несколько планов больницы для выздоравливающих в Манчестере, которая должна стать их главной больницей, если ветер будет благоприятным. Он приезжает в Лондон, чтобы повидаться со мной по этому поводу. Рабочие планы прошли через мои руки восемь раз и доставили мне больше хлопот, чем все, что я когда-либо делал. Потому что Адсхед не стал бы нанимать нормального строителя, а сделал бы их сам - что, как я полагаю, является частью того же характера. Планы уже готовы, но не более того. Он намеревался *лично просить* по всему Ланкаширу, и уже получил несколько обещаний крупных сумм. Он просил уже около года, но так ничего и не добился. Не знаю, помните ли вы, что я вел с ним трехмесячную переписку (и ох! какие огромные хлопоты он взял на себя) о пересадке ткачей из Спиталфилдса и Ковентри в Манчестер, Престон, Бернли и т. д. [311] ... Это так ни к чему и не привело.... Ему был 61 год, когда он умер. Вот характер, который, как я полагаю, весьма характерен для нашей расы - человек, обычный торговец, который вместо того, чтобы "удалиться от мира", чтобы "совершить свое спасение", или посвятить себя науке, или семье в старости, или основать орден, или построить дом, будет [425] терпеливо (в 60 лет) изучать новые приемы и новомодные идеи, чтобы принести пользу своему родному городу.... Как я чувствую, что в этом сила нашей страны и что это стоит всех католических "орденов" Р., вместе взятых. Я ненавижу "ордена" и очень рад, что меня никогда не "пускали" в них.

Мистер Адсхед принимал активное участие в движении за то, чтобы Манчестерский королевский лазарет был осужден как антисанитарный и был перестроен на лучшем воздухе за чертой города. Мисс Найтингейл, хотя и не присоединилась публично к спору, пичкала мистера Адсхеда порохом и дробью. Но они потерпели поражение. Манчестер решил латать, а не перестраивать.

В случае с лондонской больницей Святого Томаса, которая по другой причине оказалась перед тем же выбором, она добилась успеха. Руководство больницы, оказавшись в затруднительном положении, нередко "обращалось к мисс Найтингейл". Так было с мистером Уитфилдом, врачом-резидентом больницы Святого Томаса (тогда она находилась на своем старинном месте в Боро), когда будущее больницы оказалось под угрозой из-за планируемого расширения Юго-Восточной железной дороги от Лондонского моста до Чаринг-Кросс. Железнодорожная компания требовала полномочий для захвата части земель госпиталя, и мнение управляющих должно было разделиться по поводу того, какую политику следует проводить. Мистер Уитфилд с самого начала был сторонником того курса, который в итоге возобладал: Железнодорожную компанию следует заставить купить все земли больницы или ни одной, и в первом случае больница должна быть перестроена на более здоровом месте и по улучшенному плану. Но были и те, кто был склонен пойти по пути наименьшего сопротивления и довольствоваться перестройкой на старом или прилегающем участке в той мере, в какой это было необходимо в связи с проведением железнодорожных работ. Мистер Уитфилд открыл дело мисс Найтингейл в феврале 1859 года и попросил ее о помощи; она полностью согласилась с ним и со всей душой бросилась в дело. Среди управляющих госпиталем был принц-консорт, которому она отправила тщательный меморандум. Принц вник в дело со своей обычной тщательностью и в конце концов согласился с мнением мисс Найтингейл. Как видно из переписки, он тщательно избегал вмешательства в парламентскую сторону дела, но дал понять своим коллегам по Совету управляющих, какого мнения он придерживается относительно наилучшей политики для больницы в случае, если парламент не оставит ей выбора. "Ваше вмешательство в отношения с принцем Альбертом, - написал мистер Уитфилд мисс Найтингейл, - сотворило чудеса". Но мнения все еще расходились. Была сильная сторона, которая придавала большее значение сохранению больницы на старом месте, "посреди людей, которым она служит", чем переносу ее в другое место, которое может быть более благоприятным, но должно быть более отдаленным. Это спор, который постоянно повторяется. Мисс Найтингейл приложила огромные усилия, чтобы доказать необходимость удаления. Как обычно, она прибегла к статистическому методу. Она проанализировала место происхождения всех поступивших больных, вычислила процентное соотношение в различных радиусах и показала, что удаление больницы на такие-то и такие-то расстояния затронет гораздо меньший процент пациентов, чем принято считать. Затем она подсчитала суммы в пропорции, определив, с одной стороны, неудобства и возможные опасности, связанные с тем, что меньшее число пациентов будет добираться до больницы немного дольше, а с другой - удобства и шансы на выздоровление, которые получают все пациенты в более благоприятных условиях. В конце 1860 года наступил критический момент. Железнодорожная компания направила больнице уведомление с требованием принять решение в течение двадцати одного дня. Мистер Уитфилд написал мисс Найтингейл в состоянии значительного волнения. Он ни в коем случае не был уверен, как пройдет голосование; каждый голос и каждое влияние были важны; не могла ли она еще раз шепнуть на ухо принцу-консорту? Она немедленно написала во дворец, и принц сообщил о своем мнении суду управляющих с ее стороны. И не только с ее стороны. "Вы найдете в письме принца, - сказал ей один из тех, кто стоял за кулисами, - ваши собственные аргументы, а иногда и ваши собственные слова". В конце концов губернаторы приняли решение, которого желала мисс Найтингейл. Железнодорожная компания должна была взять все или ни одного участка земли больницы. Она забрала все, и, как это обычно бывает в железнодорожных делах, цена не была изменена в сторону умеренности. Госпиталь Святого Томаса был переведен во временные здания на старой территории Surrey Gardens, где и находился до завершения строительства нынешнего госпиталя в 1871 году.

Говорят, что один светлый американский посетитель, выпив чаю на террасе Дома Парламента и посмотрев через реку на семикратное великолепие напротив, спросил: "Это особняки вашей аристократии?" Это лишь примеры реформы, которую мисс Найтингейл ввела в строительство больниц, - "павильоны" больницы Святого Фомы. Но с мисс Найтингейл никогда не советовались, я уверен, по поводу архитектурного орнамента парапетов. Ее чувство юмора не оставило бы равнодушным урны, которые, как предположил кто-то, похоже, ждут прах пациентов внутри.

ГЛАВА II

СТРАСТНЫЙ СТАТИСТИК (1859-1861)

Полные и подробные статистические данные для законодателя - это как карта, компас и путеводитель для мореплавателя.

Помню, как много лет назад в Уайтчепеле первый лорд Гошен произнес речь, в которой признался, что со своей стороны он "страстный статистик". "Идите со мной, - сказал он, - изучать статистику, и я сделаю вас всех энтузиастами статистики". После этого мистер *Панч* спародировал Марлоу и пригласил своих читателей к "всем удовольствиям, которые доказывают, что факты и цифры могут доставить восторженному взору статиста". Я не знаю, получил ли лорд Гошен или читатели мистера *Панча* большой отклик на это приглашение; хотя с того дня, когда выступил лорд Гошен, социальные реформаторы все больше и больше руководствуются в своих планах таблицей и компасом статистики. Если мисс Найтингейл и видела эту речь, то она попала в давно открытые глаза. Любовь к статистическим методам, вера в их почти неоспоримую эффективность были одной из ее отличительных черт.

Немногие книги произвели на мисс Найтингейл большее впечатление, чем книги Адольфа Кетеле, бельгийского астронома, метеоролога и статистика; и у нее было мало друзей, которых она ценила более высоко, чем доктора Уильяма Фарра, ведущего статистика ее времени в этой стране. На основе своих метеорологических исследований Кетеле вывел закон цветения растений. Одним из его примеров была сирень. Сирень обыкновенная цветет, согласно закону Кетеле, когда сумма квадратов среднесуточных температур, отсчитываемых с момента окончания заморозков, равна 4264° по Цельсию. Мисс Найтингейл очень интересовали подобные расчеты, и сирень занимала особое место в ее году. День рождения леди Верни приходился на 19 апреля, и ветка цветущей сирени была обычным подарком Флоренс сестре на день рождения. Мисс Найтингейл с восторгом рассказывала о законе Кетеле и рекомендовала его друзьям садоводам для проверки в своих "Дневниках натуралиста". Но это лишь легкий пример исследований Кетеле. Больше всего мисс Найтингейл очаровал его "*Essai de physique sociale*" (впервые опубликованный в 1835 году), в котором он показал возможность применения статистического метода к социальной динамике и вывел из этого метода различные заключения в отношении физических и интеллектуальных качеств человека. Что касается санитарии, то мы уже слышали о реформах, которые мисс Найтингейл провела в армейской медицинской статистике. Далее она обратилась к вопросу о статистике госпиталей, где улучшения казались желательными как для более уверенного продвижения медицинских знаний, так и в интересах хорошего управления.

Во время Крымской войны мисс Найтингейл была болезненно поражена статистической небрежностью, которая преобладала в военных госпиталях. Даже количество смертей не было точно зафиксировано. "В Скутари, - рассказывала она, - велись три отдельных журнала. Во-первых, ежедневная ведомость адъютанта о солдатских захоронениях, в которую, как можно предположить, не был внесен ни один человек, который не был похоронен, хотя не исключено, что были похоронены и те, кто не был внесен в ведомость. Во-вторых, ведомость медицинских работников, в отношении которой можно с полной уверенностью сказать, что были похоронены сотни мужчин, которые никогда не фигурировали в ней. В-третьих, декларация, составленная в комнате санитаров, которая примечательна только тем, что дает совершенно иной отчет о смертях, чем все остальные".[312] Когда мисс Найтингейл вернулась домой и начала изучать статистику больниц в Лондоне, она обнаружила не такую вопиющую небрежность, как эта, а полное отсутствие научной координации. Статистика больниц велась не по единому плану. Каждая больница придерживалась своей собственной номенклатуры и классификации болезней. Огромное количество наблюдений не было сведено к единой модели. "В той мере, в какой это имеет отношение, - сказала она, - либо к медицине, либо к санитарной науке, эти наблюдения в их нынешнем состоянии имеют точно такое же отношение, как неопределенное количество астрономических наблюдений, сделанных без согласования и сведенных к единому стандарту, имело бы отношение к прогрессу астрономии".[313]

Мисс Найтингейл поставила перед собой задачу исправить этот недостаток. С помощью дружественных врачей с медицинской стороны и доктора Фарра из Управления генерального регистратора со статистической стороны она подготовила (1) стандартный список болезней, относящихся к различным классам и порядкам, и (2) типовые статистические формы для больниц. Общее принятие ее форм, как она писала, "позволило бы нам установить относительную смертность в различных больницах, а также от различных болезней и травм в одном и том же и в разных возрастах, относительную частоту различных болезней и травм среди классов, которые поступают в больницы в разных странах и в разных районах одних и тех же стран". И опять же, связь продолжительности лечения с общей полезностью больницы так и не была показана. Предложенные мисс Найтингейл формы "позволят смертности в больницах, а также смертности от конкретных заболеваний, травм и операций, чтобы быть установлены с точностью; и эти факты, вместе с продолжительностью случаев, позволят ценность конкретных методов лечения и специальных операций быть доведены до статистического доказательства. Кроме того, можно было бы выяснить санитарное состояние самой больницы".[314] Сформировав свой план, мисс Найтингейл с присущей ей находчивостью приступила к действиям. Она напечатала свои типовые формы (1859) и убедила некоторые лондонские больницы принять их в экспериментальном порядке. Сэр Джеймс Пейджет из больницы Святого Варфоломея был особенно полезен; больницы Святой Марии, Святого Томаса и Университетский колледж также согласились использовать эти формы. Она и доктор Фарр изучили результаты, которых оказалось достаточно, чтобы показать, насколько широкое поле для статистического анализа и исследований откроется после всеобщего принятия ее форм.

Теперь дело было готово к дальнейшим действиям. Доктор Фарр был одним из генеральных секретарей Международного статистического конгресса, который должен был собраться в Лондоне летом 1860 года. Он и мисс Найтингейл составили программу второй секции конгресса (санитарная статистика), и ее схема унифицированной больничной статистики стала главным предметом обсуждения. Ее типовые формы были напечатаны с пояснительной запиской; секция обсудила и одобрила их, и была принята резолюция о том, что ее предложения должны быть доведены до сведения всех правительств, представленных на

конгрессе. Она проявляла живой интерес ко всем мероприятиям и устроила ряд завтраков под председательством своего кузена Хилари для делегатов, некоторые из которых после этого были допущены к присутствию своей хозяйки наверху. Иностранные делегаты высоко оценили эту любезность, как сказал их представитель на заключительном заседании конгресса; "весь мир знает имя мисс Найтингейл", и для них было честью быть принятыми "прославленным инвалидом, Провидением английской армии". Письменные инструкции, отправленные "Провидением" кузине для развлечения гостей, показывают ее заботу о мелочах и знание слабостей великих людей: "Позаботьтесь о том, чтобы сливки для завтрака не перевернулись". "Положите на место большую книгу доктора Х., чтобы он мог видеть ее, когда пьет чай". Мисс Найтингейл также убедила свою подругу миссис Герберт пригласить статистиков на вечернюю вечеринку. Праздник статистики подействовал на нее как тонизирующее средство. "Последние четыре-пять недель она была более чем обычно больна, - пишет ее кузина Хилари (12 июля), - теперь я не могу не думать, что ее силы понемногу восстанавливаются; она очень заинтересована в статистическом конгрессе". Конгрессы, как и войны, иногда "грязные через" нашей страны, и мисс Найтингейл был в состоянии здесь и там, чтобы сгладить взъерошенные плюмажи. Один ее уважаемый друг, хотя его имя было напечатано как одного из секретарей секции, не получил даже уведомления о месте встречи; он был возмущен таким неделовым упущением, и был склонен дуться в своих палатках. Письмо мисс Найтингейл по этому вопросу является характерным:-

(Мисс Найтингейл доктору Т. Грэму Бальфуру.) 30 Old Burlington St., July 12 [1860]. Вы совершенно правы в том, что говорите. Мы все в одной лодке. И если бы не то, что Англия *не была бы* такой меркантильной нацией, какой она *является*, если бы у нее где-то не было деловых привычек, то, исходя из своего опыта, я должен был бы удивляться, где они находятся. Некоторые из нас, кому было поручено вести дела для Статистического конгресса, готовили их с декабря прошлого года и смогли получить их из канцелярии генерального регистратора только на этой неделе. Некоторых из нас попросили заняться делами сегодня утром и подготовить их к вечеру, что, если *не* будет сделано, задержит работу Конгресса, а *если* будет сделано, то это будет плод всего лишь пятичасового рассмотрения, тогда как на это с таким же успехом можно было бы отвести пять месяцев. Я не говорю, что это так плохо, как обращение с вами, секретарем. Но все же провоцирует видеть, как великое международное дело обрабатывается таким образом.

Сейчас я хочу придать этому хорошее лицо перед иностранцами. Пусть *они* не видят наших недостатков и разногласий. Многие страны, сильно отстающие от нас в политическом бизнесе, намного опережают нас в организационной мощи. Если кто-нибудь когда-нибудь побывал за кулисами, живя в глубине дома сестер милосердия в Париже, как я, и видел их счетный дом и офис, где работают одни женщины, - офис, в котором двенадцать тысяч служащих (все женщины) разбросаны по всему известному миру, - офис, с которым по деловым качествам я не видел ни одного, ни правительственного, ни частного, в Англии, - он, как и я, подумает, что именно эта деловая сила поддерживает существование этих огромных религиозных "орденов".

Я надеюсь, что вы постараетесь внушить этим иностранным делегатам чувство *нашей* "огромной деловой силы" (в которую я ни капли не верю) и поддержать работу Конгресса. Большое спасибо за все ваши статьи. Я надеюсь, что завтра утром вы уладите с делегатами здесь некоторые секционные дела. И я верю, что смогу увидаться с Вами, если не завтра утром, то в ближайшее время.

Учтите, этой тирадой я ничего не хочу сказать против *вашего* Управления. Напротив, я считаю его одним из немногих эффективно работающих в настоящее время.

Получив одобрение Международного конгресса, мисс Найтингейл широко распространила свою статью о больничной статистике среди медиков и руководителей больниц. Таким образом, она произвела немедленный эффект. Она напечатала большое количество своих типовых форм и предоставила их по запросу больницам в разных частях страны. Благодаря добрым услугам М. Моля она также воздействовала на общественное мнение во Франции. "Несколько месяцев назад, - писала она д-ру Фарру (20 октября 1860 г.), - я поместила в ведущих медицинских журналах Парижа статью о предлагаемых больничных регистрах, и вы видите, что они уже работают". Этим вопросом занялись лондонские больницы. Guy's напечатал статистический анализ своих случаев с 1854 по 1861 год; St. Thomas's - с 1857 по 1860 год; St. Bartholomew's - таблицу своих случаев за 1860 год. Что касается будущего, то 21 июня 1861 года в больнице Гая состоялось собрание, на котором делегаты от больниц Гая, Святого Варфоломея, Святого Томаса, Лондона, Святого Георгия, Королевского колледжа, Мидлсекса и Святой Марии единодушно решили, что столичные больницы должны принять единую систему регистрации пациентов; что каждая больница должна ежегодно публиковать свои статистические данные, и что типовые формы мисс Найтингейл должны быть приняты, насколько это возможно. Она обратила дальнейшее внимание на свою схему в докладе, отправленном на Конгресс социальных наук в Дублине в августе 1861 года,^[315] и включила ее в более позднее издание своих *"Заметок о больницах"*. Статистика различных больниц, принявших ее форму, была опубликована в журнале *Статистического общества* за сентябрь 1862 года, но я не обнаружил, что эксперимент был продолжен. Так далеко от того, чтобы быть любой единой статистики больницы, такого рода, как предполагалось мисс Найтингейл, даже в Лондоне некоторые из больниц не держат, или, по крайней мере, не публикуют, любой вообще. Трудоемкость, и, следовательно, дороговизна, работы по сбору, трудность обеспечения фактической, а также кажущейся, однородности, и, как следствие, сомнения в ценности выводов, сделанных из цифр, предположительно, среди причин, которые победили мисс Nightingale план. Некоторая ограниченная часть ее цели, возможно, достигается статистическими данными, которые требует администрация Фонда Королевской больницы, но даже здесь есть возможности для вводящего в заблуждение сравнения. Вероятно, нет ни одного отдела человеческого исследования, в котором искусство приготовления статистики было бы неизвестно, и есть скептики, которые заменили "статистику" на "свидетелей-экспертов" в известной поговорке о классах ложных заявлений. Схема мисс Найтингейл для Единой больничной статистики, кажется, требует для своей реализации более рассеянной страсти к статистике и большей деликатности статистического сознания, чем добровольная и конкурентная система больниц может создать.

В то время она была полна надежд и, начав с медицинской статистики, занялась хирургическими операциями. Сэр Джеймс Пейджет общался с ней по этому поводу. "Мы хотим, - писал он (18 февраля 1861 года), - более точного отчета и более конкретной записи каждого случая. Так, в одних отчетах мы имеем около 40 процентов смертей, приписанных "истощению", в других, относящихся к тем же [видам] операций, около 3 процентов или меньше; правда в том, что почти во всех случаях "истощения" была какая-то причина смерти, которую можно было бы установить с помощью более точного расследования". Мисс Найтингейл (1 мая 1861 г.) поздравила его с тем, что "Сент-Бартоломью принадлежит заслуга первого статистического отчета, который стоит иметь", но таблица операций все еще, по ее мнению, была неудовлетворительной. "Было бы очень желательно, чтобы во всех больницах была принята единая таблица, включающая все элементы: возраст, пол, несчастный случай, привычки организма, характер операции, последствия и т. д. и т. п. Не могли бы вы прийти завтра между 2 и 4 часами и принести свой список причин смерти после операций? Это было бы бесценно, исходящее от такого авторитета, для составления формы". Она

проконсультировалась с другими хирургами, гражданскими и военными, и написала доклад с типовыми формами для Международного статистического конгресса, состоявшегося в Берлине в сентябре 1863 года. Они также были включены в пересмотренное издание "*Записок о госпиталях*". Королевский колледж хирургов передал этот вопрос на рассмотрение комитета, который, однако, отрицательно отозвался о формах мисс Найтингейл.

//

Перед началом Международного конгресса в Лондоне в 1860 году мисс Найтингейл обратилась с письмом к лорду Шафтсбери (президенту Второй секции), которое было зачитано всему конгрессу и принято им в качестве резолюции. Суть письма заключалась в том, чтобы убедить правительства в важности публикации более многочисленных рефератов большого количества статистической информации, которой они располагают. Она привела несколько примеров, когда полезные уроки могли бы быть навязаны общественному сознанию, и процитировала слова Гизо: "Ценные отчеты, изобилующие фактами и предложениями, составленные комитетами, инспекторами, директорами и префектами, остаются неизвестными общественности. Правительство должно позаботиться о том, чтобы ознакомиться со всеми хорошими методами и способствовать их распространению, следить за всеми начинаниями, поощрять каждое улучшение. С нашими привычками и институтами есть только один инструмент, наделенный энергией и силой, достаточной для обеспечения этого полезного влияния, и этот инструмент - пресса". Для мисс Найтингейл статистика была страстью, а не просто хобби. Они, действительно, радовали ее, как соответствующие природе ее ума. Ее переписка с доктором Бальфуrom и доктором Фарром показывает, как она наслаждалась ими. "У меня есть для вас новогодний подарок, - писал доктор Фарр (январь 1860 г.), - в виде таблиц, как вы догадываетесь". "Мне не терпится, - ответила она, - как вы, наверное, догадываетесь, увидеть ваш очаровательный подарок, особенно те "Возвращения", в которых показаны смертность, поступления, болезни" и т. д. и т. п. Но она любила статистику не ради нее самой, а ради ее практического применения. Именно с помощью статистического метода она вбивала себе в голову уроки крымских госпиталей. Именно изучение статистики открыло ей глаза на предотвратимую смертность в армии на родине, что позволило ей работать на благо здоровья британского солдата. Она уже занималась подобными исследованиями в Индии. Она была очень серьезным и даже горьким "страстным статистиком". И эта страсть, как будет показано в одной из последующих глав,^[316] была даже религиозной.

Мисс Найтингейл предприняла отважную попытку расширить рамки переписи 1861 года в интересах сбора статистических данных для улучшения санитарных условий. Она хотела расширить круг вопросов в двух направлениях. Первое заключалось в перечислении числа больных и немощных в день переписи. Для санитарных целей было бы очень полезно определить долю больных в разных частях страны. Тем, кто говорил, что это невозможно сделать, потому что люди не дадут информации, отвечали, что это уже было сделано в Ирландии. Другой момент заключался в получении полной информации о размещении домов; факты, которые, как сейчас считается очевидным, оказывают жизненно важное влияние на санитарные и социальные условия жизни людей. Этот вопрос также был затронут в ирландской переписи. Доктор Фарр был полностью согласен с мисс Найтингейл, но он не смог убедить сэра Джорджа Льюиса, министра внутренних дел, включить эти положения в законопроект о переписи населения (1860). После этого мисс Найтингейл составила меморандум по этому вопросу и через мистера Лоу (вице-президента Совета) представила его министру внутренних дел. Мистер Лоу, возможно, и согласился с ней, но переубедить

коллегу ему не удалось. "Когда у меня есть власть, - писал мистер Лоу (9 мая), - вы всегда можете мне приказать, но официальное всемогущество ограничено узкими рамками собственного департамента". Сэр Джордж Льюис ответил, что "оба пункта мисс Найтингейл были должным образом рассмотрены до того, как был представлен законопроект о переписи населения. Было решено, что вопрос о здоровье или болезни слишком неопределенный". "Что касается переписи домов, то было решено, что это не тот вопрос, который следует включать в перепись населения". Очень официальный ответ! Но сэр Джордж добавил, что не понимает, как результат такой переписи может быть "особенно поучительным", о чем он также заявил в Палате общин. Самые умные люди иногда бывают тупыми; и это замечание сэра Джорджа Льюиса, дополненное его последующим поведением в военном министерстве, заслужило для него, в знакомой переписке мисс Найтингейл, прозвище "Муфта". Сообщая доктору Фарру о результатах своей первой попытки, она сказала: "Если вы считаете, что можно сделать что-то еще, скажите об этом. Я - ваш человек". Но она не ждала, пока ее подстегнут. Она уже думала о второй ниточке в палате лордов. Лорд Шафтсбери, к которому она обратилась, обещал сделать все, что в его силах. Лорд Грей сделал то же самое и попросил ее прислать доктора Фарра для его тренировки. Она начала "благодарить Бога за то, что у нас есть Палата лордов".

(Мисс Найтингейл - Роберту Лоу.) Олд-Берлингтон-стрит, 10 мая [1860]. Не могу не поблагодарить вас за ваше письмо и за ваши усилия в нашу пользу. Письмо сэра Джорджа Льюиса, если его *истолковать*, означает: "Мистер Уоддингтон не желает брать на себя труд". Это письмо, подобных которым у меня в наличии десятки: от Эйри, Филдера и, увы! от лорда Раглана, от сэра Джона Холла (врача) и от Эндрю Смита. Это настоящее "конногвардейское" письмо.

Это те же самые аргументы, которые лорд Джон использовал против целесообразности регистрации "причины смерти" в 37-м году - что уже 23 года является законом страны. Он был побежден в лордах. И теперь мы собираемся сразиться с сэром Джорджем Льюисом в лордах. И мы надеемся, что победим и его. Это просто детская забава - говорить нам, что то, что каждый человек из миллионов, состоящих в Дружеских обществах, делает каждый день своей жизни, регистрируя себя больным или здоровым, не может быть сделано в переписи населения. Это просто ребячество говорить нам, что неважно знать, в каких домах живут люди. Французская перепись делает это. Ирландская перепись говорит нам о значительном уменьшении количества глинобитных хижин в период с 41-го по 51-й год. Связь между *здоровьем и жилищами* населения - одна из самых важных. Данные о "болезнях" также можно получить приблизительно. Во всех более важных, таких как оспа, лихорадка, корь, сердечные заболевания и т.д. - все те, которые влияют на здоровье *нации*, ошибка будет очень незначительной. (В отношении нервных заболеваний дам - очень много.) Там, где есть ошибка в этих вещах, ошибка равномерна, как доказано Дружественными обществами; и исправляется сама собой.....

Страстные статистики, однако, безнадежно проиграли в Палате общин. Мистер Кэйрд пошел ей навстречу в вопросе о более подробной информации о жилье, и, отправляя ей напечатанное уведомление о своей поправке, сказал, что "его позиция значительно укрепится в Палате, если он сможет получить разрешение мисс Найтингейл процитировать ее имя в пользу полезности такого расследования". Я не знаю, дала ли она разрешение; о дебатах очень кратко сообщается в Хансарде. Но в любом случае поправка мистера Кэрда была быстро отклонена. Что касается Палаты лордов, то надежда мисс Найтингейл на большую любовь к статистике в этом собрании была жестоко опровергнута. Билль о

переписи населения был вынесен на обсуждение в конце сессии, и я не нахожу, чтобы лорд Грей или лорд Шафтсбери сказали хоть слово по этому вопросу. Единственный критический вклад в дебаты внес лорд Элленборо, который, не желая, чтобы законопроект о переписи включал в себя положение о большем количестве статистических данных, предложил исключить большинство из тех, что уже имеются. Он не мог понять, какой смысл задавать людям так много вопросов.^[317] Таким образом, мисс Найтингейл опередила время: в одном случае - на поколение, в другом - на два поколения. В последние переписи населения было включено больше сведений о жилищных условиях людей, но все же не так много, как ей хотелось. Официальные статистические данные о местном распределении болезней будут получены, как я полагаю, другим путем, через механизм Закона о национальном медицинском страховании.

Лишенный из-за непокорности министра внутренних дел и парламента более полного пиршества статистики на родине, мисс Найтингейл обратилась к колониям и зависимым территориям. Секретарь по делам колоний дал ей возможности для сбора много любопытной и поучительной информации; и секретарь по делам Индии принял ее помощь в сборе и табуляции фактов и цифр, которые были основой некоторых из самых заметных и благотворных из ее трудов. Но, хотя она уже была (1860-1) занимается этими исследованиями, они принадлежат в основном к более позднему периоду; и мы должны теперь обратиться к другой стороне мисс Найтингейл работы для улучшения здоровья нации.

ГЛАВА III

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА СОВРЕМЕННОГО СЕСТРИНСКОГО ДЕЛА (1860)

Где та женщина, которая станет Кларой или Терезой протестантской Англии, работая на благо своего пола с их пылом, но без их заблуждений?

Девятнадцатый век породил в этой стране трех знаменитых людей, которые внесли больший вклад, чем кто-либо из их современников, в облегчение страданий людей при болезнях: Симпсон, создатель хлороформа; Листер, изобретатель антисептической хирургии; и Флоренс Найтингейл, основательница современного сестринского дела. Второе из великих открытий завершило благотворную работу первого. Третье открытие - создание медсестринского дела как обученной профессии - мощно взаимодействовало с двумя другими и было бы благотворным, даже если бы не было открыто использование анестетиков и антисептиков. Вклад Флоренс Найтингейл в искусство врачевания был менее оригинальным, чем у Симпсона или Листера; но, возможно, благодаря более широкому диапазону, она спасла столько же жизней и облегчила столько же, если не больше, страданий, как и две другие.

Профессия медсестры одновременно очень старая и очень новая, и место мисс Найтингейл в ее истории не всегда правильно понималось. Уход за больными - и даже уход за больными образованными женщинами - очень стар. "Она сама ухаживала за несчастными, истощенными жертвами голода и болезней. Как часто я видел, как она промывала раны, на которые из-за едкого запаха никто не мог даже взглянуть! Она кормила больных своими

руками, а умирающих оживляла маленькими и частыми порциями еды. Я знаю, что многие состоятельные люди не могут преодолеть отвращение, вызываемое подобными делами милосердия. Я не осуждаю их; но, если бы у меня было сто языков и голос, я не смог бы перечислить число пациентов, которым она давала утешение и заботу". Этот отрывок, не похожий на панегирики, которыми осыпали работу Флоренс Найтингейл во время Крымской войны, был написан почти пятнадцатью веками ранее святым Иеронимом, описывающим работу Фабиолы, дамы патрицианского звания, которая в 390 году н. э. построила в Риме больницу, где посвятила себя уходу за больными. Женское сестринское дело так же старо, как и христианство, и на протяжении веков религиозные ордена направляли в больницы культурных женщин. Само название "сестра", применяемое сейчас к профессии медсестры в целом, напоминает о ее историческом происхождении в религиозном энтузиазме. Не было ничего нового и в самом факте, хотя многое было новым в методе, службы мисс Найтингейл в качестве военной медсестры. Она была новой в случае британской армии, но в других странах сестры уже сопровождали армии на поле боя. И, опять же, идея мисс Найтингейл о том, что медсестры должны быть подготовлены к своей работе, не была оригинальной. Ее учитель, Теодор Флиднер, показал этот путь в Германии; в нашей стране Институт сестринского дела миссис Фрай был основан в 1840 году, Дом святого Иоанна - в 1848 году, а дом мисс Найтингейл в больнице святого Томаса - только в 1860 году.

Тем не менее, хотя Флоренс Найтингейл и не была основательницей сестринского дела, она стала основательницей современного сестринского дела. Не всегда осознается, насколько современным является институт медсестер в любом крупном масштабе как отдельное и обученное призвание. Выше я указал три линии влияния - религия, война и наука, - по которым шло развитие сестринского дела для больных. Мисс Найтингейл пришла в психологический момент, чтобы придать ему огромный импульс по каждой из этих линий. Религия стремилась стать менее абстрактной и более тесно связанной со служением человеку. Мисс Найтингейл была святой Кларой или святой Терезой нового порядка, к которым взывал Саути. Она была готова, благодаря своему опыту, характеру своего ума, дрейфу своих философских умозрений, не имитировать старые формы, а создать новый орден, орден медсестер, которые, действительно, должны быть преданы своему призванию, но должны быть организованы на светской основе. Глубоко религиозный склад характера мисс Найтингейл, целеустремленность ее намерений и постоянное обращение к высоким идеалам позволили ей дать (или, во всяком случае, потребовать от) светских медсестер нового ордена что-то вроде преданности, которой обладали религиозные регулярные медсестры. Крымская война, в которой мисс Найтингейл была одной из центральных фигур, придала дополнительную силу движению за увеличение числа и повышение квалификации медсестер. Она привлекла к этому делу общественные настроения. Гражданская война в Америке (в которой, как мы узнаем позже, пример мисс Найтингейл сыграл огромную роль) распространила это движение на Соединенные Штаты, а организация Красного Креста также может рассматриваться как результат ее работы в Крыму. Научный прогресс развивался в том же направлении. Медицина и хирургия находились накануне великих свершений. Санитарная наука уже продвигалась вперед. В то время, когда Флоренс Найтингейл проходила обучение в Кайзерсверте, Джозеф Листер был студентом-медиком в Университетском колледже. Кон, основатель бактериологии, был всего на восемь лет младше ее. Паркес, один из основателей современной гигиены, был почти ее ровесником. Было неизбежно, что уход за больными также должен быть разработан в научном духе, и никто не был лучше квалифицирован, чем мисс Найтингейл, чтобы взять на себя инициативу в таком движении. Ее опыт работы на Востоке наполнил ее страстной убежденностью в важности санитарной науки. Она была центром круга искренних и преданных людей, посвятивших себя этому делу. Она была лично знакома со многими ведущими врачами и

хирургами того времени. И была еще четвертая линия, на которой мисс Найтингейл может показаться предопределены для этой особой работы. Начиналось то, что называют "женским движением". "Существует старая легенда," написала мисс Найтингейл, в начале ее памфлет на Кайзерсверт, "что девятнадцатый век должен быть "век женщин". В то время, когда она писала (1851 год), этот век, добавляла она, еще не наступил. Но дух, будоражащий воды, уже был. Другие известные женщины были в работе, претендуя на то, чтобы их пол занял место под солнцем мировой работы. Мисс Найтингейл не была полностью сочувствующей тому, что она называла "женским миссионерством". Но обстоятельства ее собственной жизни, как показано в первой части этого мемуара, сделали ее очень заинтересованы в утверждении, что женщина не должна быть лишена возможности войти в жизнь, к которой она подходит только потому, что она женщина; и из таких прогулок жизни, медсестра, очевидно, один. Между теми, кто приписывает ход политической или социальной истории в основном великим людям, и теми, кто приписывает его скорее потокам тенденций, вечно идут споры. Менее спорным представляется утверждение, что великие люди, оставившие более заметный след в истории, - это те, чей гений соответствует духу времени, но при этом немного опережает свою эпоху. К таким "великим людям" следует отнести и основателя современной сестринской службы.

//

В каком именно отношении, спрашивается, Флоренс Найтингейл "основала" современное сестринское дело? Ответ на этот вопрос, я думаю, может быть распутан без особых трудностей из большого количества противоречивых заявлений. Я уже упоминал, в связи с скользящими предрассудками родителей мисс Найтингейл, [318] на конфликт свидетельств о морали больниц и больничных медсестер в середине девятнадцатого века. Ее собственное мнение в то время (и она не выразила его без большого количества расследований и наблюдений) приводится в памфлете, упомянутом выше, где она говорит, что больницы были "школой, можно почти сказать, для безнравственности и неуместности - неизбежно, где женщины с плохим характером принимаются в качестве медсестер, чтобы стать еще хуже в результате их контакта с пациентами-мужчинами и молодыми хирургами Мы видим, что медсестры пьют, мы видим небрежность ночью из-за того, что они засыпают". [319] Подобные заявления были с негодованием опровергнуты другими авторитетами, не менее компетентными, чтобы составить правильное суждение. Споры разгорелись по этому поводу несколько лет спустя в связи с Мемориальным фондом Найтингейл. Корреспондент *Times*, который подписал себя "Тот, кто прошел много больниц", дал в 1857 году [320] такой же отчет, который мисс Найтингейл дала в 1851 году. Ему ответили, и его заявления были горячо опровергнуты. [321] Очевидно, что были больницы и госпитали, и еще больше было медсестер и медбратьев, и никакое общее обвинение не было справедливым с точки зрения морали. В вопросе о пьянстве среди медсестер, как в больницах, так и на частной службе, остается меньше места для сомнений. Диккенс был карикатуристом, но карикатуристом эффективным, а ни одна карикатура не может быть эффективной в свое время, если она не имеет значительного сходства с правдой. В своем предисловии он говорит о миссис Гэмп как о справедливом изображении наемной сиделки для бедных в то время, когда *Мартин Чузлвит* был опубликован; и он мог бы добавить, говорит его биограф, что богатые были не лучше, поскольку оригинал миссис Гэмп "в действительности был человеком, нанятым самым знатным другом его собственной леди, чтобы присматривать за инвалидом, очень дорогим ей". [322] Это тем легче понять в свете цитированного выше замечания леди Палмерстон. [323] "Миссис Гэмп, - сказала миссис Харрис, - если когда-либо существовал трезвый креатур, который можно было бы получить за восемнадцать пенсов в день для рабочих и три и шесть для джентльменов, то вы - именно

такой человек". Великие леди явно считали, что такие люди существовали и могли существовать только в мире воображения и миссис Харрис. В 1854 году мисс Мэри Стэнли, или ее друг, разослал циркуляр, очень возможно, с ведома мисс Найтингейл, для различных лиц, связанных с больницами и лазаретами, из которых цель была предложить, чтобы медсестры должны быть обучены, по плану Kaiserswerth, в искусстве предоставления религиозного комфорта для пациентов. Ответы, которые впоследствии были напечатаны на сайте[324], проливают много света на положение медсестер в то время. "Если мне удастся получить трезвый набор, - писал врач с Севера, - это все, на что я могу надеяться". "Я спрашивал доктора Х., - говорится в другом ответе на сайте, - о характере медсестер, и он сказал, что они всегда нанимают их без всякого характера, поскольку ни один уважаемый человек не возьмется за столь неприятную работу. Он говорит, что обязанности, которые им приходится выполнять, очень неприятны, и неудивительно, что многие из них пьют, ведь им нужно что-то для поддержания стимула". Обычная зарплата составляла от 14 до 16 фунтов стерлингов в год. Следует также помнить, что в середине прошлого века больничные медсестры, как правило, не имели единой формы одежды и сами готовили себе еду (которую покупали для себя), обедая в палатных кухнях или буфетах: "Если сестра не любила красную селедку на завтрак, или тушеный лук на обед, или поджаренный сыр на ужин, можно представить себе состояние палаты. Помощницам медсестер приходилось мыть и чистить палаты, а также готовить еду для других медсестер и для себя".[325] На неряшливость такого порядка бросает свет рассказ о том, что произошло в госпитале Королевского колледжа, когда в 1856 году к работе по уходу за больными приступили обученные медсестры из Сент-Джонс-Хауса под руководством мисс Мэри Джонс. "К концу дня новоприбывшие, одетые в чистую и нарядную униформу, были похожи на набор подметальщиц или шарманщиц, в таком ужасающем беспорядке они находились в своих палатах".[326] При старом режиме было несколько отличных медсестер (кроме тех, что обучались в доме Святого Иоанна), как свидетельствует сэр Джеймс Пэдджет[327]; хотя можно отметить, что даже среди его образцовых сестер одна "нередко была довольно подвыпившей". Но "большая часть из них", говорит он, "была грубой, скучной, ненаблюдательной, необучаемой". Самый яркий защитник старой системы, самый упорный противник реформ мисс Найтингейл, бессознательно поддерживает утверждение сэра Джеймса Пэджета, что "в отделении сестринского дела существует величайший и счастливейший контраст из всех". Мистер Саут придерживался мнения, что до вмешательства мисс Найтингейл все было к лучшему в лучшем из всех возможных сестринских миров. Но его концепция идеальной медсестры такова: "Что касается сиделок или горничных, то они находятся в таком же положении, как и горничные, и не требуют особого обучения, кроме того, чтобы делать припарки".[328]

Из всего этого вытекают факты, которые ясно объясняют, в чем заключалась работа мисс Найтингейл как основательницы современного сестринского дела. Она не была совершенно одинока и не была первой в этой области; были и исключительные случаи, к которым не применимы следующие утверждения. Но она смогла сделать то, что пытались сделать другие, в более широком масштабе, в масштабе и в форме, которые привлекали всеобщее подражание. Говоря в целом, мы можем сказать, что до появления мисс Найтингейл на сцене, медсестры были и рассматривались как мужская профессия, которая не привлекает женщин с характером; что он был плохо оплачивается и мало уважаемых; что высокий стандарт эффективности не ожидается, и что не было организовано обучение: женщины получили свои знания в палатах. Они были, по словам корреспондента "Таймс", "кроткими, благочестивыми, дерзкими, беспечными, пьяными или нецеломудренными, в зависимости от обстоятельств или темперамента, в основном внимательными и редко недобрыми"; но, за редким исключением, они были необученными. "Бедная женщина остается вдовой с двумя или тремя детьми. Что ей делать? Она умрет с голоду, занимаясь рукоделием; она

непригодна для домашней работы; она не знает никого, кто мог бы дать ей чарку, и у нее нет денег, чтобы купить мангал. Поэтому она получает рекомендацию от священнослужителя и устраивается в больницу сиделкой". Изменения, произошедшие с тех пор, как мисс Найтингейл начала свою работу, ярко иллюстрирует перепись населения. В 1861 году было 27 618 медсестер "в больницах, или медсестер, не являющихся домашней прислугой", и они были перечислены в таблице "Занятия населения" под заголовком "Домашняя прислуга". В 1901 году было 64 214 медсестер, и они были перечислены по разделу "Медицина". Мисс Найтингейл стала основательницей современного сестринского дела, потому что она заставила общественное мнение воспринять и действовать в соответствии с этим восприятием, что сестринское дело - это искусство, и оно должно быть возведено в ранг обученной профессии. Именно в этом заключалась суть дела. Другие вещи, такие как открытие сестринского дела для более высоких социальных слоев, улучшение оплаты труда медсестер и т. д., хотя и важны и интересны, но являются лишь результатами.

///

Средств, с помощью которых мисс Найтингейл добилась этой великой работы, было три. Она привнесла в него силу, последовательно, ее пример, ее наставления, и ее практика. Первые два из этих аспектов ее работы будут рассмотрены в оставшейся части настоящей главы; третий - предмет следующей главы.

Ни одна женщина, я полагаю, кто не был канонизирован или кто не носил (или был лишен) корону, никогда не возбуждал среди своего пола так много страстного и привязанности восхищение, и установить так много пример, как Флоренс Найтингейл. В одной из предыдущих глав, озаглавленной "Народная героиня", я попытался описать эффект, который произвела ее работа в Крымской войне на умы современников. Чтобы получить впечатления из первых рук, нынешние молодые читатели должны обратиться к своим бабушкам или прабабушкам. Именно они могут помочь нам лучше всего представить себе, какой трепет вызывали во всей стране рассказы о ее уходе за больными в Крыму, какой восторг вызывало ее сочувствие, какой импульс к более полной и достойной жизни исходил от ее примера. Но и старые письма могут помочь. Из пачки семейных писем вот одно, от тети к племяннице: "15 апреля 1857 года. Я опасаюсь, что жизнь Флоренс Найтингейл подходит к концу, судя по строке в одной из газет. Я была глубоко впечатлена ее жизнью в последние несколько дней, которые по отношению к моим составляют лишь фрагмент в отношении времени, и что она совершила! На нее была возложена высокая миссия, выполнение которой стоило ей жизни". [329] В скольких других умах, как молодых, так и пожилых, пример Флоренс Найтингейл должен был вызывать подобные мысли! После смерти мисс Найтингейл одну даму, добившуюся высоких результатов в качестве медсестры, попросили записать свои воспоминания: "Мои первые мысли о мисс Найтингейл относятся к той зиме замерзших рек, когда дети, подхватив уличные слухи, бегали по улицам и кричали, что Севастополь взят; или танцевали, слушая жену старого ткача, которая подошла к двери своего коттеджа, чтобы поймать последний свет, и читала вслух своему мужу, что делает и говорит "лорд Райглан"; Или позже, в час перед сном, сидели у ног отца, пока он рассказывал о замерзших окопах, о "мрачных коридорах боли" и об этом "ангеле-служителе", чья преданность облегчала страдания нации; или, возможно, еще позже, во сне, видели детские сны о том, как пробираются среди спящих русских, крадут золотую корону с головы царя и убегают с ней к Флоренс Найтингейл! Такие переживания оставили неизгладимое впечатление в памяти детей моего поколения о нежной и героической фигуре мисс Найтингейл". Часто, без сомнения, порыв был мимолетным, а разбитая цель растрачивалась впустую. И часто импульс был неясным и не приводил к определенным действиям; но не стоит из-за этого

отбрасывать его как бесполезный. "У меня есть своя вера, - говорит одна из героинь Джордж Элиот, - и она меня утешает: желая того, что совершенно хорошо, даже если мы не совсем понимаем, что это такое, и не можем сделать то, что хотели бы, мы участвуем в божественной силе, направленной против зла". Но часто сила примера Флоренс Найтингейл была прямой и практической. Среди тех, на кого она повлияла таким образом, была Луиза, великая герцогиня Баденская, которая в 1859 году основала в Бадене дамское общество для подготовки медсестер. Она никогда не видела мисс Найтингейл, но письмо наполнило великую герцогиню восторженной благодарностью. "Я почувствовала, - писала она (сентябрь 1861 г.), - что и радость, и сила пришли ко мне от вашего дорогого письма. Я могу попытаться поблагодарить Вас за него, но мне никогда не удастся выразить, как глубоко и как высоко я чувствовала Вашу доброту. Если и есть какой-то прогресс в работе, к которой я так сильно прикипела душой, то во многом я обязана вашей ободряющей поддержке". Те, кто видел мисс Найтингейл, и кто сочувствовал ей, испытывали восторг в ее присутствии. "Она гораздо более восхитительна сама по себе, - писала Клара Новелло, - чем в воображении". Для медсестер, уже занятых работой, личное влияние мисс Найтингейл было вдохновением. Мисс Мэри Джонс из больницы Королевского колледжа обратилась к ней как "Мой любимый друг и хозяйка". "Я слишком дорожу вашим носовым горшком, чтобы расстаться даже с одним цветком". "Я смотрю на визит к вам как на свою единственную индულгенцию и величайшее удовольствие". Но те, кто никогда не видел мисс Найтингейл и даже не слышал о ней, чувствовали силу ее примера. В том, что было публично известно о ее карьере, был, как бы, призыв и вызов женщинам. Перед нами была женщина, обладающая высокими способностями и положением в обществе, которая оставила все, чтобы стать медсестрой. Она стремилась возвести сестринское дело в ранг высокого искусства. В какой-то мере она уже сделала это своим примером.

IV

Однако в любой сфере жизни есть те, кто ищет пальму первенства без пыли. Уже в Крыму мисс Найтингейл видела многих женщин, которые следовали ее примеру, желая ухаживать за больными, но в их головы не укладывалось, что уход за больными требует особых дарований и тщательной подготовки. Пример должен был быть дополнен наставлениями. Наставления мисс Найтингейл по искусству ухода за больными впервые были представлены миру в 1859-60 годах. Ее *"Заметки о сестринском деле"* - самая известная и, в некотором роде, лучшая из ее книг - была опубликована в декабре 1859 года. Она была мгновенно признана лидерами медицинской и санитарной науки как работа первоклассной важности; как одна из тех редких книг, к которым в пределах их диапазона можно с полным правом применить термин "эпохальная". "Мне стыдно признаться, - писал сэр Джеймс Пейджет, - как много я узнал из *"Заметок"*, больше, чем из любой другой книги такого же объема, которую я когда-либо читал". "Я в восторге от них", - писал сэр Джеймс Кларк. "Они сделают больше для привлечения внимания к гигиене домашнего хозяйства, чем все, что когда-либо было написано". "Это, - писала Гарриет Мартино, - гениальное произведение, если я когда-либо видела такое; и оно будет действовать соответственно. Она так реальна и так интенсивна, что, не сомневаюсь, создаст орден медсестер еще до того, как закончит свою работу". Это было верное предсказание. Мисс Найтингейл стала основательницей Новой модели, а *"Записки медсестры"* - ее евангелием.

Предсказания ее друзей о том, что *"Записки"* будут популярны, оправдались с лихвой. Здесь была книга Флоренс Найтингейл на ту самую тему, с которой была связана ее слава. Эффект, произведенный на многие умы *"Заметками о сестринском деле"*, был тем сильнее, что это было своего рода воскрешение популярной героини. Годы, прошедшие после возвращения

мисс Найтингейл из Крыма, были, как мы теперь знаем, годы непрерывной деятельности; годы, в течение которых она сделала некоторые из ее величайших работ. Но следует помнить, что все это было совершенно неизвестно большинству людей в то время. По общему мнению, мисс Найтингейл ушла в частную жизнь после возвращения из Крыма, но теперь, после долгого перерыва, она снова предстала перед публикой. И хотя, как и во всем, что она писала для публики, было заметное отсутствие саморекламы, в книге было достаточно, чтобы связать многие ее страницы со сценами и эпизодами Крымской войны. Восторженная рецензия в газете, обычно не склонной к энтузиазму, указала на эту связь: "Сотни храбрых людей с предсмертным вздохом подтвердили, как благородно мисс Найтингейл выполнила возложенную на нее задачу, и этой маленькой книги будет почти достаточно, чтобы объяснить ее успех. Ее тон, кажется, говорит о торжественных сценах, на которых нужно набираться опыта в таких делах. Ее язык серьезен, серьезен и порывист, как у человека, который жил среди печальных реалий и сталкивался лицом к лицу почти со всеми формами человеческого страдания".[330] Не только общий тон книги наводил на мысль о героине Крымской войны. То тут, то там встречались небольшие штрихи из личного опыта, в которых каждый мог прочесть случай между строк. Когда автор говорила о своем "печально большом опыте смертных коек", читатель вспоминал "Даму с лампой" в Скутари; а когда в главе "Разнообразие" она вспоминала "острые страдания, вызванные тем, что пациент (в бараке) не мог видеть в окно", ум читателя возвращался к картинам мисс Найтингейл в Балаклаве. "Я никогда не забуду, - писала она, - восторг больных лихорадкой от букета ярких цветов". Она снова думала о Крыме. Полевых цветов там много и они яркие; медсестры собирали их во время ранних утренних прогулок, которые совершали все по очереди.[331]

Поначалу книга стоила недешево: 5 шиллингов. Но за месяц было продано 15 000 экземпляров, и быстро последовало более дешевое издание по цене 2s. Рано или поздно ее прочитали люди всех сословий: во дворцах, в коттеджах, на фабриках. Королева Виктория "очень благодарила мисс Найтингейл за книгу" и прислала в ответ гравюру с изображением себя и принца-консорта. От великой герцогини Баденской книга вызвала восторженную благодарность. "Я не буду пытаться описать вам, - писала она (9 октября 1860 года), - с каким интересом и восхищением я читала эти страницы, столь прекрасные в своей простоте, столь восхитительные в своем истинно христианском духе. Редко какая книга производила на меня столь глубокое впечатление. Я не могу удержаться, чтобы не выразить истинное восхищение, которое я испытываю к благородной английской леди, посвятившей столь большую часть своей жизни страдающему человечеству и давшей всем своим сестрам пример, который никогда не будет забыт". К дальнейшим выражениям личного восхищения великая княгиня добавила очень справедливую характеристику книги: "Нежные чувства женщины соединяются с опытом, рефлексией и наукой". Мисс Найтингейл было предложено подготовить популярное издание за семь пенни, и оно появилось в начале 1861 года под названием "*Заметки по уходу за роженицами*" и с новой главой под названием "Уход за ребенком". "А теперь, девочки, - начинается эта глава, - у меня есть для вас слово. Мы все с вами много занимались "уходом за ребенком", хотя "ребенок" был не наш собственный.[332] И каждый из нас сделал бы для ребенка многое, чего не сделал бы для себя". "Говорила ли я вам, - писала мисс Найтингейл мадам Моль (7 мая 1861 года), - что побудило меня написать небольшую главу "*Уход за ребенком*"? Один школьный учитель из Пекхэма спросил меня, сказав, что он всегда может заставить школьниц обратить внимание на мою книгу, сказав им, что это "ради ребенка". И несколько из них открыли ночью окна своих родителей (к большому негодованию родителей, я думаю), и в результате убрали навозные горки перед дверями". В своем дешевом виде книга разошлась очень большим тиражом. Мистер Чедвик заинтересовался тем, чтобы ее рекомендовали для чтения в школах. Благотворители безвозмездно распространяли ее в деревнях и городах. Издание за изданием быстро

раскупалось. Среди бумаг мисс Найтингейл я нахожу письма корреспондентов, сообщающих о случаях, когда офисные служащие и рабочие фабрик, прочитав книгу, голосовали за открытые окна.

Книгу читали не только всевозможные слои населения у себя дома, но и во многих странах и на многих языках за рубежом. Она была мгновенно переиздана в Америке. Она была переведена на немецкий, на французский (с предисловием старого знакомого мисс Найтингейл, М. Guizot), [333] и на большинство других европейских языков. Если книга вышла из печати, она должна быть включена в одну из дешевых серий сегодняшнего дня. Она никогда не устареет, и ни один человек, прочитавший ее, не сочтет ее скучной.

V

Мисс Найтингейл была по сути "человеком действия", а не писателем. Тем не менее, ее труды очень характерны для ее работы, и ни один из них не является более приятным, чем *"Заметки о сестринском деле"*. Не вся ее натура "прорывается сквозь язык и ускользает" в него, но одной этой небольшой книги будет достаточно, чтобы объяснить понимающему читателю некоторые особенности ее ума и работы. Это несравненный трактат по искусству ухода за больными; но, как отметил сэр Джеймс Пэджет, это нечто большее: это азбука домашней гигиены. Обращение мисс Найтингейл к этому предмету с самого начала показывает ее философское понимание. "Начнем, - говорит она, - принимая это как общий принцип, что все болезни, в тот или иной период своего курса, более или менее репаративный процесс, не обязательно сопровождается страданием: усилия природы, чтобы исправить процесс отравления или распада, который произошел недели, месяцы, иногда годы заранее, незамеченным, окончание болезни, будучи затем, пока предшествующий процесс шел, определены? Если нас спросят: является ли такая-то и такая-то болезнь репаративным процессом? Может ли такая болезнь не сопровождаться страданиями? Предотвратит ли какая-либо забота страдания такого-то пациента?" - я смиренно отвечаю: не знаю. Но когда вы избавитесь от боли и страданий, которые у пациентов являются симптомами не болезни, а отсутствия одного или всех необходимых условий для успешного протекания репаративных процессов природы, тогда мы узнаем, что является симптомами и страданиями, неотделимыми от болезни". Это, безусловно, здравая философия, которую не отменяют никакие последующие открытия микробов и микроорганизмов. Это философия устранения известного в качестве предварительного исследования неизвестного. Это приводит мисс Найтингейл настаивать на важности, как она называет, "уход за здоровыми", прежде чем они становятся больными; или, другими словами, принципы домашней гигиены-вентиляции, отопления, стоки, свет, чистота. Во всем этом ее книга отличалась большей оригинальностью, чем могут представить себе современные молодые читатели без некоторого усилия ретроспективного воображения. Дома бедняков в ее время были теми, которые не очень-то карикатурно изображали Диккенс и Крикшенк. Школы для бедных, в которых преподавались некоторые принципы гигиены напрямую и которые оказывали еще более широкое влияние косвенно, подавая пример просторных комнат и чистоты, были еще в будущем. Кроме того, в те времена до рабочих людей вряд ли можно было добраться с помощью писаний. Только популярная слава Флоренс Найтингейл завоевала для ее *"Записок по уходу"* аудиторию из "трудящихся классов". Не только среди этих классов произошли значительные изменения в современных представлениях и практике домашней гигиены. В то время, когда мисс Найтингейл писала, духота характеризовала самые благопристойные интерьеры. Она была пионером в установлении принципов современной гигиены; и, возможно, даже сегодня еще есть

возможность для более широкого принятия ее доктрины, что "уход за больными" даже более важен, чем уход за больными - профилактическая гигиена, чем лечебная медицина.

Характерной чертой ума мисс Найтингейл и ее методов в действии является, как уже было замечено, сочетание общего понимания с мельчайшим вниманием к деталям, и это особенно заметно в ее *"Заметках о сестринском деле"*. В главе, посвященной уходу за больными, в более распространенном понимании этого термина, почти на каждой странице поражает это редкое сочетание дарований. Ничто не является слишком мелким для ее прикосновения, но все относится к общему принципу. Ее философия "шумов" и подробные предписания, которые она на ней основывает, - уже одно это дает ей право на вечную благодарность инвалидов.

Книга не менее замечательна тонкостью наблюдения и тонкостью сочувствия. "Опасения, неуверенность, ожидание, предвкушение, страх перед неожиданностью приносят пациенту больше вреда, чем любые усилия. Помните, что он все время находится лицом к лицу со своим врагом, внутренне борется с ним, ведет с ним долгие воображаемые беседы. Вы же думаете о другом. Быстро избавить его от врага - первое правило работы с больными". "Люди, которые думают не своей головой, которые рассказывают обо всем, что привело их к такому-то выводу и к такому-то, никогда не должны находиться рядом с больными". "Больному человеку очень нравится слышать о любом *материальном* благе, о любом положительном или практическом успехе. Если вместо того, чтобы давать ему советы, которые он уже слышал раз пятьдесят, расскажите ему об одном благодетельном поступке, который действительно увенчался практическим успехом, - это будет для него как день здоровья. Вы не представляете, как жаждут больные, у которых не ослабевает способность думать, но мало сил делать, услышать о хороших практических действиях, когда они уже не могут в них участвовать". Вся глава под названием "Болтливые надежды и советы", из которой взята эта последняя выдержка, полна остроумия и мудрости. Она могла быть написана только как выражение понимающего ума и сочувствующего сердца; так же как следующая глава, "Наблюдение за больными", с ее указаниями по тонкой технике ухода за больными, могла исходить только от того, кто имел долгий и разнообразный опыт в практике этого.

Еще одна из особенностей мисс Найтингейл - ее вкус к эпиграмматическим и часто резкие выражения - бросается в глаза в *"Заметки о медсестрах"*. "Лихорадочность, как правило, считается симптомом лихорадки; в девяти случаях из десяти, это симптом постельного белья." "Ни один человек, даже врач, никогда не даст другого определения того, какой должна быть медсестра, кроме этого - "преданной и послушной". Это определение так же хорошо подходит для носильщика. Оно может подойти даже для лошади. Но оно не подходит для полицейского". "Некоторые "послушные" медсестры не знают разницы между "Сейчас не стрелять" и "Сейчас стрелять", как будто они добровольцы-стрелки". "Среди мужчин и даже среди самих женщин распространено мнение, что для того, чтобы сделать из женщины хорошую медсестру, не нужно ничего, кроме разочарования в любви или неспособности к другим вещам. Это напоминает приход, где глупого старика назначили школьным учителем, потому что он "не умел держать свиней"". Живой юмор присутствует и во многих личных описаниях. Мисс Найтингейл цитирует высказывание лорда Мельбурна: "Я бы предпочел, чтобы рядом со мной были мужчины, когда я болен; я думаю, что нужно иметь очень крепкое здоровье, чтобы терпеть женщин".^[334] "Я вполне придерживаюсь его мнения", - добавляет она и дает несколько небольших словесных изображений женщины-медсестры (в старом стиле). "Вынужденная одеваться, каждая женщина теперь либо шаркает, либо ковыляет - только мужчина может пересечь пол в больничной палате, не пошатнувшись". Она писала во

времена кринолинов и рисует картину "респектабельных пожилых женщин, наклонившихся вперед", когда в них вкладывают деньги. Еще одна картина - сиделка, которая, как предполагается, "как портвейн", улучшается с возрастом. Нам не рассказывают об обстоятельствах, но уверяют, что это был "факт", когда медсестра, получив приказ напоить потерявшего сознание пациента бренди и водой, поставила "Панч" за прошлую неделю. Далее идет описание миниатюрной медсестры с "умильным сочувствующим голосом, как у гробовщика на похоронах". Все картины мисс Найтингейл были нарисованы с натуры. "Интересно, - писал один из ее друзей, - узнают ли оригиналы себя?"

Никто не может читать "*Заметки по уходу*", не осознавая, что их автор - женщина с выдающимися способностями, мудростью и истинной добротой. Книга сама по себе не доказывает власть управления мисс Найтингейл или решительной воли; для женщины, или мужчины, может быть решительным в речи, не будучи мастер в действии; но за этим исключением рецензент был прав, сказав, что книга была "достаточно, чтобы объяснить успех", который мисс Найтингейл достигла. Книга еще более четко указывает на одну из главных линий, по которой ей предстояло работать в будущем. Никто не мог читать ее, не понимая, что уход за больными, как объясняет и учит мисс Найтингейл, должен быть очень тонким, и очень трудно, искусство. Оно требовало глубокого знания законов бытовой гигиены, некоторых знаний в области медицины и хирургии и, прежде всего, острой и сочувственной наблюдательности. "Просто смотреть на больного - это не наблюдение". Было очевидно, что для воплощения в жизнь идеала мисс Найтингейл медсестре требовалось как обучение, так и вдохновение. Сестринское дело было искусством, и, как любое другое искусство, "от сапожного до скульптурного, оно требовало от своих приверженцев чувства "призвания", а затем усердного ученичества". О том, как мисс Найтингейл воплощала свои наставления в жизнь, пойдет речь в следующей главе. В "*Заметках о медсестрах*", как и почти во всем, что выходило из-под ее пера, то, что она писала, имело прямое отношение к действию.

В характерном приложении к "*Запискам медсестры*" мисс Найтингейл обсуждает "Некоторые ошибки в романах", указывая, среди прочего, на неправдивость сцен на смертном одре в художественных произведениях. "Шекспир, - говорит она, - единственный автор, который когда-либо касался этой темы с правдой, и его правда только на стороне искусства". "Лучшее определение медсестры, - пишет она в другом месте,^[335] - можно найти, как всегда, у Шекспира". Именно в "*Цимбелине*" был воплощен идеал соловьиной медсестры:-

Такая добрая, такая любезная, старательная,
Так нежен в делах своих, верен,
Так подвиг, так кормилица.

ГЛАВА IV

МЕДСЕСТРЫ СОЛОВЬЯ (1860-1861)

Жизнь коротка, а искусство врачевания долго. Гиппократ.

"Значение больниц как школ хирургии и медицины едва ли больше, чем их польза в качестве обучения медсестер, а поле деятельности не менее обширно. Эта работа подходит женщинам. С тех пор как мисс Найтингейл стала добровольцем, в этом вопросе произошли поразительные перемены. Эти перемены, возможно, лучший плод, который принесла прошедшая половина века".^[336] Так пишет один из тех, кто посвятил годы кропотливой работы над "вопросом о состоянии Англии". Если это так, как говорит мистер Чарльз Бут, то 24 июня 1860 года - памятный день в истории девятнадцатого века^[337]; ведь именно в этот день в больнице Святого Томаса была открыта Школа подготовки медсестер имени Найтингейл.

Эта школа стала прямым результатом заслуг мисс Найтингейл в Крымской войне. Фонд Найтингейл, составляющий 44 000 фунтов стерлингов, стал данью уважения Британской империи к народной героине. Капитальная сумма, после покрытия некоторых расходов, была вложена в имя попечителей, и Совет^[338] был назначен мисс Найтингейл для управления трастами, чтобы позволить ей создать "учреждение для обучения, питания и защиты медсестер и больничных санитаров". Она намеревалась, как мы уже слышали,^[339] основать или возглавить такое учреждение по своему усмотрению, и ее первой идеей было самой стать его руководителем.

По возвращении с Востока, однако, мисс Найтингейл была в слабом здоровье, и она стала поглощена большой и разнообразной работой для британской армии, которые уже были описаны. Она не видела ближайших перспектив появления сил и времени для руководства новым учреждением; она не хотела, чтобы деньги, выделенные на общественные цели, больше лежали без дела. В марте 1858 года она обратилась с соответствующим письмом к г-ну Сиднею Герберту,^[340] председателю Совета, умоляя освободить ее от дальнейшей ответственности в этом вопросе и прося, чтобы Совет приступил к использованию средств Фонда на те цели, которые он сочтет наилучшими. Совет, однако, отметил, что Фонд был хорошо инвестирован; что дальнейшая задержка будет частично компенсироваться накоплением ресурсов, и что вкладчики были обеспокоены тем, что мисс Найтингейл "ум и намерения должны вдохновлять работу". Поэтому они просили ее отложить принятие окончательного решения, и она согласилась на это предложение. Но труды мисс Найтингейл для армии продолжались, и ее здоровье не улучшалось. Ее жизнь действительно казалась ее медицинским консультантам висящей на тонкой ниточке; они думали, что она сможет прожить всего несколько месяцев. Она стала опасаться, что смерть настигнет ее раньше, чем она успеет высказать свои мысли и намерения по поводу любого применения Фонда Найтингейл. В 1859 году она начала подготовку к тому, чтобы что-то предпринять. Подкомитет Совета был назначен, состоящий из мистера Герберта, сэр Джон McNeill, сэр Джеймс Кларк, доктор Боуман, и сэр Джошуа Джебб, с мистером А. Х. Клаф в качестве секретаря.

Мисс Найтингейл было очевидно, что это было бы невозможно для нее, учитывая состояние ее здоровья, чтобы основать совершенно новый институт под ее собственным руководством. Она видела, что она должна работать через существующие больницы и агентство других лиц. Именно это последнее соображение определило ее выбор места, где она должна была основать свою школу. Она, естественно, была осаждена предложениями от чиновников этой больницы и того, этой благотворительной организации и другой, каждый настаивая на том, что его или ее был один преимущественно подходит для благотворительности из Фонда Найтингейл. Ее выбор пал на больницу Святого Томаса, которая и стала основным местом использования средств фонда. Резидент-медик, мистер Р. Г. Уитфилд, отнесся к ней с пониманием. Больница была большой, богатой и хорошо управляемой. Но, прежде всего,

Матрона была женщиной по сердцу самой мисс Найтингейл, сильной, преданной своей работе, лишенной всякой корысти, полной решений и административных способностей. Об этой замечательной женщине, миссис Уордروпер, которая в течение двадцати семи лет была суперинтендантом школы Найтингейл, мисс Найтингейл оставила характерный фоторобот: -.

Впервые я увидела ее в октябре 1854 года, когда экспедиция медсестер была отправлена на Крымскую войну. В то время она уже девять месяцев была матроной большого госпиталя в Лондоне, в котором на протяжении 33 лет оставалась главой и реформатором сестринского дела. Обучение тогда было неизвестно; единственной достойной медсестрой, которую можно было назвать в этой экспедиции, хотя их было несколько, была "сестра", получившая пенсию за некоторое время до этого и оказавшая неоценимую помощь.^[341] В следующий раз я увидел ее после окончания Крымской войны. Она уже сделала свой след; она отсеяла неэффективных, морально и технически; она получила лучших женщин в качестве медсестер; она наложила палец на некоторые из самых вопиющих пятен, таких как ночной уход, и там, где она наложила палец, пятно было уменьшено, насколько это было возможно, но ни о каком обучении еще не было и речи.....

Ее организаторские и административные способности, ее мужество и разносторонность характера были одинаково замечательны. Она была прямой, правдивой, честной. Она была решительна. Ее суждения о характере приходили по интуиции, в одно мгновение, а не в результате долгих раздумий и размышлений; тем не менее она редко ошибалась и с величайшей тщательностью подходила к письменным описаниям характера, необходимым для записи, писала их снова и снова, чтобы быть совершенно справедливой, не умничала и не хитрила, но излагала их превосходным языком. Она была свободна от самосознания, в ней не было ничего искусственного. Она ничего не делала и ни от чего не воздерживалась, потому что на нее смотрели. Все ее сердце и разум, вся ее жизнь и сила были заняты ^[459] работой, которую она взяла на себя. Она никогда не предавалась удовольствиям, редко бывала в обществе. Тем не менее она была одним из самых остроумных людей, которых можно было услышать в летний день, и за свою молодую незамужнюю жизнь успела многое сделать в обществе. В 42 года она осталась вдовой с маленькой семьей. Она никогда не обучалась больничной жизни, да и не нужно было. Сила ее характера была необычайной. Ее слово было законом. Для нее мысли, слова и поступки были одним целым. Она двигалась в едином порыве. Она много говорила, но никогда не растрачивала себя на болтовню; она делала то, что говорила. Некоторые люди заменяют слова действиями, а *она* - никогда. Она знала, чего хочет, и делала это. Она была строгим дисциплинарным; очень доброй, часто скорее ласковой, чем любящей. Она проявляла такой живой интерес ко всему, даже к тому, что матроны обычно не считают своим делом, что никогда не уставала. У нее был прекрасный вкус, и она тратила собственные деньги на содержание больницы. Она была настоящей джентльменкой, в ней не было ничего подлого или низкого; скорее великодушной и щедрой, чем учливой. И все это делалось незаметно.... Она вела тяжелую жизнь, но никогда не заявляла об этом. Все, что она делала, она делала молча.^[342]

Каждый художник, как говорят, рисуя портрет натурщика, пишет и что-то от своего собственного портрета. Энергичный эскиз характера "дорогой матроны" мисс Найтингейл, я думаю, является примером.

После долгих консультаций с миссис Уордروпер и мистер Уитфилд из больницы Святого Томаса, а также с сэром Джоном Макниллом и другие за пределами, мисс Найтингейл

сформулировал схему. Комитет ее совета встретился с управляющими больницы, и было достигнуто соглашение о создании школы Найтингейл. Основа соглашения заключалась в том, что больница должна была предоставить помещения для обучения, а Фонд Найтингейл - оплатить расходы, включая оплату самих медсестер. В мае 1860 года в прессе появились объявления, приглашающие кандидатов на поступление, и 24 июня пятнадцать испытуемых были приняты на годичное обучение. Так в скромных масштабах, но с огромной долей предвидения была запущена схема, которой суждено было стать основой современного искусства и практики ухода за больными.

//

Мисс Найтингейл сформулировала два основных принципа этой схемы: "1) медсестры должны проходить техническую подготовку в больницах, специально организованных для этой цели; 2) они должны жить в доме, подходящем для формирования их нравственной жизни и дисциплины".[343] Схема была тщательно выверена с учетом этих двух целей. Ученицы служили помощницами медсестер в отделениях больницы. Они получали наставления от сестер и врача-резидента. Другие члены медицинского персонала - доктор Бернейс, доктор Бринтон и мистер Ле Грос Кларк - читали лекции. Насколько серьезно ученики должны были относиться к учебе, насколько строго начальство следило за их успехами, показывает грозный "Ежемесячный лист личных качеств и приобретений каждой медсестры", который мисс Найтингейл составляла для матроны, чтобы та заполняла его. Моральный отчет состоял из пяти пунктов: пунктуальность, спокойствие, благонадежность, личная опрятность и чистота, а также управление палатой (или порядок). Технический отчет состоял из четырнадцати основных разделов, некоторые из них имели до десяти или двенадцати подразделов: Особенно подробным был такой пункт, как "наблюдение за больными". По каждому пункту, касающемуся личных качеств или технических навыков, в послужном списке медсестры ставились оценки "отлично", "хорошо", "умеренно", "несовершенно" или "0". Те, кто "прошел экзаменаторов", по окончании годичного курса заносились в Госпитальный реестр как сертифицированные медсестры. В качестве поощрения за хорошее поведение и эффективность Совет предложил вознаграждение в размере 5 и 3 фунтов стерлингов, в соответствии с двумя классами эффективности, всем сертифицированным медсестрам, получившим подтверждение того, что они удовлетворительно работали в больнице в течение одного года, следующего за годом их обучения. Мисс Найтингейл решительно подчеркнула образовательную сторону своего нового эксперимента. Ни в одной государственной школе, университете или другом учебном заведении не было столь продуманной и исчерпывающей системы оценок. Столь же тщательно и научно разработаны "Общие указания", которые по настоятельной просьбе мисс Найтингейл составил резидент-медик: "Для обучения медсестер, проходящих испытательный срок, ведению записей о медицинских и хирургических случаях в больницах".

Не меньшее внимание было уделено и второму принципу мисс Найтингейл. Больница должна была стать как домом, так и школой. Верхний этаж нового крыла больницы Святого Томаса был оборудован для размещения воспитанников, чтобы обеспечить каждому отдельную спальню, общую гостиную и две комнаты для сестры, отвечающей за них. Ни одна ученица не принималась без свидетельства о хорошем характере. Питание, проживание, стирка и форма обеспечивались Фондом. На личные расходы им выдавалось 10 фунтов стерлингов. Капеллан выступал перед ними дважды в неделю. Они находились в непосредственном подчинении у матроны, дисциплина которой (как можно понять из

характеристики мисс Найтингейл) была строгой. Малейшее проявление взбалмошности пресекалось, а за любой ярко выраженный флирт следовало последнее наказание. "Хотя, - писала Матрона мисс Найтингейл по поводу одной испытуемой, - у меня нет ни малейших оснований сомневаться в правильности ее морального облика, ее манеры, тем не менее, вызывают возражения, и она неприятно использует свои глаза; с годами этот недостаток - прискорбный - возможно, уменьшится". Девушка, замеченная в ежедневной переписке и "гулянии" со студентом-медиком, была уволена. Медсестрам разрешалось выходить только по двое. "Конечно, мы расстаемся, как только доходим до угла", - сказала одна из них впоследствии.

По окончании обучения испытуемые должны были поступить на работу в качестве медсестер в больницах или на других должностях в государственных учреждениях, которые могли бы быть предложены им через Совет или иным образом. Не предполагалось, что они будут заниматься частным сестринским делом. Это был важный момент в схеме мисс Найтингейл. С самого начала она считала, что ее школа должна стать средством обучения в других местах. Она хотела посеять желудь, из которого со временем может вырасти лес.

///

Таков был план, который был запущен 24 июня 1860 года. Мисс Найтингейл, прикованная к своей комнате, не могла посещать больницу; но каждая деталь была продумана ею. Она постоянно получала советы от своей подруги мисс Мэри Джонс из больницы Королевского колледжа, которая давала ей ценные предложения, и у нее были глаза и уши, чтобы служить ей повсюду. Ее подруга миссис Брейсбридж посетила общежитие и назвала его превосходным. На следующий день после открытия миссис Уордропер сообщила, что доктор Уитфилд так же горячо поддерживает дело, как и она сама. Они оба считали за честь, что для эксперимента был выбран Сент-Томас, хотя эта честь "подвергла бы их довольно суровой критике". Однако внешнее мнение было благосклонным. "Я должен написать несколько строк, - писал сэр Уильям Боуман (25 августа 1860 года), - чтобы сказать, насколько я был доволен вчера всем, что увидел от ваших медсестер в больнице Святого Фомы. Насколько можно было судить при беглом осмотре, все выглядело безупречно с точки зрения порядка, чистоты и правильности поведения. Ваши костюмы мне особенно понравились - полагаю, я не должен говорить, что восхищен. Двое или трое из ваших испытуемых, с которыми я разговаривал, произвели на меня благоприятное впечатление. Они казались искренними и простодушными, умными и приятными в общении. В целом эксперимент, похоже, удался, учитывая трудности, с которыми он проводится. О "сестрах" я не мог судить ничего. Миссис Уордропер мне очень понравилась, и я хотел бы, чтобы она была единственной начальницей без "медиумов". Общежитие мне очень понравилось". Писатель в популярном журнале дал восторженный отзыв о школе Найтингейл. "Медсестры носили коричневое платье, а их снежные шапочки и фартуки выглядели как кусочки дополнительного света, когда они весело и бесшумно переходили от кровати к кровати".^[344] Мисс Найтингейл прислала книги, гравюры, карты и цветы для комнат медсестер. "Я ни на минуту не думаю, - писала миссис Уордропер, - что вы хотите избаловать их чрезмерной заботой, но я очень боюсь, что им будет очень не хватать вашей внимательной доброты, когда они уйдут от нас". Уже сейчас (январь 1861 года) Матрона получала заявки от сельских больниц на медсестер, которых нужно было направить после годичного обучения. Потребность мисс Найтингейл в подробной информации была почти ненасытной. Даже ежемесячного отчета со всеми его обширными заголовками и подзаголовками было недостаточно. Миссис Уордропер дополняла его частными отчетами. Мисс Найтингейл

предложила ей поощрять медсестер вести дневники, которые впоследствии можно будет проверять. "Я очень рада, - писала миссис Уордропер после двух или трех лет испытаний (11 января 1863 года), - что вы одобряете дневники, и я уверена, что ваше одобрение будет стимулировать их к еще большему упорству". Когда мисс Найтингейл обнаруживала плохую орфографию, испытуемому давали уроки диктовки. Мисс Террот, подруга мисс Найтингейл, получила место в больнице в качестве внештатного сотрудника и дополняла отчеты матроны. "Мне жаль, - писала она в одном из многочисленных писем, - что в последнее время испытуемые склонны ссориться между собой; я полагаю, что там, где женщины живут вместе, возникают ревность и неприязнь". Разве там, где мужчины живут вместе, не существует наборов, клики и неприязни? Однако первый год работы эксперимента предвещал успех затеи. Все испытуемые, прошедшие курс обучения (13 из 15), выразили благодарность за полученные преимущества. Шестеро были приняты в качестве штатных медсестер в больницу Святого Томаса. Двое были назначены медсестрами в лазареты для бедных, и в настоящее время рассматриваются заявления о приеме других.^[345] Семена были посеяны на хорошей почве.

IV

Немного позже мисс Найтингейл направила часть средств фонда на другую цель, которая была ей очень по душе. Это была подготовка акушерок для работы среди бедных. Здесь, снова, она работала через существующее учреждение, и через агентство женщины уже известны ей. Больница, выбранная для этого эксперимента, была в Королевском колледже, где мисс Найтингейл сама, до ее призыва в Крым, была склонна служить. Уход за больными в больнице Королевского колледжа осуществляли медсестры, обученные в Доме Святого Иоанна - учреждении, которое предоставило контингент для крымской экспедиции мисс Найтингейл. Характер эксперимента был объяснен мисс Найтингейл в письме к мисс Гарриет Мартино (24 сентября 1861 года):-.

Они должны быть лица, отобранные сельских приходов в возрасте от 26 до 35 лет, хорошее здоровье и хороший характер, пройти курс *не менее* 6 месяцев практического обучения, и соответствовать всем правилам дома Святого Иоанна, который медсестры в больнице Королевского колледжа. Никаких других обязательств мы на них не возлагаем. Предполагается, что они вернутся в свои приходы и продолжат там свое служение. Мне жаль, что мы будем вынуждены требовать еженедельную сумму за пансион, которая будет просто стоить не меньше 8 или больше 9 шиллингов в неделю. Наши средства не позволяют нам, по крайней мере, на первых порах, делать это бесплатно. Ведь (больница очень бедна) мы должны были оборудовать родильное отделение и содержать койки для лежащих больных. Фактически мы создаем это отделение больницы, которого раньше не существовало. Женщины будут обучаться своему делу самими врачами-акушерами, которые очень щедро вложили душу и сердце в этот план, у постели лежащих больных в этой палате, вход в которую запрещен для мужчин-студентов. А еще они будут принимать роды у бедных женщин на дому, амбулаторных пациенток больницы. Старшая медсестра отделения, получающая от нас зарплату, будет опытной акушеркой, так что ученицы-медсестры никогда не будут предоставлены сами себе. Они будут полностью подчиняться леди-суперинтенданту - несомненно, лучшему моральному воспитателю женщин, которого я знаю. Они будут жить в больнице, рядом с ней. Если бы у меня была молодая сестра, я бы с радостью отправила ее в эту школу - настолько я уверена в ее нравственной доброте; я упоминаю об этом, потому что знаю, что бедные матери не менее требовательны, чем богатые, не только к нравственности, но и к благосостоянию своих дочерей. Почти в каждой стране, кроме нашей, есть государственная школа для акушерок. Я верю, что наша школа может стать примером того,

как восполнить недостаток, который давно ощущается в Англии. Здесь мы экспериментируем; и если мы добьемся успеха, мы уверены, что получим кандидатов. Я не уверен, что это не лучший путь.

Спокойное начало и принцип, согласно которому для людей нет ничего второсортного, очень характерны.

V

Эксперимент в больнице Королевского колледжа, который начался в октябре 1861 года, пришлось отказаться после шести лет успешной работы из-за эпидемии послеродовой лихорадки в палатах; но то, что в больнице Святого Фомы процветает по сей день в расширенном масштабе, и на протяжении всех активных лет мисс Найтингейл занимала постоянную долю ее мыслей и личного внимания. С 1872 года она, как мы узнаем позже, написала новогоднее обращение, когда позволяло здоровье и время, к медсестрам Найтингейл, постоянно прививая высокие идеалы и давая личное вдохновение ордену, носящему ее имя. С каждым годом все шире распространялась ее идея предоставить женщинам, желающим работать медсестрами в больницах, возможность получить практическую и научную подготовку и постепенно повысить уровень образования и характера медсестер как класса. Из года в год другие больницы получили помощь от материнской школы с обученными супервизорами и персоналом, и новые центры были сформированы с теми же целями,^[346] и можно с уверенностью сказать, что семена, посеянные таким образом мисс Найтингейл через средства Фонда был главным инструментом в повышении призвания медсестер до позиции, которую он занимает сейчас. Так сказал Совет Фонда в своем отчете за год, в котором умерла мисс Найтингейл; и факты, собранные в историях современной медсестры полностью подтверждают их заявление. Во многих случаях медсестры Найтингейл были посланы в группах, как мы услышим в одной из последующих глав, чтобы инициировать реформу в других учреждениях. В британских колониях и Соединенных Штатах "власть Найтингейл" работала аналогичным образом. Колониальные больницы посещали школу Найтингейл для своих управляющих. "Мисс Элис Фишер, который возродил Blockley Hospital (Филадельфия), был Nightingale медсестра, и мисс Линда Ричардс, пионер медсестра в Соединенных Штатах, пользовался преимуществом аспирантуры в Сент-Томас, а также личного доброго интереса и поощрения мисс Найтингейл."^[347] Влияние ее программы не ограничивалось англосаксонским миром. В Германии, во Франции, в Австрии и в других странах подготовка медсестер аналогичным образом следовала примеру мисс Найтингейл. Так семя, которое Флоренс Найтингейл пересадила из Кайзерсверта, выросло на другой почве и с другим развитием в могучее дерево с множеством ветвей.

В наши дни, когда во всех крупных больницах работают школы подготовки медсестер, когда наблюдается тенденция к повышению требований сверх стандарта, описанного в этой главе, и когда медсестры стали высокоорганизованной профессией, требуется определенное усилие, чтобы осознать, насколько новаторской и даже смелой была работа основательницы современного сестринского дела. Как полковник старой школы помог нам понять трудности эксперимента мисс Найтингейл в Крымской войне, так и хирург старой школы написал небольшую книгу, которая неоспоримо помогает нам осознать новизну ее эксперимента в больнице Святого Фомы. Это книга мистера Саута, о которой я уже упоминал. Он обладал

высочайшими качествами в своей профессии, был оратором и дважды президентом Колледжа хирургов. Он также был старшим хирургом в больнице Святого Томаса, и этот факт, возможно, объясняет ожидание миссис Уордропер "довольно жесткой критики"; ведь мистер Саут был решительно и даже с горечью против всей идеи Фонда Найтингейл и любого нового положения о подготовке медсестер. Он был "совсем не склонен признать, что сестринские учреждения наших больниц неэффективны или что их можно улучшить с помощью какого-либо специального учреждения для обучения". Он верил, что медсестры в больнице Святого Томаса были хорошими (и во многих отношениях так оно и было), и не понимал, что целью Фонда Найтингейл было повышение общего уровня и отправка из больницы Святого Томаса обученных медсестер, которые, в свою очередь, будут обучать других медсестер в других местах. Возможно, если бы он это понял, то счел бы это излишним. Его точка зрения была точкой зрения человека, который находит мир таким, какой он есть. Я уже приводил в пример удовольствие, с которым некоторые армейские врачи на Востоке нашли в том, что немногие из их коллег подписались на Фонд Найтингейл. Мистер Саут находил аналогичное удовлетворение, сканируя список подписчиков у себя дома. "То, что предложенная схема подготовки медсестер для госпиталей не встретила одобрения или поддержки со стороны медиков, не вызывает сомнений, - писал он. Очень малое число медиков, чьи имена фигурируют в огромном списке подписчиков фонда, не могло остаться незамеченным. Только три врача и один хирург из одной (лондонской) больницы и один врач из второй, встречаются среди сторонников". Работа мисс Найтингейл по уходу за больными пользовалась поддержкой некоторых ведущих врачей, но я полагаю, что мы должны поверить мистеру Сауту на слово, что медицинская профессия в целом была несимпатична или враждебна по отношению к реформам, которые в более позднем поколении получили всеобщее одобрение. Врачи не одиноки среди представителей разных профессий в своем стремлении противостоять реформам. Враждебность юристов к правовым реформам почти легендарна, а что касается политиков, то одна половина из них профессионально занимается предсказанием ужасных результатов реформ, проводимых другой половиной. И так продолжается до тех пор, пока парадоксы одного поколения не станут привычными для следующего.

Но если ход политического и социального прогресса усыпан обломками предсказаний гибели, то и он не свободен от разочарований реформаторов. Страхи могут быть лжецами, но надежды иногда бывают обманщиками. Мисс Найтингейл, основательница современного сестринского дела, достигла больших и благотворных результатов, но ей пришлось пережить и некоторые разочарования. Ее стандарты были настолько высоки, что она больше осознавала недостатки, чем достижения. Возможно, мы лучше поймем ее мысли, когда в следующей главе рассмотрим религиозные принципы и идеал человеческого совершенства, которые она выработала для себя в мире мыслей и которые вдохновляли ее усилия в мире действий.

ГЛАВА V

РЕЛИГИОЗНАЯ САНКЦИЯ: "ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ" (1860)

Укрепляет душу мою знание
Что, хоть я и погибну, Истина есть:
Что, как бы я ни плутал и ни метался,

Что бы я ни делал, Ты не изменишь.
Я тверже шагаю, когда вспоминаю.
Что, если я поскользнусь, Ты не упадешь.

A. H. Clough.

Жизнь и работа мисс Найтингейл, описанные в предыдущих главах этого мемуара, были такими, которые вряд ли могли исходить от кого-либо, кто не был одержим каким-то сильным духовным импульсом. Это была жизнь, посвященная работе, и в этой работе она искала и находила себя. Однако в ее работе не было того, что обычно называют "стремлением к себе". Тело было настолько слабым, что остается только удивляться, как женщина с ослабленным здоровьем смогла выполнить столько того, что Сидни Герберт назвал "мужской работой" в этом мире. Ее поддерживала, поддерживала, вдохновляла огромная духовная сила и энергия, которая побуждала ее искать самоудовлетворения в самоотверженной трудовой жизни и которая, в свою очередь, находила выражение в форме религии, независимо достигнутой и интенсивно проводимой.

В предыдущей главе я проследил развитие религиозных взглядов мисс Найтингейл в ее ранние годы, и показал, как они расширились до терпимости, которая принимала во внимание больше поступков, чем вероисповедания. Но, как уже было сказано, она интересовалась и вероучениями.^[348] Ее натура была глубоко религиозной, и она обладала умом, склонным как к умозрительным, так и к практическим размышлениям. Ее критический дух обнаружил слабые места, как она считала, в вероучении как протестантов, так и католиков. Точный и практичный склад ее ума не мог быть удовлетворен, пока она не нашла для чувств своего сердца более логичное обоснование. Таким образом, она была вынуждена приступить к реконструкции своего религиозного вероучения, о которой вскользь уже упоминалось. В начале ее дневника за 1853 год, на странице, расположенной напротив январской "Записки 1852 года", есть такая запись: "Последний день старого года. Я так рада, что этот год закончился. Тем не менее он не прошел впустую, я верю. Я переделал всю свою религиозную веру от начала до конца. Я научился познавать Бога. Я переделал свои общественные убеждения; пусть они оба будут записаны для использования, когда придет мой час". Эта запись относится к рукописям, названным соответственно "Религия" и "Роман" в уже цитированном письме 1852 года.^[349] Рукописи, после того, как их прочитали один или два друга, оставались в течение нескольких лет в столе мисс Найтингейл, хотя в течение этого периода напряженной деятельности в мире дел тема, мы можем быть уверены, часто занимала ее мысли. В 1858 и 1859 годах она снова взялась за рукописи. Дружеское общение с Артуром Хью Клафом, который в это время часто бывал с ней, несомненно, стало одной из причин, приведших к активному возобновлению ее теологических спекуляций. Она перечитывала "*Логику*" Милля и читала "*Историю моих идей*" Эдгара Квине. Записи бесед с ней мистера Клафа показывают, как сильно она была обязана Миллю в своих рассуждениях. "Куине и Дж. С. Милль, - писал мистер Клаф (2 марта 1859 года), - по ее словам, казались ей двумя людьми, которые придерживались истинного мнения о законах Бога". В частности, она упомянула две главы в "*Логику*" Милля о свободной воле и необходимости, которые показались ей началом истинной религиозной веры. Превосходство Бога, по ее словам, заключается в том, что Он неумолим. Если бы Его можно было изменить молитвами людей, то мы были бы во власти тех, кто Ему молится. Это напомнило ей слова старого Джеймса Мартина, сказанные несколько лет назад, когда она его видела, - что ему не нравится, когда молятся раскольники, он любит, чтобы молитвы были расписаны и упорядочены: он не знает, что люди могут не молиться, возможно, чтобы деньги вынимались из его кармана и

перекладывались в *их*". Она переписала кое-что из того, что было написано шестью или семью годами ранее, и добавила еще много нового. В конце 1859 года она начала печатать книгу. В следующем году вся книга была напечатана, и лишь несколько экземпляров были оттиснуты. Эта книга под названием "*Предложения для размышления*" состоит из трех томов, всего в ней 829 больших страниц формата октаво. Она никогда не публиковалась. У нее есть заметные достоинства и столь же заметные недостатки. Достоинства по существу; дефекты формы и расположения; но мисс Найтингейл никогда не нашел времени или силы или склонности я не знаю, что или сколько из трех были хотят, чтобы устранить недостатки путем переделки книги. Неопубликованная, поэтому, я полагаю, она, скорее всего, останется. Но в своем нынешнем виде это замечательное произведение. Никто не сможет прочесть ее, не впечатлившись мощным умом, духовной силой и (с некоторыми оговорками) литературными способностями писательницы. Если бы она не была поглощена практическими делами в годы своей активной жизни, или если бы в более позднее время ее энергия или склонность не были ослаблены болезнью, мисс Найтингейл могла бы занять место среди философских писателей девятнадцатого века.

//

В 1860 году, когда мисс Найтингейл напечатала свои "*Предложения к размышлению*", она была наполовину не склонна публиковать эту работу. Она посоветовалась с некоторыми из своих близких друзей по этому поводу. Она также представила рукопись двум известным людям, которые не были лучше квалифицированы, чтобы дать справедливое мнение - Джон Стюарт Милл и Бенджамин Джоуэтт. С мистером Миллем она не была знакома лично и добилась знакомства через своего друга мистера Чедвика. Чтобы завязать знакомство, он прислал Миллю экземпляр "*Записок о воспитании*". Милль пообещал немедленно прочитать книгу, хотя (добавил он) "я не нуждаюсь в ней, чтобы иметь возможность разделить восхищение, которое испытывает к мисс Найтингейл более универсально, я должен представить, чем к любому другому живому человеку". Это выражение, должно быть, порадовало ее, поскольку она была прилежной читательницей и (при некоторых разногласиях) горячей поклонницей книг Милля. Будучи, таким образом, уверены в его доброй воле, и далее сообщили через мистера Чедвика, что нет необходимости в формальном представлении, если мисс Найтингейл считает, что мистер Милль может быть полезным для нее, она послала ему копию *Предложения*, или, скорее, часть из них. Он прочитал ее и был очень заинтересован; настолько, что, помимо того, что послал ей письмо с общей критикой, он потрудился сделать аннотацию на полях. Он надеялся, что ему будет позволено увидеть оставшуюся часть. Ознакомление с ним укрепило его высокое мнение. "Я редко чувствовал себя менее склонным к критике, - сказал он, - чем при чтении этой книги". Но одно или два замечания он все же предложил - "на ваше рассмотрение, - сказал он, - и не претендуя на то, чтобы изложить закон по этому вопросу кому бы то ни было, тем более вам";[350] и пригласил к дальнейшей переписке. Эссе мисс Найтингейл остались в его памяти, так как в знаменитой книге, опубликованной девять лет спустя, он ввел ссылку на них.[351]

Мистеру Джоуэтту мисс Найтингейл была представлена мистером Клафом, который попросил его прочитать некоторые из "*Предложений*". "Мне показалось", - сказал он мистеру Клафу после прочтения, - "как будто я получил отпечаток нового ума".[352] Его интерес к таким филантропическим усилиям, как те, что связаны с именем Флоренс Найтингейл, отражен в отрывке из знаменитого "Очерка толкования"[353], и он, должно быть, еще больше заинтересовался "*Предложениями*", когда мистер Клаф сказал ему, что она является автором, и попросил написать ей о них на . Она назвала книгу знакомыми буквами - "Штука",

под этим именем она также упоминается в своем завещании. "Я пишу, чтобы поблагодарить вас, - писал мистер Джоуэтт в одном из первых писем длинной серии (6 апреля 1861 года), - за "Штучку", к которой я осмелюсь добавить эпитет "драгоценная"". Он думал об этой книге так же высоко, как и мистер Милль, хотя и по-другому. И он тоже, помимо длинных писем с общими рассуждениями, вызванными книгой, подробно аннотировал ее. Его аннотации очень объемны и тщательны. Они восхитительны с точки зрения критики, и только по ним читатель, не знакомый с творчеством мистера Джоуэтта, может составить довольно точное представление о его характере и образе мыслей. Пробный экземпляр "Штучки" с аннотациями мистера Джоуэтта был одной из самых дорогих вещей мисс Найтингейл. К некоторым из подробных критических замечаний я обращусь позже. "Я осмелился, - сказал он, - изложить критические замечания, которые приходят мне в голову, совершенно без обиняков; не следует думать, что они несовместимы с величайшим уважением к уму и гению писателя". Критических замечаний было много, и часто они носили далеко идущий характер; но не менее частыми были такие выражения, как "Очень хорошо", "Очень тонко и благородно".

Что касается непосредственного вопроса: публиковать или не публиковать? мистер Милль и мистер Джоуэтт дали, на первый взгляд, совершенно разные советы. Мистер Милль, прочитав первую часть книги, сказал: "Если вы хотели узнать мое мнение о целесообразности ее публикации, то мне нетрудно ответить на него утвердительно"; а в следующем письме он сказал: "Если, прочитав только первый том, я очень хотел, чтобы он был опубликован, то после прочтения второго я чувствую себя гораздо более уверенным". Мистер Джоуэтт, напротив, был против публикации. Боюсь, самонадеянно выступать в роли апелляционного суда между двумя такими судьями, но рискну предположить, что совет мистера Джоуэтта был более правильным. И это не так самонадеянно, как может показаться, ведь дело в том, что, хотя мистер Милль и хотел, чтобы книга была опубликована, он также был бы рад увидеть ее переработку. Точно так же и мистер Джоуэтт, хотя и настаивал на том, что книга должна быть переработана, очень хотел, чтобы она в конце концов была опубликована. "Мне будет очень жаль, - писал он в конце книги, - если большая часть этой книги не увидит свет в той или иной форме. Ее чтение произвело на меня огромное впечатление, и я уверен, что так же повлияет и на других. Многие искры вспыхнут в умах людей благодаря ей". "С точки зрения расположения, действительно, - писал мистер Милль, - сгущения и придания, так сказать, остроты аргументам, ей бы очень помогла та переработка, которую вам помешала сделать причина, по которой во всех других отношениях вы так сильно сожалеете. Однако это относится скорее к общему способу изложения аргументов, чем к деталям". В этих двух предложениях мистер Милль замечательно изложил моменты, которые мистер Джоуэтт снова и снова объяснял и иллюстрировал, с величайшей тщательностью, в своих подробных аннотациях, и это моменты, которые должны поразить каждого читателя книги мисс Найтингейл. Повторения утомительны, а то и почти невыносимы для любого, кто прочтет значительную часть книги подряд, и мисс Найтингейл, в более позднем письме к мадам Моль, говорит, что не могла читать книгу сама. Аргументация в отдельных отрывках, а иногда и в отдельных главах, тесно связана, но в книге в целом она часто теряется в отступлениях, и в ней не хватает какого-либо последовательного *ordo concatenatioque rerum*. Книга столь же замечательна по литературным изыскам в деталях, сколь и по недостаткам в искусстве литературного изложения.

Некоторое рассмотрение этого момента послужит иллюстрацией одного из аспектов характера мисс Найтингейл. Недостаток, который мистер Милль и мистер Джоуэтт увидели в ее "Предложениях к размышлению", может показаться одним из последних, которые можно

было ожидать от нее. Ее ум был необычайно методичным и упорядоченным; это была одна из основных характеристик ее работы в качестве администратора и реформатора. В этой книге эта характеристика проявляется, хотя и в несколько поверхностной форме. Каждый том предваряет тщательно продуманный "Дайджест" с многочисленными разделами и подразделами. Однако факт остается фактом: видимость строгого метода не соответствует столь же строгому расположению материала. Можно сказать, что эта тема менее поддается методическим заголовкам и подзаголовкам, чем организация отдела или обустройство больницы. И это правда; но стоит отметить, что примерно та же критика, что была сделана мистером Миллом и мистером Джоуэттом в отношении *"Предложений к размышлению"* мисс Найтингейл, была сделана другим способным человеком на ее *"Записок об армии"*. "Я считаю их недостатками, - писал сэр Джон Макнейл (18 ноября 1858 г.), - в определенной форме художественного мастерства или искусства, и обвиняю в частых повторениях, но признаюсь, что эти недостатки составляют, на мой взгляд, некоторые из их величайших прелестей. Они придают всему произведению самую безошибочную печать искренности и правдивости, в чем не может усомниться ни один читатель с обычным восприятием. Они должны, я думаю, в любом классе умов вызвать убеждение, что вы были заняты исключительно добром, которое вы могли бы сделать, а вовсе не своей репутацией художника". Это извинение вполне справедливо по отношению к конкретной работе, о которой идет речь, и сэр Джон мог бы добавить еще одно. *Записки об армии* представляли собой серию отчетов, которые действительно должны были быть последовательно прочитаны государственным секретарем, но каждый из них касался отдельной отрасли военного министерства. Но дело обстоит иначе, когда мы переходим к философскому трактату, обращенному к мыслителям. Некоторое отсутствие устойчивой последовательности в *"Предложениях к размышлению"* мисс Найтингейл и многие из его повторений могут быть отнесены к методу составления. Разные главы были написаны в разное время. Но когда она задумала опубликовать книгу, то не позаботилась о том, чтобы исправить эти недостатки. Почему так произошло? Объяснение, как мне кажется, следует искать отчасти во взглядах, которых она придерживалась на литературное искусство, а отчасти в некоторой вспыльчивости нрава. Она отбросила от себя литературные занятия как тщетный соблазн. Писательство интересовало ее только как средство к действию, и она не понимала, что литературная форма имеет первостепенное значение, если письмо должно влиять на текущую мысль по сложным вопросам. Бесконечно трудолюбивая, когда действие было в поле зрения, и способная на бесконечное терпение, когда она видела необходимость, она довольствовалась тем, что выплескивала свои мысли, не обращая внимания на форму. В основе ее *предложений* лежит законченная и последовательная схема; она всегда присутствовала в ее собственном сознании; и ее не беспокоило, что она будет сокращать и обрезать, пересматривать и переделывать в интересах того, что она презирала как простой артистизм. *Non omnia possumus*. Те, кто способен завершить работу в одной области, часто нетерпеливы к ней в другой. Рёскина, столь тщательно следившего за законченностью своего литературного мастерства, спросили, почему он так редко заканчивает свои рисунки "до краев". "О, - ответил он, - я не могу утруждать себя шитьем". В одном из своих писем (17 ноября 1861 года) мистер Джоуэтт призывал мисс Найтингейл посвятить время и хлопоты улучшению формы ее *предложений*: "Никто не может добиться той формы, в которой необходимо излагать новые идеи, без большого труда, размышлений и такта. Требуются годы после того, как идеи ясны в вашем собственном уме, чтобы придать им форму, понятную для других". Ответ мисс Найтингейл мистеру Джоуэтту не сохранился, но я предполагаю, что он был о том, что у нее не было времени на пошив одежды.

Однако разница в советах, данных мистером Миллем и мистером Джоуэттом, была глубже, чем вопрос о форме. И здесь опять же рассмотрение этого вопроса прольет свет на характер мисс Найтингейл. Книга якобы была посвящена реконструкции, на самом же деле она в значительной степени была бунтом. Первый и третий тома представляют собой философское изложение ее кредо - "Закон, как основа новой теологии". Второй, посвященный "Практическим выводам", представляет собой критику религии и социальной жизни ее времени. Критика, представленная в обеих главах, язвительна и полна штрихов характерного для нее едкого юмора. Второй том включает в себя полное обсуждение положения женщин и призыв к их освобождению от многих ограничений того времени. Легко понять, что многое из этого очень понравилось мистеру Миллю, и почему он счел желательным опубликовать эту книгу. И так же легко понять, что многое в ней оскорбило мистера Джоуэтта, и почему он счел необходимым ее пересмотр. Я не берусь решать в этом вопросе, кто был ее советчиком. Как ее биограф, я довольствуюсь тем, что констатирую: мольба об умеренности, о примирении, о сдержанности, которую мистер Джоуэтт высказывал в десятках маргиналий и в десятках писем, похоже, взяла верх. Суть этой мольбы заключалась в том, что новое должно быть, насколько это возможно, привито к старому; это была мольба о приспособлении. У мисс Найтингейл были идеи, которые имели реальную ценность, но они не помогут изменить и очистить религиозную мысль, если они будут представлены в слишком боевой и революционной форме. Один отрывок, хотя и не относится к тем, против которых мистер Джоуэтт особенно возражал, послужит иллюстрацией его точки зрения. Я выбрал его потому, что он характерен для юмора писателя. Она взята из раздела, озаглавленного "Джон Буль и его церковь": "Джон Буль будет иметь много за свои деньги. Он будет служить долго, пока не устанет, чтобы получить свою выгоду; как и его концерты, в них много всего, никакого обмана, пока он не уйдет домой, зевая. Так он исповедуется, объединяя все свои грехи, затем получает отпущение, затем славословие, затем ектению, прося о всех мыслимых вещах и заканчивая просьбой к Богу "помиловать всех людей", чтобы не упустить ничего, пока у Бога не останется ни малейшего выбора или осуждения; а затем проповедь - длинная, три службы в одной, - чтобы он не надел свои лучшие одежды и не заплатил всю десятину зря". Ни один человек, наделенный чувством юмора, не сочтет этот отрывок оскорбительным; но мистер Джоуэтт возражает против него, поскольку он не соответствует исторической правде. "У Дж. Б. была церковь и литургия, созданные для него Генрихом VIII и королевой Елизаветой, а человеческая природа в церквях консервативна". И в целом мистер Джоуэтт попросил мисс Найтингейл "не искать недостатков во времени или в ком-либо, а попытаться из существующих элементов реконструировать религию". Теология - прогрессивная наука. Каждый век что-то добавляет к идее Бога. Пусть мисс Найтингейл стремится завоевывать новообращенных, нежно ведя их за руку, а не стуча ими по голове. У нее есть особые преимущества для этого. Пусть она будет очень осторожна, чтобы не отбросить их. Так рассуждал с ней мистер Джоуэтт. Этот момент выражается в бесчисленных формах, но этот абзац из уже упомянутого письма (17 ноября 1861 года) послужит примером: "Меня не очень волнует, если будет закончена лишь сравнительно небольшая часть вашей работы. Наибольшая ценность ее будет в том, что она исходит от Вас, работавшего в Крыму. Должен ли я сказать одну странную и, возможно, довольно дерзкую вещь? У вас есть большое преимущество в том, что вы пишете на эти темы как Женщина. Не разбрасывайтесь им, а используйте это преимущество по максимуму. Когда вы пишете против мира ("Athanasia contra mundum"), каждое чувство, каждая симпатия должны стать вашими союзниками, чтобы при самом ясном изложении смысла возникало как можно меньше трений и препятствий". Была ли это критика мистера Джоуэтта, которая одна или в основном заставила мисс Найтингейл отказаться от идеи публикации своих *"Предложений для*

размышлений", я не знаю.[354] Но можно сказать две вещи. Только один раз, насколько я могу судить, она вообще взяла мир в свое доверие на тему ее религиозных убеждений. Это было двенадцать лет спустя, в некоторых статьях в журнале *Fraser's Magazine*, к которым мы еще вернемся в свое время. В этих статьях содержатся основополагающие доктрины "*Предложения мысли*", но они изложены в манере и характере, которые показывают, что она прислушалась к "мягкой мудрости" мистера Джоуэтта. Другое дело, что можно сказать, что лично к мистеру Джоуэтту мисс Найтингейл с самого начала испытывала глубокое уважение. В то время, о котором мы сейчас говорим, они знали друг друга только по переписке, хотя, конечно, мистеру Клафу было что рассказать ей о своем друге. "Мне так нравится мистер Джоуэтт", - писала она в это время своему другу. И в то же время мистер Джоуэтт написал ей: "Я причисляю вас (если можно так выразиться) к числу невидимых друзей". Вскоре они встретились; дружба созрела и осталась крепкой до конца.

IV

Мисс Найтингейл, таким образом, в дополнение к ее другим видам деятельности, должна быть причислена к активным искателям истины в религии и философии. *Предложения* имели свое непосредственное происхождение, как я уже объяснял,[355] в желании встретиться с некоторым позитивным восстановлением негативного "свободомыслия" среди рабочего класса, и первый том был адресован, на титульном листе и в посвящении, "Артизанам Англии". Мистер Джоуэтт раскритиковал этот ограниченный призыв. "Книга не может быть написана, - сказал он, - для артизанов, отделенных от образованных классов; она должна охватывать их обоих. Существует один интеллектуальный мир с общими идеями, и более постоянной его частью является мир высших классов. Поэтому я призываю вас писать не для артизанов, а для всех". А мистер Милль писал: "В этой работе есть много такого, что может принести большую пользу многим людям, помимо артизанов, к которым она особенно обращена". В словах М. Моля о том, что "она намеревалась дать рабочим классам религию, а вместо этого дала им философию", тоже есть определенная сила (особенно в отношении более абстрактных аргументов первого и третьего томов). Адресация книги артизанам стала явно несостоятельной, когда мисс Найтингейл перешла во втором, самом длинном, томе к "Практическим умозаключениям" и критике жизни, как она живет среди "высшего десятка". Ее чувство юмора уловило несоответствие, и второй и третий тома были адресованы в целом "Искателям религиозной истины". Обращение "к артизанам" важно только как иллюстрация одной из фаз интересов мисс Найтингейл. Основное значение этой книги в истории ее жизни - это откровение, которое она дает о ее собственном разуме в поисках истины и о выводах, в которых она в конечном итоге нашла поддержку.

При чтении книги меня поразило количество иллюстраций, которые мисс Найтингейл взяла из области сестринского дела, медицины и управления. Можно сказать, что линия рассуждений, которой она придерживалась в своих "*Предложениях к размышлению*", была результатом размышления над этими данными умом, который был одновременно глубоко духовным и строго логичным. В этом отрывке нежной и в то же время юмористической автобиографии мы очень близко подходим к сути ее мыслей.

Когда я была молода, я не могла понять, что люди имеют в виду, говоря "их мысли блуждают в молитве". Я просила о том, чего действительно желала, и действительно желала того, о чем просила. И мысли мои блуждали не больше, чем блуждали бы мысли матери [479], молящей своего государя об избавлении сына от казни.... Утренняя служба нравилась мне гораздо больше, чем дневная, потому что мы просили о большем.... Я всегда был несчастен, если не был в церкви, когда читалась ектения. Как некрасиво, если ты веришь в молитву, не просить для каждого того, чего он хочет.... Я хорошо помню, как после смерти дяди я заботился о том,

чтобы от имени тети и кузин всегда присутствовать духом при прощении о "детях, лишенных отца, и вдовах"; а когда Гонфалоньеры находился в австрийской тюрьме Шпильберг, - о "пленниках и пленницах". Моя совесть немного укоряла меня в том, что это должно распространяться на тех, кто сидел в тюрьме за убийство и долги, но я полагал, что могу молиться за них духовно. Я не мог молиться за Георга IV. Я считал, что люди, молившиеся за него, были очень хорошими, и задавался вопросом, могло ли ему быть намного хуже, если бы за него не молились. Вильгельм IV. Я немного молился за него. Но когда на престол взошла Виктория, я молился за нее в восторге чувств, и мои мысли не покидали меня".

К этой простой вере юности опыт приложил руку. Больной мог молиться о сне, но лауданум оказался более действенным. Что толку молиться об избавлении от "чумы и моровой язвы" до тех пор, пока в Темзу не пустят обычные канализационные трубы? Если Бог послал холеру, что было более вероятным в Его мыслях: то, что Он послал ее, чтобы люди молились Ему об избавлении от нее, или то, что они сами должны были устранить предрасполагающие причины? Вывод мисс Найтингейл заключался в том, что если во вселенной существует План, то он должен быть иным, чем тот, который подразумевает популярная религия того времени, логически истолкованная. "Замысел Бога для нас, - заключила она, - заключался не в том, чтобы Он дал нам то, что мы просили, а в том, чтобы человечество получило это для человечества".

Это был зародыш, из которого развилась философия религии мисс Найтингейл. Она много читала по метафизике и теологии; она долго рассуждала сама с собой.

О провидении, предвидении, воле и судьбе,
Фиксированная судьба, свободная воля, абсолютное предвидение.

Она долго рассуждала, но не чувствовала себя "заблудившейся в блуждающих лабиринтах". Она начала с рассмотрения природы веры и показала, что любое истинное объяснение этого термина отбрасывает нас назад к природе объекта веры. Высший объект веры мы называем Богом. Но в разные эпохи люди понимали под Богом совершенно разные вещи. Есть представление о Боге у саваев, индусов, греков, израильтян и так далее; есть христианское представление, которое опять-таки сильно отличается в зависимости от патристических или богословских представлений и в зависимости от народных. Последняя нуждается в возвышении и очищении. Истинная идея Бога, которая одна только примиряется с глубочайшей моралью и с самым широким созерцанием природы, истории и мира, - это идея не отдельного человека, движимого симпатиями и личностями, а универсального существа, которое есть Закон.

Законы Бога, по ее мнению, можно открыть с помощью опыта, исследований и анализа; или, как она иногда выражалась, *характер* Бога можно установить, хотя Его *сущность* может оставаться загадкой. Законы Божьи - это законы жизни, и их можно выяснить путем тщательного и особенно статистического исследования. Именно это я имел в виду, говоря в предыдущей главе, что мисс Найтингейл относилась к изучению статистики с чем-то вроде религиозного благоговения. Статистика, собранная метеорологами, показала, говорит она в "*Предложении*", что штормы можно предвидеть. Когда корабль терпит крушение в "непредвиденном" шторме, "разве мы говорим: "Как Бог мог допустить такое ужасное бедствие, как гибель всех людей на борту? Должно быть, это сделал дьявол". Нет. Мы говорим: "Изучайте признаки приближающихся штормов, и вы не пропадете". Разве не так же обстоит дело с моральным злом, законы которого так же *поддаются расчету*?" Экземпляр книги Кетеле, о которой уже упоминалось, был подарен ей "с почтением,

уважением и любовью автора". Она часто говорила о бельгийском статистике в подобных выражениях. В ее глазах его книга была религиозным произведением - откровением Божьей воли. В своей аннотированной копии она увеличила название. Книга была не просто *"Essai de physique sociale"*. Она демонстрировала "ощущение бесконечной силы, заверения в твердой уверенности и бесконечную перспективу совершенствования принципов *социальной физики*, если только ее найдут возможным применить в тех случаях, когда она так необходима". Многие скажут, что это очень большое "если"; так, в сущности, постоянно говорил ее отец в письменных беседах с ней на эти темы. Но ее ответ был всегда один и тот же. Чем выше сложность, тем больше потребность в серьезном изучении. Если человечество сосредоточится на этой проблеме, ответ будет найден. "Истина *такова*", - сказала ее подруга. "Истина - это не то, что набрасывают", - отвечала она, и ни одна фраза не звучала из ее уст чаще в серьезном разговоре.

Далее она развила эту идею Бога как Закона в отношении человеческой судьбы и тех проблем "свободы воли и необходимости", которые Мильтон считал непостижимыми тайнами и вокруг которых веками спорили метафизики и логики. Она нашла свое окончательное решение в гипотезе, которую, как сказал ей мистер Милль, он когда-то пробовал, но от которой отказался, - гипотезе "Существа, которое, желая только добра, оставляет в мире зло исключительно для того, чтобы стимулировать человеческие способности неустанной борьбой с любой его формой"; Совершенного Существа, которое создало Совершенного и так распорядилось миром, что его течение должно быть постоянной борьбой за совершенство. Мисс Найтингейл не скрывала, что ее гипотеза оставляет загадки необъясненными. Конечное не может постичь Бесконечное. "Мы не можем, - писала она, - понять существование законов, созданных по воле Бога. Мы не можем понять Совершенное Существо. Все это представляется мне именно тем, что мы должны допустить как тайну".^[356] Но она придерживалась мнения Боссюэ, что *не следует путать вопрос о природе Бога с вопросом об отношениях между Богом и миром*. "Мы должны, - продолжала она, - всеми силами изучать совершенства, а не понимать Совершенного, изучать Его характер и Его законы, а не Его сущность или то, как Он живет по Своим законам". Очевидно, что творение - это тайна, но цель и задача Бога (в творении) не должны быть тайной. Все говорят нам, что существование зла непостижимо, тогда как я считаю, что гораздо труднее - невозможно - представить себе существование Бога (или даже доброго человека) без зла". Добро и зло - понятия относительные, и ни одно из них не может быть понято без другого.

Не предполагая, что она решила окончательную загадку Вселенной, мисс Найтингейл ухватилась за гипотезу, которая решила для нее многие из промежуточных загадок. Ей казалось, что она содержит возвышенную концепцию Бога, оправдывает Его пути перед людьми, объясняет предполагаемую войну между свободной волей и необходимостью. Ее взгляды на некоторые из этих высоких вопросов, возможно, станут более понятными из объяснительного письма, которое она написала своему отцу, посылая ему копию некоторых из своих "Вещей":...

Олд-Берлингтон-стрит, 6 июля [1859 г.]. Дорогой папа, мне будет очень приятно послать тебе некоторые из моих "произведений", раз уж ты так добр, что захотел их прочесть. Я попросила тетю Май прислать тебе самое короткое [часть первого тома]. Думаю, тема такова: Допустим, что мы видим признаки *универсального* закона во всем этом мире, *то есть* закона или плана или постоянной последовательности в моральных и интеллектуальных, а также физических явлениях мира - допустим, что в этом универсальном законе мы должны найти следы Существа, которое его создало, и, более того, *характер* Существа, которое его

создало. Если остановиться на поверхностных признаках, то Существо - это нечто настолько плохое, что ни один человеческий характер не может сравниться с ним по плохости, и, конечно, все существа, которых Он создал, лучше Его самого. Но если пойти глубже и посмотреть шире, то окажется, что этот план *всеобщего* закона - единственный, с помощью которого доброе Существо может научить Свои создания учить себя и друг друга, каков путь к всеобщему совершенству. И это, как мы признаем, единственный способ, которым может действовать любой педагог, будь то человеческий или божественный, - учить людей учить себя и друг друга. Если бы мы не могли *зависеть* от Бога, *то есть* если бы на эту последовательность нельзя было *всегда* рассчитывать как в моральных, так и в физических вещах, если бы Он мог капризничать (одни называют *это благодатью*, другие - *ответами на молитву* и т. д.), то в творении не было бы порядка, на который можно было бы положиться. Был бы хаос. И единственный способ, с помощью которого человек может иметь свободную волю, *то есть* научиться управлять своей волей, иметь ту волю, которую он считает *правильной* (что и есть свобода его воли), - это всеобщий порядок или закон (так называемая необходимость). Я говорю об этом так грубо, потому что философы обычно утверждают, что необходимость и свобода воли несовместимы. Похоже, Богу показалось, что Закон - это единственный способ, наоборот, *дать* человеку свободу воли. И это я попытался доказать. И далее, что это единственный план, который могло бы преследовать совершенно доброе всемогущее Существо.... Всегда, дорогой папа, твое любящее дитя, Ф. Н.

Мне не нужно вдаваться в фундаментальные трудности, которые мистер Милль нашел в этом последнем предположении, как и в трудности, на которые мистер Джоуэтт указал в серии писем, в примирении мисс Найтингейл свободной воли и необходимости. Нас интересует то, что она думала, и гипотеза удовлетворила ее суждения.

Кроме того, она дала ей рациональную основу для веры в будущую жизнь. Глава, в которой она обсуждает эту тему, показалась мистеру Джоуэтту "самой ответственной и серьезной во всей книге". Он сделал несколько критических замечаний по поводу деталей аргументации, но ее общая линия соответствовала его собственному убеждению в этом вопросе, а именно: доказательства будущей жизни должны быть найдены в моральных идеях.^[357] А в письме к мисс Найтингейл он говорит: "Я никогда не откажусь от веры в бессмертие, хотя не могу определить или представить себе способ иного состояния бытия. То, что Христос снова превратился в глиняную массу, кажется мне самым невероятным из всех невероятных вещей". Для мисс Найтингейл эта вера логически вытекала из ее общей гипотезы. Теория совершенства требовала будущего состояния бесконечного прогресса для всех и каждого; теория доброго Бога требовала этого. Цель Бога, по ее мнению, состоит в том, чтобы в конце концов "каждый и все в соответствии с законом желали и добивались правильной воли, а все грехи и горести были лишь одним из процессов, с помощью которых человечество училось и учится". Отсюда следует, что вера в будущее, связанное с человеческим существованием, необходима для веры в то, что мы находимся под праведным управлением". "Как очевидны, - писал мистер Найтингейл своей дочери, прочитав эту главу, - шаги вашего аргумента! Чувства, разум, ощущения оценивают законы добра, благожелательности и праведности в Божьей мысли; но обстоятельства указывают на отсутствие благожелательности, если только нет оснований верить в будущее развитие. Поэтому дальнейшее существование - это закон". Мистер Джоуэтт в своих маргиналиях высказал мнение, что она могла бы сделать больше для противоположной альтернативы: "Если нет будущего состояния, то что тогда с Богом, что с человеческой природой? Это был бы не только ужасный обман, но и обман всех лучших чувств и тех, на которые мы больше всего уповаем. Проработайте это предположение, посмотрите ему в лицо, и (независимо от того, верно оно или нет) вряд ли удастся подавить в

себе характер демона по отношению к Высшему существу". Так глубоко задумалась мисс Найтингейл; и, следовательно, идея Бога как Вселенского Закона, желающего человеческого совершенства, давала ей еще большую безопасность, чем в строках из Клафа, которые я поместил в начале этой главы. Она сама процитировала их, но добавила: "Да; но Истина такова, что "я" *не* погибну".

Ее рассуждения дали ей основу для понимания того, что подразумевается под философией истории: "Да, но Истина такова, что "я" *не* погибну".

(Мисс Найтингейл - отцу) Хэмпстед, 24 октября [1861 г.]. (Сегодня исполнилось семь лет с тех пор, как я начал "борьбу" за армию.) Я считаю, что "Кавур" Дайси и "Токвиль" Монктона Милнса в "*Квотерли*" - два самых мастерских очерка о настоящем государственном деятеле, которые я читал за последнее время.^[358] Смерть Кавура была героической - в расцвете его славы и успеха, он работал до последнего. Но я не уверен, что нет чего-то более героического и более жалкого в Токвиле, разбитом сердцем, но не в отчаянии, верном до конца "доброй борьбе" - *проигранной*, хотя он так хорошо сражался. Его называют узколобым - то *есть* человеком, который настолько широк, что сам ничего не может сделать. Негероический тон нынешних учителей - это плохо, как, например, когда превосходный Джоуэтт говорит, что в наши дни только "исключительные" случаи могут вести хорошую борьбу. Разве не в этом причина исключительности этих случаев? И был ли когда-нибудь век, так нуждающийся в героизме?

Наиболее справедлива похвала Токвилю за то, что он подражает Богу в своей государственной деятельности, примиряя свободную волю человека и Божий закон - единственный способ, при котором Бог или государственный деятель могут управлять. Но он несправедлив к себе, когда говорит, что не будет "играть роль Провидения". Он *играл*, насколько мог. Он неправ, когда говорит, как мало мы можем узнать о законах истории. Несомненно, пока мы почти ничего не узнали. (Но если бы мы изучали историю так же, как физические науки, разве это было бы так? Не похоже ли это на детей, которые говорят: "Я слишком маленький" (когда им предлагают решить сложную задачу), чтобы списать это на "неспособность нашего разума". Конечно, Бог говорит как раз обратное. Токвиль советует нам не называть события "загадочными". Он призывает правительства постичь таинственные влияния - "таинственные" только для нашего невежества. А я бы вообще отказался от этого слова. Возможно, Токвиль был первым государственным деятелем, который объединил признание того факта, что, согласно законам Бога, вся человеческая история не могла быть иной, чем она была, с убеждением, что это, вместо того чтобы побуждать нас ничего не делать, побуждает нас делать все.

Прежде всего, религиозная вера удовлетворяла ее как высокий мотив человеческого поведения. Она связывала в логическую связь служение человека со служением Богу. Она вдохновляла ее религиозным энтузиазмом, убеждая в том, что каждому человеку - как женщине, так и мужчине - должна быть предоставлена свобода реализовать себя наилучшим образом. Исполнение Божьей воли, то есть, согласно ее философии, выявление причин и следствий, исправление ошибок, обучение людей извлекать пользу из своих ошибок - вот путь к общению с Богом. Читатель, возможно, помнит из предыдущих глав, что Флоренс Найтингейл осознавала "призыв от Бога быть спасителем", и что дань, которую она отдала своему "дорогому мастеру" Сиднею Герберту, заключалась в том, чтобы назвать его "спасителем". В "*Предложениях к размышлению*" есть отрывки, которые показывают, с каким значением она использовала эти термины. "Божий план состоит в том, чтобы мы совершали ошибки, чтобы их последствия были определенными и неизменными; затем приходит некий Спаситель, Христос или другой, не один Спаситель, а много, который учит весь мир

последствиям этих ошибок и "спасает" нас от них.... должны быть спасители от социальных, от моральных ошибок. Большинство людей вообще не извлекли из жизни никакого урока - как бы они ни страдали, они ничему не научились, они ничего не изменили бы.... Иногда мы слышим о людях, "придавших цвет своему возрасту". Если цвет правильный, то эти люди - спасители". Собственная работа мисс Найтингейл в мире - в Скутари, для здоровья британских солдат дома, для больниц, для сестринского дела, и в настоящее время для Индии - получила от ее философии религиозное одобрение.[359]

V

Как, если это вообще возможно, можно спросить, приспособила она свои сокровенные убеждения к существующим на тот момент верованиям? Я не буду пытаться определить то, что она не определяла; но несколько замечаний сделать можно. Была ли она унитариянкой или тринитариянкой? Думаю, мы можем ответить на этот вопрос как угодно. Она была "очень уверена в Боге", но очень осторожна, как мы видели, в попытках определить Его сущность. Иногда казалось, что она думает о Боге в унитариянском смысле; но в "*Предложениях*" есть отрывок, в котором она философски рассуждает о Троице. "Совершенное существует в трех отношениях к остальному существованию: (1) Как Творец всего остального существования, его цели и средств для выполнения его цели. Это Отец. (2) Как причастный к этим другим способам существования. Это Сын. (3) Как проявленный в этих других способах существования. Это Святой Дух". Тогда, опять же, была ли она "протестанткой" или "католичкой"? В разное время она использовала язык, который можно было истолковать в любом направлении; но всегда она использовала его с каким-то собственным внутренним смыслом. Вот письмо, в котором философски излагается "евангелическая" доктрина:...

(*Мисс Найтингейл отцу*) Хэмпстед, 26 сентября [1863 г.]. Дорогой папа, я уверена, что если кто-то найдет в Ренане или в любой другой книге питательные вещества, мне будет очень жаль "обесценивать" их. В наши дни в книгах, особенно в религиозных, не так много твердой пищи, чтобы мы могли себе это позволить. Я всегда думаю о книге Mad. Мола: "Я не хочу, чтобы какой-нибудь писатель пережевывал за меня мою пищу". Сейчас почти все книги - это пережеванная пища, особенно религиозные книги.... Что мне не нравится в Ренане, так это не то, что он прекрасно пишет, а то, что все это прекрасно написано. Его Христос - герой романа; он сам - успешный писатель. Меня возмущают такие выражения, как *charmant, délicieux, religion du pur sentiment*, в такой теме.... Что касается "религии чувств", то я не понимаю, что он имеет в виду. Это выражение Бальзака. Если он имеет в виду "религию любви", то я согласен и не согласен. Мы *должны любить* то, что *можно любить*. А религия любви, несомненно, должна включать в себя объяснение характера Бога как чего-то достойного любви - Божьего "провидения", которое есть то же самое, что и Божьи законы, как нечто любящее и достойное любви. С другой стороны, я согласен с Христом, а не с Христом Ренана, гораздо больше, чем большинство христиан. Я считаю, что "Христос на кресте" - это высшее проявление Бога, не в вульгарном смысле Искупления, но *Бог висит на кресте каждый день в каждом из нас*; весь смысл Божьего "провидения", *то есть* Его законов, заключается в кресте. Когда Христос проповедует Крест, когда вся мистическая теология проповедует Крест, я полностью с ними согласен. Это то же самое, что я имею в виду, когда говорю, что Бог воспитывает мир Своими законами, *то есть* грехом, что человек должен создать человечество, что все это *зло*, то есть Крест, является доказательством благодати Бога, *единственным* способом, с помощью которого [487] Бог может совершить спасение человека без противоречия. Вы скажете: но ведь зла слишком много. Я говорю, его как раз достаточно (ни на миллионную долю зерна больше, чем *нужно*), чтобы научить человека на его собственных ошибках, - на его *грехах*, если хотите, чтобы

показать ему путь к *совершенству в вечности* - к совершенству, которое является единственным счастьем.....

С другой стороны, было много моментов, в которых римский католицизм сильно привлекал ее. Это отношение настолько заметно в *"Предложениях"* - в отрывках, иногда ироничных, иногда серьезных, - что в одном из последних мест мистер Джоуэтт сделал пометку на полях: "Враг скажет: "Эта книга написана неверным, который был папистом". Но я бы хотел, чтобы таких размышлений, показывающих истинное отношение суеверных представлений к нравственной и духовной религии, было больше". Я вполне допускаю, что ее друг кардинал Мэннинг, к которому она питала глубокое уважение (хотя и вела против него королевскую битву по случаю[360]), мог иногда рассматривать ее как вероятную новообращенную; но к принятию римских доктрин я не нахожу оснований думать, что она когда-либо была склонна. Однако дух католических святых, особенно святых, чье созерцательное благочестие сочеталось с активной благотворительностью, сильно привлекал ее. Она постоянно читала книги католической набожности и делала в них и на их основе бесчисленные примечания. Ее очень привлекали труды порт-роялистов, по поводу которых у нее сохранилась долгая переписка с отцом. Она очень восхищалась той помощью, которую католическое благочестие оказывало и оказывало многим ее друзьям, особенно бермондсийским монахиням, матери и сестрам Тринита-де-Монти, в деле чистоты сердца и совершения всего из добрых побуждений. И опять же, быть "деловой" было для мисс Найтингейл почти высшей похвалой; и в этом характере ей также импонировала Римская церковь. Ее принятие доктрин во всех их логических выводах казалось ей деловым; ее организация была деловой; ее признание женщин-работниц было деловым.

Таким образом, мисс Найтингейл была широка в своем отношении к вероисповеданиям и церквям. Со своей стороны она верила, что религиозная истина позитивна и может быть открыта; но, глядя на верования других, она судила о них по их плодам. Ее интересовало не столько то, какова религиозная формула мужчины или женщины, сколько то, обновляет ли она в них правильный дух. Религиозность, если она сосредоточена на себе, не вызывала у нее симпатии. "Есть ли что-то более высокое, - спрашивала она, - чем думать о собственном спасении, чем думать о собственном обеде? Я всегда считала, что солдат, который отдает свою жизнь за что-то, что, конечно же, не является им самим или его шиллингом в день - называет ли он это своей королевой, своей страной или своими цветами - стоит выше на шкале, чем святые, факиры или евангелисты, которые (некоторые из них не верят) считают, что цель религии - обеспечить собственное спасение". В пределах, обозначенных этими высказываниями, она во многом согласилась бы с тем, что миссис Карлайл сказала Джону Стерлингу: "Признаюсь, мне почти безразлично, *во что* верит человек, в сравнении с *тем, как он верит*. Если его вера верна, это гораздо лучше для него самого; но ее интенсивность, ее действенность - вот основание, на котором я люблю и доверяю ему".[361]

VI

Существует философская школа, весьма актуальная в наши дни, которая развивает эту точку зрения дальше. Смысл концепции, говорит она нам, выражается в практических последствиях, если концепция верна; религиозная истина относительна для индивидуума; способ проверить религию - жить ею. Если философия прагматиков верна, то немногие формы религиозного вероучения могут претендовать на лучшее свидетельство своей истинности, чем та, в которой жила, двигалась и существовала Флоренс Найтингейл. Она "переделала всю свою религиозную веру от начала до конца" и "научилась познавать Бога" в годы, непосредственно предшествовавшие ее активной деятельности в мире. Ее вера помогала поддерживать ее природное мужество во время ужасов Скутари, лихорадки и

холода Балаклавы. Она вдохновляла ее на тяжелый труд, которому она посвятила себя после возвращения с Востока. Она вдохновляла ее на неустанные усилия по охране здоровья армии и народа, на реформирование госпиталей, на создание искусства ухода за больными. Кто-то, повторяя слова М. Моля, которые я цитировал выше, усомнится, что из веры в Закон как в Мысль Бога могла исходить какая-либо жизненная сила, и предположит, что она сама, как и другие, предлагала камень вместо хлеба? Это было не так. Для нее религия, которую она нашла, была как тело и кровь Всевышнего. Невозможно сомневаться в духовном накале, религиозном рвении таких отрывков, как эти, со страниц *"Предложений для размышления"*, где она описывает "Общение с Богом":-...

Если говорят: "Мы не можем любить закон" - способ, в котором Бог проявляет Себя, - ответ таков: мы *можем* любить дух, который зарождается и проявляется в законе. Мы любим не только материальное присутствие в наших ближних. Мы любим именно дух, который проявляет материальное присутствие. Так не должны ли мы любить дух всего того, что достойно любви, о чем нам говорит *всякое* материальное присутствие?... Как прониклись те, кто впервые, искренне, имел представление, кто чувствовал, кто думал, чье воображение помогло им понять, что Божественная истина проявляется в человеке, приобщается, становится единой с человеком, спускается в ад греха и страдания вместе с человеком, будучи "истинно и действительно принята и получена" человеком!... Мы будем постоянно стремиться (и побуждать человечество стремиться вместе с нами) подготовить глаз и ухо великого человеческого существования, *чтобы* зрение его воспринимало, а слух понимал: "Едим ли мы, или пьем, или что делаете, все делайте во славу Божию". Делать все "во славу Божию" - значит исполнять замысел Господа. Эта цель - возрастание человека в истине, возрастание в правильном бытии. История человечества должна быть, и однажды будет, историей стремления человека к возрастанию в истине и к правильной природе.... Чего хочет невежественный ограниченный человек? Как велики, как мучительны, но как возвышенны его желания! Подумайте о его израненном, ноющем сердце в сравнении с птицами и зверями! Его жаждущий взгляд, его говорящий лик в сравнении с ними! *Они* показывают нечто подобное разнице, но ничто, ничто в сравнении с тем, что внутри, где ни один глаз не может прочесть. Что же тебе нужно, бедный страдалец? Мне нужен мудрый и любящий советчик, чья любовь и мудрость должны дойти до всего моего естества. Я бы работал, о! как охотно, но мне нужно руководство, как работать. Я бы страдал, о! как охотно, но ради цели.... Бог всегда говорит ясно в Своих законах - Его вечный голос.... Мое бедное дитя, говорит Он, жалуешься ли ты, что Я не даю тебе преждевременно пищу, которую ты не можешь переварить? Сын Мой, Я всегда един с тобой, хотя ты не всегда един со Мной. Тот дух, который страдает или омрачен грехом, дитя мое, - это дух твоего Отца. Откуда он берется, почему страдает или почему омрачен, как не от того, что в нем зарождается любовь, и истина, и мудрость, истерзанные или подавленные? Но Закон (то есть воля Совершенного) есть сейчас, был без начала и будет всегда, как побуждение и средство, с помощью которого это омрачение или страдание, которое есть Бог внутри человека, сделает человека единым с Богом.

Сначала найди Бесконечное, сказал один мудрый человек, а потом назови Его так, как тебе хочется. "Познать Бога нетрудно, - сказал Жубер, - если не заставлять себя давать Ему определение". И еще один человек в давние времена сказал: "Веди меня, Бог, Закон".

Веди меня, Бог, Закон, Разум, Долг, Жизнь!

Все имена для Тебя одинаково тщетны и пусты".[362]

В книге мисс Найтингейл "*Предложения к размышлению*" есть раздел под названием "Кассандра". Это история жизни девушки в заточении; она отчасти автобиографична, и я неоднократно цитировал ее в ходе этой работы. Она заканчивается смертью героини. Пусть на ее могиле не будет ни имени, ни даты, ни выражения сожаления или восхищения, а просто слова: "*Я верю в Бога*".

ГЛАВА VI

МИСС НАЙТИНГЕЙЛ ДОМА (1858-1861)

Немногие женщины, да и не многие мужчины, жили более полной и насыщенной жизнью, чем мисс Найтингейл в течение пяти лет, последовавших за ее возвращением с Крымской войны. Это были годы общественной работы, но работы, выполненной в тишине. И что еще более примечательно, для нее это были годы постоянной физической слабости.

На рубеже 1857-8 годов ей казалось, что она вот-вот умрет. В течение 1859 года было много случаев, когда она и ее друзья ожидали ее смерти в любой момент. "Спасибо, - писала Джордж Элиот мисс Хеннел в феврале, - за то, что прислали мне достоверные сведения о мисс Найтингейл. Интересно, хотела бы она отдохнуть от своих благословенных трудов или жить, чтобы продолжать работать? Иногда, когда я читаю о смерти какого-нибудь великого чувствительного человека, я испытываю триумф от ощущения, что он упокоился; и вместе с тем глубокую печаль от мысли, что редкая натура навсегда ушла во тьму". [363] В том же году мисс Найтингейл дала мистеру Клафу полные инструкции по организации своих похорон. Своему другу, полковнику Лефрою, она писала так, словно конец был совсем близок. "Каким венцом будет ваш, - ответил он (20 марта), - когда вы отдохнете от своих трудов и ваши дела последуют за вами!" Год спустя она написала мистеру Мэннингу (25 февраля): "Дорогой сэр, или дорогой друг (как бы я вас ни называла), я все еще в стране живых, как вы видите, вопреки всеобщим ожиданиям, но так ослабела, что теперь совсем не сижу на ногах, когда вы были так добры приехать сюда". "*Nunc dimittis*", - добавила она, - "это единственная молитва, которую я могу сейчас произнести в отношении себя". Однако все это время она была полна энергии и огня и проводила трудоемкие дни в письмах и беседах. Если читатель обратится к "Библиографии" (1858-1861), он с первого взгляда увидит, как многочисленны ее печатные работы, а предыдущие главы позволят ему оценить, сколько труда и размышлений лежало в их основе. Ее ненапечатанные "Записки" не менее масштабны, а ее переписка была огромна. Кроме того, едва ли проходил день, когда она не вела дела лично с тем или иным, или с несколькими, из ее "кабинета".

Среди людей, которые мисс Найтингейл отказался, на основании ухудшения здоровья, чтобы принять (и число включает в себя старые друзья и коллеги, а также незнакомые), были некоторые, кто не верил, что она была так плохо, как она сказала; они думали, что она скрывает черствость сердца или извращенность нравов. Но они ошибались. Среди случайных посетителей, которых она принимала, были и такие, для которых свидетельства их чувств, полученные от ее оживленного и энергичного разговора, казалось, отрицали мысль о том, что она серьезный инвалид. Но они не понимали. Сэр Джон Лоуренс, например, был принят в марте 1861 года для обсуждения индийских вопросов. "Он нашел ее гораздо лучше, чем ожидал, - сообщал ее кузен Хилари, - и сказал об этом доктору Сазерленду, когда спускался вниз. Доктор Сазерленд ответил: "Вы не можете знать; но когда я вернусь, то найду

ее совсем *бездомной* и не скажу ей больше ни слова". Так и случилось. Доктор Сазерленд обнаружил, что она "дрожит всем телом", и был вынужден оказать ей медицинскую помощь. Для любой беседы с незнакомым человеком и для многих бесед со знакомыми коллегами ей приходилось очень тщательно экономить силы, и после любого критического дела или волнения в разговоре она падала ниц и испытывала сильнейшее сердцебиение. Врачи теперь говорили ей, что у нее серьезно больное сердце. Мистер Чедвик сомневался в этом. Ее отец, написав жене из Лондона и описав вечер, проведенный с Флоренс, сказал (1861): "Чедвик и Сазерленд за ужином; первый настаивает, что одного голоса Фло достаточно, чтобы показать, что ее (так называемая) жалоба на сердце сомнительна. На самом деле она по-прежнему работает, как Геркулес, несмотря на всю слабость". Она работала без перерыва, но бывало, что неделями не вставала с дивана или кровати, месяцами не выходила за дверь. Возможно, как считал мистер Чедвик, диагноз врачей был ошибочным или, во всяком случае, преувеличивал серьезность случая. Поскольку она дожила до девяноста лет, я полагаю, что правда заключается в том, что ни один из ее жизненно важных органов или функций в это время не был поражен. История ее болезни указывает, как мне сказали, на дилатацию сердца и неврастению. Первый из этих состояний, хотя часто мучительно в его симптомы, поддается, я понимаю, лекарства и отдых; и для атонического состояния нервной системы, которая называется неврастения, и который часто является продуктом чрезмерного стресса на функции ума, полный отдых также часто является средством. Если бы по возвращении в Англию мисс Найтингейл взяла длительный период отдыха, вполне вероятно, что она восстановила бы нормальное здоровье тела; но, как мы видели, она не позволила себе никакого отдыха вообще. Она нагружала истощенные силы организма до предела. Даже сейчас полный покой, вероятно, вылечил бы ее; но поскольку она не могла или не хотела отложить работу, то могла продолжать ее только благодаря бережному отношению к своим силам.

//

Такое положение дел привело к образу жизни, который в рассматриваемые годы казался необходимостью, а в более поздние и менее напряженные годы стал, возможно, в какой-то степени делом привычки. Мисс Найтингейл, в течение напряженных лет 1856-61, жила жизнью трудолюбивого отшельника - жизнь, которая может быть в некотором отношении похожа на жизнь королевы Виктории в годы после смерти принца-консорта. В своем уединенном дворе она неустанно трудилась, но при этом тщательно ограждала себя от окружающего мира. После 1858 года мисс Найтингейл покинула Малверн и для смены воздуха отправилась то в один, то в другой из северных районов Лондона. Остальное время она жила в самом Лондоне, а иногда, когда она жила в Хэмпстеде, она ежедневно ездила в свои лондонские кварталы для ведения дел. Будь то в Лондоне, Хэмпстеде или Хайгейте, большую часть своей работы она выполняла, откинувшись на диван. Должно быть, она была тронута, когда обойщик, узнав о ее болезни, вызвался (март 1860 года) сделать по ее заказу диван с откидным верхом; он предложил его "в качестве небольшого знака уважения, которым она пользуется у рабочего класса за ее доброту к нашим солдатам, многие из которых являются родственниками моих рабочих, которые с радостью работали бы на ее благо без оплаты".

Экраном от внешнего мира служила преданность родственников и нескольких близких друзей. В официальных делах, связанных с военным министерством и госпиталями, ее самым постоянным помощником был доктор Сазерленд. Когда она не была занята официальными делами в другом месте, он был с ней почти каждый день, и многие ее черновики, копии и меморандумы этого времени написаны его почерком. Подобную помощь оказывал и капитан

Гальтон. Среди ее родственников самым полезным для нее был мистер Клаф, который, кроме того, что был секретарем Фонда Найтингейл, был во многом предан ее служению. Небольшая записка от него (16 февраля 1859 года), одна из многих, покажет, что к чему: "Вилли-Нилли, ты должна остаться до субботы. Железнодорожный вагон заказан. На Юстонском вокзале не признают, что суббота - более поздний день для экспресса, чем любой другой; будем надеяться, что они правы. Поэтому все готово к субботе. Думаю, вы должны позволить мне самому увидеть, как они будут выполняться. Прилагаю пожелтевшее и недоброжелательно выглядящее письмо, по-видимому, от

Кого нам повесить
В Пуло-Пенанге.

Там же была коричневая бумажная посылка с двумя синими книгами от мистера Александра, которую я оставил лежать в Берлингтоне. В комнатах все будет готово, как и прежде. Посылаю *"Дейли Ньюс"* с последней статьей Х[арриет] М[артино] о вечных законах - прощайте, А. Х. Клаф". Ее дядя и тетя, мистер и миссис Сэмюэл Смит, также сыграли полезную роль в этот период жизни мисс Найтингейл. О своей тете Мэй и о себе мисс Найтингейл писала, что они были "как двое влюбленных", и тетя играла роль любовника как в ласковой заботе, так и в ограждении от остального мира. Мистер Смит, занимавший должность эксперта по частным законопроектам, имел удобные комнаты в Уайтхолле и предоставил свои деловые привычки в полное распоряжение племянницы. Большую часть ее переписки с посторонними людьми он брал на себя, а также выступал в роли ее банкира и бухгалтера. Возможно, он находил некоторое вознаграждение за эту рутинную работу в резкости документов, в которых мисс Найтингейл передавала свои инструкции. На письме от дамы, работавшей в Клевере, которая "любила и почитала" мисс Найтингейл и с нетерпением ждала возможности увидеть ее когда-нибудь, написано следующее: "Дорогой дядя Сэм, пожалуйста, подави эту женщину и скажи ей, что я *никогда* не буду достаточно здорова, чтобы увидеть ее, ни здесь, ни в будущем". Секретарю некой Санитарной ассоциации: "Я дам 21 шиллинг ради миссис С., если они больше не будут присылать мне свои дурацкие книги и не позволят этой неделовой женщине больше писать эти неделовые письма". В глазах мисс Найтингейл быть неделовой было непрослительным грехом, будь то женщина или мужчина; в отношении женщины это было почти так же плохо, как и другое, затронутое в одном из документов: "Задушите ее; по моему личному убеждению, она просто хочет получить шанс выйти замуж". В письме весьма бессвязного содержания от будущей медсестры внимание дяди Сэма привлекло "то любопытное обстоятельство, что она, похоже, не знает, кого она потеряла - родителя или ребенка". К преподобному джентльмену, у которого есть "тайное лекарство": "Эти жалкие церковные шарлатаны! Не могли бы вы преподать им урок? Что бы они подумали обо мне, если бы я обладал таким открытием и держал его в секрете?" Изобретателю патентованного постельного одеяла: "Письмо этого человека напоминает мне о пилюлях, которые, когда их принимал джентльмен с деревянной ногой, заставляли ее снова расти". Британской армии чтецов Священного Писания она пошлет подписку, хотя и с некоторой опаской: "Я похожа на Пола Ферролла, который никогда ничем не занимался, зная, что он убийца и в любой день может быть уличен. Так я думаю". Дядя читал ее религиозные рассуждения и наверняка уловил намек на ее гетеродоксальные взгляды. Благочестивой даме, приславшей трактат: "Пожалуйста, ответьте этой дуре, но не давайте ей мой адрес". Мисс Найтингейл не любила трактаты. Она получала большие пачки для распространения в Скутари. "Я сказала, что распространяла их", - призналась она однажды, - "на костер или нет, я не сказала". Как и все женщины-знаменитости, мисс Найтингейл получала множество предложений о замужестве. Письмо, которое она написала

в газеты в поддержку волонтерского движения, вызвало несколько предложений. Одно было от "бедного инженера", который был глубоко тронут ее "благородными чувствами" и боялся, что только на небесах ее святая работа будет по-настоящему оценена, а пока предложил свои "руку и сердце, которые свободны, только вы намного выше меня". "Приятно заметить, - говорят дяде Сэму, - что это не первый, а сороковой плод моего письма Добровольцу; и что у меня могло бы быть столько же мужей, сколько у матери Магомета. Увы! Это я - серый осел". Просителю, приславшему копии стихов для сопровождения рассказов о своих евангельских принципах и денежных затруднениях: "Этот человек пишет уже в *третий раз*. Думаю, вам пора положить конец ему и его "поэзии"". Мисс Найтингейл ненавидела щедрость почти так же, как и привычки, не свойственные бизнесу (если эти две вещи действительно нужно различать). Она хранила все, что получала; но, просматривая презентационные экземпляры стихов в ее библиотеке, я был поражен, и боюсь, что дарителям было бы больно, тем фактом, что у нее редко хватало любопытства даже разрезать листья, на которых воспевались ее дифирамбы. На очень длинный призыв от дамы, которая претендует на "захватывающую честь симпатии мисс Найтингейл": "Я верю во все это, хотя и не знаю эту женщину от Адама. Пришлите ей от меня 2 фунта стерлингов, заодно намекнув, чтобы она посмотрела "*Блик Хаус*". Но мистер Смит, хотя и не был членом парламента, был старой парламентской рукой, и я видел копии некоторых восхитительных писем, в которых он выполнял, в большей или меньшей степени, указания своей племянницы. Я уверен, что он не ранил чувства просителя упоминанием миссис Джеллиби или Борриобула-Гха. Да и не предполагалось, что он это сделает. Мисс Найтингейл редко отказывала себе в шутке; но хотя у нее был острый нюх на явные хамства, и она мгновенно обижалась на них, ее сердце было легко тронuto, и я не уверен, что все ее денежные пожертвования, которые были постоянными, многочисленными и разнообразными, прошли бы проверку строгого Комитета по организации благотворительности. Однако часто она прилагала огромные усилия, чтобы отследить "дела" и помочь им наилучшим образом. Она была особенно открыта для обращений вдов или других родственников солдат и моряков. Ее глубокое знание больниц и других благотворительных учреждений, а также благосклонность королевы Виктории, предоставившей в ее распоряжение множество кроватей, расширили возможности ее помощи. Многие из ее просителей, особенно если они были охотники за автографами в маскировке, были разочарованы, без сомнения, не получить ответ от самой мисс Найтингейл, но в материальном плане они иногда были выгоды. На многих их письмах я нахожу этот дополнительный докет от добросердечного дяди Сэма: "Послал также кое-что на свой счет". А иногда он посылал что-то, когда она просила ничего не посылать, и она получала за это похвалу: "Дорогой дядя Сэм, мне так приятно думать, что я откладываю на небесах такие деньги за *ваши* 2 фунта, отправленные без моего разрешения этой женщине". Говорят, что язык дяди был почти таким же острым и остроумным, как перо племянницы, и он, должно быть, находил ее комментарии очень приятными.

///

Места, где мисс Найтингейл лежала в эти годы, были Вест Хилл Лодж, Хайгейт - дом Хауиттов (май-июнь 1859 года); Монтегю Гроув, Хэмпстед; Оук Хилл Хаус, Фрогнал (с сентября 1859 по январь 1860 года); и Аппер Террас Лодж (№ 3), Хэмпстед (конец 1860 года). Одно время, когда мистер Клаф находился за границей в поисках здоровья, его маленькие дети гостили у тети в Хэмпстеде, и из ее писем видно, что она с удовольствием принимала участие в их развлечениях на вересковой пустоши. В письме миссис Клаф (Хэмпстед, 1 сентября 1860 года) содержится такое красивое описание маленького ребенка, какое только можно найти: ""Оно" пришло ко мне в своем фланелевом халате. Никто не мог подготовить меня к его королевскому положению. Оно сидело прямо, но не произнесло ни слова, ни хорошего, ни

плохого. Кошки подскочили к нему. Он протянул руку с каким-то милостивым достоинством и приласкал их, как будто они вручали адреса, а они ответили смиренным, благодарным взглядом, совершенно покоренные младенческим величием. Затем он протянул мне свои маленькие босые холодные ножки, чтобы я их согрел, и когда я это сделал, он улыбнулся. Минут через двадцать оно махнуло мне рукой, чтобы я уходил, так и не произнеся ни слова. Я думаю, что это самый прекрасно организованный кусочек человечества, который я когда-либо видел".

Местом проведения лондонского "суда" мисс Найтингейл был отель "Берлингтон". В апреле 1861 года полковник Фиппс писал сэру Гарри Верни: "Было решено, что "квартира" в Кенсингтонском дворце должна быть приведена в надлежащий вид с тем, чтобы королева предложила ее мисс Найтингейл в качестве резиденции. Мне нет нужды говорить вам, насколько благодарны будут чувства королевы, даже в такой незначительной степени, чтобы иметь возможность выразить свое уважение к этой превосходной леди, которой все в этой стране должны гордиться". Но предложение королевы было с почтением отклонено. Это были дни, когда не было ни автомобилей, ни подземных железных дорог; и мисс Найтингейл, погруженная в ежедневный бизнес с людьми дела, чувствовала, что резиденция, столь отдаленная от официального Лондона, как Кенсингтонский дворец, лишит ее многих возможностей для полезной работы. Поэтому она осталась в "Берлингтоне", где у нее была небольшая квартира в доме, пристроенном к отелю. На верхнем этаже располагались спальня, гардеробная, комната для горничной и запасная спальня, а на нижнем - гостиная. Запасная спальня позволяла ей отправлять приглашения "поужинать и поспать" занятым мужчинам, которые работали вместе с ней. В таких случаях она приглашала на ужин или завтрак и других членов своего "кабинета", но редко могла сесть с ними за стол.

Наемные комнаты, в гостиницах или ночлежках, давали мисс Найтингейл в течение многих лет ее жизни все, что она хотела в таком роде. Чем меньше дом, тем больше спокойствия. Она была полностью свободна от зависимости или привязанности к "вещам". Она упростила жизнь, сократив количество препятствий до минимума. Однажды ее отец, проявив неосторожность, написал, чтобы она прислала несколько вещей для своей "гостиной" в Берлингтоне. Она возмущенно ответила, что у нее нет гостиной; это "разрушило жизнь стольких женщин". "В ее комнатах всегда цветы, - писала ее кузина Беатрис мистеру Найтингейлу, - но так много синих книг, что она не может пожаловаться на то, что они похожи на гостиную". "Я видела ее, - писала ее сестра мадам Моль (февраль 1861 г.), - незадолго до нашего приезда сюда [в Эмбли], и обнаружила, что стол накрыт, среди ее прекрасных цветов, присланных ей самыми разными людьми, с отчетами об индейцах и планами новых госпиталей". Она всегда любила цветы. Она также верила в их лечебное или, во всяком случае, утешительное воздействие на больных и изучила несколько их цветов в этом отношении.^[364] Цветы, фрукты и дичь в изобилии поставляла ей ее подруга леди Эшбертон, а также ее поклонница, леди Бердетт-Куттс. Многие из этих подарков она передавала друзьям, медсестрам и больницам. Она просила свою мать присылать зелень и цветы из страны для лондонских больниц: "Это доставляет такое удовольствие людям, которые никогда не видят ничего, кроме четырех стен". С особой заботой она относилась к монахиням из Бермондси, которые служили вместе с ней в Крымской войне. Она постоянно беспокоилась о здоровье преподобной матери, как и сестры о своем. "Я всегда молюсь за вас, - писала одна из них (ее "кардинал", сестра Гонзага), - и ваше здоровье не является заслугой моего благочестия". В ее маленьком доме всегда было несколько кошек, которых она очень любила. Мадам Моль подарила ей семью прекрасных персов, некоторые из них были желтыми и полосатыми, почти как тигры, и очень дикими. В письме к сэру Джеймсу Пэджету она, кажется, жаловалась, что больница Святого Варфоломея не вполне отвечает на

ее восхищение; тем не менее у нее был кот по имени Бартс, а также кот по имени Том. Сэр Джеймс сообщил об этом свидетельстве любви своим коллегам; но на самом деле, добавил он, "Томас - очень хвастливый парень и иногда говорит, что леди думает плохо обо всех, кроме него". Любовь мисс Найтингейл к кошкам разделял и ее отец, и многие ее письма к нему, а его к ней, переходят от проблем метафизики к менее загадочным выходкам котят.

IV

Лорд Розбери сравнил диету из синих книг с диетой из печенья крэкнел. Но мисс Найтингейл жаждала и жаждала фактов, и жаловалась на "Синие книги" только тогда, когда они не давали столько фактов и цифр, сколько можно было вместить в отведенное кубическое пространство. "Может показаться странным, - писал ей мистер Джоуэтт (11 мая 1861 года), - предлагать больной даме дискуссии о метафизике или теологии. Но я слышал, что вы все еще интересуетесь подобными предметами, и поэтому могу ли я осмелиться попытаться развлечь вас?" Далее последовал долгий разговор о свободе и необходимости и других высоких материях. Мистер Джоуэтт был правильно информирован. Не было ничего, что мисс Найтингейл нравилось бы больше, чем метафизические дискуссии. Дело не столько в том, что она находила в ней интеллектуальный контраст с проблемами практического управления, которыми она занималась в другое время, а скорее, как я уже говорил в предыдущей главе, в том, что она считала возможным достичь в области философии и религии тех же положительных результатов, которые можно получить в санитарной науке. Для отдыха она время от времени обращалась к художественной литературе. Она переписывалась с миссис Арчер Клайв по поводу сюжета *Пола Ферролла*. В другом роде ее радовали романы другой подруги. "Сегодня утром она сказала о вашей *"Руфи"*, - писала миссис Гаскелл ее кузина Хилари (6 сентября 1859 года), - "Это прекрасный роман, и я думаю, что он мне нравится еще больше, чем когда я впервые прочитала его шесть лет назад". Мы послали за *Рут*, чтобы она лежала на столе и искушала ее, и она велела мне попросить теперь *"Север и Юг"*, который она тоже читала когда-то". Мисс Найтингейл, которая в детстве была помешана на музыке, иногда находила утешение в ее прослушивании. В *"Заметках о сестринском деле"* она пишет, что "духовые инструменты, включая человеческий голос, и струнные инструменты, способные непрерывно звучать", обычно оказывают успокаивающее воздействие на инвалидов, "в то время как фортепиано и такие инструменты, которые *не имеют* непрерывного звучания, оказывают прямо противоположное действие". В октябре 1860 года был вечер, когда мисс Найтингейл получила огромное удовольствие. Клара Новелло (Contessa Gigliucci) была одной из многих женщин, в которых героиня Крыма вызывала страстное восхищение, и она умоляла разрешить ей прийти и спеть для инвалида. "Я никогда в жизни не забуду этот вечер, - писала она кузине мисс Найтингейл (26 октября), - от пережитого волнения я не могла встать с постели весь следующий день. Я никогда не помню, чтобы испытывала такие эмоции. Когда я с наслаждением целовала эти прекрасные и благословенные руки, благословенные в своих поступках и благословленные столькими людьми, и смотрела в это дорогое нежное лицо, я не могла сдерживать слез, таких слез, которые возникают, когда слышишь прекрасную мелодию или когда рассказывают о героическом поступке!" Вскоре мисс Найтингейл написала благодарственное письмо, написав, что пение "восстановило" ее, и Контесса ответила ей: "Я могу сказать с полной правдой, что Божий дар голоса никогда не доставлял мне столько удовольствия, как когда я могла петь для вас, хотя, вероятно, я никогда не пела так плохо". Контесса была гарибальдийкой, и это стало еще одним связующим звеном между ней и мисс Найтингейл, чей энтузиазм в деле итальянского единства и освобождения был давним. В 1860 году она отправила несколько подписных листов в фонды, которые были собраны в этой стране для гарибальдийского дела. Ее чеки были оплачены "Гарибальди", и

она выразила надежду, что они будут использованы для покупки оружия. "Я вполне согласна, - писала она (июнь), - с патриотами, которые говорят: "Лучше дать деньги на оружие, чем залечивать дыры, которые наделало оружие". Она часто была больше солдатом, чем медсестрой.

V

Слава мисс Найтингейл была велика в Италии, благодаря сардинскому контингенту в Крыму, и косвенно это было причиной одного из немногих случаев, когда ее барьеры были прорваны. Одна прекрасная дама, полная активности и энтузиазма в отношении Италии, во время своего визита в эту страну получила просьбу от лиц, озабоченных ее возрождением, "прислать им Флоренс Найтингейл". Леди была особенно заинтересована в "просвещении Юга", и сам Гарибальди поставил свое имя под обращением к англичанкам с призывом сотрудничать в этом большом деле. Она остановилась в отеле "Берлингтон" и, случайно узнав, что мисс Найтингейл тоже там, ворвалась к ней на . "Она хотела, чтобы я, - пишет мисс Найтингейл, описывая это вторжение, - написала половине людей в Лондоне и создала целую систему образования в Неаполе. "Вы должны написать все уставы", - сказала она, - "для школ для детей, школ для младенцев, промышленных школ, обществ обеспечения, как вы делаете это для армии". Мисс Найтингейл предположила, что могут возникнуть практические трудности; "но хотя я действительно говорила так громко и так быстро, как только могла, сомневаюсь, что она поняла хоть слово". Это интервью сильно вымотало мисс Найтингейл, и дядя Сэм был вызван, чтобы предотвратить его повторение. Однако она искренне уважала искренность своей посетительницы и написала письма некоторым итальянским друзьям об этой затее.

Случайные визиты и визиты дружеских гостей были, однако, очень редкими; большая часть ее дней в 1858-61 годах была посвящена делам, которые были описаны в предыдущих главах. Объемная переписка, литературная работа, ежедневные беседы с мистером Гербертом, доктором Сазерлендом или другими людьми по вопросам бизнеса оставляли ей мало времени и сил для встреч с другими друзьями и родственниками, а также для переписки с ними. Изредка она видела леди Эшбертон, к которой была очень привязана, чаще - другую свою дорогую подругу, миссис Брейсбридж, но та была настолько услужлива, что ее визиты можно было отнести к деловым встречам. Иногда она виделась с доктором Мэннингом, но то же самое можно сказать и о его визитах, поскольку религиозные спекуляции и филантропические предприятия были одним из дел ее жизни. Время от времени она виделась с мисс Мэри Джонс, суперинтендантом дома Святого Иоанна, но в остальное время она жила в уединении от своих друзей и поклонников.

Не менее уединенно она жила и со своими родственниками. Ее кузина, мисс Хилари Бонэм Картер, или тетя Мэй, или кузина Беатрис часто останавливались в доме, но это не означало, что они видели ее очень часто. "Я общаюсь с ней каждый день, - писала миссис Смит (январь 1861 года), - но я не видела ее, чтобы поговорить, уже почти четыре года". "Мы знаем, - писала мисс Беатрис мистеру Найтингейлу, - как вам тяжело ничего о ней не слышать, но никто не может ничего знать теперь, когда наступила изоляция от работы". Когда мисс Найтингейл решила сделать Берлингтон своей штаб-квартирой, тетя Мэй взяла на себя трудное поручение племянницы сообщить ее родителям, что, возможно, будет лучше, если впредь они, останавливаясь в Лондоне, будут ездить куда-нибудь еще. По словам тети Мэй, для здоровья Флоренс, от которого зависела ее работа, было важно, чтобы она вела уединенный образ жизни; было бы трудно отгонять случайных посетителей, если бы стало известно, что ее родители находятся с ней. Посетители могли бы прийти к ним и ворваться к ней. Соответственно, они уходили в другое место, и им приходилось вместе с другими

рисковать, чтобы их приняли или отказали. "Дорогой папа, - писала мисс Найтингейл (13 июня), - я всегда буду достаточно здорова, чтобы видеть *тебя*, пока эта смертная спираль на мне. Мистер Герберт уезжает в Спа в первую неделю июля. После этого на меня будет оказываться меньшее давление - давление разочарования в его (более чем оправданном) административном безразличии. Но июль будет позже, чем обычный транзит. Пожалуйста, передайте маме, что кувшин и носовая букет были прекрасны". И снова, несколько дней спустя: "Дорогой папа, я буду держать все воскресенье свободным для тебя. Я хотел бы видеть тебя дважды, пожалуйста, скажем, в 11½ и 3½".

Часы, проведенные со своей дочерью, были одними из самых острых удовольствий в жизни мистера Найтингейла. В одном из писем 1861 года он пишет ей: "Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus manet mansurumque est in animis.[365] Я говорю это не для пустой похвалы, но все, что я слышал у твоей постели и с твоего дивана, *manet mansurumque est in animis*. И так же я хотел бы услышать любые слова, которые я мог бы услышать из ваших уст, когда ваша активная деятельность закончится и начнется ваше пророчество". Когда отец возвращался в свой приятный загородный дом, он возобновлял общение с дочерью, обращаясь к ее "*Предложениям для размышления*": -

(Мисс Найтингейл от ее отца.) 21 июля [1861].... Я представлял вас, пока перелистывал страницы, посвященные прогрессу человека на пути к совершенству, которое так уверенно, но так медленно наступает, создавая для себя тот лучший мир, который, как он так глупо думал, будет дан ему на откуп. Была ли когда-нибудь вера в [504] "совершенный закон Любви и Добра", подобная вашей? Чем больше разочарований, чем больше страданий, тем сильнее вера. Я тоже могу полагаться на невидимую Силу; но могу ли я дать более разумный отчет о своей вере, чем тот, кто верит в Искупления, Воплощения, Откровения и так далее? Была ли когда-нибудь фраза, более верная, чем ваша: "Божий план состоит в том, чтобы мы совершали ошибки; в них я попытаюсь познать Божий замысел".[366] Я тоже целыми днями чувствую, что ошибаюсь в мыслях, чувствах или поступках, но что мне поможет? чему я *научусь*? дадут ли мне мои три с лишним года покоя жизни, проведенной в помощи другим или даже в помощи себе?... [Затем он отходит от этих размышлений, как от слишком тяжелых для него, описывает ей похождения ее любимых кошек, рассказывает о холмах и ручьях ее старого дома, надеясь, быть может, против надежды, заманить ее обратно и записывая при этом свои блуждающие мысли]. Но вы скажете: "Не говорите мне больше о моих праздных кошках; у меня достаточно забот и мыслей в другом месте. Где же мое остальное имущество? Я полагался на государственного секретаря, где он? Где мои госпитали? Где все мои многочисленные друзья, на которых я возлагал свою работу? Где мои силы? Мой ум все еще напряженно думает о неизмеримых нуждах армии, которой я служил, и я остался один, с моими физическими силами, ограничивающими меня в моей комнате". Как тщетна моя мысль о том, что здесь, если бы у вас были крылья, вы могли бы отдохнуть - у этого тихого мирного окна, за которым холмы сползают в далекую долину и умножают мои мысли, как бы унося их в Вечность. Вы будете (хотя бы мысленно) радоваться вместе со мной, пока я буду вспоминать слишком быстро ушедший день, слишком полный, возможно, ошибочных размышлений, слишком короткий для вдохновения.

Отношения между отцом и дочерью стали более близкими благодаря ее книге религиозных и философских рассуждений. Мистер Найтингейл, можно добавить, увеличил содержание Флоренс во время замужества его другой дочери. Отныне он обязывался беспрекословно оплачивать все ее счета за питание и жилье, а также выделять ей 500 фунтов стерлингов в год. Она также заработала значительную сумму на своих "*Записках по уходу*" и могла расширить масштабы своей благотворительности. Среди первых применений, которые она

сделала из своих расширенных средств было дать 500 фунтов стерлингов для улучшения школы вблизи Lea Hurst, в котором ее кузина Беатрис (которая в эти годы часто жил там с мистером и миссис Найтингейл) был очень заинтересован, особенно для санитарного улучшения, для чего она попросила своего друга г-н Чедвик пойти на визит к ее родителям и осмотреть школьные здания. По словам доктора Сазерленда, она не заботилась о своем собственном санитарном состоянии, но очень внимательно относилась к санитарному состоянию своих родственников. Когда мистер Уильям Шор Смит - "ее мальчик" прежних лет - собирался жениться и искал дом, она взяла с него письменное обещание, подписанное, скрепленное печатью и заверенное, что он не будет заключать никаких договоров, пока доктор Сазерленд не сообщит ей о стоках. Когда другой из ее кузенов должен был жениться, последние добрые пожелания мисс Найтингейл, прежде чем событие, приняли форму строгих приказов, что невеста должна надеть "толстой подошвой меховые тапочки на ее обувь в ходьбе в церковь. Скажите ей, что ничто так не угнетает дух, как сырой холод в ногах. Она будет удивляться, почему она такая низкая". Подозреваю, что здесь кроется *двойной смысл*. Мисс Найтингейл, как мы знаем, не была энтузиастом по поводу брака в абстрактном смысле. Когда позднее одна из ее младших кузин написала, чтобы объявить о своей помолвке, ответ тети Флоренс (по телеграмме) был строго неcomplimentary: "Тысяча, тысяча благодарностей за ваше письмо".

VI

Переписка мисс Найтингейл в эти годы была в основном деловой, но иногда она находила время для писем, которые знатоки этого приятного искусства считают лучшими - писем ни о чем конкретном. В этом роде, ее старая подруга, мадам Моль продолжали быть благосклонны, и эти письма редко не хватало едкий прикосновение, что их получатель наслаждался, как в этом:-.

(Мисс Найтингейл - мадам Моль.) 6 июня [1859].... Бальзак где-то говорит, что весь мир, друзья и враги, *соучаствует в наших промахах*. А я слышал, как вы заметили, что английские матери играют со своими детьми в греческий хор. Так вот, вы, философы (я ухожу со сцены философствования), придите и объясните нам, что такое английское общество, где у каждого есть какая-то маленькая моральная причина делать все, что ему нравится, где здоровье служит оправданием для пренебрежения всеми обязанностями и в то же время неспособность выполнить эти обязанности осуждается как "единственный крест", - насколько опаснее наши морали, чем наши аморальности. У всех все [506] *в обе стороны*. Когда я жил в обществе (английском), мне казалось, что в разговоре люди, особенно женщины, всегда делают одну или несколько из трех вещей:- (1) Обращаясь к самим себе: например, когда они приводят эти маленькие моральные причины, чтобы делать все, что им нравится. (2) Говоря что-то, подразумевая что-то другое. С тех пор как я начала то, что М. Моль называет моей войной против бюрократии, самый распространенный аргумент, приводимый против меня как мужчинами, так и женщинами, самыми лучшими и умными, и в течение последней недели тоже, заключается в том, что мной руководят "бесчестные льстецы" и что они надеются, что я "пробужусь к чувству своего женского долга". На самом деле они не верят, что мной руководят "бесчестные льстецы". Но они думают, что мне не понравится, если я буду *считать*, что это так. Это всего лишь анекдот (я ненавижу анекдоты, а вы?). Но это очень хорошая иллюстрация к моему пункту 2. (3) Действуя по принципу доброжелательности или скромности: как когда люди рассказывают недоброжелательную историю, а затем ее смягчают, а потом говорят: "*Мы могли бы быть и хуже*". И все это время они хотят сказать вам, какие *они* любезные и скромные, и хотят, чтобы вы поверили истории, а не ее оправданию.... Я покончил с любезностью. Это мать зла".

Может, мисс Найтингейл и "покончила с приветливостью", но она точно не покончила с живым чувством юмора. В Берлингтоне в один прекрасный день, а точнее ночь, произошла домашняя катастрофа. Гардеробная мисс Найтингейл была затоплена. Она послала характерный отчет о последующих процессах своей кухне:-.

(Мисс Найтингейл - мисс Х. Бонэм Картер.) [1861.] ... Я только что повторила Крым в небольшом масштабе. Все "выполнили свой долг", а я утонула. Но я так не доверял результатам их работы, что добился от мистера Х. еженедельного осмотра цистерны. Я действовал сам, и до сих пор никто не утонул. Мистер Х. убедил четырех человек - сэра Гарри Верни, папу, дядю Сэма и дядю Октавиуса, - которых я привел под весом, что дело в морозе и что он сделал все возможное. Затем я вызвал мистера Х., и он сразу же признал, что мороз тут ни при чем и что то, что сделали рабочие, а именно не переделали сточную трубу, было "безрассудством". Я сказал, что он оправдывается. А я отделался "сильным внутренним застоем", согласно медицинской справке. На мне лежит большая ответственность за человеческие жизни, чем когда-либо прежде на мужчине или женщине. И я объясняю свой успех вот чем: я *никогда не давал и не брал отговорок*. Да, теперь я вижу разницу между мной и другими мужчинами. Когда случается беда, я действую, а *они* оправдываются.

Хозяев можно было уломать, а слуг приходилось подкупать. Пророчица не имела чести в собственном отеле. Горничные в "Берлингтоне" не освоили элементы бытовой гигиены, изложенные в "*Заметках по уходу за больными*". Среди бумаг мисс Найтингейл есть такой документ: "16 августа 1860 года. Если в течение одной недели с этого времени я найду все двери закрытыми и все окна открытыми, и если... я выдам слугам гонорар врача, а именно одну гинею. Подпись: Ф. Найтингейл".

Отель "Берлингтон" оставался основным домом мисс Найтингейл до августа 1861 года. Дом, № 30 на Олд-Берлингтон-стрит, до сих пор стоит, и Совет Лондонского графства или Общество искусств вполне могли бы установить на нем мемориальную табличку. Ни с одним другим местом в этой стране не связано столько общественной работы мисс Найтингейл. Именно здесь она написала знаменитый отчет о своих переживаниях в Крыму, и именно здесь у нее состоялась историческая беседа с лордом Панмуром - отправная точка для великих и разнообразных реформ, которые она и мистер Герберт провели для оздоровления британской армии. Там же она написала свои "*Заметки о больницах*" и "*Заметки о сестринском деле*" - книги, которые помогли создать новую эпоху в реформе больниц и основать искусство современного сестринского дела; там же она разработала схему профессиональной подготовки, благодаря которой "соловьиные медсестры" стали известны во всем мире. Вскоре после смерти лорда Герберта в августе 1861 года мисс Найтингейл покинула Олд-Берлингтон-стрит. Она очень любила этот дом. Она не находила другого места в Лондоне, столь удобного для ее работы. Она предпочла остаться там, а не принимать королевское приглашение в Кенсингтонский дворец. Но ассоциации с Берлингтоном, как она говорила в то время многим друзьям, стали слишком болезненными. После потери своего "дорогого хозяина" она больше никогда не посещала его. Смерть Сиднея Герберта закрыла главу в жизни Флоренс Найтингейл.

Сноски:

[302] В Эйлсбери, 21 сентября 1864 года.

[303] *Nutting*, vol. ii. pp. 207-8.

[304] Выше, с. 383.

[305] Выше, с. 342.

[306] Речь по поводу резолюций лорда Эбрингтона, 11 мая 1858 г.

[307] *Заметки о госпиталях*, 1859, с. 100, 108.

[308] Заместитель военного министра, когда мистер Герберт стал пэром.

[309] Мистер Найтингейл купил Эмблей у семьи Хиткот.

[310] Старший сын Джона Бонэма Картера, упомянутого выше (стр. 29); член парламента от Винчестера; первый кузен мисс Найтингейл и миссис Гальтон.

[311] Мисс Селлон обратила ее внимание на печальную участь безработных ткачей из Спиталфилдса, а мистер и миссис Брейсбридж - на положение ткачей из Ковентри. Мисс Найтингейл с помощью мистера Брейсбриджа привлекла мистера Адсхеда к разработке плана по переселению ткачей в Ланкашир. Он и она приложили к этому делу бесконечные усилия, но затея оказалась малоэффективной. Когда дело дошло до дела, друзья мисс Селлон оказались не готовы к поездке.

[312] *A Contribution*, p. 3 (Библиография А, № 14).

[313] *Больничная статистика* (Библиография А, № 28).

[314] *Больничная статистика*. Разумеется, статистику необходимо интерпретировать.

[315] См. Библиография А, № 28.

[316] См. ниже, с. 480.

[317] Дебаты в лордах, 24 июля; основные дебаты в общинах, 12 июля 1860 г.

[318] Выше, с. 60.

[319] *Kaiserswerth*, p. 15.

[320] *Таймс*, 15 апреля 1857 года.

[321] В памфлете мистера Дж. Ф. Саута, упомянутом ниже, с. 445.

[322] *Forster's Life of Dickens*, vol. ii. p. 30.

[323] Выше, стр. 272-3.

[324] *Hospitals and Sisterhoods*. Лондон, Джон Мюррей, 1854 (2-е изд., 1855). Анонимный, но известно, что это работа мисс Мэри Стэнли.

[325] "Отчет об организации сестринского дела в лондонских больницах" (в то время и за двадцать лет до этого) в "*Британском медицинском журнале*", 28 февраля 1874 года.

[326] *St. John's House: a Record*, p. 10.

[327] См. его обращение к Абернетскому обществу в 1885 г., приведенное в *Memoir and Letters*, 1901, p. 351.

[328] *Факты, связанные с больничными сестрами.... Также наблюдения за учебными заведениями для больниц*, 1857, с. 11, 16.

[329] *A Century of Family Letters*, vol. ii. p. 174.

[330] *Saturday Review*, Jan. 21, 1860.

[331] *Hornby*, p. 306.

[332] "Глава "Уход за ребенком", - писал мистер Джоуэтт (24 августа 1868 г.), - превосходна. Мне особенно нравится скобка ("хотя он и не наш ребенок"), в которой заключен целый мир морали".

[333] Библиография А, № 32.

[334] Это высказывание записано в *"Автобиографических воспоминаниях"* К. Р. Лесли, т. I, с. 169, как сказанное леди Холланд. "О!" - сказала леди, обмахивая его веером, - "вы жили среди такого рантиполя". "Я случайно знаю, - писал Монктон Милнс мисс Найтингейл, - кто был сиделкой лорда Мельбурна".

[335] Перепечатка из *словаря* Куайна, стр. 12.

[336] *Жизнь и труд людей в Лондоне*. Заключительный том, 1903, с. 154.

[337] 50-летие этого события, не замеченного, как мне кажется, в Англии, отмечалось в Америке: см. т. II. с. 421.

[338] В состав Совета входили мистер Герберт, мистер Брейсбридж, лорд Элсмир, сэр Джошуа Джебб, сэр Джеймс Кларк, доктор Боуман, декан Херефорда, сэр Джон Макнилл и доктор Бенс Джонс.

[339] Выше, стр. 269.

[340] "Ваше письмо показалось мне, - писал мистер Герберт (22 марта), - слишком резким для данного случая". Он предложил ей другую форму выражения, которую она приняла.

[341] Это была миссис Робертс: см. выше, с. 185, 301.

[342] *Британский медицинский журнал*, 31 декабря 1892 года. Миссис Уордропер вышла на пенсию в 1887 году и умерла в 1892 году.

[343] *Британский медицинский журнал*, 31 декабря 1892 г.

[344] *Журнал "Сент-Джеймс"*, апрель 1861 года. Автор - миссис С. К. Холл.

[345] *Отчет Комитета Совета Фонда Найтингейл за год, закончившийся 24 июня 1861 года*.

[346] 11 апреля 1861 года сэр Джеймс Пэджет написал мисс Найтингейл, умоляя ее прислать ему схему, поскольку "Бартоломьюс начинает рассматривать вопрос о подготовке медсестер".

[347] *История сестринского дела*, т. ii. с. 184.

[348] Выше, с. 57.

[349] Выше, p. 119.

[350] Два письма Милля о *"Предложениях к размышлению"* напечатаны под названием "Корреспонденту" в т. I. стр. 238-242 *"Письма Джона Стюарта Милля"* (1910).

[351] *The Subjection of Women*, chap. iii. p. 144: "Одна знаменитая женщина в работе, которая, я надеюсь, когда-нибудь будет опубликована, верно замечает, что все, что делает женщина, она делает в неурочное время". Многие из того, как Милль рассматривает эту ветвь своей темы, напоминает "Предложения мисс Найтингейл".

[352] *Life and Letters of Benjamin Jowett*, by Abbott and Campbell, vol. i. p. 270.

[353] "И, возможно, среди нас есть нежная и деликатная женщина, которая чувствует, что у нее есть Божественное призвание исполнять самые отвратительные обязанности по отношению к умирающим обитателям больницы или солдату, погибающему на чужбине" (*Essays and Reviews*, 1860).

[354] В некоторых завещательных распоряжениях, сделанных в начале 1862 года, она выразила желание, чтобы "вещи" были "пересмотрены и расположены в соответствии с намеками мистера Джоуэтта и мистера Милля, но без изменения духа в соответствии с их принципами, с которыми я совершенно не согласна. Но тот, кто сделал бы это, ушел" - несомненно, это ссылка на мистера Клафа. В 1865 году она обратилась к самому мистеру Джоуэту с просьбой отредактировать для нее эти "вещи". Но он остался при своем прежнем мнении, что ее нужно полностью переделать: это, по его словам (24 апреля), "скорее подготовка или материалы для книги, чем сама книга".

[355] Выше, с. 119.

[356] Из письма к отцу.

[357] *Letters of Benjamin Jowett*, 1899, p. 245.

[358] Статья о Кавуре была опубликована в июле; о Токвиле - в октябре.

[359] О применении ее религиозных взглядов к заботе об Индии см. отрывок, цитируемый в т. ii. с. 1.

[360] В 1867 году он предложил закрыть больницу, которую ее друзья, монахини из Бермондси, открыли на Грейт-Ормонд-стрит. Они, конечно, "обратились к мисс Найтингейл". Она убедила леди Герберт ходатайствовать за монахинь, но Мэннинг не уступил, передав дело в Рим. Тогда мисс Найтингейл организовала в Риме партию на стороне монахинь. Среди ее бумаг есть обширная переписка по этому вопросу. Она одержала победу над Мэннингом в этом деле.

[361] *Letters and Memorials of Jane Welsh Carlyle*, 1883, vol. i. p. 19.

[362] Клеанф, в вольном переводе Дж. А. Саймондса.

[363] *Жизнь Джордж Элиот, рассказанная в ее письмах*, т. ii. с. 84.

[364] *Notes on Nursing*, ed. 1860, p. 88.

[365] Тацит, Агрикола.

[366] *Предложения для размышления*, т. II, с. 90.

КОНЕЦ ТОМА. I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЭРА ЭДВАРДА КУКА

ПОПУЛЯРНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕЕ.

2 vols. Crown 8vo. Кожаный переплет. Том I. Иностранные школы. Восьмое издание. 10s. net.
Том II. Британские школы (включая галерею Тейт). Седьмое издание. 10s. net.

ПОПУЛЯРНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ГАЛЕРЕЕ ТЕЙТ.

Crown 8vo. 5s.

ПОПУЛЯРНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ГРЕЧЕСКИМ И РИМСКИМ ДРЕВНОСТЯМ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ.

Crown 8vo. Кожаный переплет. 10s. net.

НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ

ИСКУССТВО БОТТИЧЕЛЛИ. Эссе по интерпретации.

Автор Лоуренс Биньон. С 23 цветными коллотипами и оригинальной гравюрой Мурхеда Боуна, подписанной художником. Ограниченный тираж 275 экземпляров. Royal 4to. £12:12s. net.

JUST SO STORIES.

Редьярд Киплинг. С иллюстрациями автора и 12 дополнительными цветными иллюстрациями Джозефа М. Глисона. 4to. 6s. net.

КНИГА ФЕЙ.

Лучшие популярные сказочные истории, отобранные и пересказанные заново автором *Джоном Галифаксом, джентльменом*. С 32 цветными иллюстрациями Уорвика Гобла. Crown 4to. 15s. net.

НОВЫЕ ТОМА ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ АНГЛИИ ОТ ВОЦАРЕНИЯ ЯКОВА II.

By Lord Macaulay. Под редакцией Чарльза Хардинга Фёрта, М.А., Региуса профессора современной истории в Оксфордском университете. С 900 иллюстрациями, в том числе 44 цветными. Унифицировано с иллюстрированным изданием *"Краткой истории английского народа"* Грина. В 6 томах. Super Royal 8vo. 10s. 6 д. нетто каждая.

ЛОЛЛАРДИЯ И РЕФОРМАЦИЯ В АНГЛИИ.

Доктор Джеймс Гейрднер, к.б.н. Том IV. Edited by William Hunt, M.A., D.Litt. 8vo. 10s. 6 д. нетто.

HUNGARY'S FIGHT FOR NATIONAL EXISTENCE: or, The History of the Great Uprising led by Francis Rakoczi II., 1703-1711.

Автор: Ладислас барон Хенгельмюллер. С предисловием Теодора Рузвельта. 8vo.

ВОСПОМИНАНИЯ.

Джордж Хеншель, муз.док. 8vo.

PICCADILLY.

Артур Ирвин Дасент, автор книги "*История Сент-Джеймской площади*". С портретами и другими иллюстрациями. 8vo.

НОВЫЕ ТОМА БИОГРАФИЙ

ЖИЗНЬ ЭДВАРДА БУЛВЕРА, ПЕРВОГО ЛОРДА ЛИТТОНА.

By his Grandson. С фотографическим портретом и другими иллюстрациями. 2 vols. 8vo.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ МОЕЙ ЖИЗНИ.

By Theodore Roosevelt. С иллюстрациями. 8vo.

Отче в Боге: епископат Уильяма Уэста Джонса, доктора философии, архиепископа Кейптауна и митрополита Южной Африки, 1874-1908.

Автор: Майкл Х. М. Вуд, М.А., покойный стипендиат Тринити-колледжа, Оксфорд, епархиальный библиотекарь Кейптаунской епархии. С предисловием В. Х. Хаттона, доктора философии, портретами и другими иллюстрациями. 8vo.

AUTOBIOGRAPHY OF MAHARSHI DEVENDRENATH TAGORE [Grandfather of Rabindranath Tagore, author of *Gitanjali*].

С предисловием Эвелин Андерхилл. 8vo.

JANE AUSTEN.

Ф. Уорре Корниш, в прошлом стипендиат Королевского колледжа в Кембридже, вице-профессор Итонского колледжа. Crown 8vo. 2s. net. [*English Men of Letters*.]

НОВЫЕ ТОМА ПОЭЗИИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТЕННИСОНА.

С примечаниями автора. Под редакцией Халлама, лорда Теннисона, с мемуарами. С портретом. Extra Crown 8vo. 10s. 6d. net.

ПЕСНИ ИЗ КНИГ.

Редьярд Киплинг. В униформе с поэтическими произведениями. Crown 8vo. 6s. Карманное издание. Fcap. 8vo. Ткань, 4s. 6d. net. Хромая кожа, 5s. нетто. *Издание de Luxe*, 8vo. 10s. 6d. net.

ПОЛУМЕСЯЦ. Child-Poems.

Рабиндранат Тагор. Переведено автором с бенгальского оригинала. С 8 цветными иллюстрациями. Pott 4to. 4s. 6d. net.

THE GARDENER: Poems.

By Rabindranath Tagore. Переведено автором с бенгальского оригинала. Crown 8vo. 4s. 6d. net.

THE SHORTER POEMS OF FREDERICK TENNYSON.

Под редакцией Чарльза Теннисона, с предисловием. С портретом. Crown 8vo. 5s. net.

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ.

By A. E. Crown 8vo.

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ НЬЮМЕНА ГОВАРДА. Crown 8vo.

POEMS OF ARTHUR HUGH CLOUGH.

С предисловием Чарльза Уибли и портретом. Crown 8vo. 7s. 6d.

ТРИСТРАМ И ИЗОЛТ.

Автор Марта Кинросс. Crown 8vo.

БАЛЛАДЫ ТЕОДОРА ДЕ БАНВИЛЯ.

Переведено на английский язык Арчибальдом Т. Стронгом. Crown 8vo.

Примечание переводчика

Сохранена оригинальная орфография и незначительные несоответствия в написании и форматировании. Несоответствующий дефис стоит как в оригинале.

В таблице ниже перечислены все исправления, внесенные в оригинальный текст.

стр. xxvi: реформы в этой стране → страна.

р 11: Хилари. Твой аффект → аффект

стр 30: почти страстная полнота → полнота

р 36: her such a fullness → fullness

р 38: and tears of ecstasy → экстаз

р 73: quite made us start → startle

р 92: They staid → stayed

р 92: die mit überfließendem → überfließendem

р 92: beherbergt" Eine → (Eine

р 132: Я пришел. Mr. → М.

р 132: Ф. Н. → Ф. Н.

р 156: исключительно под вашим контролем → контроль

р 187: Мария Алоизия, р. 17 → р. 17.

р 239: "... В первый раз → ... В первый раз

стр 259: узнать, что → узнать, что

р 367: по полному развалу → развал.

р 367: и не мог, взять → взять.

стр 416: детские больницы там → там.

стр 432: мужчины и чиновники больницы → чиновники.

р 437: OLD BURLINGTON St. → ST.

р 491: 1858-1861 → (1858-1861)

р 514: [English Men of Letters. → Письма.]